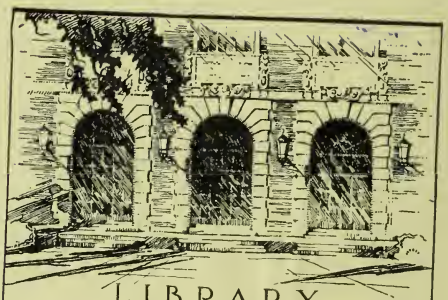
891.705
RUS
1901
no.7



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
PRESENTED BY

891.705
RUS
1901
no.7

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 8 1975
JUN 28 1975
JUL 21 1975
JUL 15 1975
JUL 21 1986

L161—O-1096

СЛЬ

ЛИ Е ИЗДАНІЕ.

I.

МОСКВА.

1901.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1901.

391.705
Rus
1901
ME.7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

I. РАЗСКАЗЫ О ПРОШЛОМЪ. Изъ автобіографіи моего пріятеля.—**С. Я. Елпатьевскаго.** *Продолженіе.* 1

II. НА РОДИНѢ.—Романъ **Анри Бордо.** Пер. съ франц.—**Н. К.** *Продолженіе.* 26

III. ВЪ ЗАБЫТОМЪ КРАЮ. (Очеркъ изъ быта ссыльныхъ). **Е. Емельянова.** *Окончаніе.* 77

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ник. А.** 98

V. ДѢТСТВО.—**Т. Ясакова** 99

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Юрія Свѣтогора** 122

VII. ДОМОЙ. Разсказъ.—**С. И. Лесскисъ** 124

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Мировичъ.** 170

IX. ДУШЕВНАЯ СЛАБОСТЬ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТВОРЧЕСТВѢ.—**Вл. Муратова.** 1

X. ИСТОРИКЪ-ПУБЛИЦИСТЪ АѲАНАСІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ЩАПОВЪ.—**Григорія Алексинскаго** 28

XI. ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ.—**А. С. Скляра** 42

XII. ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗІИ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы **Игнація Матушевскаго.** Перев. съ польск.—**В. М. Л.** *Продолженіе.* 72

XIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ. **Г. З. Елисеевъ.**—**С. Н. Кривенка** 93

XIV. НѢЧТО О «КРИТЕРІИ ИСТИНЫ». (Письмо въ редакцію).—**Ф. Берсенева.** 123

Стр.

XV. КАЗЕННАЯ ВИННАЯ МОНОПОЛІЯ.—**И. Х. Озерова** 144

XVI. КЪ РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. (Изъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ»).—**В. В. Каллаша.** 164

XVII. ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ ГУБЕРНІИ.—**Алексѣя Смирнова.** 173

XVIII. НОРВЕГІЯ.—**Т.** 187

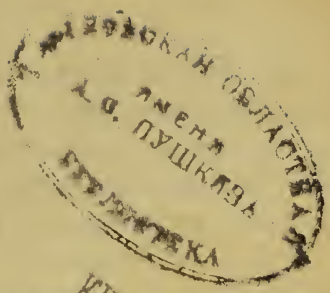
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новый заемъ.—Пора градобитій.—Здравый голосъ золотопромышленника.—Наши курорты.—Бердянскій союзъ ссудосберегательныхъ товариществъ.—Къ вопросу о реформѣ средней школы.—Къ университетскому вопросу.—Виды на урожай.—О мѣрахъ къ обезпеченію въ продовольственномъ отношеніи горнозаводскаго населенія Пермской губерніи.—Изъ жизни провинціи.—Конкурсъ на составленіе проекта памятника Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ. 200

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 230

XXI. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.—**Евгенія Чирикова** . . 238

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Философія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, біографіи.—Археологія, этнографія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтей.—II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *май*.—«Міръ Божій», *іюнь*.—III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1901 г.** 201

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1



Высочайшее повелѣніе.

Объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры. Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ дополненіе статьи 144-й Уст. ценз. (Ст. Зак., т. XIV, издан. 1890 г.) постановить:

«Первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія повременнымъ изданіемъ, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ предостереженіе вновь считается первымъ».

II. Дѣйствіе правила, изложеннаго въ отдѣлѣ I, распространить на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія настоящаго узаконенія.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта 4 іюня 1901 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

12-го іюня 1901 года.

За воспослѣдованіемъ Высочайше утвержденнаго 4-го сего іюня мнѣнія государственнаго совѣта объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ, на основаніи ст. 144-й Уст. о ценз. и печ., повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, и въ виду распространенія силы этого постановленія на изданія, получившія предостереженія до утвержденія настоящаго узаконенія, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣляетъ: освободить газеты *Биржевыя Вѣдомости, Восходъ, Русскія Вѣдомости* и журналъ *Хозяинъ* отъ дѣйствія примѣчанія къ означенной 144-й ст., примѣненнаго къ этимъ изданіямъ послѣ объявленныхъ имъ трехъ предостереженій.

Русская печать еще не испытывала въ законномъ порядкѣ такого облегченія. Будучи твердо убѣждены, что независимость печатнаго слова, въ предѣлахъ судебной отвѣтственности, является необходимостью для культурнаго государства, мы съ глубокою благодарностью принимаемъ Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта и распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ. *Русская Мысль* получила первое предостереженіе въ 1884 г. (въ особенности за *Петербургскія письма*), второе—въ 1893 г. (за статью В. А. Гольцева *Соціологія на экономической основѣ*).

Ред.

РАЗСКАЗЫ О ПРОШЛОМЪ *).

Изъ автобіографіи моего пріятеля.

VIII. Дѣдушка.

Дѣдушка—самый веселый человѣкъ въ нашемъ домѣ. Если было холодно, если большіе ссорились, если дождь нарушалъ обычную программу дня, самое превосходное дѣло было идти къ нему въ пчельникъ.

Хорошо было у дѣдушки. Пчельникъ низенькій, старый-престарый, словно грибъ, наклонился въ одну сторону. Ивы надъ нимъ росли огромныя, съ старыми вороньими гнѣздами. Сзади огороды—бабье занятіе, а предъ пчельникомъ все царство дѣдушкино.

Сначала идутъ рядами кусты со всякой ягодой — малиной, крыжовникомъ, красной, бѣлой и черной смородиной, дальше по всему саду разбрелись раскидистыя яблони, а подъ ними ульи пчелиные.

На порогѣ дѣдушка, маленькій съ рѣденькой сѣденькой бородкой клинушкомъ, съ живыми веселыми глазками, въ бѣлой холщевой рубашкѣ, подпоясанной поясочкомъ, къ которому привязанъ ключикъ отъ укладки. На лысой головѣ старенькая порыжѣлая скуфейка, изъ-подъ которой выбиваются желтовато-сѣденькіе завитки волосъ.

— А, пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ!—радостно встрѣчаетъ онъ меня.—Дѣдушку вспомнилъ! Небось, думаешь, такъ я сейчасъ меду и отвалю. Дожидайся...

— Что, дѣдинька, какъ пчела?—Я знаю настоящій подходъ къ дѣдушкѣ.

— Пчела?—переспрашиваетъ онъ.

Дѣдушка поднимаетъ голову и осматриваетъ виднѣющіеся старые темные ульи, словно желая убѣдиться, что они на мѣстѣ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1901 г.

— Ничего, пчела понче веселая,—дѣдушка что-то вспоминаетъ и говоритъ другимъ тономъ:—Кабы не Карпушка... Вредный мужикъ!

Кажется, не только на селѣ, но и во всемъ Божьемъ мірѣ у дѣдушки только и былъ единственный врагъ,—жившій противъ насъ старикъ Карпъ, Кузькинъ дѣдушка. И, повидимому, та старинная вражда между нашими домами, о которой я говорилъ, выходила именно изъ-за пчелъ. По общему мнѣнію, которое раздѣлялъ и мой дѣдушка, Карпъ *слово* зналъ, почему пчелы и водились у него на рѣдкость; и меду много носили, и роились хорошо. Противъ *слова* дѣдушка ничего не имѣлъ—дошелъ человѣкъ до точки, его счастье! Но кромѣ этого, по глубокому убѣжденію дѣдушки, Карпъ на пакости пускался и пакостилъ именно ему, дѣдушкѣ. Дѣдушкины рои какъ-то приманивалъ и огребалъ въ свою пользу, и еще хуже того дѣлалъ: напоитъ своихъ пчелъ пьяными да и натравитъ на нашъ садъ; остервенятся его пчелы и перегрызутъ нашихъ. Пчелы водились еще кое у кого въ нашемъ селѣ, но дѣдушка убѣдился, что разбойницы были именно изъ Карповыхъ ульевъ. Дѣдушка посыпалъ бѣлой муки въ лѣты и потомъ пошелъ къ Карпу въ пчельникъ, будто бы о цѣнахъ потолковать; смотритъ—летятъ Карповы пчелы, а лапки-то у нихъ въ мукѣ, тутъ онъ и отчиталъ Карпа, какъ слѣдуетъ. Какъ дѣдушка ни усмирялъ свое сердце,—нехорошо отцу духовному сердце имѣть на чадъ,—а совладѣть съ собой не могъ, больно ужъ пчелъ своихъ любилъ.

— Ахъ Карпъ! ахъ Карпъ! —бормочетъ дѣдушка.—И есть же жадность у людей!... У меня пчела, у тебя пчела, всѣмъ Богъ пропитаніе даетъ! Такъ нѣтъ вотъ, на-поди!... Ну-ка, Степа, — оживляется онъ, — наклади-ка щепы въ курильницу, что-то вонъ тамъ пчела больно вьется, гляди, роиться станетъ...

Хорошо у дѣдушки! Гудитъ пчела, вьется; въ пчельникъ иной разъ залетитъ, словно посмотрѣть, тутъ ли дѣдушка, — повьется, повьется, не полюбится ей темный пчельникъ и опять улетитъ на вольное мѣсто по своимъ дѣламъ хлопотать. Дѣдушку пчела знаетъ и не трогаетъ и насъ не обижаетъ, если мы въ пчельникѣ сидимъ или по саду ходимъ; ну, а потянулся къ яблочку надъ ульемъ, потревожилъ чѣмъ пчелу — не прогнѣвайся! А яблокъ кругомъ видимо-невидимо и самыя краснобокія надъ ульями висятъ.

Зато къ ягодѣ ходъ не заказанъ,—шмыгнешь въ кусты, наѣшься малины, смородины и опять въ пчельникъ, а дѣдушка уже кусокъ отъ коровая отрѣзалъ, медомъ намазалъ.

Это за то, что щепы набралъ. А самъ долбитъ колоду, новый

улей дѣластъ, да на меня любуется, какъ я хлѣбъ съ медомъ уписываю. Вотъ дѣдушка оставляетъ долото и поглаживаетъ спину.

— Что-то, Степа, поясница нонче болитъ у меня... Разыщи-ка жбанъ, да слетай къ бабушкѣ Спиридонихѣ,—старый, молъ, батюшка кучится, бражки, молъ... Поясницу, молъ, у него что-то прихватило...

Я геніально исполняю порученіе. Старая Спиридониха, очень почитающая моего дѣдушку, ведетъ меня на погребицу и цѣдитъ полный жбанъ густой, холодной, пѣнящейся браги.

Потягиваетъ дѣдушка брагу—и мнѣ разрѣшаетъ—и становится еще веселѣе и пріятнѣе.

Издали доносится ревъ и крики. Впереди бѣжитъ босоногая Варька, — ея вихоръ торчитъ стоймя, волосы треплются по вѣтру, — за ней бѣжитъ Даша и ковыляетъ Митя. Варька, какъ буря, пролетаетъ мимо, Даша и Митя вбѣгаютъ въ пчельникъ.

— Дѣдинька!—заливается Даша.—Варька пряникъ отняла. Маменька намъ съ Митей дала, — торопясь и захлебываясь отъ слезъ, говоритъ она,—а Варька,—дайте, говоритъ, маменька, я имъ раздѣлю—и съѣ-ѣла...

— Ахъ, шельма! — негодуетъ дѣдушка. — Ну, дѣвка!... Вотъ погодите, ребята, мы ее достигнемъ. Варька!

Варькина растрепанная голова показывается изъ-за малины.

— Подь-ка сюда! Подь-ка!

— А чего я пойду?—отвѣчаетъ Варька.—Съѣла я пряникъ—вотъ и все,—рѣшительно заявляетъ она.

— Такъ ты вотъ какъ!

Дѣдушка развязываетъ свой поясокъ съ мѣднымъ ключикомъ и бѣжитъ за Варькой. Старенькія ноги сѣменятъ мелкой рысцой, Варька съ визгомъ бросается изъ кустовъ и, сверкая пятками, бѣжитъ въ конецъ сада. Всѣ мы знали, что развязываніе дѣдушкина поясочка имѣетъ только символическое значеніе, тѣмъ не менѣе преслѣдуемый всякій разъ считалъ нужнымъ улепетывать во всѣ лопатки и визжать во все горло.

— Ахъ, воръ-дѣвка! — говоритъ, задыхаясь, возвращающійся дѣдушка.—Ну дѣвка! Погоди, ребята, вотъ я вамъ меду дамъ, а ей шишъ съ масломъ. Увидитъ она, что вы медъ ѣдите, а подойти-то не посмѣетъ!

Варькинъ глазъ выглядываетъ изъ-за смородины.

— Ужъ такого ли я вамъ меду дамъ,—растягиваетъ дѣдушка.—Ужъ та-а-акого ли ме-еду... Отъ молодого роя, — сла-а-адкій, пресладкій...

Надъ смородиной поднимается вся Варькина голова. Варька становится на цыпочки и заглядываетъ внутрь пчельника.

— А это по правдѣ?—возвышаетъ она голосъ.—Маленькіе,—маменька говоритъ... А я развѣ большая? На той недѣлѣ имъ баранки, а мнѣ нѣтъ?—она нѣкоторое время молчитъ и снова взываетъ:—Дѣ-ѣдинька! А дѣдинька! Я не бу-уду...

Варька кукситъ глаза и дѣлаетъ удрученное виной лицо.

— Вотъ она, разбойница, гдѣ объявилась... — удивляется дѣдушка. — Медъ-то увидала, такъ не буду! Иди, я тебѣ вихоръ-то надеру.

Варька нѣкоторое время колеблется. Но потомъ съ отчаянной рѣшимостью выходитъ изъ кустовъ и подставляетъ дѣдушкѣ свой вихоръ.

Дѣдушка легонько треплетъ за вихоръ, причемъ Варька мѣрно мотаетъ головой и считаетъ долгомъ хныкать въ то время, какъ глаза ея разсматриваютъ бѣлые соты меда, лежащіе на лоткѣ.

— Не моги другой разъ, не моги, не моги... — приговариваетъ дѣдушка.

Миръ возстановленъ, мы уписываемъ хлѣбъ съ медомъ, а дѣдушка смотритъ на насъ и улыбается, весь улыбается, — и бородка его сѣденькая, и веселые лукавые глазки, и лысина, выглядывающая изъ-подъ сдвинувшейся на затылокъ скуфейки.

— И въ кого ты, Варька, уродилась?—соображаетъ дѣдушка.—Отецъ у тебя смирный, мать смирная, а ты вонъ какая разбойница вышла...

Варька доѣдаетъ кусокъ, взглядываетъ исподлобья и коротко отвѣчаетъ:

— Въ дѣдиньку.

Глаза дѣдушки становятся совсѣмъ маленькими, беззубый ротъ открывается и сѣденькая бородка долго трясется, а на лысинѣ выступаетъ потъ.

— И то видно въ дѣдиньку...—отдыхая отъ смѣха, говоритъ онъ.—Ухъ, востеръ я, ребята, махонькій-то былъ!...

Усядемся мы въ кружокъ, а дѣдушка начнетъ сказки разсказывать,—все веселыя, смѣшныя сказки: какъ Топтыгинъ-государь по лѣсу похаживаетъ, порядки налаживаетъ, какъ лисица-воровка дуралѣя-волка обхаживаетъ, какъ мудрый Котъ Котафеичъ во всѣхъ дѣлахъ исхитряется... А то про старыя времена разсказывать примется: какъ французъ Москву палилъ и нашу сторону въ полонъ взять хотѣлъ, да дѣдушка Дормидонъ отстоялъ, и какъ тогда эта самая Спиридониха — молодая дѣвка была — отличилась... Даша про-

ситъ разсказать про Іосифа Прекраснаго—исторію, которую дѣдушка никогда не отказывался разсказывать, а мы не уставали слушать.

Митя засовываетъ палецъ въ ротъ, давно капаютъ слезы изъ глазъ Даши, Варька, обхвативши руками колѣна, расширенными сѣрыми глазищами, не отрываясь, смотритъ въ дѣдушкинъ ротъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ братья приносятъ отцу окровавленныя одежды Іосифа, Варька прерываетъ дѣдушку.

— Я дѣдинька не буду... Вотъ-те хрёстъ, не буду!—Она энергично крестится.

— Чего не буду?—удивляется дѣдушка.

— Отнимать у нихъ... — Варька указываетъ глазами на Дашу и Митю.

Раскаяніе Варьки, какъ все, что она дѣлаетъ, вырывается бурно. Ея брови сдвигаются, глаза суживаются и темнѣютъ, она становится похожа на бабушку.

— Глазыньки мои лопни... Провалиться мнѣ скрозь землю...

Варька изъявляетъ готовность пожертвовать своей утробой и дѣлаетъ еще нѣсколько рискованныхъ предложеній, но дѣдушка и безъ клятвы знаетъ, что Варькино слово крѣпкое и надежное.

Снова тянется длинная трогательная исторія Іосифа Прекраснаго. Дѣдушка обопрется руками въ колѣна, опуститъ голову и сдѣлается такимъ маленькимъ и старенькимъ, и скуфейка покачивается, и все говоритъ дѣдушка трогательнымъ голосомъ, своимъ удивительнымъ, проникающимъ душу голосомъ.

. . . . . .

Не одни мы ходили къ дѣдушкѣ въ садъ. Бывало забѣжишь, сидитъ у него на порогѣ старикъ, такой же старый, какъ дѣдушка, о дѣлахъ своихъ семейныхъ совѣтуется.

— Побѣгай-ка, Степа,—скажетъ дѣдушка.

И молодые захаживали къ нему съ своими молодыми дѣлами.

Помню, одно время часто ходилъ къ нему изъ Жеребьевки молодой мужикъ Ларивонъ съ женой Натальей. Стоитъ Ларивонъ передъ дѣдушкой съ своими безучастными, остановившимися глазами и изрѣдка роняетъ тихія слова глуховатымъ голосомъ. Говоритъ онъ, что, кабы не родители, и не женился бы онъ; съ малыхъ лѣтъ изъ міра уйти хотѣлъ, Богу потрудиться... И Наталью какъ бралъ, сказывалъ ей. А съ той поры, какъ ребенокъ у нихъ померъ, совсѣмъ затосковалъ онъ, отвратило его отъ мірской и плотской жизни. Любезна ему Наталья, говорилъ онъ, но не можетъ онъ больше жить въ законѣ, видитъ онъ сны зовущіе и на яву все обитель тихая мерещится...

А рядомъ стояла красивая, пышная Наталья и горько плакала о своемъ погибающемъ женскомъ счастьи... Приходила она и одна къ дѣдушкѣ и жаловалась, что вся душа ея изныла, что не жилица она на свѣтѣ безъ Ларивона, и падала она дѣдушкѣ въ ноги и просила его помолиться Богу, чтобы онъ оставилъ ей Ларивона, не звалъ бы, не бралъ бы его къ себѣ...

Долго Ларивона отговаривалъ дѣдушка—не любилъ онъ монастырей,—но отговорить не могъ. Вышло совсѣмъ по другому,—Ларивонъ нашелъ какія-то слова для Натальи, они вмѣстѣ ушли изъ міра, она въ нашъ ближайшій женскій монастырь, а онъ верстъ за сто къ тому святому, котораго особенно почиталъ въ нашихъ мѣстахъ.

Съ какими нуждами ни обращались къ дѣдушкѣ! Я помню, какъ онъ бѣсовъ изгонялъ. «Стараго крутогорскаго батюшку» знала вся округа и всѣмъ было извѣстно, что *это* дано ему. Случалось, что одержимыхъ везли къ нему за тридцать и за сорокъ верстъ и даже изъ другихъ уѣздовъ.

Все больше бабы были... Угонятъ мужа въ солдаты, ребеночекъ помретъ, особенно если первенькій, молоко бросится въ голову, а то и просто лихой человѣкъ по злобѣ напуститъ, и вселится въ бабу бѣсъ и кричитъ изъ нея дикими голосами, уговариваетъ въ прорубь броситься, либо вожжи мертвой петлей вокругъ шеи затянуть, а иной разъ и ножъ въ руку суётъ.

Много приходилось видать ихъ въ церкви. Стоитъ сначала баба, какъ баба, только ужъ видишь—блѣдная изъ себя и вся дрожитъ. Какъ запоютъ херувимскую, такъ и закричитъ изъ нея бѣсъ. А особенно передъ причастіемъ, когда въ алтарѣ съ шумомъ задернется завѣса и въ церкви сдѣлается такъ тихо и такъ страшно и всѣ знаютъ, что тамъ за завѣсой дѣлается что-то огромное и таинственное,—вотъ тогда всѣ бабы, въ комъ сидитъ бѣсъ, одна за другой закричатъ, упадутъ на полъ и станутъ биться, а изо рта пѣна клубомъ пойдетъ...

Дверь въ горницу къ дѣдушкѣ затворяется, а мы собираемся въ кухнѣ и не дышимъ, слушаемъ, нѣтъ-нѣтъ и въ щелку заглянемъ.

Идетъ баба въ горницу, упирается, двое-трое ведутъ, иной разъ волокомъ тащатъ. Накроетъ дѣдушка эпитрахилью бабу, положитъ ей на голову свою руку и начнетъ молитвы читать своимъ дрожащимъ трогательнымъ голосомъ. Когда дѣдушка къ бѣсу подступитъ, осердится, заговоритъ строгимъ голосомъ, а мы волнуемся, слушая, какъ дѣдушка *его* отчитываетъ.

«...Или, самъ еси Вельзевулъ, или зміевидный, или звѣроличный, или яко пара, или яко птица, или нощеглагольникъ»... «Или

во снѣ тяжцѣ, или въ недугѣ, или въ язвѣ»... «Или любонеистовый, или звѣздоволхвуяй, или домоволшебникъ»... «Или съ мѣсяцемъ премѣняяйся, или утренній или полуденный или полунощный»...

Все вычитываетъ дѣдушка.

«...Или по случаю срѣтился еси, или отъ кого посланъ еси, или нашелъ еси внезапу, или въ мори, или въ рѣцѣ, или изъ кладезя, или отъ стремнины, или отъ рова, или отъ езера, или отъ трости»...

Съ бьющимися испуганными сердцами слушаемъ мы, какое множество *ихъ* по свѣту ходитъ.

«...Или отъ скверны, или отъ луга, или отъ лѣса, или отъ древа, или отъ птицъ, или отъ грома, или отъ покрова баннаго»... «Или отъ знаемыхъ, или отъ незнаемыхъ, или отъ непосѣщаемаго мѣста»...

«Убойся,—строго взываетъ дѣдушка,—умолкни, бѣжи, бѣжи, не возвратися»... «Но отыди въ землю безводную, пустую, не дѣланную, на ней же человѣкъ не обитаетъ»...

Бьется баба подъ эпитрахилью, кричитъ источнымъ голосомъ, а дѣдушка все читаетъ молитвы, все мягче и ласковѣе. Станетъ баба затихать понемножку, прошибетъ ее слеза и примется она плакать горько-горько, а потомъ и въ свое чувство придетъ.

Очень намъ жалко бываетъ послѣ этого дѣдушку. Трудно ему бороться съ бѣсомъ, идетъ онъ изъ горницы по саду, пошатывается, голова въ скуфейкѣ качается, весь онъ ослабѣетъ и придетъ въ пчельникъ,—сейчасъ же спать ляжетъ. И тутъ ужъ мы его не тревожимъ.

Далеко шла слава о дѣдушкѣ. Привозили къ нему и мужиковъ, которые по десяти лѣтъ на цѣпи прикованные сидѣли, и ребятъ малыхъ, которыхъ на новый мѣсяцъ корёжило, но больше всего бабъ одержимыхъ было и больше ихъ вылѣчивалъ дѣдушка.

Какъ-то не считали мы, дѣти, дѣдушку за взрослаго. И не потому, что не раздавалъ онъ намъ подзатыльниковъ, что считалось не только привилегіей, но и обязанностью всѣхъ взрослыхъ: очень ужъ входилъ онъ въ наши дѣтскія дѣла, а главное всегда съ нами веселъ былъ, смѣялся, шутки шутилъ, что, по нашему мнѣнію, взрослому человѣку совсѣмъ не подобало. И самъ дѣдушка, повидимому, больше причислялъ себя къ нашей компаніи, чѣмъ къ взрослымъ. Тамъ, въ горницѣ, когда обсуждались важныя дѣла или пріѣзжали гости и велась чинная бесѣда, дѣдушка все, бывало, поглядывалъ, какъ бы потихоньку убраться къ себѣ въ пчельникъ, и если никакъ нельзя было, скоро начиналъ покачивать головой и похрапывать; съ нами же, дѣтьми, онъ готовъ былъ сидѣть цѣлыми днями. И все находились у него слова для насъ и прибаутки и веселые разсказы, и съ

нами онъ почти не употреблялъ своего «тово-этово, какъ бишь его называется», какъ привыкъ онъ говорить тамъ, въ горницѣ.

Дѣдушка былъ самый незамѣтный человѣкъ въ домѣ, его не видно и не слышно было и въ домашнія дѣла онъ почти вовсе не мѣшался. Онъ и раньше, впрочемъ, настоящимъ хозяйствомъ мало занимался и все дѣло вела бабушка. Человѣкъ онъ былъ слабосильный, ни пахать, ни косить не годился и съ молодыхъ лѣтъ сталъ разводить садъ, ухаживать за пчелами, которыя, впрочемъ, и при дѣдушкахъ велись. Съ утра уходитъ онъ въ садъ и весь день хлопочетъ около пчелъ, вокругъ яблонь копается, кусты разсаживаетъ. Зато придетъ дѣдушка домой—и всѣмъ какъ-то веселѣе станетъ.

— А ну-ка, Тимоѳей, скажетъ, самоварчикъ бы наладить. Что-то будто животъ у меня не совсѣмъ...

А отецъ и радъ. Кажется, ему самоваръ ставить и то доставляло удовольствіе. Живой рукой нащиплетъ лучины, самъ не отходитъ, раздуваетъ. А за чаемъ всегда веселье и всѣ какъ-то подобрѣютъ. Дѣдушка шутки шутитъ, мать смѣется, и большіе рыжіе усы отца шевелятся.

Увидитъ дѣдушка на комъ-нибудь изъ дѣвочекъ новое платье, похвалитъ мать.

— Вотъ хорошо, Михайловна, платьице-то срядила! Что замарашками-то водить, тово-этого, чай не перестарки онѣ. Поѣдемъ Тимоѳей въ городъ, тово - этово, денегъ дамъ—и Дашѣ сшей. Да баранокъ давно ребятамъ не брали.

И нарочно говоритъ, чтобы бабушка слышала. Бабушка сердится, а говорить ничего не можетъ. Какъ никакъ всетаки онъ глава дома, и по дѣдушкинымъ преданіямъ не велось такъ, чтобы при дѣтяхъ жена мужу перечила.

— Былъ баловникъ и есть баловникъ!—уклончиво скажетъ она.

Ежели бабушка въ хорошемъ расположеніи духа, дѣдушка и дальше пойдетъ.

— Эка ты, старуха, непосѣдливая, все-то не по тебѣ... Чать имъ жить, а не намъ съ тобой, тово-этово. Помрешь, все одно своимъ разумомъ приведется жить, не твоимъ...

— Ну, вотъ помру и пущай живутъ, какъ знаютъ...—только и отвѣтитъ бабушка, а спорить не будетъ.

Хотя бабушка всегда верховодила въ домѣ, но старинную политику соблюдаетъ строго, и если дѣло семейное, хозяйственное, важное, всегда, бывало, скажетъ:

— Какъ Лукьянъ Савельичъ разсудитъ, онъ большой.

А дѣдушка разсудитъ, какъ бабушка ему скажетъ.

— Чего ужъ, Тимоѳей... Самъ не махонькій... Ты добытчикъ...

Мать мою дѣдушка очень любилъ и всегда заступался за нее, быть можетъ, и потому, что самъ онъ былъ пришлецъ въ этотъ неласковый крутогорскій домъ и также мало подходилъ къ суровому строю его.

Дѣдушка былъ низкаго происхожденія, крестьянскаго рода изъ дальняго глухого села. Еще отецъ его, бобыль и церковный сторожъ, былъ крѣпостнымъ господъ Жучковыхъ и дѣдушка совершенно случайно попалъ въ духовное званіе только потому, что архіерей при объѣздѣ епархіи обратилъ вниманіе на шустраго мальчика и помѣстилъ его въ духовное училище. Мать тоже очень любила дѣдушку и говорила намъ впослѣдствіи, что если бы онъ сразу не взялъ ее подъ свое покровительство, ея жизнь въ Крутыхъ Горахъ въ первые годы замужества была бы прямо невыносима.

И за насъ вѣчнымъ заступникомъ былъ онъ. Начудотворитъ Варька, замѣтитъ дѣдушка, что гроза надъ ней собирается, и уведетъ ее съ собой.

— Ну-ка, скажетъ, Варюха, пойдемъ кусты подвязывать,—и никто ужъ Варьку изъ-подъ дѣдушкина крыла не тронетъ.

Бываютъ люди, которые занимаютъ, повидимому, самое маленькое, самое узенькое мѣстечко въ жизни и все жмутся къ сторонкѣ, чтобы кому-нибудь не тѣсно было отъ нихъ, и только когда такой человѣкъ умираетъ, окружающіе начинаютъ понимать, какъ онъ нуженъ былъ всѣмъ и какое огромное пустое мѣсто остается послѣ него.

Такъ случилось и съ дѣдушкой.

Мы ужинали. Дѣдушка сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ подъ образами и что-то ѣлъ. Вдругъ онъ началъ смѣяться и заговорилъ быстро-быстро и ложка странно запрыгала въ его рукѣ и расплескалась, а глаза уставились въ одну точку. «Рои, рои, рои... ро, ро... твердилъ онъ, послышались безсвязныя хриплыя слова и потомъ онъ заплакалъ, лицо сморщилось и перекосилось и, тихо опускаясь, повалился онъ на колѣни сидѣвшей рядомъ бабушки. Въ ту же ночь и померъ дѣдушка.

Плакали мы, дѣти, горько плакала мать, осунувшійся за ночь отецъ тяжело вздыхалъ, но больше всѣхъ горевала бабушка. Она какъ-то сгорбилась и постарѣла, сама обмыла дѣдушку, сама надѣла на него давно приготовленный саванъ и цѣлыми часами не отходила отъ гроба.

— На кого ты покинулъ меня, Лукьянъ Савельичъ?—причитала она по-старинному.—На кого меня горькую оставилъ? Съ кѣмъ я буду

думу думать, горе горевати? Пропало мое солнышко красное, закатился мѣсяцъ ясный...

Всплеснетъ бабушка руками, припадетъ къ гробу и заплачетъ горько-горько, а потомъ опять причитать станетъ.

— Шли мы путемъ дорогой-разминулися... Почто ты покинулъ меня во темномъ лѣсу? Что не аукнешься, не откликнешься, свѣтикъ ты мой Лукьянъ Савельичъ! Не увижу я взора твоего яснаго, улыбки твоей ласковой... Кто меня на путь выведетъ, дорогу покажетъ? Кто меня, глупую, уму-разуму научитъ?

Жизнь свою съ дѣдушкой вспоминать начнетъ.

— Не видала я отъ тебя слова гнѣвнаго, слова браннаго, ни попреку единаго, ни голоса сердитаго...

А въ головахъ стоитъ отецъ и читаетъ молитвы надъ дѣдушкой и капаютъ слезы на широкую отцовскую бороду.

Казалось, одинъ дѣдушка оставался веселымъ. Въ вѣнчикѣ мягкихъ сѣденькихъ волосъ съ застывшей на губахъ улыбкой смотрѣло блѣдное, какое-то дѣтское личико, по-дѣтски кроткое и ласковое, а полуоткрытый глазъ, казалось, смотрѣлъ на насъ и дивился, зачѣмъ это всѣ плачутъ кругомъ.

Отнесли дѣдушку къ зеленымъ елямъ и положили на мѣсто, которое онъ самъ выбралъ, рядомъ съ дѣтскими могилками съ краю, у самой ограды, куда солнце свѣтило, откуда поле широкое видно.

Кажется, никогда не видѣли Крутыя Горы такого множества народа, какъ на похоронахъ дѣдушки. Съѣхались священники и родня, собравшійся со всей округи народъ не могъ помѣститься въ церкви и наполнилъ ограду и густой толпой стоялъ передъ папертью. Когда показался гробъ изъ церкви, много народу пало на колѣни, а бабы плакали.

А потомъ прошелъ по селу слухъ,—баушка Спиридониха сама видѣла,—когда дѣдушку въ могилу опускали, взвился бѣлый голубь надъ кладбищемъ и пропалъ... И на дѣдушкину могилу стали возить одержимыхъ и служить панихиды.

Опустѣлъ нашъ домъ. Покинутый пчельникъ и каждое деревцо въ саду напоминали намъ, дѣтямъ, о дѣдушкѣ, часто вспоминали объ немъ отецъ и мать, но больше всѣхъ смерть его отразилась на бабушкѣ. Дрогнулъ домоправительскій жезлъ въ крѣпкихъ рукахъ бабушки. Она стала болѣе молчаливой, больше молилась, часто ходила на кладбище, меньше кричала на новые порядки. Дворъ и огородъ постепенно отходили къ матери и только двѣ привилегіи бабушка неизмѣнно сохраняла для себя,—стоять у печки и стряпать обѣдъ, да подавать въ окошко милостыню, причемъ она стала прибавлять:

— За упокой души раба Божьяго Лукьяна...

А потомъ сталъ меркнуть свѣтъ въ глазахъ бабушки. Долго никто не замѣчалъ этого. Я помню сцену. Бабушка была въ кухнѣ и не видѣла меня. Придвинувшись къ самому окну, она нѣсколько разъ пыталась вдѣть нитку въ иголку и я увидѣлъ, какъ опустились у ней руки, и заплакала суровая бабушка.

А потомъ выпалъ и ухватъ изъ ея рукъ и началась для нея долгая темная ночь и остались бабушкѣ только милостыня, да дѣдушкина могила, да молитвы, да долгія думы, да тяжкіе вздохи.

Казалось, со смертью дѣдушки что-то порвалось, пошатнулось, умерло въ нашемъ домѣ, и въ наши старыя стѣны сильнѣе и сильнѣе билась новая жизнь, новые порядки, обычаи.

И все громче и громче, какъ шумъ набѣгающей волны, доносился до Крутыхъ Горъ слухъ о близкой волѣ, о новой долѣ.

А на селѣ долго вспоминали о дѣдушкѣ и много разсказовъ о его жизни приходилось мнѣ слышать. Одинъ изъ нихъ особенно живо сохранился въ моей памяти.

— И страшенъ годъ былъ, Степа! Дѣды и прадѣды не запомнятъ...—разсказывалъ мнѣ Антонъ-баба. Страшный годъ у всѣхъ былъ въ памяти и мнѣ часто приходилось слышать про него.

— Давно было, еще отецъ твой въ семинаріи учился. Снѣга зимой были мелкіе, весной рѣки чуть разлились. И пошли тутъ жары, да сушмень,—ни дождичка, ни росъ. Попрыскало какъ-то разъ за весну и все тутъ.

Трава посохла, деревья словно варомъ сварило, да еще червь напалъ,—остатки доѣлъ въ чистую; рѣки высыхать стали, у насъ только въ одномъ бочагѣ вода и осталась, рыба дохла. Поганое болото и то пересохло,—лѣтомъ пѣшкомъ скрозь ходили. Ни ягоды, ни гриба, на поля не глядѣлъ бы,—по округѣ рожь на кормъ скоту косить стали. А тутъ лѣсъ горѣть зачалъ, солнышка не видать, застлало дымомъ, дышать тяжко. Пошла по народу смута, странники сказанія сказывали. Бѣгаетъ будто человѣчекъ махонькій—съ зайца, гдѣ пробѣжитъ, тутъ и посохнетъ.

И надумали, братецъ ты мой, всѣмъ приходомъ иконы поднять, молебствіе съ водосвятіемъ на поляхъ сдѣлать. Къ дѣдушкѣ твоему. А онъ и говоритъ:

— Дѣло, говоритъ, православные, это хорошее, только съ чистыми душами подходить надо. Давайте, говоритъ, исповѣдуемся всѣ, да причастимся сперва. Такъ и сдѣлали, велѣлъ онъ наканунѣ вымыться и бѣлыя рубахи надѣть, исповѣдались всѣ,—и самъ у Бого-

явленскаго попа исповѣдался,—а на другой день и причастилъ всѣхъ за обѣдней. Подняли иконы послѣ службы и тронулось все село въ поля. Знаешь, за гамазеей у дуриловскаго-то лѣса дороги расходятся,—ну вотъ тутъ и служили. Какъ-то дымъ прошелъ маленько, небо ясное, ни облачка, солнышко жаркое печетъ, тишь кругомъ, кажется, всякое слово, что дѣдушка твой служилъ, далеко слышно было. А я чашу несъ, рядомъ съ дѣдушкой стоялъ... Только сталъ онъ крестомъ воду крестить, смотрю я, что-то на руку мнѣ капнуло. Поглядѣлъ на небо,—чисто кругомъ; ну, думаю, изъ чаши плеснуло. А потомъ вдругорядь въ самую маковку угодило и еще разъ и еще... Смотрю я на народъ,—дрогнули православные, а капли шлепаются словно по орѣху, пыль поднимаютъ, слышно какъ объ каменную-то землю стучатъ.

Палъ тутъ народъ на колѣни и завопили всѣ—и мужики и бабы и дѣти малыя. А дождикъ все шибче, да шибче. Дѣдушка твой тоже на колѣни палъ, крестъ-то въ рукахъ, а молитву читать не можетъ, самъ въ три ручья плачетъ. Старикъ Каллистратъ—понамарь живъ еще былъ, рядомъ со мной стоялъ,—тоже реветъ, лбомъ въ землю тычется.

Недолго въ ту пору дождикъ шелъ, пересталъ. Двинулись домой, отошли можетъ съ полверсты и поднялась тутъ съ солнечнаго восхода туча—сила черная, страшная, полнеба обняла, солнышко закрыло, темно стало на землѣ какъ ночью и пошелъ тутъ дождь...

И пошелъ, тутъ, братецъ ты мой, до-о-ождь!... А народъ въ избы идти не хочетъ,—такъ посередь села супротивъ церкви сгрудились, какъ овцы, и стоятъ. А дождикъ-то поливаетъ... А дождикъ-то поливаетъ.

. . . . . .

— Да, была благодать Божія!... рѣки вздулись, словно въ половодье, напоилъ Господь землю досыта. Травка выглянула, деревья повеселѣли, поля вздохнули, пожары прикончились, грибъ пошелъ всякій. Рожь чуть поправилась,—опоздали мы маленько иконы-то поднять, только на сѣмена и собрали. За то овсы налились стѣна стѣной, гречиха, горохъ, рѣпа, огородина всякая—на рѣдкость! Только нашимъ приходомъ и прошла туча, да еще богоявленскіе мужики маленько попользовались.

Ахъ и страшный годъ былъ, Степушка! Что нищихъ-то было! Такъ деревнями и ходили. Рабята малые чуть плетутся, бывало; старики, которые постарше, помирать стали... И со всей округи—къ намъ; только бывало и слышишь цѣлый день: «батюшки-матушки милостыньку Христа ра-ади!»

Вся округа въ ту пору за батюшку-то, за отца Лукьяна-то, молилась. Спасибо и тутъ надоумилъ. Какъ убрались съ хлѣбомъ, собралъ онъ сходъ и говоритъ міру:

— Такъ и такъ, православные, явилъ намъ Господь Богъ милость великую,—никому не въ примѣръ... Надо, говоритъ, Его благодарить или нѣтъ?

Извѣстно міръ:

— Какъ не благодарить!

Ну и говоритъ потомъ:

— Ежели бы не Его особливая милость, были бы вы теперь сыты, али ходили бы съ сумой по окошкамъ стучаться, какъ другіе прочіе?

— Извѣстно какъ прочіе,—говоритъ міръ.

— Какъ вы, значитъ, теперь насчетъ своего хлѣба понимаете? Вы его заработали, али Богъ вамъ далъ?

— Понимаешь,—замѣтилъ Антонъ,—какую линію-то онъ велъ?

— Божій хлѣбъ нонѣшній,—заговорилъ народъ,—Божій!

— А коли, говоритъ, Божій, такъ и продавать его нельзя,—на Божьи дѣла и идти долженъ.

Тутъ же міромъ и порѣшили,—у кого старыя скирды есть, или къ примѣру въ амбарахъ отъ прежнихъ годовъ осталось—тотъ воленъ продавать, а что въ это лѣто уродилось, на полушку продавать заказано.

Никому отказу не было. Можно сказать, вся округа отъ насъ кормилась,—и овесъ, и гречиху, и ячмень—все на муку смололи, хлѣбомъ раздавали, лепешки пекли. А самъ дѣдушка-то твой и старое, и новое—большіе у васъ отъ прежнихъ годовъ скирды стояли—все пустилъ онъ по православнымъ. Точила ужъ его бабушка-то твоя—ничего сдѣлать не могла. А глядя на него, кое-кто изъ крестьянъ, кто подобрѣе да посправнѣе былъ, тоже старые запасы перемололи, да по православнымъ пустили.

И сыты были,—закончилъ Антонъ,—и деньгу зашибли, и потому всетаки старое распродали, а цѣны стояли—не приведи Господи! Вотъ онъ какой человѣкъ, дѣдушка-то твой! Будетъ теперь заступникъ и у насъ, крутогорскихъ, предъ престоломъ Божіимъ!

IX. Праздники.

Въ концѣ улицы показывается бѣлая лошадь, подаренная богоявленскому батюшкѣ о. Платону барыней генеральшей Солтухиной, когда-то заводская, дорогая лошадь, теперь старая и унылая съ длин-

нымъ, тощимъ тѣломъ и острыми лопатками, называвшаяся почему-то «Невѣста». Въ высокой одноколкѣ, въ которую запряжена «Невѣста», возсѣдаетъ самъ о. Платонъ,—это значитъ, что у насъ дѣйствительно праздникъ. О. Платонъ жилъ въ пяти верстахъ отъ насъ въ богатомъ селѣ Богоявленскомъ, онъ приходился бабушкѣ двоюроднымъ племянникомъ, въ качествѣ родственника никогда не пропускалъ нашего храмового праздника и всегда являлся первымъ.

Какъ я помню второй Спасъ, котораго мы задолго начинаемъ ждать, какъ помню эти праздники,—большіе, шумные, старинные праздники, когда былъ живъ еще дѣдушка!

Не спѣша слѣзаетъ о. Платонъ съ своей высокой одноколки, привязываетъ «Невѣсту» къ частоколу, оправляетъ свою рясу, расчесываетъ въ передней толстымъ поповскимъ гребнемъ бороду и жидкіе волосы и потомъ уже входитъ въ горницу.

— Тетенька Прасковья Кузьминишна! Дяденька Лукьянъ Савельичъ! Братецъ Тимофей Лукьянычъ! Сестрица Надежда Михайловна!

Со всѣми онъ трижды цѣлуется, причемъ бабушка, мать и мы, дѣти, предварительно подходимъ къ нему подъ благословеніе. О. Платонъ всѣхъ насъ, дѣтей, помнитъ и всѣмъ говоритъ какое-нибудь ласковое слово.

— Дѣвицы-то у васъ, Надежда Михайловна, растутъ на украшеніе родительскаго дома!

— Ну какъ, Степа—удерживаетъ онъ меня—не бойсь, скоро за склады засадятъ: азъ—ангелъ, буки—Богородица... И при этомъ прибавитъ какую-нибудь сентенцію вродѣ: «Корень ученія горекъ, плоды его сладки» или: «Наука юношей питаетъ, отраду старымъ подаетъ».

Говорилъ о. Платонъ, растягивая слова, плавнымъ, медоточивымъ теноркомъ, всѣ его движенія были мягки и медлительны и весь онъ—лысый, съ влажными глазами, съ полнымъ рыхлымъ тѣломъ, былъ какой-то круглый, пухлый и мягкій.

Выраженія онъ любилъ книжныя и уснащалъ рѣчь замысловатыми оборотами и почтительными эпитетами: «въ разсужденіи чего», «касательно вышеизложеннаго», «его высокопревосходительство генералъ-аншефъ Илліодоръ Артемьевичъ Солтухинъ», «его высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій о. протоіерей» и все въ такомъ родѣ. Матеріи для разговора любилъ выбирать важныя,—о генералахъ, объ архіереяхъ, о царяхъ и говорилъ соотвѣтствующимъ высокимъ слогомъ, низкихъ же матерій и низкаго слога не любилъ. Онъ могъ говорить цѣлыми часами и рѣчь его лилась, какъ ручей, а мой отецъ только вздыхалъ и говорилъ послѣ въ семьѣ:

— Богатая словесность у о. Платона!

— Говорѣкъ...—подтверждала бабушка.—Въ матушку Олёну Митревну. Востра была на языкъ сестрица-покойница.

О. Платонъ былъ франтъ и щеголь. Онъ пріѣзжалъ въ зеленой или лиловой шерстяной рясѣ, кушакъ, которымъ было стянуто полукафтанье, былъ вышитъ не огурцами, какъ было принято у причетниковъ, дьяконовъ и бѣдныхъ священниковъ, а цвѣтами и букетами, иногда и бисеромъ. Всѣмъ было извѣстно, что у о. Платона была подаренная генеральшей шелковая ряса, что по тѣмъ временамъ составляло большую роскошь даже для городскихъ священниковъ. Волосы онъ смазывалъ помадой Мусатова, а не масломъ изъ лампадки, и платокъ его былъ даже надушенъ. Благоухающій, съ расчесанной волосокъ къ волоску бородой, въ свѣтлой рясѣ, въ великолѣпномъ кушакѣ, съ длинной серебряной цѣпочкой, вившейся по полукафтанью, о. Платонъ былъ истиннымъ украшеніемъ нашихъ праздниковъ.

Понемногу подъѣзжали гости въ телѣгахъ и рыдванахъ, покрытыхъ плохонькими ковриками, въ удивительныхъ тарантасахъ, какихъ теперь ужъ не увидишь, подъѣзжали батюшки и дьякопы, и причетники съ женами и дѣтьми,—запыленные, усталые отъ жары. Всѣ они сначала заходили въ кладовку, въ чуланы, гдѣ умывались, причесывались, переодѣвались въ праздничныя платья, которыя привозили въ особыхъ узлахъ, и потомъ уже являлись въ горницу.

Какіе кринолины тогда были, какія яркія модныя двуличневыя матеріи! У матушекъ на головахъ были наколки, а волосы дочекъ собирались въ сѣтки, украшенныя крупнымъ стеклярусомъ самыхъ фантастическихъ цвѣтовъ.

Бѣдныя поповны! Туго стянутыя въ накрахмаленныхъ, коломъ торчавшихъ, ситцевыхъ платьяхъ, въ кринолинахъ, въ которыхъ такъ мудрено было садиться, въ полусапожкахъ, которые жали ноги и скоро натирали мозоли, въ нитяныхъ перчаткахъ, изъ которыхъ выглядывали загорѣлые, привыкшіе съ серпу и граблямъ пальцы,—онѣ сидѣли, чинно сложивши руки на колѣняхъ, рядомъ съ своими матерями и чувствовали себя такъ неловко въ этомъ большомъ обществѣ, къ которому онѣ такъ же не привыкли, какъ ихъ руки къ перчаткамъ и ноги къ полусапожкамъ. Всякій разъ, какъ только къ нимъ обращался кто-нибудь изъ взрослыхъ, румянецъ заливалъ ихъ лица и шеи, даже сквозь загаръ, котораго не могла отмыть никакая огуречная вода, и онѣ спѣшили уйти изъ чопорной горницы въ кухню, а еще лучше въ садъ къ семинаристамъ, тѣмъ корректнымъ джентльменамъ въ неизмѣнныхъ черныхъ сюртукахъ и въ черныхъ

же наглухо застегнутыхъ до горла жилеткахъ, которые также избѣгали горницы и предпочитали вольный воздухъ сада.

Тамъ можно было распустить лифъ и снять проклятые полусапожки; тамъ устраивались горѣлки, лапта и всякія игры, въ концѣ которыхъ волосы дамъ оказывались густо уснащенными репейникомъ; тамъ можно было хохотать во все горло, щелкать подсолнухи, ѣсть всякую ягоду и потягивать брагу, которой сестры усердно угощали кавалеровъ и дамъ, и которая такъ превосходно поднимала настроеніе публики.

А въ горницѣ шла чинная бесѣда. Сообщались эпархіальныя новости,—какой гдѣ открылся приходъ, кто куда помѣщенъ, полушепотомъ передавались слухи о томъ, что дѣлается въ архіерейскомъ домѣ, что сказалъ консисторскій секретарь такому-то батюшкѣ.

Въ особенности всѣ волновались, если разговоръ шелъ о поѣздкѣ архіерея по епархіи, объ ожидаемой ревизіи и о томъ, что покрывало тогда всѣ слухи, всѣ новости,—о близкой волѣ, о новыхъ порядкахъ. Тогда лица принимали напряженное, испуганное выраженіе, а отецъ оглядывался и притворялъ двери, чтобы не услыхалъ чужой человѣкъ, не слышали бы мы, дѣти.

Настроеніе было чинное и степенное. Гости только пригубливали наливку и церемонно отказывались отъ водки. Время отъ времени отецъ выходилъ изъ горницы, тогда вставалъ и шелъ за нимъ о. Платонъ и еще двое-трое изъ гостей. Отецъ покуривалъ, но при бабушкѣ не позволялъ себѣ дымить табачищемъ и хотя кладовка всегда была полна окурками и пропитана дымомъ, бабушка дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, зачѣмъ онъ бѣгаетъ туда по нѣскольку разъ въ день. Кладовку гости очень любили, тамъ стояла большая бутыль съ водкой и незазорно было выпить. Въ кладовку ходили все чаще, засиживались больше и возвращались веселѣе.

Тогда о. Платонъ начиналъ разсказывать свои длинныя превосходныя исторіи, касающіяся всего рода его высокопревосходительства генералъ-аншефа Илліодора Артемьевича Солтухина. Ахъ, я многое забылъ изъ этихъ превосходныхъ исторій, но одну, которую о. Платонъ разсказывалъ особенно увлекательно, я помню, какъ сейчасъ.

Сидитъ о. Платонъ на почетномъ мѣстѣ, на кожаномъ диванѣ, рядомъ съ дѣдушкой,—его бѣднаго для праздника нарядили въ суконную ряску, въ которой ему жарко и душно; сидитъ о. Платонъ украшенный, благоухающій и ровнымъ, журчащимъ теноркомъ разсказываетъ.

— ...И призываетъ его (генералъ-аншефа Солтухина) султанъ турецкій и говоритъ ему: иди, говоритъ, въ мое подданство, прими,

говоритъ, ты нашу турецкую вѣру и сдѣлаю, говоритъ, я тебя первѣйшимъ пашей. Ежели, говоритъ, ты на сіе согласія своего не дашь...

Мы всѣ знаемъ, что трагическій моментъ приближается. О. Платонъ вынимаетъ изъ кармана красный фуляровый платокъ и табакерку, украшенную портретомъ какого-то Солтухина, торжественно открываетъ ее, деликатно береть концами пальцевъ понюшку табаку, подноситъ ее къ носу, но не нюхаетъ и въ такомъ положеніи, сморщивши лобъ, отчего его лысина собирается въ складки, продолжаетъ:

— ...И отвѣчаетъ султану турецкому его высокопревосходительство генералъ-аншефъ Илліодоръ Артемьевичъ: я, говоритъ, моему Богу не отступникъ и моему царю не измѣнникъ...

Съ шумомъ входитъ табакъ въ ноздри о. Платона, громко щелкаетъ табакерка и красный фуляровый платокъ отираетъ покрытый крупными каплями пота лобъ. О. Платонъ нѣкоторое время молчитъ, какъ бы давая слушателямъ придти въ себя, и продолжаетъ:

— ...И приказалъ султанъ турецкій заключить его въ седьмибашенный замокъ...

Къ сожалѣнію, я не знаю конца этой чудесной исторіи, но помню, что сколько разъ ни разсказывалась исторія про седьмибашенный замокъ, всякій разъ она выслушивалась присутствующими съ живѣйшимъ интересомъ и героическій поступокъ генералъ-аншефа Солтухина всегда наполнялъ патріотической гордостью мое дѣтское сердце.

Патріотическіе разсказы, преимущественно изъ военной жизни, были любимой темой разговоровъ и всегда имѣли успѣхъ. Я даже не знаю, откуда это воинственное настроеніе забралось въ Крутыя Горы къ скромнымъ и смирнымъ, совсѣмъ не воинственнымъ батюшкамъ и дьяконамъ.

Всеобщимъ любимцемъ и героемъ былъ Суворовъ. Двухтомное «жизнеописаніе» Суворова, истрепанное до невозможности, ходило по рукамъ круглый годъ и всегда находило читателей. И хотя всѣ знали и перезнали всякія исторіи про Суворова,—его поговорки и чудачества и донесенія Екатеринѣ и штурмы и сраженія, тѣмъ не менѣе разсказы про Суворова были неистощимой темой праздничныхъ разговоровъ.

Въ особенности любила эти разсказы бабушка и всегда при этомъ говорила:

— Всегда побѣждалъ, никогдапо бѣженъ не бывалъ!—и заканчивала, давая понять, что этимъ все сказано,—энергично произносимой фразой:

— Да ужъ что говорить, одно слово—генералиссимусъ!...

Я затрудняюсь теперь сказать, что собственно разумѣла бабушка подъ этимъ словомъ генералиссимусъ, которое она такъ великолѣпно выговаривала, но слово всегда производило должное впечатлѣніе.

Обыкновенно въ то время, какъ накрывали на столъ, съ рѣки доносился звонъ колокольчика и на парѣ бойкихъ пѣгонькихъ лошадокъ лихо подкатывалъ къ дому аккуратненькій тарантасикъ съ братомъ матери и его женой.

— Вотъ и я!—веселый и всегда улыбающійся появляется въ горницѣ Николай Михайловичъ. —Отцы святые! Матери преподобныя!—раскланивается онъ направо и налѣво.

Съ пріѣздомъ дяди сразу веселѣе и шумнѣе становится въ нашемъ домѣ, и оживлявшіеся при видѣ его гости говорили:

— Васъ вотъ и недоставало, Николай Михайловичъ! Думаемъ, что не ѣдетъ?...

Даже бабушка, подозрительно относившаяся къ материнскому роду, питала слабость къ дядѣ,—повидимому, онъ очаровалъ ее своимъ веселымъ характеромъ и въ особенности чу́днымъ голосомъ и умѣньемъ пѣть, что бабушка очень любила и что составляло единственную слабость суровой старухи.

— Ужъ и прокуратъ ты, Николай Михайловичъ. Веселонравный, да важеватый...—говаривала, бывало, бабушка.—Тебя бы на коня, да саблю тебѣ въ руки, а не кадиломъ махать!

Высокій красавецъ, съ великолѣпной бѣлокурой бородой и веселыми карими глазами,—стройный, ловкій и остроумный, Николай Михайловичъ рѣзко выдѣлялся среди бѣднаго и запуганнаго духовенства. Онъ былъ священникомъ въ подгородномъ селѣ, гдѣ причтъ получалъ большія арендныя деньги за луга, подходившіе къ самому городу, дѣтей у него не было, жилъ онъ по тогдашнему широко, не трясясь надъ копейкой, съ землей не возился, водилъ компанію съ чиновниками и офицерами стоявшаго въ городѣ батальона, выписывалъ «вѣдомости», какъ называли тогда всѣ газеты—и всегда вносилъ съ собой въ нашъ старозавѣтный домъ запахъ другой жизни, атмосферу иныхъ идей и чувствъ,—въ нѣкоторомъ родѣ вольный духъ.

Жена попалась ему подъ пару. Веселая, моложавая женщина безъ тѣхъ раннихъ морщинъ и выраженія удрученной тоски, которыя лежали на лицахъ большинства нашихъ матушекъ и дьяконицъ, она также вносила оживленіе и дѣлалась центромъ всюду, куда являлась. Если дядя привозилъ съ собой политическія новости и новые романсы, то она была въ нашей роднѣ законодательницей модъ и выкройки ея ходили по уѣзду. Анна Павловна читала сочиненія Мар-

линскаго и, помню, привезла сестрамъ первый прочитанный ими свѣтскій романъ «Черная женщина», была немного романтична, держалась больше съ молодежью и очень любила покровительствовать всякимъ романамъ и устраивать браки по-любви, что было тоже большимъ вольнымъ духомъ въ нашей средѣ, гдѣ впереди всего стояли «приходъ» и «мѣсто» и «роспись приданаго», затѣмъ положеніе родни на практической духовной лѣстницѣ и потомъ уже согласіе жениха и невѣсты, которое собственно и не спрашивалось, а подразумѣвалось само собой.

Какъ ѣли въ праздники! Несмотря на то, что къ утреннему чаю подавали пироги съ разными начинками и таболки и всякія сдобныя печенья, а часа два спустя легонькую закуску,—опять пироги и солонину, и грибы, и капусту,—въ двѣнадцать часовъ накрывали столы во всю длину горницы и тутъ ужъ начиналась ѣда въ настоящемъ смыслѣ слова. Подавались два горячихъ,—щи со свининой или солониной и похлебка съ телятиной или бараниной и отдѣльно нарѣзанное кусками вареное мясо съ хрѣномъ, и нѣсколько жаркихъ и разныхъ сортовъ каши, а потомъ шли сдобные пироги съ малиной, яблоками и всякой ягодой и въ заключеніе вносилось красное желе съ горящей въ срединѣ свѣчкой, появлявшееся неизмѣнно каждый праздникъ и всякій же разъ производившее необыкновенный эффектъ.

На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ дѣдушка, справа и слѣва, по нисходящей линіи, усаживались самые почетные гости по степени родства и духовнаго сана,—въ концѣ ютились кто попроще, да побѣднѣе. Щи хлебали изъ общей чашки, вилки подавались, но ножей не было, длинныя полотенца, растянутыя на колѣняхъ гостей, служили салфетками. Отецъ угощалъ мужчинъ, мать дамскій полъ, Настя и Варька ходили вокругъ стола съ большими жбанами браги и подливали, у кого пустѣлъ стаканъ; время отъ времени въ дверяхъ показывалось красное и потное торжествующее лицо Домны съ новымъ блюдомъ, а бабушка давала общій дирижирующій тонъ, подходила къ почетнымъ гостямъ, складывала руки на груди и по старинному, низко въ поясъ кланялась, приговаривая:

— Кушайте, гости дорогіе! Не обезсудьте,—чѣмъ Богъ послалъ...

— И такъ ужъ закормили! Много довольны, Прасковья Кузьминична... говорили гости, но тѣмъ не менѣе сдавались на бабушкины просьбы и подкладывали себѣ какого-нибудь блюда.

И все новыя кушанья носила Домна, пустѣли бутылки съ наливкой, новые и новые жбаны съ пѣнистой холодной брагой носили сестры изъ погреба и постепенно языки развязывались, лица краснѣ-

ли, нестройный гулъ голосовъ поднимался надъ столомъ, слышались взрывы смѣха, праздничное веселье наполняло души.

А въ кухнѣ за старымъ обѣденнымъ столомъ засѣдали мы, подростки, и доѣдали остатки—ихъ много было—съ большого стола.

Послѣ обѣда гости постарше разбредались по темнымъ прохладнымъ чуланамъ, въ сарай на сѣновалъ соснуть часокъ-другой, а кто помоложе и мы, подростки, уходили за овинъ на нашъ лугъ. Тамъ устраивались игры въ горѣлки, въ кошки-мышки, въ веревочку, а когда уставали отъ бѣготни и руки вздувались отъ здоровенныхъ ударовъ, устраивали хороводъ и начинали любимую тогда—«Какъ по морю, морю синему»...

Одинъ по одному подходили оживившіеся бражкой отъ послѣобѣденнаго сна гости, хороводъ расширялся и пѣсня крѣпла. Иногда хороводъ раздѣлялся на двѣ стѣнки—мужскую и женскую—и сходясь и расходясь пѣли тоже любимую: «А мы просо сѣяли»...

Весело тогда дѣлалось на зеленомъ лугу и всѣхъ веселѣе былъ дядя Николай Михайловичъ. Никто лучше его не билъ мячъ и самой опасной «кошкой» былъ онъ же, онъ же запѣвалъ пѣсни и молодцомъ ходилъ въ кругу.

Чѣмъ воздержнѣе и скуднѣе была обыденная пища, чѣмъ скуднѣе и унылѣе тянулись полныя труда и заботъ житейскія будни, тѣмъ сытнѣе и обильнѣе было праздничное угощенье, тѣмъ шумнѣе и веселѣе проходили праздники,—повидимому, и хозяева и гости спѣшили вознаградить себя за долгое воздержаніе и сухояденіе, за томительное однообразіе повседневной жизни,—чай, который у большинства, какъ и у насъ, пили только по воскресеньямъ, разъ въ недѣлю, причемъ каждому на все чаепитіе выдавалось по маленькому кусочку сахару,—теперь подавали нѣсколько разъ въ день и даже въ накладку, и уничтожались цѣлыя горы мяса и десятки циплятъ, которыхъ, кажется, для того и растили, и пустѣли бутылки съ наливкой и выпивались цѣлые ушаты браги. Даже лошадямъ гостей жилось привольно,—онѣ получали овесъ вмѣсто обычнаго сѣна и соломы съ болтушкой.

И бабушка, которая въ обычное время, по выраженію матери, смотрѣла каждому въ ротъ и берегла всякій кусокъ, считала особенной честью,—это былъ тоже завѣтъ дѣдушекъ,—чтобы гости ея были сыты до отвалу, а кто пьетъ,—въ полпьяна—пьяныхъ она не любила,—и чтобы потомъ полгода по селамъ разсказывали:

— Ну ужъ, Прасковья Кузьминична и угощала на Второй Спасъ!...

Солнце давно зашло, а разыгравшееся на лугу веселье все росло.

Изъ дому прибѣгали послѣ звать къ чаю,—расходившаяся молодежь и старики не хотѣли уходить съ луга, и только когда кто-нибудь изъ насъ прибѣгалъ со словами: «бабонька кличетъ, сердится»...—всѣ понемногу стягивались въ домъ.

Здѣсь съ обильной закуской подавал и сласти, всѣ разсаживались—и большіе и малые—въ горницѣ и начиналось пѣніе, продолжавшееся весь вечеръ,—это былъ обычай, соблюдавшійся всѣ праздники, которые я только помню. Я такъ любилъ эти вечера, но, кажется, еще больше меня любила ихъ бабушка, которая всегда въ эти вечера дѣлалась веселой и ласковой.

Въ высокомъ парадномъ повойникѣ, въ огромной пестрой турецкой шали, подаренной Екатерининской фрейлиной бабушкиной матери, она садится у печки, складываетъ руки и, поправляя на колѣняхъ концы шали, обращается къ дядѣ:

— Ну, коноводъ, зачинай.

— Я ужъ когда разойдусь...—отвѣчаетъ Николай Михайловичъ. Вы ужъ зачинайте, Прасковья Кузьминична! Развѣ мы умѣемъ, какъ слѣдуетъ, старинныя-то пѣсни пѣть.

Бабушка польщена и послѣ короткаго сопротивленія старческимъ контральто запѣваетъ: «Черный воронъ, что ты вьешься надъ моею головой» или военную пѣсню, которую любили: «Что не соколы крылаты, чуя солнышка восходъ»—подхватывалъ чу́дный голосъ дяди, когда-то первый теноръ семинарскаго хора, гудѣли низкія ноты отцовскаго баса, присоединялись молодые свѣжіе голоса семинаристовъ и поповенъ, изъ которыхъ выдѣлялись славившіеся въ роднѣ красивые голоса сестеръ. Духовенство умѣло и любило пѣть и пѣніе выходило сильно, красиво и одушевленно.

Потомъ пѣли: «Снѣги бѣлые, пушистые», «Ивушку»—очень часто, «Вечёръ поздно изъ лѣсочку» и—«двѣ собачки впереди, два лакея позади» звучали тогда реальнымъ смысломъ и всегда воодушевляли пѣвцовъ; неизмѣнно пѣли «Среди долины ровныя».

Иногда отецъ и дядя вспоминали старыя времена, когда оба они были семинарскими пѣвчими, и великолѣпные церковные мотивы звучали въ насторожившейся комнатѣ. «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой украшенный» и «На рѣкахъ Вавилонскихъ», и для особеннаго удовольствія дѣдушки: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

Пѣли и модные романсы, которые привозили дядя и семинаристы: «Во тьмѣ ночной ярилась буря», «Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко» и «Не слышно шуму городского...»

Вплоть до ужина раздавались пѣсни. Ужинъ былъ такой же плотный, какъ и обѣдъ, а потомъ столы и стулья раздвигались—и во всю

длину пола настилался войлокъ, и перины для тѣхъ, кто постарше и посолиднѣе, а молодежь отправлялась на сѣновалъ.

На другой день повторялось то же самое, и только на третій, иногда на четвертый день гости разъѣзжались, усталые и довольные, а усталые и довольные хозяева провожали ихъ на крыльцѣ и все кланялись, и все просили переночевать ночку, погостить еще денекъ...

Не всегда и не все гладко сходило. Случались осложненія, изъ которыхъ возникали ссоры, иногда тянувшіяся по нѣскольку лѣтъ. Нужно было не пропустить чего-нибудь въ строго-установленномъ церемоніалѣ, нужно было не забывать и умѣть угощать гостей.

Особенно часто выходили ссоры съ сестрой отца Глафирой Лукьяновной. Она давно была убѣждена, что моя мать злѣйшій врагъ ея, что именно мать попустила на ея мужа о. Василія тоску, изъ-за которой онъ пьетъ запоемъ и, обыкновенно смирный и не выходившій изъ женина воли—въ пьяномъ видѣ гоняется за ней съ ножомъ.

Она жаловалась бабушкѣ, что «Надежда» напустила на нее самоё лихорадку, которая возвращалась къ ней всякую весну и вообще, повидимому, склонна была думать, что моя мать вѣдьма, въ чемъ клятвенно увѣряла ее какая-то баба изъ ихъ села, видѣвшая у матери во время купанья сзади хвостикъ. Поэтому она рѣдко бывала у насъ на праздникахъ и почти всякій пріѣздъ ея сопровождался какой-нибудь исторіей. То за обѣденнымъ столомъ посадили ее ниже того-то, несоотвѣтственно степени родства и священническаго сана ея мужа, то за пшенной кашей обошли наливкой и мать плохо потчивала и будто смотрѣла на нее змѣиными глазами. И она жаловалась бабушкѣ и говорила отцу, что нога ея больше не будетъ у насъ въ домѣ, увозила раньше времени мужа и на два, на три года переставала ѣздить къ намъ.

Изрѣдка пріѣзжалъ изъ города о. Демидъ,—троюродный братъ моего отца—и тоже почти никогда не обходилось безъ исторіи. Это былъ пропитанный злобой человѣкъ, забившій жену и побоями же сдѣлавшій изъ сына идіота, только за то, что онъ не могъ идти первымъ ученикомъ въ училищѣ—и всякій пріѣздъ его портилъ наши веселые праздники. Для него спеціально покупалась бутылка рома и коробка сардинокъ,—онъ пилъ чай и подливалъ рому и чѣмъ болѣе пилъ, тѣмъ болѣе краснѣло его широкое лицо съ рыжей бородой, а выпяченные бычьи глаза наливались кровью и злоба закипала въ его сердцѣ.

— Ты чего космы-то распустила ровно дьяконъ? останавливаетъ онъ какую-нибудь поповну, у которой волосы недостаточно аккуратно спрятаны въ сѣткѣ.

Дѣвушка краснѣетъ и со слезами выбѣгаетъ изъ комнаты, а бычьи кровавые глаза озираются кругомъ.

— Заржалъ жеребецъ!—набросится онъ на осмѣлившагося засмѣяться въ его присутствіи семинариста или кого-нибудь изъ молодыхъ священниковъ.

Постепенно горница пустѣетъ,—у всѣхъ есть сыновья и братья и всѣ боятся инспектора духовнаго училища и онъ остается одинъ съ пустой бутылкой. Иногда вступается бабушка и, какъ ни священны законы гостепріимства, начинаетъ отчитывать его:

— Разогналъ народъ-то, любо!... Эка сердце-то у тебя лютое! Ты вотъ что, отецъ Демидъ,—порядковъ-то здѣсь своихъ не заводи, а то вѣдь у меня просто: вотъ тебѣ Богъ—указываетъ она на божницу—а вотъ и порогъ! Не прогнѣвайся...

Тогда о. Демидъ обижается и говоритъ, что нога его не будетъ въ этомъ домѣ.

Однажды въ самый разгаръ праздника, когда накрывали обѣденные столы, мимо нашего дома съ громомъ бубенчиковъ и колокольчиковъ проѣхалъ по направленію къ священнику тарантасъ, запряженный парой лошадей.

— Ремизовскаго батюшки лошади,—съ удивленіемъ смотрѣлъ въ окно отецъ и вдругъ поблѣднѣлъ и испуганнымъ шепотомъ выговорилъ:

— Егоръ Семенычъ!...

Горницу какъ выдуло. Одинъ по одному гости разбрелись въ садъ, со столовъ все убрали, на закусочномъ столѣ появились водка, ромъ, коробочка сардинокъ, въ сѣняхъ раздували самоваръ. Отецъ суетился, прибирая комнату, надѣлъ рясу, долго копался въ своей каморкѣ и я видѣлъ, какъ вынималъ деньги изъ своего шкапчика.

Я былъ посланъ къ батюшкиному двору сторожемъ, предупредить, когда пойдетъ къ намъ страшный гость.

Это былъ знаменитый въ губерніи консисторскій чиновникъ. Онъ занималъ ничтожное мѣсто, «послѣдняя гнида въ консисторіи», какъ выражался дядя Николай Михайловичъ, но его сестра была замужемъ за консисторскимъ секретаремъ и въ губерніи всѣ знали, что проникнуть къ секретарю можно только черезъ Егора Семеновича.

Всякое лѣто онъ разъѣзжалъ по губерніи изъ прихода въ приходъ, безъ просыпа пьяный, вездѣ угощался и у всѣхъ требовалъ денегъ.

Теперь пришелъ чередъ нашему уѣзду.

А въ домѣ батюшки происходила унизительная и омерзительная сцена.

На батюшкиномъ диванѣ, скинувши сапоги, въ грязныхъ портянкахъ, въ изорванномъ и вымазанномъ пиджакѣ, грязный и пьяный, лежалъ пріѣзжій. Онъ трясъ кулакомъ и прерывающимся отъ иканья сиплымъ перепитымъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ вы всѣ гдѣ у меня!—онъ сильнѣе вытянулъ кулакъ и засмѣялся.—Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю.—Непечатная ругань сопровождала жестъ.

А у изголовья его сидѣлъ о. Демидъ и, улыбаясь своимъ гнилымъ ртомъ, льстиво поддакивалъ и все повторялъ:

— Ужъ вы, Егоръ Семенычъ, мимо не проѣзжайте,—обидите... Угощу, будьте покойны, найдется для дорогого гостя.

Предъ диваномъ стоялъ батюшка и тоже старался улыбаться своимъ испуганнымъ, какъ у отца, лицомъ, а матушка, всегда такая тонная и важная своимъ профессоромъ-сыномъ, стояла съ подносомъ съ чаемъ и ромомъ и кланялась и упрашивала гостя отвѣдать чайку.

— Не таранти, таранта!—оборвалъ пріѣзжій о. Демида,—и безъ тебя знаю...Эка удивилъ,—угощу... Знаю я про твое угощеніе-то... Посмотрѣлъ бы я, какъ ты меня не угостишь! Вы чего молчите?—кричитъ онъ на притихшихъ гостей.

И долго тянется безобразная сцена. Подлое слюнявое кувшинное рыло все бахвалится и сыплетъ непечатной руганью и грязный пьяный мерзавецъ все куражится надъ испуганными, загнанными рабами, не смѣвшими уйти изъ комнаты.

Я видѣлъ, какъ совалъ ему деньги батюшка, а гость трясущимися руками безцеремонно пересчитывалъ ихъ и бросалъ ему въ лицо и батюшка извинялся и прибавлялъ еще; я видѣлъ, какъ батюшка и о. Демидъ услужливо подсаживали въ тарантасъ еле державшагося на ногахъ негодяя и все кланялись и благодарили за посѣщеніе.

Только когда тронулись лошади, онъ очевидно вспомнилъ про моего отца и схватилъ было кучера за воротъ, но Николай Михайловичъ энергично махалъ изъ-за плетня рукой, кучеръ ударилъ по лошадямъ, а сидѣвшій въ тарантасѣ человѣкъ въ скомканномъ картузѣ что-то кричалъ сиплымъ голосомъ и, повернувшись назадъ, грозилъ по направленію къ нашему дому.

Такъ набожно перекрестился отецъ и такъ глубоко вздохнулъ...

. . . . . .

О. Платонъ уѣзжаетъ послѣднимъ. Онъ уже выпилъ «посошекъ»—и другой и третій и, одѣтый, все еще стоитъ въ горницѣ, сіяющій и благоухающій «и все источаетъ медлительную, превосходную словесность». Медлительно и съ нѣкоторымъ усиліемъ взбираетъ-

ся онъ на свою одноколку и все снимаетъ шляпу, и кланяется, и благодаритъ, и все зоветъ къ себѣ сестрицу и братца и тетушку Прасковью Кузьминичну... Высоко, какъ журавль, поднимаетъ ноги старая бѣлая «Невѣста» и, мѣрно покачивая головой, трогается по улицѣ. Миновано село, ѣдетъ о. Платонъ межниками въ свое Богоявленское и говоритъ «Невѣстѣ», что праздники кончились и что ему скучно и что онъ рано уѣхалъ.

Николай Михайловичъ разсказывалъ, что онъ встрѣтилъ однажды возвращавшагося съ праздника о. Платона на лугу далеко отъ дороги,—«Невѣста» мирно щипала траву, а отецъ Платонъ разсказывалъ ей исторію про седьмибашенный замокъ.

Праздникъ кончился и въ домѣ становится тихо и уныло. Снимаются полусапожки и барежевыя платья, подбираются оставшіеся куски и начинаются будни, и еще тяжелѣе работа, и еще скуднѣе жизнь...

С. Елпатьевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА РОДИНѢ *).

Романъ **Анри Бордо** (переводъ съ французскаго).

VI.

Двадцатаго августа Жакъ Альваръ собрался съ своимъ комитетомъ въ бюро газеты *Будущее* въ Аннеси, улица Рояль, въ ожиданіи результата выборовъ. Меранъ и нѣсколько значительныхъ лицъ отсутствовали. Пожилые люди нарядились въ торжественные, черные сюртуки, которые надѣвались обыкновенно на сельско-хозяйственные съѣзды или на похороны и чинно вели бесѣду о выборахъ. Молодежь, въ свѣтлыхъ костюмахъ, смотрѣвшая на выборы, какъ на развлеченіе безъ серьезныхъ послѣдствій, двигалась и шумѣла.

Жакъ поглаживалъ бѣлую бородку, съ увѣренностью побѣдителя. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ и старался принять веселый видъ уже избраннаго. Онъ готовилъ въ умѣ благодарственное слово къ избирателямъ.

Въ амбразурѣ окна Люсьенъ Аландъ болталъ съ графомъ Феррези, пріѣхавшимъ изъ любопытства. Дикія сцены, которыя ему дѣлала жена, воскресили въ умѣ прежнія подозрѣнія. Онъ съ новымъ пыломъ отдался теоріямъ анархистовъ. Графъ цитировалъ Бакунина и показывалъ собесѣднику номеръ *Бунта*, гдѣ Жакъ Гравъ доказывалъ нелѣпость голосованія.

Составлялись кружки, обсуждавшіе выборы. Среди пессимистовъ священнодѣйствовалъ адвокатъ Брена; ѣдкія слова его точно холодной водой обдавали надежды и парализовали веселье. Элегантный повѣренный Колларъ, нарядный и вылощенный, довольный своей карьерой, не вѣрилъ въ правильную организацію борьбы, такъ какъ онъ не принималъ въ ней активнаго участія, все время занимаясь науками.

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1901 г.

За столомъ Шараве дѣлалъ вычисленія, соображая шансы за и противъ; черезъ плечо читалъ его выкладки командиръ Баро, страшно опасавшійся потерять возможность мести, и врачъ Раво, крупный и шумный мужчина, глаза котораго были мутны отъ слишкомъ частаго посѣщенія избирательнаго клуба.

Въ углу зала толстый нотаріусъ Тальяръ наблюдалъ за сервировкой сытнаго, тонкаго ужина, который онъ заранѣе мысленно поглощалъ.

«Такъ какъ префектура противъ насъ, то мы будемъ побиты,—думалъ онъ.—Никто не станетъ ѣсть. Въ этотъ-то моментъ я и спасу честь метръ д'отеля».

Принесли отчетъ о голосованіи въ сѣверномъ и южномъ Аннеси. Шараве приводилъ голоса въ порядокъ и складывалъ по кантонамъ. Жакъ громко, спокойнымъ голосомъ прочелъ результатъ. У него было меньшинство въ южномъ Аннеси и огромное большинство въ сѣверномъ, благодаря Мерану, который былъ тамъ генеральнымъ совѣтникомъ, въ общемъ 3285 противъ 2864.

— Полное пораженіе,—объявилъ Брена.—Рюмили, Торанъ, Фавержъ—противъ насъ.

— Только не Фавержъ,—сухо оборвалъ командиръ Баро.

Врачъ Раво, съ затуманившимся взоромъ, сѣлъ на диванъ и положительно заявилъ, что Альваръ будетъ избранъ. Онъ неосторожно прибавилъ нелестный комментарій:

— Всѣ избиратели кретины.

Минуту спустя онъ храпѣлъ.

Пришли плохія новости: въ Рюмили, одномъ изъ многолюднѣйшихъ кантоновъ округа, Фроссаръ получилъ триста лишнихъ голосовъ.

— Что, я говорилъ,—проворчалъ Брена, довольный неудачей собрата.—Будетъ ли Жакъ избранъ или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ Брена находилъ поводъ жаловаться: онъ желалъ съ одной стороны унизить противника, съ другой—получить его мѣсто въ судѣ.

Жакъ возразилъ спокойнымъ голосомъ, что особенно злило Брена:

— Подождемъ конца. Я надѣюсь на кантонъ командира; мы еще ничего не знаемъ объ Альби и Фавержъ. Я на нихъ сильно разсчитываю.

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ Баро.

Заинтересовавшись ходомъ дѣла, Люсьенъ отошелъ отъ окна.

— Пойду въ префектуру, гдѣ вывѣшиваютъ результаты голосованія.

— Я съ вами,—сказалъ графъ Феррези.

Они вышли на улицу: было почти пусто; прошли по аллеѣ Пакье, гдѣ тѣнь деревьевъ усиливала темноту ночи, и подошли къ зданію префектуры, всѣ окна котораго были ярко освѣщены. Безпокойная подвижная толпа волновалась передъ рѣшеткой каждый разъ, когда записывали голоса. Раздавались крики: *Да здравствуетъ Альваръ!* или *Да здравствуетъ Фроссаръ!* Одни переругивались съ другими. Неожиданный натискъ приводилъ въ движеніе всю крикливую, подвыпившую толпу.

Люсьенъ и графъ не рѣшались подойти поближе. Наконецъ, послѣдній съ презрѣніемъ заявилъ:

— Ваша страна—жертва виноторговцевъ. Власть кабака замѣнила власть феодальнаго замка. Народъ требуетъ вина и удовольствій. Ему нужна арена: вотъ онъ присяжный и избиратель. Какъ на боѣ быковъ, онъ апплодируетъ побѣдителю и освистываетъ побѣжденнаго.

— Несчастный народъ, легко приспособляющійся къ хорошему и даже къ плохому тиранну! Наше дѣло повысить его нравственный уровень или вѣрнѣе направить его. Народъ работаетъ и страдаетъ. Мы не должны забывать о немъ,—сказалъ Люсьенъ.

Графъ удивленно взглянулъ на него.

— Я думалъ, что вы ненавидите народъ...

Вывѣсили результаты голосованія двухъ кантоновъ: Альби и Фавержа. Въ первомъ Жакъ былъ избранъ почти единогласно, въ кантонѣ командира получилъ почти равное число голосовъ съ Фроссаромъ. Оставались еще Тонъ и Торанъ. Избраніе становилось сомнительнымъ. У Альвара было на полтораста-двѣсти голосовъ больше, чѣмъ у противника.

— Командиръ разсвирѣпѣетъ,—утверждалъ съ ироніей графъ, когда они съ Люсьеномъ возвращались въ бюро *Будущаго*.

Баро не преминулъ мысленно выругать свой кантонъ. Онъ разсчитывалъ склонить побѣду на сторону Жака, надѣялся насытить свою злобу противъ Фроссара; неудовлетворенная месть душила его. Слишкомъ рѣзкія слова навертывались на языкъ, но онъ злобно молчалъ.

Альваръ, умѣвшій обхаживать людей, подошелъ къ нему и тихимъ голосомъ сталъ успокаивать.

— Безъ васъ у меня не было бы ни одного голоса въ Фавержѣ. Вы сдѣлали большинство Фроссара смѣшнымъ. Благодарю васъ.

Старику были пріятны такія слова. Однако онъ не сталъ разговаривать и, красный, весь выпрямившись, ждалъ окончательнаго результата: его гордость страдала.

Взволнованный Шарве отвелъ въ сторону кандидата.

— Совершенно непредвидѣнные выборы. Вѣроятно, чиновники тайно работали противъ насъ.

— Тонъ и Торанъ будутъ за насъ,—увѣрялъ Жакъ.

Въ разговоръ вступилъ Брена.

— Тонъ—да, можетъ быть, потому что я подготовилъ свою общину. Торанъ—нѣтъ. Мы можемъ быть побиты меньшинствомъ ста голосовъ.

Въ залѣ перестали смѣяться и шутить. Тальяръ вышелъ изъ темнаго угла, гдѣ разрѣзалъ потихоньку пирогъ. Убѣжденные оробѣли, у другихъ пробудился инстинктъ игрока, котораго увлекаетъ серьезная игра. Тѣ, кто легко теряетъ увѣренность, если успѣхъ не является тотчасъ, поговаривали объ обидѣ потерпѣть крушеніе въ пристани. Молодой человѣкъ, очевидно, не философъ, божился, что всѣ крестьяне—холопы. Они родятся съ жестянкой ваксы въ рукахъ и всю жизнь ищутъ офиціальныхъ ногъ, чтобы придать имъ блескъ.

Въ эту минуту вошелъ избирательный агентъ. Высокій, худой человѣкъ, съ большимъ сдавленнымъ носомъ, всю жизнь занимавшійся браконьерствомъ и контрабандой. Брена недавно приговорилъ его по жалобѣ владѣльца, которому надоѣла покража дичи. Онъ принесъ результаты голосованія въ Тонѣ: они были неблагопріятны. Агентъ поторопился сообщить непріятное извѣстіе адвокату. Частная неудача принимала размѣры катастрофы, отвѣтственность за которую возлагали на Брена, мэра Тона. На самомъ дѣлѣ, онъ агитировалъ противъ своего кандидата, но не считалъ себя достаточно вліятельнымъ. На всѣхъ лицахъ отразилось уныніе. Шараве въ отчаяніи положилъ карандашъ. Всѣ глаза обратились къ Жаку: онъ продолжалъ сохранять побѣдоносную улыбку и ничего не возражалъ на пессимистическія предсказанія. Брена, подавленнаго печальной удачей, бѣсило его хладнокровіе: онъ разсчитывалъ увидать грустное лицо побѣжденнаго.

Наконецъ, запыхавшійся мальчикъ принесъ результаты голосованія въ Тонѣ и Торанѣ, только что объявленные въ префектурѣ. Альваръ былъ избранъ большинствомъ пятисотъ. Восемь тысячъ шестьсотъ тридцать два противъ восьми тысячъ ста одиннадцати.

Раздались привѣтствія побѣдителю. Всѣ повеселѣли послѣ тревожнаго волненія. Баро всетаки бормоталъ неопредѣленныя угрозы противъ своихъ избирателей. Врачъ Раво продолжалъ храпѣть на диванѣ.

— А теперь, будемъ пить, будемъ ѣсть,—объявилъ Тальяръ, который весь вечеръ подъ шумокъ перекусывалъ.

Наполнили бокалы шампанскимъ. Лица расцвѣли, и разговоры

оживились. Каждый старался преувеличить свое политическое значеніе и агитацію во время выборовъ. Среди членовъ комитета обнаружилось соперничество.

Жакъ больше не улыбался и даже не говорилъ. Онъ думалъ о своей карьерѣ.

Съ улицы донесся гулъ, сначала глухой и отдаленный, потомъ все сильнѣе и громче. Онъ разразился подъ окнами *Будущаго*. Двигавшаяся по городу толпа кричала: *Да здравствуетъ Альваръ!* Въ открытыя окна несся побѣдный кличъ. Жакъ подошелъ къ окну. На свѣтломъ фонѣ лампъ вырисовывался его темный силуэтъ. Съ его появленіемъ крики усилились. Бѣшеное изступленіе охватило народъ. Избранному пришла счастливая мысль: онъ подошелъ къ окну, нѣсколько перегнулся впередъ и, протягивая бокалъ, произнесъ мощнымъ, отчетливымъ голосомъ, который покрылъ восторженные крики:

— Пью за всеобщую подачу голосовъ! За обитателей Аннеси! За французскій народъ!

— Браво!—заревѣла двухтысячная толпа веселыхъ голосовъ.

Новый депутатъ видѣлъ у своихъ ногъ черную, компактную массу, шевелившуюся и кричавшую. Онъ упивался торжествомъ, но сохранялъ равнодушный видъ.

— Чувствуешь, что живешь!—сказалъ онъ Люсьену Аланду, который, облокотясь о плечо графа Феррези, старался разглядѣть въ толпѣ отдѣльныя лица, слегка освѣщенныя газовыми рожками.

Волны людей бушевали, какъ пучина морская. Черты отдѣльныхъ лицъ терялись въ водоворотѣ: видны были только блестящіе глаза и открывающіеся рты. Длинныя полосы свѣта и темноты выдѣляли однѣ группы и поглощали другія. Точно страшное, тысячеголовое чудовище двигалось во мракѣ.

Напряженный взоръ Люсьена различилъ, наконецъ, подробности. Старикъ поднялъ вверхъ мягкую шляпу, болѣе похожую на лохмотья, и оскалилъ безобразныя, беззубыя челюсти. Толпа работницъ, причесанныхъ à la chien, посылала Жаку поцѣлуи. Толстый крестьянинъ въ синей блузѣ, красный отъ усиленныхъ криковъ, былъ близокъ къ апоплексическому удару. Взобравшись на фонарный столбъ, уличный мальчишка вылъ, бѣшено вытаращивъ глаза.

Волненіе охватило молодого человѣка, точно глазамъ его предсталъ новый міръ. Гулъ затихалъ, манифестанты двигались по городу. Альваръ закрылъ окно и изъ фатовства, замѣнявшаго ему искренность, сказалъ довольно громко, такъ чтобы его слышалъ Люсьенъ:

— Теперь-то я посмѣюсь надъ этими людьми!

Аландъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на Жака. Въ эту минуту онъ подумалъ, что такіе же крики толпы привѣтствовали его отца и дѣда, великихъ гражданъ, отдававшихъ свои силы народу и отечеству и, возбужденный только что видѣннымъ зрѣлищемъ, онъ обвинилъ Жака въ несправедливомъ присвоеніи депутатскаго кресла. Внутренняя работа, происходившая въ немъ съ момента возвращенія на родину, выразилась въ мучительныхъ ощущеніяхъ.

Въ залѣ обмѣнивались мимолетными фразами.

Аристократическій повѣренный Коллотъ, нарядный и раздушенный, изрекалъ свысока:

— Дикари въ припадкѣ безумія!

Люсьенъ Аландъ, котораго до сихъ поръ считали дилетантомъ въ политикѣ, возразилъ:

— Почему же? Они аплодируютъ энергіи и надѣются на счастіе. Я любуюсь ихъ непосредственностью и не замѣчаю отсутствія изящества.

Графъ Феррези отвелъ молодого человѣка въ сторону и, указывая на избраннаго, прошепталъ:

— Здоровая грудь, мощный голосъ, общія мѣста—и толпа довольна. Передъ силой избиратели смирны, какъ побитая собака. Наполеонъ остался популярнымъ у вашихъ крестьянъ, которые робки до трусости; эта иронія судьбы приводитъ меня въ восторгъ.

— Нѣтъ, они чувствуютъ себя слабыми, ищутъ опоры и главнымъ образомъ любви.

Но итальянецъ продолжалъ, возвышая голосъ, точно его теоретическія соображенія могли принять реальную форму:

— Будемъ игнорировать чернь и презирать низменную дѣятельность государственныхъ людей. Станемъ выше родины и законовъ и свободно разовьемъ свои силы сообразно съ теоріей Ницше: мы высшая порода людей.

Жакъ услыхалъ послѣднюю фразу и скверная мысль заставила его улыбнуться; ему пришло на умъ грубое слово, которое могло бы въ концѣ уничтожить гордость больного человѣчка, отрицающаго политику.

Чтобы ослабить впечатлѣніе отъ успѣха новаго депутата, Брена разлагалъ толпу на составные элементы:

— Къ ней принадлежатъ, во-первыхъ, всѣ голыши. Это фундаментъ всякой манифестаціи. Прибавьте къ нимъ людей, одержимыхъ эпидеміей энтузіазма, любопытныхъ, разгуливающихъ ради пріобрѣтенія новостей, наконецъ, всѣхъ, кто вотировали противъ Альвара

и теперь старается показаться его сторонникомъ, такъ какъ онъ выбранъ.

Однако, манифестанты, обойдя городъ, возвращались еще въ большемъ числѣ къ бюро *Будущаго*. Но характеръ манифестаціи измѣнился. Теперь не столько превозносили побѣдителя, сколько оскорбляли побѣжденнаго. Въ воздухѣ подбрасывали безобразное набитое отрубями чучело, у котораго на спинѣ крупными буквами было написано: *Фроссаръ*. Газовые рожки освѣщали надпись. Послѣ нѣсколькихъ натисковъ толпа остановилась у Альвара. Тотъ не удержался отъ банальной выходки и закричалъ:

— Привѣтствую свободу и демократію!

Но его призывъ никого не тронулъ. Тогда онъ выкрикнулъ всею мощью своихъ легкихъ:

— Плевать на Фроссара!

И крикъ этотъ вызвалъ взрывъ энтузіазма. Жакъ смѣялся. Онъ видѣлъ въ этой сценѣ только свою власть надъ толпой. Подобно побѣдителямъ, которые силою воображенія преувеличиваютъ значеніе побѣды, онъ изъ настоящаго создавалъ пьедесталъ славнаго будущаго.

Бенгальскій огонь, зажженный подъ окнами, освѣщалъ Альвара краснымъ пламенемъ. Успѣхъ усиливалъ красоту его энергическаго лица. Въ эту минуту для него не было невозможнаго; онъ чувствовалъ себя въ силахъ повернуть міръ.

Люсьенъ Аландъ смотрѣлъ на него и думалъ подъ гулъ улицы:

— Ему кажется вполнѣ естественнымъ бросить человѣка на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Въ концѣ-концовъ, развѣ онъ не правъ, угождая толпѣ и въ то же время презирая ее. На послѣднихъ выборахъ Фроссара съ тріумфомъ носили по городу на столѣ; теперь его публично оскорбляютъ въ лицѣ грубаго изображенія. Безжалостный, невѣжественный народъ!

Толпа, подталкиваемая впередъ, продолжала шествіе съ дикимъ ревомъ:

— Плевать на Фроссара!

Комитетъ Жака продолжалъ слѣдить черезъ окна бюро за движеніемъ толпы.

— Начнемъ ужинать, — повелительнымъ тономъ объявилъ Тальяръ.

— Поѣдемте,—сказалъ графъ Феррези Люсьену.—До Таллуара далеко. Мой экипажъ стоитъ во дворѣ «Hôtel d'Angleterre». Я васъ спущу въ Ментонѣ.

Передъ отъѣздомъ Люсьенъ обратился къ Жаку:

— Предупредить Мерановъ о твоей побѣдѣ? Пожалуй, поздно заѣзжать къ нимъ?

Но новый депутатъ не слушалъ пріятеля. Въ его ушахъ отдавались восторженные крики толпы. Онъ ни на минуту не вспомнилъ объ Анни.

Комитетъ сѣлъ за ужинъ, не замѣтивъ отсутствія графа и Аланда. Подъ вліяніемъ вина, головы побѣдителей разгорячились. Къ претенціознымъ фразамъ о политикѣ примѣшались скабрезные анекдоты старичковъ и откровенные разсказы молодежи о любовныхъ похожденіяхъ.

Командиръ Баро, молчаливый, но удовлетворенный враждебной манифестаціей Фроссару, наблюдалъ за нотаріусомъ Тальяромъ, ища въ его примѣрѣ ободренія передъ обильной трапезой.

Жакъ почти не открывалъ рта. Съ народомъ исчезло сладкое ощущеніе славы. Ему съ оскорбительной ясностью представилось ничтожество противника и банальность торжества, и это оскорбляло его. Онъ сожалѣлъ о лихорадочномъ усиліи, постоянномъ напряженіи ума за весь избирательный періодъ. Невозмутимая тишина, которая должна была теперь настать, заранѣе ужасала его. Три недѣли, остававшіяся до свадьбы, представлялись ему томительно-монотонными, особенно по сравненію съ только что пережитыми днями. Жаль, что нельзя сразу перескочить въ Парижъ. Онъ уже обдумывалъ планъ общественной дѣятельности. Въ палатѣ онъ быстро освоится съ людьми: завяжетъ полезныя отношенія, будетъ льстить ничтожеству и подстерегать благопріятный моментъ; своевременно произнесетъ дѣловую рѣчь, ясную, точную, краткую, бьющую прямо въ цѣль. Его дѣятельность будетъ простираться за предѣлы Бурбонскаго дворца: въ судѣ онъ займетъ важное мѣсто; тоже въ журналистикѣ, которая привлекала его перспективой ежедневной борьбы. Большая арена нужна ему, чтобы развернуть всѣ силы. Жаку хотѣлось скорѣе показать себя. Рисуя такимъ образомъ свое будущее, онъ поглядѣлъ на окружающихъ. Будущій депутатъ увидалъ вокругъ себя частью добрыя, веселыя лица, частью нахмуренныя, завистливыя. Жакъ съ презрѣніемъ отвернулся. Онъ уже смотрѣлъ свысока на пособниковъ успѣха и былъ доволенъ своимъ превосходствомъ. Боязнь найти себѣ равныхъ, заставила его вспомнить о Люсьенѣ, ироническій и свѣтлый умъ котораго внушалъ ему опасенія.

— Куда дѣлся Аландъ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ въ Ментону,—отвѣтилъ кто-то.

А Тальяръ замѣтилъ съ презрѣніемъ:

— Ужъ эти парижане, они совсѣмъ не ѣдятъ.

Въ два часа ночи комитетъ разошелся.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей сбѣжали раньше подъ болѣе гостепріимный и веселый кровъ. Такъ какъ выходъ всей компаніи не отличался особенной сдержанностью, Жакъ, раздраженный, отсталъ съ командиромъ Баро, продолжавшимъ сохранять торжественный, напыщенный видъ.

Лошадь графа Феррези медленно подвигалась по улицѣ, переполненной зѣваками.

— Посмотрите,—сказалъ Люсьенъ, когда они приблизились къ площади.

Все пространство было черно отъ народа. Въ центрѣ подымалось слабое пламя, окруженное хороводомъ зѣвакъ, плясавшихъ сарабанду и неистово визжавшихъ: *Долой Фроссара*! Здѣсь жгли чучело.

Графъ пришелъ въ негодованіе.

— Народъ—самый гнусный владыка. Я предпочитаю его ненависть любви.

Онъ сопровождалъ свои слова повелительнымъ «берегись» чтобы расчистить дорогу.

Люсьенъ думалъ:

— Да, народъ слѣпо раздаетъ свою любовь и ненависть. Бѣдный Фроссаръ, съ наивной душой котораго насъ обстоятельно познакомилъ Меранъ, недостоинъ переносить проклятія, приправнивающія его ко многимъ великимъ людямъ. Толпѣ нужны побѣдители вродѣ Альвара, которые ее то ласкаютъ, то смѣшиваютъ съ грязью.

Когда они проѣзжали мимо префектуры, красивый фасадъ которой, въ стилѣ Людовика XIII, слабо освѣщала послѣдняя четверть луны, Люсьенъ указалъ своему спутнику на толстаго человѣка, вытиравшаго съ лица потъ и державшаго въ рукѣ форменную шапку.

— Смотрите,—прибавилъ онъ шепотомъ,—Фроссаръ!

Побѣжденный, покинутый всѣми, спасался бѣгствомъ. Онъ покидалъ префектуру черезъ заднее крыльцо, то самое, которое нѣкогда служило его женѣ. Жалкій, разбитый, опасающійся оскорбленій, онъ спѣшилъ домой. Отнынѣ онъ былъ ничто. Онъ не смѣлъ даже надѣть высокую шапку, привлекавшую на него вниманіе, бывшую въ глазахъ провинціала символомъ власти и пребыванія въ Парижѣ.

— Послушайте,—прошепталъ графъ,—онъ во-время убрался.

Пьяная толпа, подъ предводительствомъ выгнаннаго изъ префектуры служащаго, пускала ракеты и кричала передъ рѣшоткой:

— Эй, префектъ! Получай опять Фроссаршу! Бери свою паву!

Люсьенъ не выдержалъ.

— Какой позоръ! Поѣдемте отсюда.

Графъ хлеснулъ лошадь. Они выѣхали въ поле и всей грудью вдохнули свѣжій ночной воздухъ. Красные фонари экипажа освѣщали края дороги, деревья, изгороди, кучи камней. Утомленные гуломъ толпы, путники наслаждались тишиной и одиночествомъ. Графъ дрогнулъ и кутался въ плэды. Этотъ день поднялъ въ немъ желчь противъ человѣчества. Люсьенъ старался стряхнуть съ себя чувство омерзенія, овладѣвшее имъ въ городѣ.

— Надо жалѣть народъ, онъ не вѣдаетъ, что творитъ,—думалъ молодой человѣкъ. Въ сущности имъ никто не занимается. Его пичкаютъ обѣщаніями и рѣчами, а потомъ удивляются умственной несостоятельности. Между приторно-тягучей, радикальной программой Фроссара и попурри Альвара, что было выбирать? Слѣдовало объяснить народу ненормальное положеніе націи, слишкомъ централизованной, слишкомъ подчиненной администраціи и приносимой въ жертву Парижу; указать ему необходимость порядка и ума въ государственномъ хозяйствѣ, равно какъ и въ частномъ; надо прочесть цѣлый курсъ, простой и доступный, безъ фразъ, небольшому количеству лицъ сразу. Такъ какъ существованіе демократіи—признанный фактъ, то не лучше ли организовать эту безсознательную силу. Можетъ быть, она затѣмъ и оскорбитъ васъ, и сожжетъ ваше чучело; по крайней мѣрѣ, вы этого болѣе заслужите, чѣмъ Фроссаръ, потому что попробуете сдѣлать добро.

Люсьенъ вспомнилъ смѣшной анекдотъ о выборахъ, предшествовавшихъ смерти его отца. Альбертъ Аландъ въ качествѣ волонтера принималъ участіе въ кампаніи 1870 года; онъ командовалъ летучимъ баталіономъ, былъ раненъ и награжденъ орденомъ. Аргументъ, который выставилъ противъ него конкурентъ па выборахъ, былъ—угроза войны. «Берегитесь,—говорилъ онъ въ деревняхъ,—если выберете Аланда, не миновать войны. Матери, онъ погубитъ вашихъ дѣтей. Этотъ человѣкъ жаждетъ крови; ему хорошо только на войнѣ. Вы видѣли, что онъ сдѣлалъ въ 1870 году: не долженъ былъ идти на войну, а пошелъ!»

— Отецъ со смѣхомъ разсказывалъ намъ эту исторію. Онъ смотрѣлъ на народъ, какъ на дѣтей, и не помнилъ его несправедливыхъ обидъ, прощая все за его искренность и незлобіе. Онъ любилъ народъ и жалѣлъ его. Я послѣдую его примѣру.

Между тѣмъ въ изысканныхъ выраженіяхъ графа чувствовалась горечь.

— Когда я былъ ребенкомъ, m-r Аландъ, у моихъ родителей была кухарка, большая мастерица рѣзать утокъ. Однажды она по-

просила меня подержать во время операціи перпатую. Когда я отказался принять участіе въ жестокой расправѣ, женщина, съ свойственной ей грубостью, сказала: «Не гримасничайте, все равно будете кушать!» Кухарка говорила символически. Мы презираемъ черную работу, созидающую общественную жизнь, а между тѣмъ пользуемся ей. Мы прекрасно выносимъ, что рабочіе страдаютъ отъ нужды, чтобы доставить намъ избытокъ, и не стараемся просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Но лично противъ нихъ мы ничего не имѣемъ и даже ради успокоенія совѣсти жалѣемъ ихъ. Не правда ли, странная слабость? Посмотрите на Альвара; онъ не побоялся бы держать жертву подъ ножомъ; въ этомъ его преимущество передъ нами. Я смѣлъ только въ мысляхъ. На дѣлѣ былъ всегда страшно робокъ. Это привилегія расъ, идущихъ къ упадку; онѣ соединяютъ силу и независимость ума съ слабостью физической энергіи...

Но Люсьенъ его не слушалъ. Онъ думалъ о легкомысленномъ и несправедливомъ народѣ. Графъ, утомленный длинною тирадой, закашлялся и пробормоталъ:

— Еслибъ я захотѣлъ убить человѣка, то не смогъ бы этого сдѣлать...

Окутанный пледомъ, онъ весь дрожалъ, а глаза горѣли ненавистью

Мераны видѣли съ своей терассы подымавшіяся по темному небу и разсыпавшіяся въ видѣ огненнаго дождя ракеты.

Семья засидѣлась въ гостиной, черезъ открытыя окна которой комната наполнялась вечерней прохладой и можно было любоваться темнымъ озеромъ и освѣщеннымъ Аннеси. Встревоженная Анни позвала родителей, чтобы показать имъ сигналы.

— Кандидатамъ,—сказалъ Меранъ,—слѣдовало бы, какъ жокеямъ на скачкахъ, имѣть свой цвѣтъ. Смотря по обстоятельствамъ, было бы и освѣщеніе. А мы бы, навѣрное, знали, кто выбранъ.

Онъ прибавилъ:

— Жакъ обѣщалъ мнѣ во всякомъ случаѣ прислать извѣщеніе. Восторжествовавъ, онъ, конечно, забудетъ обѣщаніе, а при неудачѣ сочтетъ излишнимъ его исполненіе. Завтра узнаемъ. Пойдемте спать.

— Пойдемте спать, — поддержала жена. — Несомнѣнно, Жакъ избранъ.

— О, папа, еще минутку!—умоляюще пробормотала Анни, которая не хотѣла допустить мысли, что женихъ могъ забыть о ней. Навѣрное, кто-нибудь придетъ.

— Прекрасно. Потерпимъ еще,—согласился Меранъ.—Дѣвчурки воображаютъ, что всѣ о нихъ только и думаютъ. Съ этою иллю-

зіей, дитя мое, тебѣ скоро придется разстаться. Всѣ мужчины эгоисты. Спроси свою мать.

Анни облокотилась о подоконникъ. За деревьями сада и водами озера она видѣла передъ собою неясное очертаніе горъ, которыя серпъ луны едва начиналъ серебрить. Она слышала слабый плескъ волнъ, разбивавшихся о берегъ.

Неопредѣленная грусть закралась къ ней въ сердце. Глядя во мракъ, она пришла къ мысли, что большая часть людей живетъ одиноко въ этомъ мірѣ. Они тщетно ищутъ и зовутъ другъ друга. Любовь скользитъ мимо, не освѣщая и не согрѣвая ихъ, какъ блѣдные лучи луны, скрывшейся за вершиною горы. Влюбленные не узнаютъ другъ друга; они стоятъ рядомъ, какъ чужіе. Ея мужъ будетъ жить съ ней, не узнавъ сердца, которое всецѣло принадлежитъ ему и куда онъ женихомъ ни разу не заглянулъ. Люди идутъ мимо, не обращая вниманія на горести молодыхъ дѣвушекъ. А между тѣмъ въ любви, какъ въ свѣтѣ солнца, вся прелесть жизни.

Жакъ ей представлялся потеряннымъ, отдѣленнымъ отъ нея большимъ ледянымъ пространствомъ. Она желала ему неудачи, чтобъ имѣть возможность залѣчить его раны. Анни жалѣла его, а особенно себя.

Жанна набросила платокъ на плечи сестры. Она замѣтила блѣдность Анни и меланхолическое выраженіе ея глазъ. Она хотѣла заговорить съ сестрой. Ея губы собирались изречь что-то очень серьезнее, и вся дѣтская фигурка подтверждала это. Она поцѣловала Анни и сказала:

— Я тебя очень люблю. Зачѣмъ ты покидаешь насъ?

— Вотъ кто-то!—прервала ее дѣвушка.

И грусть ея слетѣла, какъ плохой сонъ. У воротъ виллы позвонили. Вошелъ Люсьенъ. Анни побѣжала навстрѣчу молодому человѣку.

— *Онъ* избранъ?

— Да, я пришелъ объявить вамъ это.

Анни спросила еще:

— Васъ *онъ* прислалъ, не правда ли?

Она приписывала Жаку иниціативу ночного визита.

Чтобы не огорчить ея, Люсьенъ отвѣтилъ:

— Да, Жакъ просилъ меня заѣхать.

Онъ сказалъ это невеселымъ тономъ. Жанна смотрѣла на молодого человѣка своими большими, ясными, смышленными глазами.

Люсьенъ сообщилъ нѣкоторыя подробности. Когда онъ разсказалъ приключеніе съ символическимъ манекеномъ и робкое бѣгство Фроссара, Меранъ огорчился.

— Знаете ли, дорогой Аландъ, вы однимъ ударомъ уничтожили, по крайней мѣрѣ, тридцать анекдотовъ изъ моего репертуара. Судьба нелѣпа. Она приставляетъ трагическій конецъ къ водевильной дѣятельности депутата, который былъ всегда силенъ своимъ комизмомъ. Отнынѣ я не въ состояніи буду *фроссардизировать* за бутылкой съ пріятелями, не рискуя поступить неделикатно по отношенію къ побѣжденному, а между тѣмъ я только что узналъ превосходную рѣчь, произнесенную имъ за послѣдніе дни въ земледѣльческомъ обществѣ, собравшемся въ Аннеси въ честь его избранія. Онъ убѣждалъ сограждан не довольствоваться эксплуатаціей земли, нашей матери, но обратить вниманіе на крупную промышленность. «Сюлли, господа,— сказалъ онъ въ заключеніе,—Сюлли, который былъ Мулліаромъ Генриха IV (вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что Мулліаръ нашъ теперешній министръ земледѣлія), имѣлъ обыкновеніе говорить, что земледѣліе и промышленность—два сосца Франціи. Наша Савойя—слишкомъ красивая особа, чтобы довольствоваться однимъ сосцомъ»...

Анни молча радовалась побѣдѣ.

— Теперь конецъ его работѣ. Теперь онъ мой. Ему не придется разрываться между любовью и карьерой. Онъ будетъ говорить со мной, а я отдамъ ему всю душу.—Она позабыла таинственный видъ, съ какимъ Жанна заговорила передъ пріѣздомъ Люсьена.

Провожая молодого человѣка, Меранъ прибавилъ на порогѣ входной двери:

— Рѣчь окончилась продолжительными рукоплесканіями. Въ концѣ моего разсказа должны быть *продолжительныя рукоплесканія*. Рѣшительно, меня огорчаетъ паденіе Фроссара.

На обратномъ пути, въ аллеѣ своего парка Люсьенъ размышлялъ:

«Анни была прелестна сегодня вечеромъ. Любовь отражалась на ея лицѣ. Сколько страданія готовитъ ей судьба. Дѣвушка отдаетъ свою жизнь, не зная жизни, не зная своего избранника. И гдѣ ей было узнать ихъ? Она наивна, какъ народъ. Какъ народъ, будетъ страдать въ погонѣ за счастіемъ. И мнѣ жаль ее, какъ народъ. Но я ничего не могу для нихъ сдѣлать.

VII.

Люсьенъ Аландъ почти не выѣзжалъ изъ помѣстья. Онъ слушалъ безъ увлеченія путанные отчеты фермера Фавера, который съ утренней зарей уводилъ его въ поле. Люсьенъ старался заинтересоваться успѣхами земледѣлія и сельскимъ хозяйствомъ.

Нерѣдко заглядывалъ къ нему Жакъ Альваръ по дорогѣ въ Мен-

тону, куда пріѣзжалъ ухаживать за невѣстой. Но скучныя изліянія пріятеля не доставляли удовольствія.

— Бездѣйствіе убиваетъ меня,— говорилъ Жакъ.— Ты не можешь себѣ представить, какъ я жалѣю, что борьба кончена. Первые дни послѣ выборовъ у меня былъ предлогъ не сидѣть все время въ Ментонѣ: надо было сдѣлать благодарственные визиты крупнымъ избирателямъ, умиротворить нѣкоторые кантоны, окончательно устроиться съ журналомъ, которымъ буду руководить изъ Парижа. Теперь нѣтъ больше уважительныхъ причинъ. По утрамъ изучаю бюджетъ Франціи, а вечеромъ осужденъ на любовь поневолѣ. Что жъ дѣлать! Зато получу тридцать тысячъ франковъ годового дохода. Состояніе необходимо тому, кто жаждетъ власти.

Обладая искусствомъ извлекать изъ людей пользу, Жакъ пріобрѣталъ отъ Люсьена цѣнныя свѣдѣнія о парижскомъ обществѣ, о матеріальномъ положеніи и торговлѣ различныхъ странъ, гдѣ тотъ бывалъ. Онъ поражалъ иногда товарища, приподнося ему его же соображенія только въ болѣе яркомъ освѣщеніи. За два дня до свадьбы Жакъ зашелъ къ пріятелю во время завтрака. У него было напряженное лицо, какъ въ дни самой отчаянной борьбы.

Люсьенъ провелъ его въ маленькую гостиную. Ремонтантныя розы украшали каминъ передъ портретомъ малютки Анни.

Жакъ вынулъ изъ бумажника два письма.

— Я прошу у тебя,—сказалъ онъ старому товарищу,—совѣта и услуги. Прежде всего совѣта. Прочти вотъ эти документы. Попробуй понять психологію молодой дѣвушки, построенную на мистицизмѣ.

Онъ протянулъ первое письмо Люсьену, который колебался взять его.

— О, можешь смѣло читать. Нескромности не будетъ. Это отъ моей жены, и рѣчь идетъ исключительно о религіи.

Онъ говорилъ уже: *моей жены,* такъ какъ считалъ фактъ совершившимся съ той минуты, когда самъ принялъ рѣшеніе.

Люсьенъ съ замѣтнымъ смущеніемъ и неопредѣленной тоской прочелъ письмо Анни.

«Есть вещи, которыя мнѣ хотѣлось бы узнать; но я не рѣшаюсь спросить васъ о нихъ, Жакъ. Поэтому приходится писать. Онѣ мучатъ меня по мѣрѣ того, какъ приближается благословенный часъ нашего брака. Хотя я и очень молчалива, но не слѣдуетъ думать, что я вовсе не размышляю. Надо быть ко мнѣ снисходительнымъ.

«Вы знаете, какъ я желаю нашего счастія. Мнѣ кажется, что оно находится въ зависимости отъ взаимнаго довѣрія. Но я боюсь, что

на свѣтѣ не бываетъ двухъ людей, которые одинаково смотрятъ на вещи и одинаково любятъ. Жакъ, объ этомъ я прежде не думала. Но послѣднее время у меня появляются все новыя и новыя мысли.

Я не умѣю выражаться. Мнѣ страшно, что я васъ совсѣмъ не знаю. Я же готова открыть вамъ свое сердце, какъ вы только пожелаете. Я отдала его вамъ. Оно полно вами. Но мнѣ такъ хотѣлось бы узнать вашъ образъ мыслей! Не считайте меня слишкомъ требовательной: мнѣ такъ хочется, чтобы у насъ была одна вѣра, одна любовь!

«Мнѣ разсказывала подруга, что прежде чѣмъ отдать свою руку, она пожелала обстоятельно поговорить съ будущимъ мужемъ, чтобы обезпечить себѣ свободу. Но я, Жакъ, свободы-то именно и не хочу! Я хочу подчиняться вашей волѣ. Нашей общей волѣ, которая должна быть направлена на то, чтобы любить другъ друга и совершенствоваться. Вы, съ вашей силой, можете дѣлать такъ много добра. Признайте меня достойной помогать вамъ, и Господь благословитъ нашу любовь!

Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы были религіозны. Я не требую пламеннаго стремленія къ добру, котораго къ сожалѣнію нѣтъ у меня самой; но только стремленія къ истинѣ и желанія согласовать свои поступки съ требованіями религіи. Не смѣйтесь надъ просьбой своей невѣсты. Это было бы очень не хорошо. Любите меня, какъ я васъ люблю. Скажите мнѣ, что вы вѣрите въ то, во что я вѣрю, и я буду вполнѣ счастлива!»

Анни Меранъ.

Жакъ слѣдилъ по лицу Люсьена за впечатлѣніемъ отъ письма.

— У нея глубоко-вѣрующая, тонкая натура,—сказалъ послѣдній, возвращая письмо.—Она будетъ чудной женой.

— Нѣсколько экзальтированная,—возразилъ Жакъ.—Всѣ эти миленькія нравственныя правильца послѣ свадьбы измѣнятся. Ея вѣра станетъ болѣе...

— Низменной?—Что ты ей отвѣтишь?

— Я? Ничего. Говорить лучше, чѣмъ писать. Я болѣе увѣренъ въ словахъ, чѣмъ въ мысляхъ. Вечеромъ пойду въ Тополевку и тамъ подъ сѣнью деревьевъ буду говорить о религіозныхъ чувствахъ.

— Да вѣдь она тебя спрашиваетъ о твоей вѣрѣ.

— Такъ что же! Развѣ я въ общественныхъ собраніяхъ не заявлялъ, что общество не можетъ обойтись безъ религіи? Развѣ не говорилъ о культѣ справедливости и братствѣ!

— Да, объ утилитарной религіи, какъ охранѣ общественнаго спокойствія.

Жакъ съ презрѣніемъ опустилъ руки.

— Что-жъ дѣлать? У меня нѣтъ наклонности къ возвышенному. Я не страдаю отъ невозможности постигнуть неизвѣстное. Зачѣмъ искать того, что для насъ непостижимо? Наши глаза видятъ до извѣстнаго предѣла: значитъ дальше смотрѣть безполезно. Ради Бога, оставимъ безцѣльныя умствованія.

— Они-то, можетъ быть, самыя существенныя, — замѣтилъ Люсьенъ.

Жакъ поднесъ ему второе письмо и сказалъ:

— Анни меня совсѣмъ не безпокоитъ. Вотъ это поважнѣе. Я долженъ тебѣ сказать...—онъ съ минуту колебался...—надо тебѣ скакать, что графиня Феррези была моей любовницей.

— А?—произнесъ Люсьенъ въ смущеніи и невольно подумалъ о несчастной Анни.

— Ее не легко было примирить съ мыслью о моей свадьбѣ. Я думалъ, что наконецъ мнѣ это удалось. И вотъ, въ послѣднюю минуту она разыгрываетъ комедію самоубійства. Прочти ея письмо. Потомъ объясню, какой жду отъ тебя услуги.

— Я не могу читать любовныхъ писемъ. Самовольно вторгаешься въ душу, тайны которой тебѣ не принадлежатъ. Я уже былъ не правъ, прочтя первое письмо.

— Однако, необходимо прочесть. Ты не можешь отказать мнѣ въ помощи. Ты мой—старинный другъ. Дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь.

Чтобы склонить Люсьена, онъ прибавилъ:

— Читай скорѣе! Дѣло, можетъ быть, идетъ о томъ, чтобы спасти жизнь женщины.

Аландъ съ неудовольствіемъ взялъ письмо. Исторія, въ которую онъ впутывался, благодаря Жаку, представлялась ему крайне опасной.

Онъ началъ чтеніе:

«Сегодня годовщина нашей брачной ночи. 11 сентября, помните? Уже годъ, какъ я принадлежу тебѣ. Эта брачная ночь, съ которой началась новая жизнь, доставила мнѣ больше волненій, чѣмъ та мучительная, когда изъ неопытной дѣвушки я стала незнающей любви женщиной. Съ тѣхъ поръ вся жизнь моя въ твоихъ поцѣлуяхъ. Я была только счастливой рабой твоихъ желаній. Ты уничтожилъ во мнѣ гордость, желаніе нравиться. Я не узнаю себя; я утратила душу; у меня осталось одно влюбленное тѣло.

«Ты хотѣлъ меня еще болѣе принизить; хотѣлъ заставить усту-

пить тебя другой женщинѣ, обѣщая скоро вернуться. Я была покорной рабой и согласилась. Ты подвергъ меня пыткѣ, заставилъ смотрѣть на свою невѣсту глазами, которые при этомъ ясно видѣли твои будущія ласки. Что я говорю? Ты при мнѣ объясняешься ей въ любви, ты касаешься губами ея щекъ. И между тѣмъ, одинъ видъ твоихъ губъ приводитъ въ бѣшенство все мое существо. Черезъ три дня ты будешь прижимать къ груди своей эту женщину. Ты будешь цѣловать ее. Я не переживу этого проклятаго дня. Объявляю тебѣ, что я умру. Это рѣшено было въ Ментонѣ, на озерѣ, вечеромъ при свѣтѣ луны. Завтра утромъ, раньше чѣмъ письмо мое попадетъ тебѣ въ руки, я брошусь съ Рокъ-де-Шеръ. Я не проклинаю тебя передъ смертью. Я желаю только, чтобы ты въ послѣдній разъ увидалъ мое тѣло, когда его вынутъ изъ воды, чтобы оно было прекрасно и чтобы, не имѣя возможности обладать имъ, ты въ объятіяхъ своей холодной супруги позавидовалъ червямъ, которые будутъ точить меня въ могилѣ.

Леонора».

Люсьенъ всталъ.

— Она не лишила себя жизни? Ты ее видѣлъ сегодня?

Жакъ отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Нѣтъ, я ея не видалъ.

— Ты знаешь, что она жива?

— Я ничего не знаю. Но женщины, дѣлающія такія заявленія, не лишаютъ себя жизни. Она возбуждена. Отъ нея можно всего ждать. Я не желаю скандала, который можетъ въ послѣднюю минуту разстроить мою свадьбу. Мнѣ нельзя идти къ ней. Ея мужъ и Меранъ смотрятъ во всѣ глаза. Послѣдній получилъ анонимное письмо, которое показалъ мнѣ. Я даже сказалъ ему, что ты любовникъ графини, что она живетъ здѣсь ради тебя, что вы раньше встрѣчались въ Парижѣ и въ Италіи.

— Ты не имѣлъ на это права,—сказалъ разсерженный Люсьенъ.—Я запрещаю тебѣ пользоваться моимъ именемъ.

Жакъ нимало не смущаясь, возразилъ:

— Надо было прежде всего отклонить подозрѣнія. Что съ тобой отъ этого сдѣлается,—скажи на милость? Такая связь должна льстить тебѣ, а Меранъ человѣкъ скромный. Что касается мужа, онъ о тебѣ ничего не знаетъ. Ты долженъ пойти къ ней. Передай вотъ это письмо, на которомъ нѣтъ адреса. Ты ее успокоишь. Она должна понять, что мой бракъ вовсе не влечетъ за собой разрыва съ ней. Она приглашена на свадьбу. Я хочу, чтобы она присутствовала на ней. Если

безумная откажется, графъ убѣдится въ томъ, о чемъ начинаетъ догадываться. Это неизбѣжно.

Люсьенъ, страшно волнуясь, отказывался.

— Я не желаю вмѣшиваться въ твои любовныя интриги.

Жакъ прикинулся взволнованнымъ.

— Послушай, другъ мой, время идетъ. Получивъ письмо, я бросился въ экипажъ. Пріѣхалъ. Я безпокоюсь гораздо больше, чѣмъ показываю. Я думаю, я почти увѣренъ, что Леонора не лишила себя жизни. Но не получая отъ меня извѣстія, она, при своемъ нервномъ состояніи, можетъ дѣйствительно додуматься до самоубійства. Каждый лишній часъ, проведенный въ неизвѣстности, можетъ склонить ее къ роковому рѣшенію. Кого же мнѣ послать къ ней? Кто убѣдитъ ее жить? Я не могу отправиться самъ, не возбуждая ревности мужа и рискую произвести драму въ семьѣ Мерановъ. Мой экипажъ здѣсь, онъ свезетъ тебя въ Талуаръ. Потомъ мы встрѣтимся въ Тополевкѣ. Отправляйся скорѣе, умоляю тебя.

Настоятельная просьба измѣнила рѣшеніе Люсьена.

— Хорошо, я поѣду,—сказалъ онъ.

И, думая объ Анни, прибавилъ:

— Но клянись, что порвешь навсегда съ любовницей.

Жакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Странная фантазія!

— Если ты не поклянешься, я останусь.

— Ну, хорошо! Я порву совершенно; дѣло рѣшенное.

Онъ слегка пожалъ плечами. Когда Люсьенъ выходилъ, Жакъ прибавилъ:

— Если случилось несчастіе, я на тебя вполнѣ полагаюсь.

А Люсьенъ думалъ:

«Если бы Жакъ хотя немного безпокоился о своей любовницѣ, то заговорилъ бы о ней сейчасъ по приходѣ и раньше прочелъ бы ея письмо, вмѣсто того чтобы издѣваться надъ благочестіемъ Анни Мерапъ».

Анни съ тревогой ждала жениха.

Сентябрьское утро напрасно разливало вокругъ нея свою красоту; оно не навѣвало на дѣвушку тѣхъ радостныхъ мыслей, какія распускаются въ свѣтѣ солнечнаго дня подъ вліяніемъ молодости и любви.

Осень точно не хотѣла смѣнить роскошнаго лѣта. Безоблачное небо смотрѣлось своей лазурью въ неподвижное зеркало водъ: образъ и отраженіе спорили мягкостью оттѣнковъ. По берегу, между горами,

стояла голубоватая, свѣтящаяся пыль, и эта теплая дымка струилась и дрожала. По утрамъ розовато-бѣлые туманы, точно смѣсь лилій съ розой, подымались отъ земли; по вечерамъ красное зарево заката, точно отблескъ пожара, окрашивало горизонтъ.

Казалось, природа переживаетъ слишкомъ затянувшуюся молодость.

Подъ сводомъ, образовавшимся отъ сплетенія сучьевъ, Анни ждала. Скрытый среди деревьевъ фонтанъ мѣшалъ свою ритмическую жалобу съ ароматомъ японскихъ карилопсисовъ. Дѣвушка любила ароматную свѣжесть воды. Ей нравился тихій уголокъ, гдѣ можно было предаваться мечтамъ.

— Что подумаетъ онъ о моемъ письмѣ?

Ее волновало страстное желаніе откровенности. Она ощущала свою любовь по необычайному приливу доброты, по нахлынувшимъ новымъ чувствамъ. Въ ней было какое-то неясное ощущеніе; воспоминаніе о поцѣлуяхъ Жака, которые заставляли ее краснѣть, трогало до слезъ, но не причиняло волненія. Робость, всей прелести которой она не понимала, побѣдить которую было бы большимъ счастіемъ для искренно-влюбленнаго, этотъ цвѣтъ цѣломудрія, сообщавшій ея лицу дѣтскую прелесть, смущала ее. Она боялась показаться жениху ребячливой и наивной. Она не рѣшалась открыть ему свою душу и страдала отъ молчанія. Почему Жакъ не старается остаться съ ней têtе-à-têtе, и говоритъ одинаково наединѣ и при другихъ? Она видѣла, что мечты ея разлетаются и избытокъ радости, и наивнаго чувства, свойственнаго юной любви, не встрѣчаетъ отголоска.

Жакъ разыскалъ ее въ саду. Мягкій воздухъ, запахъ цвѣтовъ, прохладная, неуловимая струя воздуха, все способствовало любовной бесѣдѣ.

— Вы усомнились во мнѣ?—говорилъ молодой человѣкъ.—Почему вы думаете, что мы не будемъ согласны во взглядахъ на жизнь? Я не коснусь вашей вѣры. Она мнѣ по душѣ. Женщины должны быть религіозны. Въ своихъ рѣчахъ и политическихъ программахъ я не разъ говорилъ объ уваженіи къ религіозной свободѣ наравнѣ съ соціальной справедливостью.

Жакъ нанизывалъ доказательство за доказательствомъ, одно убѣдительнѣе другого, тѣмъ горячимъ, вибрирующимъ тономъ, который дѣлалъ изъ него опаснаго оратора; умѣнье повышать голосъ, незначительный жестъ отдавали въ его власть слушателя. Онъ разбиралъ смыслъ жизни, касался людскихъ несчастій. Время отъ времени улыбка обнаруживала чудные, бѣлые зубы, въ глазахъ блуждала безпокойная мысль.

Анни, завороженная, едва слышала, что онъ говорилъ. Она была счастлива, что онъ такъ хорошо говоритъ для нея одной.

Послѣ ухода Жака, Анни старалась припомнить весь этотъ столь желанный разговоръ. Слова жениха, лишенныя обаянія его личности, показались ей банальными, и бѣдное сердечко болѣзненно сжалось. Мракъ, съ которымъ она боролась, сгустился. Дѣвушка была слишкомъ слаба, чтобы нести тяжелое бремя угнетающей мысли. Она мало-по-малу проникала въ великую, мучительную тайну любви. Что это за чувство, овладѣвающее сердцемъ, прежде чѣмъ успѣешь дать себѣ въ немъ отчетъ и приготовиться къ оборонѣ, толкающее съ безпощадной силой другъ къ другу два незнакомыхъ существа, часто и послѣ сближенія остающихся чуждыми? Ласкающія слухъ слова, обаяніе лица, притягательная сила взгляда—этого достаточно, чтобы смутить человѣческое существованіе.

Любовь, значитъ, неумолимое, фатальное чувство, которое, вопреки всему, соединяетъ человѣческія сердца на счастіе, радость и горе. Можно ли бороться съ этой силой? Она заставляетъ встрѣчаться взглядами и молча выражать ими свои чувства; она заставляетъ трепетать руки при сладостномъ прикосновеніи; она расширяетъ сердца при видѣ красоты.

Анни пугалась при каждомъ ужасномъ, новомъ открытіи и только изумлялась, что они не подавляли ее окончательно. Всю ее охватывало какое-то необъяснимое, нѣжное чувство. Она понимала, что счастье ускользаетъ отъ нея, и при этомъ шла впередъ, точно въ будущемъ ее ждало счастіе. Любовь, затмевающая сознаніе, любовь, открывающая двери жизни и раздающая радости и горе, увлекала ее, несмотря на сомнѣнія и безпокойство, несмотря на тоску благородной, благочестивой души.

Леонора Феррези поднялась на зарѣ. Свѣжія простыни и сладкій утренній сонъ не удержали ея въ постели. Проснувшись, она ощутила на щекахъ еще невысохшія слезы. Одѣваясь, графиня съ удовольствіемъ взглянула въ зеркало. Очертаніе и округлость плечъ удовлетворили ее. Она съ восхищеніемъ поглядѣла на черныя косы и матовый цвѣтъ лица; затѣмъ грустно улыбнулась своему изображенію, точно дорогому существу, съ которымъ тяжело разставаться. Она надѣла темное платье съ бѣлыми горошками, простое, но очень выгодно оттѣнявшее матовый цвѣтъ ея лица.

Графиня поспѣшно вышла изъ дому. Можно было подумать, что она идетъ на любовное свиданіе.

Она прошла Талуаромъ, гдѣ всѣ окна были еще закрыты, под-

нялась въ Торанъ и направилась по тропинкѣ къ Рокъ-де-Шеръ. По временамъ графиня останавливалась и срывала лиловые цвѣты, которыми усѣяна вся лужайка. Въ деревнѣ ее поразилъ правильный звукъ косъ и тягучая перекличка пастуховъ.

Сквозь вѣтки деревьевъ виднѣлось озеро, подернутое мелкой рябью, точно отъ дуновенія сиренъ. Его блѣдно-голубыя прозрачныя воды манили въ свои объятія. Утренній туманъ смягчалъ очертанія горъ, которыя казались почти бѣлыми. То былъ дѣвственный уборъ пробуждающейся природы. Сочетаніе лазури и снѣга, неопредѣленныхъ линій и неясныхъ очертаній, порываніе природы къ свѣту и жизни.

Леонора, ощутивъ слишкомъ большой приливъ радости при видѣ пробуждающагося дня, закрыла глаза.

Она, тѣмъ не менѣе, желаетъ смерти.

Графиня дошла до того мѣста на Рокъ-де-Шеръ, гдѣ сидѣла съ Анни Меранъ. Она приближается къ обрыву и смотритъ на притягательную воду. Потомъ снова идетъ на лужайку и рветъ цвѣты. Леонора составляетъ букетъ изъ душистыхъ цикломенъ и розоваго вереска. Она не торопится. Не обложить ли цвѣты трепещущими стебельками Богородициной травки?

Она бросится въ воду съ этимъ букетомъ, а цвѣты, плывя по поверхности воды, укажутъ Жаку мѣсто, гдѣ ея тѣло. Надо, чтобы ее нашли и чтобы тѣло не оставалось слишкомъ долго въ холодной водѣ.

Она вспомнила Офелію и другихъ прекрасныхъ покойницъ изъ литературы. Графиня вполголоса напѣваетъ первый куплетъ пѣсенки, который слышала отъ рыбачки.

Là haut sur la montagne,
Y a—t—un oiseau qui chante,
Qui chante nuit et jour,
Li ou la,
Qui chante nuit et jour
Que les amours sont doux.

Другого куплета она не знаетъ, а букетъ оконченъ. Нѣтъ болѣе причины жить. Она спокойно и съ любовью смотритъ на мелкую зыбь озера.

— Да, да, потомъ! Сначала отдохну немного; я очень устала.

Она садится на траву и старается привести мысли въ порядокъ. По дорогѣ, близъ Талуара она встрѣтила крестьянокъ, отправлявшихся на работу. Онѣ несли на плечахъ грабли, чтобы ворошить сѣно. Без-

форменныя фигуры, увядшія лица указывали на суровую жизнь. Цѣлый день будутъ онѣ трудиться на солнцѣ, причемъ отъ мужей услышатъ одну ругань; дѣти будутъ сосать ихъ истощенную грудь. И несмотря на это, онѣ не хотятъ умирать. Леонора позавидовала ихъ судьбѣ.

— Онѣ находятъ счастіе въ насущной работѣ; онѣ приносятъ пользу; а я—я даже радости никому не доставляю.

Графиня поднесла букетъ къ носу и, вдыхая ароматъ дикихъ цвѣтовъ, точно ощущала безыскусственную жизнь природы. Трава издаетъ благоуханіе, птицы поютъ въ листвѣ деревьевъ, озеро слабо плещетъ въ берегахъ, въ воздухѣ дрожитъ золотистая пыль; все живетъ, все говоритъ о сладости жизни въ ясное лѣтнее утро.

— Воздухъ и ароматъ цвѣтовъ опьяняютъ. Хорошо бы еще разъ взглянуть на себя. Жаль, что нѣтъ зеркала. Въ послѣдній разъ проститься съ собой. И зачѣмъ я желаю умереть?...

Леонора положила цвѣты на землю и подперла голову руками. Ей вспоминаются поцѣлуи Жака; она видитъ передъ собою Анни, склонившуюся надъ обрывомъ; ей представляется, какъ молодой человѣкъ цѣлуетъ дѣвушку, какъ уноситъ ее въ своихъ объятіяхъ... Графиня быстро вскакиваетъ и бѣжитъ къ краю скалы; сейчасъ бросится въ пропасть. Она издаетъ пронзительный крикъ и въ ужасѣ отступаетъ. На этотъ разъ смерть была близко, и все тѣло женщины содрогается отъ ужаса.

— О, какъ трудно умереть!—думаетъ она.—Съ открытыми глазами я не рѣшусь; надо закрыть глаза. Пресвятая Дѣва, помоги мнѣ!

Она озирается кругомъ... въ послѣдній разъ... медленно... медленно; закрываетъ глаза и, точно прикованная къ землѣ, вся похолодѣвшая, не двигается съ мѣста. Одинъ шагъ—и смерть. Смерть манитъ ее, улыбается ей: она конецъ страданій, вѣчный покой.

Леонора отступаетъ, поднявъ руки кверху, точно желая оттолкнуть что-то невидимое и все не открываетъ глазъ. Когда она, наконецъ, открыла глаза, край пропасти былъ далеко. Несчастная разражается рыданіями; она бросается въ траву пристыженная, униженная и громко кричитъ на себя:

— Трусиха, трусиха, боится смерти!

Графиня Феррези не велѣла никого принимать. Съ спущенными шторами, едва пропускавшими слабый свѣтъ, она сидѣла въ темнотѣ и думала о своемъ униженіи. Она ясно представляла себѣ ироническій тонъ любовника, когда онъ увидитъ ее живой послѣ торжественнаго заявленія о самоубійствѣ.

— Онъ скоро придетъ,—думала она.—Не желаю его видѣть. Я убѣждена, что онъ не повѣрилъ моему намѣренію лишить себя жизни. Однако, я правда хотѣла умереть, но не смогла; я не виновата. Такъ трудно умирать въ хорошую погоду. Я бѣдная, безвольная женщина!

Она вспомнила трагическій день, когда хотѣла погубить свою соперницу и при одномъ воспоминаніи вся содрогнулась.

— О, я не опасна. У меня страстные порывы, но нѣтъ силы воли. Надо всегда приводить мысль немедленно въ исполненіе. Какъ было бы это хорошо! Я бы уже умерла. Онъ презираетъ меня за безхарактерность. Я не перенесу его ироническаго взгляда. Но, можетъ быть, онъ не придетъ даже справиться, жива ли я.

Она заплакала отъ жалости къ себѣ.

— Бѣдная, несчастная! Бѣдная, бѣдная!!!

Горничная пришла сказать, что г. Аландъ настоятельно требуетъ, чтобы его приняли, что у него есть къ ней важное порученіе. Она нѣкоторое время колебалась, затѣмъ приказала принять молодого человѣка. Люсьенъ отдалъ ей письмо Жака, которое она разорвала съ лихорадочной поспѣшностью. Вѣроятно, въ письмѣ не было нѣжныхъ изліяній, такъ какъ графиня не могла сдержаться передъ посѣтителемъ и разразилась рыданіями. Она говорила прерывающимся голосомъ:

— Онъ не вѣритъ!... не вѣритъ... что я хотѣла умереть. О, какъ онъ суровъ со мной! Какой позоръ!

Отеревъ глаза, измученная, растрепавшаяся, графиня повѣдала чужому человѣку свое горе. Она разсказала о своей несчастной любви, о попыткѣ лишить себя жизни, о страхѣ передъ смертью, о позорѣ. Слова облегчили ее.

— Когда не желаешь жить,—закончила она,—уже чувствуешь себя мертвой. Настоящая смерть—это гибель нашихъ надеждъ и радостей. Она внутри насъ.

Люсьенъ взялъ ее за руку.

— Не говорите о позорѣ. Вполнѣ естественно, что мы боимся смерти.

Онъ сказалъ ей еще нѣсколько дружественныхъ фразъ, а она непроизвольно поднесла руку молодого человѣка къ губамъ.

— Вы добрый, добрый,—шептала она.—Скажите мнѣ, почему мы любимъ безжалостныхъ людей?!

Люсьенъ заговорилъ съ ней объ Анни Меранъ, въ концѣ концовъ сталъ убѣждать молодую женщину отказаться отъ любви, которая причиняла ей одни страданія.

Она перебила его.

— О, не требуйте отъ меня этого! Вы видите, что я не въ силахъ. Такова моя судьба. Понимаете ли? Я раба! Я его вещь.

Она прибавила:

— Въ письмѣ Жакъ назначаетъ мнѣ свиданіе черезъ три недѣли. Смотрите, онъ не желаетъ компрометировать себя! Адреса нѣтъ, письмо написано на ремингтонѣ. У меня нѣтъ ни одной строчки, написанной его рукою. Онъ желаетъ, чтобы я присутствовала на его свадьбѣ. Но я не буду. Или, если отправлюсь, то только для того, чтобы устроить непоправимый скандалъ...

Люсьену удалось ее нѣсколько успокоить; онъ оставилъ графиню плачущей, но умиротворенной.

По дорогѣ въ Ментону Аландъ встрѣтилъ Мерана, который хитро улыбнулся, видя, что молодой человѣкъ возвращается изъ Таллуара.

— Старикъ воображаетъ, что я рабъ своей страсти!—подумалъ онъ.

Въ немъ закипѣла злоба противъ Жака.

— Скотина!—проворчалъ Люсьенъ.—Онъ благосклонно отдаетъ женѣ три недѣли, чтобы потомъ вернуться къ любовницѣ. Что за кровь течетъ въ ихъ жилахъ, что онѣ бросаются на этого мерзавца, который ихъ презираетъ и только снисходитъ къ ихъ любви? Какое, однако, жалкое чувство—любовь, обрекающее на жертву хищнику слабыя существа. Я долженъ помѣшать предательству Жака. Это мой долгъ. Слѣдуетъ предупредить Анни или ея отца. Свадьбы не бывать. Въ моемъ распоряженіи сорокъ восемь часовъ, чтобы все разстроить.

Люсьенъ безнадежно махнулъ рукой.

— Совѣсть велитъ мнѣ одно, а жалкое чувство чести—другое. Жакъ, противъ моей воли, довѣрилъ мнѣ тайну своей связи. Его тайна не принадлежитъ мнѣ. Онъ дѣлаетъ меня сообщникомъ своихъ мерзостей, почти участникомъ въ нихъ. А я не имѣю права преградить ему путь. Вотъ, что у насъ называется чувствомъ чести!

Передъ его глазами поминутно вставалъ чистый образъ Анни.

— Вѣдь, спасая дѣвушку, я буду дѣйствовать безкорыстно.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Совершенно безкорыстно. Вѣдь я не люблю ея.

Въ порывѣ гнѣва онъ дошелъ до мысли, которой самъ удивился:

— Жакъ отнялъ у меня настоящую цѣль жизни. Благо, принесенное странѣ моими предками, роднитъ меня съ ней: Жакъ ея не любитъ и похищаетъ у меня. Анни еще ребенкомъ была выбрана и предназначена мнѣ матерью. Жакъ не знаетъ ея чуднаго сердца. Онъ ея не любитъ и похищаетъ у меня. Зачѣмъ я уѣзжалъ отсюда? А, главное, зачѣмъ возвратился?

VIII.

Утромъ, въ день свадьбы, Анни, проснувшись, подбѣжала къ окну. Ей хотѣлось узнать, какова погода. Разсвѣтъ былъ роскошный: на востокѣ протянулись длинныя фіолетово-розовыя полосы; съ западной части горизонта сбѣгалъ легкій туманъ. Въ ясномъ небѣ Анни видѣла предзнаменованіе счастія. Она долго всматривалась въ хорошо знакомый пейзажъ, точно желая сохранить его въ памяти. Дѣвушка тихо улыбалась. Молодость брала верхъ надъ грустными мыслями. Анни довѣрчиво отдавалась жизни, счастію, любви.

Невѣсту одѣли въ подвѣнечное платье. Блѣдная отъ волненія, она казалась выше и тоньше въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, точно хрупкая инфанта, зачахшая въ меланхолическомъ замкѣ. Въ зеркалахъ отражалась тонкая, изящная фигура, съ нѣжнымъ, серьезнымъ лицомъ, съ почти мистическимъ взоромъ.

Букеты цвѣтовъ, среди которыхъ преобладали розы, наполняли комнату ароматомъ.

Прежде чѣмъ сойти въ гостиную, она еще разъ взглянула въ окно и вскрикнула отъ изумленія: едва замѣтныя раньше облачка, сгустились въ тучи и покрыли все небо; лицо Анни омрачилось.

Жанна, свѣженькая, въ розовомъ туалетѣ, пришла за сестрой.

— Тебя ждутъ; пора...

И, прежде чѣмъ выйти, младшая сестра поцѣловала старшую, говоря, со слезами на глазахъ:

— Ты будешь счастлива? Будешь часто, часто пріѣзжать къ намъ.

Въ гостиной Жакъ, съ гордой осанкой, высокій, стройный, изысканно одѣтый, спорилъ съ членами комитета: тяжеловѣснымъ, корректнымъ Баро, адвокатомъ Брена, уже успѣвшимъ запачкать жилетъ; съ юркимъ, нарядным Колларомъ, провинціальный дендизмъ котораго оскорбляло пятно на жилетѣ Брена; наконецъ, Шараве, сіявшимъ потому, что ему удалось перебить у Тальяра составленіе свадебнаго контракта.

Въ углу за жардиньеркой графъ Феррези рисовалъ Люсьену картину нищеты въ Италіи. Графиня, сіяя красотой, въ туалетѣ цвѣта морской воды, болтала съ m-me Меранъ, дѣлая видъ, что не обращаетъ вниманія на любовника, который смотрѣлъ на нее, точно открывая въ ней новую прелесть.

У Анни сжималось сердце, при видѣ, какъ мало вниманія обращаетъ на нее Жакъ:

— Какое ничтожное мѣсто занимаю я въ его жизни! — думала она.

Дѣвушка сдѣлала огорченную мину; но это замѣтилъ только Люсьенъ. Наканунѣ у него съ пріятелемъ былъ оживленный разговоръ. Онъ требовалъ, чтобы тотъ окончательно порвалъ связь съ графиней, грозилъ предупредить Мерана, отказывался быть шаферомъ.

Жакъ Альваръ сначала шутилъ и смѣялся:

— Какое тебѣ дѣло? Или ты заинтересованъ моей женой? Я поступлю такъ, какъ мнѣ вздумается. Ты ничего не скажешь Мерамъ, потому что не имѣешь на это права.

Аландъ упорно настаивалъ на своемъ. Онъ утверждалъ, что тѣсная дружба съ Мераномъ не позволяетъ ему ограничиться предательскимъ молчаніемъ. Жакъ понялъ, что неожиданный противникъ не уступитъ и, чтобы покончить съ непріятнымъ инцидентомъ, торжественно поклялся не возобновлять связи съ любовницей.

Графиня поцѣловала невѣсту.

— Какъ вы обворожительны, моя прелесть!

Ея блестящіе глаза, прозрачная кожа, округлыя формы дышали возбуждающимъ сладострастіемъ. Чувственной натурѣ Жака она казалась гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ кроткая, нѣжная Анни.

Люсьенъ, увидавъ предательскій поцѣлуй графини, отвернулся. На него напала гнетущая тоска. Онъ услыхалъ, какіе очаровательные комплименты говорилъ Жакъ обѣимъ женщинамъ, подойдя къ нимъ.

— Конечно, — думалъ Люсьенъ, — Жакъ находитъ особое, извращенное удовольствіе при видѣ ихъ вмѣстѣ.

Пріятель подошелъ къ нему.

— Мы уѣзжаемъ сегодня вечеромъ въ Aix-les-Bains. Намъ приготовлено помѣщеніе. Затѣмъ проведемъ двѣ-три недѣли въ Италіи, а тамъ въ Парижъ. Я хочу пріѣхать до начала засѣданій, чтобы освоиться съ средой и войти въ роль.

— Читалъ ты сегодня *Фигаро?* — продолжалъ онъ. — Есть интересныя пророчества о новомъ кабинетѣ. Повидимому, новые представители не изъ важныхъ. Упомянуто въ благопріятныхъ выраженіяхъ обо мнѣ.

Анни съ лаской смотрѣла издали на жениха.

— Она воображаетъ, что Жакъ говоритъ о ней, — подумалъ съ грустью Люсьенъ. И такъ какъ Жакъ оставилъ его, направившись встрѣчать приглашенныхъ, предался размышленіямъ.

— Мнѣ грустно, потому что происходитъ рѣшительный актъ, навсегда лишающій меня Анни. Только теперь, когда уже поздно, я вполнѣ понимаю всю силу любви, переполняющей ея молодое сердце,

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

искренность ея чувствъ, и полное отсутствіе кокетства. Эти тонкія, деликатныя свойства могли бы пышно распуститься при благопріятныхъ условіяхъ. А она безъ оглядки идетъ прямо къ пропасти. Въ прежніе годы такъ наряжали дѣвушекъ, обреченныхъ въ жертву. Не знаю, люблю ли я Анни? Знаю только, что заранѣе мучительно жалѣю ее, предвидя ея горькую участь.

— М-г Аландъ, предложите мнѣ руку; вы меня всегда забываете!—сказала Жанна.

Люсьенъ замѣтилъ, что процессія была готова двинуться. Сѣли въ экипажи. Около церкви по обѣ стороны паперти стояли крестьяне. Преобладали женщины, пришедшія взглянуть на свадьбу «своей барышни». Немало было сморщенныхъ старухъ, проявлявшихъ не менѣе любопытства, чѣмъ молодыя, жадно разсматривавшія туалеты. У входа стоялъ старый сухощавый, надменнаго вида швейцаръ, въ широкой красной ливреѣ, истрепанной и зачиненной, точно Донъ-Кихотъ въ костюмѣ Санчо-Пансо; онъ съ достоинствомъ опирался одной рукой на алебарду, а въ другой держалъ старую, заржавленную рапиру. Онъ презрительно относился къ толпѣ и грубо возстановлялъ порядокъ. Часъ назадъ величественный рыцарь пахалъ землю и послѣ церемоніи долженъ былъ вернуться къ тому же дѣлу. Достаточно было пестраго костюма, чтобы пробудить въ немъ желаніе власти, а другимъ внушить къ нему уваженіе.

Кареты останавливались одна за другой, и публика входила въ церковь. Жакъ разсматривалъ толпу; онъ шелъ вѣнчаться, какъ на избирательное собраніе. Анни углубилась въ себя; сосредоточеннымъ видомъ и ангельской наружностью она походила на святую со старинной иконы.

Выглянуло солнце и снопъ синихъ и красныхъ лучей хлынулъ черезъ окна въ церковь. Темное золото алтаря, одѣяніе священника, красное платьей дѣтей хора, серебристое платье невѣсты, шелкъ, атласъ, бархатъ нарядовъ,—все освѣтилось золотистымъ свѣтомъ. Точно волшебствомъ преобразилась вся церковь.

Кюре изъ Ментоны, добродушный сельскій священникъ, единственнымъ достоинствомъ котораго были доброта и преклонный возрастъ, уже нѣсколько дней подбиралъ красивыя фразы, пересыпанныя цитатами и метафорами. Наконецъ, послѣ латинскаго текста, онъ оставилъ подготовленную рѣчь и заговорилъ отъ чистаго сердца. Онъ нарисовалъ картину христіанскаго брака, изобразилъ мужчину и женщину, безкорыстно посвящающихъ себя другъ другу, находящихъ утѣшеніе въ религіи и подкрѣпленіе во взаимной любви и уваженіи.

Анни, волнуясь, слушала подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Жакъ думалъ о статьѣ въ *Фигаро*.

Во время благословенія графиня Феррези поблѣднѣла, какъ полотно, а Люсьенъ почувствовалъ приливъ желчи.

Когда кончилась обѣдня, всѣ собрались въ тѣсной ризницѣ. Посыпался градъ комплиментовъ и пожеланій, на которыя новобрачная отвѣчала любезной улыбкой, почти ничего не слыша. М-me Меранъ не преминула все похвалить:

«Какъ прекрасно говорилъ добрѣйшій священникъ. Даже солнце принимало участіе въ церемоніи. Оно украсило ореоломъ голову Анни. И какъ мила была малютка. У швейцара была вполнѣ приличная ливрея. Всѣ видѣли, какъ толпа вела себя прилично. Такое благочестивое зрѣлище поистинѣ утѣшительно въ наше трудное время». Мужъ ея былъ печаленъ; онъ думалъ, какъ опустѣетъ домъ съ отъѣздомъ кроткой, любящей Анни.

Командиръ Баро дѣлалъ размашистые жесты надъ головой низенькаго Коллара; Брена соображалъ: «Альваръ—адвокатъ округа Ментоны, у котораго крупный процессъ, я займу его мѣсто», и онъ дружественно пожалъ руку товарищу. Жакъ, легко приспособляющійся къ обстоятельствамъ, обвораживалъ всѣхъ изяществомъ рѣчи. Графиня Феррези, руку которой онъ задержалъ на секунду, поблѣднѣла отъ радости при такомъ выраженіи нѣжности.

Молодые супруги шли во главѣ кортежа, выходя изъ церкви. Въ дверяхъ маленькая собачка остановила шествіе. Жакъ отбросилъ ее ногой; это произошло такъ быстро, что почти никто не видѣлъ жеста.

— Этотъ сумѣетъ расчистить себѣ дорогу!—съ усмѣшкой замѣтилъ какой-то крестьянинъ.

Крики: «Да здравствуетъ новобрачная! Да здравствуетъ депутатъ!» льстили тщеславію Жака. Народъ былъ для него только механизмомъ, производящимъ оваціи.

Брачный пиръ, по провинціальному обычаю, былъ продолжителенъ и обиленъ. Мало-по-малу солидность и декорумъ исчезли, и ихъ замѣнило веселье. Только Меранъ и командиръ Баро не принимали участія въ общемъ ликованіи. Первый огорчался отъѣздомъ дочери, къ чему примѣшивалось неудовольствіе отъ необходимости обѣдать съ людьми, изъ которыхъ одни, а именно женщины, ничего не понимаютъ въ достоинствахъ виннаго погреба, и другіе—именно мужчины, въ тонкостяхъ разговора. «Порядочный человѣкъ,—говорилъ онъ пожилой, умной сосѣдкѣ,—долженъ разъ въ недѣлю давать обѣдъ; но непремѣнно избранному обществу». Избраннымъ обществомъ на-

зывалъ онъ гастрономовъ ума и желудка. Что касается командира, тотъ повторялъ про себя заранѣе приготовленный и заученный тостъ и съ ужасомъ убѣждался, что позабылъ заключительную фразу; стараясь припомнить ее, онъ вперялъ угрожающій взоръ въ vis-à-vis. Графиня Феррези вспоминала многозначительное рукопожатіе Жака. Она видѣла въ немъ обѣщаніе продолжительной, прочной любви и заранѣе примирялась съ необходимостью дѣлить любовь, и съ новыми измѣнами. Люсьенъ Аландъ, посаженный рядомъ съ Жанною Меранъ, удивлялся остроумнымъ, не лишеннымъ иронiи, замѣчаніямъ дѣвушки.

«Я никогда не обращалъ вниманія на дѣвочку,—думалъ онъ и несправедливо прибавлялъ:—изъ нея выйдетъ забавная кокетка». Люсьенъ не видалъ грустнаго выраженія направленныхъ на него глазъ.

Анни нѣсколько онечаленная грубоватымъ веселіемъ окружающихъ, улыбалась банальнымъ словамъ своего мужа. Ее утомили гости, которые своимъ присутствіемъ омрачали счастіе; между тѣмъ Жакъ ѣлъ съ аппетитомъ и, будучи своимъ человѣкомъ, критиковалъ сервировку и жаловался, что бургундское охладили вмѣсто того, чтобы согрѣть.

Послѣ обѣда, когда начались танцы, молодые скрылись. Поѣздъ отходилъ въ шесть часовъ.

Устроившись въ роскошномъ помѣщенiи лучшаго отеля въ Aix-les-Bains, Жакъ повелъ жену обѣдать. Съ террасы открывался видъ на паркъ, уже окутанный вечернимъ полумракомъ, дальше виднѣлись горы, окаймленныя розовато-оранжевымъ свѣтомъ.

Ряды венеціанскихъ фонариковъ, приготовленныхъ къ вечернему гулянью, соединяли деревья, окружавшія прудикъ. Когда они зажглись, темную листву деревьевъ прорѣзали разноцвѣтныя полосы свѣта, отразившіяся въ неподвижномъ зеркалѣ водъ. На свѣтломъ еще небѣ едва показывались звѣзды; только Венера ярко сіяла. Былъ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ сентябрьскихъ вечеровъ, когда лѣто точно хочетъ предстать на прощанье во всей своей красѣ: послѣдніе цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ, котораго еще не убила осень.

На террасѣ маленькія лампочки, прикрытыя зелеными и красными абажурами, кокетливо освѣщали столы.

Молодые занимали одинъ изъ лучшихъ столиковъ около балюстрады. Вокругъ нихъ стоялъ неясный гулъ Казино. Легкій вѣтерокъ доносилъ отдаленные звуки музыки, время отъ времени заглушаемой разговорами обѣдающихъ и стукомъ посуды.

Свѣтъ лампъ, производя на лицахъ игру тѣней, освѣщалъ то оживленныя, смѣлыя лица, то правильныя, то измятыя черты. Бѣлыя скатерти, блѣдные цвѣты, розовыя гвоздики и камеліи, украшавшіе столы, свѣтлые туалеты, яркіе пластоны,—все рѣзко выдѣлялось на темномъ фонѣ ночи.

Женщины въ кричащихъ туалетахъ, съ вызывающими манерами, мужчины съ физіономіями дѣльцовъ или озабоченными лицами игроковъ и виверовъ поминутно спускались и подымались по лѣстницѣ, огибающей террасу. Сначала Анни забавляло разнообразное, ласкающее взоръ зрѣлище. Потомъ на лицѣ ея снова появилась грустная минка.

«Намъ было бы гораздо лучше однимъ, у себя въ комнатѣ», думала она. Но вслухъ этого не сказала, боясь огорчить мужа, который, конечно, привелъ ее сюда, чтобы доставить удовольствіе и впервые дать возможность почувствовать себя на свободѣ. За такія намѣренія, самовольно приписанныя Жаку, она искренно улыбалась ему.

Онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, но говорилъ слишкомъ громко, точно имѣя въ виду, что его слушаетъ вся терраса. На него смотрѣли съ сосѣднихъ столовъ. Женщины обращали вниманіе на красивую фигуру, хорошія манеры, блестящіе глаза и русую бородку молодого человѣка, а онъ точно ради нихъ нанизывалъ красивыя фразы. Жакъ сидѣлъ на ярко освѣщенномъ мѣстѣ, тогда какъ Анни совсѣмъ скрылась во мракѣ. Она чувствовала, что на нихъ смотрятъ и въ смущеніи опускала глаза въ тарелку съ ягодами. Мужъ все еще не принадлежалъ ей нераздѣльно.

Ея мужъ!—она съ радостью повторяла эти два слова, не могла удержаться, чтобы по временамъ не шептать ихъ губами. Она подымала глаза, чтобы взглянуть на него, на *своего* мужа, но видя при этомъ, что всѣ на него любуются, не въ состояніи была беззавѣтно радоваться.

— Хотите пройтись по парку?—спросилъ онъ за дессертомъ.

— О, да, воздухъ такъ хорошъ.

Анни взяла мужа подъ руку, и они спустились къ *Villa des fleurs*. Ей бросился въ глаза скучающій видъ публики среди веселой обстановки.

Они медленно прошли игорныя залы, которыя начинали уже наполняться. Жакъ, продолжая болтать съ женой, поставилъ на одномъ изъ зеленыхъ столовъ два луидора, и выигралъ четыре.

— Вотъ нашъ вечеръ и окупился, — замѣтилъ онъ тономъ дѣльца.

Анни не видала его маневра, она инстинктивно сторонилась отъ

набѣленныхъ женщинъ, съ которыми приходилось поминутно сталкиваться.

Въ этотъ вечеръ давался концертъ. Оркестръ игралъ прелюдію къ *Тристану и Изольдѣ*. Страстные, трепетные звуки лились изъ-подъ смычковъ. То былъ чарующій гимнъ чувственныхъ волненій любви. Сладострастіе наполняло ночную тишину, которая усиливала его волнующую прелесть. Звуки опьяняли, какъ запахъ туберозы.

Анни, подавленная новостью смутныхъ ощущеній, приложила руку къ груди. Она предчувствовала страстныя, невѣдомыя радости. Чистая женщина безъ боязни шла къ нимъ навстрѣчу, сильная своей любовью и цѣломудріемъ. Жакъ видѣлъ, что музыка опьяняетъ ее, и не могъ понять, какъ можно такъ поддаваться впечатлѣніямъ. Непрошенное соперничество искусства оскорбляло его гордость.

«Она свѣжа и очень бѣла,—думалъ онъ,—но поклоняться чистотѣ больше подходитъ министру, а я еще не имѣю портфеля».

Послѣ непозволительно-тривіальной, политической шутки, Жакъ увелъ жену. Онъ держалъ ея хрупкую ручку, ихъ пальцы сплетались. Онъ нагнулся къ ней и сталъ шептать на ухо:

— Анни, вы меня любите?

— Да, я люблю васъ.

Ослабѣвшая отъ слишкомъ сильнаго прилива нѣжности, она прислонила головку къ плечу Жака.

Такъ прошли они нѣсколько площадокъ и вошли въ темную аллею. Онъ цѣловалъ ея глаза, которые она закрыла. Открывъ ихъ, она увидала, что навстрѣчу идутъ гуляющіе. Ей стало мучительно стыдно. Куда, наконецъ, спрятаться, чтобы осуществить свою мечту? Чтобы ничто, ни жестъ, ни слово, ни взглядъ не омрачили яснаго счастія?

Они вошли въ комнаты. Черезъ открытое окно Анни любовалась красотою ночи. Вдали неясное очертаніе ихъ замыкало горизонтъ. Печальный блескъ звѣздъ привлекалъ вниманіе Анни. Подъ ними мерцали красные, зеленые, синіе фонарики Казино. Жакъ обратилъ вниманіе жены на эффектное отраженіе фонарей въ пруду.

Она думала:

«Мы любимъ другъ друга. Я принадлежу Жаку. Я всю себя отдаю ему. Мы будемъ жить душа въ душу и только смерть разлучитъ насъ или, вѣрнѣе, соединитъ для вѣчнаго блаженства. Мы всегда, всегда будемъ любить другъ друга».

Онъ думалъ, что придется безполезно потратить нѣсколько недѣль; вспомнилъ поцѣлуи красавицы Леоноры и смотрѣлъ почти равнодушно на довѣрчивое дитя. Его не смущало цѣломудріе жены. Въ эту

важную минуту онъ не хотѣлъ видѣть совершавшагося въ ней подъ вліяніемъ любви чуда.

Звуки музыки долетали до нихъ издали, страстные, горячіе, пламенные. Слабое дуновеніе теплаго, вечерняго вѣтерка дѣйствовало возбуждающе.

Онъ рѣшился.

— Такъ какъ насталъ часъ любви, будемъ любить...

Она все любовалась ночью. Онъ нагнулся къ ней:

— Анни, дайте мнѣ ваши губки.

И, не дожидаясь отвѣта, поцѣловалъ щеку и коснулся губъ. Онъ почувствовалъ, что отъ неизвѣданной ласки она вся затрепетала, испуганная и взволнованная. Онъ не видалъ ея взгляда. Взглядъ отражалъ непреодолимую грусть, точно предчувствіе, что ничто въ теченіе всей жизни не замѣнитъ ожиданія счастія, что послѣ пламенныхъ ласкъ обнаружится различіе жизненныхъ запросовъ, одиночество сердца.

Когда начался балъ, Люсьенъ всталъ, чтобы уѣхать. Графиня Феррези подошла къ нему.

— Вы не танцуете? Я все смотрю на васъ. У васъ грустный, сосредоточенный видъ. О чемъ вы думаете?

— Вспоминаю слова Данте о Беатриче: *Когда она проходитъ дорогой, ея взглядъ даетъ миръ.*

— Я не знаю здѣсь никого, къ кому можно было бы приложить эту цитату.

И оба подумали о глазахъ Анни.

— Провальсируемъ, хотите?—спросила она.

Они пошли танцовать. Люсьену доставляло наслажденіе вдыхать запахъ ириса, которымъ графиня была надушена, въ соединеніи съ запахомъ туберозъ, приколотыхъ къ корсажу. Онъ любовался цвѣтомъ ея кожи, порозовѣвшей отъ танцевъ, черными волосами, цвѣта воронова крыла. Измученный нравственно, возбужденный физически, онъ почувствовалъ страстное желаніе обладать ею.

Графиня пожелала отдохнуть и умоляла Люсьена остаться съ ней.

— Вы не видите, что я готова расплакаться. Я двигаюсь, какъ сонамбула и отчаянно страдаю.

Свойственная женщинамъ потребность изливать душу направила графиню къ лицу, владѣвшему ея тяжелымъ, любовнымъ секретомъ.

Но у него на этотъ разъ не было словъ состраданія и жажда одиночества заставила покинуть ее нѣсколько минутъ спустя.

Графиня флиртовала съ молодыми людьми, но ничто не помогло

ей заглушить мучительную ревность. Часъ за часомъ слѣдила она мысленно за Жакомъ и Анни и когда, послѣ полуночи, мужъ повезъ ее въ Талуаръ, она смертельно ненавидѣла соперницу и съ отвращеніемъ давала себѣ отчетъ въ характерѣ своей любви, дѣлавшей ее рабою любовника.

По дорогѣ въ Авюлли, Люсьенъ повторялъ слова огорченной красавицы:

— Я двигаюсь, какъ сонамбула.

Онъ примѣнялъ ихъ къ себѣ, и такъ какъ мучительно страдалъ, то пришелъ къ убѣжденію, что любитъ Анни. Какъ часто непоправимое, смерть или вѣчная разлука, открываютъ намъ истинное чувство. Мы живемъ, не зная хорошенько своего сердца, и только страданіе заставляетъ сразу оцѣнить всю силу утраты.

Когда Люсьенъ вошелъ въ домъ, тамъ царила полная темнота. Онъ облокотился о подоконникъ въ будуарѣ матери и отказался отъ лампы. Молодой человѣкъ далъ волю тоскѣ. Онъ переживалъ горе мужчины, а не эфемерное огорченіе юноши. Порванныя связи, покинутыя любовницы, всѣ огорченія прошлаго казались ему ничтожными въ сравненіи съ настоящими. Онъ понялъ, что праздная, безполезная жизнь въ Парижѣ убила его счастіе.

«Мнѣ естественно было остаться жить здѣсь, окруженному любовью и уваженіемъ за вѣковыя заслуги предковъ. Слѣдовало продолжать ихъ благотворную дѣятельность. Управляя имѣніемъ, я могъ бы быть естественнымъ совѣтникомъ крестьянъ. Одинъ изъ моихъ сыновей уже не колеблясь и не поддаваясь фальшивому вѣянію нашего времени, взялся бы руководить мѣстными дѣлами. Анни ждала меня. Прелестная подруга дѣтства, предназначенная украшать собою мой домъ. Она отдала Жаку сердце, жаждавшее симпатіи, потому что онъ первый взглянулъ на нее страстнымъ взоромъ, фальши котораго она, по своей наивности, не въ состояніи была замѣтить. Сегодня вечеромъ она всецѣло будетъ принадлежать ему. Бѣдный, маленькій цвѣточекъ, ароматъ котораго могу оцѣнить только я, онъ безплодно завянетъ въ грубыхъ рукахъ!»

Люсьенъ не боялся растравлять сердце опредѣленными, жестокими образами и, углубляясь въ себя, думалъ:

«Она такъ чиста, что я никогда не оскорблялъ ея нечистымъ желаніемъ. Мое настоящее волненіе имѣетъ основаніемъ скорѣе жалость, чѣмъ любовь, которая самому мнѣ стала ясна только сегодня. Да и не есть ли эта любовь дѣло головное, а не сердечное?»

Онъ понималъ, что страданіе его происходило отъ сознанія ничто-

жества всей предыдущей жизни въ соединеніи съ состраданіемъ къ несчастной жертвѣ.

Погруженный въ тяжелыя мысли, Люсьенъ вздрогнулъ при звукѣ голоса безцеремонно вошедшаго Фавера.

— Здѣсь ни зги не видать. Есть кто-нибудь въ комнатѣ?—закричалъ старикъ, споткнувшись.

Въ темнотѣ Люсьенъ не замѣтилъ, что фермеръ переступаетъ, держась за мебель.

— Что вамъ, Фавера?—спросилъ онъ оборачиваясь.

— Что мнѣ? Одни женятся, другіе умираютъ. Въ этомъ вся жизнь.

«Онъ пьянъ», подумалъ молодой человѣкъ.

— Такъ-то! Вы женили депутата, а я закопалъ въ землю мэра. Конечно, двѣ-три кружки выпили за упокой души. Понимаете

— Прекрасно. Вашъ мэръ былъ хорошій человѣкъ?

— Самый глупый во всей округѣ.

Люсьенъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Понимаете,—съ трудомъ бормоталъ Фавера, постоянно повторяя одно и то же слово,—мы его выбрали такъ, чтобы поставить на своемъ. Распоряжался всякій, кому не лѣнь... И вотъ на похоронахъ надумали выбрать въ мэры васъ. Вы вернулись изъ Парижа и будете у насъ всегда подъ руками. Вашъ покойный батюшка двадцать лѣтъ былъ мэромъ. Меня послали къ вамъ. Надо принять предложеніе. Не правда ли?

— А?—сказалъ Люсьенъ, —обо мнѣ вспомнили при замѣщеніи самаго глу.... мэра?

И чтобы избавиться отъ Фавера, сказалъ:

— Я подумаю, добрѣйшій Фавера. Оставьте меня въ покоѣ

Крестьянинъ вышелъ, бормоча:

— Прощайте, г. мэръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Аннеси.

Едва остановился поѣздъ, Люсьенъ Аландъ легко спрыгнулъ на платформу. Онъ нетерпѣливо ждалъ остановки, держа въ рукѣ пледъ.

— Здравствуйте, Фавера. Все благополучно?—сказалъ Люсьенъ ожидавшему его старому фермеру.—Не правда ли, благопріятная погода для пахоты?

— Да, господинъ мэръ, жара укрѣпляетъ почву.

Молодой человѣкъ чувствовалъ себя бодро и весело. Онъ возвра-

пался изъ Парижа, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ пятнадцатаго января до начала мая. При его отъѣздѣ изъ Парижа лилъ дождь, и только въ Савойѣ увидалъ онъ солнышко, проглянувшее послѣ зимнихъ тумановъ, веселое и уже начинавшее припекать; Люсьенъ съ наслажденіемъ согрѣлъ онѣмѣвшіе за ночь члены. Радушный пріемъ развеселилъ его; ему хотѣлось скорѣе домой, окунуться въ деревенскую жизнь.

Влѣзая въ крестьянскую повозку, Аландъ вспомнилъ непріятное впечатлѣніе прошлаго года.

«Какъ человѣкъ мѣняется,—подумалъ онъ.—Меня совсѣмъ не влекло въ эту мѣстность. Когда я возвращался сюда въ прошломъ году, утомленный праздною жизнью и тѣмъ не менѣе твердо рѣшившійся продолжать ее, я собирался продать свое имѣніе, на которое ни разу не взглянулъ въ теченіе десяти лѣтъ. Я не продалъ его и начинаю увлекаться деревенской жизнью. Званіе мэра, которымъ меня привѣтствуютъ, получаетъ въ глазахъ моихъ цѣну, какъ почетное и полезное».

Когда положили багажъ и собирались ѣхать, Люсьена окликнулъ высокій господинъ съ сѣдою бородой и суровыми чертами лица, крупными шагами приближавшійся къ станціи.

— Аландъ, Аландъ!

— Ахъ, это вы, Брена?

— Дѣло выиграно по всей линіи. Я зналъ отъ вашего фермера, что вы пріѣдете сегодня утромъ, и хотѣлъ лично сообщить вамъ пріятную новость, какъ только выдете изъ вагона.

— Спасибо. Когда судъ постановилъ рѣшеніе?

— Вчера. Новость животрепещущая.

— Поздравляю. Вамъ Ментона будетъ обязана своими водами. Я возвращаюсь какъ разъ къ майской сессіи. Въ воскресенье вотируемъ вамъ благодарность.

Старый адвокатъ покачалъ головой: онъ не любилъ похвалъ и былъ слишкомъ справедливъ, чтобы принимать на свой счетъ незаслуженное.

— Значительная доля успѣха принадлежитъ вамъ. Ваша память снабдила меня матеріаломъ для главныхъ положеній рѣчи; вы дали ясное изложеніе дѣла.

Они условились пріѣхать на объявленіе благопріятной резолюціи, и старый шарабанъ съ скрипучими колесами двинулся въ путь.

— Процессъ общины конченъ?—спросилъ фермеръ.

— Надѣюсь. Не думаю, чтобы наши противники подали на аппеляцію.

Старый фермеръ замѣтилъ:

— А любопытно бы было.

Послѣ минутнаго размышленія, онъ выразилъ недовѣріе къ правосудію.

— Прокуроръ станетъ въ копеечку. Выигравшій уйдетъ въ рубашкѣ, проигравшій—пагишомъ.

Люсьенъ любовался сквозь просвѣты между платанами на *свое* озеро, на *свои* горы. Весна въ праздничномъ нарядѣ спускалась на землю. Онъ облекалъ ее въ реальныя формы: она шла, какъ цвѣтущая юница, разбрасывая вокругъ себя бутоны розъ. Бѣловатый туманъ окутывалъ горизонтъ. Склоны горъ покрывала свѣжая зелень, какой не бываетъ лѣтомъ; она составляетъ привилегію апрѣля и мая. Потоки свѣта лились на озеро, окрашивая его во всѣ оттѣнки лиловаго цвѣта.

Молодой человѣкъ упивался свѣжимъ утреннимъ воздухомъ.

«Да,—думалъ онъ,—такая погода благотворна для земли и пріятна человѣку».

Такъ какъ фермеръ все молчалъ, Люсьенъ обратилъ вниманіе на его вытянутую физіономію.

— Фавера, у васъ такое печальное лицо, точно вы вернулись съ похоронъ.

— Еще только собираюсь на похороны, господинъ мэръ.

— У васъ кто-нибудь умеръ?

— Жена. Скоро умретъ. Вчера не вставала съ постели. Когда мы не встаемъ, значитъ, скоро конецъ.

— Что съ ней?

— Ничего. Ослабѣла. Работала всю жизнь, какъ мужчина. Выкормила десятерыхъ дѣтей. Теперь капутъ.

— Былъ докторъ?

— Зачѣмъ. Мы помираемъ безъ докторовъ.

— Бѣдная Жюльена.

Оба замолкли. Для крестьянина смерть была естественнымъ порядкомъ вещей. Отбылъ жизнь—и уходи прочь. И онъ въ свою очередь уберется скоро, также просто и коротко, даже легче, потому что не будетъ уже на свѣтѣ старой подруги.

Спутники не сказали за всю дорогу больше ни слова. За мостикомъ, при въѣздѣ въ паркъ Люсьенъ вспомнилъ свое возвращеніе со свадьбы Анни.

— Вотъ уже скоро восемь мѣсяцевъ. Мое тайное горе стало почти пріятно. Я испытываю страшную радость при видѣ лѣсовъ, ко-

торымъ ввѣрялъ свою скорбь. Страданія привязываютъ насъ къ той мѣстности, гдѣ мы ихъ испытали.

Экипажъ остановился во дворѣ.

— Пойду навѣстить Жюльену,—сказалъ молодой человѣкъ.

Фавера не торопился.

— У насъ не очень чисто, — сказалъ онъ наконецъ. — Дочери замужемъ, а младшая съ придурью, безъ руководства никуда не годится. Когда жена *была* въ домѣ, все шло своимъ чередомъ. Теперь все ползетъ врозь.

Они вошли. Большая комната, одновременно служившая кухней, столовой и спальней, была выметена и тщательно прибрана. На очагѣ кипѣла въ котелкѣ вода. Курица, стоя на подоконникѣ открытаго окна, возлѣ горшка съ геранью и женской шляпки съ бѣлыми перьями, вытягивала впередъ голову, изслѣдуя мѣстность, прежде чѣмъ прыгнуть внутрь. Въ глубинѣ комнаты, около кровати съ пологомъ стояла молодая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; ея фигура наполовину загораживала больную, которой она давала лѣкарство.

Присутствіе хорошенькой дѣвушки скрашивало бѣдную обстановку жилища. Отъ скрипа двери дѣвушка оглянулась и покраснѣла до ушей, увидя молодого человѣка.

Люсьенъ уже раньше узналъ Жанну Меранъ по золотистому цвѣту волосъ.

Она была восхитительна въ смущеніи.

Люсьенъ поклонился и подошелъ къ больной.

— Что жъ это, Жюльена, вы заболѣваете какъ разъ къ моему пріѣзду? Надо скорѣе поправляться. А то кто же будетъ мнѣ стряпать яичницы?

— М-г Люсьенъ!—обрадовалась старушка.

Больная говорила съ трудомъ, глухимъ голосомъ. Она повернула къ молодому человѣку голову. Съ помощью Жанны онъ приподнялъ ее и прислонилъ къ подушкѣ. Старушка поблагодарила.

— Спасибо. Такъ лучше.

На ея исхудавшемъ тѣлѣ совсѣмъ не было мускуловъ. Кости почти прокалывали кожу цвѣта желтаго воску или старой слоновой кости. Только два красныхъ пятна на щекахъ оживляли лицо. Увядшую шею прорѣзывала глубокая борозда. Правая рука была вытянута вдоль одѣяла, жилистая и сухая, точно сломанная вѣтка. Но въ глазахъ было полное спокойствіе. Въ нихъ отражалось шестьдесятъ лѣтъ неустанной работы и безграничной вѣры.

Смерть не пугала ея.

Она сказала шепотомъ:

— Я иду къ вашей матушкѣ, m-r Люсьенъ.

Онъ вспомнилъ, что она закрыла глаза его матери, и взялъ ея уже похолодѣвшую руку.

— Вы не покинете насъ. Я вамъ запрещаю.

Она постаралась улыбнуться.

— Господь по неизреченному милосердію призываетъ меня. Мнѣ только жаль оставить мужа и младшую дочь; она простовата. Надо больше храбрости, чтобы жить, чѣмъ умереть.

Жанна, отошедшая въ сторону, теперь приблизилась къ постели.

— Вы будете въ раю, добрѣйшая Жюльена.

— Куда жъ мнѣ еще и идти.

Глаза крестьянки сіяли довѣрчиво и кротко. Они взглянули на деревянное распятіе, украшенное освященной вѣткой. Оно было свидѣтелемъ всей ея трудовой жизни.

Она прибѣгала къ нему въ скорби.

Жюльена старалась улыбнуться. Въ молодости она была женщина живая и веселая.

— Знаете ли, чего я буду просить у Бога? Хорошее, мягкое кресло, чтобы посидѣть. Я никогда не сидѣла.

Утомившись, она замолчала. Старушка употребила послѣднее усиліе, чтобы вѣжливо принять гостей.

Замѣтивъ, что дѣвушка плачетъ, Жюльена сказала, обращаясь къ Люсьену:

— За мной ухаживаютъ барышни! Молодость мягка, какъ воскъ!

Жанна поцѣловала ее. Больная закрыла глаза; вскорѣ она заснула тяжелымъ сномъ.

Вошла дочь-идіотка и молча сѣла возлѣ постели. Подъ закоптѣлымъ колпакомъ очага, Фавера съ равнодушнымъ видомъ чистилъ картошку. Молодые люди вышли.

— Поправится она?—спросилъ Люсьенъ.

— Нѣтъ. У нея нѣтъ силъ. Она ничего не ѣстъ. Я даю ей чай съ ромомъ для подкрѣпленія. Вчера ее причастили. Боюсь, какъ бы сегодня все не кончилось.

Она направилась къ воротамъ. Люсьенъ пошелъ за ней.

— Эти люди,—сказалъ онъ,—научаютъ насъ умирать.

— О, я ужасно боюсь смерти,—воскликнула дѣвушка.—Я желала бы страшно состариться, потерять разсудокъ, чтобы не сознавать, что умираю.

Жанна засмѣялась; она не привыкла долго грустить. Люсьенъ взглянулъ на дѣвушку и удивился ея красотѣ. На ней было розовое батистовое платье, собранное на таліи, съ вставкой изъ гипюра,

охватывавшаго гибкую шею и оттѣнявшаго золотистый затылокъ. Она не надѣла шляпы, и рыжіе волосы, вьющіеся на вискахъ и на лбу, образовали вокругъ лица ореолъ. Свѣжее, круглое лицо, ослѣпительной бѣлизны, указывало на чистоту расы. Жанна была выше и крѣпче, хотя тоньше Анни и не обладала ея нѣжною граціей. Главную ея прелесть составляли прямота и безыскусственность.

Они подошли къ саду.

— Вотъ первыя розы,—сказалъ онъ.—Я вамъ нарву ихъ.

— Хорошо. Мы поставимъ ихъ въ комнату больной.

Срѣзая розы, Люсьенъ освѣдомился о родителяхъ Жанны, объ Анни.

— Анни скоро пріѣдетъ къ намъ. Мы ее ждемъ. Она насъ безпокоитъ. Страшно похудѣла, кашляетъ. Докторъ предписалъ перемѣну воздуха.

— А! Мужъ ѣдетъ съ ней?

— Нѣтъ! Жакъ слишкомъ занятъ. Онъ говоритъ въ палатѣ, пишетъ въ газетахъ, принимаетъ великихъ міра сего. Я видѣла у него знаменитостей. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго. Знаете, я зимой была въ Парижѣ.

Она гордилась тѣмъ, что была въ Парижѣ.

— Съ мамой. Мы тамъ пробыли недѣлю.

— У m-me Альваръ большіе пріемы?

— Она до нихъ не охотница,—бѣдняжка! Мужъ навязываетъ ей цѣлыя толпы политическихъ дѣятелей. Настоящій звѣринецъ. Они спорятъ за обѣдомъ, не обращая вниманія на женщинъ. Послѣ обѣда уходятъ въ курительную, а когда возвращаются—отъ нихъ разитъ табакомъ и ликерами; лица красныя, глаза блуждаютъ! Я ихъ совсѣмъ не выношу. Жакъ дѣлалъ мнѣ страшные глаза, а Анни смущалась.

— Съ кѣмъ вы обѣдали?—спросилъ Люсьенъ, забавляясь разсказомъ.—Можетъ быть, я кого-нибудь знаю.

— Именъ не помню. Подождите. Одинъ—сенаторъ, маленькій, выцвѣтшій старикашка съ сердитыми глазами. Онъ первый уѣхалъ. Его прекрасно отдѣлали,—увѣряю васъ! Говорили, что онъ фальшивъ, какъ игральная марка, можетъ ставить ловушки. И это бывшій министръ; прошу покорно!

— Это, конечно, Мильярденъ.

— Да, да, именно. Потомъ два извѣстныхъ депутата: Фельтанъ и Ортфоръ. Ихъ имена встрѣчаются въ *Нувелистѣ*, въ бурныхъ засѣданіяхъ. Первый не изященъ. Я подозрѣваю, что онъ никогда не стрижетъ волосъ и бороды. Отъ него такъ и разитъ провинціей, а

хочетъ казаться бульвардье. Грубымъ голосомъ южанина отзваниваетъ онъ свои тяжеловѣсныя остроты, воображая, что онѣ очень легки, тогда какъ каждая вѣситъ сто кило.

— А другой?

— Другой,—сказала она съ гримаской,—мнѣ еще меньше нравится. Онъ красивъ, нечего сказать. И говоритъ съ шикомъ. Но надъ всѣмъ смѣется, и глаза его такъ васъ и пронизываютъ насквозь. Онъ сѣлъ въ гостиной около меня и говорилъ комплименты. Мнѣ страшно хотѣлось уйти отъ него.

— Берегитесь: этотъ пользуется успѣхомъ.

— Меня не плѣнитъ. Прибавьте еще нѣсколько незначительныхъ депутатовъ, добродушныхъ толстяковъ, которые разиня ротъ любуются Жакомъ.

— Но, вѣдь, вашъ beau-frère ухаживаетъ за радикалами.

— Я въ этомъ ничего не смыслю. Папа также говоритъ, что Жакъ виляетъ. Этого не слѣдуетъ говорить. Мама увѣряетъ, что онъ переубѣдитъ всѣхъ своихъ противниковъ. Мнѣ казалось, что всѣ эти люди фальшивятъ, и я рѣшила, на зло имъ, ни на одномъ пунктѣ съ ними не сходиться.

— О, антипатіи часто обусловливаютъ наши убѣжденія.

— На обѣдѣ говорили о Вальянѣ, который на прошлой недѣлѣ хотѣлъ взорвать палату. Всѣ кричали по одурѣнія! «Казнить его, казнить».—Мнѣ стало досадно, и я сказала имъ на зло: «Да, за неловкость». Всѣ хохотали до упаду, а мнѣ было пріятно.

— Превосходно,—сказалъ улыбаясь Люсьенъ.

Она взглянула по направленію къ воротамъ.

— Прислуга не идетъ за мной. Она должна была принести стараго вина для Жюльены. Бѣдная старушка не станетъ пить.

— Не хотите ли пока прогуляться по парку или лучше посидѣть въ гостиной?

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро сказала Жанна, и глаза ея приняли испуганное выраженіе.—Лучше походить передъ домомъ.

Она съ осторожностью, боясь наколоться шипами держала въ рукѣ розы.

Люсьенъ любовался свѣжестью и горделивой осанкой дѣвушки.

«Вотъ олицетвореніе весны,—думалъ онъ,—такой, какую я представлялъ себѣ по дорогѣ въ Авюлли».

— У васъ лучшія деревья въ нашей мѣстности, — сказала Жанна.

— Да, старые друзья. Я съ удовольствіемъ всегда встрѣчаю ихъ. Въ Парижѣ ихъ почти забываешь.

— Не почти, а совсѣмъ. Вы, вѣроятно, страшно веселились въ Парижѣ и потому десять лѣтъ не вспоминали о родинѣ. Я бы не въ состояніи была жить тамъ круглый годъ. Слишкомъ много народу и вѣчно куда-то торопишься. Здѣсь жизнь идетъ покойнѣе.

— Вы очень любите деревню?

— Да, но не до безумія. Здѣсь иногда бываетъ скучновато. Когда я была маленькой, то совсѣмъ не скучала. Передъ отъѣздомъ изъ Ментоны на зиму въ Авюлли я цѣловала всѣ двери въ домѣ и плакала. Мнѣ казалось, что большой тополь, который стоитъ передъ домомъ, грустно помахиваетъ мнѣ на прощанье вѣтками.

Они дошли до конца тѣнистой аллеи.

— А! бесѣдка влюбленныхъ,— сказала Жанна, указывая на группу елей и кусты розъ.

Она со смѣхомъ прибавила:

— Влюбленнымъ не перелѣзть черезъ вашу проволочную изгородь.

— Это не моя изгородь. Ее построилъ управляющій. Онъ больше у меня не служитъ.

— Что-жъ вы на прощанье не положили ему въ карманы проволоку?

На возвратномъ пути Люсьенъ снова заговорилъ о пріѣздѣ Анни и о ея здоровьѣ.

— У нея малокровіе,—сказала Жанна.—Деревенскій воздухъ укрѣпитъ ее.

Оба замолчали. Они думали объ отсутствующей.

Жанна вспоминала, какъ презрительно Жакъ относился къ женѣ, едва представлялъ ей приглашенныхъ, насмѣшливыми взглядами, бросавшими ее въ краску, останавливалъ каждую попытку заговорить и дѣлалъ это все, какъ должное. Она видѣла сестру блѣдною, утомленною, съ синими кругами вокругъ глазъ, съ голубыми прозрачными жилами на рукахъ и со впалыми щеками. Люсьенъ думалъ о своей личной жизни, которую Анни могла бы скрасить.

Послѣ продолжительнаго молчанія Жанна спросила:

— Почему вы не навѣстили сестру въ Парижѣ? Это не хорошо.

— Правда. Но политическіе дѣятели не интересуются мной.

Онъ не затруднился отвѣтомъ; значитъ, думалъ объ Анни.

Снова наступило молчаніе. Жанна смотрѣла въ землю, не замѣчая переливовъ свѣта, прорывавшагося сквозь листву и игравшаго на пескѣ. Она поднесла къ носу букетъ розъ и провела имъ по глазамъ, точно желая смахнуть навернувшуюся слезу.

Они снова подошли къ воротамъ.

— Вотъ Катерина, — сказала дѣвушка, замѣтивъ свою прислугу.—Я позже опять зайду навѣстить Жюльену. До свиданія, m-r Люсьенъ.

Она граціозно наклонила головку.

Аландъ слѣдилъ за ней до поворота дороги, потомъ вошелъ въ комнаты. Онъ съ наслажденіемъ поднялъ занавѣсы и водворился у себя дома.

Послѣ обѣда Люсьенъ пошелъ на ферму. Жюльена, съ четками въ сухихъ рукахъ, шептала молитву; ея голоса не было слышно и въ тусклыхъ глазахъ было что-то таинственное, неземное. Въ ногахъ постели сидѣла идіотка, не понимавшая, что происходитъ. Ей велѣно сидѣть,—она и сидѣла. Остальные по обыкновенію работали. Погода стояла жаркая: работа не ждала. Курица спрыгнула со стола на кровать больной. Люсьенъ согналъ ее. Въ лучѣ свѣта, прорѣзывавшаго комнату, прыгали золотистыя пылинки, изъ угловъ раздавалось монотонное жужжаніе мухъ.

Фавера показался на порогѣ.

— Конецъ,—сказалъ онъ молодому человѣку.

Онъ хотѣлъ пойти съ Люсьеномъ, показать ему работы въ имѣніи. Послѣдній воспротивился:

— Не надо. Останьтесь около жены.

— Ей больше не нужны собесѣдники.

Когда хозяинъ, взявъ съ собою работника, удалился отъ фермы, Фавера досталъ сосновыя доски и принялся ихъ выстругивать. Не окончивъ работы, онъ остановился; руки дрожали, глаза плохо видѣли. Старикъ готовилъ для жены послѣднее убѣжище на землѣ.

Подъ вечеръ Люсьенъ возвратился. Фермерша скончалась часъ назадъ, передъ заходомъ солнца. Строгое спокойствіе и безыскусственное величіе красили поблекшее лицо.

Смерть была для усопшей *великимъ отдыхомъ* и это отражалось на спокойномъ лицѣ. Сложенныя руки еще держали четки.

Жанны Меранъ на фермѣ не было. Ея посѣщеніе сказывалось въ убранствѣ комнаты. Маленькій столикъ былъ накрытъ бѣлой скатертью; на немъ стояло грубое изображеніе Богородицы съ отбитой рукой. Передъ статуей стоялъ букетъ розъ и въ стаканѣ со святой водой лежала освященная вѣтка. У плиты двѣ старушки-сосѣдки готовили супъ и бормотали молитвы. Идіотка безсмысленно смотрѣла на нихъ.

Люсьенъ взялъ вѣтку и по обычаю крестообразно окропилъ покойницу. Онъ крѣпко пожалъ руку Фавера, который всталъ ему навстрѣчу.

— Бѣдный другъ; Жюльена была святая женщина; теперь она въ раю. Сегодня ночью я останусь съ вами около нея.

— Нѣтъ,—сказалъ крестьянинъ,—вы устали съ дороги.

— Она оставалась при моей матери; я это помню. Мнѣ хочется побыть здѣсь.

Ночь надвигалась. На столѣ зажгли двѣ свѣчки. Тѣни побѣжали по лицу покойницы; казалось, она шевелится.

Идіотка подошла къ постели, позвала мать и, не получая отвѣта, дернула за четки. Послышался легкій трескъ костей.

Одна изъ сосѣдокъ увела сироту.

Люсьенъ пошелъ ужинать, потомъ возвратился на всю ночь. Передъ спокойной смертью, передъ яснымъ лицомъ усопшей, онъ чувствовалъ, какъ миръ наполнялъ его душу; онъ понималъ естественность смерти, когда жизнь прожита правильно.

Розы наполняли комнату благоуханіемъ. Онъ разбросалъ ихъ по постели и замѣтилъ, что эти цвѣты не изъ его сада.

Вѣроятно, m-elle Меранъ унесла тѣ и замѣнила ихъ своими. Въ головѣ его пронеслась мысль, на которой онъ, не будучи фатомъ, не остановился.

Глубокой ночью Люсьенъ прошелся по двору, чтобы размять члены: звѣзды мирно сіяли въ небѣ; свѣжій вѣтерокъ, наполненный ароматомъ, ласкалъ своимъ прикосновеніемъ. Продрогнувъ, Люсьенъ вернулся.

Ему не было жутко: онъ вспоминалъ о плодотворно проведенномъ днѣ, о всѣхъ занятіяхъ, которыми полна была теперь его жизнь. Онъ удивился:

— Вѣдь, я не жду однако многаго ни отъ жизни, ни отъ весны, ни отъ любви, ни отъ всего, что молодо и жизнерадостно.

II.

Меранъ разговаривалъ съ женой о дочери, пріѣхавшей съ утреннимъ поѣздомъ изъ Парижа. Анни одѣвалась къ завтраку, а Жанна помогала ей, все время болтая. Меранъ, заложа руки за спину, ходилъ изъ угла въ уголъ гостиной, съ наморщеннымъ лбомъ, уставивъ глаза въ землю. Время отъ времени онъ подымалъ голову и останавливался около жены.

— Мы дали ему хрупкую, но здоровую дѣвушку. Она возвращается къ намъ блѣдной и исхудавшей. У нея нѣтъ больше того нѣжнаго цвѣта лица, который особенно красилъ ее, когда она краснѣла. Бѣдняжка истощена и блѣдна; она медленно чахнетъ. Какъ онъ раньше не замѣтилъ этого?

М-me Меранъ защищала зятя.

— Другъ мой, вы преувеличиваете. Она просто отдала дань парижскому климату Теплый, влажный воздухъ столицы ей вреденъ. Увидите, черезъ недѣлю малютку нельзя будетъ узнать. Мы будемъ ухаживать за ней. У меня есть прекрасный рецептъ отъ малокровія, цѣнный подарокъ одной монахини. Желѣзо въ вареньѣ.

Анни вошла въ сопровожденіи сестры. Большіе глаза, обведенные темными кругами, выдавшіяся скулы, тонкая шея, узкія плечи, маленькія, сухія руки, все указывало на присутствіе въ организмѣ серьезной болѣзни. Розовыя щеки и веселый видъ Жанны только рѣзче подчеркивали грозные признаки.

Молодая женщина была, повидимому, довольна возвращеніемъ въ родительскій домъ.

— Я была въ своей комнатѣ. Мнѣ кажется, точно я никогда и не уѣзжала отсюда и такая же дѣвочка, какъ Жанна.

Сѣли за столъ. Завтракъ тянулся монотонно, несмотря на неизмѣнно-веселое настроеніе m-me Меранъ.

— Бѣдная Жюльена умерла,—сказала Анни.—Мнѣ жаль ее. Я привыкла постоянно встрѣчать ее въ Авюлли и здѣсь на стиркахъ, вѣчно за работой и ни слова жалобы.

Жанна, старавшаяся оживить разговоръ, сообщила нѣкоторыя подробности.

— Она скончалась на прошлой недѣлѣ, очень тихо; я была съ ней и не замѣтила, какъ она умерла. Представь себѣ, мнѣ стоило большого труда помѣшать сосѣдкамъ одѣть ее до смерти. «Дѣло пойдетъ лучше,—говорили онѣ,—тѣло легче сгибается».

Меранъ, охотникъ до всякихъ бытовыхъ сценокъ, не заинтересовался разсказомъ. Онъ съ тоскою смотрѣлъ на Анни. Она замѣтила это и спросила:

— Я вижу, что пріѣздъ дочери не радуетъ васъ, папа. Что съ вами?

Онъ не выдержалъ.

— Что со мной? Развѣ я не вижу, что ты больна. Отчего у тебя такой видъ?

Она расплакалась.

М-me Меранъ, чтобы успокоить нервное возбужденіе, объявила, что сейчасъ подадутъ рисъ съ шампиньенами, любимое блюдо отца и дочери. Оба едва притронулись къ кушанью, и завтракъ закончился грустно.

— Хочешь пройтись со мной по парку?—спросилъ выходя изъза стола отецъ у старшей дочери. — Жара значительно умѣряется

легкимъ вѣтеркомъ. Я покажу тебѣ новыя деревья. Когда устанешь, мы сядемъ на скамеечку въ концѣ парка.

— Съ удовольствіемъ. Пойдемъ, Жанна.

Жанна поняла, что отецъ хочетъ съ глаза на глазъ поговорить съ дочерью, и отговорилась лѣнью.

Меранъ и Анни медленно пошли отъ дома. Она пошла безъ шляпы, съ однимъ зонтикомъ. Когда они сѣли около озера, отецъ взялъ Анни за руку:

— Послушай, Анни, ты слаба, это не бѣда, мы поправимъ дѣло. Но твои грустные глаза мучатъ меня. Скажи мнѣ, умоляю, счастлива ли ты, хорошо ли относится къ тебѣ Жакъ?

Она бросила зонтикъ на песокъ и разразилась рыданіями. У нея нехватило силъ скрывать тайну, которая терзала ее. Уже слезы были признаніемъ.

Въ страшномъ волненіи Меранъ прижалъ къ груди плачущую и не прерывалъ слезъ вопросами. Нѣсколько успокоившись, Анни сказала:

— Да, папа, я очень несчастна.

Не выпуская ея изъ объятій, Меранъ спросилъ:

— Что онъ съ тобой сдѣлалъ?

Она въ отчаяніи махнула рукой.

— Слишкомъ долго разсказывать. И потомъ, къ чему васъ мучить? Достаточно того, что я страдаю.

— Нѣтъ, Анни,—перебилъ серьезно Меранъ.—Ты должна сказать мнѣ все. Я отдалъ тебя ему. Онъ долженъ любить тебя, ограждать отъ непріятностей, дѣлать то, что раньше дѣлали родители, только съ бо̀льшей нѣжностью и теплотой. Если онъ не оказываетъ тебѣ поддержки, если твое горе исходитъ отъ того, кто обязанъ доставлять тебѣ радости, ты должна мнѣ это довѣрить, я обязанъ помочь тебѣ, малютка, и, если возможно, вернуть утраченное счастіе. Ты сама видишь, что необходимо сказать мнѣ все.

Она прижалась къ его груди. Ее ободряла поддержка. Ей хотѣлось облегчить сердце; но она такъ привыкла одиноко переживать свое горе, что не рѣшалась довѣрить его. И кромѣ того, были такія интимныя подробности, которыхъ она не могла разсказать!

Восходя мысленно къ отдаленному источнику своихъ страданій, Анни вспомнила о свадебномъ вечерѣ и о своей несчастной, убитой любви. Неопытная и непорочная, но горячо любящая, она беззавѣтно отдавалась любимому человѣку. Онъ не повѣрилъ ни ея чистотѣ, ни невѣдѣнію. Теперь она это хорошо понимала. Она вспоминала скептическія улыбки Жака, когда приходилось позже заговаривать о моло-

дыхъ дѣвушкахъ: «Полно,—прерывалъ онъ,—всѣ онѣ развращены». И съ перваго дня онъ никогда ни въ чемъ не совѣтовался съ ней, никогда не спрашивалъ ея согласія: онъ смотрѣлъ на нее, какъ на рабу, предназначенную услаждать господина,—господина, занятого, который знаетъ цѣну времени. Никогда онъ не скрашивалъ ихъ отношеній нѣжностью, которая придаетъ цѣну ласкамъ, дѣлая ихъ менѣе чувственными. Еще менѣе деликатности было у него въ словахъ. Однажды въ разговорѣ съ молодой четой, онъ сдѣлалъ намекъ на спокойствіе своихъ супружескихъ отношеній.

При воспоминаніи о всемъ, что еще до сихъ поръ заставляло ее содрогаться отъ стыда, кровь прилила къ ея блѣднымъ щекамъ. Она сохранила способность краснѣть, даже когда около никого не было. Потомъ Анни подумала, что теперь все кончено: ея тѣло не будутъ подвергать насилію, и эта мысль облегчила ее.

Меранъ, спокойно ожидавшій признанія, видя, что она продолжаетъ молчать, спросилъ:

— Онъ уже давно заставляетъ тебя страдать?

Она въ отчаяніи опустила руки.

— Я никогда не была счастлива...—и окончила почти шепотомъ, точно находя новую причину для грусти:—Даже въ то время, когда была невѣстой.

Затѣмъ вполголоса, отрывочными фразами, Анни начала свою исповѣдь. По временамъ отецъ крѣпче прижималъ ее къ себѣ, шепча: «Бѣдная малютка»!

— Онъ меня не любитъ,—говорила она,—онъ меня никогда не любилъ. Я не могу вамъ сказать, какъ убѣдилась въ этомъ послѣ свадьбы. Не было ничего важнаго; но все было такъ ужасно, такъ мучительно. Въ Италіи мы часами сидѣли въ кафе: онъ читалъ газеты или политико-экономическіе журналы, я—ожидала когда онъ кончитъ. Когда я засматривалась на картины въ музеяхъ Флоренціи и Рима, онъ окидывалъ меня презрительнымъ взоромъ, какъ будто бы я не въ состояніи была что-либо понять. Онъ въ музеяхъ заносилъ въ записную книжку цифры экспорта, напримѣръ, живо помню, передъ картиною Винчи—«Скромность и гордость». Его презрительные взоры и видъ превосходства не разъ замораживали кровь въ моихъ жилахъ! Слова, которыя хотѣлось сказать, замирали на устахъ. Я молчала, а онъ упрекалъ меня за безмолвіе. У насъ никогда не было интимныхъ разговоровъ. Когда я выражала серьезную мысль, онъ передразнивалъ меня. Онъ всегда обходился со мной, какъ съ ненужной вещью. А я смотрѣла ему въ ротъ; я не

стояла за свои мысли и желала руководства; но для него я была тѣло безъ души и меня не стоило уважать.

Отецъ понялъ, что значили послѣднія слова.

Анни снова заплакала.

— Въ Парижѣ онъ тотчасъ же бросилъ меня. Днемъ онъ былъ занятъ дѣлами, вечеромъ водилъ меня первое время по театрикамъ, въ кафе-концерты, слушать непристойности, которыя меня возмущали. Онъ громко смѣялся и, видя мое грустное лицо, говорилъ: «Не притворяйтесь жеманницей», это васъ забавляетъ. Только вы не хотите сознаться». Онъ называлъ это—*знакомить меня съ жизнью*. Вскорѣ онъ пересталъ возить меня и сталъ выѣзжать одинъ. Я видѣла его только за обѣдомъ...

Она не рѣшилась прибавить: и въ постели...

Анни закрыла лицо руками. Горечь медоваго мѣсяца вся поднялась снова: молодая женщина вспомнила, какъ по праздникамъ Жакъ водилъ ее въ увеселительныя мѣста, заставлялъ слушать неприличные куплеты и смотрѣть непристойныя выходки, отъ которыхъ ее мутило, объяснялъ безчестное занятіе женщинъ, съ которыми приходилось сталкиваться. Вотъ съ какой жизнью мужъ считалъ нужнымъ знакомить ее.

— Я не въ состояніи разсказать вамъ, папа, всего, что выстрадала. Постоянные уколы булавки, отъ которыхъ сердце мое истекало кровью. Когда Жакъ возвращался поздно, ему дѣла не было до моего безпокойства. Иногда онъ, не предупреждая меня, обѣдалъ внѣ дома. Мнѣ всегда приходилось просить денегъ на хозяйство.

— Однако, я высылалъ деньги на твое имя.

— Жакъ подписывался за меня на повѣсткахъ. Онъ отдавалъ мнѣ письма, оставляя у себя деньги. Да я все равно отдавала бы ихъ ему.

Она умолчала, что мужъ недоволенъ былъ размѣрами ея приданаго и обстоятельно разспрашивалъ о матеріальномъ положеніи родителей.

Меранъ заговорилъ, поглаживая рукою лицо дочери:

— Бѣдное, милое дитя, такія ежедневныя обиды въ концѣ-концовъ мучительнѣе крупныхъ несчастій. Сколько женщинъ молча влачатъ жалкое существованіе. Во всѣхъ гадостяхъ, о которыхъ ты мнѣ разсказываешь, законъ не найдетъ достаточнаго повода для развода.

— Я и не думаю о законѣ,—прервала Анни.—Разводъ у насъ въ сердцѣ. Смерть также. На видъ какъ будто бы и живешь, а въ дѣйствительности жизни уже нѣтъ.

Меранъ старался смягчить отчаяніе.

— Я повидаюсь съ нимъ и поговорю. Не можетъ быть, чтобы онъ не понялъ своей несправедливости. Какъ можно не любить тебя? Ты сама не понимаешь своей прелести. Я объясню ему это. Есть люди, которые начинаютъ любить женщину только тогда, когда имъ объяснятъ ея прелесть. Надо снять съ ихъ глазъ покрывало. Жакъ, занятый дѣлами, увлеченный тщеславіемъ, до сихъ поръ обращалъ мало вниманія на сердечныя дѣла. Но его сердце раскроется. Вы еще будете счастливы. Дѣло не проиграно, малютка.

— О, папа, ты еще не знаешь всего. Я, впрочемъ, сказала о томъ, что меня наиболѣе мучило. То, что осталось разсказать, гораздо труднѣе передать вамъ и поразить васъ болѣе мелкихъ уколовъ, которые для меня, однако, были мучительнѣе.

Меранъ, считавшій бѣду поправимой, сильно встревожился.

— Какъ,—спросилъ онъ,—есть еще что-то?

Анни колебалась. Она смотрѣла на доброе наклонившееся надъ ней лицо. Въ немъ было столько сочувствія и любви, что она рѣшилась разсказать все.

— Однажды въ Парижѣ, мѣсяца два тому назадъ, я встрѣтила графиню Феррези. Мы были съ Жакомъ. Онъ, повидимому, не замѣтилъ ея. Въ восторгѣ отъ встрѣчи, я бросилась къ графинѣ и пригласила ее къ себѣ. Она отвѣтила, что недавно пріѣхала и на-дняхъ будетъ у меня. И на самомъ дѣлѣ пріѣхала. Графъ былъ съ ней. Онъ сказалъ мнѣ,—я обратила на это вниманіе послѣ ихъ отъѣзда,—что они уже четыре мѣсяца въ Парижѣ. Графиня,—подумала я,—сказала о недавнемъ пріѣздѣ, чтобы оправдать свой поздній визитъ. Мы возобновили отношенія. По желанію Жака, я часто приглашала ихъ обѣдать...

Она нѣсколько поколебалась, затѣмъ въ одинъ пріемъ окончила разсказъ.

— Мы видались часто. Я ничего не подозрѣвала. Въ началѣ прошлаго мѣсяца пришло на мое имя анонимное письмо. Я изорвала его, но помню наизусть. Вотъ, что тамъ было: «Если m-me Альваръ хочетъ убѣдиться въ невѣрности мужа, пусть отправится завтра въ третьемъ часу въ предмѣстье Вильеръ, № 16 и повнимательнѣе посмотритъ». Первой мыслью было—показать письмо Жаку. Я, конечно, такъ и поступила бы, если бы между нами была хоть малѣйшая близость. Я дала себѣ слово не придавать значенія анонимному посланію. А потомъ, должна сознаться, не особенно страдала отъ измѣны, доказательство которой мнѣ предлагали, потому что, не зная сообщницы, я не могла ее представить. Однако, на слѣдующій день

въ третьемъ часу, въ закрытомъ фіакрѣ была противъ означеннаго дома. Я шпіонила и до сихъ поръ краснѣю за себя. Отъ соприкосновенія съ подобнаго рода дѣлами утрачиваешь собственное достоинство. Но когда любишь, о всемъ забываешь. Она пришла первая, графиня Феррези. Она не скрывалась; на ней не было даже вуалетки. Безъ колебанія вошла она въ домъ и исчезла въ сѣняхъ. У меня сжалось сердце и, казалось, перестало биться. Полчаса спустя явился Жакъ; онъ пріѣхалъ въ открытой коляскѣ; дѣло было въ ясный апрѣльскій день и открытые экипажи уже появились. Онъ оставилъ экипажъ, быстро взбѣжалъ на тротуаръ и исчезъ въ той же двери. Обезумѣвшая, безъ силъ сидѣла я въ экипажѣ. Они назначали свиданія средь бѣлаго дня, совсѣмъ не скрываясь. Отчего было не пріѣхать вмѣстѣ? Часъ спустя, они вышли вдвоемъ; передъ дверью Жакъ пожалъ ей руку, вскочилъ въ экипажъ и мнѣ послышалось, что онъ сказалъ кучеру: «Въ министерство внутреннихъ дѣлъ»! Я знала, что онъ долженъ былъ въ этотъ день быть у министра. Я забыла, что надо ѣхать. Мнѣ кажется, я перестала даже думать, страдать, жить. Кучеръ, окончившій чтеніе газеты, подошелъ къ дверцѣ; его голосъ разбудилъ меня: «Сударыня, онъ навѣрно не пріѣдетъ. Не ѣхать ли намъ? Не надо никогда показывать мужчинѣ, что дорожишь имъ». Сконфуженная, я вышла изъ экипажа, заплатила кучеру и пошла пѣшкомъ. Холодный воздухъ освѣжилъ меня. Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, я принуждена была остановиться; у меня перехватило дыханіе и сильно кололо въ сердце. Я взяла другого извозчика и поѣхала. Жакъ еще не возвращался. Онъ вернулся къ обѣду, веселый, улыбающійся; говорилъ о значеніи, которое пріобрѣтаетъ въ политическомъ мірѣ. Мнѣ казалось, что я ненавижу его; но въ дѣйствительности я ничего не чувствовала: любовь, отвращеніе, ревность, всѣ мои чувства сразу исчезли. Мнѣ кажется,—въ этотъ день я умерла. Та, которая осталась,—совсѣмъ другая женщина.

Меранъ въ отчаяніи проворчалъ:

— Негодяй!

Но онъ хватался за малѣйшую надежду и, будучи убѣжденъ въ противномъ, всетаки замѣтилъ:

— Они могли встрѣтиться у знакомыхъ и вмѣстѣ уйти оттуда. Можетъ быть, ты ошиблась.

— Папа, меня не стали бы предупреждать. А потомъ... (она покраснѣла, потому что стыдилась сознаться до чего дошла)... я справлялась. Жакъ ничего не боится. Развѣ онъ меня во что-нибудь ставитъ? Антресоль былъ снятъ господиномъ Лаверне, такъ называлось имѣнье его отца близъ Аннеси.

— Я не умѣю бороться,—прибавила Анни,—я слишкомъ кротка и боязлива. Я ему ничего не сказала.

Анни разволновалась. Она вспомнила, что на слѣдующій день ей пришлось выносить ласки Жака, не будучи въ состояніи оказать ему сопротивленія, вслѣдствіе полнаго упадка энергіи. Послѣ того, перенесенная тяжелая болѣзнь оградила ее отъ отношеній, которыхъ она не въ состояніи была бы вынести.

Меранъ спросилъ еще:

— Знаешь ли ты, когда эта связь началась?

— Нѣтъ, не знаю. Иногда мнѣ кажется, что она существовала до моего брака. Можетъ быть, онъ ее давно любитъ. Я теперь вспоминаю нѣкоторыя слова, взгляды графини Феррези. Зачѣмъ ему было мое сердце, если онъ ее любилъ? Скажите, зачѣмъ? Я не могу постигнуть такой фальши.

Она разразилась рыданіями. Меранъ тихо погладилъ ее по щекѣ.

— Бѣдная малютка! Я также виноватъ. Я не долженъ былъ соглашаться на этотъ бракъ. У меня нехватило храбрости. Ты любила Жака, разбить твою любовь было выше моихъ силъ.

Анни сказала сквозь слезы:

— Не упрекайте себя. Я его, правда, любила. Молодыя дѣвушки не разбираютъ. Когда сердце хочетъ любить, оно привязывается, гдѣ можетъ. Пониманіе является позже; но зло уже сдѣлано.

— Надо было слушаться отца.

— Въ любви никого не слушаются. Слишкомъ нѣжныхъ молодыхъ дѣвушекъ слѣдуетъ пріучать разбираться въ людяхъ самимъ. Гдѣ я могла знакомиться съ молодыми людьми? Мы жили въ деревнѣ, а пребываніе въ Парижѣ было всегда очень коротко. Жакъ первый обратилъ на меня вниманіе. Я думала, что небольшія любезности молодого человѣка по отношенію къ молодой дѣвушкѣ могутъ служить признаками большой любви.

Меранъ размышлялъ, точно рѣшался на что-то важное. Онъ перебиралъ въ умѣ проступки своего зятя. Жакъ, вѣроятно, былъ любовникомъ графини Феррези до брака съ Анни; чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе, онъ разсказалъ о связи Люсьена Аланда съ итальянкой. Онъ систематически убивалъ его дочь; бѣда была непоправима. Минуту спустя Меранъ сказалъ:

— Ты останешься у насъ, Анни. Ты его больше не увидишь. Тебѣ слѣдуетъ развестись.

Она уставила на отца затуманившіеся глаза.

— Теперь уже не стоитъ.

Анни спрятала заплаканное лицо; Меранъ понялъ, что она счи-

таетъ себя погибшей. Его охватило отчаяніе и гнѣвъ. Стиснувъ зубы, онъ проворчалъ:

— Негодяй! Я выгоню его! Я его убью!

Она подняла немного голову.

— Нѣтъ, оставьте. Я его прощаю. Я не люблю его болѣе. Я узнала слишкомъ много дурного. Я слишкомъ страдала. Моя любовь умерла. Когда я искала ее во время страданія, ея не оказалось.

Отецъ взялъ въ руки голову дочери и взглянулъ ей въ глаза:

— Дорогая, скажи мнѣ, что съ тобой? Что у тебя болитъ!

— Доктора хорошенько не знаютъ. Они говорятъ, что у меня слабое сердце. Съ того дня, когда я увидала *ихъ* вмѣстѣ, началась болѣзнь. У меня были припадки. А, а!

Съ ней сдѣлалось удушье; лицо болѣзненно исказилось.

Отецъ взялъ ее на руки и съ большимъ трудомъ донесъ до дому.

Послали скорѣе за докторомъ Раво, который лѣтомъ жилъ въ Ментонѣ. Его медицинскія познанія внушали довѣріе. Онъ выслушалъ больную.

— Не скрою отъ васъ, что положеніе очень серьезно,—сказалъ онъ Мерану.—Болѣзнь называется грудной жабой.

Онъ изложилъ діагнозъ коварной болѣзни, причины которой трудно опредѣлимы; ходъ и припадки очень тяжелы; грудь паціента сдавливается точно тисками; для такого слабаго существа, какъ m-me Альваръ, они очень опасны.

Когда Меранъ вернулся къ дочери, Анни лежала вытянувшись и улыбалась ему. На щекахъ появилась слабая краска. Молодая женщина не казалась тяжело больной, а только слабой и малокровной. Въ Парижѣ она совѣтовалась съ врачами и знала, что можетъ умереть во время припадка.

Н. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЗАБЫТОМЪ КРАЮ *).

III.

Я помогалъ Карповнѣ «по огороду». То подносилъ ей воду для поливки грядъ, то пололъ ихъ. Ея широкая, полусогнутая фигура то и дѣло мелькала промежъ грядъ, и я частенько видѣлъ и грязную ситцевую кофточку, и сбившійся въ сторону головной платокъ ея; зычный голосъ частенько-таки выводилъ меня изъ задумчиво-созерцательнаго настроенія и восхищенія красотами природы, возвращая къ горькой прозѣ обыденной дѣйствительности. «Ну чего? чего сталъ-то и стоишь истуканомъ? Тащи сюда воду, Семенычъ!» И я, подавляя на ходу вздохъ, тащилъ ей воду. А замечтаться и восхищаться было отъ чего и надъ чѣмъ: на дворѣ стоялъ іюль въ началѣ, такая «благодать Господня», по выраженію той же Карповны, въ воздухѣ чувствовалась не то нѣга, не то истома; покрытая молодою листвою тайга съ зеленѣющимъ, веселымъ покровомъ земли, при ласково улыбающемся съ выси своей солнцѣ и мягкомъ журчаніи величественной рѣки не могли не дѣйствовать на меня, не могли не увлечь меня!... Такъ бы, кажется, не будь этого огорода съ его грядами, легъ на нѣжную траву и цѣлый день бы лежалъ да смотрѣлъ и ни о чемъ бы не думалъ!... Дни теперь длинные, большіе; словно чувствуя себя виноватою передъ нами, природа старается искупить, загладить свое несправедливое обращеніе съ нами въ теченіе долгихъ, безконечныхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Солнце склонялось къ западу, но еще далеко было отъ мысли разставаться съ нашимъ поселкомъ и закатываться за вонъ тѣ высокія синія «сопки». Карповна встала, медленно отряхнула свою неопредѣленнаго цвѣта юбку отъ пыли, провела грязными руками по бедрамъ и поправляя свой головной платокъ, проговорила: «Такъ ты ужъ докончи поли-

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1901 г.

вать вотъ эту самъ! А я пойду въ избу, пожрать приготовлю... Ахъ да,—вспомнила она, уходя отъ меня и обернулась даже,—какъ уходить будешь, притвори поплотнѣе калитку-то, а то какъ бы опять не забралась свинья этой подлой Афросиньи!» Идя промежъ грядъ, она не могла не заглянуть черезъ нашъ плетень къ сосѣдкѣ: во-первыхъ, полюбопытствовать, какіе всходы тамъ, а, во-вторыхъ, перекинуться словомъ-другимъ: она безъ этого пройти не можетъ, чтобы не заговорить со встрѣчнымъ—ужъ натура у ней такая.

«А что, Θекла, зеленя́ у тебя ладныя-то, какъ погляжу!» Далеко-далеко изъ сосѣдняго огорода послышался визгливый голосъ: «Да, ничего, кажись! Что будетъ по осени, не знаемъ — все отъ Бога вѣдь!» «Да это, положимъ, ты такъ, правильно баешь, дѣвонька!» Этой «дѣвонькѣ» Феклѣ шелъ, я думаю, ужъ добрый четвертый десятокъ лѣтъ. Прошло съ полчаса моей работы, и я только было изловчился, какъ бы поаккуратнѣе полить сухой клочокъ грядки, какъ за спиной у меня раздался голосъ: «Богъ помочь, Семенычъ! Работаешь?»

Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся. Изъ-за плетня виднѣлась наполовину высунувшаяся фигура Фрола съ его непокорно выбивавшимися изъ-подъ картуза русыми кудрями и рыжею окладистою бородкою. Онъ ласково улыбался мнѣ больше своими веселыми глазами, нежели ртомъ или лицомъ. «Спужался, не прости, Семенычъ!»

Я отвѣтилъ ему на привѣтствіе.

— «А у меня, братъ Семенычъ, дѣльцо къ тебѣ-то!... Ну кончай, кончай работу, тогда и потолкуемъ съ тобою!» Онъ, ничуть не измѣняя своей первоначальной позы, принялся сосредоточенно слѣдить за моею поливкою. Окончивъ работу и поставивъ ведра на мѣсто, я хотѣлъ было направиться къ Фролу, но онъ остановилъ меня: «Что, развѣ совсѣмъ уже? Здѣсь, Семенычъ, на огородѣ-то не мѣсто калякать... Мы бы вышли, что ли, куда?»—«Ну хорошо, я вотъ поуберу здѣсь все, тогда и пойдемъ!» Минутъ черезъ пять я перелѣзъ черезъ плетень, и мы направились съ Фроломъ на небольшой зеленый лужокъ, что тянулся сейчасъ же за огородомъ нашимъ, на которомъ я предлагалъ еще по веснѣ Карповнѣ своей засадить картофель, но она не согласилась: «и этого намъ хватаетъ! И такъ, до свѣжей овощи свою, слава Богу, ѣдимъ». Фролъ вообще былъ ко мнѣ какъ-то расположенъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ къ тому случаю высказывалъ къ особѣ моей не то благорасположеніе, не то сочувствіе, не умѣю опредѣлить. Такъ, увидитъ ли меня на огородѣ за работою, или во дворѣ, дрова колющимъ или не-

сущимъ воду съ рѣки, онъ не преминетъ сказать: «Богъ помочь, Семенычъ! Работаешь?... Эхъ, Семенычъ, Семенычъ, душевный парень ты... но что жъ, братъ, дѣлать? Терпи, потому у всякаго человѣка своя линія, значитъ!» и говорится все это просто, искренне, и въ голосѣ его звучатъ чистыя, неподдѣльныя нотки. Даже въ минуты запоя, что длится у него порою мѣсяцъ, два, если онъ въ какой изъ дней особенно разойдется, развернетъ свою богатырскую силу и начнетъ бить домашнюю утварь и свою сожительницу, то никто изъ посельчанъ не можетъ такъ умиротворяюще дѣйствовать на него, какъ я. Почему — не знаю, право. Не разъ, бывало, въ зимнюю глухую ночь прибѣгаетъ къ намъ его окровавленная, съ синяками подъ глазами сожительница, будитъ меня и молитъ Христомъ-Богомъ пойти и унять «ея разбойника», «убивцу». Первый визитъ ея ко мнѣ меня испугалъ даже: «ну, говорю, пойду я соваться въ чужое да еще семейное дѣло? Унимать пьянаго, да еще Фрола? Пойди, позови мужиковъ, съ которыми пилъ, пусть и помогутъ унять! Мнѣ какое дѣло!» ворчалъ я сердитымъ и недовольнымъ тономъ. Въ полночь разбудила она меня съ Карповной. «Пробовали, голубчикъ Евгеній Семенычъ, пробовали — Карпу зубъ вышибъ; Гаврилычу цѣлый клокъ бороды вырвалъ, на что ужъ пріятелю своему-то Мартыну-нѣмцу, и то всю харю расквасилъ и руку отшибъ—не владѣетъ человѣкъ ею... Все, все, что было въ избѣ, перебилъ...— плакала она,—души, говоритъ, нѣтъ у васъ!... На что золотого человѣка Семеныча, и то запрягли дрова рубить»... Только одного тебя, Евгеній Семенычъ, и поминаетъ, только имя твое-то и на губахъ у него, разбойника! Сходи, голубчикъ, можетъ ты и образумилъ-бы его!...» Я наотрѣзъ отказался: да и кому пріятно подставлять свою шею подъ удары пьянаго человѣка, да еще такого силача, какъ Фролъ!

И только собрался было выпроводить отъ себя непрошенныхъ ночныхъ посѣтительницъ, какъ наружная дверь наша съ шумомъ растворилась, бабы вышли изъ каморки моей полюбопытствовать, кто въ такую пору могъ войти, и я услышалъ вслѣдъ за этимъ неувѣренные, грузные шаги и шепотъ: «спитъ? Чшъ!... ни слова... я пройду и на землѣ, на полу возлѣ Семеныча лягу»... То былъ Фролъ. Минутъ черезъ десять онъ тихо, словно ребенокъ, храпѣлъ на полу моей каморки, и сколько я ни упрашивалъ его лечь рядомъ со мною на койкѣ или отвести его въ избу, домой, онъ не соглашался: «на полу спать—только возлѣ тебя бы!... Не гони хоть ты меня, Семенычъ! Домой не пойду съ тобою, ты остудиться изъ-за глупости моей можешь... рядомъ тоже не рука мнѣ спать, потому я

знаю, кто я есть и кто ты!... А вотъ на полу, не гони ты меня, Семенычъ, лягу!... Маршъ, паршивыя,—крикнулъ онъ на бабъ,—ни звука чтобы мнѣ, потому человѣкъ спать хочетъ, а вы разбудили, подлыя, его!» Съ той поры я явился въ качествѣ какого-то укротителя по отношенію къ пьяному Фролу, и надо отдать ему справедливость: не только жеста, но даже и браннаго слова изъ своего богатаго лексикона не произносилъ онъ въ присутствіи моемъ, и вырывающій другимъ бороды, разбивающій носы, онъ моментально успокаивался въ моемъ присутствіи, просилъ меня не безпокоиться, идти спать, такъ какъ и онъ заснетъ сейчасъ же и, грозясь своей сожительницѣ «смертнымъ боемъ», если она еще разъ потревожитъ меня, тѣмъ не менѣе почти моментально въ моемъ присутствіи тихо засыпалъ...

Повторяю, съ моей стороны, рѣшительно ничего не было сдѣлано такого, что могло бы расположить его въ мою пользу: держался и обращался я съ Фроломъ такъ же, какъ и со всѣми прочими посельчанами: водки съ ними, равно какъ и съ другими, не пилъ и никакой компаніи даже не водилъ: онъ пропадалъ почти каждое лѣто и зиму на пять-шесть мѣсяцевъ изъ нашего поселка куда-то: сожительница да и самъ Фролъ увѣряли, что онъ въ городъ ходитъ на заработки; возвращался оттуда съ деньгами, посвящая въ теченіе года 3—4 мѣсяца своему непробудному запою; и вотъ иногда въ теченіе запоя его мнѣ раза два приходилось посѣщать и усмирять его и только этимъ, не считая случайныхъ нашихъ встрѣчъ на улицѣ, мое знакомство и ограничивалось съ Фроломъ. Когда онъ произнесъ мнѣ, что «есть дѣльцо», то я недоумѣвалъ, конечно, о чемъ онъ можетъ толковать со мною и терялся въ догадкахъ... Мы отошли шаговъ съ двѣсти. «Хочешь тутъ сѣсть или дальше пройдемъ, мнѣ-то все равно»! проговорилъ онъ, указывая на небольшой кустикъ посреднѣ лужка. Усѣлись.

«Дѣло, братъ Семенычъ, ладное дѣло, можно сказать, и прибыльное...—началъ онъ поминутно запинаясь, какъ бы ища подходящихъ словъ, въ которыя можно было бы пояснѣе вылить свои мысли... «Да, хорошее дѣло... Только вотъ что: уговоръ-то лучше всего... Человѣкъ ты надежный, душевный, можно сказать... я полагаюсь вполнѣ на тебя, но только лучше бы уговориться по первоначалу... Что скажу тебѣ, такъ ты ужъ пожалуйста ни гу-гу, никому ни ползвука, чтобы знали я да ты, да еще одинъ человѣкъ... Потому трепать языкомъ, такъ это бабье дѣло»... Я, конечно, постарался увѣрить его, что въ чемъ бы его тайна ни состояла, онъ можетъ вполнѣ положиться на меня; а впрочемъ, если дѣло темное и онъ не довѣряетъ мнѣ, то лучше и не посвящать меня... «Что ты? Что ты,

Богъ съ тобой! Въ дѣлѣ этомъ темности никакой нѣту, ясное, чистое дѣло, какъ солнце вотъ это—онъ указалъ даже рукою по направленію къ солнцу, — и опять насчетъ довѣрія къ тебѣ-то, Семенычъ, больше, чѣмъ самому себѣ вѣрю!... А что касательно насчетъ молчанія прошу, то это такъ... Ну, для порядку что ли, тамъ или ужъ какъ хочешь ты по твоему... Лучше, значитъ, когда попросишь человѣка до самого-то дѣла»...

«Я даже и напередъ сказать могу, что если раскажу тебѣ о дѣлѣ-то, да и ты попадешь со мною въ долю, какъ стало-быть, товарищъ-то, и самъ изъ выгоды своей ни слова никому не проронишь... Вотъ насчетъ Митрыча твого, скажу тебѣ по совѣсти, сомнѣніе беретъ, потому онъ хоть такой же какъ и ты, но зубоскалъ... Такъ и ты ужъ до поры, до времени, пока не увѣришься въ дѣлѣ, не посмотришь самъ, какое-такое дѣло есть наше, помалкивалъ бы и передъ нимъ; хоть вы и товарищи, а все лучше, коли помолчать»...

«Дѣло» Фрола состояло въ томъ, что они съ Мартыномъ нашли гдѣ-то въ глухой тайгѣ золотоносный «ключикъ», верстъ за 300 отъ поселка нашего (ходьбы туда около 8 дней) и въ этомъ ключикѣ они вдвоемъ по мѣсяцу, по другому—когда зимою, когда лѣтомъ—промываютъ золото, а вовсе не ходятъ въ городъ и никакихъ работъ у нихъ и нѣтъ тамъ. Сухари и провизію покупаютъ у ороченъ, а съ намытымъ пескомъ переваливаютъ черезъ хребетъ, плывутъ плотомъ до города (отъ насъ верстъ съ 800 добрыхъ будетъ!) и продаютъ тамъ, возвращаясь обратно въ поселокъ окружнымъ путемъ и главное съ жалкими остатками отъ денегъ: почти всѣ оставляютъ въ городѣ... Кромѣ Фрола и Мартына, о существованіи завѣтнаго ключика никто ничего не знаетъ, не посвящена даже и сожительница Фролова: «потому—баба, а скажи только бабѣ, то вся округа знать будетъ: племя ужъ ихнее такое подлое!» и даже сердито сплюнулъ въ сторону.— Теперь-то они съ Мартыномъ рѣшили пригласить и меня, такъ какъ, по его словамъ, я бѣдствую и, во-вторыхъ, душевный человѣкъ... Берутъ меня затѣмъ также, чтобы я, какъ грамотный, помогъ имъ выполнить необходимыя юридическія формальности по пріобрѣтенію этого ключика въ собственность и тамъ въ городѣ законы просмотрѣлъ разные, да и посправился у людей. «А то возьми,—закончилъ онъ,—чужого какого грамотѣя, а онъ того и гляди, что обманетъ тебя, потому какъ оба мы темные, то и боязно даже! А ты всетаки свой и человѣкъ вѣрный!»

Дня черезъ два я выходилъ изъ дому. Тяжело навьюченная котомка заставляла сильнѣе и сильнѣе врѣзываться въ плечи узкія лямки. Длинная одностволка покоилась у меня на правомъ плечѣ.

Сѣркò, дворовый песъ нашъ, увязался было за мною, но я отогналъ его прочь. Было часовъ восемь утра и я долженъ былъ поспѣшать, чтобы хоть къ вечеру встрѣтиться съ Фроломъ и Мартыномъ у ороченскаго ключа. Это будетъ, какъ считаемъ мы, верстъ тридцать,— переходъ по ровной мѣстности пустячный, но не здѣсь, въ тайгѣ, гдѣ предстояло перевалить два порядочныхъ хребта, не говоря уже о безчисленной массѣ мелкихъ горъ и горокъ съ крутыми скатами, густо поросшими деревьями, кустами и высокою травою; не говоря уже и о томъ, что приходилось ежеминутно шагать по топкимъ моховымъ болотамъ-«мàрямъ», переходить студеную воду ключиковъ и ключей, принимая поясныя и ножныя ванны. А потому я зашагалъ старымъ знакомымъ путемъ, по которому много разъ ходилъ на охоту. Миновалъ лугъ, вступилъ на небольшую мàрь, гдѣ вначалѣ хотѣлось мнѣ не промачивать ноги; для этого приходилось порою перепрыгивать съ кочки на кочку, выбирать корни деревьевъ, но послѣ одного изъ не особенно удачныхъ прыжковъ моихъ на обнаженный корень, я, поскользнувшись и шлепнувшись всею массою тѣла въ болотину, плюнулъ на эту деликатность и храбро пошелъ по мàри. Разбухшая обувь недовольно хрипѣла и харчàла при каждомъ движеніи моемъ впередъ; черноватая моховица порою ласково улыбалась мнѣ, и я не могъ не отдать ей должнаго: срывалъ и ѣлъ. Мàрь окончилась и началась небольшая отлогая «падýшка», т.-е. лощинка, съ проложеннымъ въ ней, въ данную минуту сухимъ русломъ; огромные стволы подмытыхъ деревьевъ, словно заграждая собою путь, лежали поперекъ русла, и мнѣ ежеминутно приходилось или медленно переваливаться черезъ нихъ поверху или же согнувшись, а порой и на четверенькахъ пробираться подъ ними. Иной разъ только норовишь вздохнуть свободно, миновавъ подобную преграду,—анъ глядь, зацѣпился или за вѣтку или за сукъ и на освобожденіе себя тратишь добрыхъ двѣ-три минуты; непроизводительный расходъ своей силы уже и во вниманіе не берешь. Наконецъ, обливаясь пòтомъ, чувствуя, какъ онъ горячими потоками льется не только изъ-подъ картуза на лобъ и лицо, но и по затылку, на спину, задыхаясь отъ устали, я достигаю вершинки падýшки; сбрасываю съ плечъ котомку, кладу ружье въ сторону и ложусь на землю. Сердце учащенно бьется, грудь порывисто подымается; жажда мучитъ меня. Чуть замѣтный вѣтерокъ такъ пріятно, такъ живительно дышитъ мнѣ въ разгоряченное лицо, и я сожалѣю лишь о томъ, что онъ слишкомъ слабъ и тихъ...

Мнѣ не до разсматриванія картинъ природы, хотя отсюда открывается роскошный видъ и на нашъ поселокъ, и на рѣку, виденъ даже лугъ съ массою небольшихъ «озерявинъ»; я гляжу и врядъ

ли вижу пхъ, ужъ больно усталъ отъ подъема по лощинѣ. А между тѣмъ пройдено всего какихъ-нибудь четыре версты. Въ котомкѣ будетъ добрый пудъ вѣсу: и сухари, и смѣна бѣлья, и чашка, и порохъ, и дробь, и разная разность!... Отвыкъ я немного и отъ ходьбы, и отъ котомокъ, но ничего—привыкать надо, а потому одѣваюсь и опять въ дорогу. Теперь легко, спускаюсь съ горы, пробираюсь по чащѣ молодняка, и колючія иглы елей, порой задѣвая, ожигаютъ лицо и широко разставленныя руки. Ногу приходится ставить не прямо передъ собою, а нѣсколько въ сторону носкомъ, чтобы не поскользнуться и не упасть со всего размаху грудью на землю. Здѣсь свѣжо, солнце никогда не заглядываетъ, и я, вдыхая пріятную вѣковую сырость, медленно продвигаюсь шагъ за шагомъ впередъ да впередъ. Справа отъ меня, шагахъ въ десяти, не больше, пріятно лаская слухъ и раздражая меня своей хрустальною водой, лепечетъ ручеекъ. Я раздумываю, пить или не пить? Напиться воды страшно хочется, а съ другой стороны знаю, что лучше воздержаться,—пусть жажда поутихнетъ, но не выдерживаю характера и наклоняюсь къ его поверхности. Глотокъ, другой, и отъ студеной воды даже зубы зашлись; усталости какъ и помину не было.

Мнѣ нужно перейти вонъ на ту сторону огромной падѝ, что виднѣется впереди, пересѣчь пролегающій по дну ея ключъ и взобраться вонъ, вонъ туда, тою падýшкою, что между двумя синѣющими сопками; а до нихъ считаютъ наши верстъ десять, стало быть—немного больше половины моего сегодняшняго перехода: крутые склоны горъ, замыкающихъ съ боковъ большую падь сплошь, покрыты лѣсомъ и чѣмъ дальше, чѣмъ глубже туда вдаль, тѣмъ гуще и гуще... Мѣстами голыя, каменистыя скалы, съ какими-то фантастическими очертаніями, мрачно выступаютъ на темномъ фонѣ лѣса, и кажется, что вотъ-вотъ готовы онѣ каждую минуту низринуться внизъ и, проложивъ нечеловѣческую просѣку сквозь лѣсную чащу, съ шумомъ грохнуться въ лощину. На мху виденъ слѣдъ звѣря, а вотъ и разорванная на части старая, покрытая мохомъ валёжина; я улыбнулся: это проходилъ медвѣдь, а въ валежинѣ искалъ онъ муравьевъ! Хотя онъ пересѣкъ путь мой, но я на всякій случай снимаю ружье съ плеча и тутъ же вспоминаю, что заряжено-то оно у меня дробью,—ну, да не бѣда!

Лѣтомъ онъ человѣка не тронетъ! ну, а если ужъ особенно близко, носомъ къ носу повстрѣчаемся и онъ станетъ проявлять какіе-нибудь коварные замыслы, то дробью можно огрѣть его, бродягу! Коли и это не поможетъ, то у меня сбоку болтается, хотя въ старыхъ неказистыхъ ножнахъ, но доброй дамасской стали кинжалъ! Этотъ ужъ

промаху не дастъ... Коли доведется продавать себя, то продадимъ подороже. Побродивъ съ полчаса по мари и густымъ кустамъ вдоль большого ключа и не найдя нигдѣ подходящаго мѣста, чтобы перешагнуть, я бреду водою. Она холодная, непріятная, такъ щиплетъ разгоряченное за минуту передъ этимъ тѣло мое.

Перехожу ключъ, выхожу на пригорокъ, сбрасываю котомку и принимаюсь выжимать руками воду изъ штановъ. Потомъ ложусь на спину и, задравъ высоко передъ собою свои въ мокрыхъ ичегахъ ноги, продѣлываю съ обувью то же самое, что и со штанами. Струйка студеной воды быстро полилась по ногамъ внизъ и коснулась даже горячаго тѣла на спинѣ. Непріятное ощущеніе заставляетъ меня не только морщиться, но и вздрагивать... Опять запрягаюсь въ лямки и опять пошелъ. Двигаюсь или охотничьею, чуть замѣтною тропой или звѣринымъ лазомъ, а не то, желая выиграть и сократить хоть немного разстояніе, я вмѣсто того, чтобы обогнуть какую-нибудь гору, вздумаю вдругъ напрямикъ ломить: беру приступомъ горы, скатываюсь въ лощину... Небольшая какая-нибудь горка снизу, изъ падй, кажущаяся пустячною и отлогою, — какъ начнешь взбираться на нее, сдается безконечною, и сколько, сколько крупныхъ капель пота упадетъ на нее во время моего подъема вверхъ, и сказать трудно; только взобрался на нее и думаю, что дальше уже пойдетъ спускъ внизъ, а оказывается, что не тутъ то было: за нею выступаетъ другая, голая скалистая и еще поотвѣснѣе этой, и мнѣ снизу изъ лощины не было видно второго свирѣпаго врага моего! Солнце поднялось высоко, и проклятые комары, гнусъ да слѣпни тучею кружатся передо мною, сопровождаютъ меня своимъ плачемъ и ежесекундно жалятъ то руки, то лицо, то затылокъ. Въ моей рукѣ небольшая орѣшниковая вѣточка, и я все время обмахиваюсь ею. Но это далеко не радикальное противъ нихъ средство, такъ какъ нѣтъ-нѣтъ да и убьешь и размажешь по кожѣ какого-нибудь ужъ очень назойливаго недруга, и кровавая полоска отъ только что выпитой имъ крови моей ярко обозначится на ладони. Рука свободная отъ ружья машинально направляется къ укушенному мѣсту и чешетъ зудящее тѣло и тѣмъ самымъ еще больше способствуетъ увеличенію на немъ пузыря... Чуть-чуть на минуту перестанешь только обмахиваться, бросишь взглядъ на какую-нибудь дивную, безподобную панораму мѣстности, или пачнешь всматриваться въ окружающія горы, чтобы получше орієнтироваться, правильно ли, тѣмъ ли путемъ, которымъ надо, иду; или сосредоточенно наблюдаешь за подозрительнымъ покачиваніемъ какого-нибудь куста или принявшимъ образъ звѣря камнемъ, какъ вдругъ какой-нибудь отчаянный головорѣзъ изъ комариной шайки

уже впился въ тебя и сильно ужалилъ. Взмахъ — и врагъ лежитъ мертвымъ и распластаннымъ на тѣлѣ. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Я пристроился у одного изъ ключиковъ и принялся подкрѣплять себя. Отъ комаровъ разложилъ костеръ и, когда онъ разгорѣлся, прикрылъ его свѣжимъ мохомъ. Помѣстился въ облакахъ ѣдкаго дыма и принялся за сухари — это было первое, а на второе былъ припасенъ у меня кусокъ пирога съ капустой и рыбой: Карповна надѣлила меня на дорогу. Она была всетаки въ полной увѣренности, что иду я на охоту за изюбрями. Я говорилъ, что пробуду никакъ не меньше двухъ недѣль, а то, быть можетъ, и больше: какъ охота будетъ.

Комары не безпокоили меня. Сквозь могильную тишину окружавшей меня мрачной тайги изрѣдка доносился протяжный плачъ моихъ враговъ: это рыдали они по ту сторону дыма. Пріятная дремота стала клонить меня, я прилегъ поудобнѣе на землю... Когда очнулся, то солнце было всетаки высоко, и попрежнему его свѣтлые лучи пугливо заглядывали сквозь лѣсную чащу. Такъ входящій въ чужую квартиру человѣкъ, робко просунувъ въ дверь голову, спрашиваетъ: «можно ли войти?»

Первый хребетъ я бодро перевалилъ, но зато второй дорого достался. Потому ли дорого, что переваломъ къ первому была хотя и длинная, версты въ три, но зато отлогая пàдь, а во второмъ—такой пàди не было, т.-е. была, но ужъ больно густо поросшая кустами съ глубокою неудобною для движенія рытвиною; потому ли что при перевалѣ черезъ второй пришлось идти на гору, да еще высокую, крутую гору; потому ли, что ко второму перевалу я былъ изрядно утомленнымъ,—не знаю, право, но приходилось мнѣ при подъемѣ на него положительно черезъ каждые десять минутъ присаживаться, переводить духъ и собираться съ силами. Я не шелъ, а ползъ. Котомка придавливала меня сверху, и въ минуты сильнаго переутомленія я готовъ былъ бросить и котомку, и ружье и отказаться отъ мечты раздобыть золото!...

Но это были минуты общечеловѣческой, мнѣ кажется, слабости и только. Зато каждый шагъ, каждое лишнее движеніе впередъ, въ гору, приближало меня къ цѣли—къ синей вершинѣ хребта, и пріятно было, хотя и измученному, взглянуть внизъ въ глубокую пàдь, изъ которой я началъ подниматься и которую уже одолѣлъ. Но вотъ я и на высшей точкѣ перевала, отсюда спускъ внизъ, и какъ я ни былъ обезсиленъ, но всетаки радостно вздохнулъ. Вонъ, вонъ на косогорѣ верстахъ въ восьми или семи виднѣется на лощинкѣ синеватый дымъ: то Фролъ съ Мартыномъ ждутъ меня и навѣрное съ чаемъ уже!...

— «Ну, и молодчага таки ты, Семенычъ! Рано дюже поспѣлъ! А вѣдь мы думали, что коли бы поздно вечеромъ добрался ты сюда, а то пожалуй и на утро рано! Чаю хочешь? А то отдохни, подморился таки, здорово подморился, ну отдохни! Дай-ка я котомку сниму-то!». Такъ встрѣтилъ меня Фролъ, ласково улыбался и суетился, предлагая то чай, то закусить. Мартынъ спалъ тутъ же у костра; заслышавъ голоса, всталъ и онъ, и оба стали разспрашивать о поселкѣ, о Карповнѣ, какъ будто не вчера, а Богъ знаетъ, какъ давно ушли они оттуда. Мѣсто, гдѣ они расположились, было веселое. Небольшая, зеленая лужайка, рядомъ широкій, вѣчно шумящій своею свѣтлою водою ключъ; позади синѣлъ знакомый мнѣ перевалъ, а впереди за небольшою падью подымались горы, образуя небольшія плато; мѣстами изъ горъ высовывались длинныя скалы «бѣлаго» камня; сѣдой мохъ, гдѣ только являлась къ тому мало-мальская возможность, цѣплялся и росъ промежъ углубленій въ скалахъ... Здѣсь на лужайкѣ было разбросано въ поэтическомъ видѣ имущество и мое, и моихъ пріятелей: котомки, лопата, кайла, Фролово и мое ружья (у Мартына ружья не имѣлось); чайникъ стоялъ на огнѣ, а въ небольшомъ ведрѣ видны были остатки каши съ масломъ. Солнца не было видно: оно за горою и на противоположномъ хребтѣ виднѣется яркій свѣтъ его; часъ седьмой, не больше!... «Ягодъ хочешь, Семенычъ? На! Къ чаю оно очень хорошо»! и Мартынъ подаетъ мнѣ полную берестовую четырехугольную посудину съ ягодами: онъ сегодня нарвалъ здѣсь же. Я беру ягоды. «Да ты какъ шелъ-то? Переваломъ черезъ вонъ тотъ хребтикъ по падýшкѣ? Пошелъ, не доходя до него влѣво»?—любопытствуетъ онъ.—«Нѣтъ,—отвѣчаю я,—по падушкѣ неудобно, рытвины тамъ, то на гору взбираться пришлось»!—«Ай, ай! Зачѣмъ же было мучиться, надо было взять влѣво, тамъ ладная такая падушечка, отложистая и непримѣтно бы перевалилъ! А та, что вправо, гдѣ ты хотѣлъ идти, плохая, по той не ходитъ никто, нельзя»! Фролъ пріостановился подбрасывать въ костеръ дрова и замеръ передъ нимъ въ выжидательной позѣ, прислушиваясь къ нашему разговору. Мартынъ сострадательно качаетъ головою по-моему адресу и коритъ Фрола, что тотъ не объяснилъ мнѣ о существованіи отложистой падушки. «Да, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вѣдь, думалось мнѣ, что ты бывалъ на охотѣ за этимъ хребтомъ»!—Я отвѣчаю, что бывать-то бывалъ, но переваливалъ не здѣсь его, а верстъ за десять полѣвѣе, туда хаживалъ я за изюбрами, возлѣ «Ороченскаго круга».—«А! скажи на милость! А я вѣдь думалъ, что тутъ, тою падью проходилъ ты! Да жаль тебя, жаль, что по глупости моей часа два дарма потратилъ. А попотѣлъ, поди, из-

рядно»?—добродушно улыбается онъ.—«Ну, ничего! Назадъ другой дорогой поведемъ: мѣста намъ съ Мартыномъ знакомыя все»!

Фрола я еще кое-какъ зналъ, хотя бы по тѣмъ дебоширствамъ, что устраивалъ онъ у себя въ избѣ; но Мартынъ былъ для меня совсѣмъ чужой, посторонній человѣкъ, хотя и былъ посельчанинъ нашъ. Мы въ рѣдкихъ встрѣчахъ нашихъ раскланивались другъ съ другомъ и только. Росту Мартынъ былъ почти одинаковаго съ Фроломъ, и даже въ плечахъ и кости онъ пошире послѣдняго, но далеко ему до Фроловой спины. Небольшіе короткіе усы (бороду Мартынъ сбривалъ) и черные, съ серебряными нитями волосы рѣзко отличали его отъ русаго Фрола. Картузъ онъ носилъ, заломивши на лѣвую сторону, и чѣмъ сильнѣе былъ пьянъ, тѣмъ лише заламливалъ его. Мартыну было лѣтъ подъ пятьдесятъ, если не больше; Фролу же врядъ ли было и тридцать. «Вотъ тутъ въ тайгѣ-то насчетъ чего другого, а насчетъ ягоды и гриба благодать просто»!—замѣтилъ Фролъ,—видя, что я съ особеннымъ удовольствіемъ налегаю на ягоды. «Ѣшь, ѣшь все на здоровье! Что ты? Тутъ вѣдь добра этого ѣшь — не хочу: только руку протяни, полную пригоршню захватишь! Вишь, вотъ она, и ходить за ней не надо»! и Фролъ, приподнявшись, сорвалъ тутъ же невдалекѣ цѣлый кустъ моховицы—«скусная, скусная штука»!—«Да ужъ чего, чего, а ягоды этой много! Не вся поспѣла еще!... Какъ дойдемъ, Богъ дастъ, до мѣста, она къ тому часу поспѣетъ: тамъ ея видимо-невидимо! Просто ходишь по ней»!—вставилъ и Мартынъ.

Послѣ ужина мы стали укладываться спать. У пріятелей моихъ было еще въ прошлую ночь приготовленное ложе; мнѣ пришлось устраивать для себя. Просушивъ у костра «сбрую» свою, какъ выражался Фролъ, я въ сухомъ платьѣ съ особеннымъ удовольствіемъ растянулся на постели своей, устроенной изъ листьевъ ольхи да березы, я чувствовалъ, какъ разливалася по уставшему тѣлу пріятная теплота отъ костра, хотя въ плечахъ и ощущалась легонькая боль отъ лямокъ моей котомки, а въ ногахъ отъ ходьбы.—«Спи, крѣпко спать будешь ты, Семенычъ, ночь-то эту: подморился—это такъ, а второе—легкій воздухъ тоже пользителенъ для человѣка!... Эхъ люблю я за это тайгу! Спишь, какъ графъ какой-нибудь!... Нѣтъ! Что я! Лучше его. Потому онъ не можетъ такъ спать: то то̀ его безпокоитъ, то другое и хоть на пружинной матраси, а не спитъ такъ! Гдѣ ему, дураку, умѣть-то такъ спать. — «Тсъ! Заснулъ! Пусть спитъ! Намаялся, сердяга, за день! Тайга хоть кого уходитъ»! — долетаетъ до слуха моего сдержанный шепотъ Мартына. «И дуракъ же, скажу я тебѣ, Фролъ, дуракъ одно слово! Не растолковать человѣку толкомъ, какъ идти надо! Да что онъ, звѣрь что ли, что ты направилъ

его горы ломать, ни слова ему о падушкѣ не сказать»!—укорялъ Мартынъ своего товарища.

«Да вѣдь изъ головы вонъ! Спрашиваю его, ходилъ за второй хребетъ, говоритъ, ходилъ... Ну я и думалъ»...

«Давай-ка, разложимъ еще костеръ, а то въ ногахъ-то ему тепло, а въ голову да спину къ утру холодомъ потянетъ! А наморился-то!...» Слышалъ я сквозь сонъ отрывокъ фразы: то говорилъ Мартынъ. Спалъ я въ ту ночь такимъ сномъ, что врядъ ли Фроловскому «графу» и снится могло что-либо подобное. Передъ свѣтомъ только потянуло съ горъ порядочнымъ холодкомъ, я открылъ на минуту глаза, увидѣлъ три ярко пылающихъ костра, придвинулся поближе къ одному изъ нихъ спиною и, свернувшись клубочкомъ, опять заснулъ.

Солнце только что поднялось и освѣтило своими лучами вершины горъ, какъ я, ежась отъ холода, быстро всталъ съ своего «графскаго» ложа и началъ грѣться у еле пылавшихъ костровъ. Товарищи мои тоже стали лѣниво потягиваться и позѣвывать и тоже ежились отъ непріятнаго утренняго холодка. Послѣ чаю мы стали собирать свое имущество, укладывать въ котомки, привѣшивать къ поясамъ чайники, ведра и прочее. Тронулись. Надъ ручьемъ синѣлъ туманъ, и обильная холодная роса щедро лежала на травѣ и кустахъ. Непріятно, не хочется раннимъ утромъ промачивать теплыя ноги и погружать согрѣтое за ночь тѣло въ ключевую воду, но дѣлать нечего; пришлось мнѣ скрѣпя сердце идти черезъ ручей; другой дороги не было. Съ утра идемъ мы всѣ невеселыми, неразговорчивыми, и только слышны частыя и громкія позѣвыванія кого-нибудь изъ насъ или далеко не лестныя замѣчанія по адресу утренниковъ въ тайгѣ. Но чѣмъ дальше продвигаемся впередъ, тѣмъ все чаще и чаще слышатся уже цѣльныя, порою длинныя фразы, вмѣсто односложныхъ замѣчаній въ началѣ нашего сегодняшняго похода. Въ особенности памятна мнѣ осталась въ одинъ изъ дней нашего странствованія небольшая, но быстрая рѣчонка. Переходить ее пришлось разъ до десяти и послѣдній разъ по грудь высотою въ водѣ. Надоѣла она намъ всѣмъ до тошноты своими вѣчными изгибами, колѣнами и поворотами. «Ой, ребята, сѣрнички берегите! Какъ бы не подмочить ихъ. А то безъ огня «халя́» (погибель) будетъ намъ, и костра разложить-то нельзя будетъ!—наставлялъ насъ Мартынъ, когда мы въ послѣдній разъ вошли въ нее.—Ты, Семенычъ, подъ картузъ бы спички спряталъ-то! Тамъ въ волосахъ имъ аккуратнѣе!» Но меня учить нечего было: завернутыя въ паклю двѣ коробочки спичекъ и такъ выдавался какимъ-то холмомъ изъ-подъ моего картуза. И наученный опытомъ, я

бережно хранилъ свой священный огонь въ полумокрыхъ волосахъ. Безъ спичекъ въ тайгѣ дѣйствительно трудновато, и разъ онѣ подмокли, то прости прощай и горячій чай, и ѣда, и пріятная ночевка у яркаго костра!... «У тебя въ картузѣ онѣ, что ли?» — полуобернувшись на ходу по водѣ пристаетъ ко мнѣ Мартынъ. Я сердито отвѣчаю, что въ картузѣ, а самъ упираюсь въ дно рѣчонки палкою, выбираю глазами въ водѣ, чтобы поудобнѣе поставить погу.

Чѣмъ дальше удалялись мы отъ поселка, тѣмъ чаще и чаще стали попадаться намъ на полянкахъ оставленныя старыя якутскія юрты: конусообразно связанныя жерди да груды пепла указывали намъ прежнія становища кочевниковъ; мѣстами виднѣлись остовы отъ заборовъ, съ вытоптаннымъ на нихъ мохомъ; тутъ, очевидно, стояли олени или лошади. «Ишь какихъ дворцовъ понастроили якуты!— острилъ Фролъ по поводу бренныхъ остатковъ отъ юртъ. — А вѣдь тоже названіе человѣка имѣетъ и живетъ себѣ во всю губу и горюшка мало ему, что султанъ твой турецкій!»—«Султанъ, не султанъ,— перебиваетъ его Мартынъ,—а жизнь его хоть и дикая, вродѣ звѣря, особливо когда зимою онъ позашьется весь въ шкуру-то звѣровую, а жизнь зато привольная! Гдѣ хочетъ—тамъ и селится; воздухъ легкій, простору много, тайга велика, вотъ онъ и властвуетъ и надъ нею! Хорошая, ей-Богу, хорошая жизнь такая!» Съ одной изъ сопокъ мы увидѣли въ верстахъ пяти, а то и больше, въ сторонѣ отъ насъ штукъ семь юртъ; виднѣлся дымокъ; невдалекѣ отъ нихъ на открытой полянкѣ паслись олени; мелькали какія-то фигуры. То былъ якутскій лѣтній станъ. Фролъ стоялъ за то, чтобы зайти туда и купить мяса или рыбы; Мартынъ же не соглашался, говоря, что незачѣмъ десять верстъ крюку давать, обнаруживать якутамъ наше присутствіе въ тайгѣ, а главное—что въ эту лѣтнюю пору у нихъ нѣтъ ни мяса, ни рыбы, стало быть, даромъ мориться только будемъ. «Коли бъ еще водка или спиртъ были у насъ съ собою, то, пожалуй, тогда еще стоило бы, а такъ, съ голыми руками, чего ходить? Оленины ихъ вонючей не видали, что ли, или кислаго молока, а? Да и что вы за стрѣльцы такіе, а еще съ ружьями, чтобы мясо покупать еще ходить по людямъ?—задѣвалъ онъ наше охотничье самолюбіе.—Въ тайгѣ, да еще въ такой тайгѣ мясо покупать! Страмъ просто! Правда, оно для птицы не время еще, паритъ яйца она, но вотъ завтра, а то послѣ завтра самое позднее, будемъ проходить мимо одного озерца тутъ, такъ я вамъ молодыхъ гусенятъ руками наловлю, а не то что съ ружьемъ!» — «Гдѣ это, гдѣ это? Подлѣ Змѣиной горы, что ли? Тамъ и гуся не было никогда!» — «У какой Змѣиной горы? Хватитъ тоже! Змѣиная гора вонъ гдѣ останется у насъ, а мы пойдемъ тѣмъ

логомъ, гдѣ въ прошломъ году медвѣдя на дорогѣ повидали, гдѣ ты еще какъ гаркнулъ па него, а онъ какъ вскочитъ со сна, да наутекъ! Такъ всю дорогу, подлецъ, и загадилъ!»—«А тамъ,—тамъ, это вѣрно, гуся, одно слово, сила! Тамъ и сохатаго тьма тьмущая, особливо вечерами, да зарею на водопой ходять! Это ты вѣрно, Мартынъ!—соглашался въ концѣ концовъ съ нимъ Фролъ. — Вотъ бы гдѣ, Семенычъ, поохотничать тебѣ! Звѣря да птицы особливо къ перелету видимо невидимо! Только что жъ? Бей сколько хочешь, а больше того, что унести человѣкъ на себѣ можетъ, не возьмешь! Ни рѣчки по близости, ничего такого! А потому хоть тысячи настрѣляй, а все кинуть надо—тракту нѣту никакого!» И Фролъ въ душѣ хотя и не былъ охотникомъ и никогда даже и не хаживалъ на звѣря, но вздохнулъ, вспоминая, очевидно, ту тьму-тьмущую птицы и звѣря, что водилась у завѣтнаго озерца. «А ты не разсказывалъ Семенычу о медвѣдѣ-то, какъ ты напугалъ его тогда, а?» Мартынъ оскалилъ свои зубы. Я взглянулъ на него. Лицо у него (да и у всѣхъ насъ) было мокро отъ поту, волосы слиплись на головѣ, онъ картузомъ обмахивался отъ назойливыхъ комаровъ; глаза его ласково улыбались. «Шли это мы тоже съ нимъ по золото, — началъ не спѣша Мартынъ.—Котомки у насъ еще погрузнѣе были, чѣмъ теперь... Идемъ это малинникомъ, косогорчикомъ себѣ, анъ глядь—лежитъ это онъ на солнышкѣ, свернулся и только посвистываетъ носомъ—спитъ, значитъ... Здоровый, вижу, бурый медвѣдь. Фролъ это за ружье, дергаетъ меня, уйдемъ, молъ, говоритъ, потому у меня ружье дробомъ заряжено. Я шепчу ему...» —«Да нѣтъ же, это я шепнулъ тебѣ...»— перебилъ его Фролъ.—«И что за манера у тебя, прости Господи, дай досказать! Вѣдь когда ты шепнулъ мнѣ? Ужъ потомъ, какъ котомки сняли, а?»—сердито обернувшись къ Фролу, спросилъ его Мартынъ. Тотъ потупился: «И то, правда! Ну, говори, говори! Забылъ я про это!» — «Такъ я шепчу ему, а ну-кося пугнемъ его со сна! Да посильнѣе, чтобъ онъ опамятоваться не успѣлъ!... Снимаемъ это мы котомки, а Фролъ-то шепчетъ мнѣ — вотъ когда шепнулъ мнѣ»,— обратился Мартынъ къ Фролу. Тотъ молчалъ. «Шепчетъ мнѣ: «ты возьми себѣ ружье, а мнѣ дай топоръ!» Я даю ему топоръ, и подходимъ къ нему потихоньку, на цыпочкахъ, шага этакъ на два, не дальше... А онъ спитъ себѣ, сердечный, ажъ посапываетъ во снѣ... Мы это какъ гаркнемъ на него что было мочи, онъ какъ вскочитъ, какъ ошпаренный, да въ гору, а послѣ себя слѣдъ-то этотъ оставилъ, просто мочи нѣтъ дышать... Носъ такъ и воротитъ!... Ну, и похохотали же мы надъ нимъ тогда!... Фролу это впервые было тогда, а мнѣ много разъ пугать этакъ доводилось его!... Главное, чтобъ это опъ

покрѣпче спалъ и даже человѣческаго духу не слыхалъ скрозь сонъ!... А ежели который чутко спитъ, то съ такимъ шутки плохи, потому спугать не напугаешь такого, а свою шкуру подставить ему все равно что разъ плюнуть, особливо ежели оружія хорошаго въ рукахъ нѣту... Такого ужъ лучше обходи себѣ сторонкой, трогать и не думай!» Много разныхъ то комическихъ, то трагическихъ эпизодовъ мнѣ услышать довелось отъ Мартына о медвѣжьей жизни. Такъ, наприм., зимою на льду одной рѣки, передавалъ онъ, возчики нашли дохлаго медвѣдя; громадная прогалина вднѣлась на снѣгу вдоль обрывистаго ската съ горы; очевидно, медвѣдь, шатаясь по вершинѣ, пробовалъ свою силу надъ какимъ-нибудь деревцомъ и, ставъ задомъ къ рѣкѣ, рвалъ деревцо что было мочи, и покатился внизъ по крутому скалистому обрыву; не имѣя на пути своемъ за что бы ухватился, грохнулся со скалы на ледъ и убился на смерть...

Вотъ, наконецъ, и завѣтный ключикъ.

Мы идемъ крутымъ склономъ горы, и я вижу по бокамъ глубокія ямы (шурфы); свѣжій песокъ и камни выдѣляются здѣсь рѣзкимъ пятномъ среди царства вѣкового моха, деревьевъ и густой не тронутой ногою человѣка травы. Вонъ небольшой шалашикъ изъ корья, гдѣ пріятели мои коротали не одну и не двѣ зимнихъ длинныхъ и лѣтнихъ короткихъ ноченьки!... «Вотъ мы и дома теперь!» возглашаетъ Флоръ. Радостная улыбка разлилась по потному лицу его. Усталости какъ и не бывало. «А ты прежде, чѣмъ горланить-то, осѣнилъ бы себя крестомъ, да далъ бы ключу хлѣбушка кусокъ: пусть закуситъ!» Мартынъ степенно снимаетъ котомку, достаетъ оттуда сухарь и, перекрестившись, подходитъ къ ключику и бережно кладетъ на воду сухарь. Фролъ продѣлываетъ то же самое.

Я недоумѣваю, слѣдовать ли мнѣ примѣру своихъ пріятелей или нѣтъ, и, не желая разобидѣть ихъ, съ своей стороны приношу жертву ключу-кормильцу, взявъ даже два сухаря изъ раскрытой котомки Мартына. «Это ты ладно, Семенычъ, сдѣлалъ, что два сухаря далъ ему — спервоначалу, свѣжему человѣку два сухаря давать «ему» и полагается: «онъ» любитъ это!» одобрительно киваетъ мнѣ Мартынъ. Любитъ ли «онъ» два или четыре, для меня это положительно все равно, а просто попались мнѣ подъ руку два,—я изъ угоды къ серьезно вѣрящему въ таинственную обрядность Мартыну и положилъ два кусочка чернаго хлѣба на прозрачную воду ключика. Послѣ соблюденія смѣшной обрядности, мы принялись располагаться, устраиваться на новомъ своемъ мѣстѣ, такъ какъ предвидѣлось здѣсь пробыть недѣли двѣ, а то и три: сколько позволитъ харчъ нашъ... «вотъ и домъ нашъ, и кормилецъ, и поилецъ нашъ ключикъ! Ишь красавчикъ

какой!» — восторгался ключомъ ли, картинно-разбросанными ли вокругъ горами Мартынъ. «Вонъ, въ томъ шурфѣ, гдѣ большой камень лежитъ,—указывалъ мнѣ Флоръ, — я, братъ, Семенычъ, золотину золотниковъ въ 40 вытащилъ! Огромная золотина... Ну и покутили-то мы съ Мартыномъ въ городу тогда, просто страсть? Сотъ по семи, я думаю, оставили на брата въ городу тогда?... Ухъ и было же время! Если бы ты въ городѣ въ началѣ какъ деньга водилась увидалъ тогда, то ахнулъ бы: за гильдейнаго купца принялъ бы или за барина какого: «тройка» новая суконная, пальто новое, шляпа, на шеѣ серебрянная цѣнь; ботинки подъ лакъ да еще съ калошами! Хотѣлъ тросточку купить да очки спнія на носъ, да Мартынъ отсовѣтовалъ!» предавался пріятнымъ воспоминаніямъ Фролъ. А Мартынъ сидѣлъ, почесывалъ голову да улыбался въ усы. Пріятная улыбка воспоминанія о пріятно проведенномъ времени разлилась по лицу его; давно небритая физіономія озарялась временами, словно свѣтлымъ лучомъ. «Да брось, Фролъ, чего болтать-то зря! Былое поросло быльемъ!... Да время, скажу тебѣ, Семенычъ, было... Эхъ-ма! А я думаю, что намъ надо вонъ тотъ шурфъ докончить-то; а то мы и до материка не дошли!» обратился онъ къ Фролу. Всталъ и, лѣниво потягиваясь, направился съ топоромъ къ высокимъ лиственницамъ корье драть. Удары его топора глухо, словно сдавленные, отдавались въ узкой тѣснинѣ, гдѣ мы расположились у завѣтнаго ключа. Фролъ и я тоже стали копаться надъ устройствомъ и починкою шалаша нашего. «Смотри-ка, Семенычъ, а вѣдь это сохатый спалъ здѣсь! Ишь сколько мху вылежалъ и пометъ оставилъ послѣ себя!» Я подошелъ къ Фролу, онъ обтесывалъ изъ березы рукоятку къ лопатѣ шагахъ въ двадцати позади балагана; крупные и еще свѣжіе слѣды виднѣлись на высокомъ мху и тутъ же было замѣтно большое лежбище звѣря: когда шли сюда, то спугнули навѣрное его шумомъ нашимъ. «Мѣсто, мѣсто золотое тутъ! Вишь сколько «скварцу» понабросано и все дырявый со ржою!» Я поднялъ кусокъ бѣлаго поздреватаго кварца и дѣйствительно замѣтилъ массу характерной при золотоностомъ пластѣ желтизны вродѣ ржавчины въ углубленіяхъ камня. «Да, я думаю, что мѣсто это золотоносное!—сказалъ я,—камни-то хорошіе знаки имѣютъ!» Фролъ усмѣхнулся. «Гм! Да говоримъ же тебѣ, чудной ты человѣкъ, что золото тутъ хоть лопатами бери! Вишь сколько песку наворочено по бокамъ, вѣдь это все наша съ Мартыномъ работа! Все мы съ нимъ землю тутъ переворачивали; вонъ тамъ и бадья наша и лотки, на томъ боку въ травѣ лежатъ! А ты—«мѣсто подходящее!» Кабы не знали про мѣсто это, то чего бы насъ понесла-то нелегкая сюда... А?» Я молчалъ и только

сосредоточенно разсматривалъ камень. «А не пробовали вы, Фролъ, разбивать эти камни на мелкіе кусочки?» Онъ удивленно взглянулъ на меня: «Поштò разбивать ихъ? Впервой и слышу даже!» Я сталъ объяснять ему, что иногда въ ноздреватыхъ такихъ кварцахъ находятся впрыснутыми золотыя крупинки и что на Уралѣ, насколько мнѣ извѣстно, такіе камни размалываются особыми машинами, порошокъ потомъ промывается и находятъ золото. «Ну, что ты? А ну давай попробуемъ-ка! Эй, Мартынъ, подь-ка сюда да захвати топоръ, твой потяжелѣе! Давай-ка испытаемъ, что Семенычъ баетъ!» Взявъ болѣе подходящій камень, мы стали разбивать его на кускѣ гранита на мелкія части. Когда потомъ стали промывать въ лоткѣ собранный довольно крупный песокъ отъ него, то на счастіе мое оказалась небольшая золотинка — долей въ двадцать не больше, какъ увѣрялъ Мартынъ меня. Я обрадовался, увидя въ первый разъ въ жизни чистое золото. Оно было невзрачно на видъ, матоваго цвѣта и не ярко блестѣла чуть замѣтная царапина, сдѣланная, очевидно, стальнымъ обухомъ топора. Фролъ съ Мартыномъ поздравляли меня «со счастливымъ началомъ» и громко выражали свое удивленіе по поводу находки золота и гдѣ еще? въ валявшемся на поверхности камнѣ! Собрали мы еще для пробы штукъ десять такого «скварцу», долго трудились надъ разбиваніемъ и только въ двухъ оказалось по небольшой золотинкѣ доли по 3—6 вѣсомъ! «Да тяжелое и нестоющее дѣло это! Изъ земли оно выгоднѣе— куда выгоднѣе! Тамъ иногда съ песками и такую золотину подцѣпить можно, что съ полфунта! Тамъ интересъ, а тутъ бей, бей и дармà! И топоръ сопсовать можно и намоешь за день какихъ съ половина золотника!... Кабы, какъ говоришь ты, машину такую, то разговоръ другой тогда!... А все же хорошее дѣло образованность-то! Да... Вотъ хоть бы и ты... Вѣдь чистаго золота ни разу и въ глаза не видывалъ, а научилъ же дураковъ насъ старыхъ уму-разуму! А памъ и невдомекъ!» Мартынъ почесалъ по привычкѣ своею шершавою рукой затылокъ и вздохнулъ. Взялъ топоръ и направился къ покинутой имъ работѣ. Фролъ постоялъ тоже нѣкоторое время какъ бы въ раздумьи, глядя въ лотокъ, гдѣ лежали остатки отъ промыванія разбитыхъ кварцевъ. «Да, сердечный ты парень, Семенычъ!» слегка хлопнулъ меня по плечу и пошелъ доканчивать рукоятку къ лопатѣ. Я тщательно завернулъ въ какую-то тряпочку три кусочка золота и запряталъ ихъ.

Пріятели мои работали надъ устройствомъ шалаша, а я захвативъ ружье, направился вверхъ по ключику пострѣлять рябчиковъ или тетеревей. Шелъ я медленно, осторожно, стараясь не издавать не толь-

ко шуму, но даже и малѣйшаго шороху и зорко поглядывая по сторонамъ. Мрачное, сырое ущелье какъ бы создано было природой для дичи и звѣря. То слѣды козъ, то лежбища сохатыхъ попадались мнѣ по пути вдоль ручья. Отойдя версты двѣ отъ нашего становища, гляжу въ одномъ мѣстѣ чуть шелохнулась высокая трава. Я замеръ на мѣстѣ. Глупый козелъ только всталъ было и хотѣлъ потянуться, расправляя уставшіе отъ долгаго лежанія члены, какъ я выстрѣлилъ. Онъ ткнулся въ траву, и вслѣдъ за этимъ штукъ пять козъ и козлятъ выскочили и пулей бросились въ горы, дѣлая отчаянные, только козьей породѣ доступные, прыжки на бѣгу своемъ. Но мнѣ нечѣмъ было и преслѣдовать ихъ—въ рукахъ одностволка. Памятуя наставленія Мартына «не расходовать зря пороху», я взвалилъ свою жертву на спину и поплелся во-свояси. Въ немъ было пуда два и пробираться по чащѣ, перелѣзать черезъ колоды, путаться въ травѣ, опасаясь ежеминутно упасть и поломать ружье,—не легко было. А рой комаровъ, видя, что у меня руки заняты, съ какою-то особою злостью жалилъ меня то тутъ, то тамъ. Ввечеру мы ѣли, похваливая, «скусную козлятинку».

Покончивъ съ устройствомъ шалаша, мы на другой день приступили къ предварительнымъ для добыванія золотого песку работамъ. Очищали обвалившуюся на материкъ землю, выбрасывали изъ ямъ упавшіе туда камни, корчаги, попавшія въ половодьѣ, чинили бадью, укрѣпляли блоки, причемъ второй изъ нихъ — передаточный — былъ наглухо укрѣпленъ между вѣтвями лиственницы, прилаживали «бутарý», куда всыпался вынутый песокъ и гдѣ промывался онъ съ помощью воды изъ того же ключа. Мы не замѣтили за работою, какъ почувствовался голодъ, т.-е. настала обѣденная пора. Солнце робко заглядывало къ намъ въ глубокую падь, стало быть—полдень; оно не балуетъ насъ, показываясь въ теченіе долгаго дня на 5—6 час. не больше, въ остальное время бросая свой свѣтъ на скалы и крутые склоны тѣхъ горъ, между которыми тихо журчитъ ручеекъ нашъ...

«И отчего же, Флоръ, пьешь ты? Вѣдь имѣя такія деньги, какія добываешь ты здѣсь, могъ бы жить куда какъ безбѣдно?» обратился я къ Флору, слушая вверху его разговоры съ Мартыномъ о богатствѣ въ ключѣ и о той суммѣ денегъ, что имѣлъ каждый изъ нихъ въ своихъ рукахъ.

Фролъ безнадежно махнулъ рукою, какъ бы отгоняя отъ себя какія-то назойливыя думы. Мартынъ сидѣлъ возлѣ входа въ шалашъ, охвативъ руками свои колѣни. Какая-то неопредѣленная улыбка скользнула по губамъ его. Онъ какъ бы удивлялся моей наивности: какъ могъ я спрашивать о такой всѣмъ понятной вещи.

«Эхъ простота ты, какъ погляжу я, Семенычъ! Одно слово простота!—отвѣтилъ Мартынъ.—Ну, вѣдь развѣ можно то въ такомъ дѣлѣ,—онъ показалъ рукою по направленію къ ключику,—да безъ водки? Съ собою золото, что ли, на тотъ свѣтъ заберешь? Куда намъ его? На что? Положеніе наше такое: есть деньга, кути во всю, а нѣтъ ея—щелкаешь зубами!... Потому помянуть, стало быть, и жизнь-то нашу собачью не чѣмъ было бы, а какъ попотѣешь тутъ, побѣдствуешь да притащишь съ собою фунтика этакъ по два золотца, тебѣ всюду почетъ, снисхожденіе и ты вотъ хоть двѣ-три недѣли въ году, а ужъ поживешь, по-человѣчески поживешь, чувствуешь, что все тебѣ и прочее доступно»...

«Да, да, Семенычъ! Это онъ вѣрно, правильно баитъ!—подтвердилъ и Фролъ съ своей стороны,—намъ нельзя безъ этого! Потому тогда хоть живымъ въ могилу ложись! Ну, хоть возьми да умри!»

Сколько я ни тратилъ своего краснорѣчія, доказывая, что оба они, имѣя такія деньги, могли бы много лучше устроиться, спокойнѣе зажить и не испытывать такихъ рѣзкихъ скачковъ, какъ переходы отъ крезовскихъ для нихъ состояній къ крайней нуждѣ, — ничто не помогло. Оба они чуть ли не въ одинъ голосъ отвѣчали мнѣ, что я и они—«двѣ большія разницы», что я не понимаю въ этомъ ничего, что когда же и развернуться, какъ не съ деньгами, чтобы всѣ видѣли и уваженіе оказывали, ровно барину...

Я пробовалъ, было, заговорить съ ними о прелестяхъ семейной жизни, но оба они, въ особенности пылкій по натурѣ Фролъ, замахали руками и засмѣялись:

«Что ты? Что ты? Богъ съ тобой, Семенычъ! Ну, развѣ можно съ одною бабою весь вѣкъ путаться? Не дай Богъ! Потому она—баба, одно слово баба и грошъ цѣна ей!... Я, видишь ли, о томъ, гдѣ бываю, что дѣлаю, ни полслова своей... А вотъ тебѣ-то, хоть и чужому, а разсказалъ, что идемъ, молъ, золото мыть!... Деньги есть, то съ бабою и погулять можно... Вотъ, дастъ Богъ, намоемъ золотца да какъ дойдемъ до города, то я покажу тебѣ кралечку свою!—онъ засмѣялся,—не чета той грязной, да оборванной, что на поселкѣ у меня... Та вродѣ караульнаго въ избѣ... домъ смотритъ, а вотъ въ городу-то у меня писанка, такъ писанка!... Да и Мартынъ тоже, ты не гляди, что онъ староватъ да какъ бобръ серебриться сталъ, а въ городу огурчикъ тоже имѣется»!...

Мартынъ сердито метнулъ въ сторону Фрола и сплюнулъ въ сторону:

«Что есть, то есть! А зря болтать нечего!... Придемъ въ городъ продавать золото, то самъ человѣкъ и увидитъ»!... Скрытный по на-

турѣ, онъ не любилъ, когда кто-либо посторонній вспоминалъ о его бурной жизни и, несмотря на наше почти двухмѣсячное скитаніе по тайгѣ, прошлое его было такъ же темно для меня, какъ и въ первый день выхода нашего въ тайгу. Изрѣдка лишь Фролъ приподнималъ завѣсу прошлой жизни своего пріятеля, но тотъ, если Фролъ чуть-чуть позволялъ себѣ лишнее, по его мнѣнію, сейчасъ же и останавливалъ: «Чего болтать-то зря языкомъ? Вѣдь человѣкъ имѣетъ и глаза, и голову, поживетъ и самъ безъ болтовни твоей бабьей увидитъ, что и какъ!» И уязвленный словомъ «бабьей» Фролъ послушно прекратилъ непріятный Мартыну разговоръ. Лѣтній день великъ. Хотя мы послѣ обѣда часпка этакъ по два и отдыхали и еще до полнаго заката солнца «шабашили», но всетаки сильно успѣвали за день утомиться... На рукахъ у насъ нѣтъ отдѣльныхъ мозолей, а вся кожа представляетъ одну общую мозоль; спина, отъ непрерывнаго бросанія лопатою песковъ или вытаскиванія по самодѣльному блоку тяжелой бадьи или выбрасыванья камней изъ широкаго шурфа, къ вечеру сильно-таки побаливаетъ, и, лежа на ней, порою чувствуешь, какъ проклятыя насѣкомыя требуютъ того, чтобы почесать отъ нихъ тѣло, но тяжело, не въ силахъ протянуть руки даже туда. «Пусть ихъ! Не съѣдятъ!» думаешь сквозь сонъ и вскорѣ сладко, крѣпко засыпаешь, что «твой графъ», по выраженію Фрола. А тайга, словно добрая любящая мать, ревниво охраняетъ нашъ покой, боясь нарушить свое вѣковое могильное безмолвіе и, заставляя ключикъ напѣвать намъ свои убаюкивающія пѣсенки, тихо навѣваетъ на насъ крѣпкіе, здоровые сны...

Эхъ, тайга! Не знаю, какъ кто, но я, несмотря на пережитое мною суровое время, несмотря на положенныя имъ на лицо мое глубокія морщины, морщины, которыя, быть можетъ, расправятся въ сырой могилѣ моей, люблю, люблю тебя!... Дорога и люба ты мнѣ своимъ царственнымъ величіемъ гордой, дѣвственной природы, неосквернённой преступною ногою человѣка, дорога ты мнѣ своими спинми, въ небеса уходящими, скалистыми горами, гдѣ въ разсѣлинахъ промежъ нихъ звонко хохочетъ струнный ключикъ или дико рыдаетъ свободолюбивая вода шутя придавленной тобою рѣки; дорога мнѣ могильная глушь твоя, вѣками ненарушаемая, гдѣ исполинскія деревья гордо смотрятся въ небо и глядятъ съ недоступной выси на гдѣ-то внизу пропадающую землю, покрытую непроходимыми марями, безчисленными падями, съ нагроможденными поперекъ нихъ мшистыми валежинами, съ падями, сплошь покрытыми зеленью кустарниковъ, огромныхъ каменныхъ глыбъ, увѣнчанныхъ, словно изумрудомъ, высокимъ зеленымъ мохомъ твоимъ,—дорога ты мнѣ! Любо

лежать утомленному на мягкой груди твоей человѣку и, сознавая свое жалкое ничтожество передъ безконечнымъ бытіемъ твоимъ, глядѣться въ высокое голубое небо, любоваться веселыми свѣтлыми лучами солнца, вдыхать твой цѣлительный воздухъ и чувствовать, какъ разливается онъ живительною струею по всему тѣлу, и ни о чемъ не думать! Вотъ, съ высокой сосны прыгнула бѣлка и, припавъ къ вѣткѣ, глядитъ на тебя своими довѣрчивыми, кроткими глазками и удивляется странному виду доселѣ невиданнаго ею животнаго, имя которому человѣкъ! Грузно хрустнула сухая валежина подъ тяжелою ногою царя тайги, медвѣдя, мирно позавтракавшаго въ спѣломъ малинникѣ и тоже въ свою очередь въ удивленіи остановившагося передъ невиданнымъ имъ дивомъ—человѣкомъ! Постоялъ, постоялъ и, придя къ заключенію, что въ тайгѣ много мѣста для всѣхъ, лѣниво повернулся, отбросилъ въ сторону мѣшавшую ему почему-то корчагу, рявкнулъ два-три раза своимъ зычнымъ, громовымъ голосомъ и побрелъ дальше искать себѣ для отдыха поукромнѣе мѣстечка. Задорная круглолицая моховица вмѣстѣ со стыдливою земляникою глянули путнику въ самыя очи и, видя ихъ закрытыми, нѣжно зашуршали свои тихія пѣсни, навѣвая живительный сонъ, и ихъ пѣснь, смѣшавшись съ трелью веселаго ключика, заставила утомленнаго крѣпко-крѣпко забыться!... Спи, почивай! А тайга сторожитъ твой сонъ, охраняя тебя и отъ звѣря и птицы, пока ты утомленный, не набравшись свѣжихъ, крѣпкихъ силъ для вновь предстоящаго тебѣ тяжелаго, суроваго пути, самъ не очнешься, не расправишь богатырскую грудь, обновленную здоровымъ сномъ!...

Е. Емельяновъ.

Изъ Анни Виванти.

(Съ итальянскаго).

Aut-aut.

Я хочу лучезарнаго солнца на ясной лазури,
Я упиться хочу его жгучей, живительной лаской,
Или мрака ночного, съ могучей и бѣшеной пляской
Разсыпающей молніи, грозно рокочущей бури.
Всей душой ненавижу я сѣрый, холодный туманъ:
Дайте мнѣ или небо лазурное, иль ураганъ!

Я свободы хочу, безпредѣльной и полной свободы,
Чтобы, крылья расправивъ, носиться какъ вольныя птицы,
Или бросьте ужъ лучше въ могильную сырость темницы,
Пусть поглотятъ меня ея мрачные, тѣсные своды.
Ахъ! когда прегражденъ мнѣ къ заоблачнымъ высямъ полетъ,
Пусть сломаютъ мнѣ крылья, и сердце навѣки замретъ.

И любви твоей, страстной и цѣльной, безумно хочу я,
Или душу отравитъ пусть ненависть каплями яда.
Не могу выносить я безстрастнаго мертваго взгляда:
Жизнь лишь въ бѣшенствѣ мести и жаркомъ огнѣ поцѣлуя!
Или дайте извѣдать блаженство и муку любви,
Или жгучую ненависть, съ бурнымъ волненьемъ въ крови.

Или все, или ужъ ничего: или смѣхъ, или слезы,
Золотые лучи или черной грозы бушеванье,
Всей вселенной просторъ или тѣсной могилы молчанье,
Гнѣвный блескъ твоихъ глазъ или свѣтъ въ нихъ чарующей грёзы!
Или дай мнѣ все сердце и всѣ поцѣлуи твои,
Или тяжкимъ мученьямъ навѣки меня обреки!

Ник. А.

ДѢТСТВО.

Лѣтъ шестьдесятъ слишкомъ тому назадъ въ селѣ Губаряхъ, въ одной изъ южныхъ губерній, случилось событіе, тяжело отозвавшееся на всей послѣдующей судьбѣ его. Князь Чавчегадзе захватилъ и «оттягалъ» у Губарей почти всю степь ихъ съ двумя прудами и большимъ рыбнымъ озеромъ. «Міръ» послалъ ходаковъ къ «царю». Но ихъ перехватили въ пути и посадили въ острогъ. А вскорѣ затѣмъ барская усадьба, стоявшая у лѣса въ полуверстѣ отъ крѣпостной деревеньки, въ бурную, грозовую ночь занялась со всѣхъ сторонъ и сгорѣла вся до-тла, со скотомъ и хлѣбомъ. Въ огнѣ погибли самъ старый князь съ маленькой внучкой, полякъ-управляющій, приказчикъ и человѣкъ пять-шесть дворовыхъ; объѣздчикъ былъ найденъ вскорѣ въ оврагѣ убитымъ...

Само собой разумѣется, село обвинили въ разбоѣ и поджогѣ, грозно потребовали выдачи виновныхъ. Но міръ не выдалъ никого. Призвали солдатъ, стрѣляли. Семей 30 пошло затѣмъ въ Сибирь, а 7—8 молодыхъ парней, схваченныхъ на мѣстѣ побоища и большей частью раненыхъ, были послѣ нещаднаго сѣченья палачомъ на базарной площади уѣзднаго города сданы на вѣчно въ солдаты. Двое, впрочемъ, вскорѣ умерли.

Померли и ходаки въ острогѣ, гдѣ-то подъ Москвой...

Въ томъ числѣ дѣдъ нашего героя Павлуши.

Отцу Павлуши въ то время было только года 2—3. Матери его уже не было въ живыхъ. Онъ остался на рукахъ у своей тетки чернички. Но и тетка вскорѣ умерла. Чернички, ея подруги, воспитали сироту, обучили церковной грамотѣ и, когда онъ подросъ, отдали его въ пріемыши богатому хохлу въ сосѣдней торговой слободѣ. Но мальчикъ бросилъ хохла и пошелъ бродить по бѣлу свѣту...

Гдѣ онъ тогда побывалъ и какъ ему жилось—сельское преданіе молчитъ.

За годъ или два до появленія на свѣтъ Павлуши отецъ его воротился въ родное село съ женой, болѣзненной бабой, дочерью умершаго слѣпца-кобзаря, съ которой онъ спознался гдѣ-то въ своихъ скитаніяхъ,—купилъ на краю села избу съ дворомъ и завелъ исправное хозяйство.

Немного спустя у нихъ поселился, въ своей избушкѣ, на задворкахъ, надъ рѣкой, сынъ другого ходака, пожилой кавказскій солдатъ, тоже за время службы «обмершій», безродный...

I.

Первое, что началъ Павлуша помнить про себя, одно: онъ лежитъ въ какой-то полутьмѣ въ колыбели, а мать, склонившись надъ нимъ, тихонько, невнятно поетъ, не то голоситъ...

Затѣмъ въ глазахъ надолго подымается какъ бы туманъ—колеблется, то сгущаясь, то опять свѣтлѣя...

И въ немъ мелькаетъ что-то неуловимое, близкое, родное...

Наконецъ, туманъ исчезаетъ, и передъ глазами уже стоятъ, долго не проходятъ родныя картинки, точно живыя...

...Надъ степью бѣжитъ и плачетъ крупными, рѣдкими сверкающими каплями облачко съ радугой. Вѣтеръ, низко-низко склоняя ковыль и цвѣты съ травой надъ ручьемъ, что-то тихо-тихо, невнятно, поетъ и гонитъ по бугру перекати-поле...

— Тятя...—говоритъ какъ бы про себя Павлуша, лежа съ отцомъ подъ телѣгой, у ручья.

— М-м... Ты что, сынокъ?

Мальчикъ слышитъ и не слышитъ, глядя во всѣ глаза на степь и радугу...

...Какъ огнемъ горитъ залитое солнцемъ ржаное поле. Далеко синими, прозрачными волнами бѣгутъ «обѣды»-марево. Вверху заливается жаворонокъ... Гдѣ-то звенятъ косы, кто-то тоскливо напѣваетъ вполголоса...

Отецъ съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, безъ шапки и пояса, сильными, ровными взмахами коситъ... Слышно, какъ тихонько позванивается его коса и мѣрно шелеститъ, падая, сухая, спѣлая рожь... Мать далеко отстаетъ отъ него, сгребая ряды, нагибаясь то-и-дѣло надъ ними и связывая рожь въ снопы...

Что-то больно колетъ Павлушу снизу... Какая-то сѣрая птичка, чирикая, прыгаетъ по снопу надъ его головой и сыплетъ на него зерна... Муравьи облѣпили всю его «грудку» каши... Ему хочется пить...

Пи-ить! Ма-а-ма!...

...Широкое пестрѣющее свѣжими пашнями и яркой, красноватой зеленью поле. Мальчикъ сидитъ на холмикѣ въ травѣ съ желтыми, бѣлыми и голубыми цвѣтами. Вокругъ трещатъ кузнечики и порхаютъ пестрыя и бѣлыя бабочки... Внизу пашетъ на гнѣдухѣ отецъ.

Косые, красные съ кругами лучи заходящаго за дальній лѣсъ солнышка бьютъ прямо въ глаза, рѣжутъ, слѣпятъ ихъ...

— Тятя!—кричитъ Павлуша, закрывая отъ нихъ рукой глаза.

— Н-ну?

— Куды энто... солнышко-то уходитъ, а?

— Куды... Тп-пру!

Отецъ, не спѣша, поворачиваетъ гнѣдуху, очищаетъ лопаткой съ сошниковъ землю.

— Богъ знаетъ... Не знаю, сынокъ,—медленно, словно въ раздумьи говоритъ онъ, уходя за сохой на другой конецъ полосы.

— Бо-огъ...

Отецъ, возвращаясь, опять поровнялся съ Павлушой.

— Тятя, онъ какой?...

— Кто какой?

— А Богъ-то...

Отецъ ничего не сказалъ, налегъ сильнѣй на соху и опять ушелъ на другой конецъ полосы...

Туманъ узкой полосой опять застилаетъ глаза, но скоро исчезаетъ. Передъ Павлушей стоитъ уже родная избушка...

Павлуша лежитъ на печи, подперши на краю ея голову руками, и глядитъ на отца. Отецъ сидитъ у стола и читаетъ «книгу». По бородатому, исхудалому лицу его, съ впалыми, полузакрытыми глазами что-то какъ бы пробѣгаетъ, поперекъ всего лба лежитъ рѣзкая, страдальческая складка, губы шевелятся... Толстая, почернѣлая книга словно протягиваетъ свои лапы—широкія, мѣдныя застежки и глядитъ на него большими, красными глазами — заглавными буквами, что-то говоритъ отцу неслышно... Сверху смотритъ на нихъ изъ-подъ «рушниковъ» съ синими и красными разводами Егорій Храбрый на конѣ, поднявшій копье и наступившій на змія...

Въ окно, позади отца, глядитъ ночь, и неслышно шелестятъ о стекло листья березы. Въ трубѣ глухо и жалобно воетъ... Лучина давно нагорѣла и чадитъ...

«Чего это тятька... думаетъ... и чего ему «она» кажетъ»?—шевелится въ головѣ у Павлуши, и передъ глазами все какъ бы пробѣгаютъ «пересвѣты»—легкія летучія свѣто-тѣни передъ зарей...

...Ему становится что-то не по себѣ. Онъ глядитъ на мать.

Она, сидя на хорахъ у печи, тянетъ нитку у кудели и, не мигая,

долго какъ бы въ забытьи глядитъ на глаза. Синіе, лучистые глаза ея слезятся. Она что-то тихо-тихо, какъ бы про себя, поетъ, не то голоситъ...

И вдругъ всегда въ воспоминаніяхъ Павлуши на этомъ мѣстѣ встаетъ, врываясь внѣ связи, другая картина.

Много лѣтъ спустя онъ проѣзжалъ октябрьской ночью мимо сельскаго кладбища въ Черниговской губерніи, вокругъ котораго, склоняясь по вѣтру, раздумчиво-грустно шумѣли деревья. Неподалеку отъ дороги, обнявши бѣлѣвшій, какъ привидѣніе, при мѣсяцѣ крестъ, голосила баба, и вѣтеръ, подхватывая, далеко по полю разносилъ мучительно-тоскливые, безотрадные звуки... Что-то давнее, застарѣлое съ поющей глухой болью поднялось со дна души у юноши-сироты; въ головѣ какъ бы помутилось,—ему вдругъ послышалась отчетливо, ясно пѣсня его матери; ея глаза, полные тоски, слезъ, какъ живые глядѣли на него...

Ма-ма, ма-ма...

Мать встаетъ, беретъ Павлушу на руки, прижимаетъ къ груди, и что-то теплое, влажное каплетъ ему на лицо, мочитъ волосики...

Сердце томится недоумѣніемъ, тревогой. Словно въ сѣрой затуманенной дали видится всегда еще знакомая картинка.

Мороситъ мелкій частый дождикъ. На дворѣ не то день, не то сумерки. У воротъ, подъ старымъ навѣсомъ сарая сидитъ на опрокинутыхъ дровняхъ, съ топоромъ въ рукахъ и опустивъ низко голову, отецъ, слушаетъ. А рядомъ съ нимъ стоитъ дѣдушка Пахомычъ, солдатъ, и что-то «съ сердцемъ», горячо, печально, говоритъ-говоритъ, глядя передъ собой...

А мать глядитъ на нихъ съ тоской, большими глазами изъ отворенныхъ дверей сѣней...

И вотъ оно—встаетъ роковое зимнее утро. Сердце Павлуши горитъ нестерпимой болью...

Отецъ въ синемъ армякѣ съ котомкой за плечами стоитъ по серединѣ избы и съ поднятой для креста рукой, не мигая, глядитъ на образа. Позади, прислонившись къ печи и по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ, мать широко раскрытыми остановившимися глазами глядитъ на него... Павлуша сидитъ за столомъ въ переднемъ углу, подъ образами, и обѣими руками протираетъ спросонья глаза; ему неловко, хочется спать еще, но какая-то жуткая тревога растетъ въ немъ, больно щемитъ. Онъ недоумѣваетъ... Отецъ медленно крестится и тяжело, грузно припадаетъ къ земляному полу; потомъ встаетъ, беретъ сына на руки, присаживается съ нимъ у конца стола и долго, пристально глядитъ ему въ глаза... Сердце ребенка бьется, какъ птич-

ка; онъ хочетъ что-то спросить у отца, но слезы подступаютъ къ горлу, щекочутъ, мѣшаютъ говорить и часто-часто падаютъ на отцовскій армякъ... Отецъ три раза креститъ его, цѣлуетъ его медленно въ лобъ и сажаетъ опять подъ образа. «Прости, Христе»,—говоритъ онъ, поднимаясь и оправляя котомку:—«Богъ не оставитъ»... Мать съ тихимъ, съ пронизывающимъ сердце стономъ повисаетъ у него на шеѣ. «Чуетъ мое серденько лихо... Покидаетъ на вѣкъ насъ горемычныхъ»... Глаза отца вдругъ загораются жгучимъ, скорбнымъ огнемъ, становятся большими-большими... «Тятька»!—кричитъ не своимъ голосомъ мальчикъ.—Отецъ вздрагиваетъ и глядитъ на образа, отводитъ медленно, осторожно отъ себя руки матери и не оборачиваясь выходитъ изъ избы. Мать широко раскрытыми, безумными глазами глядитъ ему вслѣдъ, и вдругъ рванулась впередъ, съ глухимъ, оборваннымъ стономъ валится на полъ, стукнувшись о порогъ головой...

Отецъ не вернулся съ богомолья. Мать истаяла, какъ свѣча.

Павлуша помнитъ, какъ онъ все цѣплялся за ея гробъ и вопилъ-вопилъ благимъ матомъ...

Дальше, уже неясно, мелькаетъ въ его памяти черная зіяющая яма, въ ней гробъ, а кругомъ снѣгъ, снѣгъ, бѣлые кресты, бѣлыя деревья и народъ, много народу. Сосѣдка Артёмиха, въ бѣлой косынкѣ, держитъ его на рукахъ и голоситъ протяжно, жалобно: «Сиротинушка ты горькій... Покинулъ тебя батюшка, покинула рѡдна матушка... Оставили, какъ есть круглаго... на горюшко-горькое!»... А подъ ногами, словно въ туманѣ, двигались сѣрыя, тяжелыя глыбы земли и что-то глухо и тяжко стучало, будто ѡхало, въ ямѣ...

II.

Когда Павлуша доходитъ въ своемъ воспоминаніяхъ до этого мѣста, въ головѣ его подымается тяжелый сѣробагровый туманъ, и въ немъ вьются, рѣютъ какіе-то расплывающіеся, странные, но родные, зовущіе образы. Они что-то невнятно говорятъ, на что-то жалуются и то приближаются, то съ тоскливымъ, надрывающимъ душу воемъ, кружась, исчезаютъ вдали. Кто-то время отъ времени пронзительно кричитъ возлѣ и затѣмъ, какъ бы уставъ отъ крика, тихо, жалобно зоветъ: ма-ма, ма-ма...

Порой онъ, какъ бы сквозь сонъ, видитъ себя въ избушкѣ дѣдушки Пахомыча, солдата,—лежитъ на скамьѣ у открытаго оконца, откуда вѣетъ прохладой и свѣжестью. Прямо передъ нимъ въ переднемъ углу слабо теплится восковая свѣчечка. Святой ликъ глядитъ изъ-за нея съ живымъ, говорящимъ выраженіемъ. «Боженька»,—

шепчетъ про себя ребенокъ. Возлѣ стоятъ дѣдушка Пахомычъ и знакомая черничка Іоновна. Она что-то молитвенно шепчетъ у изголовья надъ бѣлымъ ковшикомъ и брызжетъ въ лицо малюткѣ свѣжей, прохладной влагой, склоняется и дуетъ на него, цѣлуетъ въ лобикъ и креститъ...

Потомъ онъ ничего не помнитъ.

И вдругъ въ немъ загорается какое-то сладкое ощущеніе, трепетная радость жизни,—въ глазахъ стоитъ и сіяетъ видѣніе—сонъ, котораго онъ никогда не забудетъ.

... Потолокъ и крыша безшумно раздвинулись, въ синемъ утреннемъ небѣ повисли почернѣвшія стрѣхи избушки... На постельку ворвались цѣлымъ снопомъ яркіе-яркіе, играющіе лучи солнышка. И вдругъ, какъ бы изъ воздуха и свѣта, вырисовывалась вверху легкая, вся насквозь прозрачная фигура Боженьки, невыразимо прекраснаго. Ясные ласкающіе глаза улыбались, голосъ звучалъ неясно, какъ шелестъ березы: вставай, дитё... Длинныя свѣтящіяся руки потянулись къ Павлушѣ. Внутри его вспыхнуло, загорѣлось, взыграло. Онъ вскрикнулъ, протянулъ впередъ руки... и очнулся.

— Вставай, дитё, — съ глубокой печальной лаской говорилъ дѣдъ, стоя у порога съ охапкой вѣтокъ. — Праздничекъ Божій пришелъ у людей, а ты все лежишь, лежишь, сирота...—крупная слеза катилась у него черезъ синій рубецъ на щекѣ. Замѣтивъ, что малютка уже очнулся и глядитъ на него улыбаясь, старикъ растерялся и забормоталъ радостно:—Вотъ, вотъ, ну... Троица ужъ.

— Тро-и-ца, — Павлуша не узналъ своего голоса: до того онъ былъ сиплый и слабый.

— Троица, Троица... — все бормоталъ дѣдъ, глядя на него, и слезы бѣжали черезъ рубецъ на большіе сивые усы.

Въ переднемъ углу опять теплилась свѣчечка. Въ оконце, слѣпя глаза, лились утренніе лучи. Вся въ росѣ и цвѣтахъ, и лучахъ стояла, улыбаясь, яблонька. Вдали алѣлъ край неба... Вокругъ—въ изголовьи, на постелькѣ, на столѣ, на полу лежали кучи еще мокрой отъ росы травы, пахло цвѣтами. Въ ушахъ стоялъ веселый звонъ колоколовъ.

Спустя нѣсколько дней Павлуша уже сидѣлъ съ дѣдушкой на завалинкѣ избушки. Яркій солнечный свѣтъ, блескъ росы, птичій гамъ ослѣпили было, оглушили его. Онъ закрылъ глаза и съ легкимъ стономъ припалъ головкой къ плечу дѣда.

Когда же открылъ глаза, то заглядѣлся...

Избушка стояла на самомъ краю села на горѣ. Справа, саженяхъ

въ десяти, стояла за плетнемъ рига дяди Степана и возлѣ нея кладушка хлѣба. Слѣва, за невысокой канавой, зеленѣя, убѣгало за бугры ржаное поле. Передъ избушкой тамъ и сямъ по склону горы стояли отцвѣтавшія яблони, черемухи, вишни. Межъ нихъ по черной, только что выполонной землѣ ярко-зелеными, росистыми звѣздами блестѣли всходы огурцовъ, арбузовъ, дынь. Ниже въ два ряда бѣлѣли березки. Подъ ними стояли ульи; на одномъ виднѣлся въ темномъ желобкѣ образокъ.

Внизу чутко шелестѣлъ сплошной стѣной дымившійся утреннимъ паромъ камышъ и вилась вдоль горы и села вся заросшая лопухомъ, лиліями и водорѣзникомъ рѣчка.

За ней пестрѣло яркими всходами и еще свѣжими, черными пашнями вперемежку яровое поле. Дальше всплошь густо зеленѣла степь и дымились, какъ кадила, пруды и озеро. А еще дальше, гдѣ степь уже сливалась съ небомъ, гдѣ, думалъ Павлуша, былъ уже и конецъ-край бѣлому свѣту, — синѣло что-то круглое и неподвижное—не то облако, не то лѣсъ...

Спустя еще недѣли двѣ, мальчикъ сидѣлъ въ сѣняхъ возлѣ дѣда, ковырявшаго лапоть, и, долго глядя въ отверенную дверь на сѣрую, затуманенную сѣтью дождя даль, задумался. Въ немъ поднималось, оживало прошлое... Какъ живой, стоялъ передъ нимъ отецъ, въ синемъ армякѣ, съ котомкой за плечами и съ поднятой для креста рукой... Глаза матери, полные тоски, слезъ, глядѣли ребенку въ душу...

— Ма-ма,—въ забытьи позвалъ онъ и даже потянулся впередъ.

— Что съ тобой, Павлушенька, родной?—съ тревогой спросилъ дѣдъ.

— Дѣдушка, гдѣ мама?

Голосъ ребенка зазвенѣлъ отъ слезъ. Широко раскрытые, какъ бы отъ испуга, глаза тосковали, спрашивали и удивлялись...

Наполненные непослушными слезами глаза дѣда вдругъ загорѣлись.

— Она *тамъ,* дитё, у Боженьки...—сказалъ онъ твердо, даже сурово и поднялъ вдохновеннымъ жестомъ правую руку съ кочетыгомъ.—Ей тамъ хорошо. Она не велѣла тебѣ плакать... слышь.

Образъ матери затуманился и отступилъ куда-то. Но образъ отца сталъ ближе: глубокіе, горящіе суровымъ огнемъ глаза дѣлались больше и больше. Ребенку становилось страшно, сердце колотилось въ груди...

— А тятя?

— И онъ будетъ тамъ, непремѣнно.

Павлуша думалъ и плакалъ... Что-то словно просыпалось въ душѣ; настойчивые, но неясные вопросы возникали въ ней...

Пробѣжалъ вѣтерокъ, зашелестѣли подъ дождемъ черемухи, вишни, и затѣмъ проглянуло солнышко. Мальчикъ, очнувшись, глядѣлъ и уже ничего не видѣлъ впереди, кромѣ дождя и дальней степи. Горячая волна подступила къ его сердцу и горлу; захлебываясь отъ слезъ, припавъ головкой къ дѣду, обнявшему ее, онъ завопилъ благимъ матомъ:

— Дѣдушка, я хочу къ мамѣ, мамѣ!...

Старикъ плакалъ, опустивъ голову, и говорилъ растерянно:

— Погоди, родной... поживи со мной. А то мнѣ, старому, скучно.

III.

Пахомычу въ самомъ дѣлѣ было *скучно*.

При «усмиреніи» Губарей его схватили, когда онъ поднималъ свою мать. Дальше онъ плохо помнитъ, какъ его морили въ острогѣ, не позволили проститься съ сестрой, уходившей съ мужемъ въ Сибирь, и съ невѣстой, собравшейся идти къ черницы,—жилъ парень въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Но когда повели его изъ острога, отправляя на Кавказъ, и онъ, крестясь на церковь, взглянулъ случайно въ сторону Губарей, сердце въ немъ дрогнуло страшнымъ чувствомъ. Онъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ и запѣлъ. Товарищи подхватили. Весь городокъ, сбѣжавшійся на зрѣлище, плакалъ навзрыдъ какъ одинъ человѣкъ.

Жизнь потянулась, какъ въ чаду. Два раза его проводили сквозь строй, много разъ былъ раненъ, былъ въ плѣну, но, полумертвый отъ ранъ, бѣжалъ, просидѣвъ двое сутокъ въ болотѣ возлѣ аула, отчего потомъ чуть не былъ съѣденъ заживо червями; однажды спасся тѣмъ, что провисѣлъ на скалѣ полдня. Разсказы и пѣсни товарищей, на добрую треть сданныхъ въ солдаты, кто за любовь къ дворовой дѣвушкѣ или за кражу яблокъ въ господскомъ саду и т. п., а кто только за то, что былъ единственнымъ сыномъ беззащитной бобылки, а міроѣду-кулаку не хотѣлось разстаться ни съ однимъ изъ взрослыхъ сыновей, будили въ Пахомычѣ подчасъ страшную тоску и злобу. Онъ пилъ мертвую и былъ за то нещадно битъ. Въ битвахъ бросался впереди всѣхъ, очертя голову. И когда при взятіи одного аула, спасая жизнь зарвавшемуся ротному, былъ изрубленъ такъ, что провалялся въ госпиталѣ полгода и затѣмъ выписанъ, съ сведенной рукой и обрубленной ногой, въ отставку,—жизнь уже вся оставалась позади.

Когда онъ опять, спустя двадцать семь лѣтъ, завидѣлъ Губари, сердце его забилось отъ невыразимаго чувства; въ груди сперлись рыданья. Онъ упалъ ничкомъ на дорогу, и заходившее весеннее солнышко долго ласкало бритую сѣдую голову. Какъ въ объятіяхъ родной матери, онъ лежалъ въ дорожной пыли на родимой землѣ, и она безъ словъ говорила ему свои утѣшенія.

Пахомычъ пришелъ въ Губари поздно вечеромъ и прошелъ прямо на погостъ. Побродивъ между могилами, сѣлъ и задумался. Мать... умерла безъ покаянія. Въ яму брошена, какъ собака... Господи! Хоть бы могилкѣ ея поклониться... И ты, моя голубка сизая, невѣста нареченная, не дождалась. Что ты передумала о своемъ дружонькѣ, какъ молилась въ темныя ночи Богу...

Онъ беззвучно рыдалъ. А съ неба глядѣли съ таинственной вѣчной думой звѣзды. На старомъ дубу въ церковной оградѣ, какъ и *тогда,* пѣлъ соловей...

Но Пахомычъ не слыхалъ его. Въ немъ, заглушая все, говорилъ грозный голосъ:

— Не надо было людей убивать, душу-то младенческую за что загубили?

И вспоминается ему:

... Изъ полуотвореннаго окна барскаго дома, окруженнаго пламенемъ, протягиваетъ ручки бѣленькая, какъ ангелъ, съ кудрявыми разсыпавшимися волосиками дѣвочка. «Братцы, не губите!...»—слышится изнутри дома старческій голосъ.—«Она скажетъ!...»—раздается дикій крикъ, и отъ удара коломъ рама разлетается съ искрами вдребезги, дѣвочка исчезаетъ въ огнѣ.

— Охъ, грѣхъ-то, грѣхъ какой!—глухо, закрывъ лицо руками, стонетъ отъ нравственной муки солдатъ.

Что-то темное, какъ грозовая туча, поднялось и говорило въ отвѣтъ:

«Да, грѣхъ великъ. Да отчего вышло *это?* Нѣшто мы разбойники али грабители? Намъ *зерна* чужого не надо, чужая неволя не нужна, людское горе не въ радость. Мы живемъ своими трудами и правдой Божьей. За что же отняли у насъ кормилицу землю, пóтомъ нашихъ дѣдовъ политую, насмѣялись надъ правдой!»...

Гнѣвъ клокоталъ въ груди старика, кулаки сами собой сжимались.

Грозовая туча закрыла все. Пахомычъ приподнялся, шатаясь. Словно въ багровой дали горѣли подожженныя избы, чтобы разогнать народъ, гудѣлъ зловѣще набатъ—выстрѣлы... дикій вой!

Матушка!... Валится она на дорогу, на бѣлой рубахѣ выступила кровь...

Пахомычъ опустился, какъ подкошенный, на колѣни и сталъ съ усиліемъ молиться навстрѣчу занимавшейся зарѣ. Сердце давила и жгла невыносимая скорбь. Холодъ безконечнаго могильнаго одиночества охватывалъ душу, пугая ее.

Его потянуло къ живымъ, захотѣлось услышать живую человѣческую рѣчь. Онъ пошелъ въ село.

Но тамъ всѣ еще спали. Только, на самомъ краю свѣтился въ одной избѣ огонекъ и виднѣлась въ ней фигура мужика, читавшаго книгу. Солдатъ постучалъ. Его впустила беременная заспанная женщина. Гостя усадили и стали разспрашивать; узнавши, кто онъ, обрадовались и опечалились, вспомнили старину. Но у Пахомыча рѣчь не ладилась. Хозяйка всплакнула. Хозяинъ сталъ читать вслухъ. Полные огненной, грозовой поэзіи звуки пророческой рѣчи, читавшіеся глухимъ голосомъ, съ блѣднѣвшимъ болѣе и болѣе лицомъ и съ разгоравшимися отъ восторга глазами, раздались какъ шумъ дождя и удары молніи въ душную засушливую пору глухою ночью и будили жизнь въ замиравшей душѣ; свѣтлыя, зовущія перспективы развернулись и уходили въ безконечность. Сердце, раскрывшись, жадно и жалобно вторило вѣщимъ словамъ святой, вѣчной надежды...

Закрывъ книгу, хозяинъ съ веселымъ видомъ обнялъ гостя.

— Дядюшка,—сказалъ, указывая на себя и жену,—вотъ тебѣ сынъ, а вотъ и дочь. Слышь,—съ сильнымъ порывомъ прибавилъ онъ,—жисть эта земная—тѣнь одна. Настоящая-то *тамъ!* Нѣшто на то насъ зародилъ Богъ, чтобы вздыхать, плакать да смертью лютой помирать? Нѣтъ! Это *его* морока...

Колоколъ разбудилъ обоихъ. Была Троица. Послѣ обѣдни Пахомыча у церкви обступилъ народъ, все незнакомый: послѣ него уже народившійся и выросшій или же состарившійся до неузнаваемости. Нашлись два-три товарища, вспомнили старину, жаловались на настоящее житье.

Отдохнувъ, Пахомычъ пошелъ по святымъ мѣстамъ. Возвратясь черезъ два года, онъ больше всего хвалилъ своему названному сыну Аѳонъ. «Дюже прекрасная пустыня, Егорушка, и словомъ обсказать невозможно. Горы это зеленыя, море, а надъ нимъ, какъ заглядишься съ молитвой, ровно бы крылышки бѣлыя, ангельскія трепыхаются... По скаламъ продѣланы оконца малыя, виднѣется въ каждомъ огонекъ — горитъ тамъ лампада неугасимая передъ Господомъ, подвижникъ спасается, молится за весь міръ грѣшный... Тишина Божія — духъ радуется. Такъ бы и остался тамъ помирать; да, вишь ты, встосковались старыя-то кости по родимой землѣ, не захотѣли лечь далеко отъ *своихъ*».

Егоръ, сосредоточенный, задумчивый и раньше, сталъ пуще задумываться, все чаще по ночамъ молился и читалъ. Случалось, послѣ такой ночи онъ просиживалъ за библіей и день или простаивалъ, задумавшись, полдня на одномъ мѣстѣ. Стихійная дума лежала на всемъ суровомъ обликѣ; въ темной тоскующей душѣ зрѣло глубокое рѣшеніе.

Это былъ отецъ Павлуши.

IV.

Тихо, уютно, какъ ручеекъ затерянный въ степи, потекла жизнь сироты у Пахомыча. Ребенокъ сталъ скоро забываться, и прошлое почти не напоминало о себѣ. Изба отца съ дворомъ были проданы на сносъ, и на мѣстѣ ихъ образовался пустырь, уже поросшій лопухомъ и крапивой.

Когда Павлуша просыпался утромъ, дѣда уже обыкновенно не было возлѣ въ сѣняхъ, гдѣ они спали,—онъ еще на зарѣ уходилъ ставить на рѣчкѣ верши, вентеря. Мальчикъ ворочался на постели въ ожиданіи его, но солнечные лучи, проникавшіе черезъ щель, большей частью выгоняли его раньше, и онъ, протирая спросонья глаза, вприпрыжку бѣжалъ внизъ по холодной росистой травѣ къ берегу. «Дѣдушка, я вотъ онъ!»—«О, мой голубенокъ. Подожди тамъ, умойся пока. Я сейчасъ».

Дѣдъ подплывалъ къ берегу, и они шли къ сѣнямъ; помолившись на востокъ, усаживались у порога завтракать, тюрей—крошеными сухарями въ соленой водѣ или вчерашней кашей. Послѣ работали въ огородѣ или ухаживали за пчелами. Когда солнышко поднималось надъ ригой дяди Степана, разводили огонекъ на берегу, дѣдъ варилъ кашу, и синій дымокъ струйкой подымался между березками.

Послѣ обѣда дѣдъ ложился тутъ же у родничка подъ березками отдыхать, а Павлуша убѣгалъ по межѣ въ поле, гонялся за бабочками, птичками, рвалъ цвѣты и, взобравшись на невысокіе бугры, подолгу съ неясною думой засматривался на зеленѣющее море ржи съ бѣгущими вдали «обѣдами»—маревомъ и мелькающими изъ-за нихъ тамъ и сямъ золотыми крестами церквей.

Набѣгавшись, ложился рядомъ съ дѣдомъ подъ березками и, заглядѣвшись на пчелокъ въ просвѣтахъ вѣтвей или тающее облачко съ рѣющей птицей въ небѣ, незамѣтно засыпалъ.

«Буде спать, дитё»,—говорилъ дѣдъ и, захвативъ рукой студеной воды, умывалъ сонное личико Павлушѣ. «Давай лапти плесть. А то мужикамъ, да бабамъ будетъ колко по жнивью-то ходить. Ты мнѣ лыки подавай, а я тебѣ стихъ или сказку скажу. Такъ-то».

— Скажи, дѣдушка, голубиную.

— Опять голубиную... Вишь излюбилъ. А про Ерша Ершовича, да Карася Петровича?

— Не хочу!

— Ну, инъ быть по твоему.

. . . . . .

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Звѣзды ясныя отъ очей Господнихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ...

Медленно, мѣрно и пѣвуче «сказывалъ» дѣдъ, постукивая и ковыряя какъ бы въ тактъ кочетыгомъ. Весь охваченный сладкою думой и обаятельно мерещившейся панорамой Божьяго міра, мальчикъ грезилъ на яву. Далеко-далеко впереди синѣетъ у самаго неба гора. На ней лежитъ бѣлъ-горючъ камень, а на камнѣ вся какъ жаръ горитъ звѣздами *она*—книга. Отецъ въ синемъ армякѣ, съ котомкой за плечами, читаетъ ее. Вокругъ народу видимо-невидимо, все въ свѣтлыхъ ризахъ.

Тятька!

... «Эге, дитё, не рано. Гли, солнышко-то гдѣ! Пора къ вентерямъ»,—какъ сквозь сонъ слышитъ Павлуша голосъ дѣда и не сразу приходитъ въ себя. Въ самомъ дѣлѣ, солнышко уже заходитъ, заливая поле и степь золотисто-багрянымъ сіяніемъ.

Осмотрѣвъ вентеря, они медленно подплывали къ берегу. Вверху и подъ ними, межъ лопуховъ и осоки, зажигались и дрожали звѣзды. Чуткая ночная тишь уже обнимала землю. Лишь съ села слышался смутный, полусонный говоръ и тарахтанье запоздавшей телѣги и доносилась изъ-за бугровъ пѣсня, печальная и безконечная, какъ само поле, словно это оно пѣло. Дѣдъ стоялъ съ приподнятымъ весломъ, какъ бы прислушиваясь или задумавшись, и съ весла, какъ слезы, падали крупныя капли. Тихая, сладкая, родная грусть охватывала мальчика, и онъ тоже задумывался, не зная о чемъ.

Подъ березками на берегу опять горѣлъ костеръ и варилась въ котелкѣ рыба. Дѣдъ задумчиво глядѣлъ на огонь, помѣшивая время отъ времени варево ложкой. Въ кипящей водѣ мелькали рыбьи то хвосты, то головы съ выпученными какъ бы отъ боли и ужаса глазами...

— Дѣдушка.

— М-м?...

— А ей, рыбѣ-то, больно... горячо-о.

Дѣдъ помолчалъ.

— Вѣстимо, поди, больно... Воля Божья, дитё,—со вздохомъ сказалъ онъ, бросая въ котелъ соль, и какъ бы про себя добавилъ немного спустя: Мало ли горя на свѣтѣ...

Мальчикъ, лежа въ травѣ, повернулся и сталъ глядѣть вверхъ.

— Дѣдушка!

— М... Ты что, дитё?

— Звѣздочка покатилась во-онъ тамъ.

Пахомычъ перекрестился.

— Померъ кто-нибудь.

— Померъ? — сердце ребенка дрогнуло смутнымъ воспоминаніемъ.

— Да. Вотъ она и повела душеньку-то къ Богу на судъ.—Дѣдъ вздохнулъ.

— А!...

Послѣ ужина молились на крестъ церкви, смутно сіявшій вдали надъ темными крышами избъ, и шли въ сѣни спать. Иногда присаживались на заваленкѣ «позоревать». На томъ берегу, вдоль рѣки горѣли огоньки въ «ночномъ», виднѣлись фигуры людей, мелькала черная тѣнь и бѣлая рубаха паренька, «отдиравшаго» трепака, и слышалось оттуда веселое треньканье балалайки. На бѣлѣвшихъ смутно березкахъ пѣлъ соловей. Боженька тысячью звѣздъ задумчиво, таинственно и ласково глядѣлъ на землю.

На Петровъ день Пахомычъ нарядилъ Павлушу въ бѣлую новую рубашку съ краснымъ пояскомъ, самъ надѣлъ мундиръ съ крестами и медалями, и они пошли въ церковь. Благоговѣйный шепотъ молящихся *большихъ*, кадильный дымъ, темные лики святыхъ, глядѣвшіе со стѣнъ, пѣніе и золотыя ризы о. Петра будили въ Павлушѣ особенное чувство, приподнимали, и онъ, неловко еще, водилъ то и дѣло ручкой для креста и вслѣдъ за дѣдомъ припадалъ къ землѣ.

— Именинникъ?—спросилъ шепотомъ у дѣда мужикъ, ходившій по церкви съ тарелкой и колокольчикомъ,—съ доброй улыбкой указывая на мальчика.

— Павелъ.

— Въ отца, кажись. Тебѣ-то, старому, поди радость?

— Не знаю, Ѳедорычъ, какъ Господа благодарить.

Мужикъ погладилъ Павлушу по головѣ и далъ просфору.

Послѣ обѣдни зашли къ Іоновнѣ. Чернички закормили Павлушу блинчиками и аладьями.

Вечеромъ въ этотъ день къ Пахомычу пришли подвыпившіе сосѣди, что-то долго переругивались между собой, потомъ присмирѣли

и всѣ какъ будто пригорюнились. Павлуша только и понялъ, что дѣлили сѣнокосъ, а его было мало.

Осенью и зимой дѣдъ шилъ сапоги. По вечерамъ къ нимъ ходили сосѣди старики и приводили иногда любимцевъ внучатъ; усѣвшись рядкомъ на хорахъ и сложивъ на суковатыя палки руки и бороды, вели неторопливые разговоры про старину, мірскіе порядки, святыя мѣста и т. под. Разъ или два въ недѣлю приходила Іоновна, приносила съ собой книгу и читала старикамъ. Павлуша подсаживался къ ней и сначала робко, а потомъ смѣлѣй заглядывалъ у нея изъ-подъ руки въ книгу, слѣдилъ жадно за ея костлявымъ пальцемъ, которымъ она, читая истово, нараспѣвъ, медленно водила отъ слова къ слову, прикладывалъ ухо къ краю книги, затаивъ дыханіе и прислушиваясь, какъ *она* говоритъ; не слыша ничего, незамѣтно потрогивалъ ее пальцемъ—*она не шевелилась*. Какъ не живая?... удивлялся малютка, силясь всѣмъ существомъ разгадать сроднившуюся съ нимъ тайну. Онъ даже молился полусознательно безъ словъ объ этомъ Боженькѣ, когда, отходя ко сну, вслѣдъ за дѣдушкой припадалъ передъ образомъ.

V.

Какъ-то разъ въ началѣ слѣдующей зимы Іоновна пришла съ больными глазами и плохо разбирала въ книгѣ. *Благъ*, сослѣпу прочла старуха. *Богъ,* поправилъ ее, забывшись, мальчикъ. Всѣ даже испугались, больше всѣхъ самъ онъ. Случай объяснялся, конечно, просто. Павлуша незамѣтно для себя ознакомился со многими словами и даже буквами, особенно съ тѣми, которыя чаще встрѣчались въ началѣ красной строки и отличались отъ другихъ величиной и яркой краской въ церковныхъ книгахъ. При тягучемъ, крайне медлительномъ чтеніи подслѣповатой чернички это было, разумѣется, естественно. Старики же поняли иначе: какъ указаніе, что пора учить сироту.

На другой день отслужили въ церкви молебенъ пророку Науму и, затепливъ по возвращеніи домой свѣчечку передъ иконой, помолясь еще, приступили къ дѣлу. Ученье пошло очень быстро. Прежде чѣмъ старуха успѣвала «складывать» по кириллицѣ, мальчикъ, большей частью, уже нетерпѣливо говорилъ результатъ. Зная многія буквы въ ихъ *произношеніи,* а не въ трудныхъ, странныхъ названіяхъ, къ которымъ не привыкъ, онъ въ нетерпѣніи естественно слѣдовалъ про себя звуковому способу, сливая знакомые звуки и слоги такъ, какъ ихъ обыкновенно читала Іоновна, напримѣръ: *и-же,* а не (*иже*) + (*живѣте* + *есть* = *же*) = *иже*...

Къ концу зимы Павлуша могъ уже замѣнять Іоновну въ чтеніи старикамъ. Они все охали и удивлялись маленькому грамотею. Чтеніе его однако менѣе ихъ удовлетворяло: малютка спѣшилъ, не вдумывался и имъ не давалъ вдумываться.

Да ему самому больше нравилось чтеніе Іоновны. Старуха читала глубоко прочувствованнымъ тономъ. Особенно памятнымъ ему остался одинъ вечеръ.

На хорахъ сидѣли дѣдушка Спиридонъ, строгій, могучій старикъ съ суровымъ задумчивымъ взглядомъ большихъ выпуклыхъ глазъ, и дѣдушка Михеичъ, худенькій, лысый, со слезящимися и постоянно мигающими добрыми глазами. Рядомъ съ нимъ, ближе къ печкѣ, помѣстился внучекъ его Ваня, болѣзненный мальчикъ лѣтъ 8-ми, съ тихимъ, грустнымъ личикомъ. Нѣсколько въ тѣни, между печью и дверью, стоялъ, понуривъ лохматую черную съ застрявшими соломинками голову, дядя Степанъ, у котораго только на-дняхъ померъ сынъ, Микита, парень лѣтъ 15-ти, избитый весной въ степи объѣздчиками. Съ печи глядитъ напряженно Егорушка, забѣгавшій къ нимъ раза два въ годъ Богъ вѣсть откуда юродивый. Безбородое изможденное лицо выражаетъ крайнее безпокойство, боль. По часто подергивающейся правой щекѣ катится слеза, а губы странно, какъ-то по-дѣтски, весело даже усмѣхаются... Павлушѣ жалко его и жалко Степана. Онъ перебирается съ лавки на печь и суетъ юродивому въ руку кусокъ рыбы. Но тотъ не замѣчаетъ его усилій, кусокъ такъ и остается въ вздрагивающей рукѣ... У запушеннаго инеемъ окна съ намерзшими сосульками сидитъ, по обыкновенію, на обрубкѣ дѣдушка Пахомычъ, съ повязанной ремешкомъ головой, и шьетъ сапоги.

Іоновна читаетъ о Милостивомъ царѣ и жестокомъ заимодавцѣ, не хотѣвшемъ простить. Покончивъ чтеніе, вытираетъ вспотѣвшее лицо темнымъ платочкомъ.

— Вотъ, Степанъ,—зычно, сердито заговорилъ Спиридонъ, такъ что Павлуша вздрогнулъ, а Ваня прижался къ Михеичу,—слышь. А ты все, о сынѣ-то, гребтишь. Грѣхъ вѣдь Бога, парень, гнѣвить...

— Нѣ,—заговорилъ и Михеичъ, перебивая и волнуясь,—ты, Спиридонъ, ты, Карпычъ, то-ись то... разумѣй! Вѣдь оно, стало быть, сердце-то, не терпитъ. О-одинъ и былъ...

Степанъ вдругъ закрылъ лицо руками, хрипло, подавленно зарыдалъ.

— О-о-одинъ и бы-ылъ,—завылъ, забормоталъ, словно чѣмъ-то давясь,—Господи, Господи... у-у... Микита, Микитушка...

Егорушка завозился, заволновался. Лицо его стало совсѣмъ страдальческимъ. Онъ пересталъ улыбаться, по щекамъ текли уже двѣ

слезы, и обѣ крупныя, тяжелыя. Глаза, загорѣвшіеся жидкимъ, страннымъ блескомъ, все глядѣли куда-то въ передній уголъ пристально и съ чуднымъ, необычнымъ выраженіемъ... Раза два звякнули его вериги.

— Господи, помилуй Микиту, Микиту, Микиту... — быстро-быстро забормоталъ онъ.

Іоновна подошла къ Степану и положила ему на голову лѣвую руку.

— Степа,—сказала она, поднявъ правую руку и указывая въ передній уголъ,—али ты въ *Него* не вѣруешь?...

Степанъ стихъ, характерно покрутилъ головой, видимо давя, унимая невыносимое горе.

— Не буду, тетушка,—тихо промолвилъ онъ немного погодя, утираясь полой.

Іоновна опять сѣла и стала читать въ другомъ мѣстѣ. Неизгладимыми чертами врѣзалось въ памяти Павлуши то, что она читала. Это была извѣстная XIII глава второго посланія къ коринѳянамъ.

«Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи или кимвалъ звяцаяй.

«И аще имъ пророчество и вѣмъ тайны вся, и аще имамъ всю вѣру и весь разумъ, даже и горы преставляти, любве же не имамъ, ничто же есмь», читала необычнымъ, глубокимъ голосомъ Іоновна, и слезы струились по преобразившемуся, смягченному и одухотворенному лицу.

Спиридонъ потупился. Степанъ поднялъ голову и загорѣвшимися, странно повеселѣвшими глазами глядѣлъ на нее. Егорушка стихъ и опять усмѣхался.

— Дѣдушка, за что убили Микиту?—спрашивалъ на другой день утромъ Павлуша.

— Лошадей въ степь упустилъ, дитё.

— Да вѣдь она, степь-то, Божья, Боженька ее сдѣлалъ?...

Старикъ не отвѣтилъ.

— Жалко Микиту,—говорилъ со слезами на глазахъ мальчикъ, обуваясь въ сапоги.—Лошадямъ травки *надо,* а его убили...

Въ немъ шла какая-то внутренняя работа.

— Его Божинька къ себѣ возьметъ, а *ихъ* громомъ убьетъ!—разразился вдругъ малютка.

— Охъ, дитятко! — почти испугался дѣдъ. — Дѣло не наше, Божье. Его святая воля. Не въ отца, видно, ты,—замѣтилъ опъ немного погодя, какъ бы про себя.—Дѣдушка такой былъ. У-у, шумѣлъ, бывало, на сходахъ, царствіе ему небесное.

Играя на улицѣ, мальчикъ не разъ слышалъ вой Артемихи въ избѣ Степана, видѣлъ его самого понураго, печальнаго, и дѣтское сердце каждый разъ щемило больнымъ, неяснымъ вопросомъ.

«Выросту большой,—думалъ мальчикъ,—буду ѣздить Степану въ ночное. Артемиха не будетъ выть, Микитѣ у Боженьки хорошо. А *ихъ* громомъ убьетъ»...

VI.

Весна этого года радовала губаревцевъ. Снѣгъ сошелъ дружно, дожди прошли вò-время и перепадали часто до самаго Троицына дня. Но затѣмъ наступила засуха, до Ильина дня не выпало ни капли. Ржи, особенно ранняго сѣва, еще кое-какъ удержались, набравшись силы за весну; травы тоже успѣли войти въ ростъ и вышли средними. Но яровые сплошь не уродились, а поздніе такъ прямо чернѣли голой землей.

Угрожалъ скотинѣ голодъ. Когда наступили заморозки, на нее жалко стало глядѣть. Корму не было, кромѣ ржаной соломы, да и той было мало. Раскрывали крыши, но и ихъ нехватало. Подъ Рождество затрещали лютые морозы. И праздникъ вышелъ не въ праздникъ. По дворамъ слышалось негромкое жалобное мычаніе, ревъ. То въ томъ, то въ другомъ дворѣ, слышно, падала скотина. Мужики бродили озабоченные, понурые; дѣтишки безъ молока выглядѣли вялыми, блѣдными. Почти не слышно было ни пѣсенъ, ни шутокъ молодежи. За всю осень и зиму сыграли только 2—3 свадьбы. Пахомычъ въ эту зиму усиленно ловилъ рыбу и разсылалъ ее хворымъ съ Павлушей.

Какъ-то вскорѣ послѣ Крещенія къ Пахомычу ввалилась вечеромъ толпа галдѣвшихъ мужиковъ со старостой во главѣ; часть ихъ не могла размѣститься въ избѣ и осталась въ сѣняхъ. Растворили дверь, столъ и свѣтецъ съ лучиной отодвинули къ серединѣ, противъ нея, такъ чтобы и въ сѣняхъ было видно.

— Вотъ, дядюшка, Сидоръ Пахомычъ, обсуди ты насъ,—сказалъ староста, выступивъ на середину, когда всѣ поугомонились, и низко, въ поясъ поклонился старику:—Сбиваютъ народъ Спиридонъ со Степаномъ посылать ходаковъ къ царю. Только не дѣло, такъ я мекаю, затѣяли старики. Срока всѣ прошли. Правовъ нашихъ нѣтъ.

Только что успѣлъ проговорить онъ послѣднія слова, какъ поднялся невообразимый шумъ.

— Какъ такъ правовъ нѣтъ? Какихъ еще тебѣ правовъ надо—скотина дохнетъ, дѣтишки мрутъ, сами подыхаемъ!... Христопродавецъ, прахъ тя побери!... Міру не рачитель!...

Рыжій Кондратій, сидѣвшій до того смирно, понурясь, на краю лавки, вдругъ скверно выругался и съ бѣшенствомъ протянулъ въ сторону старосты жилистый кулакъ, глаза готовы были выскочить. Староста привыкъ къ шуму и брани на сходахъ, но тутъ смутился и махнулъ рукой: мое, де, дѣло сторона; дѣлайте, какъ знаете.

— Смотрите, старички, какъ бы бѣды какой не было,—проговорилъ онъ и отодвинулся къ печи.

Всѣ разомъ опять стихли и обратились глазами къ Пахомычу. Тотъ сидѣлъ задумавшись.

— Права, братцы,—заговорилъ онъ медленно при напряженномъ вниманіи всѣхъ,—у насъ есть и нѣту ихъ. По Божьему степь наша, а по человѣческому—пропустили срока. Только такъ мекаю глупой головой: а отъ кого они, эти самые срока? Отъ царя-батюшки. Какъ повелитъ, такъ оно и будетъ... Ну, а насчетъ бѣды, ты, староста, зря стращаешь. Тѣ времена прошли. Крестьянъ господскихъ, слышь, вонъ ослобонили; суды заводятся новые, милостивые. Ничего не будетъ. Правду нонѣ всякому искать невозбранно... Я другое мекаю, други, какъ бы намъ Господа Бога умилостивить. *Ньшто это безъ Его попущенія сдѣлалось?...* Согрѣшили мы, окаянные, вотъ что! Вотъ о чемъ надо подумать, старички...

Стало тихо, такъ что муху было бы слышно.

— Аа-ай, горячо, ай-ай, горячо!—раздался вдругъ съ печи отчаянный крикъ Егорушки, проскользнувшаго незамѣтно черезъ толпу въ избу. Мужики недоумѣвали, на нѣкоторыхъ лицахъ явно сказался испугъ.

«*Не къ добру*», подумалось всѣмъ. Юродивый продолжалъ кричать жалобно, по-дѣтски. Вдругъ Спиридонъ грохнулся на колѣни и глухо проговорилъ:

— *Понялъ,* братцы.—Пахомычъ поднялся.—Не дастъ намъ *Онъ* удачи, пока не замолимъ младенческую душу...

Трепетъ пробѣжалъ по толпѣ.

— Вяжите меня, окаяннаго,—въ тоскѣ говорилъ Спиридонъ, устремивъ на образа огромные глаза, наполненные слезами и помутившіеся.

Пахомычъ съ усиліемъ поднялъ его.

— Чего вязать-то, другъ, не убѣжишь. А коли пострадать хочешь, то дѣло надумалъ. За міръ, за сиротъ нашихъ прими грѣхъ. Не ты одинъ, всѣ виноваты...

— *Я убилъ!*—вырвался страшный крикъ изъ груди Спиридона. Глаза были полны ужаса. Въ избѣ послышались рыданія.

На другой день въ сильную вьюгу Спиридонъ ушелъ въ городъ

отдать себя въ руки правосудія. Черезъ недѣлю вернулся подавленный, убитый, чуть живой. Начальники не признали его виновнымъ, такъ какъ прошелъ срокъ. Старикъ валялся у судей въ ногахъ, плакалъ. Ничто не помогло. Побившись, онъ понялъ, что все кончено и, свалившись по приходѣ домой, черезъ три дня умеръ. Жутко стало въ селѣ: *всѣ поняли, что грѣхъ не прощенъ.*

Случай этотъ глубоко захватилъ Пахомыча и Павлушу. Старый и малый близко сошлись въ общемъ чувствѣ, въ одной мысли.

— Дѣдушка, Спиридонъ горѣть въ *огнѣ* будетъ?—съ содроганіемъ спрашивалъ Павлуша.

— Не думаю я этого,—неувѣренно говорилъ Пахомычъ:—каялся-то какъ!

— А какъ же: грѣхъ не прощенъ, говоришь.

— Его-то, поди, прощенъ, а *нашъ всѣхъ* не прощенъ: Богъ *за мірѣ* не принялъ жертву.

— Отчего?

— Мекаютъ, за чистую младенческую душу Спиридонова не годится—ей самой за себя замолить впору, а надо такую же, чистую.

— А!...

Захватывающими вопросами и страстнымъ вниманіемъ серьезный мальчикъ заставлялъ упавшаго духомъ и нѣсколько растерявшагося старика забывать, что передъ нимъ лишь восьмилѣтній ребенокъ, и тотъ не только разсказалъ ему подробно про губаревскую многолѣтнюю драму со степью, но облегчалъ душу безконечными разсказами вообще про старину, насилія и ужасы крѣпостного рабства, солдатчины, всякаго произвола. Дикія, непостижимо ужасныя картины проходили подчасъ передъ духовнымъ взоромъ Павлуши. Но онъ не пугался, не плакалъ, а только въ глубинѣ дѣтской души ложился тяжелый осадокъ, и властная стихійная дума владѣла ею.

— Знаешь, дитя, за что эта степь «Рòзстань» прозывается? Какъ заселяли этотъ край, согнали сюда издалека народъ и давай разселять: жену тутъ, а мужа дальше, можетъ верстъ за сто, гнали, дочь али сына туда, а мать тутъ. Сколько крику, слезъ-то было! Можетъ, эта Рòзстань на четверть али больше слезами смочена. Лѣтъ сто, говорятъ, слышно было, какъ на ней по веснѣ голосилъ по ночамъ кто-то... Знамо *кто!* Оттого ее и не распахали, что весной боязно было...

— Да зачѣмъ же такъ разселяли?

— А чтобы начальниковъ дарили...

VII.

Новый случай еще болѣе разстроилъ Пахомыча и сблизилъ его съ пріемышемъ.

Подъ Пасху ночью ихъ позвали изъ церкви къ Іоновнѣ, тяжко заболѣвшей послѣ того, какъ идя въ чистый четвергъ отъ заутрени оступилась и упала навзничь. Они нашли ее уже лежащей въ переднемъ углу съ закрытыми глазами, съ горящей свѣчей въ неподвижныхъ, сложенныхъ на груди рукахъ. Она еще дышала; но жизнь уже считалась минутами. Заслышавъ ихъ шаги, она съ видимымъ усиліемъ открыла глаза, тусклые, глубоко ушедшіе; на секунду въ нихъ блеснула жизнь, и пальцы зашевелились, такъ что пламя свѣчки заколыхалось и воскъ сталъ падать на нихъ. «Узнала»,—прошептала молодая черничка:—«благословить хочетъ». «Богъ благословитъ, матушка»,—погромче сказала она умирающей.—Та опять закрыла глаза. «Давно бы кончилась»,—шепнула черничка имъ:—«да, вишь, ждетъ»... Вдругъ ударъ колокола торжественно прокатился въ воздухѣ. Начиналась заутреня. Іоновна широко раскрыла глаза, все лицо ея просвѣтлѣло, слабая улыбка заиграла на синихъ тонкихъ губахъ; она чуть замѣтно вздохнула, и глаза ея стали быстро гаснуть. Молодая черничка осторожно закрыла ихъ навсегда. «Христосъ воскресе, матушка»!—весело похристосовалась она съ покойной и положила ей на грудь красное яйцо. Павлушѣ было вовсе не страшно, а даже какъ будто весело. «Христосъ воскресе!»—звонко повторялъ онъ за черничкой, но почему-то оглянулся на дѣда. У Пахомыча глаза большіе, какъ бы удивленные, свѣтились и плакали; губы беззвучно шевелились.

— *Тамъ!* — сказала молодая черничка, положивъ руку на его плечо; губы ея тоже дрожали.

— *Тамъ, тамъ*...—бормоталъ Пахомычъ, а слезы все бѣжали по осунувшимся, небритымъ щекамъ.

Павлуша недоумѣвалъ.

Вскорѣ затѣмъ, на Ѳоминой, Пахомычъ сорвался съ лодки въ рѣку и чуть было не утонулъ. Спасся тѣмъ, что успѣлъ схватиться за лодку и его вмѣстѣ съ ней прибило къ берегу. Съ тѣхъ поръ ему стало сводить и другую руку. Рыбы стали ловить меньше: старикъ не могъ одинъ справиться, а мальчика было жалко рано будить. Лапти плелъ одинъ Павлуша.

Старикъ вообще сталъ какъ-то дряхлѣть. Раны начали зудѣть передъ дождемъ; частенько побаливала голова. И характеръ сталъ за-

бывчивымъ и раздраженнымъ. Онъ много говорилъ про себя и, случалось, плакалъ, чего раньше не бывало.

Жалко было Павлушѣ дѣдушку. Чтобы развлечь его, онъ часто читалъ ему псалтирь. Самъ же предпочиталъ Евангеліе: все было въ немъ понятно и занимательно, говорило сердцу такимъ простымъ языкомъ. Оба мечтали о библіи. Пахомычъ, однако, предавался этой мечтѣ не безъ страху. «Ой, не вышло-бъ чего, какъ съ отцомъ»...—съ замираніемъ сердца не разъ думалось ему.—Но, присматриваясь къ пріемышу, становился спокойнѣй, находилъ, что сирота какъ будто и не въ отца: не любилъ молиться долго, нелюдимости не было и въ поминѣ, не было и отцовской кротости. Товарищи все какъ-то дѣлились у него на друзей и враговъ. Послѣдніе были большіе драчуны. Пахомычъ не разъ, заслышавъ на улицѣ знакомый крикъ, долженъ былъ спѣшить съ палкой на выручку. Отъ притворно-грознаго окрика и вида стараго вояки шалуны мигомъ разбѣгались, крича во всю мочь: «солдатъ бритый, хвостъ подбитый, на макушкѣ три вертушки»!—чѣмъ приводили въ ярость Павлушу. *Дѣдушка, дѣдушка,*—думалъ старикъ, глядя на его раскраснѣвшееся отъ гнѣва личико и сжатые кулаченки.

— Чего съ такими-сякими связываться, дитё?

— Они Ваню отдули!

— За что?

— Мячъ просили...

— Да у него одинъ, поди, и есть.

— А то сколько же!...

Сосѣди тоже не давали въ обиду сироту. По смерти Іоновны онъ одинъ отводилъ душу старикамъ чтеніемъ. Степанъ сталъ ихъ завсегдатаемъ. «Кабы живъ былъ Микитушка, выучилъ бы его, ничего не пожалѣлъ»,—говорилъ онъ печально.—Мужикъ совсѣмъ какъ-то сталъ не похожимъ на другихъ. Артемиха со слезами жаловалась Пахомычу, что по хозяйству у нихъ пошла разстройка. Тотъ посовѣтовалъ ей отпустить мужа на богомолье. «Легче станетъ». На масляницѣ, въ «прощеный день», Степанъ съ Кондратіемъ пришли передъ отходомъ въ Іерусалимъ проститься съ Пахомычемъ. Онъ далъ имъ денегъ купить библію.

— А на Аѳонѣ будете?...—неожиданно для себя спросилъ Павлуша; смутная боль вызвала на глаза слезы.

— Зайдемъ...

— А вы бы... *того*...—загадочно промолвилъ Пахомычъ, не глядя ни на кого.

— Знаемъ!... *Ужъ непремѣнно,*—такъ же неопредѣленно отозвались мужики и ушли.

Великимъ постомъ дѣдъ слегъ. Ухаживать помогала Артемиха. Старикъ ужъ сталъ поправляться, какъ у нихъ прибавился еще больной. Какъ-то ночью постучался прохожій, весь продрогшій, чуть живой. Бѣдняга попалъ въ темнотѣ въ разлившуюся балку. Недѣли двѣ боролся онъ со смертью, но затѣмъ она отступилась. Оправлялся онъ, однако, туго: человѣкъ былъ уже немолодой, сильно потертый жизнью: лысый, съ дряблымъ лицомъ и сизымъ носомъ. Бывшій кантонистъ изъ мѣщанъ, онъ, вышедши въ отставку, не зналъ за что взяться. Работать не привыкъ, торговать не умѣлъ и не на что было. Онъ сталъ коротать остатокъ жизни по ярмаркамъ и монастырямъ.

— Чего же, дядюшка, дѣлаешь?—полюбопытствовалъ Павлуша.

— А такъ, миляга: день да ночь—сутки прочь...

Мальчикъ раскрылъ глаза отъ удивленія и собирался еще что-то спросить.

— Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ,—завелъ прохожій.— Да то птицы!... Много будешь знать,—скоро состаришься,—сердито оборвалъ онъ мальчика.

Павлушѣ было жалко его и боязно.

Пахомычъ косился на гостя, но сдерживался. Попавъ въ теплый уголъ, тотъ не спѣшилъ уходить и, чтобы оттянуть время,—а можетъ быть, и человѣческое чувство заговорило,—предложилъ поучить мальчика писать. Ученье пошло не бойко: то ученикъ отправлялся по хозяйству, то учитель уходилъ спозаранку въ село и напивался пьянъ. Однажды онъ въ такомъ видѣ чѣмъ-то сильно обидѣлъ Артемиху. Та подняла вой и ругань. Тогда Пахомычъ,—Павлуша никогда не видалъ его такимъ сердитымъ,—взялъ нетвердаго на ногахъ и ругавшагося на чемъ свѣтъ стоитъ прохожаго за шиворотъ и ловкимъ ударомъ ноги съ деревяшкой вышибъ его за дверь, захлопнувъ потомъ ее.

Дня два потомъ было не по себѣ старику. «Человѣкъ—что звѣрь,— бурчалъ онъ:—Пожалѣть некому, а пинка дать всякій можетъ, это— сколько хочешь, сейчасъ. Тоже, съ чего такой сталъ-то, поди? Не съ радости! Небось, слезъ-то сколько поглоталъ. Солдаткинъ сынъ, крапивное сѣмя—кому нуженъ! А тамъ съ десяти лѣтъ—солдатъ. О-охъ, долюшка, доля каторжная. Все розги да розги-то, да окрики грозные, да колотушки,—сердце истряслось... А тоже человѣкъ, дитё былъ... И вотъ-на-поди! Свой же братъ, солдатъ, «пинка далъ»...

На Преполовеніе вернулся Кондратій. Онъ дорогой заболѣлъ и отсталъ отъ Степана, который оставилъ его въ Кіевѣ въ Лаврскомъ лазаретѣ. Мужикъ, въ самомъ дѣлѣ, выглядѣлъ худымъ и хмурымъ.

Около Казанской стали ходить слухи, что идетъ холера. Говорили, что по Волгѣ и въ Москвѣ народъ валомъ валило, не успѣвали хоронить. Но это было гдѣ-то далеко, губаревцы мало думали о бѣдѣ и спѣшили убраться съ урожаемъ, такъ какъ лѣто выпало знойное, сухое, и зерно осыпалось.

Подъ Ильинъ день вернулся и Степанъ, принесъ библію и многое множество разныхъ крестиковъ, образковъ. На радостяхъ не всѣ замѣтили, что мужикъ былъ какой-то смутный, какъ будто нездоровый. «Усталъ, сердешный»,—подумала Артемиха и сказала то же Пахомычу.—Тотъ поторопилъ народъ уйти, чтобы дать отдохнуть мужику.

На другой день Степанъ лежалъ подъ образами. Его еще дорогой забрало, верстъ за 40, да онъ перемогся и добрелъ таки до дома. Дня черезъ два свалилась Артемиха, за ней мать Вани, ухаживавшая за обоими. И смерть пошла изъ избы въ избу косить свои жертвы, все больше крѣпкихъ людей, въ расцвѣтѣ силъ. Дѣтишекъ совсѣмъ не трогала. Сиротъ прибавлялось въ Губаряхъ десятками.

Однажды на разсвѣтѣ Павлуша сквозь сонъ услышалъ чьи-то хриплые стоны, но не могъ скоро проснуться, мучимый какимъ-то кошмаромъ. Вдругъ его словно толкнулъ кто-то. Онъ вскочилъ и увидѣлъ дѣда корчившимся на полу въ судорогахъ. Ужасъ оледенилъ мальчика. Пи-ить, пи-ить,—скрипя зубами и весь извиваясь, прохрипѣлъ невнятно Пахомычъ и тянулся къ кадкѣ съ водой...

Утромъ его не стало.

«...Идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»,—выводилъ усталымъ голосомъ о. Петръ. Павлуша видѣлъ гробъ съ дѣдомъ и слышалъ пѣніе какъ сквозь сонъ и думалъ свою думу: *Теперь никого, всѣ тамъ...*

Т. Ясаковъ.

*
* *

Съ мечомъ въ рукѣ и съ пѣсней боевою
Уходишь ты въ далекую страну...
Мой старый другъ! Я не пойду съ тобою,
Я не пойду съ тобою на войну!

Я не боюсь ни смерти, ни страданья:
Иной тоски полна душа моя...
Какъ призраки встаютъ воспоминанья—
Я вижу васъ, знакомые края!
Я боленъ былъ... Тяжелою дремотой
Сковало умъ... Цѣлебныхъ травъ настой
Давала мнѣ съ любовью и заботой
Чужая мать дрожащею рукой.
Я помню взглядъ, подернутый слезою,
Ея главы святую сѣдину...
Былъ сынъ у ней...
Я не пойду съ тобою,
Я не пойду съ тобою на войну!

Я тамъ любилъ... Какъ часто голосъ нѣжный
Мнѣ пѣсни пѣлъ на чуждомъ языкѣ!
Но пробилъ часъ разлуки неизбѣжной...
Ея рука была въ моей рукѣ,
Въ ея груди мнѣ слышалось рыданье...
Былъ братъ у ней... Мы долго шли вдвоемъ
До пристани... Онъ молвилъ на прощанье:
«Господь съ тобой! Не будь же намъ врагомъ!»
Онъ отрокъ былъ съ кудрявой головою...
Дорогою мы пѣли пѣснь одну...
Гдѣ онъ теперь?...
Я не пойду съ тобою,
Я не пойду съ тобою на войну!

Родныхъ церквей съ горящими свѣчами
Я не нашелъ на дальней сторонѣ,
Я въ храмъ чужой смущенными шагами
Вступалъ не разъ въ вечерней тишинѣ
И думалъ я: молящихся со мною
Разить мечомъ ужели я дерзну?!
Вѣдь Богъ одинъ!..
Я не пойду съ тобою,
Я не пойду съ тобою на войну!

Юрій Свѣтогоръ.

ДОМОЙ.

(Разсказъ).

I.

— Что, скоро придетъ почтово-пассажирскій поѣздъ изъ К****?— спросилъ артельщика невысокій, толстый господинъ съ большой окладистой бородой, одѣтый въ енотовую шубу.

— Черезъ десять минутъ,—отвѣтилъ почтительно артельщикъ.

Господинъ съ минуту постоялъ у дверей, а потомъ медленно пошелъ вдоль дебаркадера.

Было ясное, морозное утро,—утро Рождественскаго сочельника. У платформы стоялъ поѣздъ, отправляющійся въ Р***. Шла обычная суета: то-и-дѣло раздавались крики артельщиковъ, везущихъ на телѣжкахъ багажъ; пассажировъ передъ праздникомъ было много, преобладали рабочіе съ мѣшками за плечами и бабы, очевидно, фабричныя, отправляющіяся къ праздникамъ домой. Было не мало и воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній.

Около вагоновъ третьяго класса происходила толкотня и суета: кучка мужиковъ и бабъ съ узлами и мѣшками оживленно спорила съ кондукторомъ, что-то раздраженно объяснявшимъ. Видимо, аргументы его мало убѣждали публику.

«Мѣстъ нѣту!... Мало ли что нѣту, а зачѣмъ билеты даютъ»?...

Наконецъ, былъ прицѣпленъ еще вагонъ и всѣ, кому нехватало мѣста, спѣшили въ новый вагонъ. Немного погодя послышался третій звонокъ, минуты черезъ двѣ—хриплый ревъ паровоза, потомъ—пронзительно рѣзкій свистокъ кондуктора,—весь поѣздъ содрогнулся и плавно, медленно двинулся вдоль дебаркадера; уѣзжавшіе крестились, прощались со своими провожатыми, махали платками.

Бородатый господинъ проводилъ глазами удаляющійся поѣздъ и снова началъ прохаживаться по платформѣ.

— Николай Ильичъ!...—услыхалъ онъ невдалекѣ отъ себя.

Оглянувшись, онъ увидалъ сѣдого и низенькаго старика въ военной шинели и форменной фуражкѣ, спѣшившаго къ нему и издали улыбавшагося.

— Мое почтеніе!... Что, встрѣчаете кого-нибудь?...—все съ той же сладкой улыбкой, пожимая Николаю Ильичу руку, спросилъ старичекъ.

— Да, одного знакомаго надо встрѣтить,—неохотно отвѣтилъ Николай Ильичъ.

— А-а,—протянулъ старичокъ,—что же, лучше встрѣчать, чѣмъ провожать, не правда ли, Николай Ильичъ?...

Собесѣдникъ его какъ-то натянуто улыбнулся и ничего не сказалъ.

— А я вотъ племянника встрѣчаю,—продолжалъ словоохотливый старичокъ и, не замѣчая кислаго настроенія своего собесѣдника, не переставалъ говорить о разныхъ пустякахъ, ни мало не подозрѣвая, что его спутникъ былъ занятъ въ эту минуту одной мыслью,—какъ бы скорѣй отдѣлаться отъ него.

Но вотъ вдали послышался продолжительный свистъ паровоза, и минуты черезъ три поѣздъ, дымя и словно запыхавшись, плавно подкатилъ къ платформѣ, гдѣ уже столпилась группа артельщиковъ, ждавшая удобной минуты, чтобы вбѣжать въ вагоны.

Горновъ кивнулъ головой своему собесѣднику и быстрыми шагами пошелъ впередъ; потомъ, оглянувшись назадъ и убѣдившись, что старичекъ остался далеко въ толпѣ, онъ замедлилъ немного шаги и сталъ зорко оглядывать встрѣчную публику. Но вотъ глаза его прищурились, онъ еще больше замедлилъ шаги.

— Да, это она,—произнесъ онъ про себя.

Прямо къ нему направлялась дама въ сѣрой ротондѣ съ бѣлымъ пушистымъ воротникомъ, въ черной мерлушчатой шапочкѣ, съ густымъ опущеннымъ вуалемъ, позволявшимъ видѣть лишь большіе, темные глаза, да тонкій овалъ молодого лица.

Поровнявшись съ Горновымъ, она молча протянула ему руку, затянутую въ черную лайковую перчатку.

— Здравствуй, Ольга...—произнесъ онъ и смолкъ, не зная, что ему еще прибавить.

Кажется, одну минуту у него было намѣреніе поцѣловать ее,—но оно такъ же скоро прошло, какъ и явилось. И вотъ они стояли оба молча съ тяжелымъ сознаніемъ взаимной отчужденности, явившейся результатомъ долгой разлуки. Слова привѣта не шли съ языка, такъ какъ въ душѣ обоихъ, кромѣ больныхъ воспоминаній и отравленнаго прошлаго, ничего пока не было.

Однако, надо было что-нибудь дѣлать; и то уже проходившіе мимо начали обращать на нихъ вниманіе.

Онъ опомнился первый.

— Гдѣ же твои... ваши вещи?...

— Артельщикъ понесъ ихъ къ извозчику,—отвѣтила молодая женщина.

Голосъ у нея былъ глубокій, грудной, но какой-то утомленный.

— Такъ идемте...

Когда они проходили черезъ залъ перваго класса, имъ встрѣтился старичокъ въ шинели; рядомъ съ нимъ шелъ высокій, смуглый юноша въ форменномъ пальто одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ обычной сладенькой улыбочкѣ старичка пробивалось лукавое выраженіе при взглядѣ на спутницу Горнова.

— Эге!... да у тебя знакомый-то женскаго рода!...—краснорѣчиво говорила его усмѣшка.

Горновъ съ досадой закусилъ усы.

— Несносный!... Вѣроятно завтра же, дѣлая визиты, всѣмъ сообщитъ, что Горновъ встрѣчалъ на вокзалѣ «даму подъ вуалью»... Разумѣется, всѣ догадаются, кто это...

Волнуемый этими непріятными мыслями, Горновъ и его дама скоро разыскали ея артельщика съ вещами. Горновъ неторопливо нанялъ извозчика, сунулъ серебряную монету артельщику и помогъ молодой женщинѣ сѣсть въ сани.

Миновали уже зданіе вокзала, таможни и еще какихъ-то недоконченныхъ каменныхъ строеній; начинались шумныя, оживленныя улицы столицы.

Ни Горновъ, ни его спутница не нарушали молчанія.

Онъ уткнулся въ воротникъ шубы и о чемъ-то думалъ.

Ольга украдкой раза два посмотрѣла на него.

— Онъ все тотъ же, спокойный, хорошій, милый,—подумала она.

И въ первый разъ еще за долгое время теплое чувство согрѣло ея одинокую, истосковавшуюся душу; словно лучъ солнца пронизалъ сѣрыя облака хмураго осенняго неба.

И она снова мелькомъ поглядѣла на него. О, эти черты такъ давно знакомы ей...

У него было простое русское лицо, не отличающееся ни особой выразительностью, ни правильностью чертъ. Полное, всегда почти съ ровнымъ розоватымъ цвѣтомъ кожи, никогда почти не измѣняющимся,—со спокойными и серьезными сѣро-голубыми глазами, съ толстоватыми губами добродушнаго, но далеко не лишеннаго чувствен-

ности рта,—какъ часто это лицо ей было ненавистно... И вотъ, теперь, по прошествіи трехъ лѣтъ, она снова видитъ это лицо,—она снова сидитъ рядомъ съ этимъ человѣкомъ... За три года онъ измѣнился, пополнѣлъ, въ русой бородѣ появилось много сѣдыхъ волосъ.

Они проѣзжали многолюдной, торговой улицей. Сейчасъ, налѣво, будетъ переулокъ, въ которомъ помѣщалась ихъ квартира, гдѣ они поселились послѣ свадьбы. Сколько воспоминаній связано съ этимъ мѣстомъ, свидѣтелемъ незапятнаннаго пока прошлаго, первыхъ лѣтъ замужней жизни... Помнится Ольгѣ, съ какимъ увлеченіемъ принялась она за маленькое хозяйство и сама ходила вотъ на этотъ рынокъ за провизіей... Но зато потомъ...

Однако, оживленіе, царящее на улицахъ, не даетъ простора невеселымъ воспоминаніямъ. Все свидѣтельствуетъ о близости праздника: усиленная ѣзда, группы озабоченныхъ, нагруженныхъ кульками и свертками пѣшеходовъ.

Двери мануфактурныхъ магазиновъ и лавокъ съ провизіей не успѣваютъ затворяться,—такъ великъ наплывъ покупателей.

Чувство зависти ко всѣмъ этимъ хлопочущимъ людямъ овладѣло Ольгой. Какъ всѣ они отдаются своимъ дѣламъ и хлопотамъ... Навѣрное у нихъ не было въ жизни ни скачковъ, ни приключеній, какъ у нея... Всѣ люди, какъ люди, лишь она одна въ какомъ-то особомъ, исключительномъ положеніи!... Ей вдругъ представились ложность и двусмысленность ея положенія.

Отчего онъ молчитъ?... Или у него нѣтъ никакой потребности подѣлиться съ нею своими мыслями?...

Ей стало невыносимо молчать.

— Что, Митя здоровъ?—спросила она робко, обрадовавшись найденной темѣ.

— Слава Богу, здоровъ,—неторопливо отвѣтилъ онъ и снова погрузился въ свою думу.

Ольга оглянулась: они ѣхали по Арбату; она сообразила, что онъ перемѣнилъ съ тѣхъ поръ квартиру.

Горновъ велѣлъ извозчику завернуть въ переулокъ и, немного погодя они остановились у двухъэтажнаго деревяннаго дома. Мужъ помогъ Ольгѣ сойти съ саней, велѣлъ извозчику снести вещи и первый вошелъ въ незапертыя сѣни. Ольга неувѣренно слѣдовала за нимъ.

— Оставь здѣсь,— сказалъ извозчику Горновъ, когда тотъ внесъ корзину и чемоданъ.

— Баринъ, прибавить бы надо, ей-Богу...—взмолился извозчикъ, смотря на монеты, данныя ему Горновымъ.—Какъ хотите, время нонче горячее...

— Довольно, довольно съ тебя,—возразилъ Горновъ, нажимая пуговку звонка.

Извозчикъ помялся съ минуту на мѣстѣ и медленно ушелъ.

Дверь отперла миловидная молодая женщина въ ситцевомъ платьѣ, съ засученными рукавами и бѣломъ платкѣ на головѣ; видно было, что она только-что занималась уборкой.

Что-то непріятно кольнуло Ольгу, но что именно,—она въ данный моментъ не сумѣла бы дать себѣ отвѣтъ.

— Что, Маша, готовъ у тебя самоваръ?—спросилъ Горновъ, когда она помогала ему снять высокіе калоши.

— Готовъ, сейчасъ подамъ.

И она повернула въ небольшой коридоръ, смежный съ передней.

— Маша!... закусить подай, а то мы голодны!...—крикнулъ ей вдогонку Горновъ.

Ольга вошла въ комнату и оглядѣлась. Мебель, обстановка,—были тѣ же, что три года тому назадъ, но Ольгѣ все здѣсь почему-то казалось чуждымъ, незнакомымъ. И комнату нашла она какой-то неуютной, непривѣтливой, и мебель, казалось ей, разставлена какъ-то неумѣло, безвкусно.

— Все не такъ, не попрежнему,—съ тайнымъ вздохомъ подумала Ольга.

Но что больше всего возмутило ее—это шитье, лежавшее на диванѣ. Эта ярко-розовая бумазея такъ вульгарно выглядѣла на бѣломъ чехлѣ, такъ крикливо, навязчиво давала себя знать...

— Она здѣсь сидѣла съ работой... вблизи него, быть можетъ...—невольно подумала Ольга и сама испугалась смѣлости формы, въ которую вылилось ея смутное и непріятное настроеніе.

На столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, было варенье, лимонъ, свѣжіе калачи.

Маша внесла самоваръ, а потомъ холодную закуску, и всякій разъ Ольга замѣчала быстрый, любопытный взглядъ, искоса бросаемый на нее Машей.

— Какая она здоровая, цвѣтущая и... красивая,— невольно подумала Ольга, и вновь непріятное чувство закопошилось у нея на душѣ.

Приходъ мужа прервалъ теченіе ея нехорошихъ мыслей. Онъ велъ за руку полнаго карапуза лѣтъ четырехъ, одѣтаго въ розовый бумазейный костюмчикъ и синій холстинковый передникъ.

Немного надо было присмотрѣться, чтобы убѣдиться въ сходствѣ отца и сына.

Окладъ лица, цвѣтъ волосъ, разрѣзъ темно-сѣрыхъ глазъ, фор-

ма носа—все было отцовское, только тонкій и красивый изгибъ розовыхъ губъ, да нижняя часть лица были материны.

При видѣ малютки Ольгу словно что-то подняло съ мѣста, она быстро двинулась навстрѣчу сыну и... невольно остановилась. Какой онъ большой...

Да полно, ея ли это крошка—Митя, такой слабый и безпомощный...

Что-то чуждое, холодное шевельнулось въ ея сердцѣ къ этому дѣтскому лицу...

Это «что-то» парализовало внезапно ея порывъ, остановило готовыя сорваться съ губъ нѣжныя слова...

Однако она тотчасъ овладѣла собой.

— Митюша!... здравствуй, милый, — сказала она нѣжно и хотѣла поцѣловать мальчика, но онъ сконфузился, отвернулся и спрятался за отца.

— Что ты, дурачокъ?... Вѣдь это твоя мама?...—ласково сказалъ Горновъ, стараясь открыть лицо Мити.

А Митя украдкой, однимъ глазомъ глянулъ на Ольгу, словно желая провѣрить слова отца, а потомъ снова спряталъ свое лицо.

— Ай, какой ты дикарь, Митя, и не стыдно тебѣ?...—упрекнулъ его отецъ.

Ольга стояла смущенная, чувствуя себя крайне неловко. Странно, что такая простая мысль, что сынъ можетъ не узнать ея—не приходила ей раньше въ голову.

— Ну, что жъ съ тобой дѣлать?...

— Садись за столъ, будемъ пить чай, а то что жъ стоять-то?...

Но перспектива сидѣть за столомъ съ этой незнакомой дамой, которую его отецъ называетъ его мамой, вовсе не прельщала мальчика, и онъ, освободившись отъ рукъ отца, поспѣшилъ удалиться изъ комнаты.

Горновъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну, садитесь и хозяйничайте, пожалуйста, — обратился онъ къ Ольгѣ.

Ее непріятно кольнуло это обращеніе; какимъ-то холодомъ, официальностью вѣяло отъ его вѣжливой фразы.

Она молча сѣла за столъ и стала разливать чай. Горновъ все съ той же безразличной предупредительностью предложилъ ей закусить...

— А что же...—началъ онъ, какъ будто что-то вспомнивъ и, не докончивъ фразы, позвалъ Машу.

— Что вы?—откликнулась она изъ сосѣдней комнаты.

— Дай сюда изъ кладовой портвейна,—а водку-то забыла...

Немного погодя Маша поставила на столъ бутылку и графинъ съ водкой.

— А я думала, что вы нынче не станете пить,—молвила она, ставя на столъ рюмки,—забыли, видно, какой нынче день?...

Ольгу покоробило внутренно.

— Какой тонъ!... И это говоритъ прислуга!...

— Сочельникъ? И правда, что въ эту минуту забылъ,—добродушно сказалъ Горновъ;—ну, въ такомъ случаѣ убери графинъ, я пить не стану...

— То-то, забылъ...—слегка усмѣхнулась Маша, убирая графинъ въ буфетъ.

— Ну, а этого можно,— вамъ съ дороги слѣдуетъ,— и онъ налилъ рюмку портвейна и подвинулъ Ольгѣ.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ: «вы»?...— страшно хотѣлось крикнуть Ольгѣ, но она удержалась и молча выпила вино. Она почувствовала, что страшно проголодалась и съ аппетитомъ принялась закусывать.

Горновъ добросовѣстно занялся ѣдой, что не мѣшало ему отъ поры до времени всматриваться въ лицо Ольги.

«Измѣнилась, подурнѣла... — мелькнула у него мысль,—эти годы не прошли для нея даромъ»...

И злорадное чувство закопошилось въ глубинѣ его души; но ему стало стыдно, и онъ тутъ же подавилъ недоброе чувство.

«Бѣдная, она такая болѣзненная... Нѣтъ, право я хорошо сдѣлалъ, что согласился забыть прошлое... Я исполнилъ свой долгъ, и совѣсть моя будетъ покойна»...

Онъ утерся салфеткой и откинулся на спинку стула.

Ольга разсѣянно мѣшала ложечкой чай, устремивъ прямо предъ собой сосредоточенный взглядъ.

Горновъ незамѣтно наблюдалъ ее. Что-то притягивало его къ этому лицу, когда-то любимому, которое онъ зналъ до мельчайшихъ оттѣнковъ, до малѣйшихъ деталей...

Онъ такъ раньше любилъ это нервное, подвижное лицо съ просвѣчивающимися на вискахъ подъ тонкой кожей голубыми жилками, съ не совсѣмъ правильными, но милыми чертами и тяжелымъ узломъ темныхъ волнистыхъ волосъ. Эта чуть-чуть вздернутая верхняя губа съ выраженіемъ каприза, эти большіе каріе глаза, такіе вдумчивые и глубокіе...

Но отчего она такая блѣдная, изнуренная?... Отчего ея глаза такъ впали, что дѣлаетъ ихъ еще глубже и темнѣе?... Можетъ быть,

ее утомила дорога?... Или она больна?... Нѣтъ... причиной можетъ быть одно лишь прошлое... Не дешево достались ей прожитые годы...

А въ то время, когда всѣ эти соображенія пробѣгали въ умѣ Горнова, Ольга переживала невеселыя минуты.

Она дома, она въ прежней семьѣ... Сидятъ они съ мужемъ когда-то близкіе, теперь такіе далекіе...

Душа ея горѣла сильнымъ желаніемъ услышать отъ него дружеское, задушевное слово...

Ей страшно хотѣлось примиренія съ нимъ,—не внѣшняго только, но настоящаго, искренняго. Да, надо сдѣлать первый шагъ.

— Николай,—тихо заговорила она, дотрогиваясь до его руки.—Я знаю, что много виновата предъ тобой и сыномъ, мнѣ нѣтъ оправданія, но... если въ твоей душѣ найдется хоть немного былого чувства ко мнѣ... я буду такъ благодарна тебѣ и всѣ силы употреблю на то, чтобы заставить тебя забыть прошлое...

Рука его, игравшая вилкой, опустилась на столъ,—и Ольга съ горечью замѣтила, какъ сдвинулись его брови и словно выраженіе боли пробѣжало по его лицу. О, зачѣмъ она начала щекотливый разговоръ, зачѣмъ неосторожно коснулась больного мѣста?... Но ей слишкомъ тяжело было молчать долѣе, слишкомъ долго лежалъ на душѣ гнетъ невысказаннаго раскаянія...

Виновата ли она, что не могла больше ждать?...

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Знаешь, Ольга... Я ничего не имѣлъ противъ твоего пріѣзда,—и это уже большой шагъ впередъ. Что у меня на душѣ, какія чувства меня волнуютъ, въ какомъ видѣ установятся наши отношенія,—объ этомъ, мнѣ кажется, пока говорить преждевременно; время покажетъ, что и какъ, не будемъ же забѣгать впередъ... Я честно говорю правду...

Какая-то неуловимая враждебная нотка послышалась Ольгѣ въ словахъ мужа. Она поникла головой и мысленно упрекнула себя въ безтактности и отсутствіи выдержки; надо было обождать, приглядѣться, найти повѣрнѣе тонъ, какого ей слѣдуетъ держаться.

Горновъ взглянулъ на опечаленное лицо жены, и ему стало жаль ее. Но что же дѣлать?... Виноватъ ли онъ, что у него въ душѣ не нашлось отклика на ея призывъ. Что онъ не могъ отвѣтить такъ, какъ бы ей хотѣлось?... Вѣдь и то онъ сдѣлалъ достаточно, да, слишкомъ достаточно... Не у всякаго другого найдется столько добродушія и незлобія, чтобы, хоть внѣшнимъ образомъ, простить глубокую обиду... Да, онъ поступилъ прекрасно, именно такъ, какъ того требуетъ его нравственный долгъ. И пока, право, Ольгѣ довольно

того, что онъ ей даетъ: онъ возвращаетъ ей семью, положеніе, спокойную жизнь... А что касается его чувствъ...

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее.

«Она всетаки интерестна, этого нельзя отнять отъ нея... Сколько ей теперь лѣтъ? 26—28?»... Онъ неторопливо досталъ портсигаръ и закурилъ папиросу.

Въ комнату вошла Маша.

— Николай Ильичъ, вѣдь у насъ не все еще закуплено къ празднику, а время-то ужъ второй часъ... Мнѣ, что ли, отправиться?...

Горновъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ ней.

— Тебѣ?... Нѣтъ, Маша, мнѣ самому придется отправиться, ты только запиши, что надо купить изъ мелочей...

Онъ всталъ и прошелъ въ кабинетъ.

— Мнѣ надо поѣхать,—сказалъ онъ, вернувшись черезъ минуту.—Комната вамъ готова, можетъ отдохнуть захотите послѣ дороги?—и, не дожидаясь ея отвѣта, онъ прошелъ въ переднюю, а немного погодя Ольга услыхала стукъ запираемой двери.

Этотъ стукъ какъ-то болѣзненно отозвался въ сердцѣ Ольги.

«Ушелъ... и съ какой поспѣшностью, готовностью,—съ горечью подумала она.— Ему тяжело, непріятно со мной быть... Я неосторожно коснулась прошлаго»...

Но что же дѣлать? Раздумывать поздно да и безполезно, не вернуться же туда, въ К... Да и въ концѣ-концовъ дѣло ея еще не проиграно; нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ ней; время, ея преданность — эти могущественные факторы уничтожатъ, разсѣютъ тотъ остатокъ непріязни и недовѣрчивости, какой еще есть въ немъ...

Она усиліемъ воли стряхнула невольныя мысли и встала со стула.

Приходилось волей-неволей входить понемногу въ колею «новой» жизни. Надо было, во-первыхъ, разобрать чемоданъ и корзину и переодѣться.

Ольга отыскала Машу и спросила, гдѣ ея комната.

— Ваша комната... а вотъ она.

И Маша отворила дверь, выходившую въ коридоръ; потомъ она внесла Ольгины вещи и удалилась.

Ольга неподвижно стояла у притолки. Такъ вотъ гдѣ отвели ей убѣжище. Эта полутемная комната съ однимъ окномъ, выходящимъ въ занесенный снѣгомъ садъ. Эти оголенныя деревья, точно съ отчаянной мольбой протягивающія къ сумрачному небу свои сухія вѣтки; эти высокіе сугробы снѣга, видомъ своимъ напоминающіе могилы...

Такъ вотъ гдѣ она должна проводить ночь. Вотъ и постель, напоминающая скорѣе монашеское ложе. Комодъ, столъ съ парой стульевъ; не забытъ и коврикъ у кровати, и ночной столикъ съ подсвѣчникомъ и графиномъ воды.

Какія же чувства руководили людьми, опредѣлившими ей эту комнату? Вѣроятно, уже рѣшено, что она будетъ проводить здѣсь большую часть дня и ночь. Да, это ея келья; здѣсь она будетъ коротать остатки своей жизни. Вотъ и часы, которые будутъ показывать безконечно-медленно идущее время одинокой, отчужденной женѣ.

Воображеніе, разстроенное плохо проведенной ночью въ вагонѣ, разыгралось и нашептывало новыя мысли, новые мотивы. Она опустилась на стулъ и сидѣла мрачная, какъ осенняя ночь, подъ наплывомъ обуревавшихъ ее темныхъ мыслей, мрачныхъ предчувствій.

Раздавшіеся позади Ольги шаги вывели ее изъ задумчивости. Она быстро оглянулась и увидѣла Митю. Онъ хотѣлъ было скрыться, но ей удалось поймать его и усадить къ себѣ на колѣни. Мальчикъ старался освободиться изъ ея рукъ и убѣжать, но она крѣпко держала его.

— Митя! да что же ты отъ меня бѣжишь?... А это что у меня? Она сняла съ руки браслетъ и дала ему.

Блестящая игрушка, очевидно, заинтересовала мальчика; онъ вертѣлъ въ рукахъ браслетъ и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ.

А мать съ неизъяснимой нѣжностью гладила его шелковистые волосы.

— Ну, что-жъ, не будешь больше бояться мамы? Видишь, мама тебя не обижаетъ.

Митя искоса, недовольно посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ.

— Ты будешь любить маму?

Онъ молчалъ.

— Ну, скажи же,—допытывалась она.

Ребенокъ опустилъ свои длинныя рѣсницы и молчалъ.

— А гулять ходишь ты?

— Хожу.

— Съ кѣмъ же?... Съ папой?...

— Съ няней.

— Вотъ и мы будемъ ходить съ тобой гулять. Вѣдь такъ, Митя?

— Нѣтъ,—покачалъ онъ головой.

— Почему же ты не хочешь?

Митя поднялъ на мать свои сѣрые глазенки, и его розовыя губки,

и все лицо приняло такое выраженіе, будто онъ собирался произнести что-то очень глубомысленное,—однако, раздумалъ и ничего не сказалъ.

Должно быть, ему наскучило сидѣть у матери, онъ сползъ съ колѣнъ и ушелъ, унося съ собою браслетъ.

— Однако, если такъ дѣло пойдетъ дальше, то мнѣ не скоро удастся пріучить его къ себѣ,—подумала Ольга.

— Отчего онъ такъ дичится меня?... Неужели и у дѣтей есть свои симпатіи и антипатіи?

Однако, какъ бы то ни было, а надо же въ концѣ-концовъ разобрать вещи. Она тяжело вздохнула и принялась укладывать бѣлье въ комодъ; потомъ она переодѣлась, смѣнивъ дорожный костюмъ на домашнее платье и раза два-три задумчиво прошлась по комнатѣ. Потомъ она медленно пошла въ дѣтскую, находившуюся противъ ея комнаты. Здѣсь стояла кроватка Мити, а у другой стѣны кровать—Маши; рядомъ былъ кабинетъ Горнова, а затѣмъ столовая. Ольга медленно пошла по комнатамъ. И снова ей чудилось что-то новое и чуждое, поселившееся здѣсь въ ея отсутствіе; въ чемъ именно выражалась эта перемѣна,—Ольга ни за что бы не сумѣла объяснить себѣ, но она какъ-то невидимо давала себя знать, какимъ-то особымъ отпечаткомъ.

Въ столовой Маша вытирала буфетъ масляной тряпкой. Возлѣ нея игралъ Митя.

— Что много работы набралось передъ праздникомъ?—спросила Ольга и тутъ же подумала про себя:

«Къ чему я это спрашиваю?» и тѣмъ не менѣе сознавала, что какое-то особое, непонятное чувство побуждаетъ ее вступить въ разговоръ съ этой женщиной.

Маша оглянулась на нее.

— Работы-то?... Много, какъ работы не быть... Ну, да вѣдь это ужъ вездѣ передъ праздникомъ... Говорила она неторопливо, какъ-то степенно; голосъ у нея былъ сильный, звучный, и Ольга невольно обратила вниманіе на это обстоятельство.

Навѣрно она хорошо поетъ.

— А вы давно въ городѣ живете?—снова спросила Ольга.

— Да ужъ года два будетъ... Прежде я жила въ деревнѣ, а моя мать служила у Николая Ильича, а когда она ушла на богомолье, я осталась за мѣсто ея,—а потомъ и совсѣмъ осталась здѣсь. У мамы здоровье стало слабое, ну, она и осталась въ деревнѣ.

Ольгу словно что-то осѣнило. Такъ это дочь Агаѳьи... *Тогда*, когда она ушла отъ мужа, у нихъ жила Агаѳья, старая деревенская

женщина. Изъ ея разговоровъ Ольга знала, что у нея въ деревнѣ дочь, о которой она всегда говорила съ глубокой любовью и нѣжностью.

Такъ это и есть Маша...

Одно лишь было непонятно Ольгѣ: какъ могла Агаѳья оставить дѣвушку въ услуженіи у соломеннаго вдовца.

Цѣлый рой мыслей и соображеній, самыхъ разнородныхъ, закружился въ головѣ Ольги.

Между тѣмъ Маша кончила вытиранье буфета и, отойдя немного, издали полюбовалась на свою работу. Дѣйствительно, буфетъ блестѣлъ, какъ только что отполированный.

— Какъ же вы справляетесь съ хозяйствомъ и ребенкомъ?— снова спросила Ольга, которую что-то удерживало возлѣ Маши.

— Ничего, справляюсь; мальчикъ умненькій, спокойный... Поутру встану, уберу комнаты, чаю напьюсь, потомъ Николай Ильичъ чаю напьются и на службу уйдутъ, а я принимаюсь готовить.

Ольга уже давно сдѣлала наблюденіе, что Маша ни разу не произнесла слово: «баринъ», а зоветъ Горнова по имени и отечеству.

— А привыкъ къ вамъ мальчикъ?—сдавленнымъ голосомъ спросила Ольга.

— Привыкъ, какъ не привыкнуть... Вѣдь два года, день и ночь, почитай, все со мной... — самодовольно говорила Маша, вытирая стулья. Бывало,—продолжала она,—случается, и при отцѣ раскапризничается, а только я одна сумѣю его успокоить... Мы вѣдь съ нимъ друзья-пріятели...—заключила она ласково, обнявъ Митю и протягивая къ нему губы.

Въ эту минуту раздался звонокъ, и Маша бросилась въ переднюю.

Вернулся Горновъ съ массой различныхъ свертковъ.

— Маша, возьми у извозчика кульки и отдай ему деньги.

Ольга довольно рано удалилась въ свою комнату. Она чувствовала себя утомленной, съ дороги, а главное, ей хотѣлось поскорѣе остаться одной и, на-единѣ съ собой, разобраться въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ, еще разъ пережить различныя перипетіи этого дня, перваго дня «дома».

Да, она «дома»... Но отчего же это чувство тяжести и грусти?

Отчего цѣлый день мысль ея возвращается къ одному предмету— этой молодой, миловидной женщинѣ. Отчего ея лицо не выходитъ изъ памяти Ольги?... Неужели она ревнуетъ? Ольга, Ольга, стыдись!... ревновать къ прислугѣ... Вѣдь она не больше, какъ прислуга.

— А если больше,—шепчетъ чей-то невидимый, коварный голосъ.—Почему же это невозможно?... Вѣдь она, Ольга, оставила же своего мужа и крошку сына для другого человѣка, овладѣвшаго ея сердцемъ.

И притомъ... эта Маша, кажется, въ его вкусѣ: полная, румяная, здоровая... Не даромъ онъ когда-то разсуждалъ, что простая, необразованная дѣвушка можетъ быть отличной женой интеллигентнаго человѣка; она лучше, чѣмъ современная женщина, можетъ исполнить назначеніе жены и матери семейства; къ тому же ее можно развить, перевоспитать.

Ольга отлично помнила, какъ кольнули тогда ее эти слова... Вотъ теперь его взгляды и теоріи нашли себѣ примѣненіе на практикѣ. Что-жъ, пусть ихъ, она мѣшать имъ не будетъ, лишь только пойметъ, что здѣсь лишняя.

Одного она не уступитъ—своихъ материнскихъ правъ; что бы тамъ ни случилось, она ни за что не отдастъ своего Мити... Но нѣтъ, она еще поборется, можетъ быть, ея пѣсня еще не пропѣта, можетъ быть, для нея есть еще личное счастье... Да, конечно, есть... Иначе... иначе что же ей остается?... Къ чему она годна?...

Она вдругъ почувствовала, что ей нехватаетъ воздуху и дыханіе остановилось. Она приподнялась на постели и остановившимися глазами глядѣла прямо передъ собой. Что ей остается, если она потеряетъ то, на что разсчитывала, на что опиралась?

Она медленно встала съ кровати, подошла къ столу и, отыскавъ здѣсь дорожную сумку, достала изъ нея распечатанное письмо. Содержаніе этого письма было ей знакомо; больше того—почти наизусть знала она эти немогія строки,—и всетаки ей захотѣлось еще разъ перечесть его,—именно теперь, въ эту минуту, чтобы найти въ немъ отвѣтъ на волновавшія ее мысли.

«Вы спрашиваете, можете ли вернуться домой,—читала она,—и занять прежнее положенніе... Что я вамъ отвѣчу?... Чувства и поступки наши такъ часто идутъ въ разрѣзъ съ требованіями нравственности и религіи. Я по возможности старался и стараюсь поступать согласно съ религіей. Она-то и побуждаетъ меня забыть прошлое и протянуть вамъ руку примиренія. Сообщите о днѣ вашего выѣзда, я встрѣчу васъ на вокзалѣ.

Готовый къ услугамъ
Н. Горновъ».

Полу-ироническое, полу-горькое выраженіе пробѣжало по лицу Ольги; нервнымъ движеніемъ она смяла тонкій листокъ и бросила его на столикъ. Странно, что именно теперь, когда она наизусть знала

содержаніе этихъ немногихъ строкъ,—онѣ представились ей въ иномъ смыслѣ. Что-то самодовольно-высокопарное, что-то обидно-снисходительное звучало въ этихъ немногихъ строкахъ, въ которыхъ онъ выказался весь со всею его сухостью и холодной набожностью. Ольга тщетно пыталась найти хоть каплю теплаго неподдѣльнаго чувства между этихъ строкъ.

Какое-то холодное и жуткое чувство овладѣло ею. Что думала она найти «дома»? На что она надѣялась, на что разсчитывала, когда такъ рвалась домой?... И не было ли непростительной ошибкой съ ея стороны надѣяться на какую-то привязанность мужа послѣ ихъ трехлѣтней разлуки?... Вѣдь это почти то же, что жать, гдѣ не посѣяно. И не напрасно ли она сожгла свои корабли, отказавшись отъ хорошаго мѣста, промѣнявъ самостоятельную, обезпеченную жизнь на сомнительное будущее?... Какъ она не подумала о томъ, что вѣдь сердце—не камень, и мужъ ея могъ обзавестись новой привязанностью... Она вдругъ показалась сама себѣ такой жалкой, маленькой, безпомощной... Что-то перехватило ей горло, изъ глазъ брызнули слезы, которыхъ она не удерживала. Понемногу ея всхлипыванія перешли въ рыданія; должно быть, расходившіеся нервы были причиной.

Ольга не замѣтила, какъ въ полуотворенную дверь взглянуло лицо Горпова.

— Ольга, что съ тобой? Ты плачешь?—какъ-то растерянно спросилъ онъ и, не дожидаясь ея отвѣта, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина воды и подалъ Ольгѣ.

Она торопливо, съ жадностью выпила воду и, казалось, немного успокоилась.

— Ну, что, прошло?... Нервы, видно, разошлись?—съ невольной лаской въ голосѣ спросилъ онъ.

Ласковый тонъ его словъ заставилъ радостно встрепенуться измученное сердце Ольги.

— Я не знаю... Мнѣ страшно!—невнятно прошептала она.

— Страшно? Чего же?—тревожно спросилъ онъ.

Она не отвѣчала, только закрыла лицо руками. Могла ли она, даже въ эту минуту душевнаго подъема, высказать ему всѣ обуревавшія ее сомнѣнія и тревоги?

— Ну, успокойся же, Оля; скажи, что съ тобой?—съ безпокойствомъ спрашивалъ Горновъ, думая, что она опять плачетъ. Онъ положилъ ей на плечо руку, а другою сталъ осторожно гладить ея волосы.

Ольга вдругъ отняла отъ лица руки и устремила на мужа взглядъ, полный самой трогательной нѣжности.

— Николай,—прошептала она,—я не буду чужая въ семьѣ?... Или ты не въ состояніи простить и забыть?

Онъ молча, внимательно глядѣлъ на нее. Что-то въ высшей степени трогательное, было во взглядѣ ея темныхъ глазъ, въ выраженіи ея блѣднаго лица; голосъ звучалъ такой неподдѣльной искренностью.

«А вѣдь она, право, недурна,—мелькнуло въ его головѣ,—что-то новое есть въ выраженіи ея лица, чего я раньше никогда не видалъ».

И онъ, не отдавая себѣ хорошенько отчета, тихо привлекъ къ себѣ Ольгу. Она тихо отстранила его руку и пристально-пристально заглянула ему въ глаза.

— Милый, ты не будешь каяться, что помирился со мной?...

Онъ молча привлекъ ее къ себѣ, и спокойный, полный прощенья поцѣлуй соединилъ ихъ губы.

II.

Веселые шаловливые солнечные лучи радостно играли на узорахъ, разрисованныхъ свободнымъ художникомъ-морозомъ на стеклахъ оконъ, заставляя ихъ переливаться алмазными блестками. Они же блестѣли на стеклянныхъ подставкахъ для ножей, на мѣдномъ, ярко-вычищенномъ кофейникѣ, на бѣлоснѣжной скатерти и тарелкахъ. Въ столовую вошла Ольга, изящная, нарядная, въ сѣромъ съ бѣлой газовой отдѣлкой платьѣ. Она только что вернулась съ мужемъ отъ обѣдни. Войдя въ комнату, она оглядѣла столъ, потомъ подошла къ окну. Улица была полна праздничнаго движенія; нарядно одѣтый народъ возвращался изъ церкви. Торжественный благовѣстъ разносился отовсюду, какъ бы возвѣщая людямъ миръ и благоволеніе.

Тихо, спокойно было на душѣ Ольги. Сознаніе, что бури прошлаго миновали, что она теперь у пристани, доставляло ей тихую, но глубокую радость.

Да, она все больше и больше убѣждалась, что ея прямое назначеніе—семья. Это ея цѣль, смыслъ ея жизни. Безъ семьи она все равно, что вѣтка, оторванная отъ дерева грозной, своенравной стихіей...

Въ комнату вбѣжалъ Митя въ новомъ синемъ костюмчикѣ и, увидавъ мать, потупился и, видимо, намѣревался убѣжать.

— Что же ты меня испугался?—заговорила съ нимъ Ольга и, прежде чѣмъ мальчикъ могъ убѣжать, поймала его.

— Пусти, пусти!—отбивался ребенокъ, но Ольга не пускала его.

— А что я тебѣ подарю, ты еще не видалъ такой игрушки... Показать?—и она понесла его въ свою комнату. Мальчикъ, заинтересованный, присмирѣлъ. Ольга открыла комодъ, достала оттуда большую нарядную куклу-паяца и показала ее изумленному ребенку.— Что, нравится?—подзадаривала она его, наслаждаясь его удивленіемъ. Когда же она подавила невидимую пружинку и паяцъ громко забарабанилъ въ большой, оклеенный золотой бумагой, барабанъ, восторгу Мити не было границъ. Онъ протянулъ ручонки:

— Дай, дай!... Я самъ!

Ольга, не переставая радостно улыбаться, сѣла съ нимъ на стулъ и предоставила игрушку въ распоряженіе Мити.

— Ну что-жъ?... Хорошо онъ барабанитъ?

Ребенокъ, оттопыривъ пухлыя губы, ничего не отвѣчалъ, стараясь отыскать волшебную пружинку, приводящую руки паяца въ движеніе.

— Не найдешь? Вотъ она!—помогла ему мать.—Нѣтъ, право, онъ такой славный, милый... И отчего я въ первый разъ испытывала такое отчужденіе по отношенію къ нему?... Вѣроятно, моя мнительность и нервы были этому причиной.

Прошло минутъ десять. Наконецъ Митѣ, видимо, надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ, и онъ тихо соскользнулъ съ колѣнъ матери.

— Митя, куда же ты?... Посиди у меня?... Или пойдемъ вмѣстѣ къ папѣ?—но онъ уже уходилъ изъ комнаты своей развалистой походкой.

— Нѣтъ, видно любовь ребенка не купишь ни игрушками, ни лакомствами... Не обманешь дѣтское сердце.

Она медленно пошла изъ комнаты.

— Маша, посмотли, у меня новая иглуска!—донесся до нея радостный голосокъ Мити.

Горькое, ревнивое чувство глухо закопошилось въ сердцѣ Ольги, но она овладѣла собой и съ привѣтливымъ лицомъ вошла въ столовую, гдѣ уже сидѣлъ за столомъ Горновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Маша внесла горячую ароматно-пахнувшую кулебяку, и маленькая семья принялась за завтракъ. Митя и тутъ устроилъ исторію: онъ не хотѣлъ было садиться на свой высокій стулъ и требовалъ, чтобы ему подали завтракъ въ его комнату.

— Послушай, Митя,—вступился отецъ.—Я приготовилъ тебѣ отличную игрушку, но если ты не сядешь съ нами кушать, ты не получишь ея. Понялъ?

Этотъ доводъ, равно какъ серьезный тонъ отца, подѣйствовали

на мальчика; онъ согласился сѣсть за общій столъ и только угрюмо потупился.

«Волченокъ!»—невольно подумала Ольга. Однако праздничное мирное настроеніе не покидало ея.

«Привыкнетъ, не надо только приставать къ нему!»—рѣшила она.

Завтракъ прошелъ довольно молчаливо.

— Ну, покажи мнѣ, папа, иглуску,—напомнилъ Митя, едва съѣвъ маленькій кусочекъ пирога.

Мать и отецъ невольно усмѣхнулись.

— Дай папѣ-то покушать,—молвила Ольга.

Митя обидчиво надулъ свои пухлыя губы.

— Сейчасъ дамъ, Митя; обѣщалъ, такъ ужъ надо исполнить.

И съ этими словами Горновъ пошелъ въ кабинетъ, откуда черезъ минуту вернулся съ игрушечнымъ паровозомъ въ рукахъ. Паровозъ завели, и онъ, къ вящему восторгу Мити, со свистомъ бойко промчался до противоположной стѣны. Разумѣется, паяцъ былъ отложенъ въ сторону, и все вниманіе Мити поглотила новая игрушка. Онъ безъ конца заставлялъ отца заводить паровозъ и, присѣвъ на полу, съ блестящими отъ восхищенія глазами, слѣдилъ за игрушкой.

— Ну, довольно, Митя,—сказалъ наконецъ Горновъ,—дай же отдохнуть папѣ и паровозу; я сейчасъ буду пить кофе.

Митя не протестовалъ и умчалъ паровозъ въ дѣтскую, дѣлиться съ Машей новой радостью, а супруги остались одни.

Чувствовали они себя не особенно ловко, три года разлуки давали себя знать,—и супруги съ печальнымъ удивленіемъ замѣтили, что имъ, по крайней мѣрѣ, въ данное время не о чемъ говорить.

Оба они инстинктивно боялись коснуться прошлаго, а въ настоящемъ еще у нихъ не было общихъ интересовъ, — и разговоръ, ежеминутно прерывавшійся, скользилъ около самыхъ незначительныхъ темъ. Однакоже мало-по-малу бесѣда оживилась. Горновъ передавалъ Ольгѣ различныя новости, касавшіяся ихъ общихъ знакомыхъ, говорилъ о своей службѣ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ значительное повышеніе по службѣ и прибавку жалованья.

Говоря о своей служебной карьерѣ, Горновъ оживился; онъ съ самодовольствомъ и увлеченіемъ говорилъ, что начальникъ имъ очень доволенъ за точность и аккуратность и быстрое составленіе докладовъ и что ему уже тонко намекнули, что въ очень недалекомъ будущемъ ему предстоитъ получить орденъ и дальнѣйшее повышеніе.

Онъ и не замѣтилъ, что Ольга сидѣла задумчивая, сосредоточенная.

«Ему хорошо жилось безъ меня,—подумала она съ невольной горечью.—Везетъ по службѣ, душевный покой дома... Я совсѣмъ не нужна ему».

Громкій звонокъ раздался въ передней. Горновъ встрепенулся.

— Это, вѣрно, ко мнѣ съ визитомъ, я, признаться, и позабылъ объ этомъ... Ты останешься? Я думаю, тебѣ пока не показываться, а то выйдетъ слишкомъ неожиданно... Я думаю, что меня долго не задержатъ.

Ольга съ удивленіемъ слушала торопливо-смущенныя слова мужа. Она молча, медленно поднялась со своего мѣста.

А Маша уже отпирала дверь.

— Дома Николай Ильичъ?—послышался чей-то басистый голосъ.

— Дома, пожалуйте...

Горновъ поднялся навстрѣчу гостю, а Ольга ушла въ свою комнату.

Ей было очень досадно на неожиданнаго гостя. Зачѣмъ онъ явился? Ей такъ много нужно было сказать мужу.

Она прошлась по комнатѣ и медленно опустилась на стулъ. Ей было скучно; она досадовала, что не захватила изъ кабинета ни книги, ни газеты, а идти за ними ей не хотѣлось.

Она чувствовала себя усталой и разбитой, словно послѣ длинной дороги; какое-то сонливое состояніе овладѣвало ею.

Мало-по-малу она впала въ раздумье. Вотъ она сидитъ здѣсь въ этой скучной, тоскливой комнатѣ... зачѣмъ?... Она могла бы сидѣть тамъ, говорить, смѣяться...

Изъ столовой доносился раскатистый, густой голосъ гостя, что-то весело разсказывавшаго, и сдержанный голосъ Горнова.

Зачѣмъ онъ захотѣлъ, чтобы она ушла?... Неужели ему было бы непріятно, если бы его знакомые увидали ее?...

Значитъ... ему стыдно за нее?...

Ясно-ясно вспомнилось Ольгѣ смущенное лицо мужа.

Но вѣдь онъ знаетъ, что она хорошо одѣта и умѣетъ держать себя въ обществѣ, краснѣть за нее ему не придется,—чего же онъ стыдится?...

«Онъ боится чужого мнѣнія, пересудовъ», подсказало ей задѣтое самолюбіе. Рѣшительная и отважная сама, Ольга и въ другихъ презирала боязнь чужихъ толковъ и робость; тѣмъ больнѣе и досаднѣе было ей за мужа.

Большую часть дня ей пришлось просидѣть одной; за первымъ

звонкомъ послѣдовалъ вскорѣ второй, за нимъ третій; до нея долетали громкій говоръ, смѣхъ, шаги. Этотъ смѣхъ какъ-то болѣзненно раздражалъ ее, рѣзалъ ухо.

«О чемъ они говорятъ?... Навѣрно о какихъ-нибудь пустякахъ»...

У ней явилось желаніе послушать, о чемъ говорятъ эти люди, очевидно, сытые, довольные, безпечные...

Она прошла въ кабинетъ, остановилась у затворенной двери и прислушалась. Рѣчь шла о политикѣ, о китайскихъ событіяхъ. Вотъ Маша подаетъ чай, звякаютъ ложечками.

— Э, батенька, да вамъ, видно, скучать дома не приходится.

— А что?

— Да, притворяйтесь невѣдующимъ... Ишь няня-то какая молодая...

Ольга, только что хотѣвшая отойти отъ дверей, осталась неподвижной. Въ вискахъ у ней стучало, кровь медленной волной приливала къ лицу. Что отвѣтилъ Николай, она не слыхала за дружнымъ смѣхомъ гостей. Можетъ быть, онъ даже и не возразилъ ничего, а усмѣхнулся на замѣчаніе гостя, да въ сущности, не все ли равно для нея, что именно онъ отвѣтилъ,—достаточно того, что фактъ можно считать установленнымъ.

Она не помнила, какъ вышла изъ кабинета, и въ какомъ-то изнеможеніи опустилась на стулъ.

Такъ вотъ что, значитъ уже извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ къ этой Машѣ... Что-жъ, развѣ она сама не подозрѣвала этого почти съ первыхъ минутъ пріѣзда?... Развѣ не предчувствовала, хотя очень смутно, истину?...

И Ольга неподвижно сидѣла, всячески комбинируя поразившее ее открытіе. Одно не укладывалось въ ея головѣ: если ея мѣсто занято, то для чего онъ согласился на ея пріѣздъ?...

Гораздо проще и... честнѣе было бы сказать истину. Но тутъ она вспомнила холодность его письма и, удрученная, поникла головой. Вотъ чѣмъ объясняется сухость его письма... Пожалуй, онъ не совсѣмъ обманывалъ ее... Онъ простилъ ее не ото всей души, онъ лишь согласился принять ее въ домъ, а свою привязанность онъ давно уже отдалъ другой, которая была для него всѣмъ: и экономкой, и хозяйкой, и бонной его ребенка... Что-жъ, она-то уже не будетъ спорить, не будетъ соперницей этой героинѣ кухни и дѣтской; мало того, она постарается и вида не показать, что знаетъ что-нибудь, и будетъ лишь со стороны наблюдать, и какъ скоро пойметъ, что ей, какъ матери и женѣ, тутъ дѣлать нечего, она уйдетъ...

Мысли ея ушли далеко; она не замѣчала ни внезапно наступившей тишины, ни сумерекъ, незамѣтно обволакивавшихъ комнату.

Въ комнату вошелъ Горновъ.

— Оля, ты здѣсь?—окликнулъ онъ.

Она вздрогнула.

— Что ты тутъ дѣлаешь, въ потемкахъ?...

По его голосу она догадалась, что онъ былъ навеселѣ.

— Ничего,—глухо отвѣтила Ольга.

— Что, соскучилась тутъ одна? Я и не думалъ, что они такъ засидятся... Ну, идемъ же обѣдать.

Онъ взялъ ее подъ руку и заставилъ подняться съ мѣста.

— Да что ты такая невеселая?... Неужели ты обидѣлась, что тебѣ пришлось нѣсколько часовъ просидѣть одной?... Но пойми, что тебѣ было неудобно показаться, они вѣдь ничего не знаютъ о твоемъ пріѣздѣ.

Ольга ничего не отвѣчала. Они вошли въ столовую, гдѣ еще стоялъ густой дымъ отъ накуренныхъ папиросъ.

Вкусный обѣдъ и выпитое вино разсѣяли мало-по-малу недовольное настроеніе Ольги. Незамѣтно для самой себя она оживилась, ей захотѣлось говорить, смѣяться.

«О, мы еще повоюемъ... Моя пѣсня еще не спѣта... Нѣтъ, я еще не умерла для его любви»...

А Горновъ смотрѣлъ на ея нервное, оживленное, внезапно помолодѣвшее лицо, на красивые, блестѣвшіе юнымъ задоромъ глаза и любовался, узнавая свою прежнюю нервную, неустойчивую и желанную Ольгу.

— Давай, Оля, выпьемъ еще за твое здоровье и наше «новое» счастіе,—сказалъ Горновъ, наливая рюмки.

Они чокнулись. Случилось при этомъ, что Ольга, садясь на мѣсто, плеснула немного изъ рюмки на скатерть.

Невольно ей пришла мысль о дурномъ предзнаменованіи.

Горновъ, какъ бы угадывая ея мысль, сказалъ:

— Это значитъ, что жизнь будетъ полна... Правда, Оля?

И онъ ласково заглянулъ ей въ лицо. Она отвѣтила ему милой, веселой улыбкой и довѣрчиво пожала своей тонкой маленькой рукой его сильную, мужественную руку.

Маша давно уже убрала со стола, а они долго еще сидѣли за дружескимъ разговоромъ.

III.

Ольгѣ было около пятнадцати лѣтъ, когда умеръ ея отецъ (матери она лишилась въ раннемъ дѣтствѣ). Она осталась на попеченіи старшей сестры, служившей въ одной изъ частныхъ конторъ.

Ольга училась въ гимназіи. Спокойно, монотонно протекала жизнь сестеръ; младшая была занята своими уроками, старшая—службой. Старшей сестрѣ Ольги, Аннѣ Ивановнѣ, было уже за тридцать; надежду на личное счастіе она уже давно потеряла и помирилась съ долей одинокой женщины, изо дня въ день несущей свою службу. Но это не могло не отразиться на ея душевномъ строѣ, и ея характеръ, и безъ того лишенный женственной мягкости, съ каждымъ годомъ становился суровѣе и тяжелѣе; ея сердце черствѣло, душа становилась суше.

Неудивительно поэтому, что юной Ольгѣ жилось скучно.

Изрѣдка заходили къ нимъ товарки Анны Ивановны по службѣ, большею частію такія же старыя дѣвы и тоже некрасивыя; иногда, по праздникамъ, сестры ходили въ театръ, стараясь брать самыя недорогія мѣста.

По мѣрѣ того, какъ Ольга подростала, она все больше начинала испытывать скуку; сердце подсказывало ей, что гдѣ-то есть иная жизнь, иные люди, интересы которыхъ выше и лучше интересовъ окружавшихъ ее людей.

Все больше и больше овладѣвало ею недовольство той жизнью, которую она вела у сестры.

Но, зная тяжелый характеръ сестры, она замкнулась въ себѣ самой, стараясь ничѣмъ не выдавать своего настроенія. Такъ шли годы, и вотъ ей оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса.

Подруги въ гимназіи строили всевозможные планы, одна собиралась поступить на фельдшерскіе курсы, другая—на акушерскіе, третья готовилась посвятить себя педагогической дѣятельности. Ольга съ глубокой завистью слушала подругъ; сама она не мечтала о дальнѣйшемъ ученьи, ея старшая сестра давно рѣшила, что Ольга поступитъ въ учительницы или же станетъ давать уроки.

Да и самой Ольгѣ давно хотѣлось вырваться изъ душной обстановки, хотѣлось какой-нибудь перемѣны въ жизни. Наконецъ, курсъ конченъ, начались поиски мѣста, уроковъ,—поиски, пока оставшіеся безплодными.

И вотъ среди скуки и томительнаго однообразія жизни судьба столкнула Ольгу съ Горновымъ. Его сестра служила въ одной конторѣ съ Анной Ивановной. И вотъ разъ, увидавъ Ольгу въ театрѣ въ

обществѣ его сестры, онъ заинтересовался ею и просилъ сестру познакомить его съ нею. Послѣ этого онъ сталъ нерѣдко навѣщать сестеръ. Анна Ивановна довольно одобрительно относилась къ этому знакомству.

Горнову было около тридцати пяти лѣтъ, онъ былъ образованъ, умѣлъ отлично держать себя и произвелъ на Ольгу пріятное впечатлѣніе. Скоро онъ сталъ на самую дружескую ногу въ домѣ; онъ носилъ имъ книги, иногда билеты въ театръ и всячески старался расположить къ себѣ Ольгу. Это далось ему не легко. Ольга явно дичилась его, не зная, о чемъ съ нимъ говорить; этотъ бородатый, серьезный человѣкъ внушалъ ей почти страхъ.

Но по мѣрѣ того какъ время шло, она понемногу перестала стѣсняться его. Тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка очень удивилась, когда сестра передала ей предложеніе Горнова.

Ольгѣ до сихъ поръ не приходилось думать о замужествѣ, и если, подъ вліяніемъ прочитанной книги, закрадывались ей въ голову смутныя мечты, то никогда герой романа не представлялся ей въ образѣ Горнова. Не такимъ представляла она себѣ человѣка, съ которымъ она могла бы пройти рука объ руку длинный жизненный путь. И даже, не давъ себѣ труда хорошенько подумать, она дала сестрѣ отрицательный отвѣтъ.

— Напрасно,—сдержанно возразила Анна Ивановна,—я положительно совѣтую тебѣ принять его предложеніе.

И она съ несвойственнымъ ей оживленіемъ принялась доказывать Ольгѣ всѣ выгоды этой партіи, отзываясь о Горновѣ, какъ о человѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ порядочномъ. Въ заключеніе она настоятельно совѣтовала Ольгѣ подумать.

Ольга подумала... и рѣшилась принять предложеніе Горнова.

Большую роль въ этомъ рѣшеніи играло самолюбіе. Настойчивый совѣтъ сестры Ольга объяснила по-своему. Нехорошо, въ самомъ дѣлѣ, быть обузой сестры...

Надежды получить скоро подходящее мѣсто у нея не было, а другого исхода выйти изъ ея настоящаго положенія Ольга не знала. Одну лишь выгоду видѣла дѣвушка въ своемъ рѣшеніи—средство рѣзко измѣнить жизнь. Она не чувствовала привязанности къ своему будущему мужу; онъ казался ей слишкомъ серьезнымъ и старымъ для нея.

Черезъ мѣсяцъ она была женою Горнова. Въ то время Ольгѣ только-что исполнилось девятнадцать лѣтъ. Какъ это всегда почти водится, жизнь она знала лишь по книгамъ и объ ея закулисной сторонѣ имѣла самое смутное понятіе.

Она страстно жаждала жизни, новыхъ яркихъ впечатлѣній; замужество представляла себѣ не иначе, какъ хорошей, осмысленной жизнью, осуществленіемъ тѣхъ неясныхъ, но прекрасныхъ порывовъ, временами возникавшихъ въ ея юной душѣ.

И вотъ, съ такими-то иллюзіями вступала Ольга въ свою новую жизнь. Неизбѣжныя разочарованія не заставили себя долго ждать.

Въ этой жизни она лицомъ къ лицу встала съ другими обязанностями, съ новыми требованіями, къ которымъ не была подготовлена на школьной скамьѣ.

Мужъ не переставалъ казаться ей серьезнымъ и неподходящимъ для нея по возрасту; она все еще не могла помириться съ тѣмъ, что вышла за него безъ настоящей любви.

И Ольга начинала испытывать скуку. Прошелъ годъ. У Ольги родился ребенокъ, къ которому она привязалась всѣмъ пыломъ неудовлетвореннаго сердца.

Но и ребенокъ не могъ заполнить пустоты ея жизни и положить конецъ тому броженію, которое давно въ ней происходило.

И она все чего-то ждала и ждала. Иногда на нее нападала безотчетная тоска, являлись грустныя мысли: пройдетъ молодость, пройдетъ жизнь, заурядная, какъ у всѣхъ; пойдутъ одинъ за другимъ дѣти, завянетъ красота, и вся она измельчаетъ, опошлится, размѣняется на мелочи. При этихъ мысляхъ жгучія слезы подступали къ глазамъ, ей хотѣлось плакать, плакать безъ конца... А изъ сосѣдней комнаты доносилось послѣобѣденное всхрапываніе мужа, и еще тоскливѣе, еще противнѣе дѣлалось на душѣ Ольги.

Иногда, прочитавъ какую-нибудь страстную сцену романа, она съ досадой бросала книгу; сцена будила въ ней заглохшія желанія, несбывшіяся мечты...

— А вѣдь я еще не любила какъ слѣдуетъ,—какъ-то мелькнула въ ней мысль и, разъ явившись, она все чаще и чаще приходила ей въ голову...

На нее находило странное настроеніе; являлось желаніе испытать страсть, настоящую, бѣшеную, въ которой нѣтъ мѣста разсудку и здравому смыслу...

Почва была подготовлена, дѣло стояло лишь за героемъ,—и онъ явился...

Однажды къ Горновымъ пришелъ молодой господинъ, котораго Ольга ни разу раньше не видала. Горновъ сердечно поздоровался съ нимъ и представилъ женѣ, какъ своего давнишняго знакомаго; кромѣ того, онъ приходился Горнову дальнимъ родственникомъ по матери.

Ольга взглянула на него,—и сердце ея тревожно забилось; не-

объяснимое предчувствіе сказало ей, что эта встрѣча не пройдетъ для нея безслѣдно, что этотъ человѣкъ сыграетъ въ ея жизни роль...

Звали его Сергѣемъ Михайловичемъ Пронинымъ. Онъ былъ врачомъ въ К***, а въ Москву пріѣхалъ хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ, оставленномъ ему недавно умершей старой родственницей.

Онъ взялъ отпускъ на два мѣсяца и по пріѣздѣ въ столицу первымъ заявился къ Горнову, который былъ чуть ли не единственнымъ знакомымъ Пронина.

Горновъ очень радушно принялъ молодого человѣка и пригласилъ его почаще заходить къ нимъ.

Красивый, жизнерадостный, съ запасомъ здоровья и свѣжихъ силъ, такъ и бьющихъ черезъ край, онъ произвелъ на Ольгу впечатлѣніе, котораго она не скрывала ни отъ самой себя, ни отъ него...

Два-три посѣщенія—и Ольга влюбилась въ него со всѣмъ пыломъ, на какой была способна ея горячая натура и мечтательная голова.

Романъ начался...

Ольга какъ будто переродилась; исчезло недовольство жизнью, вялость, апатія; она вся была во власти своего новаго чувства.

И какое славное было это чувство,—молодое, свѣжее, здоровое, какъ ясное раннее утро...

Мужъ, ребенокъ,—все отошло на второй планъ, все потускнѣло передъ этимъ мощнымъ чувствомъ... Новые горизонты открылись передъ Ольгой; ея прошлая жизнь представилась ей такой безцвѣтной и пустой, сплошнымъ прозябаніемъ. Она ясно поняла, что не въ состояніи вернуться къ прошлой жизни и съ ужасомъ гнала мысль о какой бы то ни было перемѣнѣ относительно будущаго. Слѣпо отдавшись своей любви, она не замѣчала ни холодности знакомыхъ, ни ревниво-подозрительныхъ взглядовъ, которые подолгу останавливалъ на ней мужъ.

А вдали надвигались темныя, грозовыя тучи...

Приближался срокъ отпуска Пронина. Разъ, когда онъ заговорилъ съ Ольгой о своемъ близкомъ отъѣздѣ, она пришла въ такое отчаяніе, что онъ сталъ втупикъ. Прониnъ призадумался. Собственно говоря, онъ не могъ ожидать оборота, какой приметъ его связь съ Ольгой. Вмѣсто легкой интрижки «отъ скуки», онъ наткнулся на сильное и глубокое чувство,—и теперь рѣшительно не зналъ, какъ ему поступить.

Посѣять разладъ, разлучить мужа съ женой вовсе не входило въ его планы. Остается одно—разстаться... Но тутъ начиналась такая путаница, такой разладъ разсудка съ чувствомъ, что онъ, не при-

выкшій вообще ломать долго голову надъ дилеммами жизни, рѣшилъ махнуть рукой, разсчитывая, что обстоятельства или случай распутаютъ этотъ гордіевъ узелъ.

И, дѣйствительно, вскорѣ наступила развязка.

Одинъ разъ Горновъ, давно уже мучимый смутными подозрѣніями, потребовалъ у жены объясненія по поводу намека одного изъ знакомыхъ.

Ольга поступила сообразно со своей натурой, неуравновѣшенной, склонной къ крайностямъ: она не щадя ни себя, ни мужа, все сказала ему, прибавивъ, что жить съ нимъ попрежнему она не въ состояніи.

Онъ былъ пораженъ. Произошла сцена, въ которой выразились отрицательныя стороны его грубоватой натуры. Потомъ, какъ человѣкъ практичный, онъ позаботился о томъ, чтобы положить конецъ посѣщеніямъ вѣроломнаго пріятеля.

Но если онъ разсчитывалъ этимъ поправить дѣло, то плохо зналъ свою Ольгу. Его мѣры только подлили масла въ огонь и укрѣпили въ ней рѣшеніе оставить мужа. Влюбленные видѣлись въ квартирѣ Пронина, и Ольга на другой же день послѣ объясненія съ мужемъ сообщила свое рѣшеніе Пронину. Онъ молча, глядя куда-то въ полъ, выслушалъ ее; потомъ, когда она кончила, онъ заговорилъ о томъ, что она дѣлаетъ очень серьезный шагъ и въ заключеніе совѣтовалъ ей не поступать опрометчиво.

Его недовольный, почти суровый тонъ озадачилъ молодую женщину; она долго не могла произнести ни слова; потомъ, глотая слезы, сказала, что не можетъ безъ него жить, что если бы даже онъ разлюбилъ ее,—ея рѣшеніе оставить мужа останется неизмѣннымъ; давно уже въ ней возникло желаніе въ корень измѣнить жизнь, начать новую, самостоятельную жизнь. Ея доводы убѣдили, обезоружили его; онъ горячо поцѣловалъ ее, и они, усѣвшись рядомъ, стали толковать о будущей жизни вдвоемъ.

Рѣшено было, что они поселятся вмѣстѣ, что она поступитъ на фельдшерскіе курсы...

Когда потомъ, позднѣе, Ольгѣ случалось вспоминать объ этомъ эпизодѣ ея жизни,—то многое представлялось ей въ иномъ свѣтѣ, на многое взглянула она хладнокровнѣе, на иное, возмущавшее ее и казавшееся непонятнымъ, она нашла отвѣтъ...

Черезъ двѣ недѣли Пронинъ и Ольга были въ К***. Они поселились на одной квартирѣ.

Какъ въ туманѣ пролетѣли первые мѣсяцы ихъ совмѣстной жизни. Это былъ дивный сонъ, отъ котораго не хотѣлось пробуждаться.

Беззавѣтно отдавшись своему чувству, Ольга не думала ни о чемъ; намѣреніе учиться, планы самостоятельной жизни,—все было отодвинуто на задній планъ.

Но вотъ не долго заставило себя ждать и пробужденіе. Улеглись восторги, прошла первая горячка страсти—и волшебная сказка начала понемногу терять свою поэзію и обаяніе. Оборотная сторона жизни и здѣсь не замедлила показать свои шипы.

Грубая дѣйствительность непрошенно вторгалась въ поэзію любви.

Въ совмѣстной жизни глазъ-на-глазъ стало рельефнѣе выказываться несходство характеровъ двухъ людей, соединенныхъ вихремъ налетѣвшей страсти.

Одна мысль занимала Ольгу,—какъ можно дольше быть съ нимъ, а потомъ къ этой мысли присоединилась другая, мучительная: о томъ, чтобы другая любовь не заняла его сердце... Къ ея беззавѣтному чувству незамѣтно подкралась ревность. А причинъ для ревности было довольно: замѣшкается ли Пронинъ въ больницѣ, гдѣ онъ каждый день проводилъ нѣсколько часовъ, или дольше, чѣмъ обыкновенно, ѣздитъ съ визитами къ больнымъ,—и Ольга терзалась,—не говоря уже о томъ, что пріемные дни Пронина доставляли ей свою долю нравственныхъ мученій...

Масса свободнаго времени, которымъ располагала Ольга, какъ нельзя лучше содѣйствовала этимъ подозрѣніямъ, и они, однажды зародившись въ ея мозгу, уже не оставляли ея. Потомъ, не будучи въ состояніи молча переносить свои сомнѣнія, она начала все чаще высказывать ихъ Пронину. Происходившія вспышки ревности сильно отравляли ихъ жизнь и вносили охлажденіе въ ихъ отношенія.

Были и другія причины недовольства Ольги; все чаще стали къ ней навѣдываться мысли о прошломъ; все чаще вспоминался ей крошка ребенокъ, безжалостно брошенный ею, а потомъ и мужъ, такой спокойный и уравновѣшенный,—прямой контрастъ раздражительному и легкомысленному Пронину.

Нерѣдко, возвратившись домой, Пронинъ заставалъ Ольгу унылою, иногда—въ слезахъ; онъ понялъ причину,—и его начинавшее остывать чувство вновь разгоралось подъ вліяніемъ ревности къ прошлому Ольги и ея кажущейся холодности.

Мысль, что онъ не въ состояніи заставить Ольгу вполнѣ забыть семью, причиняла ему страданіе.

Прошло полтора года.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы судьба не положила конецъ этой лихорадочной жизни съ ея бурями, радостями и горестями.

Какъ-то, осенью, Пронинъ простудился, схватилъ воспаленіе легкихъ и слегъ въ постель. Ольга, забывъ все, принялась самоотверженно ухаживать за нимъ. Онъ выздоровѣлъ, но врачи совѣтовали ему немедленно уѣхать въ Крымъ. Пронинъ не колебался. Прежде чѣмъ уѣхать, онъ устроилъ Ольгу, выхлопотавъ ей мѣсто въ правленіи желѣзной дороги. На прощанье онъ растрогался, просилъ Ольгу писать и говорилъ, что они скоро увидятся. Она молча, съ блѣднымъ лицомъ слушала его, и изъ ея сухихъ, плотно сжатыхъ губъ не вырвалось ни одного слова нѣжности или жалобы; она не обманывалась, зная, что они разстаются навсегда, что надъ ихъ любовью поставленъ крестъ.

Черезъ недѣлю она получила нѣжное письмо, растрогавшее ее до глубины души и вселившее въ нее надежду, что для нея не все еще потеряно въ жизни. Это письмо свѣтлымъ лучомъ блеснуло въ ея однообразной, сразу потерявшей всю свою окраску, жизни. Ея любовь, этотъ дивный сонъ, свелась на нѣтъ, и она одинокая и всѣмъ чуждая дѣлила свое время между службой и тоскливымъ пребываніемъ въ меблированной комнатѣ, куда перебралась за нѣсколько дней до отъѣзда Пронина.

Писемъ отъ него она больше не получала. Потомъ, позже, до нея дошелъ слухъ, что онъ женился на извѣстной красавицѣ, дочери одного изъ денежныхъ аристократовъ.

Однообразно проводила Ольга свое время. Съ матеріальной стороны жизнь ея устроилась сносно, съ четырехъ часовъ она была свободна и какъ угодно могла располагать своимъ временемъ. Первое время она была почти довольна той формой, въ которой сложилась ея жизнь; она записалась въ библіотеку и съ увлеченіемъ принялась за чтеніе, нерѣдко она ходила въ театръ съ кѣмъ-нибудь изъ новыхъ знакомыхъ.

Такъ прошла зима; и вотъ мало-по-малу Ольгу начала преслѣдовать скука, сознаніе пустоты и безцѣльности своей жизни.

Особенно тоскливо дѣлалось ей по возвращеніи со службы. Мысли по мужѣ и ребенкѣ начали закрадываться къ ней; все чаще и настойчивѣе думалось ей, что она могла бы быть полезной, нужной и любимой. Одинъ видъ семьи, чужого счастія заставлялъ тоскливо сжиматься ея сердце. Однажды возвращаясь домой, Ольга завернула въ городской садъ и сѣла на скамью. Противъ нея сидѣли мужчина и женщина, еще очень молодые, а возлѣ нихъ, въ коляскѣ, хорошенькій годовалый ребенокъ. Оба наклонились къ нему и, казалось, ни на что не обращали вниманіе. Ихъ молодыя красивыя лица выражали

бездну счастія. Ольгѣ сдѣлалось такъ грустно, что она, немного погодя, встала и медленно пошла домой.

Больше, чѣмъ когда-нибудь, ей не хотѣлось возвращаться въ свою одинокую безмолвную комнату. О, чего бы она не дала, чтобы услышать дома дѣтскій смѣхъ, видѣть возлѣ себя чье-нибудь доброе, любящее лицо!...

Съ тоской думала Ольга, что и у нея могла быть семья, домашній очагъ. Еще скучнѣе, безсодержательнѣе стала казаться ей ея жизнь. У ней мелькнула мысль написать мужу, принести ему повинную, но она отогнала ее, какъ лишенную смысла.

Вся ея гордость, самолюбіе возставали противъ ея исполненія.

Раннею весной Ольга перебралась на дачу, за пятнадцать верстъ отъ города; такъ какъ она служила на желѣзной дорогѣ, то проѣздъ ей былъ безплатный.

Въ деревнѣ она прожила до глубокой осени и вернулась въ К*** отдохнувшая, съ обновленными силами. Но городъ дурно принялъ Ольгу. Какъ-то разъ, возвращаясь со службы домой, она простудилась и почти на мѣсяцъ слегла въ постель; встала она въ такомъ видѣ, про который выражаются: краше въ гробъ кладутъ; нервы ея были разстроены, организмъ истощенъ. А тутъ еще осенняя погода скверно дѣйствовала на ея настроеніе; безотраднымъ и мрачнымъ рисовалось Ольгѣ ея будущее.

— Нѣтъ, такъ продолжать нельзя, надо измѣнить жизнь,—думала она, кутаясь въ теплый платокъ.

И снова возникала мысль обратиться къ мужу, но теперь она уже не казалась Ольгѣ дикою; она подолгу думала на эту тему и перспектива вернуться домой казалась ей все больше возможной и—желанной.

Возвращеніе домой сдѣлалось ея господствующей идеей; всѣ ея желанья, стремленія, надежды—все воплотилось въ одномъ словѣ: домой...

Въ концѣ ноября Ольга написала мужу письмо, на которое меньше чѣмъ черезъ недѣлю получила отвѣтъ.

Отказаться отъ мѣста и собраться въ дорогу времени потребовалось немного, и наканунѣ Рождества Ольга пріѣхала въ Москву, гдѣ она не была около трехъ лѣтъ.

IV.

Кончились праздники; наступили будни съ ихъ ежедневной суетолокой и сѣрыми обыденными интересами.

Тогда-то и выступили на сцену различные вопросы, касающіеся

взаимныхъ отношеній членовъ семьи. И Ольга чуть ли не съ первыхъ дней начала впадать въ раздумье. Она понимала, что ей надо занять опредѣленное мѣсто въ домѣ, чтобы принять активное участіе въ домашней жизни. Но какъ это сдѣлать?...

Всѣ дѣла и заботы по хозяйству лежали на Машѣ; все въ домѣ шло по порядку, установившемуся въ отсутствіе Ольги.

Горновъ выдавалъ Машѣ деньги на провизію, и она закупала все, что нужно по хозяйству.

Маша приноровилась къ привычкамъ и вкусамъ Горнова и вполнѣ справлялась съ ролью кухарки и няни. Ольга съ невольнымъ чувствомъ досады видѣла, какъ успѣшно справлялась Маша съ небольшимъ хозяйствомъ; за какое бы дѣло ни бралась она,—все кипѣло въ ея умѣлыхъ рукахъ.

Ольга начинала чувствовать себя не то гостьей, не то содержанкой какой-то. Что ей оставалось дѣлать?—бѣлье, что ли, чинить? Но и это какъ-то между дѣломъ умудрялась дѣлать Маша.

Кончилось тѣмъ, что она на все махнула рукой, да правду сказать, большой привязанности къ кухнѣ и хозяйству у ней не было.

Другое заботило Ольгу: отношеніе къ ней Мити; ребенокъ рѣшительно не хотѣлъ признавать мать.

Дни проходили за днями, а мальчикъ съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ продолжалъ избѣгать ея. Напрасно пускались въ ходъ игрушки, лакомства, уговоры—ничто не помогало; всѣ усилія Ольги разбивались, какъ о каменную стѣну. Митя бралъ и игрушки и гостинцы, но при удобномъ случаѣ убѣгалъ съ ними къ Машѣ.

Холодность сына приводила въ отчаяніе Ольгу; горечь, какъ змѣя, заползала ей въ сердце.

«Онъ мститъ мнѣ за то, что я бросила его тогда, маленькаго и слабаго».

Эти мрачныя мысли все чаще приходили ей въ голову. Иногда она плакала горькими слезами, которыя не облегчали, а только больше разстраивали ея наболѣвшее сердце.

И опять причиной здѣсь была Маша, вѣчно торчавшая на глазахъ ребенка.

Наконецъ, чувствуя, что она не въ силахъ выносить дольше такое положеніе вещей, Ольга рѣшилась намекнуть мужу о своемъ желаніи удалить Машу.

Горновъ съ неудовольствіемъ выслушалъ жену.

— Ты хочешь отпустить Машу? Но къ чему? Чѣмъ она тебѣ мѣшаетъ? Маша во всѣхъ отношеніяхъ хорошая служанка; во-пер-

выхъ, она очень недурно научилась готовить, а ты знаешь, какъ я это цѣню. Къ тому же она такъ любитъ Митю.

— Настолько любитъ, что ему совершенно не нужна мать...

— Пустяки, мой другъ; изъ-за этого, право не стоитъ отказывать Машѣ: имѣй побольше терпѣнья, и Митя такъ привыкнетъ къ тебѣ, что даже надоѣстъ.

Ольга молчала. Ей казалось лишнимъ возражать мужу, но самолюбіе ея было уязвлено, что ея просьба не уважена и она не могла отказать себѣ въ маленькомъ удовольствіи уколоть мужа.

— Что жъ, если ты находишь, что Маша незамѣнима, то мнѣ остается уступить тебѣ, только... я не знаю: кого ты больше цѣнишь въ Машѣ: прислугу только или женщину?...

— Полно, Оля, зачѣмъ ты говоришь несообразныя вещи?... Это такъ не похоже на тебя...—серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ мягко упрекнулъ онъ—и Ольга въ ту же минуту раскаялась въ своей колкости.

— Прости меня...—смущенно, сквозь слезы сказала она,—но если бы ты зналъ... Она не докончила; у нея нехватило духа высказать ему свои черныя подозрѣнія, свои мучительныя сомнѣнія и горячую, но не менѣе мучительную любовь... Его спокойствіе и тихая ласковость обезоруживали ея озлобленность, убаюкивали ея мнительность... Больше, чѣмъ когда-нибудь, сознала она въ эту минуту, насколько въ ней сильна любовь къ этому серьезному, спокойному человѣку, который, не ревнуя къ прошлому, не добиваясь отъ нея никакихъ объясненій, сумѣлъ съ такой простотой отнестись къ ней.

И сердце Ольги наполнялось глубокимъ чувствомъ признательности и благодарности къ мужу. Глубоко пустило свои корни это свѣжее чувство въ ея не знавшей до сихъ поръ покоя, мятущейся душѣ и лишь изрѣдка пугливая мысль: не поздно ли? омрачала ея покой; но она тотчасъ старалась отгонять ее. Нѣтъ, не поздно... И для нея, наконецъ, улыбнулось счастіе, просіяло солнце, кончились бури—она вѣрила, хотѣла во что бы то ни стало вѣрить этому... Вотъ гдѣ счастіе—въ спокойной, разумной привязанности, а не въ бурной, бушующей страсти, которая все мнетъ и губитъ на своемъ пути...

Давно желанный миръ спускался въ ея измученную душу, исчезала ея тоска, куда-то далеко уходили мучительныя сомнѣнія, и въ продолженіе нѣкотораго времени ни одно облачко не омрачало мирной жизни супруговъ.

V.

Прошелъ мѣсяцъ со времени пріѣзда Ольги, а она еще ни разу не выходила никуда съ мужемъ. Сначала, первое время, ей самой не хотѣлось никуда идти изъ дома, гдѣ слишкомъ занимали ее первыя впечатлѣнія; но потомъ, когда ея жизнь вошла понемногу въ обычную колею, ей захотѣлось встряхнуться, разсѣяться, освѣжить свои впечатлѣнія.

Между тѣмъ мужъ ни разу не предложилъ ей хотя бы пойти съ нимъ въ театръ.

Это начинало тайно безпокоить Ольгу; она подозрѣвала, что мужъ избѣгаетъ показываться вмѣстѣ съ нею изъ нежеланія встрѣтить знакомыхъ.

Своихъ мыслей она не высказывала мужу, боясь размолвки; слишкомъ дорого цѣнила она свое теперешнее относительное спокойствіе и добрыя отношенія съ мужемъ.

Но вскорѣ случилось одно обстоятельство, сдѣлавшее неизбѣжнымъ объясненіе Ольги съ мужемъ.

Однажды просматривая утреннюю газету, Ольга узнала, что пріѣхалъ на нѣсколько гастролей знаменитый трагикъ.

Она встрепенулась, видѣть игру этого трагика было давнишнимъ желаніемъ Ольги,—неужели же она пропуститъ удобный случай?

Когда Горновъ вернулся со службы и пообѣдалъ, Ольга приступила къ нему:

— Знаешь, Коля, С—и пріѣхалъ на гастроли?... И ея блестѣвшіе оживленіемъ глаза съ ожиданіемъ смотрѣли въ его лицо.

— Да, слышалъ, а что?

— Ты сводишь меня въ театръ, не правда ли?... Мнѣ такъ хочется.

По лицу Горнова пробѣжала тѣнь неудовольствія; онъ, видимо, не ждалъ подобной просьбы и молчалъ.

Ольга выжидательно смотрѣла на него.

— Тебѣ хочется?—спросилъ онъ.

— Да, очень.

Ольга пристально глядѣла на мужа, ясно читая на его лицѣ нежеланіе исполнить ея просьбу, нерѣшительность.

— Но удобно ли будетъ тебѣ явиться въ театръ?—тихо сказалъ онъ.

— Почему?

— Несвоевременно, слѣдовало бы обождать.

Она не сразу заговорила, чувствуя, что волненіе и раздраженіе охватываютъ ее.

— Знаешь, Николай, ты меня очень удивляешь—начала она дрожащимъ, срывающимся голосомъ.—Ты думаешь, я не понимаю, что ты стѣсняешься показываться со мною въ обществѣ?... Ты хитришь, притворяешься, придумываешь благородные предлоги. Къ чему?... Неужели, признавая меня, какъ мать твоего ребенка, какъ свою жену, ты стыдишься за меня передъ людьми?... А я-то воображала, что ты искренень со мной, что ты чуждъ предразсудковъ... Если бы ты зналъ, до чего мнѣ больно и горько... Постой, не возражай, надо, наконецъ, высказаться, разъ явился случай... За этотъ мѣсяцъ порядочно сомнѣній накопилось въ моей душѣ. Я замѣчаю, что ты сталъ рѣже посѣщать своихъ знакомыхъ изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не сталъ вмѣшиваться въ твою семейную жизнь.

— Успокойся, Оля, прошу тебя; ты взволнована, возбуждена и потому все тебѣ кажется въ сильно увеличенномъ видѣ. Давно ли ты пріѣхала?... Всего какой-нибудь мѣсяцъ. Дай же улечься толкамъ, пересудамъ. Неужели пріятно будетъ тебѣ встрѣтить пристально устремленные на тебя взгляды, двусмысленныя улыбки?

— Взгляды и улыбки людей, мнѣніемъ которыхъ я нисколько не интересуюсь. Осторожность, терпѣніе, выжиданье—какъ я ненавижу эти слова, которыя ты любишь повторять... Нельзя же вѣчно, какъ страусъ въ минуту опасности, прятать голову подъ крыло.

— Какъ страусъ въ минуту опасности,—цѣликомъ повторилъ про себя Горновъ ея выраженіе... Этотъ краснобай передалъ ей всѣ свои любимыя словечки и выраженія... И нехорошее чувство закопошилось у него на душѣ.

Въ эту минуту, еще впервые такъ сильно, въ немъ заговорило сознаніе, что Ольга такъ недавно принадлежала другому. Нѣтъ, должно быть, какъ ни склеивай разбитую вещь, она никогда не будетъ цѣльной.

Супруги разошлись съ холодомъ и досадой въ душѣ.

Въ тотъ же вечеръ Горновъ подошелъ къ женѣ и молча вручилъ ей билетъ на завтрашній спектакль. Она коротко и сухо поблагодарила.

VI.

Наступило Срѣтенье.

Маша собиралась къ поздней обѣднѣ. Митя вертѣлся возлѣ нея и хныкалъ, прося Машу взять его съ собой.

— Голубчикъ мой, нельзя мнѣ тебя взять; вишь, какой морозъ на дворѣ, еще простудишься,—возражала Маша, торопливо повязы-

вая передъ зеркаломъ шелковый платокъ. Немного погодя она была готова и, захвативъ портмонэ и поминанье, пошла изъ кухни.

— Ольга Ивановна, я ухожу, заприте за мной,—крикнула она.

Митя по уходѣ Маши заплакалъ еще сильнѣе. Ольга подошла къ нему и, не взирая на его сопротивленіе, взяла на руки и пошла въ свою комнату.

Мальчикъ, обиженный поступкомъ Маши, отчаянно бился въ рукахъ матери, не слушая ея увѣщаній.

Ольга достала альбомъ, бонбоньерки, конфеты и старалась усадить мальчика на колѣни.

Но эти приманки не дѣйствовали на этотъ разъ на раскапризничившагося ребенка. Онъ сползалъ съ колѣнъ Ольги и громко кричалъ.

Молодую женщину, истощившую всѣ рессурсы, начинала разбирать досада на маленькаго буяна.

Случилось, что метаясь изъ стороны въ сторону, Митя такъ сильно ударился головой въ глазъ матери, что она, не помня себя отъ жестокой боли, оттолкнула отъ себя ребенка, а затѣмъ раза два-три ударила его по спинѣ.

Мальчикъ, не привыкшій къ подобному обращенію, разразился громкимъ плачемъ, а Ольга, предоставивъ его самому себѣ, бросилась въ постель и залилась слезами.

Вошелъ Горновъ.

— Боже мой, что за крикъ! Оля, можно ли такъ волноваться. А еще хотѣла Машу отпустить изъ-за Мити!... Съ дѣтьми нужно массу терпѣнья и сноровки. Ну, о чемъ ты, крикунъ?

— Ма-ма при-би-ла, — сквозь всхлипыванія вымолвилъ ребенокъ.

Горновъ съ минуту не могъ отъ удивленья произнести слова.

— Вонъ что, а я и не зналъ... Ахъ, Оля, Оля, ну, можно ли такъ обходиться съ ребенкомъ. Не справилась съ нимъ,—ну и принесла бы его ко мнѣ въ кабинетъ, а то сама разстроилась и его обидѣла.

Онъ взялъ Митю на руки и унесъ въ кабинетъ.

Ольга врядъ ли слышала его слова; она лежала, уткнувъ въ подушку горѣвшее и мокрое отъ слезъ лицо, терзаемая мучительнымъ чувствомъ жалости къ прибитому ребенку и досадой на свою вспыльчивость.

Послѣ этого случая отношенія между матерью и сыномъ ухудшились. Митя сталъ еще больше бояться и избѣгать матери.

Да Ольга и сама махнула на него рукой и не дѣлала больше по-

пытокъ привязать къ себѣ сына. Одно было ей ясно—то, что лишь уходъ Маши можетъ измѣнить положеніе дѣлъ; она знала, что если попросить объ этомъ мужа, то онъ въ концѣ-концовъ исполнитъ ея просьбу, но рѣшила ни во что не вмѣшиваться, никому не мѣшать.

Митѣ хорошо съ Машей, мужу ея Маша почти необходима, отсюда ясный выводъ, что она должна жить у нихъ. Маша—живая душа, Маша нужна семьѣ.

Эти мысли все чаще приходили на умъ Ольгѣ.

Какая-то ломка происходила въ ея настроеніи; какая-то перемѣна совершалась въ ея внутренней жизни.

Медленно, но съ неуклонной послѣдовательностью совершались новые процессы.

Все сильнѣе чувствовала она себя лишней, ненужной, чѣмъ-то вродѣ отломленной вѣтки. Зачѣмъ она явилась сюда, къ этимъ людямъ и нарушила ровное, безмятежное теченіе ихъ жизни?

Явилась она и внесла хлопоты, суету. Зачѣмъ?... Они всѣ такъ сжились трое, и она невольно заставила ломать установившійся строй жизни.

Мало-по-малу Ольга становилась какой-то фаталисткой; ея мысли безпрестанно сводились къ тому, что это такъ должно быть, такъ нужно.

Незамѣтно ею овладѣвала апатія ко всему окружающему; она старалась занимать какъ можно меньше мѣста въ жизни домашнихъ, стушеваться и лишь издали наблюдать за жизнью другихъ. Можетъ быть, одной изъ причинъ этого удрученнаго состоянія было недомоганіе Ольги. Здоровье ея давно уже было расшатано, но въ послѣднее время Ольга ясно чувствовала присутствіе какого-то невидимаго недуга въ своемъ организмѣ. Часто она ощущала слабость въ тѣлѣ, вялость и усталость въ членахъ, какъ будто послѣ тяжелаго труда; часто ее мучила безсонница. Что это?... Неужели это начало какой-нибудь хронической, можетъ быть, смертельной болѣзни?... Но она со страхомъ отгоняла эту мысль; еще довольно крѣпкія нити соединяли ее съ жизнью.

VII.

Спокойно текла жизнь Горновыхъ. Только какое-то подозрительное было это спокойствіе, мертвящее, безжизненное, похожее на то, какое бываетъ въ стоячей водѣ: не шевельнется зеркальная поверхность, лишь легкая зыбь рябитъ воду, отражая глубокую синеву неба съ легкими какъ паръ облачками; тишь, гладь, а внутри застой, гніеніе, разложеніе.

Размолвка по поводу театра не прошла безслѣдно для супруговъ; она заставила призадуматься супруговъ; и онъ, и она инстинктивно поняли, что имъ грозитъ разладъ, что если въ ихъ душѣ уцѣлѣло какое-нибудь чувство, то нужно его заботливо беречь, какъ сокровище, иначе оно погибнетъ во взаимной холодности. Возможность полнаго разлада испугала обоихъ; за послѣднее время и то уже много досады, недовольства, сомнѣній успѣло закрасться въ ихъ отношенія; надо разбить ледъ, сдѣлать болѣе теплыми взаимныя отношенія; на дѣлѣ это оказывалось не легко; надо было идти навстрѣчу другъ другу; нуженъ былъ какой-нибудь сильный толчокъ, чтобы все вошло въ норму,—а его-то и не было. А сомнѣнія росли.

Отчужденіе и холодность мужа Ольга приписывала любви мужа къ Машѣ, а онъ, видя жену по большей части апатичной, задумчивой, по своему объяснялъ ея настроеніе.

Отношенія Ольги и Маши были довольно странныя; онѣ почти не говорили между собой, только по необходимости; однако, недоразумѣній у нихъ не было. Впрочемъ, и причинъ-то къ нимъ не было.

Ольга не вмѣшивалась въ хозяйство, предоставивъ все Машѣ; сама она, гдѣ можно, старалась обходиться безъ ея услугъ.

А Маша, сама не зная почему, робѣла въ присутствіи своей, такой серьезной барыни.

И вотъ такъ жили эти трое людей, тихо, спокойно, каждый со своимъ внутреннимъ міромъ. Это напоминало какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода.

Весна въ этомъ году была поздняя и не дружная; снѣгъ то стаивалъ, то вновь валилъ хлопьями, по утру ударялъ небольшой морозъ—и зима не уходила. Рѣдко выпадали солнечные дни; хмурое мутное небо, рѣзкій холодный вѣтеръ и хлопьями валившій снѣгъ напоминали скорѣе глубокую осень, чѣмъ весну.

Въ одинъ изъ такихъ дней Ольга сидѣла въ своей комнатѣ у окна; послѣднее время она проводила здѣсь большую часть времени. Въ рукахъ у нея была книга, но она не читала ея; она смотрѣла въ садъ, на почернѣвшій и осѣвшій сугробъ снѣга, на темныя деревья съ начинавшими набухать почками, и невеселыя мысли бродили у нея въ головѣ.

Ольга помимутно куталась въ темный платокъ; наканунѣ, желая освѣжиться, она вышла погулять и промочила ноги, а теперь чувствовала ознобъ и дрожь въ тѣлѣ. Дурная погода настраивала на грустный ладъ ея мысли.

Все назойливѣе вставалъ передъ нею зловѣщій призракъ болѣзни, и вмѣстѣ съ этимъ навертывалась мысль о неизбѣжной и близкой

смерти. Какое-то горькое удовольствіе доставляли ей эти грустныя мысли и она варьировала ихъ на всевозможные лады.

На слѣдующее утро Ольга почувствовала себя рѣшительно больной; голова была тяжела, словно налитая свинцомъ, въ вискахъ стучало, какіе-то огненные круги стояли въ глазахъ, все тѣло ныло и горѣло. Нехотя встала она съ постели, съ трудомъ одѣлась и вышла къ чаю.

Ея больной видъ не могъ не замѣтить Горновъ.

— Что съ тобой, Оля? Ты больна?—спросилъ онъ, откладывая въ сторону газету.

— Да, мнѣ что-то нездоровится.

— Нездоровится!... Ты совсѣмъ больна!... Я схожу за докторомъ.

Ольга запротестовала; съ ней не больше, какъ легкая простуда, вотъ и все. И она принялась разливать чай, но черезъ нѣсколько минутъ почувствовала, что рѣшительно не въ состояніи сидѣть.

— Вотъ, Оля, давно я тебѣ совѣтовалъ лѣчиться, — молвилъ Горновъ тономъ упрека.

«И вездѣ онъ правъ, а я виновата»,—съ невольнымъ раздраженіемъ подумала Ольга, вставая изъ-за стола. Она ушла къ себѣ и легла въ постель.

Черезъ полчаса явился докторъ.

Это былъ не молодой уже, сухощавый мужчина въ очкахъ, съ густой шевелюрой свѣтло-рыжихъ волосъ. Онъ задалъ Ольгѣ нѣсколько вопросовъ, послѣ чего приступилъ къ выслушиванію. Она терпѣливо переносила его изслѣдованіе.

— Ну, что, какъ вы нашли ее, докторъ? — спросилъ Горновъ встревоженнымъ тономъ, когда докторъ пришелъ въ кабинетъ прописывать рецептъ.

— Какъ вамъ сказать... Серьезнаго въ ея болѣзни, въ сущности, ничего нѣтъ, но, въ виду того, что организмъ больной очень слабый, хрупкій, надо быть очень осторожнымъ. Малѣйшая оплошность, небрежность—и болѣзнь можетъ осложниться. Сейчасъ я пропишу рецептъ, немедленно пошлите за лѣкарствомъ и, пожалуйста, позаботьтесь о томъ, чтобы больная имѣла, по возможности, полный покой.

Прибавивъ еще кое-что относительно ухода за больной, докторъ, сунувъ небрежно трехрублевую бумажку въ боковой карманъ, откланялся и ушелъ.

Уже нѣсколько минутъ прошло, какъ Маша заперла за докто-

ромъ дверь, а Горновъ все еще неподвижно стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ докторъ.

Неужели Ольга серьезно больна? Не даромъ онъ съ первыхъ минутъ встрѣчи замѣтилъ ея болѣзненный видъ... Какія чувства волновали его въ настоящую минуту?... Онъ бы и самъ не сумѣлъ въ нихъ разобраться; здѣсь была и жалость къ женѣ, и... какая-то неловкость на душѣ, какъ будто онъ чѣмъ-то лично былъ виноватъ передъ ней. Но чѣмъ?... Онъ относился къ ней хорошо съ первой минуты встрѣчи, онъ ничего не сдѣлалъ ей дурного, а между тѣмъ это ощущеніе неловкости передъ самимъ собой не покидало его. Но Горновъ не любилъ долго копаться въ своей душѣ и, отыскавъ Машу, послалъ ее въ аптеку.

VIII.

Болѣзнь Ольги не нарушила обычнаго строя жизни окружающихъ; попрежнему шло хозяйство, управляемое искусной и бодрой рукой Маши; въ одинъ и тотъ же часъ уходилъ Горновъ на службу и возвращался домой. Къ тому же погода измѣнилась, время стояло такое благодатное, что какъ-то не было мѣста унынію и тому тягостному подавленному настроенію, овладѣвающему окружающими, когда въ домѣ тяжело больной.

Когда Ольга заболѣла, ея отношенія къ Машѣ какъ-то невольно измѣнились. Маша проявляла къ ней неподдѣльное участіе; надо было видѣть, съ какой готовностью оказывала она больной самыя разнообразныя услуги. И угодить умѣла Маша; она не надоѣдала, не навязывалась съ своими услугами; все какъ-то выходило у ней просто, отъ души.

Сначала Ольгѣ было какъ-то неловко пользоваться услугами Маши, съ которой были у нея такія натянутыя отношенія. Однако, приглядѣвшись поближе къ Машѣ, она убѣдилась, что Маша въ сущности славная дѣвушка.

Случалось, что Ольга разпрашивала Машу о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ; сначала она дѣлала это, чтобы убить время, а потомъ невольно заинтересовалась.

— А не скучаешь ты, Маша?—спросила какъ-то Ольга.—Не приходило тебѣ когда-нибудь въ голову, что незачѣмъ жить на свѣтѣ?

Маша недоумѣвая взглянула на Ольгу.

— Что вы, Ольга Ивановна, да когда-жъ тутъ скучать? Иной разъ и лба-то перекрестить некогда, а не то что скучать. Я такъ ду-

маю, что это одно баловство. У кого нѣту настоящаго дѣла, тотъ и скучаетъ.

Маша и не подозрѣвала, какое впечатлѣніе производятъ ея сужденія на Ольгу.

«Сколько въ ней простоты душевной и спокойствія; весело и бодро дѣлаетъ она всякое дѣло, часто скучное и тяжелое. И отчего она такая?... Неужели оттого, что не развита, не получила образованія и не знаетъ словъ этихъ современныхъ: неудовлетворенность, недовольство жизнью... Некогда скучать—вотъ причина... Да, дѣло спасаетъ человѣка отъ дурныхъ мыслей, отъ дурныхъ поступковъ, отъ самого себя».

Проводя поневолѣ все время въ постели, Ольга имѣла много времени думать; въ постели вообще хорошо думается.

Невольно она начинала разбирать свою жизнь. Въ чемъ она прошла? Въ ошибкахъ, раскаяніи, сожалѣніи; и все это за жалкіе крупинки счастія, мимолетнаго, какъ сонъ. Жалкими, слѣпыми безумцами казались ей люди, утверждающіе, что жизнь—благо. Она знаетъ, что человѣкъ сплошь и рядомъ бываетъ игрушкою случая и обстоятельствъ. И озлобленное чувство овладѣвало Ольгой; въ ея сердцѣ уже не было мѣста раскаянію въ своей неправотѣ передъ близкими людьми и сожалѣнья о неудачно сложившейся жизни.

Безсонную ночь проводила Ольга. Напрасно пыталась она заснуть, желанный сонъ не приходилъ; стоило лишь ей закрыть утомленные глаза, какъ различныя мысли, надъ которыми ей раньше и въ голову не приходило задумываться, массою наплывали въ ея голову, какъ будто пользуясь ея безсонницей. Воспоминанія позднѣйшаго времени воскресали въ ея памяти; лица, о которыхъ она ни разу до сихъ поръ не думала, рисовались передъ ней сначала неясными, туманными обликами, а потомъ получали все яснѣе свои очертанія. Особенно ясно встаютъ въ воображеніи Ольги типы двухъ женщинъ—сосѣдокъ ея въ вагонѣ. Вотъ эта худощавая, блѣдная женщина, въ темномъ шерстяномъ платьѣ, мать пятерыхъ дѣтей; Ольга слышала, какъ она разсказывала свою исторію. Жизнь этой женщины — сплошное самопожертвованіе, упорная, притупляющая умъ и душу, борьба за право существованія. И что-жъ, она уже видитъ плоды своихъ трудовъ и заботъ: двое старшихъ дѣтей опредѣлены на мѣсто и могутъ жить самостоятельно, младшіе подрастаютъ и учатся. А вотъ другая женщина—это фельдшерица, ѣдущая въ далекую окраину Россіи; правда, она не связана семьей, она одинока и отвѣчаетъ лишь за одну себя, но отъ этого нисколько не умаляется

ея рѣшимость. Ѣдетъ она не ради карьеры, а изъ простого сознанія, что надо дѣло дѣлать и приносить ближнимъ посильную помощь. Она не смущается тѣмъ, что въ томъ суровомъ краю, куда она ѣдетъ, отсутствуютъ самыя необходимыя удобства, то, что составляетъ насущную потребность всякаго интеллигентнаго человѣка; она не обманываетъ себя розовыми мечтами, а прямо смотритъ на положеніе вещей... Да, эти люди дѣлаютъ свое дѣло...

И Ольга критически оглядывается на свою жизнь, на самое себя, что разумнаго или добраго сдѣлала она въ жизни? Принесла ли она кому-нибудь пользу, сдѣлала добро?... Никому, никогда... Всю жизнь жила чувствомъ, сердцемъ, личнымъ счастіемъ—узкимъ и эгоистичнымъ. Вотъ почему проиграла она свою жизненную партію, вотъ гдѣ ключъ тому глубокому разладу, происходящему въ ней послѣднее время... Нѣтъ отрады въ настоящемъ, ни цѣли въ будущемъ, а въ прошломъ... нѣтъ, прочь воспоминанія, къ чему бередить старыя раны...

И снова приходила ей мысль о смерти, и Ольга задавала себѣ вопросъ: какую перемѣну внесетъ ея смерть въ жизнь мужа?...

Можетъ быть, онъ женится на Машѣ?... Нѣтъ, врядъ ли у него на это хватитъ характера, онъ побоится мнѣнія знакомыхъ. Да и зачѣмъ ему жениться?

Во всякомъ случаѣ ея смерть развяжетъ ему руки. Странно устроенъ свѣтъ: смерть одного даетъ свободу, счастіе другому. Да, много иронiи въ жизни.

А впрочемъ... несчастье ли смерть?... Для нея это будетъ освобожденіе, довольно ужъ этой погони за личнымъ счастіемъ, довольно разочарованій, страданій, пора и на отдыхъ.

«Умереть—уснуть».

«Видѣній» она не боялась, на смерть смотрѣла, какъ на полное уничтоженіе своего духовнаго и физическаго существа. Того путеводнаго, согрѣвающаго огня, что зовется вѣрою, у нея не было. Но вотъ мысли ея дѣлаются смутными, туманными, и ужъ подъ самое утро она заснула безпокойнымъ, полнымъ грезъ, сномъ.

Странный сонъ приснился Ольгѣ. Снилось ей, будто она вмѣстѣ съ Пронинымъ идетъ по узкой тропинкѣ возлѣ недавно вспаханнаго поля. Мрачный вечеръ спускается надъ ними; зловѣщія, изсиня-черныя тучи покрыли все небо; порывистый вѣтеръ качаетъ деревья сосѣдняго съ полемъ лѣса и еще безотраднѣе, еще унылѣе кажется это черное поле, надъ которымъ въ вышинѣ кружатся какія-то большія птицы.

Ольга чувствуетъ, какъ слабѣютъ ея силы, какъ твердые комки земли колютъ подошвы ея ногъ.

— Алеша!... Скоро ли мы придемъ?—слабымъ голосомъ спрашиваетъ она.

— Скоро, скоро,—твердымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ и еще быстрѣе увлекаетъ ее за собой.

Какой-то шумъ слышится позади нея, какъ будто отъ вѣянія какихъ-то невидимыхъ крыльевъ, и черезъ минуту чье-то холодное дыханіе обдаетъ ее. Ахъ, это все онъ, блѣдный призракъ съ зелеными глазами, который давно уже преслѣдуетъ ее. Она въ ужасѣ хочетъ закричать, но голосъ не повинуется ей... Въ воздухѣ проносится гроза, сильный вѣтеръ мчится по полю, деревья зловѣще шумятъ, во всѣ стороны качая вѣтвями; тревожно и тоскливо закричали птицы... Она въ страхѣ ищетъ руку Алеши, но его нѣтъ возлѣ нея, онъ исчезъ... Ольга въ безсиліи падаетъ на землю... Но вотъ она слышитъ, какъ чья-то рука поднимаетъ ее съ земли. Это онъ, ея другъ, товарищъ, ея Алеша...

— Вставай, Оля, идемъ,—говоритъ онъ, и что-то особенное, торжественное слышится въ его голосѣ. Она безмолвно встаетъ, повинуясь чарующей силѣ его голоса, и чувствуетъ, какъ сила и бодрость проникаютъ въ ея существо. Ольга сдѣлала два шага и остановилась, съ недоумѣніемъ осматриваясь кругомъ. Куда-то далеко разсѣялись грозныя тучи, надъ ними раскинулось сѣроватое блѣдное утреннее небо. Густой туманъ поднимался съ черной земли и сливался съ сѣроватымъ фономъ неба. Зато тамъ, за лѣсомъ виднѣлась блѣдно-розовая полоска зари и разгоралась все ярче и ярче.

— Какъ хорошо,—въ восхищеніи прошептала Ольга.

— Это разсвѣтъ,—сказалъ онъ, и спокойная радость зазвучала въ его голосѣ. Они рука объ руку бодро и весело пошли въ ту сторону, гдѣ изъ-за темной зелени лѣса медленно и торжественно всходило солнце.

— Разсвѣтъ,—повторила Ольга и... открыла глаза.

Спущенная голубая штора пропускала мягкій полусвѣтъ.

«Вечеръ теперь или утро?» соображала Ольга; ей казалось, что она проспала ужасно долго. Чувствовала она себя очень хорошо, дышалось легко и свободно, во всѣхъ членахъ ощущалась легкость. У нея явилось сильное желаніе встать съ постели. Потомъ она вспомнила свой сонъ и задумалась, что предвѣщалъ онъ ей?...

Она приподнялась въ постели и вся погрузилась въ воспоминаніе.

Дверь слегка скрипнула и въ комнату заглянула Маша. Увидя, что Ольга сидитъ, она подошла къ ней.

— Ольга Ивановна, что, лучше вамъ?—спросила она, и неподдѣльное участіе выразилось на ея открытомъ румяномъ лицѣ.

— Да, мнѣ лучше... Скажи, Маша, вечеръ или утро теперь?

— Десятый часъ утра, уже Николай Ильичъ на службу ушли...

— Знаешь, Маша, открой-ка шторы, а то надоѣли эти сумерки.

Маша исполнила просьбу, и веселые солнечные лучи, какъ будто ожидавшіе этого случая, ворвались въ комнату, заиграли на склянкахъ лѣкарствъ, скользнули по осунувшемуся лицу Ольги.

— Солнце!... Какъ хорошо,—прошептала она, невольно жмуря глаза отъ яркаго свѣта.

— Ишь какъ свѣтло, небось вамъ глаза больно будетъ,—сказала Маша.

— Нѣтъ, такъ хорошо.

За дверью послышался тоненькій голосокъ Мити, звавшій Машу.

— Иду, иду, голубчикъ.

Она вышла и черезъ минуту вернулась съ мальчикомъ.

— Къ вамъ запросился, соскучился видно... Не помѣшаетъ онъ вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, развѣ можетъ онъ мнѣ помѣшать?—радостно отозвалась Ольга.—Иди, милый, посиди со мной... Маша, посади его ко мнѣ.

Митя насупившись, со сконфуженной улыбкой подошелъ къ матери. Она наклонилась къ нему и долгимъ поцѣлуемъ припала къ его розовой крѣпкой щечкѣ.

Все выразилось въ этомъ поцѣлуѣ: и страстная нѣжность къ ребенку, и сожалѣніе къ самой себѣ, и какое-то смутное, необъяснимое предчувствіе.

Маша молча глядѣла на нихъ, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Онъ не помѣшаетъ вамъ, Ольга Ивановна?... Я только жаркое посмотрю...

— Иди, иди, Маша, пусть онъ посидитъ со мной,—сказала Ольга.

Она взяла Митю на руки, и мальчикъ довѣрчиво прижался къ ея плечу.

Отрадное и въ то же время грустное чувство проникло въ душу Ольги; все эгоистичное, черствое и мелкое отходило отъ ея души, уступая мѣсто чему-то свѣтлому и важному. Словно какая-то завѣса спадала съ ея глазъ. Поняла она, больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, что для того, чтобы жизнь имѣла смыслъ и цѣль, мало личнаго счастія. Есть въ жизни что-то большее, важнѣе и значительнѣе.

Погруженная въ свои мысли, Ольга не замѣтила, какъ Митя тихо сползъ съ кровати и ушелъ изъ комнаты.

IX.

Прошло около двухъ недѣль.

Стояли ясные, теплые апрѣльскіе дни. Теплая погода позволила выставить раму въ комнатѣ Ольги, и больная настояла, чтобы ея кровать подвинули къ окну; съ наслажденіемъ смотрѣла она на похорошѣвшій садъ. А любоваться было чѣмъ. Нѣжной изумрудной зеленью покрылись деревья, на которыхъ стаями сидѣли ласточки, оглашая садъ веселымъ щебетаньемъ. Вмѣсто почернѣвшаго, умиравшаго снѣга глазъ радовала молодая бархатистая травка; неузнаваемъ сталъ старый садъ, повеселѣла и комната Ольги, словно отогрѣтая вешними лучами.

Ольга въ тепломъ сѣромъ капотѣ сидѣла у окна и, какъ очарованная, смотрѣла на массу зелени и свѣта; ей казалось, что она давно не видала ни молодой листвы деревьевъ, ни бездонной синевы неба, по которой кой-гдѣ плыли легкія, какъ паръ, облачка, прелестныя, какъ мечты юности.

Гдѣ-то, подъ крышей, оживленно щебетала семья ласточекъ; вотъ одна изъ нихъ погналась за какой-то мушкой, поймала ее и несетъ своимъ птенцамъ; съ озабоченнымъ жужжаніемъ пролетѣла пчела, собирая скудную еще дань съ растеній. Всюду проявлялось могучее вѣяніе весны.

Разнородныя мысли и ощущенія наполняли душу Ольги. Приливъ бодрости и свѣжихъ силъ ощущала она во всемъ существѣ; она радовалась тому, что скоро встанетъ: вчера докторъ сказалъ, что дня черезъ три она можетъ встать съ постели.

Да, давно пора... Какъ безконечно долго тянулись эти недѣли болѣзни... Ей вспомнились тоскливые дни, мучительныя безсонныя ночи, съ незванными думами и воспоминаніями.

Да, они будутъ ей памятны...

Зналъ ли кто-нибудь, сколько пережила, перечувствовала она, лежа въ постели и устремивъ прямо передъ собой лихорадочный взоръ... Ольга чувствовала, что она уже не та и, радуясь своему выздоровленію, она вмѣстѣ съ тѣмъ радовалась своему духовному обновленію.

Она сознавала свое несправедливое отношеніе къ окружающимъ и твердо рѣшалась перемѣнить жизнь.

Ольга горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе принять участіе въ жизни домашнихъ; ей такъ опостылѣло это вѣчное одиночество, этотъ вѣч-

ный анализъ своихъ поступковъ и прожитаго; ей страстно захотѣлось видѣть мужа, домашнихъ.

Еще три дня!... Боже, какъ долго ждать!... Вѣроятно, докторъ думаетъ, что она еще слаба, иначе позволилъ бы раньше оставить постель...

А что, если она встанетъ сегодня, сейчасъ?... Вѣдь она чувствуетъ себя вполнѣ хорошо...

Мысль, однажды зародившись, не давала ей покоя, требовала исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы хорошо встать и идти туда, къ нему... А онъ только недавно былъ здѣсь и, конечно, не ожидаетъ, что она встанетъ сегодня,—это будетъ для него сюрпризъ...

Ольга была въ восторгѣ отъ своей идеи и больше не колебалась. Она хотѣла уже привести свою мысль въ исполненіе, но остановилась, какъ будто что-то раздумавъ.

Неужели она явится къ нему въ этомъ сѣромъ капотѣ, какъ больная?... Нѣтъ, нужно придумать что-нибудь другое...

Въ Ольгѣ заговорилъ инстинктъ женщины, не заглушенный болѣзнью.

Ея голубой вигоневый, отдѣланный черными кружевами капотъ казался ей вполнѣ подходящимъ къ случаю: и красиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ солидно. И, какъ школьница радуясь своей затѣѣ, Ольга тихонько перешла комнату, заперла дверь и, поставивъ къ подушкѣ зеркало, принялась причесываться. Но гребенка выпала изъ ея рукъ, когда она увидѣла въ зеркалѣ отраженіе своего лица: на нее глядѣло чье-то исхудалое лицо, обтянутое сухой, землистаго цвѣта, кожей, съ ввалившимися, лихорадочно блестѣвшими глазами и сухими, потрескавшимися губами. Боже, да она ли это?...

Ольга нервно отодвинула зеркало и поникла головой. Думала ли она, что такъ измѣнитъ ее болѣзнь!...

Потомъ она взяла гребенку и медленно, словно нехотя, стала расчесывать свои волнистые волосы—одно, что не утратило своей привлекательности.

Черезъ четверть часа туалетъ Ольги былъ оконченъ. Легкій слой пудры скрадывалъ немного желтизну ея лица.

Сердце ея учащенно билось, руки дрожали; не то радость, не то какой-то безотчетный страхъ волновалъ ея сердце. Она раза два прошлась по комнатѣ, потомъ подошла къ зеркалу и бросивъ на себя послѣдній взглядъ, тихо вышла изъ комнаты.

Неслышно ступая въ своихъ мягкихъ туфляхъ, Ольга прошла въ столовую; тамъ никого не было. Она подошла къ полуотворенной двери кабинета и—остановилась пораженная.

На низкомъ диванѣ сидѣла Маша съ работой въ рукахъ, а рядомъ съ ней, прислонивъ голову къ ней на плечо,—Горновъ, съ газетой въ рукахъ. Какъ ни мимолетенъ былъ взглядъ, брошенный Ольгой, но она успѣла подмѣтить выраженіе спокойнаго, удовлетвореннаго чувства на ихъ лицахъ. И какъ бы въ дополненіе этой картины мирной привязанности,—въ двухъ шагахъ отъ нихъ Митя раскладывалъ свои кубики.

Мутнымъ взглядомъ окинула Ольга мужа и, подавшись назадъ, шатаясь, какъ пьяная, медленно побрела въ свою комнату и упала на стулъ.

. . . . . .

Медленнымъ, потухшимъ взглядомъ Ольга обвела комнату.

Ей казалось, что она видѣла какой-то тяжелый, страшный сонъ и хорошенько не можетъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Въ головѣ не было мыслей,—казалось, какая-то гигантская паутина опутала ея мозгъ, отуманила сознаніе, обволокла ея разумъ.

Минуты летѣли за минутами, а Ольга продолжала неподвижно сидѣть на стулѣ, устремивъ взглядъ въ одну точку. Но, по мѣрѣ того, какъ время проходило, прояснялось сознаніе, проходилъ туманъ,—и она впервые почувствовала, какъ она глубоко несчастна... Конецъ всему, теперь уже ничего не осталось у нея; надежда на счастье оказалась одной иллюзіей, миражемъ. Это сознаніе наполнило ее ужасомъ, какъ будто она въ первый разъ видѣла передъ собой бездну; она чувствовала, что теряетъ почву подъ ногами... Ея блуждающій взглядъ остановился на склянкѣ съ опіемъ, прописаннымъ докторомъ отъ безсонницы.

Какъ молнія пробѣжала мысль, заставившая ее вздрогнуть... Вотъ онъ исходъ, избавленіе отъ страданій,—смерть...

«Тяжело умирать,—хорошо умереть», вспомнились Ольгѣ извѣстныя слова. И, странное дѣло, смерть уже не казалась ей чѣмъ-то ужаснымъ, невозможнымъ, какъ минуту тому назадъ; ея теперешнее ощущеніе походило на то, когда опускаются въ холодную воду: сначала беретъ дрожь, оторопь, потомъ—охлажденіе, отрадное успокоеніе...

Да, лучше смерть, небытіе, чѣмъ жизнь съ ея жалкими радостями, надеждами, отчаяніемъ, страданіями...

Ольгѣ вспомнилось, какъ она любила купаться въ дѣтствѣ; плавать она не умѣла и довольствовалась тѣмъ, что опускалась до подбородка въ воду, закрывъ глаза,—и ею овладѣвало необыкновенно спокойное состояніе.

«Умереть—уснуть»,—опять вспомнила Ольга часто приходив-

шую ей на умъ фразу, и ей казалось, что она уже отрѣшилась отъ жизни...

Она поднялась со стула, подошла къ столику, схватила дрожащей рукой пузырекъ и... остановилась; въ ея воображеніи живо нарисовалась картина смерти: ясно-ясно представилось ей смятенье и растерянность домашнихъ, бѣготня, докторъ, полиція и толпа любопытныхъ, жадныхъ на зрѣлища людей... Дрожь пробѣжала по ея спинѣ: нѣтъ, она не рѣшится на это... А огласка, молва, которыя возбудитъ ея смерть... Нѣтъ, она вовсе не хочетъ подвергать ихъ хлопотамъ и непріятностямъ; она не хочетъ ничьихъ терзаній, она никому не отравитъ жизни...

Она уйдетъ тихо-тихо, такъ что никому и въ голову не придетъ упрекнуть себя за обиду или небрежность къ ней... Одного бы ей хотѣлось, но врядъ ли это возможно... чтобы передъ тѣмъ, какъ ей отправиться въ дальній путь, кто-нибудь сказалъ бы ей на прощанье доброе слово, чтобы чья-нибудь искренняя слеза упала на ея могилу...

За дверью послышались шаги, и Ольга вся сжалась отъ страха, что кто-нибудь изъ нихъ войдетъ въ ея комнату, увидитъ ее, заговоритъ съ ней, и она должна будетъ отвѣчать имъ и опять имѣть дѣло съ людьми, отъ суетнаго міра которыхъ она почти отрѣшилась...

Нѣтъ, прошли мимо; къ ея отсутствію привыкли, ее считаютъ больной, быть можетъ безнадежно... Да, надо уйти,—сегодня, сейчасъ, надо рѣшаться, а то черезъ полчаса, быть можетъ, будетъ поздно...

Она принялась одѣваться съ лихорадочной поспѣшностью.

На этотъ разъ туалетъ ея отнялъ очень мало времени; она не захотѣла надѣть шляпу, а накинула на голову черный шелковый шарфъ.

«Во всемъ черномъ, точно монахиня», подумала она, взглянувъ на себя въ зеркало.

Да и въ самомъ дѣлѣ, уходя изъ этого міра, она имѣла много общаго съ монахиней.

Ольга окинула послѣднимъ взглядомъ комнату, въ которой за короткое сравнительно время такъ много пережила, въ которой испытала страданія и радость,—и тихо пошла къ двери. Потомъ, вспомнивъ что-то, она быстро вернулась и, взявъ пузырекъ съ опіемъ, спрятала его въ карманъ. Стараясь ступать какъ можно тише, она прошла переднюю, быстро отворила дверь и вышла на улицу. Здѣсь она невольно остановилась: свѣжій весенній воздухъ, движеніе и суета улицы и масса давно забытыхъ впечатлѣній разомъ нахлынули на Ольгу, почти мѣсяцъ не выходившую изъ комнаты; спустя нѣ-

сколько минутъ она оправилась и поспѣшной, нервной походкой пошла по тротуару, побуждаемая лишь одной мыслью уйти—какъ можно дальше отъ ненавистныхъ ей людей,—отъ этого шума, отъ всего того, что сколько-нибудь напоминало ей о жизни...

Долго блуждала Ольга, не отдавая себѣ отчета, куда она идетъ, не замѣчая, что встрѣчные съ недоумѣніемъ оглядывались на нее. Наконецъ, она почувствовала сильное утомленіе; ослабѣвшія послѣ болѣзни силы, поднятыя нервнымъ возбужденіемъ, стали упадать... Она замедлила шаги и оглядѣлась. Передъ ней высились золоченыя главы Дѣвичьяго монастыря, тамъ, внизу, подъ горой виднѣлись зеленые луга, прорѣзанные свѣтлой лентой рѣки, съ кое-гдѣ разбросанными огородами и небольшими домиками—особняками.

Все ея измученное существо потянулось туда, на этотъ лугъ,—туда, гдѣ нѣтъ этой докучной и бездушной толпы, гдѣ нѣтъ этихъ каменныхъ громадъ, называемыхъ домами... Она собрала свои послѣднія силы и быстро спустилась по дорожкѣ, огибающей каменную ограду монастыря, перешла небольшой мостикъ... Невдалекѣ стояла одинокая задумчивая береза,—къ ней-то и направилась измученная Ольга и дойдя, медленно, какъ подкошенная, опустилась на траву...

День догоралъ. На ярко-багряномъ небосклонѣ медленно закатывалось солнце, и его прощальные лучи золотымъ отблескомъ озаряли край лиловой тучи.

На огородахъ люди пахали землю, и небольшой вѣтерокъ доносилъ до Ольги ржанье лошадей и отрывки голосовъ.

Издали глухо доносился шумъ большого города.

— Пора... къ чему медлить... поздно раздумывать...— прошептала Ольга; нервнымъ движеніемъ она достала изъ кармана пузырекъ, открыла пробку и быстро поднесла его ко рту. . . . .

. . . . . .

Рѣзвый вѣтерокъ пронесся по луговинѣ, сѣроватыя облачка набѣжали на поблѣднѣвшее небо, задумчивая береза грустно клонила свою вершину, таинственно и пугливо шептались молодые свѣжіе листочки... Одинокая звѣздочка замигала въ вышинѣ и тотчасъ же скрылась за набѣжавшимъ облачкомъ...

С. Лесскисъ.

*
* *

Сегодня я слышала музыку утра
И видѣла тайну рожденья зари.
Ни птицы, ни люди еще не проснулись,
Проснулась листва и тревожно шептала:
Внимайте, внимайте осеннимъ цвѣтамъ!
Проснулась и слушала бѣлая астра
И цвѣтъ голубой ипомеи ползучей,
И еле замѣтный цвѣтокъ резеды.
А въ небѣ зеленомъ, невиданно новомъ
Въ коронахъ серебряныхъ звѣзды царевны
И мѣсяцъ царевичъ, ихъ братъ свѣтлолицый
Кончали предутренній тихій хоралъ.
И въ стройное пѣнье ихъ тихо вливались
Какіе-то звуки сіяніемъ алымъ,
Все шире, все выше на небѣ растущемъ,
Какъ солнце, какъ жизнь, какъ любовь всепобѣднымъ.

В. Мировичъ.

Душевная слабость и ея значеніе въ общественной жизни и художественномъ творчествѣ *).

I.

Предварительныя понятія о физіологіи воли и сознанія.—Сознательные и безсознательные психическіе процессы.—Вниманіе и разсѣянность.—Разстройство взаимодѣйствія мозговыхъ центровъ въ предѣлахъ здоровья и болѣзни.—Основанія для выдѣленія „душевной слабости“ въ самостоятельную болѣзненную форму.—Признаки психо-астеніи: неуравновѣшенность настроенія, навязчивыя идеи, неудержимыя влеченія, бредовыя вспышки, разстройство сознанія.—Примѣры художественнаго изображенія душевной слабости; анализъ типа Раскольникова въ „Преступленіи и наказаніи“ Достоевскаго.—Душевная слабость и преступность.—Вліяніе психо-астеніи на вырожденіе личное и общественное.—Общественная борьба съ вырожденіемъ.

Вопросъ о душевной слабости, какъ болѣзни, который мы взяли предметомъ настоящей лекціи, представляетъ не только спеціально-медицинскій, но и общественный и психологическій интересъ.

Дѣйствительно, степень силы и слабости характера колеблются въ нормальной жизни въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что здѣсь очень трудно установить опредѣленную рамку между здоровьемъ и болѣзнью. Для того чтобы впослѣдствіи вамъ были болѣе убѣдительны болѣзненныя степени слабости, намъ необходимо предпослать изложенію вопроса нѣкоторое ознакомленіе съ нормальной психической жизнью.

Одно изъ лучшихъ научныхъ завоеваній прошлаго столѣтія, несомнѣнно, представляетъ сближеніе, достигнутое между наукой о духѣ и наукой о тѣлесной природѣ человѣка.

Хотя и теперь мы еще безконечно далеки отъ полнаго пониманія механизма душевныхъ процессовъ, но всетаки мы уже можемъ свести нѣкорыя психологическія задачи къ физіологіи мозга. Для пониманія нашей темы намъ нужно знакомство только съ нѣкоторыми сторонами душевной дѣятельности—*съ сознательными волевыми актами* и *дѣятельнымъ вниманіемъ*.

*) Публичная лекція, прочитанная въ аудиторіи Историческаго музея 21 апрѣля 1901 года въ пользу хамовническаго попечительства о бѣдныхъ 1 уч.

На нихъ мы и остановимся.

Согласно основному требованію естественно-научнаго метода, я долженъ взять исходной точкою своего изложенія не опредѣленіе воли и сознанія, какъ готовыхъ уже психологическихъ понятій, а анализъ тѣхъ физіологическихъ условій, которыя должны имѣть мѣсто въ томъ или въ другомъ волевомъ актѣ.

Возьмемте простой примѣръ изъ обыденной жизни. Допустимъ, вы видите цвѣтокъ, который вамъ нравится, вы хотите его сорвать и, дѣйствительно, сорвете. Это, конечно, будетъ извѣстный волевой актъ. Посмотримъ, каковы его физіологическія условія. Для того, чтобы видѣть цвѣтокъ, прежде всего необходима цѣлость наружнаго (периферическаго) аппарата, въ данномъ случаѣ—сѣтчатки глаза; для того чтобы осмыслить это воспріятіе, т.-е. понять, что данное раздраженіе сѣтчатки соотвѣтствуетъ данному предмету, необходима цѣлость мозговыхъ центровъ психическаго зрѣнія, расположенныхъ въ затылочныхъ доляхъ мозга. Наконецъ, для того чтобы сорвать цвѣтокъ, надо совершить извѣстное движеніе, которымъ завѣдуютъ центральныя доли мозговыхъ полушарій. Такимъ образомъ, для того чтобы совершить данный волевой актъ, необходимо участіе проводниковъ между глазомъ и затылочными долями и соединительныхъ путей между зрительными центрами и двигательной областью.

Однако, въ томъ же самомъ примѣрѣ, вы можете поступить совершенно наоборотъ, т.-е. несмотря на желаніе сорвать цвѣтокъ, удержаться отъ этого по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, наприм., потому, что вы не хотите портить всей клумбы. При этомъ въ затылочныхъ доляхъ мозга уже безъ первичнаго раздраженія возникаетъ представленіе о всей клумбѣ цвѣтовъ, которое можетъ сочетаться съ обонятельными и съ слуховыми представленіями. При видѣ цвѣтка у васъ начинаютъ работать различные мозговые центры, и, можетъ быть, въ результатѣ обще-мозговой дѣятельности получится другое рѣшеніе, и вы удержитесь отъ вашего намѣренія. Въ послѣднемъ случаѣ, обще-мозговая дѣятельность возьметъ перевѣсъ надъ дѣятельностью отдѣльныхъ мозговыхъ центровъ.

Съ этой точки зрѣнія, можно допустить два состоянія взаимнаго отношенія мозговыхъ центровъ: съ одной стороны преобладаніе отдѣльныхъ мозговыхъ областей—*центральное проведеніе*, съ другой стороны—преобладаніе общей мозговой дѣятельности—*центральная задержка*. При нормальныхъ условіяхъ между центральнымъ проведеніемъ и задержкой существуетъ извѣстное равновѣсіе, при болѣзненныхъ условіяхъ оно можетъ быть нарушено. Можетъ быть очень облегчено проведеніе, и тогда быстро осуществляются разнородныя желанія, съ другой стороны, можетъ быть очень усилена задержка, и тогда получастся неспособность къ какому-нибудь волевому акту.

Позвольте вернуться къ тому же примѣру. Вы вѣдь можете не сорвать цвѣтка и по другимъ соображеніямъ, наприм., потому, что это чужой садъ, что цвѣтокъ вамъ не принадлежитъ. Здѣсь у васъ возникаетъ слож-

ный *сознательный процессъ—противопоставленіе себя внѣшнему міру и опредѣленіе своего отношенія къ окружающему.* Эти понятія и эта критика окружающаго получились у васъ не сразу. Я думаю, не слѣдуетъ особенно доказывать, что у ребенка сознаніе своихъ отношеній къ окружающему несравненно слабѣе, чѣмъ у взрослаго, у котораго оно развилось путемъ жизненнаго опыта.

Не касаясь философскаго опредѣленія сознанія вообще, я долженъ замѣтить, что для натуралиста можно допустить только одинъ путь *развитія сознанія—изъ сознанія своей личности.* Дѣйствительно, данныя психологіи ребенка и сравнительной психологіи животныхъ несомнѣнно доказываютъ, что сначала развивается сознаніе своей личности и ея отношенія къ окружающему, а уже послѣдовательно наступаетъ сознаніе отношенія внѣшнихъ предметовъ другъ къ другу.

Несомнѣнно, конечно, что сознательная дѣятельность, которая развивается путемъ сопоставленія сложныхъ представленій и понятій не можетъ помѣщаться въ одномъ какомъ-нибудь центрѣ мозга—зрительномъ, слуховомъ, двигательномъ—она является также продуктомъ обще-мозговой дѣятельности. Хотя при настоящихъ анатомо-физіологическихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ никакой возможности свести сознательную дѣятельность на анатомо физіологическія условія, т.-е. указать опредѣленные мозговые центры со знанія—мы, однако, можемъ подойти къ этой задачѣ косвеннымъ путемъ

Несомнѣнно, конечно, что въ объемъ сознанія входитъ какъ состав ная часть вся сумма понятій и представленій, которыми располагаетъ данное лицо.

Между прочимъ, для организаціи сложныхъ представленій уже необходима дѣятельность нѣсколькихъ мозговыхъ центровъ. Напримѣръ, представленіе о красномъ, звучащемъ шарѣ—требуетъ участія центровъ общей чувствительности (понятіе о формѣ предмета), зрительныхъ центровъ (цвѣтъ) и слуховыхъ (звукъ). Это сложное представленіе также можетъ быть получено только путемъ сочетательной обще-мозговой дѣятельности. Мы подошли теперь къ другой сторонѣ мозговой дѣятельности, именно—*къ закону ассоціаціи идей.* Какое-нибудь представленіе, возникшее въ мозгу не остается одиночнымъ, а влечетъ за собою другія представленія такъ или иначе связанныя съ первымъ. Характеръ и направленіе развивающейся при этомъ мозговой дѣятельности находится въ зависимости отъ личныхъ свойствъ даннаго лица и отъ степени его развитія и его знаній. Напримѣръ, качество и количество представленій, связанныхъ со словомъ «машина», будетъ совершенно другое у ребенка и у механика. Благодаря спеціальной выучкѣ, у большинства людей образуется множество привычныхъ представленій, связанныхъ другъ съ другомъ; въ такомъ случаѣ проведеніе по опредѣленнымъ мозговымъ путямъ сдѣлалось болѣе легкимъ, сопровождается наименьшимъ сопротивленіемъ, здѣсь развились такъ называемые «отшлифованные пути». Весь жизненный опытъ и все спеціальное образованіе именно сводится къ развитію такихъ отшлифованныхъ

путей, благодаря которымъ и получаются извѣстные *оттѣнки мышленія*, образующіе методы естествоиспытателя, правовѣда, врача, математика и т дал.

При нашей умственной работѣ мы пользуемся ассоціаціями идей, однако въ извѣстныхъ предѣлахъ, не отвлекающихъ насъ отъ главнаго предмета мышленія. Эта способность сосредоточить мысль на одномъ избранномъ предметѣ называется *дѣятельнымъ вниманіемъ*.

При условіяхъ дѣятельнаго вниманія усиленно всплываютъ извѣстныя нужныя намъ идеи; точно также ярко воспринимаются только опредѣленныя представленія. Напримѣръ, если вы тщательно наблюдаете какое-нибудь явленіе, вы замѣчаете всѣ подробности видимыхъ вами образовъ, въ вашемъ мозгу складывается то или другое ихъ объясненіе, но въ то же время, вы можете, наприм., слышать тиканье часовъ въ комнатѣ, слышать шаги и разговоръ въ сосѣднемъ помѣщеніи, замѣтить вошедшаго къ вамъ въ комнату, можетъ быть, даже отвѣтить на вопросъ, не отрываясь отъ вашей главной работы. Послѣдняя занимаетъ ваше дѣятельное вниманіе, всѣ другія впечатлѣнія вы воспринимаете самопроизвольно путемъ *страдательнаго (пассивнаго) вниманія*. Для того чтобы вы могли сосредоточить ваши мысли на одной работѣ, необходимо преобладаніе центральной задержки относительно всѣхъ другихъ впечатлѣній; причемъ одни впечатлѣнія и одни идеи получаютъ наибольшую степень яркости, а всѣ другія какъ бы затушевываются. Наоборотъ, если центральная задержка ослаблена и всѣ впечатлѣнія и мысли всплываютъ съ одинаковой степенью яркости, вы не можете сосредоточиться на одномъ предметѣ, вы будете разсѣяны.

Чтобы выяснить эти различія на болѣе доступномъ примѣрѣ, прошу васъ сравнить ваше состояніе въ театрѣ, когда вы внимательно слушаете интересную драму или во время прогулки съ цѣлью отдыха, когда вы воспринимаете множество впечатлѣній, ни на одномъ изъ нихъ не останавливаясь.

Степень сознательности того или другого волевого акта неразрывно связана со степенью активнаго вниманія, которое мы ему посвящаемъ. Такъ, наприм., если вы хотите дать на бумагѣ рисунокъ какого-нибудь предмета, вы стараетесь, по возможности, точно передать каждую его линію; наоборотъ, если вы между дѣломъ набрасываете что-нибудь на бумагу, вы можете удѣлять очень мало вниманія вашему рисунку, въ то же время принимать участіе въ разговорѣ, слушать и отвѣчать самому.

Современная психо-физіологія съ несомнѣнностью освѣтила тотъ фактъ, что только незначительная часть психическихъ и въ частности волевыхъ процессовъ совершается путемъ сознательной работы. Большинство нашихъ движеній заучены путемъ опыта. Благодаря отшлифованнымъ путямъ мозга, въ сознаніи возникаетъ только общій планъ того или другого движенія, а частности его выполненія происходятъ уже безсознательнымъ путемъ, путемъ психическаго автоматизма, т.-е. дѣятельностью низшихъ психиче-

скихъ центровъ. Если вамъ нужно навѣстить знакомаго, живущаго отъ васъ черезъ три улицы, вы сознательно рѣшаете только общій планъ волевого акта совершить данное посѣщеніе, но вы не обдумываете вашего пути, не представляете себя стоящимъ на томъ или другомъ перекресткѣ и т. д. Точно также заученными, полусознательными и автоматичными представляется большинство профессіональныхъ движеній, та или другая работа, соединенная съ особыми навыками.

При нормальныхъ условіяхъ обще-мозговая дѣятельность управляетъ отдѣльными автоматическими аппаратами, при ослабленіи задерживающей дѣятельности мозга, послѣдніе могутъ получить перевѣсъ и тогда мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ *психическимъ автоматизмомъ*, когда больной совершаетъ рядъ актовъ, имѣющихъ внѣшнюю цѣлесообразность, но не провѣряемыхъ сознаніемъ.

Уже изъ этого краткаго психологическаго введенія вы видите, что душевная жизнь въ здоровомъ состояніи складывается изъ взаимодѣйствія двухъ силъ, дѣятельности отдѣльныхъ мозговыхъ центровъ, для которой я предложилъ названіе—*дифференціальной* дѣятельности мозга и *общей мозговой* дѣятельности сочетательнаго аппарата, или какъ я назвалъ ее въ одной изъ своихъ работъ, *интегральной мозговой дѣятельности* *).

Въ нормальной жизни между дробной (дифференціальною) и интегральной дѣятельностью существуетъ извѣстное равновѣсіе при общемъ преобладаніи обще-мозговой дѣятельности, которая, однако, значительно колеблется въ своихъ предѣлахъ. При нѣкоторыхъ формахъ разстройствъ душевной жизни это равновѣсіе грубо нарушается. Хотя всѣ отдѣльные мозговые центры находятся въ совершенномъ порядкѣ, но соподчиненіе ихъ, ихъ совмѣстная работа глубоко разстроена, причемъ, конечно, особенно сильно страдаетъ задерживающая и сочетательная дѣятельность мозга. Эти состоянія, гдѣ болѣзнь не вноситъ ничего новаго въ душевную сферу больного, а только вызываетъ другое распредѣленіе духовной энергіи, мы выдѣляемъ въ особую группу подъ именемъ *душевной слабости (психо-астеніи)*.

Если вы возьмете на себя трудъ просмотрѣть распространенныя психіатрическія руководства, вы не встрѣтите отдѣльной главы, носящей такое названіе. Правда, тѣ разстройства, которыя мы объединяемъ подъ общимъ названіемъ душевной слабости, хорошо извѣстны, но обыкновенно они описываются подъ различными рубриками психопатическихъ состояній, эпизодическаго бреда, неврастеническаго помѣшательства, импульсивнаго помѣшательства и т. д.

Новое, что мы имѣемъ въ виду въ ученіи объ этомъ предметѣ, касается не описанія болѣзни, а только ея толкованія, какъ одной болѣзненной группы, возникающей на почвѣ вырожденія и зависящей отъ разстройства взаимодѣйствія мѣстной и обще-мозговой дѣятельности.

---

*) „Интеллектуальныя функціи головного мозга“. *Неврол. Вѣстникъ* 1896 г.

Однако для того, чтобы доказать свой взглядъ на данныя разстройства, какъ на особую болѣзнь, я долженъ раньше ея описанія въ общихъ чертахъ указать ея отличія отъ обыкновенной раздражительной слабости нервной системы, не сопровождающейся психическимъ разстройствомъ.

Я думаю, что большинство людей, занятыхъ умственной работой и живущихъ въ городѣ, по собственному опыту болѣе или менѣе знакомы съ раздражительной слабостью нервной системы — *неврастеніей*. Дѣйствительно, кто, за исключеніемъ лицъ съ особенно хорошимъ физическимъ здоровьемъ, не страдаетъ по временамъ головной болью, иногда безсонницей, разсѣянностью, легкой утомляемостью? Однако въ большинствѣ случаевъ эти разстройства не достигаютъ высокой степени: достаточно короткаго отдыха, чтобы больной справился со своими непріятными ощущеніями и опять принялся за работу. Никакихъ серьезныхъ душевныхъ и нервныхъ страданій на этой почвѣ у людей, необремененныхъ наслѣдственно и не представляющихъ признаковъ вырожденія, обыкновенно не развивается. Въ большинствѣ случаевъ у лицъ, необремененныхъ наслѣдственностью, неврастенія является пріобрѣтенной и излѣчимой болѣзнью. Измѣните къ лучшему условія работы, дайте больному отдыхъ, и вы опять сдѣлаете его здоровымъ.

Рядомъ съ этой категоріей излѣчимой и пріобрѣтенной неврастеніи существуютъ другія формы раздражительной слабости нервной системы, которыя съ перваго взгляда нѣсколько напоминаютъ обыкновенную неврастенію,—но при ближайшемъ знакомствѣ съ такими больными вы быстро подмѣтите характерныя особенности. Слабость нервной системы здѣсь преимущественно выражается тѣми или другими *душевными разстройствами*, которыя ясно преобладаютъ въ картинѣ болѣзни. Ко всѣмъ другимъ признакамъ, свойственнымъ вообще неврастеніи, здѣсь присоединяются тяжелые признаки *душевной слабости (психо-астеніи)*.

Съ цѣлью сразу ввести васъ въ содержаніе предмета, я приведу нѣкоторыя сравненія между обычными неврастеническими разстройствами и тяжелыми симптомами душевной слабости.

Вѣроятно, большинству изъ васъ знакомы по опыту разсѣянность и забывчивость, которая въ небольшой степени наблюдается и въ здоровомъ состояніи и особенно сильно выражена при неврастеніи. Однако, разсѣянность неврастеника, хотя и причиняетъ ему иногда нѣкоторыя непріятности, но не ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Иногда онъ забудетъ наклеить на письмо марку, случайно не возьметъ съ собой нужную ему вещь, уже значительно рѣже онъ ошибется улицей или домомъ и скоро хватится своей ошибки.

Другое выраженіе приметъ разсѣянность при душевной слабости: больной неожиданно для самого себя очутится въ другомъ городѣ, не зная какъ онъ туда попалъ, или съ удивленіемъ увидитъ свою подпись подъ документомъ, которую онъ сознательно никогда бы не поставилъ.

Точно также, раздражительность свойственна многимъ психически здо-

ровымъ людямъ; однако, она не дойдетъ до крайнихъ проявленій гнѣва, не заставитъ броситься съ оружіемъ, не заставитъ совершить преступленія. Душевно-слабый больной, напротивъ, очень легко доходитъ до крайняго аффекта и, при этомъ, иногда самъ не помнитъ совершеннаго имъ насилія.

Позволю себѣ привести еще одинъ примѣръ. Очень многимъ неврастеникамъ свойственно нѣсколько подозрительное отношеніе къ людямъ, но, въ случаѣ чистой неврастеніи, оно не достигаетъ степени бреда. На почвѣ душевной слабости, у психоастеника очень легко развиваются преходящія бредовыя вспышки.

Я долженъ особенно отмѣтить, что, кромѣ этихъ преходящихъ душевныхъ разстройствъ, психоастеники представляютъ только незначительныя душевныя аномаліи, и на не-спеціалиста производятъ впечатлѣніе хотя, можетъ быть, и странныхъ, но въ общемъ здоровыхъ людей. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, это впечатлѣніе невѣрно.

Намъ достаточно приведенныхъ сравненій и параллелей для того, чтобы выяснить въ общихъ чертахъ, какую форму мы понимаемъ подъ душевной слабостью. Это больные, представляющіе, кромѣ физическихъ жалобъ неврастеника, еще *значительно выраженныя разстройства душевной* дѣятельности, которыя при этомъ окрашиваютъ собою всю картину болѣзни.

Такимъ образомъ, сильное участіе психической сферы отличаетъ душевную слабость отъ обычной пріобрѣтенной неврастеніи.

Посмотримъ теперь, нѣтъ ли какихъ-нибудь причинныхъ моментовъ, которые способствуютъ различію обѣихъ болѣзней? Такой причинный моментъ состоитъ въ *наслѣдственности и вырожденіи.*

Какъ мы говорили уже, чистая неврастенія является пріобрѣтенной болѣзнью, и если неврастеника легко сдѣлать здоровымъ, то, и наоборотъ, здоровому легко сдѣлаться неврастеникомъ.

Совершенно другое дѣло при душевной слабости. Тщательное изслѣдованіе такихъ больныхъ обыкновенно открываетъ какія-нибудь аномаліи душевной сферы, наступившія очень рано, часто съ дѣтства. При физическомъ осмотрѣ опытный врачъ легко отмѣтитъ какіе-нибудь недостатки физическаго развитія, или, какъ мы выражаемся, на нашемъ спеціальномъ языкѣ—*признаки вырожденія*, неправильное развитіе черепа, аномаліи въ посадкѣ зубовъ, несимметричное строеніе скелета, неравномѣрное развитіе конечностей и ушей, сосудистыя пятна на тѣлѣ. Эти признаки, можетъ быть, покажутся незаслуживающими вниманія и мелочными на глазъ не-спеціалиста, но они получаютъ совершенно другое значеніе при спеціальной оцѣнкѣ и сопоставленіи душевныхъ и физическихъ недостатковъ.

Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ вырожденія—психо-астенія является сравнительно мягкой и меньше другихъ кладетъ болѣзненныя клейма на физическій организмъ больного.

Болѣе точные разспросы обыкновенно выясняетъ болѣе или менѣе тяжелую наслѣдственность, въ формѣ тѣхъ или другихъ вырождающихъ мо-

ментовъ со стороны производителей ближайшихъ или отдаленныхъ—нервныя и душевныя страданія, хроническія отравленія, чаще всего алкоголизмъ, хроническія зараженія—туберкулезъ и сифилисъ.

Кромѣ этихъ моментовъ, общихъ для всѣхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, очень часто у родителей психо-астениковъ отмѣчается только легкая степень вырожденія или въ формѣ какихъ-нибудь странностей, особыхъ склонностей, односторонняго дарованія, неуравновѣшенности характера, болѣзненныхъ влеченій, т.-е. въ концѣ-концовъ та же самая психоастенія, но въ другомъ клиническомъ выраженіи и другой степени.

Итакъ, психическія формы раздражительной слабости нервной системы могутъ быть выдѣлены *въ особую группу какъ по своимъ признакамъ, такъ и по своимъ причиннымъ моментамъ — преобладанію психическихъ разстройствъ въ клинической картинѣ и наслѣдственному обремененію, какъ причинѣ болѣзни.*

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я позволю себѣ перейти къ послѣдовательному описанію психо-астеніи, какъ формы болѣзни.

Здѣсь, какъ и въ большинствѣ душевныхъ болѣзней на почвѣ вырожденія, приходится различать *стойкія* и *припадочныя* душевныя разстройства. Первыя составляютъ постоянный признакъ болѣзни, вторыя появляются время отъ времени и могутъ принимать различную форму у различныхъ больныхъ.

Стойкія психическія измѣненія прежде всего сказываются въ характерѣ и настроеніи психо-астениковъ. Общимъ свойствомъ каждаго вырожденнаго (дегенеративнаго) характера—будетъ ли это падучная, истерическая или психо-астеническая дегенерація—служатъ большая неуравновѣшенность и быстрая смѣна настроеній. Въ то время какъ въ истерическій характеръ типичною чертою входитъ истерическое самолюбіе, въ падучный—большое самомнѣніе и показная религіозность,—астеническій типъ опредѣляется преимущественно угнетеннымъ настроеніемъ, склонностью ко всевозможнымъ сомнѣніямъ, къ мелочности, иногда къ ипохондрическимъ идеямъ. Въ противоположность истеричкамъ, психо-астеники часто стараются скрыть свои болѣзненныя проявленія, которыя выясняются только ближайшимъ наблюденіемъ такихъ больныхъ.

Особенно замѣтна склонность ко всевозможнымъ самообвиненіямъ; преимущественно, астеники упрекаютъ себя въ томъ, что въ то или другое время они не проявили желательной твердости характера. Одинъ изъ моихъ больныхъ психо-астениковъ, которому теперь 30 л., 19 л. отъ роду имѣлъ столкновеніе съ братомъ по какимъ-то денежнымъ разсчетамъ, которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были улажены. Однако, въ теченіе всѣхъ 11 л. съ поразительною яркостью время отъ времени всплываетъ въ его памяти эта сцена спора, причемъ больной произноситъ цѣлые монологи, которые онъ долженъ былъ бы сказать и не сказалъ. Эти воспоминанія сопровождаются довольно сильной тоской. Подобные же случаи описываются и другими клиницистами.

Мы сейчасъ упоминали о быстрой смѣнѣ настроеній, какъ признакѣ дегенеративнаго характера. У астениковъ эта неуравновѣшенность выражается преимущественно *склонностью къ аффекту тоски*. Тоска наступаетъ или безъ всякой видимой причины, или по ничтожнымъ поводамъ: какое-нибудь маленькое затрудненіе, наприм., необходимость съ кѣмъ-нибудь повидаться, выбрать какую-нибудь вещь въ магазинѣ, вообще принять какое-нибудь опредѣленное, хотя бы по существу и не важное рѣшеніе, сейчасъ же сопровождается тоскливою вспышкой, которой предшествуютъ длительныя колебанія и сомнѣнія и за которой слѣдуетъ задержка всѣхъ психическихъ процессовъ, разстройство вниманія, неспособность къ работѣ. Сравнительно рѣже, чѣмъ тоскливыя вспышки, наступаютъ состоянія мимолетнаго возбужденія, иногда экстаза. Напримѣръ, получивъ какое-нибудь пріятное извѣстіе, достигнувъ какого-нибудь незначительнаго успѣха, даже просто чѣмъ-нибудь заинтересовавшись, астеникъ спѣшитъ подѣлиться своей радостью, причемъ степень его одушевленія не всегда соотвѣтствуетъ значенію событія. Но обыкновенно даже и среди повышеннаго самочувствія гдѣ-то въ глубинѣ душевной сферы просыпаются непріятныя воспоминанія, которыя отравляютъ веселые моменты. Общій взглядъ и на свое прошлое и въ особенности на будущее довольно безрадостный, или въ другихъ случаяхъ очень неустойчивый съ рѣзкими переходами отъ необоснованнаго страха къ легкомысленнымъ надеждамъ.

Умственная сфера при психо-астеніи всегда болѣе или менѣе поражается; въ случаяхъ съ тяжелой дегенеративной почвой, можетъ быть паденіе интеллекта до степени легкаго слабоумія; въ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть даже и большія дарованія, однако, одностороннія.

Постояннымъ характернымъ признакомъ психо-астеніи служитъ *слабость дѣятельнаго вниманія*. Такой больной только съ большимъ трудомъ можетъ сосредоточиться на какой-нибудь работѣ, постоянно въ головѣ его возникаютъ постороннія мысли, особенно часто какія-нибудь непріятныя воспоминанія, сопровождаемыя упреками и самообвиненіями. Творческая способность, неразрывно связанная съ дѣятельнымъ вниманіемъ, у такихъ больныхъ очень ограничена, по крайней мѣрѣ, въ періодахъ ухудшенія болѣзни. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, психо-астеники могутъ проявлять и довольно значительное творчество.

Сознаніе, кромѣ случаевъ рѣзкаго ухудшенія болѣзни, вообще остается яснымъ. Больные вполнѣ понимаютъ свое положеніе и свою болѣзнь, хотя, можетъ быть, и односторонне оцѣниваютъ окружающее и поступки другихъ людей.

Послѣднее зависитъ отъ сильно измѣненной *душевной чувствительности*. Очень сильно отвѣчая на всякія внѣшнія раздраженія, такіе больные очень обидчивы и часто пристрастны въ оцѣнкѣ другихъ, видя оскорбленія въ безразличныхъ поступкахъ; въ исключительныхъ случаяхъ эта подозрительность доходитъ до степени бреда.

Несмотря на ясное сознаніе и сохраненную умственную дѣятельность,

такой больной очень плохо справляется со своими мыслями. Кромѣ отмѣченнаго нами разстройства вниманія, разстройство самообладанія особенно зависитъ отъ того, что нѣкоторыя опредѣленныя представленія у такихъ больныхъ получаютъ особую силу и овладѣваютъ всей сознательной сферой.

На этой почвѣ возникаютъ *навязчивыя идеи,* которыя собственно представляютъ осложненія болѣзни.

Характеръ навязчивыхъ идей чрезвычайно разнообразный; въ общемъ онѣ соединяются со страхомъ и тоскою, съ ожиданіемъ какого-нибудь несчастья, или съ какими-нибудь неудержимыми дѣйствіями; рѣже онѣ принимаютъ характеръ необходимости какого-нибудь разслѣдованія, всегда мелочного, не имѣющаго значенія. Одной изъ самыхъ обыкновенныхъ навязчивыхъ идей служитъ боязнь покраснѣть, боязнь не вò-время улыбнуться или засмѣяться, боязь увлажненія руки при рукопожатіи. Въ такой элементарной формѣ эти разстройства встрѣчаются и у здоровыхъ, но застѣнчивыхъ людей. Разъ онѣ достигаютъ такой степени, что неудержимо господствуютъ въ сознаніи и влекутъ за собою чувство глубокаго страха, тоски и угнетенія, то онѣ уже дѣлаются психо-астеническими симптомами.

Изъ всевозможныхъ «фобій» самая распространенная — боязнь открытыхъ пространствъ и боязнь высотъ. Переходя площадь, больной чувствуетъ непреодолимый страхъ, что съ нимъ что-нибудь случится, у него подкосятся ноги, онъ упадетъ, его задавятъ. Это агорофобія.

Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ навязчивыя идеи принимаютъ форму неудержимыхъ влеченій,—наприм., сильное желаніе обругать или ударить кого-нибудь. Одинъ изъ моихъ больныхъ, хозяинъ магазина, испытывалъ неудержимое влеченіе ругать всѣхъ заказчиковъ, которые къ нему обращались; онъ могъ удерживаться, но ему казалось, что всѣ знаютъ его мысли, и на этой почвѣ у него развивался тяжелый страхъ и угнетеніе.

Какъ вы видите, въ этомъ примѣрѣ въ навязчивыхъ идеяхъ уже намѣчалось ядро бреда.

Въ другихъ случаяхъ навязчивая идея не сопровождается неудержимымъ влеченіемъ, но зато у больного возникаетъ тяжелый страхъ тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою осуществленіе его желанія.

«Что будетъ, если я толкну съ моста встрѣтившагося мнѣ человѣка», «что будетъ, если я ударю въ церкви священника», «что будетъ, если я забуду надѣть платье» и т. д.

Наконецъ, послѣдняя категорія навязчивыхъ идей сопровождается какими-нибудь мелочными изслѣдованіями. *Маньянъ* сообщаетъ о больномъ, который, съѣвши 20 вишенъ не досчитался на блюдцѣ одной косточки. Эта косточка искалась цѣлый день по всему дому и на другой день была найдена въ совершенно неожиданномъ мѣстѣ. Всѣ эти поиски сопровождались тоской и тяжелымъ страхомъ. *Бальярже* сообщаетъ о другомъ случаѣ, гдѣ больному требовалось непремѣнно знать—хороша ли собою встрѣтившаяся ему женщина. Настойчивость этого вопроса была такъ велика, что больной рѣшилъ не смотрѣть на встрѣчающихся женщинъ, онъ ѣздилъ съ про-

вожатымъ, который долженъ былъ каждый разъ брать на себя опредѣленіе этого вопроса.

Иногда навязчивыя идеи направляются на рѣшеніе конечныхъ вопросовъ, наприм., о свойствахъ Божества, о началѣ вселенной, объ источникѣ силы, о происхожденіи матеріи. Эта разновидность была давно уже извѣстна французскимъ психіатрамъ подъ именемъ помѣшательства сомнѣній (Folie du doute).

Если навязчивыя идеи достигаютъ особенно сильной степени развитія, то онѣ переходятъ въ *неудержимыя влеченія,* такъ называемое «импульсивное помѣшательство». На самомъ дѣлѣ оно не представляетъ особой формы болѣзни, а только разновидность той же психо-астеніи. Особаго вниманія заслуживаютъ *влеченія, опасныя для окружающихъ,* напримѣръ, стремленіе къ поджогу, къ воровству, иногда къ убійству, притомъ безъ полнаго омраченія сознанія. Часто такія влеченія сопровождаются тоскливымъ состояніемъ.

Я позволилъ бы себѣ отнести къ той же группѣ душевной слабости и періодическое неудержимое влеченіе къ вину—*запой,* дипсоманію.

Обыкновенно запойный приступъ также сопровождается тяжелою тоскою, чувствомъ неудовлетворительности, какимъ-то смутнымъ безпокойствомъ, которыя потомъ переходятъ въ неудержимое влеченіе къ алкоголю. Удовлетвореніе влеченія быстро успокаиваетъ больного. На природу запоя были высказаны разные взгляды: одни авторы видятъ въ немъ только настойчивую потребность въ ядѣ, другіе — скрытое тоскливое помѣшательство (меланхолію), третьи, какъ *Крепелинъ* скрытую падучую болѣзнь.

По нашему мнѣнію, запой, какъ и другія неудержимыя влеченія, всецѣло относится къ большой группѣ психо-астеническаго вырожденія. Основаніе для такого взгляда я вижу въ междуприпадочномъ состояніи запойныхъ пьяницъ, гдѣ при ясномъ сознаніи замѣтны большія разстройства воли и тяжелая душевная слабость. Самый запойный припадокъ, начинаясь тяжелой тоской и кончаясь неудержимымъ влеченіемъ, совершенно подходитъ къ психо-астенической картинѣ, гдѣ основа болѣзни выражается угнетеніемъ настроенія и болѣзненными волевыми актами.

До сихъ поръ мы говорили о между-припадочномъ состояніи психо-астениковъ и одиночныхъ душевныхъ разстройствъ.

На той же почвѣ могутъ возникать болѣе длительныя измѣненія душевной сферы. Сюда прежде всего относятся *кратковременныя бредовыя вспышки вырожденныхъ* — эпизодическій бредъ дегенерантовъ *Маньяна,* по крайней мѣрѣ, нѣкоторые случаи этой болѣзни.

Поводомъ для развитія вспышки могутъ служить или угнетенное настроеніе астеника съ его вѣчными вопросами и сомнѣніями или насильственныя идеи. Ближайшею причиной бреда всегда служитъ стремленіе больного такъ или иначе объяснить переживаемыя имъ непріятныя ощущенія. Наприм., у больного явится идея, что его непріятности зависятъ отъ нерасположенія къ нему тѣхъ или другихъ лицъ.

Изъ обыкновенной для такихъ больныхъ подозрительности легко можетъ развиться переходящій бредъ преслѣдованія. Въ общемъ, такія эпизодическія вспышки характеризуются кратковременнымъ теченіемъ, сохраненіемъ сознанія, быстрой систематизаціей бреда и быстрымъ разъясненіемъ. Обмановъ чувствъ или совсѣмъ не бываетъ или они слабо выражены.

Болѣе рѣдкимъ осложненіемъ психо-астеніи служатъ переходящія *омраченія сознанія*.

Въ общемъ онѣ протекаютъ по слѣдующей картинѣ. Значительное наслѣдственное обремененіе, которое въ между-припадочномъ состояніи выражается извѣстными странностями, склонностью къ аффектамъ, но не мѣшаетъ больному вести самостоятельную жизнь и занимать то или другое положеніе. Обыкновенно его считаютъ здоровымъ.

По причинѣ, совершенно не ясной и для больного и для окружающихъ, съ нимъ случается что-то странное. Неожиданно онъ оставляетъ свои занятія, отправляется куда-нибудь на вокзалъ, попадаетъ въ чужой для него городъ, тамъ совершаетъ рядъ поступковъ, о которыхъ потомъ совершенно ничего не помнитъ, и такъ же внезапно приходитъ въ себя, какъ внезапно наступила утрата сознанія. Чаще всего подобныя «омраченія» соединяются съ неудержимымъ влеченіемъ къ странствованію. Эти состоянія извѣстны въ наукѣ подъ именемъ «бреда странствованія».

Прежде всѣ эти случаи относились къ падучей болѣзни. Вѣнскій профессоръ *Крафтъ-Эбингъ* первый показалъ, что такія же разстройства вполнѣ возможны у лицъ, обремененныхъ наслѣдственностью на почвѣ тяжелой психо-астеніи. Я съ своей стороны вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ *Крафтъ-Эбинга*. Это доказывается возможностью переходныхъ формъ, неудержимаго влеченія къ бѣгству съ полнымъ и не съ неполнымъ омраченіемъ сознанія. Описанъ, наприм., случай *(Шульце)*, гдѣ одинъ нѣмецъ-студентъ, отбывавшій воинскую повинность, совершенно неожиданно уѣхалъ въ Америку, откуда переписывался со своими родственниками, жаловался на тоску по роднымъ, но возвратившись совершенно не могъ сказать, какъ все это случилось, что̀ его побудило бѣжать, какъ онъ рѣшился подвергнуть себя тяжелой отвѣтственности за самовольное оставленіе строя и т. д.

Авторъ этого описанія относитъ его къ падучей болѣзни; по нашему мнѣнію, это—астеническое омраченіе.

Наконецъ, къ этой же категоріи неполныхъ астеническихъ омраченій сознанія относятся случаи бѣгства подростковъ изъ школы. Они не имѣютъ ничего общаго съ падучей болѣзнью. Появленіе такихъ переходящихъ омраченій при истеріи и падучей болѣзни совершенно понятно, такъ какъ тамъ въ клиническую картину входятъ признаки перемежающихся раздраженій нервной системы, которые выражаются то судорожными припадками, то разстройствомъ сознанія. Въ падучный судорожный приступъ омраченіе сознанія входитъ какъ постоянная составная часть. Гораздо труднѣе объяснить подобныя вспышки у психо-астениковъ, гдѣ нѣтъ такихъ перемежающихся раздраженій и судорожныхъ припадковъ.

Для объясненія такихъ состояній мы должны воспользоваться методомъ *психологическаго параллелизма,* т.-е. вывести эти разстройства изъ условій душевной жизни въ здоровомъ состояніи.

Извѣстное сближеніе съ астеническимъ омраченіемъ допускаютъ состоянія разсѣянности и утомленія. Представьте, что вы должны съ утра взяться за какое-нибудь трудное дѣло, требующее напряженіе дѣятельнаго вниманія и воли, наприм., за работу съ какимъ-нибудь точнымъ инструментомъ: но ваше дѣло какъ-то не ладится, въ инструментѣ какіе-то безпорядки, онъ неправильно установленъ, сами вы разсѣянны. Вы дѣлаете усилія сосредоточиться на предметѣ занятій, но васъ развлекаютъ. Новыя попытки, новыя неудачи. Вы временно оставляете вашъ инструментъ, пробуете заняться другимъ. Чувство неудовлетворенности отъ первой неудачи разсѣиваетъ ваши мысли, не ладится и новое дѣло. Вы чувствуете, что вы потеряли утро, что вы не можете работать; другое занятіе у васъ можетъ быть только вечеромъ, теперь вы разсѣянны и неспособны сосредоточиться. Въ такомъ настроеніи, желая какъ-нибудь развязаться съ этой неудачей, вы торопитесь оставить это дѣло, и, можетъ быть, совершенно неожиданно для васъ вовсе не вѣ-время отправитесь гулять, или также не вѣ-время поѣдете къ вашимъ знакомымъ.

Конечно, отсюда далеко до астеническаго омраченія, но въ концѣ-концовъ эти явленія сходны. Астеникъ всегда страдаетъ разстройствомъ вниманія, всегда слаба его воля; чувство недовольства самимъ собою и другими у астеника развито очень сильно. При слабости душевныхъ задержекъ чувство недовольства легко можетъ перейти въ тоску, а желаніе разсѣяться—въ неудержимое влеченіе, въ цѣли котораго больной уже не отдаетъ себѣ отчета. Если вы прибавите сюда, что при тяжеломъ разстройствѣ вниманія сознаніе окружающаго можетъ быть неяснымъ, вы поймете *происхожденіе астеническаго транса изъ разстройства самообладанія.*

Если эти омраченія могутъ возникать сами собою безъ особенныхъ внѣшнихъ поводовъ, то еще легче подобныя состоянія временнаго омраченія сознанія могутъ наступить при значительномъ внѣшнемъ раздраженіи чувствующей сферы. Это такъ называемыя *состоянія аффекта.* Подъ этимъ именемъ мы понимаемъ внезапныя неудержимыя дѣйствія (волевые двигательные разряды), наступающіе послѣ сильныхъ раздраженій, наприм., подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва, сильнаго горя и т. д.

При извѣстныхъ весьма сильныхъ раздраженіяхъ, состояніе аффекта можетъ наступить и у здороваго. У астеника такіе аффекты наступаютъ очень легко при раздраженіяхъ сравнительно незначительныхъ, причемъ они могутъ сопровождаться неполнымъ пониманіемъ содѣяннаго.

Такіе аффекты въ большинствѣ случаевъ служатъ причиною преступности астениковъ. Мнѣ приходилось уже указывать прежде, что умственная сфера можетъ быть только незначительно затронутой.

Однако, если психо-астенія соединяется съ тяжелымъ вырожденіемъ, то она сопровождается легкой степенью слабоумія.

Это вовсе не то состояніе, которое обыкновенно понимается публикой подъ этимъ именемъ. Это всегда незначительное пониженіе умственныхъ силъ, выражающееся въ недостаткѣ творчества, въ слабой оригинальности, въ легкомъ подчиненіи чужому мнѣнію, въ слабой критикѣ, такъ сказать— въ общемъ пониженіи душевнаго типа.

Этимъ небольшимъ очеркомъ я ограничусь въ описаніи душевной слабости, какъ болѣзни, и перейду къ *значенію психо-астеніи въ искусствѣ и въ общественной жизни.*

II.

Переходя ко второй части нашей лекціи, я позволю себѣ небольшое поясненіе, почему въ научной, хотя и популярной, работѣ я обращаюсь къ анализу литературныхъ типовъ.

Для этого я могу выставить два соображенія. Съ одной стороны, яркія картины такого геніальнаго художника, какъ Достоевскій, типы котораго давно знакомы читающей публикѣ и, вѣроятно, для многихъ служили предметомъ размышленія, болѣе доступны для неспеціалистовъ, чѣмъ сухой, хотя и точный клиническій анализъ. Съ другой стороны, я рѣшаюсь вполнѣ увѣренно утверждать, что полное пониманіе типовъ Достоевскаго возможно только при помощи психіатрическаго освѣщенія.

Въ послѣднее время типы художественнаго творчества уже не разъ служили предметомъ научнаго изслѣдованія, и это стремленіе тѣхъ или другихъ спеціалистовъ науки встрѣчаетъ даже извѣстную оппозицію. Раздаются голоса, что созданія художника являются плодомъ его воображенія, что художественный типъ, какъ таковой, не доступенъ строгому научному изслѣдованію, что художественное творчество должно служить предметомъ эстетическаго наслажденія, а не предметомъ ученаго анализа. Въ этихъ словахъ есть доля истины, но я позволяю себѣ, однако, держаться нѣсколько другого взгляда. Художественное творчество есть всетаки проявленіе психической жизни, конечно, наиболѣе сложное, подчиненное множеству условій, лежащихъ въ личности художника и въ жизни общества. И жизнь личности, и жизнь общества подчиняются извѣстнымъ законамъ, правда, очень сложнымъ, но столь же роковымъ и неизбѣжнымъ, какъ и другія біологическія и психическія явленія. Далѣе, несомнѣнно, что художественные типы, какъ продуктъ творческаго воображенія, не должны служить для созданія какихъ-нибудь широкихъ обобщеній и психологическихъ теорій. Но, съ другой стороны, созданный художникомъ типъ можетъ вполнѣ подлежать психологическому анализу. Если въ силу тѣхъ или другихъ условій художникъ создаетъ типы болѣзненные, то, конечно, приложеніе психіатрическаго метода вполнѣ допустимо, не съ цѣлью изслѣдованія научныхъ вопросовъ, не для рѣшенія основныхъ психіатрическихъ задачъ, *но съ прикладною цѣлью разъясненія даннаго художественнаго типа.* Въ этомъ смыслѣ я считаю себя въ правѣ приложить методъ точнаго научнаго анализа не къ живому лицу, а къ созданію художника.

Съ цѣлью привести примѣръ художественнаго изображенія душевной слабости, я остановлюсь на типѣ Раскольникова изъ «Преступленія и наказанія». Большой психіатрическій интересъ этого произведенія доказывается уже тѣмъ, что на его анализѣ останавливались и раньше и русскіе, и иностранные психіатры. Если вы припомните художественное изображеніе этого типа, данное Достоевскимъ, вы согласитесь со мною, что, судя по внѣшнимъ поступкамъ Раскольникова, этотъ человѣкъ, какъ бы весь сотканъ изъ ряда непримиримыхъ противорѣчій.

Дѣйствительно, онъ убиваетъ съ цѣлью грабежа и, ни копейкой не пользуясь изъ награбленнаго, отдаетъ послѣднія деньги вдовѣ убитаго чиновника; онъ, убѣжденный преступникъ-теоретикъ, знакомый и съ юридическими, и общественными, и философскими понятіями, въ концѣ-концовъ подчиняется вліянію педалекой и неразвитой дѣвушки, и, противъ своего убѣжденія, приноситъ покаяніе въ убійствѣ старухи, которой онъ не считаетъ даже за человѣка. Дошедшій до такого крайняго проявленія эгоизма, какъ убійство съ своекорыстными цѣлями, онъ живо сочувствуетъ горю и страданію другихъ,—и проявляетъ не только любовь къ людямъ, но и самопожертвованіе. Съ цѣлью объяснить эти противорѣчія я начну съ его главнаго акта—съ анализа его преступленія.

Какъ вы помните изъ романа, Раскольниковъ, рѣшаясь на преступленіе, исходитъ изъ той идеи, что извѣстный классъ людей для достиженія своихъ возвышенныхъ плановъ, въ правѣ пренебрегать тѣми нравственными требованіями, которыя ставитъ общество къ своимъ членамъ; *герои, стремясь къ своей цѣли, въ правѣ шагать черезъ всѣ препятствія и давить толпу.* Онъ, Раскольниковъ, также имѣетъ высшія цѣли, поэтому онъ въ правѣ убить старуху-ростовщицу, которая дѣлаетъ только зло; поступая такъ и нарушая правила обычной нравственности, онъ является не преступникомъ, а героемъ.

По существу, конечно, эта идея является совершенной нелѣпостью. Въ обоснованіи ея упущено существованіе органической связи между всѣми членами общества, упущено образованіе общественнаго кодекса путемъ поступательнаго развитія на почвѣ взаимодѣйствія и соглашенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ психическихъ организацій, наконецъ, не оцѣнены основныя душевныя свойства человѣка, гдѣ путемъ постояннаго унаслѣдованія развились извѣстныя альтруистическія чувства, которыя не могутъ быть, конечно, устранены никакой отвлеченной идеей.

Насъ, однако, эта идея Раскольникова интересуетъ не со стороны ея научной доказательности, а со стороны его отношенія къ ней.

Наведенный на эти мысли личною нуждою и тяжелыми обстоятельствами, переживаемыми его близкими, онъ приковывается къ своей идеѣ, которая быстро становится навязчивой. Вмѣстѣ съ этимъ появляется почти насильственное влеченіе—пойти и убить старуху. Къ этой идеѣ уже быстро примѣшиваются бредовые элементы. До преступленія они еще недостаточно ярки, онъ самъ не ясно опредѣляетъ, что влечетъ его къ пре-

ступленію, они, однако, вполнѣ разъясняются, когда онъ впослѣдствіи старается дать себѣ отчетъ въ совершенномъ. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ впослѣдствіи Сонѣ: «...и не деньги, главное, нужны мнѣ были... не столько деньги, какъ другое... я это все теперь знаю... Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, *вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу?... Тварь ли я дрожащая, или право имѣю»?*

Изъ этихъ словъ совершенно ясно, что стремленіе къ убійству имѣло своею основой—желаніе провѣрить на самомъ себѣ свою бредовую идею.

Такимъ образомъ, въ примѣрѣ Раскольникова вы видите, какъ навязчивая идея, съ одной стороны, переходитъ въ неудержимое влеченіе (импульсивное дѣйствіе), какъ съ другой—та же навязчивая идея служитъ источникомъ идеи бреда. Рѣшаясь на преступленіе, онъ испытываетъ тяжелыя колебанія; когда онъ ради предварительнаго опыта идетъ на квартиру старухи, онъ ощущаетъ почти физическое отвращеніе.

Чуть ли не рѣшающимъ служитъ одно случайное и совершенно ничтожное обстоятельство. Во время своихъ безцѣльныхъ скитаній предъ убійствомъ, переживая тяжелыя сомнѣнія, онъ случайно заходитъ въ трактиръ, гдѣ слышитъ разговоръ двухъ посѣтителей на занимающую его тему. Они именно говорятъ, что жизнь этой старухи-ростовщицы представляетъ ничтожную цѣнность, что безъ грѣха можно покуситься на ея убійство. «Этотъ ничтожный трактирный разговоръ имѣлъ чрезвычайное на него вліяніе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла: какъ будто, дѣйствительно, было тутъ какое-то предопредѣленіе, указаніе».

Также случайно онъ узнаетъ, что сестры ростовщицы въ этотъ день не будетъ дома, и рѣшимость его вполнѣ крѣпнетъ и созрѣваетъ, хотя онъ совершаетъ убійство преднамѣренно и съ сознаніемъ содѣяннаго, однако, активно-внимательная дѣятельность его глубоко разстроена. Тотчасъ послѣ убійства онъ начинаетъ вытирать руки о красную покрышку заложенной шубы, причемъ руководится неясной мыслью о томъ, что на красномъ не будетъ видно крови. Здѣсь, очевидно, яркое зрительное ощущеніе подаетъ поводъ къ полусознательному дѣйствію. Далѣе онъ автоматически набиваетъ карманы закладами и не размышляя, по рефлексу, совершаетъ второе убійство сестры закладчицы. Приступая къ грабежу, онъ забываетъ принять самыя простыя мѣры предосторожности—запереть за собою дверь, хотя онъ самъ могъ убѣдиться, что въ квартиру могутъ войти. Случайно не попавшись на мѣстѣ убійства, онъ механически сумѣлъ избѣжать опасныхъ встрѣчъ, но въ то же время совершенно безъ надобности несетъ назадъ топоръ къ дворнику, причемъ, какъ указываетъ художникъ, «спроси его дворникъ, что надо, онъ прямо бы отдалъ топоръ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что убійство было совершено подъ вліяніемъ навязчивой идеи и неудержимаго влеченія, осложненнаго бредовымъ элементомъ, причемъ въ актѣ убійства значительную роль играли автоматическія дѣйствія.

Его состояніе послѣ возвращенія домой близко къ спутанности сознанія, при значительномъ преобладаніи психическихъ рефлексовъ надъ активно-внимательной дѣятельностью. Онъ вытаскиваетъ изъ кармановъ награбленныя вещи, прячетъ ихъ въ щель между обоями и оставляетъ при себѣ важную улику—петлю отъ топора. Затѣмъ силы его совершенно истощаются, и онъ въ изнеможеніи засыпаетъ. Это состояніе тяжелой душевной усталости кончается обморокомъ въ полицейскомъ участкѣ. Желая скрыть улики, онъ начинаетъ безцѣльныя странствованія, разсчитывая куда-нибудь дѣть похищенныя вещи и опять-таки случайно подсовываетъ ихъ подъ камень, который бросается ему въ глаза. Здѣсь полусознательная дѣятельность безъ плана въ силу психическихъ рефлексовъ подъ вліяніемъ одной идеи, какъ-нибудь развязаться съ уликами. Это состояніе вновь заканчивается уже полною спутанностью сознанія, бредомъ и галлюцинаціями въ теченіе нѣсколькихъ дней, т.-е. наступаетъ преходящій острый психозъ, который у вырожденныхъ лицъ обыкновенно отличается неполнымъ (абортивнымъ) теченіемъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія мы можемъ отмѣтить у Раскольникова тѣ же навязчивыя идеи и неудержимыя влеченія, которыя опредѣляли начало его болѣзни. Разница въ томъ, что *одна навязчивая идея объ убійствѣ смѣнилась другою—о сокрытіи преступленія.* Подъ вліяніемъ послѣдней онъ совершаетъ рядъ проступковъ, которые, напротивъ, должны были возбудить противъ него очень сильныя подозрѣнія. Сюда относятся его разговоры съ полицейскимъ чиновникомъ о томъ, какъ бы онъ поступилъ, если бы онъ былъ убійцей, сюда же относятся его очень рискованныя бесѣды со слѣдственнымъ приставомъ. Здѣсь мы должны отмѣтить одну психологическую особенность, чрезвычайно тонко подмѣченную художникомъ. Объясняясь со слѣдователемъ и Заметовымъ, больной нѣсколько разъ почти выдаетъ себя, постоянно возвращаясь къ разговору о происшедшемъ убійствѣ. Психологически это совершенно понятно: въ его сознаніи господствуетъ одна идея о сокрытіи преступленія, при значительномъ разстройствѣ самообладанія она, помимо его воли, получаетъ такое большое напряженіе, что само собою осуществляется въ двигательномъ волевомъ актѣ.

«...Страшное слово, какъ тогдашній затворъ въ двери, такъ и прыгало на его губахъ: вотъ-вотъ сорвется, вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить!—А что если это я старуху и Лизавету убилъ?—проговорилъ онъ вдругъ и опомнился».

Эти же неудержимыя влеченія заставляютъ его идти въ домъ, гдѣ совершено было убійство, звонить въ колокольчикъ въ квартирѣ убитой, подзывать дворниковъ отвести его въ полицію, т.-е. совершить рядъ поступковъ, которые находятся въ прямомъ противорѣчіи съ его самосознаніемъ и чувствомъ самосохраненія. Степень его сознательности въ это время близка къ частичному омраченію; онъ скитается по городу, самъ не зная зачѣмъ, и часто попадаетъ въ то или другое мѣсто неожиданно для

себя. Также неожиданно для себя, безъ опредѣленнаго плана, онъ попадаетъ на квартиру убитой.

Всѣ эти скитанія сопровождаются тоской и чувствомъ глубокаго душевнаго угнетенія; подъ вліяніемъ послѣдняго онъ то ищетъ самоубійства, то ходитъ къ Сонѣ, стараясь такъ или иначе разрѣшить гнетущіе его вопросы. Въ то же время крайне рѣзко выступаютъ аффекты. Видъ чиновника, задавленнаго лошадьми, возбуждаетъ въ немъ живое состраданіе, и онъ отдаетъ его женѣ свои послѣднія деньги. Его знакомство со Свидригайловымъ, имѣвшимъ дурныя цѣли относительно его сестры, также отразилось въ его больной душѣ появленіемъ новой навязчивой идеи, правда, зачаточно-выраженной. Свидригайловъ случайно подслушиваетъ его разсказъ Сонѣ о совершенномъ имъ убійствѣ и даетъ понять Раскольникову, что преступленіе ему извѣстно и что возможенъ исходъ изъ этого положенія. Идея объ отношеніяхъ со Свидригайловымъ также дѣлается навязчивой. Какъ говоритъ Достоевскій, Раскольниковъ часто неожиданно для себя оказывался гдѣ-нибудь за городомъ, въ полузабытьи, причемъ онъ думалъ, что здѣсь именно условлена была встрѣча со Свидригайловымъ.

Если мы вернемся къ его прошлому, то увидимъ еще одинъ болѣзненный симптомъ въ его любовной исторіи съ дочерью хозяина, болѣзненной и некрасивой дѣвушкой. Онъ самъ не знаетъ, была ли это любовь или «весенній бредъ». Однако, мать больного говоритъ, что онъ рѣшился бы на все для достиженія своей цѣли, хотя и не любилъ этой дѣвушки. Та же мать больного отмѣчаетъ, что уже съ 15-ти лѣтъ онъ отличался большой неуравновѣшенностью характера.

Сопоставляя все сказанное нами о типѣ Раскольникова, мы должны отмѣтить у него полную неуравновѣшенность настроенія, навязчивыя идеи и неудержимыя влеченія, переходящія бредовыя вспышки и омраченія сознанія, т.-е. всѣ признаки душевной слабости, отмѣченные нами въ первой части лекціи.

Какъ мы убѣдились въ нашемъ анализѣ, душевный типъ Раскольникова представляетъ образецъ довольно значительной душевной слабости. Кромѣ него, въ сочиненіяхъ Достоевскаго мы имѣемъ еще другіе психо-астеническіе типы; изъ нихъ наиболѣе яркіе представляютъ братья Иванъ и Димитрій Карамазовы. Я уже говорилъ объ нихъ въ одной изъ своихъ годичныхъ рѣчей въ Обществѣ Невропатологовъ *), и здѣсь только бѣгло отмѣчу, что Иванъ Карамазовъ представляетъ психо-астенію при сохраненной умственной дѣятельности, Димитрій вмѣстѣ съ этимъ отличается выраженнымъ слабоуміемъ въ легкой степени.

Я познакомилъ васъ, насколько это допускается рамками публичной лекціи, съ описаніемъ душевной слабости и привелъ примѣры ея отраже-

---

*) Типы вырожденія въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, Достоевскаго. Годичная рѣчь въ Общ. Невр. и Псих. Октябрь, 1899 г.

нія въ художественномъ творчествѣ. Потомъ мнѣ придется еще вернуться къ значенію болѣзненныхъ типовъ въ искусствѣ, а теперь я перейду къ *общественному значенію психо-астеніи.*

Уже по самому свойству болѣзни душевно-слабые люди должны часто приходить въ противорѣчіе съ закономъ, и, дѣйствительно, изъ примѣровъ, разобранныхъ нами, вы видите, Раскольниковъ и Димитрій Карамазовъ—преступники, Иванъ во всякомъ случаѣ близокъ къ преступленію.

Причиною преступности такихъ больныхъ чаще всего служитъ тяжелое разстройство самообладанія и очень часто—гнѣвныя вспышки, причемъ больной не можетъ удержать раздраженія, идущаго съ чувствующей сферы, и не дать перейти ему въ волевой двигательный актъ, часто имѣющій грозное значеніе. Сюда преимущественно относятся убійства и покушенія на убійства, дѣлаемыя такими больными. Намъ недавно пришлось наблюдать случай покушенія астенической дѣвушки на убійство своего жениха: ихъ свадьба разстроилась, и онъ хотѣлъ жениться на другой. Послѣ измѣны она впала въ тоскливое состояніе и хотѣла убить себя. Идя на прощальное свиданіе, она взяла съ собою револьверъ; при прощаніи неожиданно у нея явилась мысль, что несправедливо страдать ей одной,—она выстрѣлила въ жениха, но причинила ему только царапину. Подобныхъ случаевъ покушенія очень много приводится въ судебно-медицинской литературѣ. Рѣже даютъ поводъ къ преступленію навязчивыя идеи съ неудержимымъ влеченіемъ. На неспеціалиста они производятъ впечатлѣніе болѣе тяжкой преступности съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Кромѣ признаковъ психо-астеніи у преступника, указаніями на болѣзненный характеръ преступленія служитъ его безпричинность и безцѣльность. Состоянія болѣе длительнаго омраченія сознанія, конечно, также могутъ вести къ преступленію противъ уголовнаго кодекса. Признаками такого преступленія являются его полная внезапность и болѣе или менѣе длительный періодъ спутанности, наступающій послѣ совершенія акта.

По русскому законодательству преступленія, совершенныя въ состояніи болѣзненнаго аффекта и омраченія сознанія, подводятся подъ опредѣленіе безпамятства и умоизступленія и въ вину не вмѣняются. Съ правовой точки зрѣнія большую важность представляетъ вопросъ о состояніяхъ гнѣва и раздраженія—такъ называемомъ физіологическомъ аффектѣ, и болѣзненномъ безпамятствѣ—патологическомъ аффектѣ. Первый только уменьшаетъ вину, второй освобождаетъ отъ отвѣтственности. Рѣшающимъ моментомъ при разборѣ такого случая служитъ доказательство вырожденія и бывшей прежде психо-астеніи по перечисленнымъ нами выше признакамъ.

Душевная слабость, соединенная съ состояніемъ слабоумія, конечно, также должна освобождать отъ наказанія по состоянію болѣзненнаго аффекта, хотя слабоуміе само по себѣ по нашимъ законамъ только служитъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ. На практикѣ такіе случаи обыкновенно подводятся подъ состояніе безпамятства и умоизступленія.

Спорная юридическая точка зрѣнія можетъ быть на преступность въ силу насильственныхъ влеченій. Они, дѣйствительно, не удержимы, но больной всетаки долженъ сознавать свою ненормальность и своевременно принять мѣры къ предупрежденію несчастнаго случая, наприм., просить о помѣщеніи въ больницу. Къ счастью, преступленія подъ вліяніемъ насильственныхъ влеченій не такъ часты и соединяются съ слабоуміемъ,—значитъ, почти уничтожаютъ отвѣтственность.

Кромѣ этого судебно-медицинскаго значенія, душевная слабость въ разныхъ другихъ отношеніяхъ отзывается на общественной жизни. Дѣйствительно, въ то время какъ другіе душевно-больные представляютъ очень ясные признаки своей ненормальности, психо-астеники въ между-припадочномъ состояніи обладаютъ нормальными умственными способностями, не даютъ признаковъ душевной болѣзни, очевидныхъ съ перваго взгляда, и сходятъ за здоровыхъ людей, живущихъ полною общественною жизнью и вліяющихъ на жизнь общества. Между тѣмъ въ эту жизнь они вносятъ несомнѣнно больные элементы.

Прежде всего, это отражается на степени *активности даннаго* общества, на развитіи безразличнаго отношенія къ жизненнымъ запросамъ, паденіи общественныхъ идеаловъ и послѣдовательномъ развитіи пессимизма.

Многимъ, можетъ быть, покажется необоснованнымъ это утвержденіе. Дѣйствительно, какъ ослабленная воля отдѣльныхъ лицъ, несомнѣнно болѣзненныхъ, можетъ отзываться на всей коллективной работѣ? Но мы должны принять къ свѣдѣнію, что, во-первыхъ, общественная дѣятельность и общественная воля всетаки является зависимою величиною отъ личной воли и работоспособности; во-вторыхъ, что далеко не всегда психо-астенія представляетъ тѣ тяжелыя формы, съ которыми имѣетъ дѣло судебная власть и психіатрическая больница. Болѣе легкіе случаи этой болѣзни проходятъ незамѣченными, и, конечно, больная воля такихъ людей сказывается и на общей коллективной работѣ.

Условія, которыя способствуютъ развитію психо-астеніи, можно раздѣлить *на личныя и общественныя*.

Мы только бѣгло упомянемъ о первыхъ и постараемся подробнѣе освѣтить вторую категорію. Главнымъ личнымъ условіемъ душевной слабости прежде всего является *вырожденіе* во всѣхъ его формахъ; преимущественно имѣютъ всѣ шансы сдѣлаться астениками дѣти родителей, страдающихъ тѣмъ или другимъ психо-неврозомъ.

Второе личное условіе, въ значительной степени способствующее развитію болѣзни, лежитъ въ хроническихъ отравленіяхъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ алкоголю, потомъ другимъ привычнымъ ядамъ—морфію, кокаину и, въ значительной степени, табачному яду, при злоупотребленіи послѣднимъ. Привычные алкоголики, если не наживаютъ болѣе серьезнаго органическаго пораженія мозга или хроническаго психоза, почти всѣ представляютъ тяжелыя формы психо-астеніи.

Изъ общественныхъ условій, способствующихъ развитію душевной сла-

бости, одни лежатъ въ *экономической* жизни общества, другія въ *постановкѣ образованія* и, наконецъ, третьи не могутъ быть подведены подъ особую рубрику—они являются сложнымъ продуктомъ различныхъ вліяній; если опредѣлить ихъ однимъ словомъ, можетъ быть, короче всего назвать ихъ *общественнымъ настроеніемъ*.

Вліяніе экономическихъ условій, усиленныхъ поисковъ работы и недостаточности питанія понятно само собою. Если нужда и голодъ могутъ сломить и сильный организмъ, то, конечно, они усилятъ существующее психическое вырожденіе. Въ широкой публикѣ почему-то распространено мнѣніе, что общіе неврозы составляютъ удѣлъ болѣе обезпеченныхъ классовъ. Мы можемъ рѣшительно утверждать, что это совершенно невѣрный взглядъ.

Достаточно быть знакомымъ съ составомъ городскихъ больницъ или съ кліентурой попечительствъ о бѣдныхъ, для того чтобы убѣдиться въ значительномъ развитіи психо-невроза среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія, причемъ именно бѣдность и трудность жизни служатъ однимъ изъ причинныхъ моментовъ болѣзни.

Школа, и средняя, и высшая, по крайней мѣрѣ у предрасположенныхъ лицъ, точно также можетъ способствовать развитію душевной слабости. Причиной, по которой школа оказываетъ такое вредное вліяніе, служатъ разнообразныя условія. Изъ нихъ наиболѣе важными мы бы считали: 1) отсутствіе физическихъ упражненій; 2) развитіе пассивнаго вниманія въ ущербъ активному, и 3) очень слабая оцѣнка личныхъ особенностей учащихся. Значеніе перваго условія теперь общепризнано: и педагоги, и высшая администрація принимаютъ мѣры къ его устраненію. Что касается преобладающаго развитія пассивности, то его, по нашему мнѣнію, весьма недостаточно оцѣниваютъ. Здѣсь дѣло не столько въ измѣненіи программъ, сколько въ введеніи другихъ методовъ преподаванія, требующихъ болѣе активнаго отношенія ученика къ предмету. При существующихъ пріемахъ, когда отъ учащагося требуется усвоеніе памятью довольно значительнаго фактическаго матеріала, все равно, со словъ ли преподавателя или со страницъ учебника, *низшія стороны психической дѣятельности упражняются и развиваются въ ущербъ высшей*. Учащійся не переработываетъ сознательно путемъ активной дѣятельности, не убѣждается въ истинѣ путемъ доказательствъ и размышленія, а стремится только такъ или иначе исполнить обязательную работу, состоящую въ усвоеніи извѣстной суммы знаній, причемъ онъ вноситъ очень мало личнаго интереса и личной иниціативы.

Затѣмъ послѣднее и, по нашему мнѣнію, самое существенное вредное условіе лежитъ въ *недостаточной индивидуализаціи* учащихся. Дѣти школьнаго возраста также нерѣдко представляютъ задатки психо-астеніи, которые при благопріятныхъ условіяхъ могутъ сгладиться, и тогда такіе субъекты обѣщаютъ здоровое психическое развитіе; наоборотъ, при тяжелой воспитательной обстановкѣ признаки нервной неуравновѣшенности могутъ достигнуть пышнаго расцвѣта типичной душевной слабости. Въ общемъ дѣ-

тей школьнаго возраста съ задатками психо-астеніи мы могли бы раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ вмѣстѣ съ неуравновѣшеннымъ настроеніемъ представляютъ болѣе или менѣе значительную степень умственной отсталости, очень вялое активное вниманіе, весьма значительную аффективность. Они оказываютъ плохіе успѣхи и постоянно входятъ въ столкновенія съ учебными порядками. Другіе, напротивъ, при значительной неуравновѣшенности проявляютъ весьма живыя, часто выдающіяся способности. Дѣти первой категоріи мало удовлетворяютъ требованіямъ средней школы и неудобны для подготовки въ высшія учебныя заведенія. При послѣдовательномъ прохожденіи высшаго курса, астеническія черты ихъ характера значительно усиливаются; хотя иногда они и получаютъ соотвѣтственные дипломы, но не могутъ найти приложенія своимъ слабымъ силамъ, и для нихъ выгоднѣе среднее профессіональное, чисто практическое образованіе. Наоборотъ, аффективность и неуравновѣшенность настроенія при живыхъ способностяхъ не должны закрывать доступъ къ высшему образованію.

Въ каждомъ данномъ случаѣ школа и семья ученика должны рѣшить, что̀ препятствуетъ его успѣшности—дѣйствительно ли недостатокъ способностей, или другія условія. Рано захваченное астеническое состояніе при надлежащихъ врачебно-воспитательныхъ мѣрахъ доступно лѣченію.

Къ сожалѣнію, къ врачамъ обращаются обыкновенно слишкомъ поздно, испробовавши всѣ мѣры школьнаго и домашняго исправленія, иногда довольно суровыя.

По характеру нашей лекціи я не могу входить здѣсь въ спеціальныя подробности, замѣчу только, что часто своевременный отдыхъ или замѣна школьныхъ занятій домашними даже при короткомъ курсѣ чисто физическаго лѣченія бываетъ достаточно для того, чтобы значительно смягчить астеническіе симптомы, развиваемые школой.

Что касается высшей школы, то условія ея жизни несравненно сложнѣе. Кромѣ вредныхъ моментовъ, свойственныхъ средней школѣ, пассивности преподаванія и отсутствія физическихъ упражненій, на жизни студентовъ отзываются всѣ тѣ условія, которыя вообще способствуютъ развитію астеніи даннаго общества, и поэтому мы не будемъ подвергать ихъ спеціальному разсмотрѣнію, а перейдемъ вообще *къ вопросу о вліяніи общественнаго настроенія на развитіе душевной слабости.*

Само по себѣ появленіе типовъ вырожденія среди любого человѣческаго общества не представляетъ чего-либо случайнаго. Напротивъ, это роковая необходимость въ силу унаслѣдованія потомками признаковъ и особенностей производителей. Если уклоненія отъ нормальнаго типа достигнутъ особенно высокого развитія, то носители ихъ уже не могутъ произвести жизнеспособнаго потомства, и этимъ заканчивается процессъ дегенераціи. На промежуточныхъ степеняхъ упадка психическаго типа, наоборотъ, мы видимъ поступательное вырожденіе.

Естественный и половой отборъ, какъ единственные факторы эволюціи,

дѣйствуютъ съ механическою правильностью въ жизни животныхъ; въ жизни человѣка рядомъ съ этими чисто біологическими условіями получаютъ значеніе причины, которыя кроются въ самой жизни общества—*факторы соціальные и экономическіе*. Самая красивая женщина и самый сильный мужчина могутъ не оставить потомства и, наоборотъ, вырожденныя и слабыя личности могутъ получить перевѣсъ въ половомъ отборѣ, не въ силу физическихъ качествъ, а вслѣдствіе общественныхъ и экономическихъ условій. Это одинаково можетъ сказаться и на низшихъ и на высшихъ степеняхъ развитія общества, причемъ въ болѣе развитыхъ обществахъ вліяніе соціальныхъ условій должно быть сильнѣе.

Такимъ образомъ, въ органической жизни самого общества даны извѣстныя условія, которыя вмѣстѣ съ поступательнымъ развитіемъ типа, роковымъ образомъ вызываютъ вырожденіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ особей.

Кромѣ этихъ, по существу матеріальныхъ условій, есть еще нѣчто въ психической жизни общества, что также вліяетъ на типъ вырожденія. Извѣстное число лицъ въ силу особенностей проозводителей, въ силу матеріальныхъ и экономическихъ условій общественной жизни происходитъ на свѣтъ уже обремененными предрасположеніемъ къ неврозу, на форму котораго оказываютъ извѣстное вліяніе причинные моменты, лежащіе въ *психической жизни общественнаго организма*, какъ бы ихъ ни назвали—*духомъ эпохи или общественнымъ настроеніемъ*. Понятно, само собою, что психическія условія общественнаго настроенія не могутъ существенно вліять на органическое вырожденіе, которое скажется въ падучей болѣзни, въ прогрессивномъ параличѣ или другихъ формахъ съ несомнѣнной и опредѣленной органической основой.

Напротивъ, на формы функціональнаго психо-невроза ихъ вліяніе вполнѣ понятно. Наибольшее вліяніе общественное настроеніе оказываетъ на двѣ формы психо-невроза: *истерію и психо-астенію или душевную слабость*. Я впередъ оговариваюсь, что о сколько-нибудь точныхъ доказательствахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; самое большое, что возможно, это провести нѣкоторыя параллели и сближенія.

Конечно, далеко не въ видѣ точнаго закона, а только въ формѣ нѣкотораго обобщенія, которое само собой напрашивается, при болѣе широкой постановкѣ нашего вопроса, я позволю себѣ высказать мысль, что въ извѣстные періоды сильнѣе развиты психическія формы истеріи, въ другіе преобладаетъ психо-астенія; понятно само собою, что существованіе одного невроза не исключаетъ другого; дѣло идетъ только о степени распространенія, такъ сказать, объ эпидемической формѣ невроза. Низкая культура, сильное развитіе религіознаго, притомъ таинственнаго культа, вообще развитіе массоваго мистическаго влеченія, даже и при высокой культурѣ, болѣе способствуютъ развитію истеріи.

Наоборотъ, напряженная экономическая борьба, высокое промышленное развитіе, духъ скептицизма въ вѣрованіяхъ, высокая научная критика

колебанія въ общественныхъ идеалахъ, неопредѣленность и сомнѣнія въ жизненныхъ задачахъ—болѣе способствуютъ развитію психо-астеніи.

Попрошу васъ разсмотрѣть вмѣстѣ со мною нѣкоторые относящіеся сюда факты. Обратимся прежде всего къ жизни дикарей, причемъ я остановлю свой выборъ на дикихъ племенахъ, населяющихъ сѣверъ Азіатской Россіи.

Попрошу васъ припомнить описаніе религіозныхъ празднествъ у чукчей, данное въ этнографическихъ очеркахъ Тана. Сцена представляетъ заклинаніе вѣтра. Небольшая семья инородцевъ для этой цѣли собралась въ шатрѣ. Всѣ съ одной стороны охвачены ужасомъ передъ стихійнымъ бѣдствіемъ, которое грозитъ смести съ лица земли и людей и ихъ животныхъ, и ихъ стойбища, съ другой—всѣ преисполнены дѣтскою вѣрою въ живыхъ духовъ и въ таинственныя заклинанія. Молодой шаманъ, сынъ хозяина шатра, приводитъ себя въ состояніе гипноза однообразными звуками бубна,—это онъ вызываетъ духовъ. Послѣ пѣсни, полной религіознаго экстаза, душа его покидаетъ тѣло и носится по надзвѣзднымъ мірамъ и преисподней. Онъ видитъ Духа вѣтровъ, видитъ Великаго господина и Владычицу міра, богатую женщину въ бобровыхъ шатрахъ, онъ видитъ вѣстниковъ смерти, которые прискакали на распоротыхъ оленяхъ, онъ видитъ души своихъ шатровъ, прильнувшія къ утесу, и видитъ кровь на столбахъ своего жилища. Просыпаясь, онъ почти предсказываетъ убійство, которое должно было произойти въ ихъ шатрахъ. Эта сцена предсказанія, великолѣпно описанная художникомъ, представляетъ полный припадокъ большой истеріи съ самовнушенными галлюцинаціями, которыя имѣютъ своимъ источникомъ подавленное настроеніе въ виду грозной непогоды и ожиданія несчастія, вслѣдствіе пререканій, возникшихъ между хозяевами шатра и заѣзжимъ купцомъ.

Я привелъ, конечно, только единичный случай, но, какъ извѣстно, шаманство представляетъ обычный и распространенный культъ среди народовъ крайняго сѣвера. Для насъ важно не то, что отдѣльный нервнообремененный субъектъ можетъ подвергнуться припадку большой истеріи, но то, что послѣдняя очень легко получаетъ эпидемическій характеръ въ формѣ дикаго религіознаго культа.

Совершенно то же мы видимъ иногда,—правда, рѣдко,—въ болѣе глухихъ мѣстахъ среди нашихъ крестьянъ, гдѣ возможны время отъ времени массовыя порчи въ формѣ истерической эпидеміи, причемъ для развитія ея всегда необходимы—вѣра въ таинственныя силы, напряженное нервное состояніе и страхъ; отсюда, понятно, отчего особенно легко состояніе порчи развиваются у новобрачныхъ. Если вы возьмете средніе вѣка европейской цивилизаціи и сравните ихъ съ настоящей эпохой, вы убѣдитесь, что первые представляютъ такой пышный расцвѣтъ массовой истеріи, о которой не имѣетъ понятія наше время. Припомните тысячи суевѣрныхъ видѣній и тысячи, такъ называемыхъ, дьявольскихъ процессовъ. Сколько женщинъ и дѣвушекъ погибло въ мучительной казни по обвиненію въ

близости съ дьяволомъ, причемъ очень часто поводомъ для судебныхъ процессовъ служили признанія самихъ обвиняемыхъ! Нечувствительность къ мученіямъ, судороги сосудовъ, препятствующія выступленію крови, и первныя разстройства питанія кожи, представляющія признаки тяжелой общей истеріи, считались дьявольскими клеймами, очевидными доказательствами бѣсовскаго одержанія.

И теперь, конечно, можно встрѣтить бредъ одержимости при истерическомъ психозѣ; но, во-первыхъ, онъ не принимаетъ эпидемической формы, во-вторыхъ, трудно представить себѣ теперь судебную инстанцію, которая бы серьезно разсматривала обвиненіе въ сожительствѣ съ дьволомъ. Духъ эпохи другой.

Если вы спросите, какія причины такъ сильно способствовали развитію столь тяжелыхъ формъ истеріи въ средніе вѣка, вы легко подмѣтите условія общественной жизни, вызывавшія этотъ неврозъ, именно *тяжелое угнетенное состояніе значительныхъ массъ населенія, постоянный страхъ за свое существованіе, преобладаніе грубой силы надъ правомъ, угнетенное, обездоленное, полурабское состояніе женщины,—въ то же время, какъ естественное послѣдствіе тяжкихъ условій земной жизни, горячая вѣра во все сверхъестественное, исканіе утѣшенія за гробомъ и страхъ передъ темными неземными силами.* Я думаю, не впадая въ преувеличеніе, мы можемъ сказать, что эпидемическая истерія вызывалась не вѣрою въ Бога, а вѣрою въ дьявола.

Отъ эпохи фанатизма и суевѣрія перейдемте къ противоположнымъ періодамъ—періодамъ крайняго скептицизма и отрицанія.

Конечно, ихъ нужно искать на высокихъ степеняхъ культуры, въ старыхъ цивилизаціяхъ и въ высоко развитомъ обществѣ. Древній, правда, не очень доказательный примѣръ намъ даетъ эпоха упадка языческаго Рима. Паденіе общественныхъ идеаловъ, погоня за наслажденіями, равнодушіе къ высшимъ запросамъ человѣческаго духа, и, какъ прямое слѣдствіе этого, равнодушіе къ жизни и къ смерти—вотъ общая характеристика настроенія высшихъ общественныхъ группъ того времени. Литература этой эпохи отличалась несравненно меньшимъ развитіемъ и слабымъ творчествомъ сравнительно съ современной, она не даетъ намъ такого точнаго изображенія общественной жизни, какъ послѣдняя, но и она сохранила намъ типы слабовольныхъ и изнѣженныхъ людей, лишенныхъ высшихъ стремленій, съ несомнѣннымъ жестокимъ сладострастіемъ, съ измѣненной душевной чувствительностью, равнодушныхъ къ жизни и къ смерти, до извѣстной степени психо-астеничныхъ.

Римская эпоха не дала самостоятельной философской школы—и механически усвоила ученіе греческихъ мыслителей; но высокія идеальныя черты школы Платона и трезвый реализмъ и духъ изслѣдованія Аристотеля не нашли себѣ готовой почвы въ больномъ римскомъ обществѣ. Напротивъ, безвѣріе и цинизмъ временъ упадка наложили свои роковыя чер

ты на жизнь большинства культурнаго общества, сказавшіяся общественнымъ равнодушіемъ и безволіемъ.

Перейдемте къ послѣдней и, можетъ быть, самой блестящей эпохѣ, съ которою только-что кончило счеты человѣчество, къ XIX вѣку.

Несомнѣнно, наше время характеризуется громадными успѣхами теоретической мысли и въ особенности прикладного знанія. Но въ теоретической мысли, въ философскихъ ученіяхъ, несомнѣнно, отрицательное, критическое направленіе къ концу вѣка преобладаетъ надъ положительнымъ, созидательнымъ творчествомъ. Критицизмъ Канта перешелъ въ пессимизмъ Шопенгауэра, и въ концѣ вѣка мы встрѣчаемъ развитіе больного индивидуализма у Ницше, которое, не преувеличивая, можно назвать философіей вырожденія. Въ области точной науки мы видимъ болѣе или менѣе цѣльныя ученія въ началѣ и особенно въ серединѣ столѣтія. Къ концу вѣка сильно развитая критика и множество новыхъ фактовъ поколебали прежнія обобщенія, но не могли еще создать новыхъ обобщающихъ теорій. Этотъ періодъ въ научномъ творчествѣ отозвался и на общественномъ настроеніи. Приподнятое настроеніе общества и горячая вѣра въ науку и творческую мысль въ шестидесятыхъ годахъ смѣнилось отрицаніемъ и скепгицизмомъ послѣднихъ десятилѣтій.

Та же перемѣна рѣзко отразилась и на художественномъ творчествѣ. Преобладающимъ типомъ художественныхъ произведеній послѣдняго времени явились неуравновѣшанные, слабовольные люди.

Не говоря уже о Достоевскомъ и Мопассанѣ, которые въ силу тѣхъ или другихъ особенностей личной организаціи *почти исключительно посвятили себя изображенію болѣзненныхъ явленій,* психо-астеническіе типы ясно преобладаютъ въ другихъ новѣйшихъ произведеніяхъ.

Если въ произведеніяхъ лучшихъ художниковъ такъ много появляется астеническихъ типовъ, то, значитъ, они не рѣдки и въ современномъ намъ обществѣ. Конечно, успѣхи знанія и развитіе критической мысли сами по себѣ нисколько не могли способствовать распространенію невроза, точно также, какъ подъемъ религіознаго чувства безъ фанатизма и суевѣрія самъ по себѣ не можетъ вызвать истерической эпидеміи.

Причину особой склонности нашего времени къ астеническимъ формамъ представляетъ крайнее напряженіе конкурренціи, односторонняя погоня за матеріальными благами въ ущербъ высшимъ стремленіямъ, развитіе среди промышленныхъ классовъ крайняго индивидуализма при равнодушіи къ высшимъ запросамъ человѣческаго духа.

По основнымъ естественнымъ свойствамъ человѣческой природы, человѣческая личность немыслима внѣ общественныхъ условій. Если тяжелое давленіе общества на личную инціативу ведетъ къ пониженію душевнаго типа, то, съ другой стороны, къ такому же пониженію приведетъ исключительное развитіе однихъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ.

Гармоническое развитіе и совершенствованіе типа возможно только при

тѣхъ условіяхъ, когда личныя силы находятъ возможно полное приложеніе въ общественной жизни.

Конечно, касаясь этой стороны вопроса, я далеко выхожу изъ предѣловъ своей спеціальности, какъ врача, и поэтому въ подтвержденіе своей мысли я позволю себѣ привести примѣръ, заимствованный не изъ спеціальныхъ медицинскихъ сочиненій, не изъ области точныхъ лабораторныхъ опытовъ, а изъ области вѣчнаго творчества свободнаго человѣческаго генія.

Я остановлюсь на Гётевскомъ Фаустѣ. Вы помните, что въ прологѣ драмы Богъ указываетъ Мефистофелю на Фауста, какъ на примѣръ высшаго выраженія человѣческаго духа и человѣческихъ способностей, причемъ Мефистофель берется его искусить и унизить.

Мефистофель является Фаусту, погруженному въ рѣшеніе высшихъ вопросовъ доступнаго намъ знанія и быстро побѣждаетъ его однимъ изъ наиболѣе сильныхъ факторовъ психической жизни — женскою красотою, воплощеніе которой онъ показываетъ ему въ зеркалѣ. Фаустъ побѣжденъ. Онъ бросаетъ науку и свое служеніе истинѣ для того, чтобы служить красотѣ и наслажденію, при этомъ заключается договоръ съ искусителемъ: Мефистофель долженъ исполнять всѣ желанія Фауста до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ, что наступилъ мигъ его высшаго счастія.

Я не стану слѣдить за развитіемъ этой геніальной драмы величайшаго поэта; я остановлюсь только на тѣхъ моментахъ, которые служатъ къ разъясненію нашего вопроса. Фаустъ получаетъ все, что можетъ себѣ представить человѣческое воображеніе. Онъ начинаетъ съ наивной и чистой любви Маргариты, переходитъ къ бѣшеннымъ чувственнымъ наслажденіямъ Вальпургіевой ночи, наконецъ, для него воскресаетъ и воплощается идеальная красавица древности—классическая Елена. Но ни чистая и самоотверженная любовь Маргариты, ни идеальная красота Елены не заставляютъ Фауста испытать высшаго удовлетворенія и произнести роковыя слова договора.

Онъ произноситъ ихъ тогда, когда заставляя и темныя силы служить благу человѣчества, онъ стремится осушить безплодный и влажный морской берегъ, чтобы превратить его въ плодородную землю.

Представляя себѣ въ будущемъ картины довольства и счастливой жизни человѣка на безплодной землѣ, которая, благодаря его усиліямъ, стала жизнеспособной, онъ кончаетъ счеты съ жизнью и разрываетъ договоръ съ Мефистофелемъ... и, какъ вы знаете, Фаустъ оправдывается передъ судомъ высшей справедливости, потому что онъ вѣрно понялъ тѣ цѣли, къ которымъ по вѣчнымъ предначертаніямъ должна направляться духовная энергія человѣка.

Дѣйствительно, въ развитіи знанія, въ уваженіи къ творческой мысли, въ сознаніи общности цѣлей и въ укрѣпленіи общественныхъ идеаловъ заключается лучшій оплотъ противъ грозной волны душевнаго вырожденія.

Вл. Муратовъ.

Историкъ-публицистъ Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ.

27 февраля 1876 года въ одной изъ убогихъ лачугъ гор. Иркутска, въ нетопленой полунищенской каморкѣ, заваленной книгами и рукописями, догорала горькая жизнь извѣстнаго русскаго историка-публициста Аѳанасія Прокофьевича Щапова. Черезъ два-три дня послѣ этого, чуть ли не въ «Касьяновъ» праздникъ, нѣсколько близкихъ знакомыхъ сквозь иркутскіе сугробы провожали до могилы его изстрадавшееся тѣло. Въ органахъ русской прессы смерть Щапова была отмѣчена «заднимъ числомъ», и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ русское общество узнало изъ некрологовъ, что въ снѣгахъ далекой Сибири умеръ «бывшій» профессоръ Казанской духовной академіи и приватъ-доцентъ Казанскаго университета, «бывшій» сотрудникъ *Дѣла* и *Отечественныхъ Записокъ*, «бывшій» талантливый историкъ Щаповъ.

Исторія жизни Щапова—это типическая, такъ много разъ уже повторявшаяся, жестокая эпопея самобытнаго русскаго таланта...

Онъ родился въ 1830 году въ селеніи Ангѣ, Верхоленскаго округа, Восточной Сибири. Отецъ его былъ въ этомъ селеніи дьячкомъ. Мать Щапова была простая крестьянка изъ бурятскаго племени. Такимъ образомъ въ жилахъ его была примѣсь дикой инородческой крови. Портретъ Щапова выдаетъ его азіатское происхожденіе: узкіе, черные глаза, черные вьющіеся волосы, оливковый цвѣтъ кожи.

Отецъ Щапова не обладалъ значительными средствами; занятіе дьячка въ глухой мѣстности среди языческаго и полуязыческаго населенія давало ему черезчуръ мало дохода, такъ что въ подспорье ему приходилось заниматься сельскими работами наравнѣ съ простыми крестьянами. Вотъ, почему впослѣдствіи Аѳанасій Прокофьевичъ и имѣлъ нѣкоторое право говорить про себя, что происходитъ «изъ мужиковъ».

Раннее дѣтство, до 8-лѣтняго возраста Щаповъ безвыѣздно прожилъ въ родномъ селѣ. Яркія впечатлѣнія сибирской деревни, дремучихъ лѣсовъ и бархатныхъ луговъ, долгой и величественной сѣверной зимы, и мимолетной улыбки короткаго лѣта,—впечатлѣнія эти жили въ его пылкой

душѣ. «Деревенская жизнь до конца дней служила для Щапова идеаломъ»,— говоритъ одинъ изъ его товарищей. И въ своихъ сочиненіяхъ Щаповъ не разъ высказывалъ свою любовь къ деревенскому приволью и общенію съ природой и свою антипатію къ душнымъ городамъ. Вотъ что писалъ онъ, напримѣръ, своимъ угловатымъ, но сильнымъ языкомъ, лѣтъ за шесть до своей смерти: «Сжатость, заключенность городского рабочаго населенія въ тѣсныхъ, душныхъ мастерскихъ, подъ узкимъ горизонтомъ городскихъ улицъ, часто даже при отсутствіи въ городахъ садовъ, парковъ и рощей; далѣе буржуазно-корыстолюбивое, аршинно-ограниченное, мѣщанско-купецкое умственное тяготѣніе къ магазинамъ, лавкамъ, погребамъ и подваламъ, наполненнымъ часто искусственнымъ извращеніемъ произведеній природы, дышащимъ неестественнымъ воздухомъ буржуазнаго обмана, проникнутымъ филистерскимъ, буржуазно-спекуляторскимъ міросозерцаніемъ; затѣмъ, архивно-умственное, бумажно-дѣловое чиновничье тяготѣніе съ портфелями бюрократическаго міросозерцанія къ департаментамъ, къ палатамъ уголовнымъ, къ губернскимъ правленіямъ и т. п., преисполненнымъ изсушающимъ не только грудь, но и умъ архивнымъ воздухомъ и міросозерцаніемъ; наконецъ, великосвѣтское, салонное, идеалистически-эстетическое міросозерцаніе, господствующее въ этихъ каменныхъ дворцахъ и палатахъ, въ театрахъ и пр.,—вотъ все это въ городахъ болѣе развиваетъ умственное охлажденіе или притупленіе къ природѣ, разрывъ постоянной и живой умственной связи съ нею» *).

На 9-мъ году изъ родной деревни Щаповъ былъ привезенъ въ городъ Иркутскъ и принятъ въ духовное училище. Училище это было вѣрной копіей той бурсы, которую предали проклятію многіе искалѣченные ею таланты,—вродѣ Помяловскаго.

Тѣснота, сырость, грязь, крысы, гниль, холодъ, голодъ, издѣвательство и оплеваніе, рваная одежда, отсутствіе пособій и книгъ, тѣлесныя экзекуціи, совершавшіяся торжественно на дворѣ въ присутствіи любителей «зрѣлищъ» изъ городской публики,—вотъ обстановка иркутской бурсы, въ которой Щапову пришлось получить первоначальное «образованіе» и «воспитаніе» и которую онъ такъ ярко описалъ впослѣдствіи въ журнальной статьѣ **). Несмотря на такія условія, мальчикъ какъ-то ухитрялся учиться очень хорошо и въ 1846 г. былъ переведенъ въ Иркутскую духовную семинарію. Здѣсь обстановка была значительно лучше. Щаповъ усердно занимался семинарскими науками. Въ 1852 г. онъ окончилъ семинарію въ числѣ самыхъ лучшихъ учениковъ и былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію.

Въ 50-хъ годахъ эта академія, по свидѣтельству одного изъ питомцевъ, «отличалась жизненнымъ настроеніемъ». Правда, администраторами и офиціальными руководителями ея были монахи, считавшіе «*Исторію цивили-*

*) „Соціально-педаг. усл. умств. разв. русск. пар.“. Спб., 1870 г., стр. 214.
**) Журналъ *Искра*, 1862 г. „Изъ бурсацкаго быта“.

заціи Гизо ужасной книжкой» и утверждавшіе, что «свѣтская наука и литература, это—обширнѣйшая пустота» *). Но среди свѣтскихъ преподавателей академіи были люди совершенно другого закала.

Былъ, напримѣръ, тамъ профессоръ физики и математики Д. Ѳ. Гусевъ, читавшій Штрауса и Фейербаха и говорившій постоянно своимъ ученикамъ, что «тотъ студентъ—не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитать съ полнымъ понятіемъ книжки *Современника* или *Отечественныхъ Записокъ*». Былъ еще А. И. Беневоленскій, который «за либеральное направленіе» былъ переведенъ съ каѳедры церковной исторіи на библейскую, а съ библейской на литургику. Были нѣкоторые другіе.

Среди студентовъ академіи замѣчался большой интересъ къ вопросамъ философіи, литературы и даже общественной жизни. «Гегель, толкуемый и вкривь и вкось, увлекалъ многихъ оригинальностью воззрѣній и широтою системы». Значительное вліяніе имѣли весьма популярные среди студентовъ Бѣлинскій, Герценъ, западные и русскіе классики. Между товарищами составлялись кружки, затѣвались долгіе и горячіе споры.

«Аѳанасій Прокофьевичъ,—пишетъ о Щаповѣ его товарищъ по академіи Я. Г. Рождественскій **),—съ самаго начала выдвинулся своей беззавѣтной откровенностью... Его рѣчь отличалась прямотой, поведеніе было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей, онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемѣріе... Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, онъ говорилъ одинаковымъ тономъ со сторожемъ, съ товарищами, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться передъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія и чистаго сердца... Въ Щаповѣ никогда не было зародыша скептицизма; онъ не зналъ, что такое сомнѣніе и нерѣшительность». Таковъ онъ былъ во время своего пребыванія въ академіи.

Съ перваго же года своего академическаго курса, Щаповъ сталъ очень много читать и усердно, усидчиво заниматься. Читалъ онъ почти исключительно на русскомъ языкѣ, такъ какъ новые иностранные зналъ плохо. Область и направленіе его занятій выяснились сразу. Онъ больше всего занимался русской исторіей. Комната, гдѣ жилъ онъ, была вѣчно завалена изданіями по русской исторіи. Онъ цѣлыми днями возился съ Карамзинымъ, Погодинымъ, «Полнымъ собраніемъ законовъ», дѣлалъ выписки, замѣтки и т. д. Въ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ товарищей онъ никогда не принималъ участія. Изрѣдка товарищамъ удавалось вызвать его на споръ, затрогивая какую-нибудь изъ завѣтныхъ струнъ его души, касаясь его сокровенныхъ убѣжденій. Въ такихъ случаяхъ онъ страшно горячился и разомъ выказывалъ всю пылкость и дикую страстность своей натуры.

---

*) *Историческій Вѣстникъ*, 1882 г., № 10, стр. 18.

**) *Проф. Н. Я. Аристовъ:* „А. П. Щаповъ“. Спб., 1883 г.

Особенно выходилъ онъ изъ себя, когда кто-нибудь изъ студентовъ начиналъ подтрунивать надъ его горячею любовью «къ русскому забитому крестьянству».

Съ осени 1854 г. умственные интересы студентовъ академіи могли находить себѣ полное удовлетвореніе, такъ какъ имъ было разрѣшено выписывать газеты и журналы, которые до того времени были для нихъ сладкимъ, но запрещеннымъ плодомъ. Это было какъ разъ время севастопольской обороны, время крайне напряженнаго состоянія общественной жизни, разразившагося скоро въ «Эпохѣ великихъ реформъ». «По рукамъ студентовъ ходили *Письма* Погодина о славянахъ и много другихъ секретныхъ записокъ... Затѣмъ слѣдовали газетныя вѣсти, одна другой печальнѣй... Нервный Щаповъ нерѣдко *плакалъ* при вѣсти о людскихъ горестяхъ и общественномъ неустройствѣ въ Россіи».

Несмотря на столь сильное нервное возбужденіе, Щаповъ продолжалъ заниматься, попрежнему, съ утра до ночи простаивая за своей «конторкой», копаясь въ грудѣ книгъ и рукописей. Онъ попрежнему сторонился отъ шумныхъ студенческихъ увеселеній, прогулокъ и выпивокъ. «Ни водки, ни вина Щаповъ до окончанія курса въ академіи не только ни разу не пробовалъ, но терпѣть не могъ вкуса и даже запаха спиртныхъ напитковъ». Это замѣчаніе проф. Аристова, написавшаго біографію Аѳанасія Прокофьевича и лично его знавшаго, особенно важно для объясненія того пристрастія «къ зеленому кувшину», которое сыграло позже не послѣднюю роль въ трагедіи этой многострадальной жизни.

За аскетизмъ и отшельническій образъ жизни товарищи даже прозвали Щапова «блаженнымъ Аѳанасіемъ».

Впрочемъ, иногда обычное внѣшнее спокойствіе Аѳанасія Прокофьевича вдругъ нарушалось; неожиданно наступалъ приливъ жгучей тоски и Щаповъ разражался передъ товарищами пылкою рѣчью о томъ, какъ «жутко жить взаперти русской душѣ».

Но приливъ скоро проходилъ, и онъ снова брался за свои книги, снова строчилъ по цѣлымъ часамъ въ своихъ тетрадяхъ.

Послѣдніе два года студенческой жизни Щапова были какъ разъ годами оживленія русской общественной мысли подъ вліяніемъ новыхъ освободительныхъ вѣяній, разносившихся тогда по нашей родинѣ. Щаповъ съ его честной и искренней душою, съ его горячностью и впечатлительностью не могъ не поддаться наплыву этихъ вѣяній. Онъ все болѣе и болѣе заинтересовывался вопросами общественной дѣйствительности, входилъ въ круговоротъ событій и мнѣній.

Въ годъ окончанія Щаповымъ курса академіи стала выходить *Русская Бесѣда* и другія славянофильскія изданія. Щаповъ, который и до того времени чуть не боготворилъ *народъ*, сильно увлекался ученіемъ славянофиловъ. «Какъ человѣкъ, вышедшій чуть ли не изъ среды крестьянства, онъ носилъ въ себѣ идеалъ скорби и нуждъ низшихъ классовъ общества,—и сразу пораженъ былъ идеей силы народной, проповѣдываемой

славянофилами, и почувствовалъ здѣсь свое будущее призваніе и значеніе... Вотъ почему *Расколъ старообрядства* Щапова—студенческая диссертація—представляетъ изъ себя двойственное сочетаніе идей старозавѣтныхъ церковныхъ и земскихъ народныхъ» *).

Когда Щаповъ представилъ свою диссертацію, потребовавшую усиленной двухлѣтней работы, на судъ начальства, то оно, усмотрѣвъ въ сочиненіи «смѣлый оттѣнокъ мысли», дало о немъ неблагопріятный отзывъ. Біографъ Щапова передаетъ, что онъ, выслушавъ этотъ отзывъ отъ ректора академіи о. Агаѳангела «въ порывѣ увлеченія и съ сознаніемъ собственнаго достоинства бросилъ тетрадь сочиненія къ его ногамъ и сказалъ «Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертація, сожгите ее, я и такъ проживу, потому что знаю и безъ отзывовъ достоинство своей работы!» О. Агаѳангелъ пробовалъ склонить Щапова къ постриженію въ монахи, соблазняя его удобствомъ историческихъ занятій въ монастырской тишинѣ, но Аѳанасій Прокофьевичъ не согласился.

Въ концѣ концовъ Щаповъ всетаки получилъ степень магистра и былъ назначенъ баккалавромъ по каѳедрѣ русской исторіи въ той же Казанской академіи.

Лѣто 1856 года Афанасій Прокофьевичъ употребилъ на подготовку къ лекціямъ въ академіи, которыя онъ началъ читать съ сентября. 10 октября онъ былъ офиціально утвержденъ въ степени магистра, а 15 октября въ должности баккалавра.

Первый годъ своего профессорства Щаповъ посвятилъ курсу церковной исторіи. Онъ читалъ этотъ курсъ не по избитому шаблону, но старался ввести въ него новую свѣтлую точку зрѣнія, указывая и характеризуя взаимоотношенія религіозной жизни русскаго народа и прочихъ условій его существованія.

«Лекціи его, по словамъ слушавшаго ихъ, были не дѣланныя, а самобытныя, въ которыхъ онъ проводилъ свой личный взглядъ и убѣжденія, а потому содержаніе ихъ всегда отличалось простотой и задушевностью»...

Какъ человѣкъ впечатлительный и порывистый, онъ не въ состояніи былъ вести рядъ послѣдовательныхъ лекцій систематично; поэтому онъ постоянно перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому *и останавливалъ вниманіе на тѣхъ сторонахъ минувшей жизни, какія имѣли значеніе съ современной точки зрѣнія* и разработкой которыхъ интересовался онъ самъ.

На другой годъ онъ сталъ читать общую или, какъ тогда называли, «гражданскую» исторію Россіи. Здѣсь основнымъ пунктомъ его лекцій, его любимымъ вопросомъ была «земская самобытность областныхъ общинъ». Онъ съ горячимъ увлеченіемъ и глубокою грустью говорилъ своимъ ученикамъ объ отчаянной борьбѣ самостоятельныхъ областныхъ общинъ съ всепоглощающимъ Московскимъ государственнымъ началомъ, о паденіи

*) Проф. Н. Я. Аристовъ.

«земско-общинной организаціи», развертывая нерѣдко передъ своими слушателями поэтическія картины изъ жизни древней Руси.

Онъ говорилъ всегда очень быстро, а отъ возбужденія рѣчь его становилась невнятной, такъ что студенты должны были постоянно останавливать его и просить, чтобы онъ читалъ помедленнѣй.

Въ этотъ первый годъ профессорской дѣятельности Щапова, на его воззрѣніяхъ замѣтно сильное вліяніе славянофиловъ. Оно сказывается очень рѣзко въ одной его лекціи конца 1856 г.: «О просвѣщеніи и нравственности русскаго народа отъ XI-го до половины XV-го вѣка». Здѣсь мы находимъ у Щапова столь излюбленное всѣми пропагандистами славянофильства обычное сопоставленіе Россіи и Западной Европы: на Западѣ отвлеченный раціонализмъ съ быстрымъ развитіемъ науки, а на Руси практическо-моральное направленіе и «энергическое возбужденіе правильнаго сознанія всеобщаго нравственнаго очищенія и отрезвленія». Какъ видите, Щаповъ чуть не буквально повторяетъ здѣсь знаменитый тезисъ славянофильскаго ученія, столь ясно формулированный Константиномъ Аксаковымъ, старавшимся доказать, что жизнь русскаго народа является развитіемъ и выраженіемъ нравственнаго начала. Исходя изъ такого положенія, Щаповъ въ концѣ концовъ приходитъ и къ славянофильскому оптимистическому взгляду на древнюю Россію. Вышеупомянутую лекцію онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Было бы вопіющей несправедливостью, предъ судомъ правдивой исторіи, безусловно порицать древнерусское общество въ варварской грубости и невѣжествѣ».

Кромѣ своихъ лекцій въ академіи, Щаповъ занимался составленіемъ статей для издававшагося въ Казани духовнаго журнала *Православный Собесѣдникъ*. Занимался онъ иногда цѣлые дни, такъ что часто пропускалъ лекціи. Приходилось и ночи просиживать вплоть до утра.

80-рублевое жалованье баккалавра и скудный гонораръ изъ *Православнаго Собесѣдника* не давали возможности жить роскошно. Да, кромѣ того, у Щапова никогда не было никакихъ хозяйственныхъ, практическихъ способностей и наклонностей. Онъ всю свою жизнь прожилъ коекакъ. Его баккалаврская квартира состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Мебели почти не было. Книги и рукописи валялись вездѣ, гдѣ только было можно: на полу, на окнахъ, на кровати... Единственнымъ и весьма драгоцѣннымъ для Щапова украшеніемъ былъ портретъ Грановскаго, висѣвшій надъ рабочимъ столомъ.

Щаповъ весьма нерѣдко терпѣлъ сильную нужду во время своего преподаванія въ академіи: иногда ему не на что было даже купить бумаги; это видно, напримѣръ, изъ слѣдующей его записки къ одному изъ пріятелей студентовъ (Калатузову);

«Василій Ивановичъ! Дайте мнѣ, Христа ради, если есть, бѣлой бумаги. *Приступаю къ сочиненію, а не на чемъ писать.* Если у васъ нѣтъ, попросите или у земляковъ, или у Петра Матвѣевича (Залѣсскаго). Жду съ нетерпѣніемъ, «пока огонь горитъ въ крови!» *Щаповъ.*

Кромѣ студентовъ у Щапова почти не было знакомыхъ. Постоянное отчужденіе отъ общества, одиночество дурно отражались на его впечатлительной душѣ. Онъ дѣлался все раздражительнѣе и раздражительнѣе. На него по временамъ нападали приступы дикой, неистовой тоски.

Въ промежутки между усиленными, прямо истощавшими его занятіями онъ привыкъ отводить душу за бутылкой. Къ нему нерѣдко собирались студенты: начинались жаркіе бесѣды и споры, которые все чаще и чаще стали заканчиваться... выпивкой. Мало-по-малу Щаповъ до того пристрастился къ вину, что рѣдкій день могъ обходиться безъ него. Проработавши, не вставая съ мѣста, не разгибая спины, цѣлые сутки надъ какой-нибудь соловецкой или другой рукописью, онъ собиралъ своихъ пріятелей и пилъ...

Его обычная доброта и скромность покидала его въ минуты опьяненія, и дикая азіатская кровь давала себя знать: онъ начиналъ кричать, браниться, проклиналъ всѣхъ, билъ и коверкалъ все кругомъ себя, или вдругъ начиналъ плакать тяжелыми горючими слезами «о своей горькой судьбѣ», о своихъ сестрахъ, оставшихся въ сибирской глуши, «о бѣдахъ и напастяхъ несправедливо забитаго и угнетеннаго крестьянства»... А на другой день онъ снова принимался за свои книги, снова корпѣлъ надъ работой.

...Такъ прошло около четырехъ лѣтъ. За эти годы (1856—60 гг.) у Щапова сложилось оригинальное историческое міросозерцаніе. Онъ не примкнулъ прямо къ чьей-нибудь школѣ, а проложилъ себѣ «своеобразный проселочный путь въ наукѣ русской исторіи». Этотъ «проселочный путь» сталъ слабо намѣчаться еще въ самыхъ раннихъ работахъ Щапова. Еще въ студенческомъ сочиненіи его—въ *Расколѣ старообрядства*—стали чувствоваться тѣ земско-народныя тенденціи, которыя, постепенно развиваясь и формулируясь все яснѣе и глубже, разрослись въ самостоятельную и законченную концепцію русскаго историческаго процесса.

Вліяніе славянофиловъ, сыгравшее значительную роль въ первоначальномъ развитіи историческихъ воззрѣній Щапова, не могло поработить его смѣлую и сильную мысль.

По свидѣтельству проф. Аристова, Аѳанасій Прокофьевичъ и самъ не считалъ себя послѣдователемъ ученія славянофиловъ: «онъ какъ-будто даже опасался иногда, какъ бы его не назвали славянофиломъ». И дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого права зачислять Щапова въ ряды сторонниковъ славянофильства. Да и само славянофильство въ это время, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ его представителей, подъ впечатлѣніемъ этихъ ужасныхъ «dies iгae et favillae» крымской войны, заключившихъ собою эпопею офиціальнаго *благополучія,* стало терять свой специфическій колоритъ и во многихъ пунктахъ программы практической дѣятельности сходилось съ «западничествомъ».

Отъ славянофиловъ Щаповъ воспринялъ главнымъ образомъ «идею силы народной». Въ древней, до-Петровской Руси онъ нашелъ видимое, фактическое выраженіе этой идеи въ «вѣчахъ», «челобитьяхъ», «земскихъ

соборахъ» и другихъ проявленіяхъ народнаго «многосовѣтія». Наиболѣе полно и отчетливо выразилъ Щаповъ свою оригинальную доктрину въ рядѣ статей и лекцій въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, когда онъ уже сталъ читать лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Въ число приватъ-доцентовъ университета онъ попалъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первыхъ числахъ августа 1860 года адъюнктъ русской исторіи при Казанскомъ университетѣ Н. А. Поповъ, получивъ назначеніе въ Москву, подалъ въ историко-филологическій факультетъ такого рода заявленіе:

«Оставляя Казанскій университетъ, считаю своимъ долгомъ указать историко-филологическому факультету на г. Щапова, какъ на ученаго, который можетъ принести *большую пользу* гг. студентамъ, если университетъ пригласитъ его преподавателемъ на каѳедру русской исторіи».

Далѣе Поповъ перечислялъ вкратцѣ научные труды Щапова, а въ концѣ было прибавлено: «Чтобы имѣть полное понятіе о томъ взглядѣ, какой имѣетъ г. Щаповъ на русскую исторію отъ ея начала до конца, необходимо предложить ему доставить въ факультетъ программу общаго курса, который бы онъ могъ прочесть въ университетѣ, въ случаѣ приглашенія его въ преподаватели».

По предложенію факультета Щаповъ и составилъ требуемую «Программу исторіи русскаго народа» *). Вотъ эта любопытная программа:

«Идея , планъ и общій ходъ исторіи русскаго народа. Начала дѣленія русской исторіи. Общая характеристика первой земско-областной формы исторической жизни народа, отъ основанія областей или земскихъ общинъ, до послѣдней, такъ называемой въ актахъ «розни» областей въ смутное время, или до окончательнаго развитія московской централизаціи. Ограниченное саморазвитіе земско-областной формы народной жизни и отличительные признаки ея. Общая характеристика, второй государственно-союзной формы исторической жизни русскаго народа отъ смутнаго времени до нашего. Преобладаніе государственности надъ народностью, централизаціи надъ земско-областною жизнію».

Въ этой краткой «программѣ» уже совершенно ясно выступаютъ основныя черты историческихъ воззрѣній Щапова. Еще опредѣленнѣе можно выяснить взглядъ Щапова на ходъ русской исторіи нѣсколькими выдержками изъ «Ученой бесѣды» **), прочтенной имъ въ началѣ 1861 года въ кружкѣ студентовъ.

«Вся первоначальная наша исторія до эпохи Московскаго государства,— говоритъ онъ здѣсь,—вся естественно-историческая основа, архитектоническая постройка Русскаго государства состоитъ въ территоріальномъ самообразованіи областныхъ земскихъ общинъ путемъ колонизаціи, въ натуральномъ, экономическомъ и юридическомъ самоуправствѣ и въ земско-общинной организаціи ихъ, въ органически-федеративной связи ихъ, какъ

*) Она напечатана проф. Аристовымъ въ „приложеніяхъ“ къ его книгѣ о Щаповѣ.
**) См. „Приложенія“ къ книгѣ проф. Аристова.

членовъ одного политическаго организма...» «Земская самобытность общинъ въ конфедеративномъ союзѣ всей земли составляла естественно-историческій зародышъ нормальнаго и свободнаго развитія и проявленія народной жизни»...

«Другое начало—историческое, выработавшееся въ древней Россіи свободной народной жизнью. Это начало земскаго народосовѣтія»...

«Грубы были всѣ эти земскіе областные совѣты и московскіе земскіе соборы, имѣли временный характеръ, не были постоянными институціями; но въ настоящее время намъ нужны не формы ихъ, а только принципъ... Идея областныхъ земскихъ совѣтовъ и всенародныхъ центральныхъ соборовъ, рано или поздно, во имя историческаго права, во имя уваженія къ духу и потребностямъ нашего народа, выразившимся въ теченіи исторіи, должна быть принята въ соображеніе при новой организаціи мѣстно-областного и всеобщаго конфедеративнаго народосовѣтія».

«Если я ошибаюсь въ пониманіи современнаго историческаго народнаго права, то да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей»,—энергически заканчиваетъ Щаповъ свою «Бесѣду».

Касался Щаповъ и другого больного [мѣста дореформенной Россіи—крестьянскаго рабства. Онъ постоянно доказывалъ, что крестьяне были истинными «строителями Россіи».

«И эти-то строители Россіи,—говорилъ онъ,—въ награду за свою вѣковую, страдальческую, богатырскую работу обречены были на злую неволю—крѣпостное состояніе...»

«И гуманно ли, благородно ли не признавать братства и равенства съ нами той сельской Руси, изъ которой произошли наши первыя самостоятельныя личности, замѣчательныя въ исторіи просвѣщенія нашего (Никонъ, Посошковъ, Ломоносовъ и др.)»?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Щаповъ вскорѣ сдѣлался популярнѣйшимъ лицомъ среди тогдашней казанской интеллигенціи,—въ особенности среди молодежи. Популярность эта получила свое начало съ вступительной лекціи,—прочтенной историкомъ въ Казанскомъ университетѣ.

Послѣ того, какъ Щаповъ представилъ въ историко-филологическій факультетъ извѣстную уже намъ «Программу исторіи русскаго народа», совѣтъ университета въ засѣданіи своемъ 17 сентября 1860 года, произведя баллотировку, *большинствомъ 15 голосовъ противъ 5* избралъ Щапова на каѳедру русской исторіи. 26 октября того же года министръ народнаго просвѣщенія прикомандировалъ Щапова къ Казанскому университету, а на 11 ноября была назначена вступительная лекція новаго преподавателя.

Вотъ что передаетъ одинъ изъ слышавшихъ эту лекцію: «Ни одна изъ большихъ аудиторій не могла вмѣстить слушателей и всѣ принуждены были перейти въ большую актовую залу... Успѣхъ вступительной лекціи былъ громадный и неожиданный: попечитель, профессора, лица изъ публики и студенты пришли въ восторгъ—и зала потряслась отъ рукоплесканій».

Лекція носила заглавіе: «Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа», и въ ней развивалась любимая, завѣтная мысль Щапова о значеніи земско-областного общиннаго элемента въ русской исторіи. «Съ этихъ поръ,—по словамъ одного изъ студентовъ-современниковъ,—Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы... Пока онъ занималъ каѳедру, онъ царилъ въ университетѣ».

Простота Аѳанасія Прокофьевича, радушіе, съ которымъ онъ принималъ у себя студентовъ, еще болѣе усиливали студенческія симпатіи и привлекали къ нему молодежь. Въ университетѣ Аѳанасій Прокофьевичъ сталъ еще чаще и обильнѣе вводить въ свои лекціи животрепещущіе вопросы современной жизни. Для студентовъ это, конечно, было очень полезно, бесѣды Щапова оказывали на нихъ необыкновенно благотворное, развивающее вліяніе. Но зато у самого Аѳанасія Прокофьевича оставалось слишкомъ мало времени на спеціальныя, чисто-научныя занятія. Поэтому онъ сталъ мечтать о поѣздкѣ въ Москву и Петербургъ для усовершенствованія въ любимой наукѣ. 12 апрѣля 1861 г. онъ подалъ въ факультетъ такое прошеніе:

«Осмѣливаюсь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ командировать меня на предстоящее вакантное время въ Москву и С.-Петербургъ для наиболѣе полной научной подготовки къ преподаванію русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ...» Въ концѣ прошенія онъ излагалъ подробно тѣ мотивы, по которымъ онъ «находитъ крайне необходимой поѣздку въ столицы».

Не прошло и недѣли со времени подачи Щаповымъ прошенія о командировкѣ, какъ произошла та злосчастная «исторія», которая послужила поводомъ къ увольненію Щапова изъ числа профессоровъ университета и академіи.

Послѣ обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи происходили среди крестьянъ недоразумѣнія, переходившія изрѣдка въ открытыя вооруженныя столкновенія. Подобный случай произошелъ, между прочимъ, и въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Вызванными туда солдатами было убито нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Студенты Казанскаго университета и академіи рѣшили отслужить по убитымъ торжественную панихиду, которая и состоялась при большомъ стеченіи народа, преимущественно учащихся, 16 апрѣля (1861 г.). Послѣ панихиды Щаповъ съ обычной смѣлостью и прямотой сказалъ рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе. Когда начальство узнало объ этомъ, Щапова хотѣли арестовать, но, опасаясь возбудить недовольство и волненія среди студентовъ, боготворившихъ своего молодого профессора, предложили ему поѣхать въ Петербургъ «для оправданія передъ высшими властями» *). 29 апрѣля Аѳанасій Прокофьевичъ отправился въ путь, причемъ студенты устроили ему торжественные проводы.

*) *Истор. Вѣстн.* 1882 г., № 11, стр. 320.

30 апрѣля Щаповъ прибылъ въ Нижній и былъ здѣсь арестованъ по распоряженію нижегородскаго полицеймейстера и былъ отправленъ въ Петербургъ съ жандармами.

«Отлично и весело доѣхалъ до Петербурга,—добродушно разсказывалъ онъ послѣ Аристову; жандармскій офицеръ былъ прекрасный человѣкъ; мы съ нимъ дорогой выпивали по маленькой и разсуждали о научныхъ историческихъ вопросахъ» *).

Прибывши въ Петербургъ, Аѳанасій Прокофьевичъ былъ сперва подъ арестомъ въ III отдѣленіи, а затѣмъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, которой онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, былъ переведенъ въ клинику.

Ему было велѣно подать объяснительную записку относительно его «*дѣла*». Записка эта, болѣе похожая на историческій трактатъ, такъ какъ въ ней «излагалась историческая судьба русскаго простонародья» и самое «*дѣло*» разсматривалось съ исторической точки зрѣнія, «понравилась своей искренностью», хотя Щаповъ, конечно, не назвалъ никого изъ участниковъ; слѣдствіе было прекращено, а самъ Щаповъ былъ даже «взятъ на поруки тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ» **). «Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства по дѣламъ раскольничьимъ, далъ на первый разъ 600 руб. жалованья въ годъ и лично объяснилъ ему, что онъ можетъ свободно заниматься любимыми и полезными для него работами, не стѣсняясь никакими служебными обязанностями».

Сперва Щаповъ очень даже радовался своему экстренному переселенію въ столицу: «Выросъ и окрѣпъ въ душѣ, точно прожилъ 10 лѣтъ»,—говорилъ онъ.

Многіе изъ петербургскихъ литераторовъ пожелали познакомиться съ Щаповымъ. Но онъ сошелся лишь съ очень немногими. Арестъ весьма дурно повліялъ на него въ томъ смыслѣ, что усилилъ его раздражительность и подозрительность. Близко сошелся Щаповъ главнымъ образомъ съ Г. З. Елисеевымъ и В. С. Курочкинымъ.

Кромѣ того, онъ познакомился съ Краевскимъ, который предложилъ ему сотрудничать въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Щаповъ передалъ ему свою статью: «Великорусскія области и смутное время». Статья эта была помѣщена въ №№ 10 и 11 *Отеч. Зап.* за 1861 г. Въ № 12 была напечатана еще одна статья Щапова: «Земство и расколъ съ XVIII столѣтія».

Къ этому времени извѣстность Щапова, какъ талантливаго историка-публициста, настолько возросла, что самъ Герценъ обратился къ нему осенью 1861 г. съ письмомъ, въ которомъ были, между прочимъ, слѣдующія строки ***):

«Вашъ свѣжій голосъ, чистый и могучій, теперь почти единственный, отрадно раздается среди разбитыхъ и хриплыхъ голосовъ современныхъ русскихъ писателей»...

---

*) Тамъ же, стр. 320.

**) Тамъ же, стр. 322.

***) *Ист. Вѣстн.* 1882 г., № 11, стр. 327.

Щаповъ отправилъ Герцену для напечатанія за границей непропущенную петербургской цензурой статью «О русскомъ дворянствѣ». Исторія этой статьи очень интересна:

Въ августовскомъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* 1861 года было помѣщено стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго; въ немъ обратили на себя общее вниманіе слѣдующія строки:

„Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмельною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять“...

„... Подъ злобой зависти къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подчасъ
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ“...

„... Смѣшонъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ и честь и все, что имъ сродни“...

Всѣ были убѣждены, что подъ «новымъ Гракхомъ республики журнальной» подразумѣвается не кто иной, какъ Щаповъ. Щапову, конечно, просто не слѣдовало бы обращать вниманіе на инсинуаціи, но его болѣзненное самолюбіе трудно было сдержать. Онъ написалъ крайне рѣзкое письмо и хотѣлъ послать его Вяземскому, но друзьямъ удалось отговорить его. Вотъ это самое письмо и послужило зародышемъ вышеупомянутой статьи «О русскомъ дворянствѣ». Ни въ одномъ журналѣ статья не была пропущена, а въ результатѣ Щаповъ попалъ «подъ сомнѣніе».

При нелюбви его къ бюрократическому формализму, къ административной опекѣ и регламентаціи, онъ очень скоро разошелся съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ числился на службѣ. Пересталъ туда ходить, такъ что даже жалованье ему посылали на домъ, а потомъ,—послѣ статьи «О русскомъ дворянствѣ»,—и совсѣмъ былъ отчисленъ отъ министерства.

Компанія знакомыхъ Щапова — литераторовъ во главѣ съ Елисеевымъ составила планъ изданія съ 1862 года журнала или еженедѣльной газеты *Мірской Толкъ*. Аѳанасій Прокофьевичъ съ большимъ увлеченіемъ отнесся къ этому предпріятію и готовилъ уже для *Мірского Толка* рядъ очерковъ. Но журналъ не былъ разрѣшенъ. Тогда «литературная артель» пріобрѣла отъ П. И. Вейнберга *Вѣкъ* и Аѳанасій Прокофьевичъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ нѣсколько статей: 1) «Сельская община» (№№ 1 — 6). 2) «Земство» (№№ 7—8). 3) «Русскіе самородки» (№№ 9—10). 4) «Земскіе соборы XVII столѣтія» (№ 11). 5) «Городскіе мірскіе сходы» (№ 12). Во всѣхъ этихъ статьяхъ Щаповъ оставался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ: онъ постоянно проводилъ свою идею «земско-областной самобытности», противопоставлялъ «живую народность отвлеченной формальной государственности». Статьи имѣли крупный успѣхъ. Н. Г. Чернышевскій пожелалъ

познакомиться съ талантливымъ историкомъ и пробовалъ «привлечь на свою сторону Щапова», но не могъ переубѣдить его (впрочемъ, впослѣдствіи Щаповъ сталъ ближе сходиться въ воззрѣніяхъ съ редакціей *Современника*).

Вѣкъ прожилъ всего три мѣсяца, и «литературная артель» снова осталась безъ журнала. Всѣ эти неудачи очень дѣйствовали на Щапова. Много непріятностей доставляла и возня съ цензурой—эти постоянные «урывки, обрѣзки и цензурное холощеніе», какъ выразился Юрій Самаринъ въ одномъ изъ писемъ къ Герцену. Щаповъ все болѣе и болѣе раздражался. Его стала раздражать толпа «ликующихъ, праздно болтающихъ» и фланирующихъ по Невскому проспекту столичныхъ обывателей — «сребровласыхъ, благоухающихъ старцевъ» *), офицеровъ, гремящихъ саблями, пустенькихъ кисейныхъ барышень. До какой болѣзненности доходило въ это время настроеніе Щапова,—это мы видимъ изъ его «Думы» («Гражданская грусть»), написанной имъ въ пасхальную ночь 1862 года. «Дума» эта представляетъ изъ себя, по собственному выраженію автора, «цѣлый рой, потокъ грустныхъ мыслей, грустныхъ чувствъ»... «Это—созрѣвшее сознаніе и глубокое чувство неестественности въ людскихъ соціальныхъ отношеніяхъ»...

Вспомните, что сказалъ Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ «Запискахъ изъ подполья»:

«Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то-есть въ половину, въ четверть меньше той порціи, которая достается на долю развитого человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія».

Эта болѣзнь черезчуръ развитого сознанія, не позволяющаго человѣку хладнокровно смотрѣть, «какъ свиньи правду чавкаютъ», служила источникомъ значительныхъ золъ и бѣдствій для многихъ хорошихъ людей нашей родины. Этой же болѣзнью страдалъ и Щаповъ...

Въ 1863 году Аѳанасій Прокофьевичъ принималъ участіе въ газетѣ *Очерки,* издававшейся А. Очкинымъ подъ редакціей Елисеева. Здѣсь онъ помѣстилъ свою «Замѣтку о самоуправленіи», въ которой говорилъ, что «*земство* есть поземельно-общинный союзъ, *вся совокупность или масса народонаселенія*, связаннаго единствомъ земскихъ интересовъ, *безъ различія чиновъ, сословій и этнографическаго разнообразія*».

Но съ этого же приблизительно времени во взглядахъ Щапова начинаетъ замѣчаться сильная перемѣна. Онъ еще болѣе, чѣмъ прежде, удаляется отъ славянофиловъ и переходитъ въ ряды сторонниковъ «европеизма». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ увлекаться естественными науками. Очевидно, на него оказала сильное вліяніе та проповѣдь необходимости и спасительности естествознанія, которая такъ горячо велась въ то время. Подъ этимъ вліяніемъ Щаповъ мѣняетъ свой взглядъ даже на самое изученіе русской

*) Выраженіе Достоевскаго.

исторіи и мечтаетъ «о естественникѣ, который долженъ бы былъ пролить свѣтъ на русскую народную исторію». Въ этихъ мечтахъ заключается зерно всей послѣдующей дѣятельности нашего историка. Наступаетъ новая стадія его развитія, новый періодъ его научной работы.

Въ 1863 году Аѳанасій Прокофьевичъ лежалъ въ клиникѣ Боткина въ одной палатѣ съ Н. Г. Помяловскимъ, который ужасно мучился въ бѣлой горячкѣ. На зиму Щаповъ перешелъ въ клинику проф. Заблоцскаго. «Студенты медико-хирургической академіи начали посѣщать Щапова цѣлыми толпами, и въ кругу ихъ онъ вспоминалъ казанскую жизнь, свою силу и вліяніе; только теперь, вмѣсто прежнихъ обычныхъ словъ—«земское строеніе», «народосовѣтіе» и т. п.—не сходили съ языка ссылки на Дарвина, Вундта, Фохта, Молешота, Гартвига и проч.».

... Но Щапову не удалось закончить свое естественно-научное образованіе въ Петербургѣ...

Во все время своего пребыванія въ столицѣ Аѳанасій Прокофьевичъ не переставалъ пить... Въ пьяномъ видѣ онъ постоянно заводилъ «исторіи» и устраивалъ скандалы — преимущественно съ чиновниками и офицерами, которыхъ онъ очень не любилъ. Не часто бывалъ Щаповъ въ хорошемъ и спокойномъ настроеніи. Непріятности съ цензурой и съ разнаго рода борзописцами и «скрипачами горя народнаго», какъ онъ называлъ ихъ, травля и прочіе подвиги знаменитаго Аскоченскаго и другихъ «охранителей основъ», нужда въ деньгахъ и матеріальная зависимость отъ издателей—все это очень отражалось на душевномъ состояніи Щапова. Поддерживала и успокаивала Аѳанасія Прокофьевича только его невѣста Ольга Ивановна Жемчужникова, съ которой онъ познакомился на святкахъ 1862 г. Надо замѣтить, что у Щапова былъ высокоидеальный взглядъ на призваніе женщины. «И вотъ онъ нашелъ осуществленіе своего идеала въ Ольгѣ Ивановнѣ, которая заявила готовность стать помощницей его тяжелыхъ трудовъ на всю жизнь». И эту готовность она вскорѣ доказала на дѣлѣ.

Григорій Алексинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Трудовая помощь.

Вопросъ о людяхъ, которые прибѣгаютъ къ общественной благотворительности для того, чтобы снискать пропитаніе, всегда былъ однимъ изъ самыхъ роковыхъ вопросовъ соціальной жизни. Общество давно уже обратило вниманіе на полную нецѣлесообразность той формы, въ которую отливалось попеченіе о нищихъ, выражавшееся въ подачи милостыни. Результаты этой благотворительности были слишкомъ наглядны для того, чтобы на этотъ счетъ могли существовать какія-нибудь сомнѣнія. Никакія самыя обильныя подаянія не уменьшали количества нищихъ. Наоборотъ, нищенство росло все болѣе и болѣе, превращаясь въ настоящую язву, всегда открытую, всегда напоминающую обществу объ органическихъ недостаткахъ соціальнаго строя, вызывающихъ ее. Не могла не обратить вниманіе на нищенство и государственная власть, хотя бы ужъ потому, что оно представляло собою элементъ, небезопасный въ государственномъ отношеніи. Чувствуя себя, однако, безсильнымъ для того, чтобъ излѣчить язву нищенства, государство не нашло ничего лучшаго, какъ запрещеніе подъ страхомъ извѣстныхъ наказаній просить и подавать милостыню. Такія запрещенія существовали какъ въ западныхъ, такъ и въ нашемъ законодательствѣ. Но запрещенія, хотя и сопровождавшіяся иногда суровыми репрессаліями, не могли, конечно, достигнуть цѣли. Количество нищихъ не уменьшилось, а общество не могло оставаться равнодушнымъ къ людямъ, протягивающимъ руку за подаяніемъ. И милостыню продолжали подавать, продолжаютъ подавать и въ настоящее время. Подаютъ и слабымъ, больнымъ и калѣкамъ, подаютъ и здоровымъ, не находящимъ примѣненія своему труду или не желающимъ трудиться. Подающій рѣдко разбираетъ, кому онъ подаетъ, руководствуясь, повидимому, въ этихъ случаяхъ чувствами, выраженными поэтомъ въ стихахъ:

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!..

Однако, нецѣлесообразность такой неразборчивой благотворительности и развитіе профессіональнаго нищенства, вызываемое ею, мало-по-малу

привели общество къ убѣжденію въ необходимости урегулировать и извѣстнымъ образомъ организовать дѣло помощи нищимъ. Съ другой стороны, общество поняло, что недостаточно ограничиться подачей милостыни, но нужно изслѣдовать причины, приведшія человѣка къ необходимости протянуть руку за подаяніемъ и помочь ему выйти изъ того жалкаго положенія, въ которомъ онъ находится. Подать нищему грошъ и съ спокойной совѣстью отойти отъ него—легко; гораздо труднѣе поставить его на ноги и дать ему возможность существовать самостоятельно, не прибѣгая вѣчно къ общественной благотворительности. И лучшее средство для такого рода существенной помощи найдемъ въ трудѣ. Общество пришло къ сознанію, что оно обязано содержать на свой счетъ лишь больныхъ, дряхлыхъ и слабыхъ, вообще лицъ, неспособныхъ къ труду; всякій способный трудиться обязанъ собственнымъ трудомъ снискать себѣ пропитаніе. Ему должна быть лишь дана возможность трудиться въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не находитъ примѣненія своему труду. Такимъ образомъ возникла идея *трудовой помощи,* исключающей возможность профессіональнаго нищенства и попрошайничества. Идея эта быстро получила широкое развитіе на Западѣ, а въ послѣднее время пустила корни и у насъ. Кромѣ территоріальныхъ завоеваній, она оказалась въ высшей степени практичной и способной къ внутреннему развитію, выразившись на практикѣ во множествѣ самыхъ разнообразныхъ формъ. И сейчасъ идея трудовой помощи находится еще въ періодѣ развитія, такъ какъ жизнь, сообразно съ своими потребностями, продолжаетъ вырабатывать все новыя и новыя формы для наиболѣе цѣлесообразнаго ея выраженія.

Къ этимъ-то формамъ и вообще къ постановкѣ дѣла трудовой помощи на Западѣ и у насъ мы въ настоящее время и перейдемъ.

Изъ европейскихъ государствъ выдѣляются раціональной постановкой дѣла трудовой помощи три сѣверныхъ государства. Швеція, Норвегія и Данія, особенно маленькая Дарія, гдѣ частная иниціатива тратитъ на дѣло призрѣнія бѣдныхъ приблизительно 35 милліоновъ руб. въ годъ.

Книга г. Ганзена «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ» даетъ весьма поучительную картину постановки этого дѣла на Сѣверѣ.

Въ виду обилія разныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій общаго характера, примѣняющихъ трудовую помощь,—спеціальныхъ учрежденій, вродѣ работныхъ домовъ, здѣсь сравнительно немного.

Изъ учрежденій спеціальнаго типа отмѣтимъ прежде всего городской «рабочій домъ» въ Копенгагенѣ. Онъ предназначенъ главнымъ образомъ, для людей опустившихся, пьяницъ, бродягъ, лѣнтяевъ, ведущихъ распущенную жизнь и т. д. Рабочій домъ расположенъ на обширномъ участкѣ въ одномъ изъ предмѣстій города и прилегаетъ къ полямъ и огородамъ, что даетъ возможность занимать призрѣваемыхъ работой на открытомъ воздухѣ.

Учрежденіе это распадается на семь отдѣленій: 1) собственно «рабочій домъ», 2) отдѣленіе для безпріютныхъ, 3) смирительный домъ или штраф-

ное отдѣленіе, 4) отдѣленіе для матерей съ грудными дѣтьми, 5) отдѣленіе для молодыхъ дѣвушекъ, 6) отдѣленіе для старыхъ, еще способныхъ къ труду и 7) больница. Кромѣ того въ домѣ помѣщается множество мастерскихъ, паровая прачечная, такая же кухня, дезинфекціонная камера, ванныя, квартиры для служащихъ и т. д.

Рабочій день въ домѣ начинается лѣтомъ въ 6 час. утра, а зимою въ 7 час., кончается же лѣтомъ въ 7 час. вечера, а зимою въ 6 час.; за работу сверхъ нормъ полагается добавочная плата. За важные проступки и дурное поведеніе призрѣваемыхъ отправляютъ въ штрафное отдѣленіе. Изъ заработной платы, очень незначительной, впрочемъ, часть выдается на руки, а другая остается «на счету» призрѣваемаго, пока онъ не покинетъ дома. Если эти сбереженія превышаютъ 5 кронъ (приблизительно два съ половиной рубля), то они ему выдаются постепенно, по 5 кронъ каждую недѣлю.

Самое поступленіе въ «рабочій домъ» рѣдко бываетъ добровольное; обыкновенно призрѣваемыхъ доставляютъ туда по постановленію городского управленія, полиціи или «общаго попечительства о бѣдныхъ», учрежденія офиціальнаго.

Каждаго вновь поступающаго отправляютъ раньше всего въ ванную, по выходѣ изъ которой ему даютъ казенное бѣлье и платье. Затѣмъ его знакомятъ съ правилами учрежденія и указываютъ работу. Работы производятся самыя разнообразныя. Мужчины занимаются метеніемъ улицъ, отесываніемъ камней и заготовленіемъ щебня для мощенія улицъ, плетеньемъ рогожъ, клейкой бумажныхъ картузовъ и коробокъ, полевыми и огородными работами и т. д. Женщины заняты въ прачечной, гардеробной и кухнѣ, гдѣ у нихъ работы не мало, такъ какъ въ домѣ обыкновенно помѣщается до 1,200 человѣкъ. Кромѣ того онѣ занимаются шитьемъ, вязаньемъ, штопаньемъ и трепаньемъ шерсти.

Производительность труда призрѣваемыхъ выразилась въ 1897 г. въ суммѣ 105 тысячъ руб. приблизительно, на которые было чистой прибыли 35 тысячъ. Общій же расходъ на рабочій домъ (безъ смирительнаго отдѣленія) въ томъ же году достигъ 75 тысячъ руб., а каждый призрѣваемый обходился около 40 коп. въ день. Если принять во вниманіе, что призрѣваемые получаютъ хорошее содержаніе, то такой незначительный расходъ слѣдуетъ признать результатомъ образцовой постановки дѣла въ рабочемъ домѣ и умѣнья администраціи утилизировать трудоспособность призрѣваемыхъ.

Приблизительно такой же постановкой дѣла отличается и второе крупное учрежденіе трудовой помощи въ Копенгагенѣ «Убѣжище св. Іоанна», содержимое также на средства «общаго попечительства о бѣдныхъ». Въ убѣжищѣ этомъ, кромѣ работнаго дома на 650 чел., имѣется еще временный пріютъ для дѣтей, разсчитанный на 120 чел., 60 мальчиковъ и 60 дѣвочекъ.

Другую форму учрежденій трудовой помощи представляетъ собою «тру-

довой пріютъ-семья для глухонѣмыхъ дѣвушекъ» въ Копенгагенѣ. Надо замѣтить, что въ Даніи существуетъ множество учебныхъ заведеній для воспитанія и обученія глухонѣмыхъ. Этимъ, однако, не ограничиваются заботы общества о глухонѣмыхъ. Различныя учрежденія обезпечиваютъ ихъ участь по выходѣ изъ воспитательныхъ заведеній. Однимъ изъ лучшихъ учрежденій этого рода и является пріютъ-семья для глухонѣмыхъ дѣвушекъ.

Основанъ онъ былъ лѣтъ тридцать тому назадъ кружкомъ частныхъ лицъ. Незначительность средствъ—кружокъ располагалъ всего какими-то 800 руб.—позволило открыть дѣло лишь на самыхъ скромныхъ началахъ: пріютъ принялъ семь глухонѣмыхъ дѣвушекъ, которыхъ обучали бѣлошвейному и прачечному труду. Вообще многія нынѣ богатыя благотворительныя учрежденія въ Даніи начали свою дѣятельность съ самыми скромными средствами. Незначительность средствъ не останавливаетъ здѣсь людей иниціативы. Они знаютъ, что энергіей и преданностью дѣлу они раньше или позже завоюютъ общественныя симпатіи, и маленькое начинаніе разрастется въ крупное общественное дѣло.

Невольно при этомъ вспомнишь, какъ часто у насъ, наоборотъ, дѣло начинающееся на самыхъ широкихъ началахъ, съ большими средствами, съ широковѣщательными программами, съ громкими фразами и обильными рѣчами, вслѣдствіе отсутствія выдержки, энергіи и солидарности руководителей и участниковъ мало-по-малу сводится на нѣтъ...

Уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего учрежденія пріютъ-семья, благодаря настойчивому труду своихъ руководителей, работавшихъ не покладая рукъ, привлекъ къ себѣ общественное вниманіе. Приливъ пожертвованій и стипендій далъ ему возможность пріобрѣсти собственный домъ и расширить дѣло. За сочувствіемъ общества, какъ это также часто бываетъ въ Даніи, пришло и сочувствіе правительства, разрѣшившее въ 1895 г. пріюту безпроцентную ссуду въ 10 тысячъ руб. для устройства образцовой прачечной. Послѣдняя, дѣйствительно, оказалась очень выгодной для пріюта. Несмотря на то, что пріютъ, изъ нежеланія вредить своей конкуренціей частнымъ предпринимателямъ, повысилъ цѣны за работы противъ обычныхъ, прачечная едва успѣваетъ справиться съ многочисленными заказами и приноситъ пріюту солидный доходъ. Наоборотъ, бѣлошвейное отдѣленіе приноситъ одни убытки и поддерживается въ небольшихъ размѣрахъ лишь въ интересахъ обученія глухонѣмыхъ дѣвушекъ этому ремеслу.

Научившись той или другой отрасли труда, дѣвушки, съ помощью завѣдующихъ пріютомъ, устраиваются на сторонѣ или остаются работать въ самомъ пріютѣ по вольному найму.

Рабочій день въ пріютѣ 8-мичасовой. Работницы, живущія на сторонѣ получаютъ отъ 16 до 22 руб. въ мѣсяцъ, живущія въ пріютѣ на полномъ содержаніи—отъ 3 до 7 руб.

Подготовительный курсъ въ пріютѣ продолжается два года съ платой за обученіе и полный пансіонъ по 120 руб. въ годъ, но пріютъ не от-

казывается принимать и дѣвушекъ, не имѣющихъ возможности платить за свое содержаніе. Въ этихъ случаяхъ имъ пріискиваютъ какія-нибудь занятія до окончанія курса обученія или же помѣщаютъ въ какое-нибудь благотворительное убѣжище.

Согласно своему назначенію, пріютъ въ извѣстной степени замѣняетъ для призрѣваемыхъ семью. Глухонѣмыхъ ученицъ и работницъ окружаютъ всевозможными заботами и попеченіями; лѣтомъ для нихъ устраиваются экскурсіи за городъ, зимою ихъ водятъ въ театры, музеи, на выставки и т. д. Вообще постановка дѣла въ пріютѣ-семьѣ для глухонѣмыхъ дѣвушекъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Изъ другихъ крупныхъ учрежденій трудовой помощи для взрослыхъ въ Копенгагенѣ заслуживаетъ вниманія «Трудовой пріютъ-семья для одинокихъ мужчинъ». И этотъ пріютъ, начавшій свою дѣятельность въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, успѣлъ за какіе-нибудь четыре года пріобрѣсти собственный домъ стоимостью въ 30 тысячъ и развить свое дѣло настолько, что въ настоящее время призрѣваетъ въ теченіе года свыше 500 человѣкъ. Задача учрежденія—предоставлять кровъ, пищу и работу одинокимъ мужчинамъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ поставлены въ возможность устроиться самостоятельно. Изъ производящихся въ пріютѣ работъ наиболѣе широкое примѣненіе находитъ себѣ колка и пилка дровъ.

Аналогичное устройство съ копенгагенскимъ имѣетъ христіанійскій трудовой пріютъ для мужчинъ, съ той только разницей, что сюда принимаютъ всѣхъ безработныхъ безъ различія семейнаго положенія. Между прочимъ, пріютъ этотъ служитъ посредникомъ между нуждающимися въ работѣ и работодателями. Дѣятельность его въ этомъ направленіи изъ года въ годъ все болѣе и болѣе расширяется. Въ 1897 году онъ доставилъ работу на сторонѣ 1,265 чел. Въ самомъ пріютѣ работаетъ въ годъ свыше 600 чел., въ то время, какъ при открытіи онъ доставлялъ работу лишь 238 чел.

Имѣя въ виду не только доставленіе работы нуждающимся въ ней, но и борьбу съ профессіональнымъ нищенствомъ и бродяжествомъ, пріютъ придумалъ одну весьма цѣлесообразную мѣру. Онъ выпустилъ карточки цѣною отъ 10 до 50 коп. Каждый, желающій подать милостыню нищему, можетъ пріобрѣсти въ любомъ магазинѣ такую карточку, которая даетъ принесшему ее въ пріютъ право немедленно получить работу. Конечно, нищій, не желающій работать, можетъ бросить карточку, но деньги, уплаченныя за нее, всетаки идутъ въ пользу пріюта.

Особенно полно проводитъ въ Даніи принципъ трудовой помощи датскій отрядъ извѣстной «Арміи спасенія». Организація, созданная ею, имѣетъ то преимущество, что всѣ ея благотворительныя учрежденія находятся въ неразрывной связи между собою. Рядомъ съ работными домами отрядъ устроилъ ночлежные пріюты, столовыя и экипировочныя бюро. Всякій, пришедшій въ работный домъ, немедленно находитъ заработокъ, который ему даетъ возможность удовлетворить всѣмъ своимъ насущнымъ по-

требностямъ въ учрежденіяхъ «Арміи спасенія». Кромѣ того, отрядъ устроилъ «контору труда», которая доставляетъ нуждающимся работу на сторонѣ.

Программа «Арміи спасенія» очень скромна. «Было бы безполезно,—говоритъ ея генералъ, знаменитый Бутсъ,—чтобы каждому желающему работать человѣку было бы обезпечено такое же гигіеничное помѣщеніе, такая же хорошая одежда и такая же привольная пища, какими пользуются преступники, заключенные въ тюрьмахъ». Достаточно пока, чтобъ этимъ людямъ были обезпечены «условія существованія лондонской извозчичьей клячи».

«Извозчичья кляча,—говоритъ Бутсъ,—имѣетъ предъ людомъ, о которомъ идетъ рѣчь, два преимущества: во-первыхъ, ей нечего заботиться о правильной, постоянной работѣ, о ночлегѣ и о кормѣ, достаточномъ для поддержанія ея силъ и работоспособности,—все это ей обезпечено; во-вторыхъ, если она поскользнется и упадетъ, разборъ причинъ ея паденія—собственная вина, несчастная случайность, вина другихъ—отлагается до тѣхъ поръ, пока ее не поставятъ снова на ноги, что и дѣлается немедленно». Генералъ Бутсъ находитъ, что было бы справедливо распространить всѣ эти преимущества положенія извозчичьей клячи и на людей.

Дѣятельность «Арміи спасенія» въ Даніи выразилась въ устройствѣ множества благотворительныхъ учрежденій, разбросанныхъ по всей странѣ. Въ самомъ Копенгагенѣ «Армія» устроила два ночлежныхъ пріюта со столовыми и два работныхъ дома для мужчинъ, ночлежный пріютъ со столовой и работный домъ для женщинъ, убѣжище для падшихъ женщинъ, пріютъ для выпущенныхъ изъ тюремъ, экипировочное бюро, артель чистильщиковъ сапогъ, справочную контору, отдѣленіе для оказанія немедленной помощи, контору труда и курсы для вновь поступающихъ членовъ.

О размѣрѣ этихъ учрежденій можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ одномъ ночлежномъ пріютѣ для мужчинъ число ночлежниковъ доходитъ въ мѣсяцъ до 2,000 чел., а въ столовой расходуется до 8 тысячъ порцій; въ другомъ пріютѣ число ночлежниковъ доходитъ до 6 тысячъ въ мѣсяцъ, а въ столовой расходуется до 13 тысячъ порцій. Работные дома разсчитаны на 100 чел. каждый. Въ теченіе 1896—1897 гг. въ нихъ нашли работу до 9,479 чел. Работа, которой занимаютъ призрѣваемыхъ, крайне проста: сортировка старой бумаги, шитье мѣшковъ, трепанье американской травы, идущей на набивку тюфяковъ, и заготовка по-англійскому способу растопокъ, которыя, благодаря дешевой цѣнѣ, имѣютъ большой сбытъ. Заработокъ трудящихся доходитъ до 35 коп. въ день.

Подобно христіанійскому пріюту «Армія спасенія» выпускаетъ особые билеты, дающіе право на полученіе работы и пищи въ ея учрежденіяхъ.

Убѣжище для падшихъ женщинъ призрѣваетъ 30 чел. Призрѣваемыя женщины занимаются приготовленіемъ бѣлья, стиркой, шитьемъ и переплетнымъ мастерствомъ. Со времени открытія пріюта въ 1893 г. въ немъ перебывало свыше 300 женщинъ. По окончаніи «искуса» призрѣваемыя

пристраиваются «Арміей спасенія» на мѣста въ провинціи. Отчеты пріюта показываютъ 70% исправившихся.

Весьма полезное учрежденіе представляетъ собою экипировочное бюро. Подержанная одежда, доставленная въ изобиліи жертвователями, а отчасти пріобрѣтаемая, приводится здѣсь въ порядокъ и чистится,—что тоже даетъ многимъ лицамъ заработокъ,—а затѣмъ продается кліентамъ «Арміи спасенія» за плату отъ 50 коп. до 1 руб. за полный костюмъ.

Упомянемъ еще о «справочной конторѣ», дѣятельность которой заключается въ наведеніи по просьбѣ родственниковъ или друзей справокъ о людяхъ, не подающихъ о себѣ вѣсти. Въ виду того, что «Армія спасенія» имѣетъ отдѣленія почти во всѣхъ странахъ свѣта, ей удается въ 75 случаяхъ изъ 100 удовлетворять такія просьбы. Дѣятельность въ этомъ направленіи доставила «Арміи» не мало приверженцевъ изъ числа признательныхъ кліентовъ.

Вообще постановку дѣла трудовой помощи датскимъ отрядомъ «Арміи спасенія» нельзя не признать практичной и цѣлесообразной.

Щедрой рукою основывая различныя учрежденія трудовой помощи, общественные дѣятели сѣвера поняли, однако, что всѣ усилія ихъ ни къ чему не приведутъ, если одновременно не будетъ обращено самое серьезное вниманіе на подрастающее поколѣніе, на тѣхъ безпризорныхъ или воспитывающихся въ ненормальныхъ условіяхъ семейной жизни дѣтей, которыя и поставляютъ впослѣдствіи постоянный контингентъ тюремныхъ сидѣльцевъ или кандидатовъ въ работные дома. Поставить на ноги и возродить къ новой жизни опустившагося взрослаго человѣка—часто является задачей безнадежной. Гораздо легче пріучить къ труду и направить на честный путь подростка или юношу, хотя бы ужъ нѣсколько испорченнаго. Вотъ почему на сѣверѣ получили широкое развитіе самыя разнообразныя учрежденія, предназначенныя для призрѣнія и воспитанія заброшенныхъ или вступившихъ уже на скользкій путь порока дѣтей. Въ виду тѣсной связи этихъ учрежденій съ идеей трудовой помощи мы остановимъ нѣсколько на нихъ вниманіе читателей.

Призрѣніе дѣтей, по самому существу дѣла, должно было, разумѣется, принять совсѣмъ другія формы, чѣмъ призрѣніе взрослыхъ. Одной изъ наиболѣе распространенныхъ формъ этого рода благотворительности явилась отдача дѣтей въ частныя добропорядочныя семьи и такъ называемые «пріюты-семьи». Въ 1892 г. въ Даніи насчитывалось 58 пріютовъ-семей, въ которыхъ воспитывалось среднимъ числомъ по 17 дѣтей. Содержаніе ихъ покрывалось, главнымъ образомъ, частными пожертвованіями, 35% расходовъ падало на долю обществъ и 3% на долю правительства. Впрочемъ, въ послѣднее время, въ виду пользы такихъ пріютовъ, правительство увеличило пособія на этотъ предметъ. Въ пріютахъ соблюдается извѣстная классификація дѣтей по возрасту, степени развитія и нравственному уровню. Такъ, избѣгаютъ соединять дѣтей болѣе или менѣе испорченныхъ уже съ дѣтьми, изъятыми изъ ненормальныхъ условій жизни, но

еще не искалѣченными, отсталыхъ съ развитыми и т. д. Въ пріютахъ дѣтямъ дается образованіе въ размѣрѣ программы начальныхъ городскихъ училищъ и кромѣ того ихъ обучаютъ ручному труду. Дѣвочекъ учатъ еще и женскимъ рукодѣльямъ. По окончаніи пріюта воспитанники пристраиваются въ ремесленныхъ мастерскихъ или у сельскихъ хозяевъ; болѣе способнымъ доставляется возможность продолжать образованіе. По собраннымъ статистическимъ даннымъ о дѣятельности пріютовъ-семей, оказывается, что окончившіе ихъ дали: падшихъ—0,9%, сомнительныхъ—2,13% и удовлетворительныхъ—96,97%.

Точно также хорошіе результаты даетъ и отдача дѣтей въ частныя семьи, которой систематически занимается спеціальное общество, основанное въ 1891 г. датскимъ пасторомъ Ко.

Въ 90-хъ же годахъ возникло въ Даніи «общество дѣтскихъ сельскихъ пріютовъ-колоній», подготовляющее призрѣваемыхъ имъ дѣтей въ сельскіе работники. Общество беретъ на свое попеченіе, главнымъ образомъ, сиротъ, начиная съ дѣтскаго возраста и воспитываемыхъ до 18-лѣтняго возраста. Въ колоніяхъ воспитывается обыкновенно не болѣе 30 дѣтей. Призрѣваемымъ даютъ начальное образованіе и обучаютъ земледѣлію, огородничеству, садоводству, уходу за скотомъ и ручному труду въ различныхъ его видахъ. Дѣвочекъ же обучаютъ кромѣ того рукодѣлію и работамъ по хозяйству.

Но едва ли не самыми замѣчательными изъ учрежденій, предназначенныхъ для подрастающаго поколѣнія, являются воспитательно-исправительныя колоніи для подростковъ, вступившихъ уже на путь порока и преступленія, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, для «заблудшихъ» дѣтей. Еще въ 1837 г. въ Даніи было основано «общество для спасанія заблудшихъ дѣтей». За эти 60 лѣтъ общество имѣло на своемъ попеченіи около 2 т. дѣтей, изъ которыхъ $^2/_3$, благодаря усиліямъ его, стали частными и полезными тружениками. Въ основу дѣятельности общества положена мысль, что наказаніе не исправляетъ, а лишь окончательно развращаетъ испорченныхъ дѣтей и что бороться съ дѣтской испорченностью надо лишь путемъ воспитанія. Для общества нѣтъ малолѣтнихъ преступниковъ, а есть только несчастныя, брошенныя, запущенныя и заблудшія дѣти, которыхъ надо воспитывать, а не карать. Съ этой цѣлью общество отдаетъ своихъ питомцевъ или въ частныя семьи и пріюты-семьи, ничѣмъ не отличающіеся отъ описанныхъ выше учрежденій этого типа, или въ спеціальныя воспитательно-исправительныя колоніи. (Замѣтимъ, кстати, что послѣднее слово «исправительная колонія» совершенно изгнано изъ употребленія при наименованіи такихъ учрежденій, равно какъ и обычный терминъ «для малолѣтнихъ преступниковъ»).

Всѣхъ воспитательно-исправительныхъ сельскихъ колоній въ Даніи шесть, наиболѣе выдающіяся изъ нихъ—«Бегильгоръ», «Въ память Гольштейна» и «Гиммельбьерггорденъ», («Усадьба на небесной горѣ»). Всѣ онѣ расположены въ красивыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ по справедливому

мнѣнію ихъ основателей, красота природы производитъ благотворное вліяніе на душу ребенка. Особенно удачно мѣстоположеніе «Гиммельбьерггордена», расположеннаго въ одномъ изъ красивыхъ уголковъ Даніи. Здѣсь, вдали отъ шумныхъ городовъ, среди мирной сельской природы, призрѣваемыхъ, большей частью бывшихъ воришекъ и вообще лицъ, имѣвшихъ уже дѣло съ правосудіемъ, воспитываютъ въ любви къ труду и порядку. Вотъ, наприм., какъ проходитъ день въ «Бегильгорѣ». Встаютъ зимою въ 6 чатовъ утра и до 8 завтракаютъ и исполняютъ различныя работы по дому. Въ 8 начинаются классныя занятія и продолжаются до 5 час. съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ. Кромѣ того по вечерамъ занимаются еще 2 часа ручнымъ трудомъ. Лѣтомъ порядокъ дня другой: встаютъ въ 5 час., съ 7 до 12 идутъ занятія въ классахъ, а время съ 12 до 7 посвящается сельскимъ работамъ. Ложатся спать воспитанники круглый годъ въ 9 часовъ вечера.

Въ свободное время лѣтомъ дѣти занимаются садовыми работами на особомъ участкѣ, отведенномъ имъ; зимою катаются на конькахъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ ихъ занимаютъ вечеромъ чтеніемъ вслухъ и пѣніемъ.

По статистическимъ даннымъ сельскія колоніи даютъ огромный процентъ исправившихся. Такъ изъ выпущенныхъ за 18 лѣтъ изъ колоніи «въ память Гольштейна» 636 человѣкъ, исправившихся было 80 процентовъ, а изъ остальныхъ 20% только 6% оказались вновь привлеченными къ суду.

Такой блестящій результатъ дѣятельности колоній объясняется чрезвычайно удачнымъ выборомъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, и той педагогической системой, которую они примѣняютъ по отношенію къ заблудшимъ дѣтямъ. Система эта въ изложеніи завѣдующаго «Гиммельбьерггорденомъ» извѣстнаго датскаго педагога Будде, сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: «Во-первыхъ, необходимо надо вѣрить въ то, что въ каждомъ ребенкѣ есть хорошее; во-вторыхъ, надо съ ребенкомъ обращаться кротко, ласково, избѣгая всякихъ строгостей и наказаній; въ-третьихъ, надо пробуждать и развивать въ немъ чувство прекраснаго; въ-четвертыхъ, надо постоянно упражнять его физическія силы и занимать его мысли чѣмъ-нибудь хорошимъ, полезнымъ».

И надо отдать справедливость педагогамъ, управляющимъ колоніями, что у нихъ слово не расходится съ дѣломъ, и что датскія исправительныя колоніи чрезвычайно выгодно отличаются отъ другихъ заведеній такого рода, всегда представляющихъ собою нѣчто среднее между тюрьмой и казармой.

Не касаясь другихъ подобныхъ заведеній, существующихъ въ Швеціи и Норвегіи, мы остановимся на «датскихъ трудовыхъ убѣжищахъ». Впервые они возникли въ 70-хъ годахъ и быстро получили широкое распространеніе. Въ убѣжищахъ дѣти проводятъ весь день съ утра до вечера, пользуясь полнымъ уходомъ и обучаясь ручному труду. Рядомъ съ обык-

новенными убѣжищами развились, такъ называемыя, дополнительныя дѣтскія убѣжища, цѣль которыхъ служить дополненіемъ къ начальнымъ городскимъ школамъ, т.-е. давать пріютъ и полезныя занятія дѣтямъ въ свободное отъ школы время. Польза такихъ убѣжищъ очевидна. Множество дѣтей изъ бѣдныхъ семей, возвращаясь изъ школы домой (обученіе въ Даніи обязательно), остаются безъ всякаго надзора, такъ какъ родители нерѣдко находятся внѣ дома, гдѣ-нибудь на фабрикѣ, въ ремесленной мастерской и т. д. Такія дѣти легко могутъ подвергнуться вліянію улицы, такъ гибельно дѣйствующей часто на воспріимчивую дѣтскую душу. Вотъ тутъ и является кстати «дополнительное» убѣжище, отвлекающее дѣтей отъ улицы и вмѣстѣ съ тѣмъ дающее имъ въ руки ремесло, которое со временемъ дастъ имъ прочный самостоятельный заработокъ.

Въ настоящее время въ дополнительныхъ убѣжищахъ находятъ пріютъ приблизительно до 800 дѣтей. Ихъ занимаютъ прежде всего починкой одежды и обуви, какъ ихъ собственной, такъ и ихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, затѣмъ шитьемъ, вышиваньемъ, вязаньемъ, тканьемъ, рисованіемъ, плетеніемъ изъ стружекъ, соломы, пальмовыхъ листьевъ, веревокъ и пр., сортировкой доставляемыхъ изъ магазиновъ пуговицъ, булавокъ и иголъ, выдѣлываніемъ щетокъ, клееніемъ коробокъ и т. д. При этомъ обращается особенное вниманіе на развитіе вкуса и изобрѣтательности дѣтей и на умѣнье утилизировать самыя, повидимому, ненужныя вещи, вродѣ обрѣзковъ матерій и лентъ, изъ которыхъ выходятъ иногда очень красивыя и изящныя вещи. Приготовленныя дѣтьми вещи поступаютъ въ продажу на особыя выставки, наглядно рисующія дѣятельность дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ. Вырученныя деньги отчасти идутъ на заготовленіе новаго матеріала, отчасти выдаются дѣтямъ въ награду за прилежаніе.

По праздникамъ убѣжища организуютъ прогулки съ дѣтьми, устраиваютъ для нихъ игры, дѣтскіе праздники и т. д. На лѣто дѣтей стараются размѣстить по деревнямъ, дачамъ, санаторіямъ.

Въ большинствѣ убѣжищъ дѣтямъ пища не дается, въ нѣкоторыхъ же дается какое-нибудь молочное блюдо или даромъ, или за ничтожную плату. Содержаніе убѣжищъ обходится очень недорого, приблизительно около 8 рублей на каждаго ребенка.

Дѣятельность дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ въ Швеціи объединена «Центральнымъ комитетомъ дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ». Въ задачи комитета входитъ поддержаніе связи между убѣжищами, содѣйствіе существующимъ и возникающимъ убѣжищамъ денежной помощью, доставленіемъ работъ, совѣтами и указаніями, сборъ пожертвованій на дѣло трудовыхъ убѣжищъ, а также устройство курсовъ ручного труда для подготовки учительницъ дѣтскихъ убѣжищъ.

Преподавательскій персоналъ дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ въ Швеціи состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ женщинъ. При этомъ получилъ широкое примѣненіе добровольный даровой трудъ. Обыкновенно при одной платной учительницѣ, главной руководительницѣ убѣжища, состоитъ

нѣсколько безплатныхъ помощницъ. Такихъ добровольныхъ помощницъ въ 11 стокгольмскихъ убѣжищахъ насчитывается до 80, а въ 18 провинціальныхъ до 206. Большею частью это дѣвушки изъ богатыхъ семей и лучшаго круга общества.

Одной изъ главныхъ заботъ центральнаго комитета является постановка ручного труда въ убѣжищахъ. Какъ и въ датскихъ убѣжищахъ, здѣсь обращается особое вниманіе на разнообразіе и изящество работъ. Между прочимъ дѣти упражняются въ работахъ изъ стружекъ, лыка, коры, соломы, тростника, въ рѣзьбѣ и выпиливаніи по дереву, шитьѣ, тканьѣ, сапожномъ, слесарномъ и столярномъ мастерствахъ и т. д. Особенно практичнымъ оказывается обученіе сапожному мастерству.

Шведскія убѣжища выгодно отличаются отъ датскихъ тѣмъ, что въ нихъ введено снабженіе дѣтей пищей. Но вѣрные принципу по возможности ограничивать даровую помощь, замѣняя ее трудовою, завѣдующіе дѣтскими убѣжищами принимаютъ часть заработка дѣтей въ уплату за пищу. Такой порядокъ вещей внушаетъ дѣтямъ мысль, что каждый самъ обязанъ зарабатывать себѣ средства къ жизни. Впрочемъ, плата за пищу берется самая незначительная, за обѣдъ к. 5, а за ужинъ отъ 2 до 5 к.

Дѣтямъ особенно прилежнымъ дается въ видѣ награды платная работа на домъ. Дѣти ее охотно берутъ и нерѣдко привлекаютъ къ своей работѣ и взрослыхъ домашнихъ.

Занятія въ большинствѣ убѣжищъ ведутся не круглый годъ, а съ перерывомъ съ апрѣля по 1 октября. Дѣти очень неохотно разстаются съ убѣжищемъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ его открытія послѣ каникулъ. Теперь возникъ вопросъ о томъ, чтобы держать убѣжища открытыми цѣлый годъ.

Чтобы покончить съ постановкой трудовой помощи на сѣверѣ, мы должны еще упомянуть о существующихъ здѣсь центральныхъ справочныхъ бюро. Основанные въ интересахъ искорененія профессіональнаго нищенства и упорядоченія благотворительности, учрежденія эти много способствуютъ правильной постановкѣ дѣла трудовой помощи.

Организація Копенгагенскаго центральнаго бюро очень проста. Всѣ члены благотворительныхъ обществъ, а также желающія частныя лица, снабжаются особыми карточками, которыя вручаются просителю для предъявленія въ бюро. Въ послѣднемъ же имѣются справочныя книжки, гдѣ содержатся свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, обращавшихся за помощью, о томъ, когда они обращались, какого рода помощь была имъ оказана, какимъ благотворительнымъ учрежденіемъ и т. д. Получивъ отъ просителя карточку, бюро пересылаетъ справочную книжку заинтересованному лицу или учрежденію. Если послѣднее, познакомившись съ справочной книжкой просителя, находитъ возможнымъ удовлетворить его просьбу, оно производитъ разслѣдованіе его положенія и результаты его, а равно и рѣшеніе свое относительно оказанія помощи заноситъ въ книжку и возвращаетъ ее въ бюро.

Такимъ образомъ каждое благотворительное учрежденіе или частное

лицо, желающее помочь нуждающемуся, можетъ, познакомившись съ прошлымъ просителя, выбрать наиболѣе цѣлесообразный способъ помощи. Съ другой стороны, такая постановка дѣла исключаетъ возможность попрошайничества и злоупотребленій со стороны нуждающихся.

Стокгольмское бюро не представляетъ, подобно Копенгагенскому, самостоятельнаго учрежденія, но пріурочено къ «Обществу упорядоченія благотворительности». Разница въ организаціи та, что разслѣдованіе о положеніи нуждающагося, обращающагося въ бюро, производится не лицомъ, направившимъ его сюда, а членомъ общества упорядоченія благотворительности, которое и устраиваетъ его затѣмъ въ томъ или другомъ благотворительномъ учрежденіи. Такая постановка дѣла гораздо раціональнѣе. Задачей копенгагенскаго бюро является лишь контроль надъ нуждающимся; между тѣмъ какъ стокгольмское бюро само производитъ разслѣдованіе положенія просителей и чрезъ посредство общества упорядоченія благотворительности, находящагося въ сношеніяхъ со всѣми благотворительными обществами, такъ или иначе устраиваетъ ихъ.

Наиболѣе распространенный видъ помощи, оказываемый обществомъ упорядоченія благотворительности—это доставленіе нуждающимся работы. При обществѣ имѣется отдѣленіе ручного труда, доставляющее работу швеямъ, вышивальщицамъ, портнымъ и т. д. Другое отдѣленіе подъ названіемъ «Муравей» снабжаетъ слабосильныхъ несложной работой, вродѣ сортировки и починки жертвуемой обществу старой одежды, обуви, бѣлья и проч.

Служа посредникомъ между нуждающимися и работодателями и благотворительными обществами, общество упорядоченія благотворительности занимается и самостоятельной благотворительностью, основывая дѣтскіе пріюты, организуя новыя благотворительныя общества и т. д.

Описавъ подробно учрежденія трудовой помощи въ трехъ сѣверныхъ государствахъ и переходя нынѣ къ описанію ихъ въ другихъ западныхъ государствахъ, мы остановимся, главнымъ образомъ, на тѣхъ изъ нихъ, которыя отличаются отъ подобныхъ учрежденій на Сѣверѣ.

Въ *Германіи* рабочіе дома призрѣваютъ лицъ, уличенныхъ въ профессіональномъ ниществѣ, обременяющихъ собою общественную благотворительность вслѣдствіе пьянства и тунеядства, получающихъ общественное вспомоществованіе и въ то же время отказывающихся отъ предлагаемой работы, проститутокъ, не подчиняющихся полицейскимъ правиламъ, и т. д. Поступленію въ работный домъ предшествуетъ судебный приговоръ и отбытіе наказанія въ тюрьмѣ. Режимъ въ рабочихъ домахъ установленъ весьма строгій. Работа продолжается отъ 10 до 12 часовъ въ сутки. За нарушеніе требованій администраціи заключенные подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ, уменьшенію пищи или даже совершенному лишенію горячей пищи, одиночному заключенію иногда до 3 мѣсяцевъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ домахъ допускаются даже кандалы, тѣлесныя наказанія и куртки для сумасшедшихъ.

Мужчины, женщины и дѣти отдѣляются другъ отъ друга. Лицъ, помѣщаемыхъ въ первый разъ, отдѣляютъ отъ рецидивистовъ. Наиболѣе испорченныхъ заключаютъ въ особыя камеры.

Что касается учрежденій трудовой помощи въ тѣсномъ смыслѣ слова, то наиболѣе распространенный видъ ихъ въ Германіи—это работныя колоніи. Всѣхъ ихъ въ настоящее время 29 и онѣ могутъ пріютить 3,390 нуждающихся. (Журналъ *Трудовая помощь*, 1899 г., № 2, стр. 141). Съ организаціей ихъ насъ знакомятъ такъ называемые «ганноверскіе тезисы», принятые въ 1883 г. собравшимся въ Ганноверѣ съѣздомъ представителей работныхъ колоній.

Работныя колоніи имѣютъ задачей возвращеніе къ правильной трудовой жизни лицъ, оставшихся почему-либо безъ работы и вслѣдствіе этого подвергающихся опасности окончательнаго паденія. Въ колоніи принимаются всѣ, способные къ труду, даже вышедшіе изъ тюремъ; сначала они работаютъ безвозмездно, а по прошествіи двухъ недѣль за вознагражденіе. Работы, которыми занимаютъ колонистовъ, весьма разнообразны. Такъ какъ большинство колоній въ Германіи сельскохозяйственныя, то работы, главнымъ образомъ, состоятъ въ веденіи сельскаго и лѣсного хозяйства: колонисты воздѣлываютъ принадлежащія колоніи поля, осушаютъ болота, рубятъ лѣсъ и т. д. Но въ каждой почти колоніи есть и мастерскія, въ которыхъ призрѣваемыхъ обучаютъ наиболѣе употребительнымъ ремесламъ.

Срокъ пребыванія въ колоніи зависитъ отъ самихъ колонистовъ. На съѣздѣ въ Ганноверѣ было высказано мнѣніе о предпочтительности кратковременнаго пребыванія. Но опытъ привелъ къ убѣжденію, что болѣе или менѣе прочнаго исправленія и пріученія призрѣваемыхъ къ правильному труду можно достигнуть лишь послѣ продолжительнаго пребыванія ихъ въ колоніи. Поэтому въ послѣднее время стараются удерживать колонистовъ подольше, приблизительно въ теченіе года или даже двухъ лѣтъ. Такая мѣра удобна еще въ томъ отношеніи, что въ колоніи постоянно имѣется налицо извѣстный добропорядочный элементъ, оказывающій благотворное вліяніе на остальныхъ.

На выборъ личнаго состава управителей колоній обращаютъ въ Германіи самое серьезное вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, которому ввѣряется управленіе колоніей, населенной бродягами и всякаго рода отбросами общества, долженъ, кромѣ практической опытности, обладать высокими нравственными качествами. Трудность пріисканія такихъ людей нѣсколько облегчается существованіемъ, такъ называемыхъ, «Братскихъ домовъ». Дома эти возникли въ 50 годахъ и первоначально предназначались для обученія молодыхъ людей уходу за призрѣваемыми въ больницахъ, богадѣльняхъ и т. д. Въ послѣднее время, за расширеніемъ программы «Братскихъ домовъ», они стали поставлять управителей для работныхъ колоній.

Для болѣе близкаго ознакомленія читателей съ устройствомъ герман-

скихъ работныхъ колоній мы опишемъ здѣсь одну изъ нихъ, а именно колонію Erlach въ Виртембергѣ (*С. Д. Боткинъ. Работныя колоніи въ Виртемберіи.* Труд. пом. № 2).

Колонія расположена въ лѣсной, гористой мѣстности въ одной изъ наименѣе населенныхъ мѣстностей Виртемберга. Внѣшнимъ видомъ она напоминаетъ благоустроенный хуторъ. Кромѣ зданій, въ которыхъ находятся столовыя, спальни, помѣщеніе для служащихъ, здѣсь въ отдѣльныхъ зданіяхъ устроены конюшня, коровникъ, свинятникъ и птичникъ. Совершенно отдѣльно стоитъ небольшой домикъ для юныхъ колонистовъ. Онъ разсчитанъ на 12 чел. и имѣетъ особую мастерскую и столовую. Надо замѣтить, что въ послѣднее время въ колоніяхъ вообще принята система маленькихъ домовъ, дающая возможность отдѣлять другъ отъ друга разнородные элементы.

Главное занятіе колонистовъ—земледѣліе, огородничество, садоводство, скотоводство, молочное хозяйство и т. п. Большая часть получаемыхъ продуктовъ идетъ на нужды самой колоніи, остальная часть продается.

Всѣхъ колонистовъ сто. День ихъ строго распредѣленъ. Утромъ они встаютъ зимою въ 6 час., лѣтомъ въ 5 ч. Чрезъ полчаса, послѣ молитвы, колонисты получаютъ по большой кружкѣ кофе съ молокомъ и $^1/_2$ фун. хлѣба. Затѣмъ всѣ расходятся по работамъ. Въ 9 час. отдыхъ на $^1/_4$ часа—$^1/_2$ фунта хлѣба и кружка молока. Въ 12 часовъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Въ часъ всѣ снова за работой. Между 3 и $3^1/_2$ отдыхъ—$^1/_2$ фунта хлѣба и кружка кофе. Въ 7 час. конецъ работѣ и ужинъ изъ 2 блюдъ. Въ $8^1/_2$ лѣтомъ и въ 9 зимою молитва, послѣ которой всѣ отправляются спать. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ колонисты обязаны посѣщать церковь. Въ самыхъ колоніяхъ есть спеціальныя залы, куда являются по праздникамъ духовныя лица для бесѣдъ съ колонистами и чтенія проповѣдей.

При поступленіи колонистъ въ теченіе 24 дней ничего не получаетъ за работу. Затѣмъ, если онъ хорошо велъ себя, ему дается извѣстная плата, которая постепенно увеличивается соотвѣтственно съ его работоспособностью. Деньги выдаются колонисту при уходѣ изъ колоніи.

Принимаются въ колонію всѣ желающіе, за исключеніемъ занесенныхъ въ черную книгу. Въ книгу эту, имѣющуюся въ каждой колоніи, заносятся всѣ исключенные изъ колоній за дурное поведеніе. Ежемѣсячно списки такихъ лицъ посылаются всѣми колоніями Германіи въ центральный комитетъ въ Потсдамъ. Комитетъ соединяетъ ихъ въ одинъ общій списокъ, который и разсылается снова по всѣмъ колоніямъ. Случается, что менѣе провинившагося снова принимаютъ въ прежнюю колонію, и если поведеніе его безупречно, о немъ сообщаютъ въ Потсдамъ, и онъ вычеркивается изъ черной книги.

Кромѣ работныхъ колоній въ Германіи существуютъ еще «странноприимныя подворья» для странствующихъ ремесленниковъ и «попутные рабочіе пункты». Начало этимъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью утили-

зировать рабочую силу бродячаго люда, положилъ въ 50 годахъ боннскій профессоръ Петерсъ. Въ настоящее время такихъ пунктовъ и подворій въ Германіи около 1,500. Всѣ они объединены «Всеобщимъ союзомъ нѣмецкихъ странноприимныхъ подворій и попутныхъ рабочихъ пунктовъ». Расходы на содержаніе ихъ несутъ мѣстныя общины и городскія управленія. Въ настоящее время съѣздъ добивается помощи правительства и, между прочимъ, агитируетъ въ пользу изданія закона, по которому признано было бы обязательнымъ учрежденіе въ каждой провинціи необходимаго количества попутныхъ рабочихъ пунктовъ.

Такъ какъ одной изъ задачъ попутныхъ пунктовъ является борьба съ профессіональнымъ бродяжествомъ и нищенствомъ, то приняты мѣры для подчиненія бродячаго люда извѣстному контролю. Съ этою цѣлью изданы особыя правила и введены такъ называемыя путевыя свидѣтельства.

По правиламъ помощь на пунктахъ оказывается лишь лицу, располагающему не болѣе $1^1/_2$ марокъ. За утайку лишняго грозитъ привлеченіе къ судебной отвѣтственности. Нѣмые, больные и неспособные къ труду также не имѣютъ права пользоваться помощью на пунктахъ, а должны обращаться въ соотвѣтственныя учрежденія для призрѣнія. Каждый желающій воспользоваться гостепріимствомъ на пунктахъ, долженъ представить путевое свидѣтельство, а за неимѣніемъ такового пріобрѣсти его на данномъ пунктѣ за 10 пф. или часъ лишней работы. За помощь, полученную на пунктѣ, въ видѣ продовольствія и пріюта, призрѣваемый долженъ расплатиться работой. При оставленіи пункта ему выдается путевое свидѣтельство съ отмѣткою относительно поведенія. Лицо, предъявившее свидѣтельство съ неблагопріятной отмѣткой, ничего не получаетъ на пунктѣ, прежде чѣмъ не заработаетъ. *(Ганзенъ,* «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ, стр. 256—279).

Изъ центральныхъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу трудовой помощи, мы отмѣтили уже центральный комитетъ въ Потсдамѣ (Central-Vorstand der Deutschen Arbeiter-Kolonien), объединяющій дѣятельность всѣхъ работныхъ колоній въ Германіи. Комитетъ завѣдуетъ дѣлами, касающимися всѣхъ колоній и статистически разрабатываетъ посылаемые ему отчеты. Онъ имѣетъ свой органъ «Der Wanderer», выходящій ежемѣсячно въ Билефельдѣ. Каждый годъ комитетъ созываетъ съѣздъ представителей всѣхъ германскихъ колоній для обсужденія общихъ принципіальныхъ вопросовъ.

Весьма полезныя учрежденія представляютъ собою существующія во всѣхъ крупныхъ городахъ Германіи бюро для указанія работы, служащія посредниками между работодателями и рабочими. Всѣ бюро объединены общимъ союзомъ.

Кромѣ того отмѣтимъ еще центральное бюро учрежденій преслѣдующихъ цѣли попеченія о рабочихъ, Германское бюро призрѣнія и благотворительности, недавно учрежденное, общество призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности и др. Общества эти имѣютъ цѣлью собираніе и разработку во-

просовъ, касающихся трудовой помощи и благотворительности вообще въ Германіи и за границей, а также содѣйствіе учрежденію благотворительныхъ учрежденій посредствомъ справокъ, указаній, совѣтовъ и т. д.

Во *Франціи* рабочіе дома, въ которыхъ примѣняется принудительный трудъ, называются dépôts de mendicité. Въ эти депо заключаются уличенные въ прошеніи милостыни нищіе. Срокъ заключенія зависитъ отъ усмотрѣнія завѣдывающихъ депо. За неисполненіе требованій администраціи и уклоненіе отъ работы примѣняются строгія наказанія.

Рядомъ съ dépôts de mendicité во Франціи существуетъ множество домовъ трудолюбія, открытыхъ частными благотворительными обществами, число которыхъ свыше 50. Всѣ эти общества объединены «центральнымъ комитетомъ обществъ трудовой помощи во Франціи».

Изъ учрежденій трудовой помощи самое старое — домъ трудолюбія пастора Робена въ Парижѣ. Всѣмъ записывающимся въ члены общества Робена выдаются билеты на право полученія въ домѣ работы. Билеты эти раздаются членами общества вмѣсто милостыни. Явившійся съ такимъ билетомъ въ домъ Робена получаетъ тамъ пріютъ взамѣнъ легкой работы. Обычная работа призрѣваемыхъ состоитъ въ изготовленіи пучковъ лучины. Такихъ пучковъ каждый долженъ изготовить въ день не менѣе 50, за что получаетъ полтора франка, зачитываемые администраціей въ вознагражденіе за ночлегъ и пищу призрѣваемаго. Изготовляющіе болѣе 50 связокъ получаютъ излишекъ вознагражденія на руки по выходѣ изъ дома. Въ теченіе года домъ Робена призрѣваетъ свыше тысячи человѣкъ.

Крупнымъ учрежденіемъ трудовой помощи является прачечная на Avenue de Versailles. Она помѣщается въ обширномъ собственномъ зданіи и разсчитана на 3,000 работницъ. Доходъ прачечной превышаетъ 150 тысячъ франковъ въ годъ. Кромѣ того администрація пріискиваетъ болѣе или менѣе постоянныя мѣста приходящимъ сюда женщинамъ. (*Дмитріевъ*, «Дома трудолюбія», 1900 г.).

Вообще дома трудолюбія въ Парижѣ дѣлятся на двѣ категоріи: одни лишь предоставляютъ нуждающимся работу, оплачиваемую деньгами или билетами на ночлегъ, и пищу; другіе же, кромѣ предоставленія работы, призрѣваютъ нуждающихся. Учрежденій послѣдняго рода было въ 1896 г.—10. Одно изъ болѣе крупныхъ maison Lauбespin. Здѣсь имѣется обширная столярная мастерская, въ которой въ теченіе года работаетъ свыше тысячи человѣкъ. За день работы полагается два франка, которые немедленно выдаются рабочему на руки. Въ четырехъ этажахъ дома находится 40 комнатъ съ кроватями. За ночлегъ взимается семь су, за завтракъ и обѣдъ, которые отпускаются тутъ же въ столовой дома—18 су. Кромѣ того домъ является посредникомъ между работодателями и рабочими и въ теченіе года пристраиваетъ на мѣста сотни нуждающихся.

Весьма цѣлесообразно устроено убѣжище общества покровительства освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. До трехъ часовъ пополудни призрѣваемые занимаются приготовленіемъ связокъ лучины, за что получаютъ

плату поштучно, а послѣ трехъ часовъ выходятъ на поиски работы и возвращаются въ опредѣленный часъ на ночлегъ.

Городское управленіе Парижа примѣняетъ трудовую помощь въ ночлежномъ пріютѣ Nicolas Flamel и въ пріютѣ Pauline-Roland, предназначенномъ для женщинъ и дѣвушекъ, оставшихся временно безъ пріюта и работы.

Изъ учрежденій, которыя лишь предоставляютъ работу нуждающимся, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ—союзъ призрѣнія бѣдныхъ VI округа. Изъ 414 призрѣваемыхъ, принятыхъ въ 1898 г., 349 или 84% получили мѣста или возвратились на родину. Образцовымъ учрежденіемъ является и мастерская, устроенная союзомъ помощи бѣдныхъ XVI округа. Тотъ же союзъ устроилъ мастерскую и рукодѣльню, дающую работу сотнямъ женщинъ. Въ мастерскихъ VIII и XVII округа работаютъ 150—200 трудолюбцевъ, занимающихся изготовленіемъ связокъ лучинъ, бумажныхъ мѣшковъ, ярлыковъ для желѣзныхъ дорогъ; рукодѣльня даетъ работу на домъ матерямъ семействъ; столовая два раза къ день отпускаетъ супъ всѣмъ призрѣваемымъ. (*Трудовая помощь*, 1899 г., № 3, стр. 305—308).

Не отстаетъ отъ Парижа и провинція. Почти въ каждомъ французскомъ городѣ можно найти одинъ или нѣсколько домовъ трудолюбія.

Въ послѣднее время центральнымъ комитетомъ общества трудовой помощи былъ поднятъ вопросъ объ установленіи связи между учрежденіями трудовой помощи и ночлежными пріютами. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ связь эта и теперь существуетъ. Такъ, въ ночлежномъ пріютѣ «Арміи спасенія» въ Парижѣ ночлегъ дается лишь за плату. Рабочій, у котораго нѣтъ денегъ, можетъ заработать на ночлегъ и пищу въ мастерской, примыкающей къ дому. Въ муниципальномъ пріютѣ Nicolas-Flamel $^2/_3$ ночлежниковъ являются рабочими, занятыми въ теченіе 15—20 дней изготовленіемъ лучинъ для растопки или въ мастерскихъ какъ столяры, портные, слесаря. Въ Ліонѣ ночлегъ дается безъ всякихъ условій только первую ночь, но чтобы провести въ пріютѣ вторую ночь, нужно принять работу въ мастерской, находящейся въ сосѣдствѣ. То же практикуется въ Марселѣ, Монпелье и Гаврѣ.

Комитетъ призналъ желательнымъ, чтобы повсюду были устроены при ночлежныхъ домахъ мастерскія для здоровыхъ почлежниковъ, а также и бюро для пріисканія работы нуждающимся.

Что касается сельско-хозяйственныхъ колоній, то учрежденій, подобныхъ датскимъ и германскимъ, во Франціи нѣтъ. Взамѣнъ ихъ здѣсь существуютъ рабочіе сады, первоначально возникшіе въ Седанѣ по иниціативѣ «Общества возстановленія семьи». Въ настоящее время такіе сады существуютъ въ Арросѣ, Безаксонѣ, Нантѣ, Орлеанѣ и другихъ городахъ. Получивъ участокъ земли отъ того или другого общества спачала на годъ, а потомъ на нѣсколько лѣтъ сразу, рабочіе воздѣлываютъ ихъ на свой рискъ и страхъ.

Въ *Англіи* первый рабочій домъ былъ основанъ еще въ 1697 г. въ Бристолѣ. Затѣмъ въ 1703 г. былъ открытъ домъ въ Верчестерѣ, въ

1707 г. въ Плимутѣ и т. д. Въ настоящее время рабочіе дома устроены во всѣхъ англійскихъ городахъ. По закону каждый бѣдный имѣетъ право на призрѣніе его въ рабочемъ домѣ.

Режимъ въ англійскихъ домахъ весьма строгъ. Свобода призрѣваемаго въ домѣ стѣснена, права выхода для пріисканія занятій онъ не имѣетъ. Мужчины, женщины и дѣти работаютъ и живутъ отдѣльно. Семейные раздѣляются другъ отъ друга и могутъ видѣться лишь два раза въ мѣсяцъ въ опредѣленные дни. Законъ не лишаетъ призрѣваемаго права уйти, когда онъ хочетъ, изъ рабочаго дома, но ушедшій лишается зато права обратиться когда-нибудь вновь за помощью въ рабочій домъ.

Призрѣваемые въ рабочемъ домѣ обязаны исполнять назначаемыя имъ работы. Платы они не получаютъ никакой. Пища дается весьма скудная. Если добавить еще къ этому, что призрѣваемые временно ограпичиваются въ своихъ политическихъ правахъ, то окажется, что положеніе ихъ весьма незавидно.

Кромѣ рабочихъ домовъ въ Англіи существуютъ и пріюты для временно-нуждающихся. Каждый нуждающійся находитъ здѣсь пріютъ и содержаніе подъ условіемъ строго опредѣленной работы. Онъ долженъ въ теченіе сутокъ нащипать четыре фунта конопати или расколоть $^1/_2$ тонны камня. Неисполнившій этой работы привлекается къ уголовной отвѣтственности за тунеядство, за что по англійскимъ закопамъ полагается заключеніе въ тюрьму.

Рядомъ съ официальными учрежденіями трудовой помощи въ Англіи существуютъ и многочисленныя частныя учрежденія, помощь которыхъ обставлена гораздо менѣе стѣснительными условіями. Особенно много пріютовъ открыто Арміей спасенія. Призрѣваемые въ пріютахъ обязаны заработать свое содержаніе въ мастерскихъ Арміи. Всѣ рабочіе въ этихъ мастерскихъ дѣлятся на два разряда. Находящіеся въ первомъ разрядѣ никакой платы за трудъ не получаютъ, находящіеся во второмъ разрядѣ, куда переводятся наиболѣе прилежные и достойные, получаютъ, кромѣ содержанія 5 шил. заработной платы за каждую недѣлю. Рабочій день въ мастерскихъ продолжается 8 часовъ.

Съ подробностями организаціи трудовой помощи Арміей спасенія читатели знакомы уже по отписанію дѣятельности датскаго отряда ея.

Въ *Швейцаріи* рабочіе дома, согласно закону 1883 г., устраиваются правительствомъ для помѣщенія въ нихъ совершеннолѣтнихъ, способныхъ къ труду, но тунеядцевъ или ведущихъ безпутную жизнь и несовершеннолѣтнихъ испорченной нравственности или осужденныхъ. Обѣ эти категоріи призрѣваемыхъ содержатся отдѣльно другъ отъ друга точно такъ же, какъ женщины отдѣльно отъ мужчинъ. Пріемъ въ рабочій домъ разрѣшается административнымъ порядкомъ. Когда отецъ семейства ведетъ распутную жизнь, общинный совѣтъ, принявъ на свой счетъ воспитаніе его дѣтей и давши пріютъ его женѣ, дѣлаетъ о немъ заявленіе мѣстному представителю административной власти. Послѣдній дѣлаетъ подробное

разслѣдованіе относительно положенія даннаго лица и входитъ о немъ съ представленіемъ въ департаментъ полиціи, который, въ свою очередь, вноситъ вопросъ на разрѣшеніе кантональнаго совѣта. Въ случаѣ согласія совѣтъ опредѣляетъ и срокъ заключенія въ рабочемъ домѣ. (*Дмитріевъ.* Дома трудолюбія, стр. 69).

Изъ другихъ учрежденій трудовой помощи въ Швейцаріи наиболѣе распространенными являются продовольственныя станціи. Станціи эти появились въ Швейцаріи въ срединѣ 80-хъ годовъ съ цѣлью борьбы съ бродяжествомъ. Первыя станціи были устроены въ кантонѣ Сентъ-Галленѣ, затѣмъ въ Цюрихѣ. Въ настоящее время онѣ распространены по всей странѣ. Часть ихъ устроена общинами, другая государствомъ. Отдѣльныя общины, округи или кантоны, устраивающіе станціи, образуютъ общинные, окружные и кантонные союзы, которые объединены общимъ совѣтомъ, контролирующимъ отдѣльныя станціи и заботящимся о цѣлесообразномъ развитіи сѣти этихъ учрежденій по всей Швейцаріи.

Задача станцій состоитъ въ помощи безработнымъ людямъ, переходящимъ съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за заработкомъ. Станція даетъ имъ временный пріютъ и старается помочь въ пріисканіи работы. Призрѣніе не дается лишь пьянымъ и тѣмъ, которые отказываются отъ предложенной работы. Каждая станція состоитъ изъ двухъ отдѣленій: изъ контрольнаго бюро, разслѣдующаго положеніе лица, обращающагося за помощью, и гостиницы, гдѣ путнику предоставляется пища и ночлегъ. Въ теченіе полугода на одной и той же станціи можетъ быть данъ одному и тому же лицу лишь одинъ обѣдъ или ночлегъ одинъ разъ съ ужиномъ и завтракомъ. На многихъ станціяхъ полученіе помощи не обусловливается исполненіемъ какой-нибудь работы, на другихъ требуется непродолжительная работа отъ 2 до 4 часовъ.

Въ *Голландіи* трудовая помощь примѣняется въ сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ, возникшихъ еще въ 1818 г. по иниціативѣ генерала Ванъ-денъ-Боша. Голландскія колоніи, собственно, послужили прототипомъ для германскихъ. Въ колоніи съ принудительнымъ трудомъ принимаются бродяги, профессіональные нищіе—по распоряженію административныхъ властей. Кромѣ того здѣсь же помѣщаются штрафованные рабочіе изъ колоній съ добровольнымъ трудомъ. Въ виду этого и режимъ въ колоніяхъ носитъ чисто тюремный характеръ. Работа, состоящая главнымъ образомъ въ воздѣлываніи ландовъ и пустырей, продолжается отъ 10 до 12 часовъ въ день. На каждый день дается опредѣленный урокъ. То, что вырабатывается рабочимъ сверхъ урока, выдается ему по выходѣ изъ колоніи, остальное зачитывается за содержаніе. Срокъ пребыванія въ колоніи опредѣляется отъ одного до трехъ лѣтъ, смотря по поведенію. Мужчины содержатся отдѣльно отъ женщинъ, такъ что члены одной семьи разобщаются другъ съ другомъ. Впослѣдствіи, въ награду за хорошее поведеніе, семейные колонисты получаютъ для жительства отдѣльные домики.

Одновременно съ колоніями съ принудительнымъ трудомъ основаны

были въ Голландіи и добровольныя колоніи. Каждый колонистъ получаетъ участокъ въ три гектара, который онъ воздѣлываетъ за свой рискъ и страхъ, за что платитъ колоніи 50 флориновъ въ годъ, или за счетъ колоніи. Въ послѣднемъ случаѣ онъ получаетъ опредѣленную по таксѣ плату. На вырученныя деньги колонисты могутъ тутъ же въ лавкахъ колоніи достать одежду, пищевые продукты и вообще всѣ необходимые предметы.

Въ колоніи принимаются всѣ желающіе, запасшіеся рекомендаціей благотворительнаго общества, муниципалитета или просто извѣстнаго лица. Семейные получаютъ отдѣльные домики. Кромѣ земледѣльческихъ работъ въ колоніяхъ занимаются плотничествомъ, ткатьемъ, шитьемъ мѣшковъ, кузнечнымъ мастерствомъ, добываніемъ торфа, выдѣлкой корзинъ и т. д. Въ послѣднее время прибавилась фабрика плодовыхъ и овощныхъ консервовъ и заведеніе для приготовленія сыра и масла.

Каждый колонистъ получаетъ урокъ работы. За лѣнь и неисполненіе требованій администраціи виновный подвергается исключенію изъ колоніи или переводится въ колонію съ принудительнымъ трудомъ.

Кромѣ колоній въ Голландіи существуетъ около 30 домовъ трудолюбія; часть ихъ содержится на средства городскихъ общинъ, часть на средства церквей, большинство на средства благотворительныхъ обществъ. Нѣкоторые дома даютъ призрѣваемымъ полное содержаніе и ночлегъ, но большая часть одну лишь пищу. Изъ работъ наиболѣе примѣняются: раскручиваніе старыхъ канатовъ, распиливаніе бревенъ и досокъ, ломка камней, изготовленіе деревянныхъ башмаковъ, корзинъ, ковровъ, тканье полотна и т. д. Въ среднемъ каждый домъ призрѣваетъ около 60 человѣкъ ежедневно.

Въ Россіи, также какъ и на Западѣ, помощь неимущимъ первоначально составляла дѣло частной благотворительности. Извѣстно сказаніе про Владиміра св., который позволялъ всякому нищему и убогому приходить на княжескій дворъ, чтобы кормиться, а для больныхъ отправлялъ повозки, нагруженныя хлѣбомъ, мясомъ, рыбою, овощами, медомъ и квасомъ. По свидѣтельству современниковъ это дѣлалось не только въ Кіевѣ, но и по всей землѣ русской. Примѣру князей слѣдовали и частные люди, поощряемые духовенствомъ, обѣщавшимъ воздаяніе за милостыню въ царствѣ небеспомъ. Но уже скоро помощь бѣднымъ принимаетъ болѣе прочныя формы, пріурочиваясь къ церковно-общественнымъ организаціямъ, а именно: къ церковнымъ братствамъ, братчинамъ и приходскимъ общинамъ. Братчины, возникшія еще въ XII вѣкѣ, представляли собою вольные союзы прихожанъ, заботившіеся о церковныхъ нуждахъ, а также о всѣхъ приходскихъ бѣдныхъ, больныхъ и увѣчныхъ. Братчины не ограничивались уже раздачей милостыни, а устраивали богадѣльни и другія закрытыя заведенія. Болѣе прочныя формы принимаетъ и частная благотворительность. Князья, епископы и богатые люди также начинаютъ устраивать для нищихъ закрытыя заведенія. Московскіе цари на свой счетъ и

даже въ царскихъ дворцахъ содержали «царскихъ» нищихъ, которые носили спеціальное названіе «верховныхъ богомольцевъ». На счетъ дворцовой казны содержались и такъ называемыя писецкія богадѣльни на 100 человѣкъ, богадѣльныя избы на Бутыркахъ и др. «Верховные богомольцы» получали отъ царя содержаніе, форменную одежду и даже опредѣленное годовое жалованье. На женской половинѣ дворца въ особыхъ палатахъ содержались «верховныя богомолицы». (*Е. Максимовъ. Помощь бѣднымъ въ древней Руси.* Труд. П., 1899 г., № 2).

Кромѣ царскихъ нищихъ были нищіе патріаршіе, проживавшіе въ богадѣльняхъ, построенныхъ патріархами. Епископами устраивались богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, а игуменами при монастыряхъ. Содержались богадѣльни и больницы и частными лицами. Такъ, кн. Пожарскій устроилъ въ память избавленія Москвы отъ поляковъ богадѣльню при церкви св. Ѳеодосія; бояринъ Ртищевъ имѣлъ у Никитскихъ воротъ собственную больницу. Удивительный примѣръ частной благотворительной дѣятельности представляла собою нѣкая помѣщица Ульяна Осотьинова. Эта богатая женщина всю свою жизнь отдала на служеніе бѣднымъ, не жалѣла никакихъ средствъ, чтобы накормить и пріютить нуждающихся и, наконецъ, сама дошла до такой нищеты, что не имѣла хлѣба для себя.

Такая организація благотворительности достигла высшаго своего развитія въ XVI и частью въ XVII столѣтіяхъ, а затѣмъ начинаетъ падать. Причина этому—постепенное паденіе приходской жизни и самый внутренній характеръ тогдашней благотворительности, оказывавшей помощь всѣмъ безъ разбора, что вызывало огромное и чрезвычайно опасное въ государственномъ отношеніи развитіе профессіональнаго нищенства. Такъ, англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Москву въ 16 в., писалъ, что нищихъ здѣсь «неисчетное количество», и что «отъ этого множества бродягъ и нищихъ, неотступно просившихъ милостыни, говоря: дай мнѣ или убей меня; по ночамъ происходили воровства и грабежи, и осторожные не выходили по вечерамъ изъ домовъ своихъ». На чрезвычайное развитіе нищенства указалъ стоглавому собору Иванъ Грозный. Соборъ высказался противъ безразборчивой подачи милостыни и рекомендовалъ здоровыхъ нищихъ обращать къ работѣ.

Начиная съ конца 17 в. правительство наше принимаетъ рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ нищихъ. Такъ, Петръ Великій приказывалъ профессіональныхъ нищихъ бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь; здоровыхъ нищихъ, пойманныхъ первый разъ, «бить не щадя батогами и отсылать въ прежнія ихъ мѣста, пойманныхъ во второй и третій разы посылать въ каторжныя работы». Даже подача милостыни наказывалась штрафомъ въ 5—10 руб.

Строгія мѣры, однако, не уменьшили ни числа нищихъ, ни количества лицъ, подававшихъ имъ милостыню. Къ концу 18 в. правительство приходитъ къ убѣжденію въ необходимости цѣлесообразной общественной организаціи призрѣнія бѣдныхъ. При Екатеринѣ II возникаетъ мысль объ

устройствѣ спеціальныхъ учрежденій трудовой помощи. Среди благотворительныхъ учрежденій, устройство которыхъ возлагается на обязанности приказовъ общественнаго призрѣнія, впервые указываются работные дома.

Однако, приказы общественнаго призрѣнія оказались не въ силахъ справиться съ возложенными на нихъ задачами и работныхъ домовъ не открывалось. Лишь въ 1833 г. возникъ въ Петербургѣ первый домъ трудолюбія, основанный частнымъ лицомъ камеръ-юнкеромъ Анатоліемъ Демидовымъ. Домъ этотъ предназначенъ для женщинъ. Часть получаетъ работы на домъ, остальныя живутъ въ домѣ.

За этимъ домомъ возникъ въ 1882 г. въ Кронштадтѣ другой, основанный Андреевскимъ церковно-приходскимъ попечительствомъ. Въ числѣ устроенныхъ попечительствомъ 17 учрежденій была пенько-щипная мастерская для мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ заработка. Главное свое вниманіе попечительство обращаетъ на обученіе и воспитаніе дѣтей. Въ январѣ 1900 года оно давало пріютъ 110 дѣтямъ и кромѣ того обучало въ своей школѣ болѣе 400 дѣтей. *(В. И. Герье. Русскіе дома трудолюбія.* Москва, 1900 года Изд. Моск. гор. управы). По примѣру Кронштадтскаго дома основаны были въ Петербургѣ въ 1886 г. еще два дома: одинъ на Сѣнной, другой на Петербургской сторонѣ. Черезъ годъ былъ открытъ домъ трудолюбія въ провинціи, въ Псковѣ.

Въ 1887 г. министерство внутреннихъ дѣлъ командировало барона О. О. Буксгевдена въ различные провинціальные города, чтобы побудить мѣстное общество къ устройству домовъ трудолюбія въ цѣляхъ «сокращенія нищенства, предупрежденія преступленій, часто совершаемыхъ съ голоду, и содѣйствія развитію народнаго труда». Командировка эта увѣнчалась успѣхомъ. Съ 1888 по 1892 г. возникли дома трудолюбія въ Смоленскѣ, Тамбовѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Орлѣ, Митавѣ и Ярославлѣ.

Въ 1893 г. министерство внутреннихъ дѣлъ вновь поручило барону Буксгевдену ежегодно посѣщать отъ 10 до 20 городовъ съ цѣлью вызова къ жизни домовъ трудолюбія. Послѣ того число домовъ стало съ каждымъ годомъ увеличиваться. Въ 1895 г. число ихъ дошло до 43, а къ осени 1898 г. до 130.

Въ 1895 г. возникла мысль о необходимости объединенія учрежденій трудовой помощи какимъ-нибудь центральнымъ органамъ. Съ этой цѣлью учреждено было 1 сентября того же года подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Задачи попечительства состоятъ: 1) въ способствованіи учрежденію новыхъ домовъ трудолюбія и оказаніи имъ денежныхъ пособій, 2) въ поддержаніи существующихъ уже домовъ и 3) въ сообщеніи указаній относительно устройства домовъ трудолюбія и наилучшей ихъ постановки. Во главѣ попечительства стоитъ комитетъ изъ 10 членовъ подъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы. Съ цѣлью научной разработки вопросовъ благотворительности и, главнымъ образомъ, вопросовъ трудовой помощи комитетъ издаетъ съ ноября 1897 г.

журналъ «Трудовая Помощь». При комитетѣ учреждены также преміи за лучшія сочиненія по этимъ вопросамъ.

Съ самаго своего учрежденія комитетъ не перестаетъ заниматься изслѣдованіемъ положенія существующихъ домовъ трудолюбія. До настоящаго времени произведены имъ въ этомъ направленіи три обслѣдованія посредствомъ вопросныхъ листовъ. Послѣднее обслѣдованіе произведено въ 1900 г. Вопросные листы, разосланные комитетомъ, касались всѣхъ сторонъ жизни домовъ трудолюбія, но на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о томъ, сколько было въ каждомъ домѣ призрѣваемыхъ и занятыхъ работой. Отвѣты получены были не отъ всѣхъ домовъ трудолюбія, а лишь отъ 94, изъ которыхъ восемь, однако, не были еще фактически открыты или не имѣли призрѣваемыхъ.

Классифицируя остальныя 86 учрежденій по возрасту призрѣваемыхъ, мы находимъ, что большинство домовъ смѣшаннаго характера, т.-е. представляетъ соединеніе дѣтскаго пріюта, богадѣльни для престарѣлыхъ и дома трудолюбія. 16 домовъ призрѣвали исключительно дѣтей. Въ 10 другихъ домахъ количество дѣтей настолько преобладало надъ взрослыми, что ихъ, собственно, тоже можно считать дѣтскими домами. Наприм., въ Кронштадтскомъ домѣ изъ 608 призрѣваемыхъ 555 дѣтей; изъ нихъ 110 живутъ въ пріютѣ, и 445 лишь посѣщаютъ устроенныя при немъ школы.

При классификаціи по полу призрѣваемыхъ также слѣдуетъ признать дома трудолюбія смѣшаннаго характера. Лишь 11 домовъ принимаютъ только мужчинъ и 16 только женщинъ. Въ отношеніи мѣста жительства— 36 домовъ имѣютъ у себя только живущихъ, 20 только приходящихъ, а въ 30 встрѣчаются какъ живущіе, такъ и приходящіе.

Наконецъ, по количеству призрѣваемыхъ дома трудолюбія, за исключеніемъ дѣтскихъ распадаются на четыре группы: 16 домовъ трудолюбія, въ которыхъ число призрѣваемыхъ ниже 20; 24 дома, въ которыхъ число призрѣваемыхъ не доходитъ до 50; 18 домовъ съ числомъ отъ 50 до 100 и 12 крупныхъ домовъ, въ которыхъ число призрѣваемыхъ свыше 100. Всего же призрѣвается въ 86 домахъ 5,363 человѣка, изъ которыхъ 2,273 дѣтей. (*В. И. Герье.* Рус. дома труд., стр. 10).

Самымъ значительнымъ по количеству средствъ домомъ трудолюбія является Кронштадтскій. Онъ былъ основанъ въ 1882 г. съ капиталомъ въ 100 руб., а въ 1896 г. онъ уже обладалъ неприкосновеннымъ капиталомъ въ 400,000 руб. и семью собственными зданіями стоимостью въ 350,000 р. Въ настоящее время при домѣ устроены: церковь, помѣщеніе для народныхъ чтеній, народное училище на 279 дѣтей, воскресная школа и рисовальный классъ на 195 челов., школа кройки и шитья для дѣвочекъ, сапожная мастерская для мальчиковъ, народная столовая, ночлежный пріютъ, пенькощипная мастерская, амбулаторная лѣчебница, комната со швейными машинами для приходящихъ женщинъ и т. д. Въ одной пенькощипной мастерской работаетъ въ теченіе года свыше 20 тысячъ чел. (*Дмитріевъ.* Дома труд. стр. 108).

Вторымъ по величинѣ домомъ является Евангелическій домъ трудолюбія въ Петербургѣ. Онъ призрѣваетъ только мужчинъ—180 чел. въ годъ въ среднемъ при 18,000 рабочихъ дняхъ. Призрѣваемые занимаются расщипкой пеньки, клейкой бумажныхъ мѣшковъ и картоновъ.

Домъ на Сѣнной призрѣваетъ только женщинъ и дѣтей. Такой же характеръ носитъ домъ, открытый въ память событія 17 октября 1888 г., и три дома, устроенныхъ «Обществомъ безплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ. Изъ другихъ петербургскихъ домовъ спеціально для женщинъ отмѣтимъ еще домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ. Призрѣваемыя въ этомъ домѣ занимаются перепиской на машинахъ, переводами, корректурой, составленіемъ плановъ, отчетовъ, чертежей и т. д. Кромѣ того въ домѣ исполняются разныя изящныя рукодѣлія,—вышиваніе, плетеніе и починка кружевъ. Въ особомъ профессіональномъ классѣ ведется обученіе кройкѣ и шитью, открыты также курсы по бухгалтеріи. Въ домѣ призрѣвается 100 женщинъ. Суммы, вырученныя за исполненіе заказовъ, цѣликомъ идутъ на вознагражденіе труженицъ, за исключеніемъ лишь 10%, удерживаемыхъ въ пользу дома. Кромѣ платы призрѣваемыя получаютъ чай съ булками и безплатные обѣды на 35 человѣкъ ежедневно.

Для оказанія трудовой помощи однимъ мужчинамъ въ Петербургѣ, кромѣ Евангелическаго, существуетъ еще три дома трудолюбія: одинъ на Петербургской сторонѣ, другой близъ Александро-Невской лавры и третій домъ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ. Работы, производящіяся въ послѣднемъ домѣ, состоятъ въ перепискѣ, переводахъ, изготовленіи художественныхъ предметовъ, составленіи популярныхъ брошюръ и т. д. Кромѣ того домъ взялъ на себя посредничество между призрѣваемыми и работодателями, а также изданіе научно-популярныхъ брошюръ для народа по всѣмъ отраслямъ знанія.

Изъ дѣтскихъ домовъ трудолюбія въ Петербургѣ укажемъ на домъ трудолюбія для мальчиковъ-подростковъ и дѣтскій пріютъ трудолюбія въ Вяземскомъ домѣ. Послѣдній назначенъ для спасенія отъ окончательной гибели дѣтей, ютящихся въ вертепахъ, извѣстныхъ въ столицѣ подъ именемъ «Вяземской лавры». Дѣти эти ведутъ самое жалкое существованіе, пріучаясь съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ пьянству, воровству и разврату. Въ теченіе дня они бродятъ по улицамъ вблизи Сѣнной, высматривая гдѣ бы что-нибудь стащить, а на ночь собираются въ лаврѣ. Такъ какъ имъ жалко платить за ночлегъ пятакъ, то они нерѣдко проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ въ повозкахъ или саняхъ, стоящихъ на дворѣ и т. д. Излюбленное ихъ мѣсто для ночлега—огромная помойная яма. Яма окружена каменными стѣнами и покрыта желѣзной крышей. Дѣти продѣлали въ крышѣ отверстіе и нашли ночлегъ въ помѣщеніи, образуемомъ крышей, стѣнами и потолками. Яма издаетъ зловоніе, отъ котораго свѣжему человѣку, побывавшему тамъ одну минуту, дѣлается дурно, но дѣти спятъ крѣпко и счастливы тѣмъ, что у нихъ даровой ночлегъ, и что въ этомъ

пріютѣ зимою сравнительно тепло... (*Дѣтскій пріютъ трудолюбія въ Вяземскомъ домѣ*, Труд. пом., 1899 г., № 1, стр. 59—63).

Для этихъ-то несчастныхъ дѣтей и былъ основанъ въ 1898 г. Вяземскій пріютъ. Дѣти обучаются здѣсь закону Божію, грамотѣ, шитью, вязанью чулокъ, сапожному ремеслу, рисованію и пѣнію. Занятія начинаются въ 8 ч. утра и оканчиваются въ 6 час. веч. Утромъ и вечеромъ дѣти получаютъ чай съ сахаромъ и сухарями, въ 12 час. дня ломоть чернаго хлѣба, а иногда картофель и мясо, въ 2 ч. дня они отправляются въ столовую баронесы Буксгевденъ, гдѣ имъ отпускается даровой обѣдъ.

Образцовое учрежденіе въ этомъ родѣ представляетъ собою Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія, который содержится на средства Ихъ Императорскихъ Величествъ; пріютъ предназначается для дѣтей, остающихся въ столицѣ безъ призора; для мальчиковъ отъ 6 до 15 лѣтъ и для дѣвочекъ отъ 6 до 16 лѣтъ. Онъ помѣщается въ Царской Славянкѣ, а малолѣтнее его отдѣленіе въ Царскомъ Селѣ въ зданіи Императорской фермы. Въ Царской Славянкѣ находится главный домъ съ церковью, семь домовъ для мальчиковъ на 20 чел. каждый, домъ для дѣвочекъ и малолѣтнихъ, домъ для мастерскихъ, больница, скотный дворъ, молочная, баня съ прачечной, слесарная, кузница, ледникъ и конюшня. Всего отведено подъ пріютъ 54 десятины. Въ январѣ 1900 г. здѣсь училось и работало 120 мальчиковъ и 45 дѣвочекъ старше 10 лѣтъ, кромѣ еще 24 малолѣтнихъ, помѣщавшихся на фермѣ. Изъ мастерскихъ имѣются столярная на 60 человѣкъ, слесарная съ кузницей на 40, сапожная на 20, портняжная на 20 и рукодѣльная на 45.

Кромѣ перечисленныхъ домовъ въ Петербургѣ есть нѣсколько домовъ смѣшаннаго характера, т.-е. призрѣвающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣхъ учрежденій трудовой помощи въ Петербургѣ 16.

Изъ провинціальныхъ домовъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ—Нижегородскій. Открытый въ 1893 г. на самыхъ скромныхъ началахъ, онъ въ настоящее время можетъ ежедневно вмѣстить 800 чел.; кромѣ того при домѣ устроенъ пріютъ для стариковъ и старухъ. Рабочій день продолжается съ 7 ч. утра до 5 час. вечера. Затѣмъ призрѣваемые могутъ оставаться въ домѣ до 8 или 9 час. веч., послѣ чего отправляются на ночлегъ въ безплатный ночлежный домъ Бугровыхъ. Ночлегъ въ самомъ домѣ имѣютъ только призрѣваемые старики и старухи.

Хорошо поставленъ Саратовскій домъ трудолюбія. Въ немъ имѣется восемь мастерскихъ — столярная, слесарная, бѣлошвейная, портняжная и др. При домѣ устроено дѣтское отдѣленіе на 30 человѣкъ. Среднее количество призрѣваемыхъ въ сутки 124 чел. Самарскій домъ можетъ вмѣстить до 300 чел. Здѣсь занимаются, между прочимъ, производствомъ матрацовъ и хлѣбопеченьемъ. Симбирскій домъ интересенъ по разнообразію введенныхъ имъ работъ. Такъ, здѣсь практикуется: выдѣлка папиросныхъ гильзъ, клейка коробокъ, бумажныхъ мѣшковъ и пакетовъ, шитье обуви, выдѣлка

ковровъ, трепка пакли, издѣліе мочальныхъ матрацевъ, подушекъ, щетокъ, укупорочныхъ ящиковъ, чемодановъ, переплетное мастерство, живописныя и малярныя работы и т. д. При домѣ открыта дешевая столовая, гдѣ за чай два раза въ день, обѣдъ и ужинъ взимается 8 коп. Кукарскій домъ трудолюбія представляетъ собою любопытный примѣръ дома, устроеннаго сельскимъ обществомъ. Въ числѣ учредителей этого дома, находящагося въ селѣ Кукаркѣ Яренскаго у. Вятской губ., было 14 сельскихъ и 3 волостныхъ общества. Призрѣваемые занимаются, главнымъ образомъ, сапожнымъ ремесломъ.

Изъ крупныхъ домовъ трудолюбія отмѣтимъ еще Кіевскій—на 200 ч., Варшавскій—на 1,000 чел., Казанскій—180 чел. Одесскій—на 400 чел., Полтавскій—на 200 чел. и Ростовскій—на 200 ч. Остальные всѣ меньше перечисленныхъ (*Дмитріевъ*. Дома труд., стр. 129—154 и 222—240).

Намъ остается обратиться къ учрежденіямъ трудовой помощи, существующимъ въ Москвѣ.

Раньше всего отмѣтимъ домъ Горбовыхъ, устроенный въ 1896 г. Онъ содержитъ мастерскую для приходящихъ женщинъ; при мастерской устроены ясли для дѣтей тѣхъ матерей, которыя приходятъ заниматься въ домъ. 1 апрѣля 1900 г. въ Горбовскомъ домѣ работало 105 женщинъ. Въ 1899 г. домъ получилъ за исполненныя имъ работы 20,572 р., изъ которыхъ заработной платы выдано 2,858 р., что составляетъ въ среднемъ около 48 руб. въ годъ заработка на каждую посѣтительницу.

Подобный же домъ для приходящихъ женщинъ былъ устроенъ въ 1893 г. А. Н. Стрекаловой. Домъ находится въ завѣдываніи общества «Муравейникъ» и заключаетъ въ себѣ мастерскую для шитья платья и бѣлья, школу шитья и кройки для бѣдныхъ дѣвочекъ и отдѣленіе для раздачи работъ на домъ.

Кромѣ того при шести городскихъ попечительствахъ устроено семь швейныхъ мастерскихъ, изъ которыхъ три имѣютъ характеръ учебныхъ мастерскихъ.

Но самымъ крупнымъ учрежденіемъ трудовой помощи въ Москвѣ является Городской рабочій домъ, находящійся съ 1894 г. въ вѣдѣніи городского управленія. До этого времени онъ находился въ завѣдываніи нынѣ упраздненнаго комитета для разбора нищихъ. Съ переходомъ дома въ руки города, количество призрѣваемыхъ стало быстро возрастать. Съ 48 человѣкъ въ 1896 году оно поднялось до 426 въ 1897 г., до 795 въ 1898 г., 796 въ 1899 г. Всѣхъ перебывавшихъ въ домѣ лицъ въ 1899 г. было 7,377, да еще 7,357 были доставлены полиціей за прошеніе милостыни. Впрочемъ, изъ послѣднихъ большинство было уволено присутствіемъ по разбору нищихъ, существующимъ при работномъ домѣ, или отправлено по этапу на родину, и лишь 2,276 чел. были оставлены въ домѣ.

Въ виду огромнаго наплыва лицъ, обращавшихся за помощью, городское управленіе въ добавленіе къ старому работному дому устроило въ 1897 г. въ Сокольникахъ новый домъ, приспособленный изъ находивших-

ся здѣсь фабричныхъ корпусовъ. Главное зданіе вмѣщаетъ въ настоящее время до 2,500 человѣкъ. Другое зданіе устроено на 120 призрѣваемыхъ, страдающихъ хроническими болѣзнями, и третье для лицъ, неспособныхъ къ труду.

При работномъ домѣ устроено нѣсколько мастерскихъ: сапожная, переплетная, столярная, обойная, кузнечно-слесарная и шорная. Кромѣ того, практикуются и работы, не требующія никакой подготовки со стороны призрѣваемыхъ, какъ-то: клейка чайныхъ коробокъ, конвертовъ, пакетовъ, плетенье корзинъ и т. п. Годичный оборотъ всѣхъ мастерскихъ выражается въ суммѣ 110—120 тыс..

Помимо внутреннихъ работъ призрѣваемые посылаются на внѣшнія работы, какъ для городскихъ надобностей, такъ и по требованію частныхъ лицъ. Такихъ работъ произведено было въ 1899 г. на 170 тысячъ руб.

Содержаніе дома обходится городскому управленію не дешево. Одна администрація и канцелярія стоили въ 1899 году 33,000 руб., отопленіе и освѣщеніе—12,000 руб., продовольствіе—55,000 руб., всего расхода было 154,945 руб. 46 коп. (У г. Герье ошибочно сказано 124,392 р. 75 к.; это только сумма *смѣтныхъ* расходовъ. См. *Отчетъ о дѣятельности московскаго городского работнаго дома въ 1899 году*, изд. городской управы, стр. 45).

Каковы же внутренніе распорядки этого грандіознаго учрежденія и оправдываетъ ли постановка дѣла тѣ огромные расходы, которые тратитъ на него городское управленіе?

Проф. Герье въ вышеупомянутомъ трудѣ *(Русскіе дома трудолюбія)* рекомендуетъ московскій работный домъ, какъ учрежденіе образцовое, и восхваляетъ энергію и умѣлость его администраціи. Къ сожалѣнію, эта лестная рекомендація далеко не является заслуженной. Основаніемъ къ ней, повидимому, послужилъ офиціальный отчетъ городской управы. Въ отчетѣ этомъ много красивыхъ цифръ и статистическихъ таблицъ, но за цифрами и таблицами не видно истиннаго положенія вещей.

Описаніе внутреннихъ распорядковъ московскаго работнаго дома мы находимъ въ брошюрѣ д-ра Кедрова «Современная организація московскаго работнаго дома» (П. И. Кедровъ. Современная организація московскаго работнаго дома. Воронежъ, 1900 г.). Г. Кедрову пришлось посѣтить работный домъ въ Сокольникахъ въ качествѣ сотрудника мясницкаго попечительства. Результатъ своихъ наблюденій онъ и изложилъ въ названной брошюрѣ.

Раньше всего автора поразилъ самый видъ помѣщенія. Корпусъ для жилья рабочихъ приспособленъ изъ-подъ какой-то фабрики, а потому повсюду въ спальняхъ и мастерскихъ торчатъ подчасъ совсѣмъ непужные желѣзные столбы. Въ корпусѣ № 15 помѣщается 400 человѣкъ рабочихъ, кроватей же имѣется лишь 250; остальные 150 человѣкъ спятъ гдѣ попало, около печей, въ углахъ, на полу, безъ матрацовъ и одѣялъ. Всего же въ работномъ домѣ на 2,000 призрѣваемыхъ имѣется 1.150 кроватей.

Кровати убраны грязными матрацами, т.-е. мѣшками, набитыми соломой съ пылью, или простыми рогожками; подушки такого же типа, что и матрацы; сверху лежатъ одѣяла изъ тонкаго сѣраго солдатскаго сукна. Если открыть одѣяло, то на матрацахъ и подушкахъ всегда можно замѣтить извѣстное количество разныхъ насѣкомыхъ. На окнахъ всегда можно видѣть разставленную рабочими чайную посуду, довольно своеобразную: для наливанія чаю изъ общаго куба рабочіе употребляютъ глиняныя банки изъ-подъ цвѣтовъ, замазывая въ нихъ донышки хлѣбомъ или замазкой, а то еще разрѣзываютъ бутылку на двѣ половины, причемъ горлышко закупоривается пробкой—получается два стакана. Отопленіе въ казармахъ паровое, отъ котораго съ вечера еще тепло, а къ утру холодно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна сырость. Окна большія, но такъ грязны отъ пыли, что чрезъ нихъ едва пробивается дневной свѣтъ.

Рабочій день на внѣшнихъ работахъ начинается осенью и зимою съ 5—6 час. утра и продолжается до 7—8 час. вечера съ перерывами для обѣда около 1 часа и чаю—$^1/_2$ часа. Весною и лѣтомъ рабочій день начинается съ 4 час. утра и продолжается съ перерывами для обѣда и чаю и съ проходомъ съ мѣста работъ до 8—9 час. вечера. Зимою рабочимъ часто приходится отправляться для очистки снѣга на желѣзныя дороги; въ это время рабочихъ поднимаютъ въ 3 часа ночи и возвращаютъ въ домъ иногда въ 9—10 час. вечера. Плата за эту работу 20—25 коп. въ день и 10 к. выдается на обѣдъ на мѣстѣ работы. На эти 10 к. рабочій получаетъ въ ближайшемъ трактирѣ на 5 к. чаю, на 3 к. какой-нибудь «мурловины-рванины» (мясо) и на 2 к. хлѣба. При возвращеніи въ домъ ему выдается $^3/_4$ фунта хлѣба, 1—2 куска пиленаго сахара и, такъ называемый, «воробей», т.-е. кусокъ мяса *вѣсомъ въ* $7^1/_2$ *золотниковъ,* кромѣ того, полагается нѣсколько ложекъ щей и каши. Праздничный день рабочимъ также приходится работать до $11^1/_2$—12 час. дня. Слесаря же работаютъ иногда сверхурочныя работы до 12 час. ночи. Кто въ праздникъ не работаетъ, тотъ не получаетъ чаю. Кто въ будни не идетъ на работу или проявляетъ какое-нибудь ослушаніе, того сажаютъ въ карцеръ, не освидѣтельствовавъ предварительно, не боленъ ли. Одинъ разъ былъ посаженъ такимъ образомъ въ карцеръ психически больной.

Заработокъ рабочихъ въ ремесленныхъ мастерскихъ опредѣляется въ среднемъ такимъ образомъ: слесаря до 20 к. въ сутки, столяра до 15—20 к., сапожника до 10—15 к., обойщика и переплетчика—10—15 к., корзиночника—3—5 к. За работы на дворѣ—чистку снѣга и т. п.—6 к.

Изъ этого заработка раньше всего заботливо вычитывается 1 р. 25 к. за больничную контрамарку.

Одежда рабочихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержанію. Бѣлье на нихъ до того грязно, что напоминаетъ грязные фартуки сапожниковъ. Одежда рваная и часто не соотвѣтствующая росту; наприм., 14-тилѣтнему мальчику иногда выдается одежда съ длинными до ногъ рукавами и полами. Вмѣсто сапогъ призрѣваемымъ выдаютъ какіе-то «чуни», сплетенные на

подобіе лаптей изъ тесемокъ стараго платья и разнаго хлама. Шапки и фуражки рваныя и растрепанныя, да и тѣхъ недостаточно, вслѣдствіе чего многіе ходятъ на работы повязавъ голову платкомъ, рваной шалью, кускомъ сукна и т. п. Вслѣдствіе того, что необходимаго количества бѣлья, одежды и головныхъ уборовъ въ работномъ домѣ не имѣется, то нѣкоторые призрѣваемые въ зимнее время, а также осенью въ дождь и грязь переходятъ на обѣдъ и ужинъ изъ одной казармы въ другую, а иногда изъ Сокольниковъ въ отдѣленіе дома, что въ Харитоньевскомъ переулкѣ, закутавшись въ одѣяла.

Къ брошюрѣ г. Герье, между прочимъ, приложены два фотографическихъ снимка. Одинъ изображаетъ группу добровольцевъ, явившихся въ домъ съ просьбой о призрѣніи и работѣ. «Эти люди, — такъ описываетъ группу г. Герье,— одѣты въ лохмотья, безъ копейки денегъ, голодные. Лица носятъ черты у однихъ изнуренности, у другихъ сильнаго возбужденія». Затѣмъ слѣдуетъ та же группа по прошествіи недѣли. «Всѣ одѣты въ одежду работнаго дома,—читаемъ мы далѣе,—и собираются на внѣшнія работы. Нельзя не отмѣтить наблюдающагося нѣкотораго нравственнаго успокоенія по сравненію съ предыдущимъ состояніемъ». На группѣ, дѣйствительно, изображены бодрые на видъ люди, которые всѣ до единаго одѣты въ простую, но приличную одежду. Какъ мало, однако, соотвѣтствуетъ эта группа вышеприведенному описанію!

Читатель, можетъ быть, найдетъ разгадку этого несоотвѣтствія въ слѣдующихъ словахъ г. Кедрова: «Бываетъ, что въ работный домъ приходитъ иногда думская коммиссія и разные именитые посѣтители, и тогда продѣлываются извѣстные изъ временъ Гоголя маневры: съ ранняго утра полы и все прочее вымываются и вычищаются, кровати застилаются новыми одѣялами, во всѣхъ мастерскихъ разставляются одѣтые въ чистое бѣлье человѣкъ около 200 рабочихъ».

Очевидно, такого рода порядки въ городскомъ благотворительномъ учрежденіи, на которое тратятся притомъ огромныя суммы, не могутъ быть терпимы. Достоинство города требуетъ полной, радикальной реорганизаціи работнаго дома.

Мы окончили обзоръ домовъ трудолюбія въ Россіи. Читатель видитъ, что въ отношеніи постановки трудовой помощи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ, мы далеко отстали отъ Западной Европы. Въ то врема какъ на Западѣ развита цѣлая сѣть самыхъ разнообразныхъ учрежденій трудовой помощи, взаимно другъ друга восполняющихъ и стремящихся всесторонпимъ образомъ удовлетворить нужды бѣднаго населенія, мы до сихъ поръ ограничиваемся одними домами трудолюбія довольно примитивнаго устройства. Особенно чувствителенъ у насъ недостатокъ учрежденій *предупредительнаго* характера, такъ широко распространенныхъ хотя бы въ маленькой Даніи. Объясняется наша отсталость, помимо причинъ, лежащихъ въ разницѣ культуры и степени развитія, главнымъ образомъ, отсутствіемъ средствъ. На отсутствіе средствъ и малую отзывчивость го-

родскихъ управленій и мѣстнаго общества жалуются у насъ почти всѣ дома трудолюбія. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ небольшой сравнительно Копенгагенъ тратитъ на призрѣніе бѣдныхъ около милліона руб., т.-е. до 24% всего городского бюджета, причемъ частныя благотворительныя общества и учрежденія расходуютъ, съ своей стороны, болѣе милліона, Московское городское управленіе тратитъ на тотъ же предметъ около 280,000 р., что составляетъ ничтожную часть 14-милліоннаго городского бюджета. Еще хуже дѣло обстоитъ въ провинціальныхъ городахъ. Слѣдовательно, для того, чтобы поставить дѣло трудовой помощи на должную высоту, нужно прежде всего увеличить тѣ суммы, которыя расходуются у насъ на призрѣніе бѣдныхъ. А для этого наиболѣе цѣлесообразной мѣрой является введеніе спеціальнаго налога въ пользу бѣдныхъ, какъ это практикуется въ Англіи, Даніи, Швейцаріи и другихъ европейскихъ государствахъ. По справедливому замѣчанію проф. Духовского, безъ такого налога «нѣтъ возможности организовать надлежащимъ образомъ дѣло общественнаго призрѣнія и борьбу съ ниществом». (*М. В. Духовской. О налогѣ въ пользу бѣдныхъ.* Труд. пом. 1899 г. № 3, стр. 231).

Но пока у насъ будетъ введенъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, да и при введеніи налога, остается еще широкое поле дѣятельности для частной иниціативы и благотворительности. Мы не видимъ въ учрежденіяхъ трудовой помощи универсальнаго лѣкарства противъ соціальныхъ недуговъ, но несомнѣнно, что это крупное общественное дѣло, заслуживающее самаго серьезнаго и внимательнаго отношенія къ себѣ.

А. Скляръ.

Дьяволъ въ поэзіи *).

II.

Сатана въ литературѣ народовъ монотеистическихъ.

Книги Ветхаго и Новаго Завѣта.—Апокрифы.—Талмудъ и Каббала. — Коранъ. — Арабскія повѣсти.

«Да не будутъ тебѣ Бози, иніи развѣ меня», такъ звучала первая и самая важная заповѣдь религіи древнихъ евреевъ.

Мы нарочно говоримъ «древнихъ», потому что впослѣдствіи, въ особенности послѣ вавилонскаго плѣненія, а также персидскаго и македонскаго правленія, израильскій народъ усвоилъ себѣ множество новыхъ элементовъ, которые, не измѣняя вконецъ религіи предковъ, замутили однако ея первобытную чистоту и положили начало различнымъ умозрѣніямъ ученыхъ и раввиновъ. Изъ этихъ умозрѣній мало-по-малу выросли системы Талмуда и Каббалы, до сихъ дней оказывающія преимущественное вліяніе на религію и характеръ различныхъ еврейскихъ сектъ.

Для истиннаго поклонника Моисея и Пророковъ существовалъ только одинъ Богъ, Егова, или, какъ это имя читается современными филологами, Ягве, который не только одинъ сотворилъ міръ изъ ничего, но такъ же одинъ награждалъ и каралъ своихъ поклонниковъ, по мѣрѣ ихъ дѣяній, добромъ или зломъ, наслажденіемъ или страданіемъ. Такимъ образомъ, безпристрастный и суровый монотеизмъ не допускалъ другихъ самостоятельныхъ силъ, враждебныхъ наивысшему Богу.

Вслѣдствіе этого въ книгахъ Ветхаго Завѣта сатана играетъ роль весьма второстепенную. Тамъ находится достаточно намековъ о духахъ неправды, но дьяволъ, какъ индивидуумъ, выступаетъ рѣдко. И если критикъ-теологъ найдетъ для себя въ Библіи достаточно экзегетическаго матеріала, то критикъ-литераторъ, оставляющій въ сторонѣ религіозный элементъ зла, изслѣдующій только его психолого-эстетическія проявленія, необильную жатву соберетъ со страницъ этой книги.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1901 г.

Показавшись въ третьей главѣ Бытія, какъ прославленный змѣй-искуситель, сатана на долгое время исчезаетъ съ библейскаго горизонта.

Такъ какъ текстъ говоритъ про искусителя, что «змѣй былъ хитрѣй всѣхъ полевыхъ звѣрей, которыхъ создалъ Господь Богъ», то множество сектантовъ и теологовъ утверждали, что между нимъ и силами зла нѣтъ ни малѣйшей связи. То же самое мнѣніе выразилъ Байронъ въ предисловіи къ «Каину» и Словацкій въ «Письмѣ къ Рембовскому». Принимая въ соображеніе, однако-жъ, хитрость словъ искусителя и плачевныя послѣдствія его злостныхъ совѣтовъ, нужно допустить, что книга Бытія считаетъ его чѣмъ-то большимъ, чѣмъ обыкновеннаго змѣя.

Въ «Книгѣ премудрости Соломона», написанной значительно позднѣе, мы находимъ первый намекъ, ясно отожествляющій райскаго змѣя съ сатаною: «Богъ создалъ человѣка для нетлѣнія и создалъ его образомъ вѣчнаго бытія Своего; но зависті́ю діа́вола вошла въ міръ смерть, и испытываютъ ее принадлежащіе къ удѣлу его» (II, 23, 24).

Наконецъ, отвратительный видъ змѣя придавали демонамъ почти всѣ народы, таковы: Вритра и Ахи въ Индіи, Аши-дагака—у персовъ, Апепъ—у египтянъ, змѣй Мидгарду—у скандинавцевъ, и т. д.

Загадочный Азазелъ (Лев. XVI, 7—11; 20—22) обитающій, какъ египетскій Сетъ въ пустынѣ и получающій изъ года въ годъ живого козла, обремененнаго грѣхами народа, недостаточно объясненъ текстомъ. Одни видятъ въ немъ какого-то стараго народнаго божка, другіе же — демона, родственнаго тѣмъ, о которыхъ вспоминаетъ Исаія (XIII, 21 и XXXIV, 14), рисующій картину разрушенія Вавилона и Эдома: «Но будутъ обитать въ немъ звѣри пустыни, и домы ихъ наполнятся филинами, и страусы поселятся, и косматые будутъ скакать тамъ». «И звѣри пустыни будутъ встрѣчаться съ дикими кошками, и лѣшіе будутъ перекликаться одинъ съ другимъ; тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе (Лилитъ) и находитъ себѣ покой».

Фигуры эти, имена которыхъ Вульгата переводитъ словами Daemonia и Lamia, а Лютеръ Wald-и Feldteufel, также и Kobold, напоминаютъ нашихъ божковъ, вѣдьмъ и домовыхъ. Собственно, это не черти, а лишь обыкновенныя видѣнія и страшилища, пляшущія ночью среди развалинъ и запустѣнія. Подобные остатки анимистическаго воззрѣнія сохраняются всегда и вездѣ среди низшихъ классовъ каждаго народа, хотя бы онъ исповѣдовалъ самую возвышенную религію: доказательствомъ этого служитъ богатая демонологія народа у насъ, въ Британіи, въ Германіи, и т. д. Исаія, обращающійся къ простому народу, черпалъ свои сравненія изъ сокровищницы народнаго же воображенія и его понятій.

Однако вообще какъ онъ, такъ и другіе пророки, распространяли такія суровыя и безотносительныя понятія о Ягве-Вседержителѣ, что сатана въ ихъ книгахъ принялъ самые ничтожные размѣры. Все, какъ зло, такъ и добро, въ концѣ-концовъ приводило къ наивысшей причинѣ причинъ: былъ только одинъ богъ, и онъ, Ягве, самъ или при помощи своихъ ан-

геловъ, принималъ участіе въ жизни и развитіи избраннаго племени. Это онъ наслалъ огненный дождь на Содомъ и Гоморру, а его посланцы убиваютъ и караютъ грѣшниковъ.

Въ третьей книгѣ Царствъ мы видимъ (XXII, 19—24):

«Я видѣлъ Господа, сидящаго на престолѣ Своемъ, и все воинство небесное стояло при Немъ, по правую и по лѣвую руку Его. И сказалъ Господь: кто склонилъ бы Ахава, чтобъ онъ пошелъ и палъ въ Рамоѳѣ Галадскомъ?» И одинъ говорилъ такъ, другой говорилъ иначе:

И выступилъ одинъ духъ, сталъ предъ лицомъ Господа и сказалъ: я склоню его. И сказалъ ему Господь: Чѣмъ?

Онъ сказалъ: я выйду и сдѣлаюсь духомъ лживымъ въ устахъ всѣхъ пророковъ его.

Господь сказалъ: ты склонишь его и выполнишь это, поди и сдѣлай такъ».

Тутъ мы видимъ одного изъ небесныхъ духовъ, видимъ, какъ онъ, по волѣ и желанію Творца, губитъ грѣшнаго царя Ахава, обольщая его, устами ложныхъ пророковъ, надеждою на побѣду надъ ассиріянами.

Въ знаменитой и прекрасной книгѣ Іова, гдѣ проблема существованія зла въ мірѣ является какъ будто бы главнымъ мотивомъ драмы, истиннымъ дѣятелемъ представляется все же «Тотъ, который великъ и кого мы познать не можемъ», Ягве, неиспытанный въ своихъ судьбахъ и неизслѣдимый въ мудрости. Сатана же здѣсь играетъ только роль официальнаго обвинителя и вмѣстѣ съ тѣмъ охочаго исполнителя суровыхъ порученій Бога (1, 6—15):

«И былъ день, когда пришли сыны Божіи предстать предъ Господа; между ними пришелъ и сатана.

И сказалъ Господь сатанѣ: откуда ты пришелъ? И отвѣчалъ сатана Господу: я ходилъ по землѣ и обошелъ ее.

И сказалъ Господь сатанѣ: обратилъ ли ты вниманіе на раба моего Іова? Ибо нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ: человѣкъ непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющійся отъ зла.

И отвѣчалъ сатана Господу: развѣ даромъ богобоязненъ Іовъ?

Не ты ли кругомъ оградилъ его домъ и все, что есть у него? Дѣло его рукъ ты благословилъ и стада его распространяются по землѣ.

Но простри руку Твою и коснись всего, что у него,—благословитъ ли онъ Тебя?

И сказалъ Господь сатанѣ: вотъ, все, что у него, въ рукѣ твоей, только на него не простирай руки твоей, и отошелъ сатана отъ лица Господня».

А когда Іовъ побѣдоносно выдержалъ испытаніе, и Ягве въ упрекъ сатанѣ говоритъ: «ты возбуждалъ Меня противъ него, чтобы погубить его безвинно», хитрый духъ отвѣчаетъ: «кожа за кожу, а за жизнь человѣкъ отдастъ все, что есть у него. Но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его,—благословитъ ли онъ Тебя?

И, по попущенію Ягве, сатана «поразилъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги его по самое темя его».

Сатана,—слово это обозначаетъ «противника»,—въ такомъ же характерѣ выступаетъ и въ III главѣ пророка Захаріи, гдѣ обвиняетъ, и такъ же несправедливо, великаго іерея, Іосію, предъ Богомъ, за что получаетъ суровый выговоръ:

«Господь да запретитъ тебѣ, сатана, да запретитъ тебѣ Господь, избравшій Іерусалимъ».

Эта неосновательность обвиненій, это желаніе вредить людямъ благочестивымъ и добрымъ, является почти единственнымъ демоническимъ признакомъ характера библейскаго сатаны; во всемъ остальномъ эта фигура не отличается ничѣмъ выдающимся и не возвышается надъ уровнемъ палача, который влюбленъ въ свое ремесло и у котораго чувствуется полнѣйшій недостатокъ самодѣятельности и силы.

Гораздо болѣе оригинальнымъ типомъ представляется Асмодей изъ любопытнаго, но гораздо болѣе поздняго повѣствованія о Товіи. Жаль только, что авторъ не включаетъ этого демона въ число дѣйствующихъ лицъ, а предоставляетъ узнавать его характеръ изъ разсказа третьихъ лицъ, и вотъ, мы узнаемъ, что Асмодей «любитъ Сару, дочь Рагуила и никому не вредитъ, кромѣ приближающихся къ ней». У Сары было уже семь мужей, но «злой духъ умерщвлялъ ихъ прежде, нежели они были съ нею, какъ съ женою». Молодой Товій, по совѣту ангела Рафаила, «взялъ курильницу, и положилъ сердце и печень рыбы и курилъ. Демонъ, ощутивъ этотъ запахъ, убѣжалъ въ верхнія страны Египта, и связалъ его ангелъ».

Суммированія этихъ немногихъ намековъ достаточно для того, чтобы понять, что инкубъ *), Асмодей, гораздо ближе къ нашему средневѣковому дьяволу, который бралъ съ него примѣръ, чѣмъ упоминаемый раньше сатана.

Прежде всего, убивая мужей прекрасной Сары, онъ дѣйствуетъ не только по собственному побужденію и для собственной пользы, но и не спрашиваетъ ни у кого позволенія, потому что онъ не слуга, допускаемый предъ лицо Божіе, а врагъ небесъ, за что его и связываетъ Рафаилъ, одинъ изъ семи ангеловъ, «приносящихъ молитвы святыхъ къ престолу Предвѣчнаго».

Это первый ясный слѣдъ условнаго, ограниченнаго дуализма, который долженъ былъ, какъ логическая неизбѣжность, увѣнчать современемъ взгляды и вѣрованія лишенныхъ національности евреевъ и который еще ярче выразился въ такъ называемыхъ апокрифическихъ книгахъ, возникшихъ на почвѣ оріентально-эллинистическаго эклектизма и не включен-

*) Инкубъ—духъ, которому римляне приписывали явленія, приписываемыя русскими домовому, т.-е. набрасываніе ночью на сонныхъ, пуганіе ихъ и т. п. Сладострастныя сновидѣнія, въ особенности у женщинъ, приписывались также посѣщеніямъ инкуба.

ныхъ никакою церковью, за исключеніемъ второстепенныхъ сектъ, въ число каноническихъ книгъ Священнаго Писанія.

То, что въ исторіи о Товіи разыгрывалось на фонѣ частной и семейной жизни, приняло въ апокрифическомъ апокалипсисѣ Еноха *) форму великолѣпной эпопеи доисторической, которую Байронъ впослѣдствіи поэтически обработалъ въ «Небѣ и землѣ».

Останавливаясь на знаменитомъ отрывкѣ книги Бытія (VI, 1—4), касающемся любви и брачнаго союза сыновъ божіихъ съ дочерьми человѣческими, неизвѣстный авторъ повѣствуетъ, какъ ангелъ Семьяза,— по другому тексту Азазелъ,—подговоривъ двѣсти товарищей къ бунту, покидаетъ небо:

«И спустились они на землю, соединились съ прекрасными дщерями земли, и научали людей колдовствамъ и заклинаніямъ и какъ обрабатывать корни и деревья.

«Азазелъ же научилъ людей дѣлать мечи, ножи и щиты и научилъ ихъ смотрѣть на то, что было раньше ихъ; и также научилъ ихъ разнымъ искусствамъ, какъ дѣлать нарамянники, разныя украшенія, какъ употреблять бѣлила и чернить брови, какъ пользоваться выкопанными каменьями, красками и металлами земли.

«А другіе вожди ангеловъ объяснили теченіе звѣздъ и луны.

«И настало великое безбожіе и развратъ на землѣ и искривились пути человѣческіе».

Авторъ не обладаетъ уже глубокою вѣрою пророковъ и Іова, которымъ достаточно было убѣжденія, что рѣшенія Ягве должны быть хороши, хотя они и неизвѣданны,—онъ самъ хочетъ разрѣшить загадку существованія зла на свѣтѣ, примиряя персидскій дуализмъ съ еврейскимъ монотеизмомъ.

Дѣйствительно, только въ индійскомъ пантеизмѣ, опирающемся на систему эманаціи, гдѣ божество представлялось отожествленнымъ съ природой, можно было избѣгать этическаго раздвоенія. Творецъ, стоящій внѣ и надъ природой, которую онъ актомъ своей воли создалъ изъ ничего, Богъ личный, наимудрѣйшій и наисовершенный, не могъ быть единовременно причиною зла.

Безпристрастный же и суровый персидскій дуализмъ, признающій независимое существованіе двухъ предвѣчныхъ, враждебныхъ и равныхъ другъ другу силъ, не считался съ воображеніемъ тѣхъ, предки которыхъ прославляли единаго Господа Господъ, Ягве, который «надъ всѣми богами Египетскими производилъ судъ» (Исходъ XII, 12).

Изъ дилеммы этой евреи вышли побѣдоносно, поучая, что зло сотворено не было, но появилось само по себѣ, какъ слѣдствіе добровольнаго упадка и вырожденія добра.

---

*) Въ началѣ прошлаго столѣтія въ Абиссиніи найденъ египетскій текстъ этой книги. Оригиналъ, о которомъ вспоминаетъ апостолъ Іуда въ своемъ соборномъ посланіи, окончательно погибъ. Произведеніе это появилось, по всей вѣроятности, какъ большинство еврейскихъ апокалипсисовъ, въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.

Ангелы и люди были не только добры, но и свободны, но, употребляя во зло свою свободу, пали, нарушили первобытную гармонію и вмѣстѣ съ тѣмъ порвали единство творенія. Союзъ павшихъ ангеловъ съ дочерями земли породилъ на свѣтъ гигантовъ, которые поглощали не только всѣ дѣла рукъ человѣческихъ, но въ концѣ начали пожирать и самихъ людей.

Тогда Господь приказалъ Рафаилу: «на руки и ноги Азазела наложить оковы и ввергнуть его во мракъ, и завалить острыми и твердыми каменьями, и покрыть его мракомъ, дабы онъ остался тамъ навѣки и не видалъ свѣта до дня великаго суда, когда онъ будетъ ввергнутъ въ горящую бездну».

То же самое дѣлаетъ Михаилъ архангелъ съ другимъ бунтовщикомъ, Семьязой; Гавріилъ же злобныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей неба и земли, гигантовъ, привелъ къ смертельному междоусобію.

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи Енохъ, который, какъ Дантъ, все видѣлъ собственными глазами, разсказываетъ, что заточенные ангелы, скорбя о своихъ грѣхахъ, слагали въ его руки просьбы о помилованіи, но тѣмъ не менѣе получили отрицательный отвѣтъ: «Ибо кто былъ созданъ для жизни духовной, тотъ не долженъ былъ осквернять себя плотскимъ соединеніемъ съ женщиной».

Въ равной степени прокляты ихъ дѣти, гиганты, духи которыхъ ходятъ по землѣ и мучатъ людей.

Наконецъ третій классъ демоновъ у Еноха составляютъ ангелы суда и кары, или дьяволы въ истинномъ смыслѣ. Они-то и помогаютъ заключать въ оковы Азазела и Семьязу; они связываютъ и мучатъ грѣшниковъ.

Позже всѣ эти категоріи слились въ одно понятіе сатаны, бунтовщика, искусителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнителя приговоровъ небесной справедливости.

Тогда-то старый, могучій гимнъ презрѣнія и торжества, воспѣвающій паденіе гордаго царя народовъ, Вавилона, и былъ приспособленъ раввинами къ князю демоновъ, Люциферу, сверженному съ неба за гордость и бунтъ: «Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобою подстилается червь, и черви—покровъ твой.

«Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари (Люциферъ?)! Разбился о землю попиравшій народы.

«А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера; взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему».

«Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней». (Исаія, XIV 11—15).

Къ этой пѣснѣ, гремящей точно звуки трубы послѣдняго суда, со временемъ прибавили, какъ бы для освященія правила: *Summum jus, summa injuria*, страшное слово на вѣки, создавая такимъ образомъ угрюмый прологъ къ великолѣпной и потрясающей трагедіи, которой древніе

вѣка не знали и которая лишь спустя много, много столѣтій, подъ перомъ Кедмона, Марло, Мильтона, Вонделя и Байрона, достигла такой духовной глубины, что нашла сочувственный отзвукъ въ человѣческомъ сердцѣ.

Мы обходимъ молчаніемъ апокрифы вѣка, предшествующаго Рождеству Христову. Среди нихъ заслуживаетъ вниманіе теперь найденная книга о вознесеніи Моисея (*Assumptio Mosis*), гдѣ, по редакціи Оригена, по всей вѣроятности находился разсказъ о борьбѣ сатаны съ Михаиломъ архангеломъ за душу великаго законодателя израильтянъ.

Съ теченіемъ времени борьба мечами и копьями смѣнилась борьбою духовною, результатъ которой зависѣлъ не отъ физической силы, а отъ этической цѣнности противниковъ. И когда мятежный слуга Божій, дрожа за свою власть надъ грѣшнымъ міромъ, возжелалъ погубить Избавителя, то приблизился къ нему не съ оружіемъ въ рукахъ, а со сладкими словами и соблазнялъ Его, стараясь отвлечь мысли Мессіи отъ великихъ цѣлей къ цѣлямъ низшимъ, мірскимъ.

Іисусъ однако же разсѣялъ намѣренія злого духа, бросивъ ему въ отвѣтъ возвышенное: «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»...

Это ужъ не борьба свѣтлаго творца, Ормузда, съ мрачнымъ уничтожителемъ Ариманомъ, не единоборство двухъ ангеловъ между собою, но столкновеніе земли съ небомъ, матеріи съ духомъ, инстинктовъ низкихъ, животныхъ, съ идеальными стремленіями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ, дьяволъ выступаетъ какъ представитель бренныхъ наслажденій и интересовъ, какъ господинъ презрѣннаго міра и смертнаго тѣла, которое должно быть подавлено для обезпеченія безсмертной душѣ вѣчнаго существованія.

Древній персидскій дуализмъ, разсѣкая міръ, такъ сказать, въ вертикальномъ направленіи, дѣлилъ его на двѣ части: благодѣтельную и вредную для жизни и развитія; новый дуализмъ раздѣляетъ все на два царства, лежащія одно подъ другимъ: нижнее, тѣлесное—сатанинское и высшее, духовное—божеское. «Я самъ,—говоритъ святой Павелъ,—умомъ служу закону Божію, а тѣломъ закону грѣха».

Родиться на свѣтъ—это значило подпасть подъ власть сатаны, который «ходитъ вокругъ насъ, словно левъ рыкающій, ищущій, кого бы поглотить» (Пос. ап. Петра). Умереть безъ грѣха,—это равняется освобожденію отъ узъ тѣла, міра и дьявола.

Кромѣ моральнаго вреда, сатана старался наносить людямъ и физическій вредъ. Доказательствомъ этого служатъ многочисленныя фигуры безумныхъ, устами которыхъ бѣсы возносили хулу на Христа, а принужденные Его повелѣніемъ оставить тѣла несчастныхъ, вступали, какъ нечистые духи, въ тѣла свиней и топили въ морѣ.

«И когда вышелъ Онъ изъ лодки, тотчасъ же встрѣтилъ Его вышедшій изъ гробовъ человѣкъ, одержимый нечистымъ духомъ...

«Увидѣвъ же Іисуса издалека, прибѣжалъ и поклонился Ему;

«И вскричалъ громкимъ голосомъ, сказалъ:—что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго? Заклинаю Тебя Богомъ, не мучь меня!

«Ибо Іисусъ сказалъ ему:—выйди духъ нечистый изъ сего человѣка.

«И спросилъ его: какъ тебѣ имя? И онъ сказалъ въ отвѣтъ:—легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много.

«И много просили Его, чтобъ не высылалъ ихъ вонъ изъ страны той.

«Паслось же тамъ при горѣ большое стадо свиней.

«И просили Его всѣ бѣсы, говоря:—пошли насъ въ свиней, чтобъ намъ войти въ нихъ.

«Іисусъ тотчасъ позволилъ имъ. И нечистые духи вышедши вошли въ свиней; и устремилось стадо съ крутизны въ море, а ихъ было около двухъ тысячъ; и потонули въ морѣ». (Ев. ап. Марка, V, 2—13).

Какъ мы видимъ, способъ изгнанія демоновъ значительно облагородился со временъ Асмодея. Мѣсто кажденія рыбьею печенью теперь заняли слово и воля.

Кромѣ множества причинъ, о которыхъ мы упомянемъ въ надлежащемъ мѣстѣ, на это повліяли также понятія евреевъ, заключающіяся въ Талмудѣ и Каббалѣ. Раввины, познакомившись съ вавилонской и персидской демонологіей, истолковали библейскіе намеки на злыхъ духовъ тенденціознымъ образомъ и создали цѣлое царство талмудистическихъ дьяволовъ, среди которыхъ инкубъ, Асмодей, и суккубъ, Лилитъ—будто бы первая жена Адама, играли главную роль.

Цѣлостная каббалистическая философія стоитъ значительно выше талмудическаго эклектизма и доходитъ до заключеній, настолько чуждыхъ еврейскому духу, что извѣстный знатокъ Каббалы, профессоръ Франкъ *), не сомнѣвается вывести ея начало изъ древне-индійскихъ источниковъ. Это законченная и послѣдовательная система спиритуалистическаго пантеизма, въ которой все, что есть, возстало изъ одной безконечности (Ensof), причины причинъ, посредствомъ эманаціи.

Чѣмъ далѣе волны творчества разбѣгались отъ центра, тѣмъ болѣе онѣ становились матеріалистическими и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе чистыми. Демонъ Самаэль (Ядовитый звѣрь), собственно говоря, сама матерія, послѣдняя, отдаленнѣйшая и грубѣйшая эманація безконечности, съ которой, однако же, послѣ очищенія, сольется вновь (*Франкъ,* стр. 211, 217, 379).

Точно также, какъ индійскій пантеизмъ, Каббала признаетъ множе-

*) Ад. Франкъ „La Kabalie ou la Philosophie religieuse des Hebreux". Paris, Hachette. Какъ далеко каббалистическая философія напоминаетъ системы индійской метафизики, видно изъ того, что какъ французскіе необуддисты (оккультисты), такъ и англо-индійцы (теософы) пользуются каббалистическою терминологіею для обозначенія буддистскихъ понятій и *vice versa*, провозглашая при томъ абсолютную тожественность обѣихъ системъ. Метампсихозъ былъ и у каббалистовъ средствомъ усовершенствованія и очищенія душъ, оскверненныхъ соприкосновеніемъ съ матеріею.

ство демоновъ второстепенныхъ, которыми человѣкъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ располагать по своему произволу. Это убѣжденіе пріохотило людей къ различнымъ чародѣйственнымъ занятіямъ, на которыя мы находимъ множество намековъ въ средневѣковой литературѣ. Большинство алхимиковъ также признавало каббалистическія доктрины.

Кто хорошо понялъ эволюцію воплощеній зла въ произведеніяхъ израильской литературы, тотъ легко можетъ оріентироваться въ священной книгѣ мусульманъ, представляющей собою въ сущности не что иное, какъ смѣсь христіанскихъ и еврейскихъ доктринъ, пропитанныхъ родовыми традиціями арабовъ. И по Магомету элементъ зла, не будучи равнымъ элементу добра, ни во времени, ни въ пространствѣ, не вытекаетъ, однако же, изъ его существа, но возродился самъ собою вслѣдствіе добровольнаго паденія одного изъ высшихъ существъ. Причина паденія было непослушаніе и гордость.

«Когда Аллахъ сотворилъ человѣка, — говоритъ Коранъ (*Сура*, XV, 30—43),—то сказалъ ангеламъ: поклонитесь ему и отдайте ему честь.

«И ангелы поклонились всѣ, за исключеніемъ Эблиса (diavolos?): онъ не хотѣлъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые кланялись.

«Аллахъ сказалъ ему тогда: О, Эблисъ, почему ты не съ тѣми, которые кланяются?

«— Я не буду кланяться человѣку, котораго ты сотворилъ изъ грязи, изъ той глины, которая поддается обработкѣ.

«Аллахъ сказалъ ему тогда: Уйди отсюда, ты побитъ каменьями *). Проклятіе будетъ тяготѣть надъ тобою до дня суда.

«Эблисъ отвѣтилъ: О, Господь, дай мнѣ отсрочку до того дня, когда воскреснутъ люди.

«Аллахъ сказалъ: Я даю тебѣ отсрочку, но до дня съ заранѣе опредѣленнымъ срокомъ.

«— Господь,—сказалъ Эблисъ,—такъ какъ ты обманулъ меня, то я буду вредить людямъ на землѣ и буду ихъ стараться обманывать... за исключеніемъ вѣрныхъ слугъ твоихъ.

«Богъ отвѣтилъ: Эта твоя настоящая дорога. Ибо ты не будешь имѣть власти надъ моими слугами, а только надъ тѣми, которые пойдутъ за тобою и заблудятся. Адъ—мѣсто, обреченное для всѣхъ».

Въ этомъ короткомъ діалогѣ, содержаніе котораго Магометъ заимствовалъ изъ поученій еврейскихъ раввиновъ, мусульманская доктрина начала зла изложена довольно пластично и ясно, а въ фигурѣ надменнаго ангела нѣтъ даже недостатка психологической глубины. Въ другомъ мѣстѣ Коранъ приписываетъ паденіе людей злобѣ Эблиса, который «сдѣлалъ такъ, что нога ихъ поскользнулась и они были прогнаны съ мѣста, на которомъ проживали» (XI, 34).

---

*) Постоянный эпитетъ сатаны въ Коранѣ, происходящій, должно быть, оттуда, что Авраамъ отогналъ искусителя, бросая въ него камнями.

Все это, какъ мы видимъ, напоминаетъ юдаистическія воззрѣнія. Эблиса Коранъ называетъ прямо сатаною (шейтанъ). Помощники его и потомки (шеятинъ) любятъ ночью подкрадываться подъ небесный сводъ и слушать, о чемъ тамъ говорятъ, тогда ангелы бросаютъ въ нихъ огненными каменьями (падающія звѣзды) (XV, 17, 18).

По Корану, кромѣ того, существуетъ еще раса геніевъ (джинъ), созданныхъ изъ «тончайшаго огня». Духи эти могутъ такъ же, какъ и люди, идти по злой или доброй дорогѣ и, соотвѣтственно своимъ поступкамъ, быть осужденными или спасенными. Магометъ въ первые годы пропаганды обратилъ значительное количество ихъ въ исламъ и сдѣлалъ изъ нихъ своихъ апостоловъ въ царствѣ духовъ (XLVII, 28). Имъ, по словамъ Корана, царь Соломонъ былъ обязанъ своимъ могуществомъ; они же играютъ роль сверхъестественнаго аппарата въ знаменитыхъ сказкахъ «1001 ночи», которыя, при посредствѣ персовъ, перешли изъ Индостана въ Аравію и были тамъ локализированы.

Несмотря на то, въ характерѣ этихъ геніевъ можно замѣтить еще много слѣдовъ родного имъ колорита. Такъ, напримѣръ, духъ чудесной лампы Аладина называетъ своимъ владыкой гигантскую птицу, Рока, которая въ сказкахъ «1001 ночи» является только очень большой птицей и больше ничѣмъ, тогда какъ ея индійскій первообразъ, Гаруда, безсмертный орелъ съ человѣческимъ лицомъ, а также и мудрый грифъ персидскій, Симургъ, покровитель рода Рустема, слывутъ, какъ существа, одаренныя сверхъестественною силою и знаніемъ.

Въ физическомъ отношеніи геніи «1001 ночи» отличаются колоссальностью, а иногда и уродливостью своихъ членовъ; съ моральной же стороны они злы, суровы и грубы по отношенію къ людямъ, хотя и признаютъ ихъ преимущества передъ собою. «Развѣ ты не знаешь, что въ глазахъ Бога человѣкъ лучше тысячи джиновъ?» говоритъ царь джиновъ, Шабханъ, своему товарищу, который хочетъ мстить людямъ за оказанную ему несправедливость («Исторія о принцѣ Сеифѣ»).

Управлять ими можно при помощи волшебныхъ колецъ, лампъ и другихъ талисмановъ, а когда они разгнѣваны, ихъ легко подкупить, правда, не деньгами, но, по восточному, складною и фантастическою сказкою. Разсказъ такой сказки спасаетъ отъ смерти одного купца, который нечаянно убилъ сына одного изъ геніевъ.

Кромѣ могучихъ джиновъ, въ сказкахъ «1001 ночи» выступаютъ гнусные Гули, напоминающіе индійскихъ Ракшасовъ. «Они, — разсказываетъ несчастный Суди Нуманъ, жена котораго, прекрасная Амина, находится въ дружбѣ съ Гулемъ, — злые духи обоего пола, гнѣздящіеся въ старыхъ развалинахъ, откуда они нападаютъ на прохожихъ, убиваютъ ихъ и съѣдаютъ. Если имъ не удастся схватить живыхъ, тогда они идутъ на кладбища, вырываютъ трупы и пожираютъ ихъ мясо».

Колдуны и колдуньи арабскихъ легендъ бываютъ и злые и добрые, у

христіанъ и евреевъ уже самое занятіе колдовствомъ считается непозволительнымъ: здѣсь моральную цѣнность чародѣя опредѣляетъ цѣль, которой онъ стремится достигнуть при помощи своихъ таинственныхъ познаній, ограничиваясь только заклятіями и талисманами, но не прибѣгая къ дѣятельной помощи ада.

Буддизмъ. Финская литература: Калевала, Калевипоэгъ.

На этомъ мы оканчиваемъ обзоръ олицетвореній зла въ литературѣ народовъ нехристіанскихъ. Мы не включили въ нашъ разборъ племенъ монгольскихъ, во-первыхъ, потому, что между ихъ литературой и нашей, европейской, которая насъ главнымъ образомъ интересуетъ, не было никакихъ взаимныхъ отношеній, а во-вторыхъ, потому, что цивилизованные монгольскіе народы исповѣдуютъ или не безызвѣстный уже намъ исламъ, или буддизмъ, не отличающійся въ своихъ воззрѣніяхъ на существо зла отъ разобраннаго нами раньше браманизма.

Исключенія заслуживаетъ только Мара или Паріянъ, царь злыхъ духовъ, который, по словамъ «Лалита-Вистара», безуспѣшно искушалъ Будду, а потомъ пугалъ его чудовищами, «обладающими страшными формами»: у однихъ была голова лисицы, у другихъ—слона или носорога, у третьихъ—сто тысячъ головъ и столько же рукъ. Иные, съ кострюлями на головахъ—какъ у Брегеля и Теньера—ѣхали на слонахъ, ослахъ, буйволахъ, угрожая Буддѣ мечами и дротиками, но Будда не испугался, зная, что Мара и его воинство не что иное, какъ призракъ, сонъ, безъ всякой реальной подкладки.

Потомъ демонъ пробуетъ соблазнить мудреца образами прекрасныхъ женщинъ, но и тутъ безуспѣшно. Будда отвѣчаетъ голосомъ «сладкимъ, какъ пѣніе Калабингки»: «женщины, тѣло ваше, это водяной пузырь, это пѣна, отливающая всѣми цвѣтами радуги, но скоропреходящая». Изумленныя искусительницы исчезаютъ, склоняясь передъ пророкомъ въ знакъ глубокаго почета.

Въ заключеніе два слова о финской и эстонской поэзіи, о Калевалѣ и Калевипоэгѣ, соединенныхъ другъ съ другомъ узами расоваго и миѳологическаго родства.

Въ первой изъ этихъ поэмъ мы видимъ демоновъ, отчизна которыхъ—страна вѣчныхъ льдовъ, гдѣ проживаетъ гигантъ Гизи, символъ сѣвернаго вѣтра, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, олицетвореніе зла, которому подчинены духи низшаго сорта,—Гійденъ Геймолайненъ, владыка горъ, Гійденъ Линта, его птица, Гійденъ Рууна, его конь, а также Гійденъ Ваки, родъ фуріи, играющей роль посланца. Колдуны и колдуньи сообщаются съ этими демонами, понуждая ихъ къ повиновенію при помощи заклятій и магическихъ пѣсенъ. Все дѣйствіе Калевалы вращается около колдовства. Въ другой эстонской поэмѣ есть эпизодъ, посвященный путешествію одного изъ потомковъ финскаго Калева въ адъ. Обитатели бездны обороняются силою

и хитростью, но эстонскій герой громитъ ихъ своимъ мечомъ и разбиваетъ въ прахъ. Потомъ онъ вступаетъ въ битву съ «рогатымъ» Сарвикомъ, властителемъ ада, съ которымъ имѣлъ старые счеты, и котораго, благодаря своей силѣ и талисманамъ, побѣждаетъ и связываетъ веревкою, отнимая у него всѣ деньги и золото, спрятанныя въ сокровищницѣ. Послѣ смерти Калевидъ, по приговору боговъ, былъ прикованъ за одну руку къ адскимъ вратамъ, чтобы стеречь до конца міра обитателей бездны. Но придетъ время, и герой возвратится въ родную землю, чтобъ принести ей счастіе.

Злые духи и ихъ царь въ этой поэмѣ представлены совсѣмъ матеріально,—они впечатлительны къ боли, къ страху и подвержены смерти.

Ленорманъ въ своемъ извѣстномъ произведеніи «La magie chez les Chaldéens et les Origines Accadiennes» доказываетъ родственность демонологіи финской съ демонологіей аккадійской, злые духи которой, олицетворяющіе палящій вѣтеръ юго-востока, преобразились, подъ вліяніемъ обстановки и климата, въ олицетвореніе мороза и леденящихъ вѣтровъ сѣвера.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА II.

Отъ Никодимова Инфера до демоновъ Мильтона и Вонделя.

I.

Новыя теченія и новыя произведенія.

Гностицизмъ.—Манихеизмъ.—Правовѣрная доктрина относительнаго дуализма.—Языческія вліянія.—Классическая миѳологія.—Воззрѣнія германцевъ.—Локи.—Интеллектъ кельтовъ.—Мерлинъ, сынъ дьявола и монахини.—Мерлинъ и Робертъ Дьяволъ, представители двухъ расъ.—Поэтическо-богословскія произведенія.—Евангеліе псевдо-Никодима.—Видѣнія.—Парафразы.—Авитъ.—Двуличность сатанинскаго типа въ дохристіанской поэзіи.

Разборъ древнихъ литературъ привелъ насъ къ заключенію, что изъ трехъ основныхъ типовъ, къ которымъ можно свести до-христіанскія религіи, только одинъ персидскій дуализмъ благопріятствовалъ развитію демонической поэзіи въ высшемъ стилѣ. Пантеистическій политеизмъ другихъ арійскихъ народовъ, а также и суровый монотеизмъ семитовъ въ этомъ отношеніи оказались почти совершенно безплодными.

Гораздо лучшая почва для поэзіи подобнаго рода образовалась впослѣдствіи въ силу взаимной нейтрализаціи двухъ діаметрально противоположныхъ доктринъ,—монотеизма и дуализма, слившихся въ цѣльную систему такъ называемаго относительнаго дуализма, который былъ принятъ евреями за два вѣка до нашей эры и который сталъ также однимъ изъ главныхъ догматовъ нашей религіи.

Сдѣлалось это не съ разу. Когда христіанство, порвавши связи съ тѣснымъ еврейскимъ сепаратизмомъ, приняло широкій характеръ всечело-

вѣческой доктрины, многіе изъ его новообращенныхъ поклонниковъ, стремясь къ примиренію свѣжихъ теченій мысли съ умирающими идеями, начали «вливать новое вино въ старые мѣхи» и создавать тысячи синкретичныхъ религіозныхъ системъ, изъ которыхъ только впослѣдствіи образовалось правовѣрное ученіе всеобщей церкви. При ближайшемъ разсмотрѣніи весь этотъ хаосъ первоначальныхъ доктринъ и ересей снова можетъ быть пріуроченъ къ тремъ уже извѣстнымъ намъ типамъ.

Первый изъ нихъ, пантеизмъ, нашелъ соотвѣтственное мѣсто въ родственныхъ неоплатонизму гностическихъ сектахъ, считающихъ гнѣздилище зла, матерію, за оскверненный истокъ наивысшаго, безконечнаго божества, которое дало также начало ограниченному творцу, вѣрнѣе «зиждителю» міра, Деміургу, отожествленному большинствомъ гностиковъ съ библейскимъ Еговою. По мнѣнію нѣкоторыхъ школъ, Деміургъ, какъ властелинъ матеріи, и былъ, собственно, сатаною.

Офиты (почитатели змѣя-искусителя) называли Егову Ялдабаоѳомъ, который, считая себя Господиномъ міра, предалъ Христа жидамъ на пропятіе и который современемъ будетъ низвергнутъ за это въ бездну хаоса, какъ представитель зла.

Воззрѣніе крайне дуалистическое представлялось упомянутыми выше доктринами перса Мани, сторонники котораго признавали зло не за что-то презрѣнное, не за отрицаніе добра, а за что-то равное ему, положительное, вѣчное и личное, какъ само божество.

Отъ чистаго персидскаго дуализма манихеизмъ отличался только тѣмъ, что, согласно съ неоплатонизмомъ и христіанствомъ, отожествлялъ зло съ матеріей, тогда какъ маздеизмъ видѣлъ въ немъ и много хорошихъ элементовъ. Манихеяне называли царя матеріи «владыкой (архонъ) мрака» и, отожествляя его съ покровителемъ избраннаго народа, придавали ему гигантское тѣло, по образу и подобію коего былъ созданъ человѣкъ.

Хотя правовѣрная церковная доктрина побѣдила оба эти секстантскія теченія, они тѣмъ не менѣе оставили много слѣдовъ, не столько въ догматикѣ, сколько въ воображеніи новыхъ исповѣдниковъ евангелія. Блѣдная фигура библейскаго сатаны при этихъ состязаніяхъ сдѣлалась болѣе характерною, возмужала и усилилась духовно. Изъ исключительнаго противника Мессіи дьяволъ обратился въ противника творца и всего царствія Божія на небѣ и на землѣ. Дуализмъ, не выходя изъ границъ, обозначенныхъ монотеистическими традиціями, опредѣлился, однако, совершенно ясно и рельефно.

Признавъ существованіе сатаны за догматъ, церковь никогда не входила въ подробныя описанія его физической и духовной натуры, предоставляя человѣческой фантазіи полнѣйшую свободу вышивать на ортодоксальной канвѣ различныя фигуры и картины *). Краски и образцы для этихъ рисунковъ прежде всего доставляли миѳологіи грековъ и римлянъ.

*) Оригенъ говоритъ: „церковное ученіе гласитъ о дьяволахъ и ангелахъ, что они есть, но не говоритъ ясно, *что такое и каковы они*“.

Такъ какъ большинство отцовъ церкви не отказывало языческимъ богамъ въ реальности и признавало ихъ не за плодъ вымысла, а за демоновъ, которые отвлекали извратившееся человѣчество отъ вѣры въ истиннаго творца, то не только мрачныя хтоническія силы, но и свѣтлые обитатели Олимпа были переименованы въ дьяволовъ. Въ легендахъ первыхъ вѣковъ христіанства есть масса разсказовъ о статуяхъ, сваливающихся съ пьедесталовъ при одномъ звукѣ имени Іисуса, или горько оплакивающихъ невѣрность своихъ бывшихъ поклонниковъ.

Миѳологическіе элементы производили особое вліяніе на воображеніе, когда дѣло касалось внѣшнихъ формъ сатаны, о чемъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ завѣтѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Фантастическія фигуры фавновъ, сатировъ, центавровъ, горгонъ и гарпій, въ которыхъ человѣческая форма страннымъ образомъ смѣшивалась съ формами звѣриными, представляли прекрасный матеріалъ для созданія фигуры падшаго ангела, соединяющаго въ своей натурѣ высокія способности и стремленія духовныя съ грубѣйшими матеріальными повадками.

Позже въ среднихъ вѣкахъ, когда классическое чувство мѣры было утрачено, всѣ эти произвольныя и капризныя, но, несмотря на то, изящныя комбинаціи переродились въ странные и чуть не дикіе слѣпки со всевозможнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ существъ. Поэзія отъ этой аллегорической парадоксальности освободилась довольно рано, но пластическія искусства еще долго находились подъ ея вліяніемъ. Кромѣ того, дьяволъ унаслѣдовалъ отъ греческихъ боговъ нѣкоторые аттрибуты и символы (напримѣръ, невѣрную походку Вулкана, двузубецъ или вилы Плутона и т. д.).

Господство классическихъ вліяній прекратилось съ тою эпохой, когда на міровую сцену выступили народы и государства германскіе, которые внесли въ сокровищницу европейскаго интеллекта цѣлый рядъ новыхъ мыслей и понятій.

Религія германцевъ, какъ и вѣра грековъ,—видъ пантеистическаго политеизма, но только въ болѣе грубой формѣ. Зло, или вѣрнѣе, злоба, представлялось въ ней первобытнымъ, близкимъ къ матеріи, родомъ глуповатыхъ гигантовъ (Іотовъ), съ которыми сражались боги, не во имя справедливости, а изъ собственныхъ выгодъ и изъ чувства самосохраненія.

Изъ рода гигантовъ происходилъ и самый крупный представитель германскаго демонизма, прекрасный и мудрый, но хитрый и злобный Локи (Логи), который по проблескамъ юмора, проявляющагося въ его характерѣ, можетъ считаться доисторическимъ первообразомъ Мефистофеля. Усыновленный богами, Локи отплачиваетъ имъ тѣмъ, что сѣетъ въ царствѣ Азовъ раздоры и гибель (смерть Бальдура). Тѣмъ не менѣе, въ важныхъ случаяхъ, когда богамъ грозитъ опасность, Локи всегда становится на ихъ сторону, чтобы своею ловкостью избавить сводныхъ братьевъ отъ гибели.

Дѣло въ томъ, что германскіе боги, правда, отважные и сильные, вовсе не блещутъ ни умомъ, ни добропорядочностью; поэтому они часто дѣлаютъ глупости и подлости, за которыя должны каяться. Локи, хотя и самъ лишенъ этическаго чутья, обладаетъ, по крайней мѣрѣ, умомъ и, сознавая свое преимущество надъ небожителями, любитъ выказывать его при всякомъ удобномъ случаѣ, причемъ не щадитъ самолюбія безсмертныхъ. Такъ, напримѣръ, въ эпизодѣ старшей Эдды, носящемъ названіе Loka-Glepsa (колкости Локи), этотъ циничный потомокъ гигантовъ забрасываетъ своихъ застольниковъ сарказмами и откапываетъ изъ тайниковъ скандалезной хроники Азгарда разныя исторіи, оскорбительныя для геройской чести боговъ и женственной чистоты богинь. Всѣ защищаются, но слабо; на днѣ ироническихъ выходокъ Локи лежитъ,—увы!—правда. И только простодушный, но сильный Торъ замыкаетъ уста поносителя, правда не какими-нибудь аргументами, но, какъ это приличествуетъ истинно германскому богу, своимъ страшнымъ молотомъ, Мйолниромъ.

«Молчи, глашатый безстыдства!—восклицаетъ Торъ,—мой тяжелый молотъ остановитъ твое щебетанье».

Локи отвѣчаетъ на это: «Я уступаю тебѣ, потому что знаю, что ты скоръ на драку».

Какъ Зогакъ, Прометей, и по словамъ Еноха, даже и дьяволъ, Локи былъ связанъ богами и прикованъ къ скалѣ.

Надъ его головой помѣстили змѣя, изъ пасти котораго на узника сочился разъѣдающій ядъ. Жена Локи, Сигинія, собирала этотъ ядъ въ сосудъ, но въ минуту, когда она опоражнивала наполненный кубокъ, ядъ падалъ на Локи, и тотъ, палимый страшною болью, порывисто метался. Вотъ почему происходили землетрясенія. Аналогичныя легенды гласятъ о придавленныхъ горами греческихъ титанахъ и о Люциферѣ.

Нѣсколько сходственныхъ чертъ въ исторіи христіанскаго сатаны и германскаго бога огня навели нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что христіанскія понятія произвели извѣстное воздѣйствіе на германскую демонологію вообще, а на скандинавскую въ особенности. Было ли такъ въ дѣйствительности? Трудно сказать, но во всякомъ случаѣ, кажется, обратное вліяніе перевѣсило, какъ значительно болѣе сильное.

Простой народъ, принявъ христіанство, не переставъ думать о старыхъ богахъ, которыхъ церковь, по мысли Григорія Великаго, разжаловала въ демоны. Какъ демоны они и продолжали свое существованіе, совершая свои ночныя игрища въ лѣсахъ и развалинахъ.

Одинъ (Вуотанъ) сталъ дикимъ охотникомъ, Гольда, слившись съ классическою Венерою, поселилась въ нѣдрахъ горы, привлекая къ себѣ молодыхъ красавцевъ и рыцарей (Тангейзеръ). Глупость и неуклюжесть гигантовъ ожили въ комической фигурѣ чорта, обманываемаго людьми. Злоба карликовъ воплотилась въ фигурки остроумныхъ кобольдовъ.

Наиважнѣйшимъ, однако, подаркомъ, какимъ германская миѳологія обогатила народную демонологію, по мнѣнію Гримма, были дьяволы женскаго

рода, о которыхъ совершенно молчатъ акты соборовъ и книги отцовъ церкви. Популярная въ нѣмецкихъ сказкахъ «бабка сатаны», которая выступала на сценѣ въ разныхъ мистеріахъ (Papstin Jutte),—чисто нѣмецкое произведеніе. Первообразомъ ея можно считать мать водянаго чудовища Гренделя, которое погибло отъ руки Беоульфа, или дочь Локи, Гелу, угрюмую богиню подземныхъ безднъ смерти.

Германскія вліянія, въ общемъ, придали грубый видъ фигурѣ догматическаго сатаны, но, рисуя его въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обогатили его характеръ нѣкоторыми началами, способными къ облагороженію и развитію. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить юморъ, который современемъ далъ возможность Гёте создать великолѣпный и единственный въ своемъ родѣ типъ духа отрицанія.

Нѣкоторые изслѣдователи (между ними Тэнъ), привлеченные только одной угрюмой стороной древне-германской поэзіи, кажется, не замѣчаютъ юмористической ноты, звучащей тамъ иногда очень ясно. Сколько, напримѣръ, искренняго комизма заключаетъ въ себѣ эпизодъ «Отбитый молотъ» (изъ старшей Эдды)! У Тора украли молотъ, Мйолниръ, съ которымъ—характеристичная черта скандинавскихъ боговъ—связана сила и могущество этого Аза. Похититель-гигантъ требуетъ, въ качествѣ выкупа, богиню Фрею, которая не рѣшается на такой позоръ. Тогда огромный, неуклюжій Торъ, по совѣту Геймдалла, переодѣвшись прекрасной и стройной Фреей, отправляется съ неизбѣжнымъ Локи, играющимъ роль служанки, въ Іоттенгеймъ, чтобъ выручить цѣнное оружіе изъ рукъ глупыхъ гигантовъ. Описаніе всего этого маскарада боговъ съ начала до конца выдержано въ чисто-юмористическомъ духѣ.

Не менѣе важной, хотя и рѣже выступающей въ легендахъ, психологической чертой, завѣщанной сатанѣ германскими богами и героями, была безграничная гордость, соединенная съ свирѣпостью и упорствомъ. Элементы эти встрѣчаются намъ въ самомъ раннемъ времени,—мы видимъ ихъ уже въ VII вѣкѣ, въ демоничной поэзіи англосаксовъ, откуда они переходятъ въ англійскую литературу, которая, какъ всѣмъ извѣстно, одарила міръ великолѣпнѣйшими типами сатаны.

Болѣе мягкое вліяніе на образованіе демонологическихъ понятій оказала кельтическая поэзія и миѳологія. И здѣсь первенствовалъ пантеизмъ, но пантеизмъ гораздо болѣе тонкій, чѣмъ германскій. Кельты приближались къ эллинизму, благодаря своему благородному, ясному, гуманитарному воззрѣнію на міръ, въ то время, когда нѣкоторая склонность къ мистицизму, вѣра въ метампсихозъ и въ аватары божествъ *), а также въ преимущество загробнаго міра передъ земнымъ,—склоняли слегка миѳологію

*) Напримѣръ, богиня Этенъ, одна изъ женъ бога Мидера, появляется на свѣтъ воплощенною въ тѣло маленькой дѣвочки, которая, по достиженіи совершеннолѣтія, выходитъ замужъ за царя Эохаида Лирема. См. Hersart de la Villemarqué „La légende celtique, etc.“.

соотечественниковъ Артура и Мерлина къ системѣ браминовъ, которымъ у кельтовъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовали друиды.

Главнѣйшую роль въ миѳологіи кельтовъ, насколько можно судить по имѣющимся скуднымъ даннымъ, играли духи стихійные, управляющіе движеніемъ и развитіемъ основныхъ началъ міра. Они-то, не устрашившись проклятій святого епископа Кентигерна, пережили политическое паденіе мелкихъ кельтическихъ государствъ и живутъ до сего дня въ легендахъ бретонцевъ и валлійцевъ. Ихъ мягкій, поэтичный характеръ, ни въ чемъ не подходящій къ свирѣпой, злобной натурѣ германскихъ гигантовъ и карловъ, слишкомъ далеко отходилъ отъ тогдашнихъ понятій о сатанѣ, чтобъ непосредственно повліять на развитіе его существа.

Весь міръ добрыхъ волшебницъ, геніевъ и чародѣевъ, играющихъ въ рыцарской романтикѣ такую огромную роль, несомнѣнно обязанъ своимъ существованіемъ кельтическимъ вліяніямъ, къ которымъ, во время крестовыхъ походовъ, присоединились и восточные элементы. Прототипомъ существъ, висящихъ какъ будто между небомъ и землей, былъ славный герой средневѣковой рыцарской эпики, Мерлинъ, сынъ дьявола и монахини.

Кельты называли его, смотря по діалекту данной мѣстности, Мартинъ, Мирдинъ, Марцинъ, Меллеръ, Мельзіаръ, изъ чего французскіе труверы сдѣлали со временемъ популярное Мерлинъ.

По всей вѣроятности это было когда-нибудь родовымъ именемъ, какъ индійскій «аватаръ», всякаго божества, принимающаго человѣческія формы. Потомъ этимъ именемъ окрестили народнаго поэта и героя кельтовъ, отцомъ котораго былъ одинъ изъ свѣтлыхъ геніевъ (дузовъ), а матерью какая-нибудь богиня, жрица или царевна. Христіанскіе поэты согласно господствующей въ церкви тенденціей, переработали дуза въ сатану, а изъ кельтической весталки сдѣлали монахиню.

Мотивомъ этого ненатуральнаго союза ада съ землею являлось желаніе подражать небесамъ. Не даромъ же съ первыхъ вѣковъ христіанства среди членовъ новой церкви распространилось убѣжденіе, что дьяволъ, какъ «негодная обезьяна» божества, во всемъ подражаетъ Творцу.

Этою мыслью руководствовался Дантъ, дѣлая адъ не только физическимъ, но и духовнымъ «негативомъ» небесъ и придавая трехликому сатанѣ ясный характеръ пародіи на Тройственное Божество. Та же самая идея руководила и труверами, когда они кельтическаго полубога передѣлывали въ существо, рожденное отъ непорочной дѣвы и «Мессіи ада».

Но на этотъ разъ, какъ это, впрочемъ, очень часто случалось въ среднихъ вѣкахъ, сатана обсчитался. Сынъ его, омытый отъ пятна происхожденія крестною водою, употребляетъ унаслѣдованную отъ отца силу и знаніе на славу Божію и пользу человѣчества до тѣхъ поръ, пока прекрасная волшебница, Вивіана, не отнимаетъ у него могущества...

Совсѣмъ иначе представляется аналогичный типъ величайшихъ враговъ кельтовъ, норманновъ, а именно Робертъ Дьяволъ.

Родившись на свѣтъ также, какъ и Мерлинъ, при помощи ада, онъ на каждомъ шагу обнаруживаетъ свое родство съ духами лжи. Въ дѣтствѣ онъ грызетъ грудь матери, въ юности бьетъ своихъ учителей, а въ зрѣломъ возрастѣ купается въ крови и винѣ, для того чтобы позже цѣною страшнаго и долгаго покаянія вымолить себѣ прощеніе за такіе же страшные грѣхи и преступленія.

Робертъ Дьяволъ,—это воплощеніе грубыхъ и дикихъ, но могучихъ, одинаково, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ, инстинктовъ суроваго германизма; мудрый же и ученый Мерлинъ,—олицетвореніе тонкихъ и поэтическихъ стремленій кельтической расы, способной на всякій героизмъ, но слишкомъ легко поддающейся сладкимъ обаяніямъ волшебницъ. Большинство эротомановъ современной французской беллетристики навѣрное ведутъ свой родъ, — прямо или косвенно, — отъ любовника и раба кельтической волшебницы.

Этотъ любопытный и превосходнѣйшій типъ добродѣтельнаго чародѣя, въ которомъ языческая поэзія какъ будто заключила союзъ съ поэзіей христіанской, дождался глубокой разработки только въ нашу эпоху *). Странное дѣло, въ среднихъ вѣкахъ больше занимались его романтическими приключеніями съ Вивіаной, чѣмъ оригинальнымъ отношеніемъ къ отцу-дьяволу.

Изложенныя выше доктрины еретическихъ сектъ, а также и миѳологія новообращенныхъ народовъ,—не принимая въ соображеніе церковную традицію,—были самыми главными источниками, изъ которыхъ воображеніе средневѣковыхъ поколѣній черпало себѣ пищу.

Дѣло простое, что раньше всѣхъ эти элементы усвоила себѣ легендарно-народная поэзія, гораздо болѣе свободная, чѣмъ литература офиціальная, въ то время руководимая исключительно клиромъ, который долженъ былъ точно сообразоваться съ догматами господствующей церкви. Въ художественную поэзію, которая насъ интересуетъ главнымъ образомъ, элементы эти проникали медленно, но безпрерывно, такъ что уже въ Божественной комедіи Данта мы находимъ синтезъ церковной демонологіи и отзвуки классицизма, соединенные съ вѣрованіями простого народа.

Демонизмъ до-Дантовской поэзіи,—исключая оригинальное произведеніе Авита, а также и англо-саксонскаго монаха Кедмона,—представляетъ собою не что иное, какъ только безцвѣтное эхо богословскихъ контроверсій. Одни авторы, какъ, напримѣръ, Пруденцій Клеменсъ въ «Hamartigenia» (IV в.) опровергаютъ воззрѣнія еретиковъ на источникъ и природу зла, другіе—одаренные большимъ воображеніемъ, описываютъ мѣсто заключенія грѣшниковъ, или, парафразируя апокрифическія книги евреевъ, изображаютъ исторію возмущенія и паденія сатаны.

Длинный рядъ произведеній первой категоріи, обыкновенно называе-

---

*) Объ этомъ будетъ рѣчь въ свое время.

мыхъ «видѣніями», открываетъ 11 часть апокрифическаго евангелія, приписываемаго св. Никодиму.

Каринъ и Левкій, сыновья Симеона, которые умерли, но черезъ два дня возвратились къ жизни, разсказываютъ, что видѣли въ аду. Христосъ, ожидаемый съ тревогой богомъ ада, Инферомъ, и съ радостью патріархами и пророками, снисходитъ въ бездну и уводитъ праведныя души, чтобы сопричислить къ Своей славѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ ссора Инфера съ сатаною. Инферъ дѣлаетъ своему намѣстнику горькіе упреки за то, что онъ дозволилъ небу обмануть себя и довелъ Іисуса до распятія, что привело къ паденію царства ада на землѣ.

Разговоръ этотъ поэтически иллюстрируетъ доктрину отцовъ церкви объ искупленіи: человѣкъ, благодаря грѣху, сдѣлался собственностью дьявола; Христосъ же, дозволивши безвинно замучить себя, тысячекратно искупилъ человѣческія прегрѣшенія и справедливости Божіей предоставилъ равносильную компенсацію. Въ интересахъ ада, значитъ, лежало не допустить до смерти невиннаго агнца; но несмотря на это, сатана, ослѣпленный глупостью и злобой, не только не помѣшалъ замучить Мессію, но даже и способствовалъ этому, запутался такимъ образомъ въ собственныя сѣти и косвенно послужилъ дѣлу спасенія тѣхъ, погибели которыхъ жаждалъ.

Хватая, какъ шутливо говорили остряки-теологи тогдашняго времени, «крестную удочку» съ опаснымъ крючкомъ на концѣ, сатана доказалъ, что онъ только «частица силы, которая хотѣла бы вѣчно дѣлать одно зло, а дѣлаетъ все добро» (Гёте).

Аналогичные этому діалоги царя дьяволовъ, который только перемѣнилъ имя Инфера на Люцифера, съ подчиненнымъ своимъ, глуповатымъ сатаною, появляются въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ драматическихъ мистеріяхъ.

Большинство видѣній *) носитъ характеръ дидактическій или полемико-сатирическій, что до нѣкоторой степени проявляется и въ великолѣпнѣйшемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднемъ изъ нихъ—въ «Божественной Комедіи».

Какъ другой излюбленный типъ первобытной поэзіи были упомянуты нами парафразы книгъ и легендъ Библіи. Онѣ жили дольше, чѣмъ видѣнія, которыя перестали интересовать читателей съ той поры, когда

---

*) Къ числу главнѣйшихъ видѣній принадлежатъ: анти-несторіанскій апокалипсисъ св. Павла (IV или V вѣкъ), на который ссылается даже Дантъ („Я не Эней, я не святой Павелъ" Адъ 12), далѣе Оріентія „Commonitorium"; Валафрида Страбона (489) „De Visionibus Wettini"; изъ позднѣйшихъ ирландскіе: Брандана (XI в.). Тэндала (1149 г.) „Чистилище св. Патрика, драматически обработанный Кальдерономъ (El purgatorie di St. Pat.); Альберика (XII в.); Уильяма Лангланда: „Видѣніе Петра пахаря" и „Visio de Dowell, Dobet et Dobots".

въ ихъ сердцахъ угасла искренняя, наивная вѣра въ правдивость этихъ сказаній и когда нескромныя и богохульныя пѣсенки голіардовъ и остроумныя «fabliaux» труверовъ начали раздаваться громче и чаще, чѣмъ угрюмыя строфы «Dies irae...»

Протестпомъ парафразъ Священнаго писанія, обращающимъ исключительное вниманіе на возмущеніе сатаны, нужно считать произведеніе Авита изъ Галліи (V вѣкъ послѣ Рождества Христова) «De spiritualis historiae gestis», наилучшій, на ряду съ «Гамартигеніей» Пруденція продуктъ старохристіанской поэзіи. Авитъ описываетъ возмущеніе сатаны, его самонадѣянность и гордыню, а также его ненависть къ дѣламъ рукъ Божьихъ, въ особенности къ человѣку, котораго онъ соблазняетъ на грѣхъ и потомъ самъ же осыпаетъ насмѣшками.

Низвергнутый съ небесъ, сатана, видя счастіе человѣка, восклицаетъ: «О, горе, эта презрѣнная глина возвысилась надъ нами, а наше паденіе породило этотъ гнусный родъ... Горсть грязи теперь управляетъ на небѣ... Если я не могу вступить на небеса, которыя замкнулись предо мною,— то пусть, по крайней мѣрѣ, они замкнутся и предъ человѣкомъ. Мое паденіе покажется мнѣ болѣе легкимъ, если новое твореніе падетъ также и раздѣлитъ мою муку и мой огонь. Пусть гордость, которая изгнала меня съ неба, изгонитъ и человѣка изъ рая».

И, соблазнивъ Еву, а черезъ нея и Адама, обрадованный сатана злобно смѣется надъ ними: «Вотъ теперь у васъ и слава, которую вы искали: но знаете, что такое зло и добро. Я васъ научилъ этому; вы не можете отрицать это и потому связаны съ моей судьбой крѣпкими узами. Богъ, создавшій васъ, не имѣетъ на васъ уже никакого права: то, что я освѣтилъ, принадлежитъ мнѣ, а это часть гораздо большая. Вы многимъ обязаны Творцу, но еще больше вашему учителю». И, сказавъ это, онъ исчезъ во мглѣ, оставляя людей дрожащими отъ страха, а тѣло его расплылось въ воздухѣ» *).

Психологія злого духа, искусителя, бунтовщика и глумителя обрисована здѣсь совсѣмъ хорошо. Позднѣйшіе поэты докончили этотъ образъ только въ подробностяхъ, но самый замыселъ застали они совершенно готовымъ.

На Авитѣ основывался, должно быть, Кэдмонъ, а на Кэдмонѣ, по всей вѣроятности, Мильтонъ, который породилъ въ Германіи Мессіаду Клопштока, а въ Англіи Люцифера въ Байроновскомъ «Каинѣ».

На этомъ мы оканчиваемъ бѣглую характеристику демонизма въ идеяхъ и произведеніяхъ начала новой вѣры. Произведенія тогдашнихъ поэтовъ заслуживаютъ вниманія не ради своей не особенно высокой внутренней цѣнности, а ради того, что они оставили позднѣйшимъ гигантамъ мысли и слова множество образцовъ, идей и мотивовъ.

---

*) *Felix Clément:* „Histoire de la poésie Chrétienne, depuis le IV siècle jusqu'au XV". Paris, 1876.

Замѣтимъ здѣсь еще, что уже въ первыхъ попыткахъ поэзіи характеръ дьявола представляетъ нѣкоторую туманную психологическую двуличность. Въ произведеніяхъ, основанныхъ на традиціяхъ Ветхаго Завѣта (Авитъ), фигура сатаны носитъ нѣкоторый оттѣнокъ геройства, впрочемъ, свойственный существу, осмѣлившемуся возстать противъ самого Бога. Но коль скоро какой-нибудь авторъ выводитъ дьявола, современнаго Новому Завѣту, то почти невольно дѣлаетъ его подлымъ и осмѣиваетъ, какъ носителя безсильной злобы (Инферъ и Сатана въ «Снисхожденіи во адъ» псевдо-Никодима).

И только позднѣйшее время, подъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, обособило и разъединило эти два поэтическіе типа, слитые первобытными писателями въ одинъ, неясный и неэстетичный, характеръ. Первый изъ нихъ, пройдя рядъ измѣненій, переродился у Байрона въ геройскаго Люцифера, который искушалъ «правдою» перваго убійцу, Каина; второй дошелъ до верха совершенства въ слабомъ по могуществу, но зломъ и остроумномъ, какъ воплощенная иронія, Мефистофелѣ Гёте.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературныя воспоминанія и характеристики.

Г. З. Елисеевъ.

Какъ быстро идетъ время: 18 января исполнилось уже десять лѣтъ со дня смерти Г. З. Елисеева. Но еще быстрѣе, кажется, наступаетъ у насъ забвеніе такихъ скромныхъ людей, какъ онъ. И вотъ, это-то огорчившее меня забвеніе о Г. З. Елисеевѣ ближайшимъ образомъ и побуждаетъ меня взяться за перо, чтобы напомнить обществу объ его большихъ литературныхъ заслугахъ и объ его свѣтлой личности. Я написалъ разъ небольшую его характеристику для *Сибир. Газеты,* которая, по случаю сибирскаго юбилея въ 1888 году, желала перечислить наиболѣе выдающихся сибиряковъ *), а затѣмъ, тотчасъ же по его смерти, написалъ краткій некрологъ, напечатанный въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ **); но могу сказать о немъ больше, такъ какъ зналъ его въ теченіе 17 лѣтъ. Въ продолженіе значительной части этого времени я видалъ его, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, а иногда два и три раза; хотя перерывы и бывали,—лѣтомъ, когда онъ уѣзжалъ за границу, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, и былъ еще одинъ значительный перерывъ,—но и въ это время я зналъ о немъ изъ писемъ. Конечно, о полной біографіи Елисеева, по имѣющимся даннымъ, нечего и думать. Мои свѣдѣнія также и не полны, и касаются лишь послѣдняго періода его жизни. Относительно перваго періода литературной дѣятельности Елисеева имѣются нѣкоторые матеріалы (тоже далеко не полные) въ его бумагахъ, поступившихъ къ Н. К. Михайловскому, который хотѣлъ ихъ включить въ предисловіе или въ приложеніе къ изданію сочиненій Елисеева, но, къ сожалѣнію, это изданіе постигла неудача. Недостатокъ матеріала, однако, не только не можетъ служить препятствіемъ, но, какъ разъ наоборотъ, можетъ служить лишь побужденіемъ къ собиранію и пополненію его тѣми, кто зналъ покойнаго и можетъ что-нибудь о немъ сообщить. Какъ ни скудны были свѣдѣнія объ его дѣтствѣ и юности, которыя я запомнилъ изъ разговоровъ съ нимъ и сообщилъ потомъ въ

*) № 55, 1888 г.

**) *Сѣверный Вѣстникъ,* № 2, 1891 г.

некрологѣ, болѣе подробныхъ свѣдѣній мнѣ не удалось потомъ ни прочитать, ни получить—ни отъ общихъ нашихъ знакомыхъ, ни отъ его родныхъ, къ которымъ я обращался. И что особенно грустно—такихъ свѣдѣній ужъ и не получить, такъ какъ старшее поколѣніе и сверстники его померли. Даже позднѣйшій періодъ — профессорство и служба, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени встрѣчаютъ такого же рода затрудненія. Одна общая наша хорошая знакомая, нынѣ уже покойная А. В. Потанина, хотѣла помочь мнѣ въ этомъ и, зная хорошо интеллигентную Казань и тамошнихъ профессоровъ, написала туда письмо по этому поводу, и вотъ какой получила отвѣтъ: «я не имѣю ровно никакихъ свѣдѣній о жизни Г. З. Елисеева, говоритъ г. А., хотя онъ былъ баккалавромъ Казанской духовной академіи. Дѣло въ томъ, что покойный не любилъ говорить о своемъ прошломъ и всѣмъ интересующимся этимъ у него всегда былъ одинъ стереотипный отвѣтъ: «когда умру—пишите, что хотите, а теперь прошу—оставьте меня въ покоѣ». Такой же результатъ получилъ и я, когда обращался къ Г—ю З—чу за біографическими о немъ свѣдѣніями. А біографія Г. З. Елисеева могла бы быть въ высшей степени интересной и поучительной, какъ для тѣхъ, кто самъ, подобно ему, пролагаетъ дорогу въ жизни, такъ и для тѣхъ, кто затрудняетъ дорогу къ образованію для народа и другихъ низшихъ слоевъ населенія, откуда могутъ выходить такіе даровитые люди и гдѣ, вслѣдствіе этого, гибнетъ не мало выдающихся способностей. Могла бы она быть поучительной и для профессоровъ и наставниковъ, и для людей, служащихъ на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, и для литературной братіи,—поучительной, прежде всего, добросовѣстнымъ отношеніемъ ко всякому дѣлу, за какое онъ брался, и къ каждому слову, какое писалъ и говорилъ, стойкостью убѣжденій и взглядовъ, широтою горизонтовъ, которыхъ никогда не утрачивалъ, и необыкновенною скромностью. Г. З. Елисеевъ принадлежалъ къ тому типу разночинцевъ-народолюбцевъ, которые меньше всего думали о личной извѣстности и славѣ и выше всего ставили идею и совершенно чистое служеніе ей, служеніе даже безыменное. Типъ этотъ—чисто русскій и въ высшей степени замѣчательный. Онъ, къ сожалѣнію, лишенъ еще надлежащаго выраженія въ нашей литературѣ, хотя его косвенно, по другимъ поводамъ и въ второстепенныхъ фигурахъ, и затрогивали такіе чуткіе художники, какъ Л. Толстой и Гл. Успенскій. Елисеевъ — одинъ изъ раннихъ провозвѣстниковъ этого типа въ эпоху, предшествовавшую освобожденію крестьянъ и другимъ великимъ реформамъ; типъ этотъ потомъ получилъ замѣтное распространеніе и выражался въ жизни болѣе ярко и опредѣленно, чѣмъ въ немъ, что вполнѣ естественно и что придаетъ только еще должную цѣну первообразамъ и провозвѣстникамъ этого гражданскаго идеализма, полнаго самаго искренняго самоотверженія. Какъ характерна вышеприведенная его фраза: «когда умру—пишите, что хотите, а теперь прошу оставить меня въ покоѣ». Благодаря этому, Г. З. Елисеевъ и неизвѣстенъ; благодаря этому, его теперь нерѣдко смѣшиваютъ съ путеше-

ственникомъ Елисеевымъ и благодаря этому, виноторговцы «Бр. Елисѣевы», пишущіе свою фамилію черезъ *ѣ*, куда болѣе извѣстны, чѣмъ онъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей цѣлой эпохи. Люди, стоящіе близко къ литературѣ, и небольшіе кружки людей образованныхъ, конечно, отлично знаютъ его имя и не смѣшаютъ его ни съ кѣмъ, но большинство, главная масса теперешняго общества и въ особенности молодежь послѣдняго поколѣнія не имѣютъ о немъ никакого или почти никакого представленія. И, что особенно обидно, они, въ лучшей своей части, высказываютъ въ то же время тѣ самые свѣтлые взгляды и мысли, какіе высказывалъ и такъ систематически укрѣплялъ въ общественномъ сознаніи этотъ невѣдомый имъ человѣкъ; они живутъ его вѣрою, болѣютъ его сомнѣніями и волнуются тѣми самыми чувствами, какими волновался когда-то онъ. Бо́льшая часть мыслей и взглядовъ по общественнымъ вопросамъ, какіе высказывались имъ и тою литературною группой, къ которой онъ принадлежалъ,—высказывались нерѣдко впервые,—стали теперь труизмами и настолько вошли въ сознаніе передовой части общества, что теперь трудно даже представить себѣ сколько-нибудь прогрессивный органъ печати, сколько-нибудь порядочнаго земскаго и иного общественнаго дѣятеля, который держался бы иныхъ взглядовъ. Работая въ *Современникѣ* подъ псевдонимомъ Грицко или совсѣмъ безъ подписи, никогда не подписывая въ *Отечеств. Запискахъ* своихъ внутреннихъ обозрѣній и публицистическихъ статей, рѣдко выставляя тотъ же псевдонимъ Грицко подъ статьями экономическими, финансовыми, политическими, литературными и др. и еще рѣже полную фамилію, никогда не выпуская своихъ статей отдѣльными изданіями и, вообще, не выступая нигдѣ на видное или, лучше сказать, показное мѣсто, онъ прекрасно зналъ, что готовитъ себѣ всѣмъ этимъ скорое забвеніе, и это не только его не смущало, а напротивъ всякій разговоръ на эту тему вызывалъ постоянно его неудовольствіе. Не въ этомъ былъ главный стимулъ и интересъ дѣятельности. Но это былъ личный его взглядъ, который обязательнымъ для насъ быть не можетъ, а скорѣе можетъ лишь обязывать воздать ему должное, по его дѣйствительнымъ и большимъ заслугамъ.

Г. З. Елисеевъ есть несомнѣнно одно изъ наиболѣе свѣтлыхъ именъ, составляющихъ гордость и украшеніе нашей литературы. Онъ долженъ занять въ исторіи нашего умственнаго и гражданскаго развитія не меньшее мѣсто, чѣмъ какое заняли наиболѣе крупные представители каѳедры и литературные корифеи.

Вотъ что говорилъ о литературномъ значеніи и дѣятельности Г. З. Елисеева одинъ изъ его современниковъ, также видный представитель того времени, Н. В. Шелгуновъ, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, печатавшихся въ *Русской Мысли:*

„Г. З. Елисеевъ принадлежалъ къ людямъ рѣдкаго ума, тонкаго, проницательнаго, понимающаго вещи и людей въ самой ихъ сущности, насквозь. Это—мужъ по преимуществу разума и совѣта, занимающій первое мѣсто. По умственному складу,

умственнымъ отношеніямъ и по условіямъ среды, имѣвшимъ вліяніе на его развитіе, онъ—разночинецъ-народникъ. Своими „внутренними обозрѣніями“ Григорій Захаровичъ вносилъ существенное содержаніе въ *Современникъ* и затѣмъ былъ главнымъ руководителемъ и направителемъ *Отечеств. Записокъ* Некрасова. „Мужикъ“, который занималъ такъ много мѣста въ *Отечеств. Запискахъ* и давалъ имъ цвѣтъ, обязанъ во всемъ Елисееву. Конечно, не Елисеевъ его выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать, что Елисееву мужикъ обязанъ болѣе всего, что къ нему повернуло общественное мнѣніе. Эта заслуга останется за Елисеевымъ *).

Онъ всегда былъ одною изъ немногихъ центральныхъ фигуръ въ литературѣ, около которой группировались люди, и это во время наибольшаго ея процвѣтанія, во время наиболѣе блестящей и кипучей ея дѣятельности—въ 60-хъ и 70-хъ гг., когда на литературномъ поприщѣ работало столько выдающихся силъ и талантовъ. Обусловливалось это какъ свойствами его ума и характера, такъ и большимъ запасомъ знаній и практической опытности. Будучи годами сверстникомъ людей 40-хъ годовъ, онъ выступилъ на литературное поприще позже нихъ—въ зрѣломъ уже возрастѣ, зная жизнь не теоретически только, а и практически. Въ то время какъ другіе толковали о народѣ изъ столичныхъ кабинетовъ, онъ вышелъ изъ деревни, изъ среды, наиболѣе близкой къ народу, а затѣмъ, по самому роду своей службы въ Сибири, также постоянно соприкасался и имѣлъ дѣло съ крестьянскимъ бытомъ. Кто помнитъ время передъ освобожденіемъ крестьянъ и вскорѣ послѣ освобожденія, всю многочисленность и сложность чисто практическихъ вопросовъ и отношеній, какіе тогда возникали, тотъ пойметъ, какъ много значила именно та практическая сторона, въ которой особенно силенъ былъ Григорій Захаровичъ, не поступаясь при этомъ теоретическими убѣжденіями и идеалами. Вопросы: что дѣлать для народнаго блага, какъ организовать земскую медицину, народныя школы, юридическую помощь населенію, какъ относиться къ волостному суду, общинному землевладѣнію и т. д.—на все это молодое поколѣніе, выступавшее на поприщѣ общественной дѣятельности, получало указанія отъ Григорія Захаровича. Его внутреннія обозрѣнія того времени читались положительно всею Россіей, и авторъ ихъ снискалъ тогда же себѣ ими уваженіе, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ публицистовъ. Дорожа коренными устоями народной жизни, онъ, однако, не открещивался отъ Европы, подобно славянофиламъ, а желалъ примѣненія къ нимъ европейской культуры и гарантій личности.

Участвуя въ *Искрѣ* (гдѣ онъ велъ также внутреннія обозрѣнія въ теченіе всего времени существованія *Искры*), въ *Современникѣ*, *Вѣкѣ*, *Очеркахъ* и *Отечественныхъ Запискахъ*, онъ всегда стоялъ у руля этихъ изданій. Когда въ 1861 г. составилась артель изъ 32 человѣкъ для изданія *Вѣка* (тамъ были талантливый ученикъ его А. Щаповъ, Ал. Потѣхинъ, братья В. и Н. Курочкины, А. Энгельгардтъ, Н. и А. Серно-Соловьевичи

*) *Русская Мысль*, № 3, 1888 г.

и друг.), то редакторомъ былъ единогласно избранъ не кто другой, какъ Елисеевъ. Когда, послѣ крушенія *Современника*, Некрасовъ сталъ издавать *Отечественныя Записки*, то обратился также къ нему (и М. Е. Салтыкову). Умѣя устраивать матеріальную сторону дѣла и устранять внѣшнія препятствія, Некрасовъ уступалъ ему въ умѣньи ладить съ людьми: все писавшее и начинавшее писать шло обыкновенно не къ Некрасову, а къ Елисееву, и Некрасовъ, вѣроятно, чувствуя это, самъ зачастую направлялъ людей къ нему: «вы переговорите объ этомъ съ Григоріемъ Захаровичемъ». Спокойный, корректный и въ высшей степени внимательный къ людямъ, онъ производилъ обыкновенно на всѣхъ самое хорошее впечатлѣніе, а въ ближайшихъ литературныхъ и личныхъ сношеніяхъ всегда отличался большимъ тактомъ и облагораживающимъ вліяніемъ на окружающихъ. Я видѣлъ въ этомъ отношеніи не мало примѣровъ, но прежде чѣмъ приводить ихъ и говорить о личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ, считаю нужнымъ, для общей характеристики Елисеева, остановиться сначала на его прошломъ. Въ этихъ видахъ, прежде всего, повторю вкратцѣ то, что слышалъ отъ него лично и отъ его жены относительно его дѣтства и юности.

Дѣтство и юность Григорія Захаровича не изобилуютъ свѣтлыми днями и радостными впечатлѣніями; наоборотъ, ему пришлось испытать много и нужды, и сиротства, и разныхъ другихъ нравственныхъ огорченій. Родился онъ 25 января 1821 года, въ селѣ Спасскомъ, Каинскаго округа, Томской губ. Отецъ его былъ сельскій священникъ, дѣдъ—причетникъ. Отецъ умеръ въ ранней молодости, оставивъ жену съ ребенкомъ на попеченіе дѣдушки, у котораго они сначала и жили. Дѣдъ любилъ внука и баловалъ его, какъ могъ: сажалъ верхомъ на лошадь, бралъ съ собою въ лѣсъ, въ поле или вечеромъ на рѣку—остроżить рыбу, о чемъ Григорій Захаровичъ вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ же началъ учить его грамотѣ, закону Божію и латинскому языку. Но продолжалось это не долго, потому что и онъ скоро умеръ. Мать съ ребенкомъ осталась безъ всякихъ средствъ и должна была переѣхать въ г. Тару (Тобольск. губ.) къ своей сестрѣ, которая была тамъ замужемъ за какимъ-то маленькимъ чиновникомъ. Жилось имъ въ Тарѣ очень плохо: хотя изъ сибирскихъ городовъ, это — городъ и старый, но небольшой и, главное, глухой, захолустный, гдѣ найти какой-нибудь заработокъ въ то время, въ особенности для простой женщины, не было никакой возможности. Средства у родственниковъ были и безъ того очень скудныя, а когда съ пріѣздомъ ихъ число домочадцевъ увеличилось, то жить имъ стало еще труднѣе. Испытывалась тѣснота и въ помѣщеніи, вслѣдствіе чего Григорію Захаровичу съ матерью пришлось одно время помѣщаться въ банѣ. Такая жизнь не могла, конечно, не отзываться на матери: вскорѣ она заболѣла и умерла. Григорію Захаровичу было тогда только 9 лѣтъ, но онъ отчетливо сохранилъ въ памяти и ея болѣзнь, и смерть. Отвращеніе къ неправдѣ, какова бы она ни была, и тогда уже было въ ребенкѣ; услышавъ, что докторъ въ глаза утѣшаетъ

мать, а за глаза говорить, что она безнадежна, онъ пошелъ къ ней и сказалъ: «не слушай его, онъ все вретъ тебѣ, ты умрешь». Воспоминаніе объ этомъ періодѣ жизни оставило очень мрачный слѣдъ въ душѣ Григорія Захаровича: когда я, побывавъ въ Тарѣ, разсказывалъ ему въ 1888 году о ней въ благопріятномъ цвѣтѣ, говоря, что тамъ нисколько не хуже, чѣмъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ, въ особенности лѣтомъ, когда по Иртышу ходятъ пароходы и когда открывается кругомъ столько простора и приволья, что и зимою тамъ можно найти и порядочныхъ людей, и книги и т. д., то онъ сперва все слушалъ и разспрашивалъ, а потомъ вздохнулъ и сказалъ: «нѣтъ, или прежде было не такъ, или у меня осталось другое впечатлѣніе,—впечатлѣніе глухихъ зимнихъ вечеровъ, когда съ наступленіемъ темноты ворота всѣ запираются, улицы пустѣютъ, освѣщенія никакого; жутко, пустынно, точно все вымерло, только собаки лаютъ да воютъ».

Послѣ смерти матери, по хлопотамъ родныхъ, мальчика-сиротку взяло на свое попеченіе духовное начальство и опредѣлило его въ духовное училище, при Тобольской семинаріи. Такъ какъ это опредѣленіе состоялось не въ обычное время, а въ серединѣ года, то всѣ мѣста въ училищѣ оказались занятыми и новичка некуда было помѣстить; поэтому его помѣстили за печкой, гдѣ онъ и спалъ, пока не освободилось мѣсто. Товарищи дали ему по этому случаю кличку «запечный». Учился Елисеевъ въ училищѣ отлично и кончилъ первымъ, такъ что, несмотря на то, что лѣтъ ему было меньше, чѣмъ слѣдовало для перехода въ семинарію, его всетаки перевели въ семинарію. Въ семинаріи онъ также все время шелъ первымъ. Вотъ что писалъ мнѣ въ 1892 году изъ Тобольска объ этомъ времени Н. И. Емельяновъ, женатый на близкой родственницѣ Елисеева—Топорковой: «Григорій Захаровичъ, будучи въ семинаріи ученикомъ, отличался живостью, энергіей и былъ «спорщикъ». Онъ каждое воскресенье и праздникъ ходилъ къ ближайшему его родному, а моему тестю, чиновнику Матвѣю Ивановичу Топоркову, бывшему когда-то въ Ирбитѣ священникомъ, а потомъ учителемъ, и любилъ съ нимъ бесѣды, а съ дѣтьми споры и разсужденія»... Прежде лучшихъ учениковъ семинарій вызывали обыкновенно въ Петербургъ и Москву для опредѣленія въ духовныя академіи и въ другія высшія учебныя заведенія; но въ этомъ году почему-то такого вызова не было, а семинарское начальство само не рѣшалось никого посылать. Тогда Елисеевъ написалъ тогдашнему оберъ-прокурору синода, Протасову, письмо, въ которомъ просилъ его дать ему возможность продолжать ученіе. Послѣ этого его и еще одного ученика вызвали. Елисеевъ желалъ поступить не въ духовную, а въ военно-медицинскую академію, но духовное начальство не хотѣло разстаться съ способнымъ ученикомъ и опредѣлило его въ московскую духовную академію, гдѣ онъ и кончилъ курсъ. Въ юности Елисеевъ много учился и читалъ. Кромѣ древнихъ языковъ, онъ основательно изучилъ французскій и нѣмецкій языки; занимался исторіей, политической экономіей (изучая Ад. Смита), интересовался философіей, психологіей, юридическими науками и т. д. По окончаніи курса въ

семинаріи въ 1844 году, его назначили въ казанскую духовную академію преподавателемъ Исторіи русской церкви и еврейскаго языка. Сверхъ этихъ предметовъ, съ конца января 1845 года по 20 декабря 1846 года, онъ преподавалъ еще каноническое право. Въ 1847 году появляется его сочиненіе—диссертація: «Исторія жизни первыхъ насадителей и распространителей Казанской церкви, святителей Гурія, Варсонофія и Германа», а въ 1848 г. онъ получаетъ степень магистра и становится баккалавромъ, причемъ ему поручается преподаваніе русской гражданской исторіи вмѣстѣ съ исторіей русской церкви, а вмѣсто еврейскаго языка преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ 1849 г., оставаясь баккалавромъ, онъ становится помощникомъ секретаря «съ отдѣльнымъ завѣдываніемъ дѣлами внѣшняго академическаго правленія», а въ концѣ того же года получаетъ степень экстра-ординарнаго профессора историческихъ наукъ и становится вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ академической конференціи. Свѣдѣнія эти я заимствую изъ послужного списка Григорія Захаровича *), копію съ котораго, послѣ его смерти, мнѣ прислалъ П. А. Корсаковъ. Въ этомъ спискѣ говорится объ усердномъ и успѣшномъ *прохожденіи* Елисеевымъ «должности баккалавра» и «отлично-усердномъ исполненіи своихъ обязанностей». Въ 1850 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ изъ духовнаго званія съ производствомъ въ коллежскіе ассесоры, но оставался до начала 1854 года въ академіи и, кромѣ прежнихъ обязанностей, по порученію св. синода, занимался составленіемъ историческаго и статистическаго обозрѣнія казанской епархіи. Вѣроятно, за этотъ трудъ ему былъ выданъ въ награду изъ экономическихъ суммъ академіи годовой окладъ жалованья—358 руб., причемъ опять говорилось объ его «усердной и полезной службѣ».

Совсѣмъ разныя воспоминанія сохранилъ Григорій Захаровичъ о московской академіи, гдѣ учился, и о казанской, гдѣ профессорствовалъ. Насколько первыя были благопріятны, настолько вторыя—отрицательны. Вѣроятно, это обусловливалось укладомъ и составомъ профессоровъ той и другой академій. Казалось бы должно было быть какъ разъ наоборотъ, такъ какъ въ Казани онъ былъ въ положеніи болѣе независимомъ, но таковъ фактъ, о которомъ онъ и говорилъ, и оставилъ письменное свидѣтельство: незадолго до смерти въ *Вѣстникѣ Европы* была напечатана его послѣдняя статья «Изъ далекаго прошлаго двухъ академій» (№ 1, 1891 г.), въ которой онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ старое профессорское ядро московской академіи—профессоровъ Ѳ. Н. Голубинскаго, П. С. Делицына и В. А. Горскаго. Всѣ они пробыли въ академіи до конца жизни: первый 36 лѣтъ, второй 45 и третій 42 года.

Будучи людьми „съ большими дарованіями и громадными знаніями“, пользуясь „всеобщею извѣстностью и уваженіемъ за свои научные труды, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были люди высокой нравственности, любящіе, сердечные, простые и самые вѣрные товарищи“ (стр. 291). „У нихъ учились,—продолжаетъ онъ,—будучи студентами, всѣ профессора, дѣлавшіеся потомъ ихъ товарищами, а потомъ даже ихъ начальниками,

*) Указъ объ отставкѣ, выданный изъ тобольскаго губернскаго правленія.

въ качествѣ ректоровъ. Ихъ нравственное вліяніе было громадное; они создали кругомъ себя такую нравственную товарищескую атмосферу, проникнутую высокимъ чувствомъ гуманности и любви, что, конечно, трудно было представить, чтобы профессоръ, вчера только бывшій товарищемъ въ этомъ кругу, сегодня сдѣлавшійся ректоромъ, могъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не прежнимъ товарищемъ... Но меня удивляло не это, а удивляло въ высшей степени гуманное и сердечное, почти такое же товарищеское, братское отношеніе ректоровъ, а за ними и всего академическаго начальства къ студентамъ. Я никогда не видалъ, чтобы въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи предоставлялась студентамъ такая свобода и въ ученіи, и въ жизни, какъ въ мое время въ московской духовной академіи, и никогда не видалъ такой мягкости и снисходительности къ прорывавшимся иногда проступкамъ, очень значительнымъ, нарушавшимъ обыкновенно мирное теченіе академической жизни. Не было никакихъ ни карцеровъ, ни другихъ пріемовъ опозориванія провинившихся студентовъ передъ ихъ товарищами... Случались, наконецъ, проступки и даже преступленія совсѣмъ не школьнаго характера,—но, конечно, и не прямо уголовщина,—однако-жъ такія, послѣ которыхъ ни одно учебное заведеніе не стало бы терпѣть въ своихъ стѣнахъ провинившагося воспитанника. Но и такія преступленія не вызывали никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Провинившійся студентъ не былъ ни исключаемъ, ни подвергаемъ какому-либо опозориванію передъ товарищами. Вся особенная тяжесть наказанія выражалась въ томъ, что призывали студента для келейной нотаціи не инспекторъ только, а и ректоръ“ (ibid., стр. 291—292).

Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаетъ также Елисеевъ ректора Филарета (Гумилевскаго), назначеннаго ректоромъ совсѣмъ еще въ молодыхъ годахъ, «едва ли не 25 лѣтъ». Онъ при немъ поступилъ въ академію и пробылъ при его ректорствѣ два года, пока тотъ не получилъ другого назначенія. Это, говоритъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенно талантливый и замѣчательно умный; мало того, «это былъ, можно сказать, единственный дѣйствительно ученый богословъ въ Россіи, который, какъ богословъ-догматикъ, какъ богословъ-историкъ, какъ богословъ-археологъ, стоялъ если не выше, то никакъ не ниже знаменитыхъ иностранныхъ богослововъ»... Уже это одно могло внушать къ нему уваженіе, но извѣстный авторъ догматическаго богословія, исторіи церкви, патристики и множества другихъ сочиненій, будучи человѣкомъ, всецѣло преданнымъ наукѣ, былъ въ то же время еще человѣкомъ замѣчательно мягкимъ и добрымъ: «студентовъ, особенно занимающихся, онъ любилъ, какъ своихъ младшихъ братьевъ. Зато и студенты благоговѣли передъ нимъ... Вызвать его на какое-нибудь даже легкое замѣчаніе какимъ-нибудь неосторожнымъ и необдуманнымъ поступкомъ было истиннымъ огорченіемъ не только для провинившагося, но и для другихъ студентовъ» (ibid.).

Въ Казанской академіи порядки во многихъ отношеніяхъ были хуже. Тамъ ректоры не церемонились и что хотѣли, то и дѣлали съ профессорами. Сегодня, наприм., профессоръ читалъ каноническое право, а завтра его заставляли читать еврейскій языкъ, а потомъ, вмѣсто еврейскаго, нѣмецкій или исторію церкви и т. п. И все это вдругъ и неизвѣстно на основаніи какихъ соображеній. Онъ только что спеціализовался на одномъ предметѣ, сталъ усиленно заниматься имъ и, можетъ быть, полюбилъ его, какъ вдругъ приходилось этотъ предметъ бросать и браться за другой.

Самъ Григорій Захаровичъ испыталъ, какъ мы видѣли, подобныя пертурбаціи на себѣ, но онъ останавливается, конечно, не на своемъ личномъ примѣрѣ, а на примѣрахъ болѣе яркихъ; такъ, проф. Соколовъ читалъ, наприм., цѣлыхъ 16 лѣтъ философію, какъ вдругъ его, неизвѣстно почему, перемѣстили на каѳедру общей церковной исторіи. Представьте,—говоритъ Елисеевъ,—человѣка скромнаго и трудолюбиваго: «онъ весь преданъ наукѣ, не ищетъ ни чиновъ, ни орденовъ, желаетъ только имѣть насущный хлѣбъ для семьи и полное спокойствіе, чтобы заниматься наукой. Но именно этого-то спокойствія онъ и не находитъ. Время отъ времени, внезапно, въ мирный обычный порядокъ его жизни врывается точно стихійная сила, которая все ставитъ вверхъ дномъ. Не спасаютъ никакіе дипломы, ни способности, ни знанія, ни продолжительность службы. Товарищи бѣгутъ. Года два-три проходятъ благополучно. Потомъ опять неожиданно является новая стихійная сила—и опять такой же переворотъ, можетъ быть, нѣсколько въ другомъ родѣ. Точно идетъ процессъ геологическаго образованія новой планеты»... Не мудрено, что людямъ становилось «страшно себя» и они бѣжали изъ академіи кто въ гражданскую службу на востокъ, какъ А. А. Бобровниковъ, Г. З. Елисеевъ и др., кто, какъ Н. И. Ильминскій въ Петербургъ—переводить на татарскій языкъ богослужебныя книги и т. п. Жалованье въ то время въ академіи было маленькое: ординарные профессора получали 715 р. въ годъ, а баккалавры только—358 руб. или 29 р. 83 к. въ мѣсяцъ *); но съ такимъ жалованьемъ люди мирились и кое-какъ жили на него, а съ отсутствіемъ самостоятельности и полнымъ незнаніемъ завтрашняго дня трудно было примириться. Академическое начальство не прикладывало рѣшительно никакихъ стараній къ тому, чтобы удержать хорошихъ профессоровъ. Елисеевъ особенно жалѣлъ объ А. А. Бобровниковѣ, человѣкѣ, подававшемъ большія надежды и чуть ли не единственномъ настоящемъ знатокѣ монгольско-калмыцкаго языка, который, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться столпомъ Казанской академіи, ушелъ въ Оренбургъ, въ чиновники областного управленія и умеръ тамъ въ 1865 г., не оставивъ никакихъ научныхъ трудовъ, кромѣ раньше составленной грамматики калмыцкаго языка, за которую получилъ отъ академіи наукъ восторженный отзывъ и полную демидовскую премію.

Весьма характерный эпизодъ изъ отношеній ректоровъ къ профессорамъ былъ разсказанъ въ біографическомъ очеркѣ проф. И. Я. Порфирьева, написанномъ проф. П. В. Знаменскимъ и напечатанномъ въ ноябрьской книжкѣ 1890 г. издаваемаго Казанской духовной академіей *Православнаго Собесѣдника*. Такъ какъ въ этомъ эпизодѣ игралъ нѣкоторую роль и Г. З. Елисеевъ, то онъ интересенъ для насъ вдвойнѣ. Послѣ по-

*) *Православный Собесѣдникъ*, ноябрь, 1890 г. Жалованье это сперва, въ 1864—5 годахъ, было нѣсколько увеличено, а затѣмъ, въ 1870 г., со введеніемъ новаго устава, сравнено съ университетскимъ.

стриженія проф. словесности С. И. Протопопова въ монашество, съ 1849 года сталъ читать словесность въ Казанской духовной академіи Ив. Як. Порфирьевъ, который и составилъ для студентовъ по своему предмету записки.

„Появленіе этихъ записокъ на свѣтъ не обошлось безъ затрудненій со стороны начальства академіи. Система словесности, развивавшаяся въ нихъ, была тогда еще совсѣмъ новая, непривычная для питомцевъ старой риторической школы. Ректоръ Парѳеній, пересматривая ихъ съ цѣлью проконтролировать молодого баккалавра, соблазнился ихъ новостью и потребовалъ ихъ исправленія. Требованіе это сильно озадачило Ивана Яковлевича: исправить такую систематическую работу, въ которой все было тѣсно связано одно съ другимъ, которая стоила не одного года трудовъ и притомъ даже не одного только самого Ив. Яковл., но и его предшественника, было дѣломъ не шуточнымъ. Къ довершенію затрудненія, ректоръ, разумѣется, и самъ не могъ выяснить, что собственно ему тутъ не нравилось, и въ какомъ именно духѣ слѣдовало сдѣлать требуемыя исправленія; отвѣчать на подобные разспросы объ этомъ со стороны автора онъ уклонился и оставилъ послѣдняго въ полномъ недоумѣніи. Ив—а Як—а выручилъ въ этомъ случаѣ тогдашній сослуживецъ его, Г. З. Елисеевъ, занимавшій, между прочимъ, должность секретаря академическаго правленія и хорошо знавшій характеръ этого ректора съ его нѣсколько порывистой и наскакивающей, но не выдержливой манерой начальствованія. Елисеевъ далъ мудрый секретарскій совѣтъ—переписать нѣсколько листковъ записокъ заново, ничего въ нихъ не измѣняя, и подать опять ректору. Такъ и было поступлено. „Ну, вотъ теперь другое дѣло,—замѣтилъ начальникъ, и записки по словесности были благополучно спасены“ (стр. 376).

Но не все въ Казанской академіи было плохо. Жизнь брала свое, и необходимость реформъ и приближеніе ихъ чувствовалось въ воздухѣ. Оживился интересъ къ литературѣ, къ новымъ взглядамъ и понятіямъ, къ обличенію зла и рутины, господствовавшихъ всюду въ видѣ казнокрадства, взяточничества, неправды, насилія и т. д., и въ оживленіи этого интереса принадлежала значительная доля молодымъ профессорамъ и въ томъ числѣ Елисееву. Вотъ что говоритъ по этому поводу авторъ только что цитированнаго очерка:

«Литературный интересъ въ описываемую пору... былъ господствующимъ во всей умственной жизни академіи, какъ онъ былъ господствующимъ и въ жизни тогдашняго образованнаго общества... Жизнь наставниковъ академіи, помѣщавшихся тогда на казенныхъ квартирахъ, была жизнью чисто-школьною, жизнью бѣдныхъ ученыхъ тружениковъ, беззавѣтно преданныхъ своему научному дѣлу, монотонной, бѣдной внѣшними фактами, но полной духовнаго содержанія. Все это были люди молодые, на подборъ талантливые, отличавшіеся рѣдкимъ благородствомъ характеровъ и тѣми высокими идеальными стремленіями, которыя придавали такую обаятельную духовную красоту всѣмъ лучшимъ людямъ 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Они составляли тѣсно сплоченный кружокъ, связанный идеальной дружбой; членами его были, кромѣ Ив. Як. (Порфирьева), Г. З. Елисеевъ, Н. И. Ильминскій, А. А. Бобровниковъ, И. П. Гвоздевъ, С. И. Гремячинскій, М. М. Зефировъ; къ нимъ же принадлежалъ отчасти и Д. Ѳ. Гусевъ, старѣйшій изъ профессоровъ, но вѣчно юный душою по-

борникъ молодого поколѣнія и баккалавровъ и студентовъ. Всѣ они часто собирались то у того, то у другого, сообща доставали и читали разныя литературныя новинки, пускались въ оживленныя бесѣды и споры по разнымъ научнымъ и литературнымъ вопросамъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, наприм., когда Гремячинскій досталъ въ университетѣ рукопись 2-й части «Мертвыхъ душъ» Гоголя, чтеніе продолжалось даже «большую часть ночи». То же литературное направленіе было господствующимъ и среди студенчества: «Студенты чуть не поголовно занимались литературой не только въ младшемъ, но въ старшемъ богословскомъ отдѣленіи». Образовались кружки, въ которыхъ сообща читалось все, что только можно было достать. Изъ иностранныхъ литературъ, не исключая и англійской, всѣ лучшія произведенія прочитывались и въ переводахъ, и въ подлинникѣ. Языкознаніе въ 50-хъ годахъ было сильно развито, да «и самое изученіе языковъ студентами производилось постоянно по произведеніямъ именно художественной литературы». Шиллера и Гёте непремѣнно старались прочесть въ подлинникѣ. Въ русской литературѣ не было сколько-нибудь извѣстнаго писателя, съ которымъ студенты не были бы знакомы самымъ основательнымъ образомъ, а критическія статьи Бѣлинскаго знали почти наизусть. Изъ русскихъ беллетристовъ самымъ любимымъ былъ Гоголь: его читали по нѣскольку разъ; «его фразы, сравненія, типы цитировались поминутно...» Проф. И. Я. Порфирьевъ, которому посвященъ очеркъ, изъ котораго я беру эти свѣдѣнія, воспитался уже подъ этими вѣяніями. «Онъ поступилъ въ студенты Казанской академіи,—говоритъ Елисеевъ,—въ томъ самомъ году, когда я пріѣхалъ туда на службу баккалавромъ» *). Въ той же академіи слушали лекціи извѣстный профессоръ исторіи и писатель А. П. Щаповъ, писатель С. С. Шашковъ **), авторъ распространеннаго учебника русской грамматики К. Г. Говоровъ и др. профессора и писатели. Все это указываетъ, что интеллектуальныя стремленія и духъ исканія истины не были угашены въ то время въ академіи. Намъ кажется, что самый уходъ изъ нея молодыхъ профессоровъ, о которомъ такъ печаловался Елисеевъ, объяснялся не исключительно тѣми причинами, о которыхъ онъ говорилъ, а въ значительной степени обусловливался тѣмъ же духомъ времени—стремленіемъ людей въ жизнь, къ болѣе живому дѣлу, хотя мы и не отрицаемъ, что имъ тяжело жилось въ тогдашнихъ академическихъ условіяхъ. Кружокъ друзей былъ, во-1-хъ, не многочисленъ и постепенно рѣдѣлъ (какою грустью звучитъ вырвавшаяся у Елисеева фраза: «Товарищи бѣгутъ»), а, во-2-хъ, вліяніе его вовсе не было преобладающимъ. Академія всетаки была спеціально - духовнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ выступали и съ которымъ связывались сословные и сословно-служебные интересы, которыми не хотѣли по-

*) *Вѣстникъ Европы*, № 1, 1891 г. ст. „Изъ далекаго прошлаго двухъ академій“, стр. 307.

**) Былъ исключенъ изъ академіи по дѣлу о панихидѣ по вяземскимъ крестьянамъ.

ступаться даже люди, близкіе по взглядамъ къ молодежи. У Елисеева, стоявшаго выше сословныхъ и другихъ подобныхъ перегородокъ, были по этому поводу непріятности, взгляды его не одобрялись и порождали недоброжелателей. Вотъ что писалъ мнѣ по этому поводу въ 1892 году изъ Тобольска вышеупомянутый его родственникъ, Н. И. Емельяновъ: «Я знаю изъ разговоровъ Григорія Захаровича съ братомъ моимъ, Македономъ Ивановичемъ Емельяновымъ (учителемъ тобол. семинаріи), что онъ, т.-е. Григорій Захаровичъ, будучи баккалавромъ въ Казанской духовной академіи, уже былъ на подозрѣніи. Не терпя не только чернаго, а и болѣе свѣтлаго духовенства, онъ позволялъ себѣ о нихъ говорить очень неснисходительно даже въ классахъ, и монахи сидѣли на лекціяхъ». Эта монашеская цензура, конечно, не могла быть пріятной и не могла не тяготить Григорія Захаровича. Выходъ его изъ духовнаго званія также одобренія не встрѣтилъ, и если неудовольствіе это не высказывалось открыто, то тѣмъ не менѣе существовало. Одни видѣли въ этомъ гордость, другіе еще хуже—ренегатство, и неудовольствіе это надолго сохранилось въ академіи. Этимъ, вѣроятно, и объясняются слѣдующія строки письма къ А. В. Потаниной, въ отвѣтъ на ея просьбу собрать въ Казани свѣдѣнія объ Елисеевѣ. Сообщая, что такихъ близкихъ ему современниковъ и сослуживцевъ, какъ И. П. Гусевъ, Н. П. Соколовъ, И. Я. Порфирьевъ и др. нѣтъ уже въ живыхъ, авторъ письма говоритъ: «Я имѣлъ намѣреніе почерпнуть что-нибудь о Г—ѣ З—ѣ въ здѣшней академіи, но лишь заговорилъ объ этомъ человѣкѣ, какъ встрѣтилъ отъ всѣхъ знавшихъ его лицъ самое сильное нерасположеніе къ нему. Его считаютъ ренегатомъ и отзываются о всей послѣдующей его дѣятельности крайне нетерпимо и враждебно. А теперь, когда узнали, что покойникъ отказалъ свои деньги литературному фонду, то еще больше озлобились и этого чувства не скрываютъ». А изъ письма Н. И. Емельянова можно видѣть, что въ академіи не сохранилось даже лекцій Григорія Захаровича, по крайней мѣрѣ, по его словамъ «протоіерей каѳедральный Боголѣповъ искалъ его лекціи для представленія ихъ на юбилей академіи».

Въ началѣ 1854 года Елисеевъ уволился изъ казанской академіи и отправился на службу въ Западную Сибирь, гдѣ былъ назначенъ омскимъ окружнымъ начальникомъ. Должность эта ставила его въ непосредственное соприкосновеніе съ крестьянствомъ и была очень разносторонней. Въ служебномъ отношеніи онъ соприкасался и съ гражданскимъ губернаторомъ, и съ генералъ-губернаторомъ, и съ губернскимъ правленіемъ, и съ казенной палатой, и съ совѣтомъ главнаго управленія, получая отъ нихъ самыя разнообразныя порученія и предписанія. Мы видимъ его членомъ рекрутскаго присутствія; онъ же промѣряетъ на разстояніи 50 верстъ фарватеръ р. Иртыша, гдѣ встрѣчались затрудненія для проѣзда казенныхъ соляныхъ судовъ, и представляетъ свои соображенія по этому поводу; онъ же производитъ переизслѣдованіе и дополнительныя слѣдствія по чисто судебнымъ дѣламъ объ убійствахъ и поджогахъ, разсматриваетъ такіе адми-

нистративные вопросы, какъ перемѣщеніе волостного правленія изъ одного селенія въ другое, провѣряетъ жалобы крестьянъ на излишніе сборы податей и злоупотребленія волостного и сельскаго начальства; къ нему же направляются дѣла о самовольныхъ лѣсныхъ порубкахъ, о самовольныхъ дѣйствіяхъ поселянъ по постройкѣ церкви, объ утратѣ въ земскомъ судѣ денегъ, о неправильной продажѣ описаннаго имущества и т. д. Въ началѣ 1856 г. онъ переводится на ту же должность въ тарскій округъ, Тобольской губ., и попадаетъ въ тотъ самый городъ Тару, гдѣ жилъ когда-то въ дѣтствѣ. Ничего отраднаго онъ тамъ не нашелъ; всюду процвѣтали старые порядки во всей ихъ сибирской неприкосновенности. Пошли тѣ же дѣла: объ утратѣ денегъ въ земскомъ судѣ, о стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ мѣстнымъ начальствомъ старообрядцамъ (жившимъ въ дер. Низовой), о злоупотребленіяхъ волостныхъ и сельскихъ властей (въ Нижне-Колосовской волости), о пожарѣ винницы на Екатерининскомъ винокуренномъ заводѣ, объ убійствахъ и скоропостижныхъ смертяхъ, о неспособности къ военной службѣ принятыхъ рекрутъ и т. д. Такъ какъ послѣдняго рода дѣла, чисто слѣдственнаго характера, поступали къ нему преимущественно для дослѣдованія и переизслѣдованія, то не мудрено, что онъ встрѣчался при этомъ съ разнаго рода злоупотребленіями—волокитой, взяточничествомъ, произволомъ. Въ томъ же году онъ былъ Высочайше утвержденъ предсѣдательствующимъ директоромъ тарскаго попечительнаго о тюрьмахъ отдѣленія, что привело его въ соприкосновеніе съ тюремною частью, гдѣ также были злоупотребленія. О тогдашнемъ положеніи сибирскихъ тюремъ и этапахъ онъ всегда говорилъ съ истиннымъ ужасомъ. Все это, понятно, волновало его, и онъ оставилъ въ Тарѣ о себѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ горячемъ и вспыльчивомъ. Одинъ изъ старожиловъ разсказывалъ, какъ засталъ его разъ въ присутствіи бѣгавшимъ кругомъ стола, на которомъ стояло зерцало, за однимъ изъ начальствовавшихъ тоже лицъ: «тотъ отъ него, а Елисеевъ за нимъ и ругаетъ его, наконецъ, швырнулъ въ него какою-то попавшеюся подъ руку книгою или папкою съ бумагами и, замѣтивъ меня, ушелъ». Таковъ и былъ, на самомъ дѣлѣ, по темпераменту, Григорій Захаровичъ; но горячность и вспыльчивость его, при хорошихъ отношеніяхъ, никогда не заключала въ себѣ чего-либо обиднаго, скорѣе, напротивъ, въ горячихъ словахъ его чувствовалось доброжелательство; но если онъ не уважалъ человѣка, если были основанія къ такому неуваженію, то вспыльчивость его необыкновенно быстро пробуждалась и выражалась очень стремительно. Жена его знала это его свойство и очень боялась нѣкоторыхъ встрѣчъ. Припоминается мнѣ одинъ случай, когда испугался за него и я. Были мы съ нимъ въ одномъ большомъ обществѣ, гдѣ обсуждались нѣкоторые спорные вопросы. Мнѣніе Григорія Захаровича по одному предмету было извѣстно, а такъ какъ другіе держались иного взгляда, то рѣшеніе вопроса затягивалось. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ, недовольный этимъ, проходя съ кѣмъ-то мимо Григорія Захаровича, сказалъ довольно громко, указывая на него: «мы и не придемъ ни

къ чему, если вотъ подобные господа»... Сидѣвшій около меня Григорій Захаровичъ до того вспылилъ, что не далъ ему даже договорить: весь блѣдный, онъ вскочилъ, сдѣлалъ быстро шагъ къ нему и закричалъ: «какіе такіе *подобные* господа?! Что это за выраженіе! Какъ вы смѣете?! Какіе такіе *подобные?* Сейчасъ говорите!» Господинъ, на котораго онъ напустился, смущенно заговорилъ:—«что вы, я, кажется, ничего обиднаго не сказалъ?»... «Нѣтъ, сказали, настаивалъ Григорій Захаровичъ, и потрудитесь объяснить, что вы подразумѣваете подъ своимъ выраженіемъ?»—«Ей Богу, ничего», отвѣчалъ тотъ.—«Потрудитесь объяснить! А не хотите, такъ вотъ вамъ»... И съ этими словами, Елисеевъ быстро схватилъ лежавшую на столѣ афишу, скомкалъ ее и пустилъ ею въ противника, человѣка атлетическаго сложенія и по крайней мѣръ на голову выше него ростомъ. Я совершенно инстинктивно сталъ между ними... Въ эту минуту подбѣжала хозяйка дома, и мы съ нею взяли Григорія Захаровича подъ руки и увели куда-то въ заднія комнаты, кажется въ дѣтскую, гдѣ насилу его успокоили. Господинъ, съ которымъ это произошло, нынѣ также уже покойный, отличался рѣдкимъ добродушіемъ и сказалъ обидѣвшую Елисеева фразу просто такъ себѣ, безъ всякаго умысла, не думая, что она можетъ показаться обидной, что̀ на другой день и объяснилъ Елисееву, самъ поѣхавъ къ нему. Тотъ, конечно, убѣдился въ чистосердечности этого объясненія и могъ только пожалѣть, что погорячился.

Въ Тарѣ Елисеевъ пробылъ недолго, только годъ съ небольшимъ: 31 мая 1857 г. онъ былъ уже переведенъ въ Тобольскъ—совѣтникомъ губернскаго правленія; но и въ Тобольскѣ наслужилъ не долго, такъ какъ въ декабрѣ того же года вышелъ въ отставку. Въ это время его уже начало сильно тянуть къ литературѣ. Какъ ни разнообразна была его служба, но внутренняго содержанія, которое могло бы удовлетворять его умственно и нравственно, въ ней всетаки было мало. Мало было интереса въ дѣлахъ о проселочныхъ трактахъ, объ утраченныхъ писцомъ омскаго земскаго суда 7 руб. 14½ коп., объ утраченныхъ въ томъ же судѣ «вещественныхъ по дѣламъ: 1) объ отравленіи крестьянкой Горчаковой крестьянина В. Горчакова, 2) объ открытыхъ у крестьянки Буньковой разныхъ товаровъ для извержения младенцевъ» и т. п. О времени службы въ Тобольскомъ губернскомъ правленіи Н. И. Емельяновъ говоритъ: «было извѣстно, что Елисеевъ — человѣкъ передовой, прогрессистъ»; «личность его была громкая межъ учителей здѣшней семинаріи»; «онъ часто бывалъ у брата моего—тоже учителя семинаріи—М. И. Емельянова, и иногда спорилъ съ нимъ. Помню разъ, братъ, ходя при немъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ запальчивостью ему говорилъ: «да что вы гордитесь, Григорій Захаровичъ, что вы можете писать, да я самъ могу не хуже васъ тоже писать» (братъ былъ тоже академикъ). Елисеевъ ему сказалъ: «ну, куда вамъ... у васъ семья на рукахъ» (за нимъ было пять человѣкъ: мать и учащіеся малолѣтки). Кромѣ Н. И. Емельянова, у него въ Тобольскѣ въ это время былъ еще родственникъ—двоюродный братъ, учитель тамошней гимназіи,

Павелъ Александровичъ Бѣлорусцевъ, котораго онъ «очень любилъ» и съ которымъ, послѣ отъѣзда въ Петербургъ, постоянно поддерживалъ сношенія. Женаты они были «на родныхъ сестрахъ». Изъ письма Н. И. Емельянова видно, что Елисеевъ какимъ-то образомъ хотѣлъ пристроить Бѣлорусцева къ изданію газеты *Очерки*, для чего вызвалъ его въ Петербургъ, и что послѣдній послѣ тобольскаго «погрома по Михайловской исторіи» ѣздилъ туда для этого. Съѣхались они, говоритъ онъ, «въ Петербургѣ для изданія газеты *Очерки*, конечно, побывавъ сперва на допросахъ въ 3 отдѣленіи по тобольской Михайловской исторіи» *). Что за планы были у Елисеева относительно *Очерковъ*, къ сожалѣнію, не извѣстно, и я не помню, чтобы онъ говорилъ что-нибудь по этому поводу, хотя разговоры и объ *Очеркахъ*, и о *Вѣкѣ* и о другихъ литературныхъ предпріятіяхъ того времени неоднократно бывали.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Елисеевъ всецѣло отдался литературной дѣятельности, къ которой, какъ я упомянулъ уже выше, его особенно стало тянуть послѣ крымской войны, когда начались новыя вѣянія и литературное оживленіе. Какъ ни тягостны были порядки сибирской службы, но для того, чтобы, не имѣя средствъ, бросить хорошее мѣсто и всю дальнѣйшую служебную карьеру, надо было вѣрить въ свои силы и горячо любить литературу. Устроился на первое время Григорій Захаровичъ очень бѣдно, въ крошечной квартиркѣ, кажется, на Васильевскомъ островѣ, и сталъ работать. Отнеся свою первую статью въ 1858 году въ *Современникъ*, онъ съ робостью ждалъ результата. Статью, разумѣется, напечатали, и съ этого времени онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ *Современника*, гдѣ началъ писать и статьи и свои внутреннія обозрѣнія.— Объ этомъ чрезвычайно интересномъ періодѣ нашей жизни нужно ждать воспоминаній современниковъ и самого Григорія Захаровича. Я этого времени не помню и не могу помнить, какъ по возрасту своему, такъ и потому, что не былъ еще тогда въ Петербургѣ и не зналъ Григорія Захаровича. Изъ разсказовъ же его объ этомъ времени особенно врѣзались мнѣ въ память самые хорошіе и теплые его отзывы о Добролюбовѣ и Чернышевскомъ, особенно о послѣднихъ дняхъ перваго. Второго онъ также очень высоко ставилъ и всегда скорбѣлъ о его судьбѣ. Когда Д. Г. Анучинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, то помню, какъ онъ волновался вопросомъ—сдѣлаетъ онъ что-нибудь для облегченія

---

*) Относительно этой послѣдней Н. И. Емельяновъ пишетъ: „когда ссылали Мих. Ил. Михайлова, Елисеевъ просилъ Бѣлорусцева пособить чѣмъ можно. И вотъ, мы всѣ дружные люди, лѣкаря, учителя и я многогрѣшный и много бабъ, кто чаю, сахару, а кто съ адресами... по дорогѣ въ Нерчинскъ. Время было такое. Но мы не дѣлали изъ его цѣпей колечекъ. Это дѣлала наша тогдашняя аристократія. Что было печатано въ *Русской Старинѣ* по этому поводу—все вранье—мы очевидцы и я былъ столь близокъ къ этому дѣлу и никогда ничего не утаю и не прибавлю... Вся наша либеральность только и касалась направленія тогдашнихъ газетъ и журналовъ и судебъ будущаго.

его участи или нѣтъ, и ходилъ въ разныя мѣста, по старымъ знакомымъ, чтобы напомнить тому черезъ кого-либо о Чернышевскомъ: «вѣдь онъ зналъ его когда-то, говорилъ Елисеевъ, но можетъ просто забыть, а не то—такъ сдѣлаетъ видъ, что забылъ, а когда одинъ-другой напомнитъ, то будетъ неловко»... — «А отчего не написать ему?» совѣтовала Екатерина Павловна. — «Можно, конечно, въ крайнемъ случаѣ, и написать, но на словахъ лучше», отвѣчалъ онъ. Не знаю—писалъ ли онъ такое письмо, но думаю, что напоминаніе его дошло по назначенію, такъ какъ въ 1898 г. Д. Г. Анучинъ мнѣ самъ говорилъ, что какъ только пріѣхалъ въ Иркутскъ, такъ тотчасъ же навелъ справки о положеніи Чернышевскаго, а затѣмъ сдѣлалъ надлежащее представленіе о возвращеніи его въ Россію. «Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга,—добавилъ онъ,—мнѣ напоминали о немъ, но это совершенно напрасно, такъ какъ я самъ помнилъ». По невольной ассоціаціи предметовъ, нельзя не упомянуть объ одномъ печальномъ эпизодѣ въ жизни самого Григорія Захаровича: въ 1866 году онъ былъ арестованъ по Каракозовскому дѣлу и просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости съ половины апрѣля по 22 іюля. Поводомъ къ аресту послужило знакомство его съ лицами, привлеченными къ дѣлу. Въ то же время были арестованы и еще нѣкоторые писатели, какъ, напр., Н. Курочкинъ и Зайцевъ. Строгое Муравьевское слѣдствіе скоро обнаружило полную ихъ невиновность и они были выпущены. Во время ареста Елисеева, кажется, перестрадалъ не столько самъ онъ, сколько вѣрный и безгранично любившій его другъ—жена его, Екатерина Павловна; по крайней мѣрѣ годы не изглаживали изъ ея памяти тяжелыхъ впечатлѣній, и въ то время какъ онъ, вспоминая этотъ эпизодъ, былъ спокоенъ и иногда даже посмѣивался, она всегда глубоко волновалась, когда начинала разсказывать о пережитыхъ страшныхъ дняхъ, о цѣлыхъ мѣсяцахъ полной неизвѣстности, что̀ будетъ, о своихъ хлопотахъ относительно свиданій съ нимъ, которыхъ никому не давали, о томъ, какъ ходила она ежедневно, чтобы хоть издали взглянуть на крѣпость, гдѣ онъ сидѣлъ, и о томъ, какъ разъ въ единственный день въ году, когда пускаютъ публику гулять по крѣпостному валу, ей удалось его видѣть.

Разскажу теперь о своемъ знакомствѣ и своихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ Елисеевѣ. Познакомился я съ нимъ осенью 1875 года по слѣдующему поводу. Написалъ я весною этого года первую свою журнальную статью («Невинныя воспоминанія изъ недавняго прошлаго») и начало второй статьи («Кооперація на русской почвѣ») и, по пріятельскому совѣту П. В. Засодимскаго, отнесъ обѣ рукописи съ большимъ страхомъ въ *Отечеств. Записки*; отнесъ и уѣхалъ на лѣто, по дѣламъ, на Кавказъ, никакъ не думая, что статьи будутъ приняты редакціей, состоявшей изъ такихъ большихъ писателей, какъ Некрасовъ, Салтыковъ и Елисеевъ. Каково же было мое удивленіе и радость, когда, возвратясь осенью въ Петербургъ, я увидѣлъ первую свою статью напечатанной въ сентябрьской книжкѣ. Помимо всего прочаго, наступило исполненіе давнишней моей мечты

увидѣть воочію, не на фотографическихъ карточкахъ, а вживѣ цѣлую группу извѣстныхъ писателей, участвовавшихъ въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ, замѣнившемъ *Современникъ*. Хотя Некрасова лѣтъ 7—8 тому назадъ я и видѣлъ мелькомъ въ одномъ домѣ, но все равно, что не видалъ, такъ какъ даже не познакомился съ нимъ. Наконецъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* были и другіе писатели, которыхъ мы, тогдашняя молодежь, также читали и почитали. Интриговали также и ходившіе о редакціи разнообразные и самые несообразные слухи: говорили, что Некрасовъ необыкновенно гордъ и важенъ, что знакомство онъ ведетъ только съ высшимъ кругомъ и проводитъ чуть ли не все время въ англійскомъ клубѣ за картами, что Салтыковъ можетъ только ругаться, что редакція представляетъ собою нѣчто замкнутое и недоступное для сторонникъ сотрудниковъ и т. д. И вотъ, въ одинъ изъ ближайшихъ редакціонныхъ понедѣльниковъ я пошелъ въ редакцію, помѣщавшуюся въ квартирѣ Некрасова, въ домѣ Краевскаго (на углу Литейной и Бассейной). Пришелъ нѣсколько рано: хотя и было уже около часа, но сотрудниковъ еще не было. Далъ человѣку карточку. Вышелъ Некрасовъ заспанный и какимъ-то не то сиплымъ, не то недовольнымъ голосомъ процѣдилъ: «Что же это вы, батюшка, написали статью и пропали?» Я сказалъ, что меня не было въ Петербургѣ и что я только на-дняхъ вернулся. «А мы васъ тутъ искали: Елисеевъ о васъ справлялся, но васъ не оказалось. Вотъ подождите, онъ сейчасъ придетъ. А потомъ надо вамъ тутъ еще деньги за статью получить... Они у конторщика, который тоже сейчасъ долженъ быть». Некрасовъ ушелъ, потомъ опять вернулся и сказалъ: «Другая статья ваша тоже набрана. Вамъ нужно заходить къ намъ по понедѣльникамъ. Мы собираемся, такъ вотъ, приблизительно, въ это время». Сказалъ и опять ушелъ. Стали понемногу собираться сутрудники: пришелъ одинъ, другой, третій; наконецъ, вошелъ плотный, средняго роста господинъ съ сильною просѣдью въ волосахъ и въ большой окладистой бородѣ,—это и былъ Елисеевъ. Я его видѣлъ въ первый разъ. Нависшія брови, всклоченные густые волосы и общее суровое выраженіе лица, съ котораго хоть сейчасъ Зевса-Олимпійца дѣлай, совсѣмъ не гармонировали съ привѣтливостью, какою свѣтились его глаза, когда я, знакомясь, заглянулъ въ нихъ. Строгое, античное лицо оказалось совсѣмъ русскимъ и, несмотря на неправильныя черты, очень симпатичнымъ. Познакомившись, онъ сказалъ, что ѣздилъ по означенному въ рукописи адресу, но не нашелъ меня, а потомъ, узнавъ тамъ, что раньше я жилъ въ Лѣсномъ, справлялся черезъ кого-то изъ знакомыхъ и въ Лѣсномъ, но и тамъ меня не оказалось; затѣмъ, сообщивъ, что начало второй моей статьи набрано и что нужно поторопиться окончаніемъ, пригласилъ меня къ себѣ: «Если свободны, то не пойдемте ли сегодня послѣ редакціи обѣдать? Я тутъ совсѣмъ близко живу». Я извинился, такъ какъ обѣщалъ обѣдать у однихъ знакомыхъ. «Ну, такъ завтра приходите, —сказалъ онъ совсѣмъ просто, точно мы давно уже были знакомы,—я цѣлый день дома». Затѣмъ, онъ познакомилъ меня съ сидѣвшими неподалеку группой: Н. С. Куроч-

кипымъ, А. Н. Плещеевымъ, А. М. Скабичевскимъ и Н. А. Демертомъ. Всѣ они оказались до такой степени простыми людьми и такъ радушно меня встрѣтили, что я только диву дался, вспомнивъ ходившіе по городу разсказы о недоступности редакціи. Разсказываю объ этомъ, какъ объ образчикѣ внимательнаго отношенія настоящихъ писателей къ начинающимъ сотрудникамъ. Статья моя, которую всѣ прочитали и которая всѣмъ понравилась, рѣшительно ничего особеннаго собою не представляла, а была просто грамотно и съ опредѣленной точки зрѣнія написана. Вотъ эта близкая редакціи точка зрѣнія и была, конечно, главною причиною того радушія, какое я встрѣтилъ. Я видѣлъ подобное же отношеніе и къ другимъ начинающимъ писателямъ, а потому-то это и заслуживаетъ вниманія. Я всегда, сызмальства еще, очень любилъ литературу, но никогда не думалъ быть писателемъ, ни въ смыслѣ профессіональномъ, ни въ смыслѣ человѣка, реагирующаго чуть ли не на всѣ явленія жизни непремѣнно перомъ. Были вещи и дѣятельности, которыя меня больше интересовали. Елисеевъ приложилъ если не всѣ, то много стараній, чтобы сдѣлать изъ меня писателя. Припоминая свои дальнѣйшіе литературные шаги, я припоминаю и эти трогательныя для меня чисто-дружескія или, вѣрнѣе, отеческія старанія, причемъ, поистинѣ, удивляюсь его долготерпѣнію и стыжусь за тѣ огорченія, какія приходилось ему причинять въ этомъ отношеніи. Но не буду, однако, забѣгать впередъ.

На другой день вечеромъ я былъ у Елисеева. Прежде всего онъ познакомилъ меня, конечно, съ своей женою Екатериною Павловною, а потомъ за чаемъ пошли разспросы: гдѣ я живу, что дѣлаю, зачѣмъ ѣздилъ на Кавказъ, что думаю еще писать и т. д. Разсказывали много и они, какъ лично о себѣ, такъ и о разныхъ литературныхъ отношеніяхъ, причемъ когда начиналъ разсказывать что-нибудь Григорій Захаровичъ, то Екатерина Павловна непремѣнно перебивала его, торопя, дополняя и поправляя его разсказъ, пока онъ, улыбаясь, не говорилъ наконецъ: «Ну разсказывай ты, коли лучше знаешь»; тогда она очень горячо брала съ мѣста и продолжала рѣчь, но скоро начинала сбиваться, запутывалась и обращалась къ его же помощи. «Нѣтъ, — говорилъ онъ, — коли взялась, такъ сама ужъ и разсказывай», но потомъ, разумѣется, продолжалъ разсказъ. А какъ только онъ выходилъ на дорогу, такъ опять начинались вставки и поправки. «Вотъ видите,—говорилъ онъ, опять улыбаясь,—это всегда такъ». Просидѣлъ я у нихъ очень долго и ушелъ, давъ обѣщаніе заходить по понедѣльникамъ въ редакцію, а оттуда къ нимъ обѣдать. Такъ и началось наше знакомство и потянулись понедѣльники, въ которые я, А. М. Скабичевскій и еще кто-нибудь изъ сотрудниковъ шли послѣ редакціи къ Елисеевымъ и проводили у нихъ весь остатокъ дня. По вечерамъ у нихъ собиралось довольно многолюдное общество и было очень оживленно. Усаживались обыкновенно всѣ вокругъ чайнаго стола, кто-нибудь непремѣнно приносилъ свѣжіе новости и слухи, которые обсуждались, возбуждались разные вопросы, возникали иногда споры, читались

какія-нибудь литературныя новинки и т. п. Выпивокъ никогда не было, хотя вино и бывало за ужиномъ; не было также и картъ, хотя въ тѣ вечера, когда бывалъ Салтыковъ, ставился въ другой комнатѣ и карточный столикъ и устраивались иногда картишки, «по-маленькой». Бывало это, впрочемъ, довольно рѣдко. Знакомство Елисеевыхъ было не особенно обширно, 10—15 семей, но было постояннымъ, прочнымъ и отличалось большимъ единодушіемъ. Никогда не было ни дрязгъ, ни ссоръ, ни сплетенъ. Кромѣ петербургскихъ знакомыхъ, часто бывали у нихъ и пріѣзжіе изъ провинціи: земцы, врачи, профессора, учителя, писатели. Одинъ пріѣзжалъ посовѣтоваться насчетъ какого-нибудь провинціальнаго изданія, другой— поговорить о какомъ-нибудь вновь устраиваемомъ хорошемъ дѣлѣ, третій— съ просьбой указать хорошаго, надежнаго человѣка для какого-нибудь земскаго начинанія, вродѣ устройства статистики, учебной мастерской и т. п. Такіе пріѣзжіе, какъ Н. В. Шелгуновъ, Н. М. Ядринцевъ, С. С. Шашковъ, заходили просто повидаться, а такіе, которые пріѣзжали похлопотать о комъ-нибудь изъ близкихъ (какъ, напр., Жени Берви), и посовѣтоваться, куда имъ лучше сперва обратиться. Бывала у Елисеевыхъ и молодежь. У нихъ всегда былъ кто-нибудь и изъ своей молодежи, въ лицѣ племянниковъ и племянницъ цѣлыхъ трехъ фамилій (Гофштеттеровъ, Бѣлорусцевыхъ и Емельяновыхъ) и дѣтей старыхъ пріятелей и добрыхъ знакомыхъ. Учась въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, племянники не жили у нихъ, а лишь приходили; а племянницы и дочери пріятелей и жили, смѣняя по возрастамъ одна другую. Насколько Григорій Захаровичъ любилъ молодежь и умѣлъ съ нею обращаться, настолько же затрудняли его дѣти въ маленькомъ возрастѣ, къ которымъ онъ положительно не зналъ, какъ приступиться. Своихъ дѣтей у него не было, такъ что видѣть маленькихъ и что-нибудь дѣлать для нихъ ему не приходилось; но я думаю, что онъ все равно и тогда не научился бы обращенію съ ними. Разъ у него прожилъ нѣкоторое время мальчикъ лѣтъ 3—4, сынъ одного умершаго его хорошаго знакомаго, и нужно было видѣть, съ какимъ отчаяніемъ разсказывалъ онъ, какъ этотъ мальчикъ, разсердившись на что-нибудь, ложился на полъ и начиналъ болтать ногами и колотиться головою о полъ: «ну, что вы съ нимъ въ такую минуту подѣлаете?» спрашивалъ онъ. Дѣти въ возрастѣ 10—12 лѣтъ также его затрудняли. Это я знаю по двумъ причинамъ, когда онъ поручалъ такого рода дѣтей мнѣ, вообразивъ почему-то меня педагогомъ. Но насколько самъ онъ былъ бы плохимъ педагогомъ и затруднялся бы воспитаніемъ малаго возраста, настолько же, повторяю, онъ могъ и умѣлъ вліять на юношескій возрастъ. Студентъ или курсистка, приходившіе къ нему побесѣдовать насчетъ какихъ-нибудь мучительныхъ вопросовъ, а также племянники и племянницы его, частенько возбуждавшіе подобные вопросы, никогда не слышали отъ него ни какихъ-либо старческихъ сентенцій, ни наставительнаго педагогическаго тона; онъ говорилъ съ ними безъ всякаго преимущества лѣтъ и опытности, безъ всякаго даже обнаруживанія большихъ знаній, а какъ равный съ равными. Даже когда онъ давалъ совѣ-

ты,—и въ совѣтахъ этихъ не слышалось ни дидактизма, ни императивности. Образчикомъ его тона можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ письма его въ 1886 г. къ одной изъ своихъ племянницъ, которую хотѣлъ подбодрить во время ея заключенія: «Милая N! Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, которая... была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Гл. Ив. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи къ Россіи почти всегда отличается искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ содержанія и глубиною. Да, даже и глубиною, при всей видимой легкости его писаній. Но глубина эта можетъ даваться только тому, кто читаетъ его не бѣгло, а пристально вдумывается въ читаемое» и т. д.

Еще больше заслуживалъ вниманія его тактъ и умѣнье относиться къ взрослымъ людямъ. Прежде всего меня удивляло его умѣнье ладить съ Некрасовымъ и Салтыковымъ, людьми совершенно разныхъ характеровъ, которые точно находили въ немъ синтезъ. Насколько онъ любилъ Салтыкова, настолько же лично ему былъ непріятенъ Некрасовъ. Къ Салтыкову, наприм., и нѣкоторымъ сотрудникамъ (какъ къ А. М. Скабичевскому), вскорѣ послѣ нашего знакомства, онъ самъ меня звалъ и ѣхалъ съ удовольствіемъ, а къ Некрасову, когда тотъ позвалъ насъ обѣдать, ѣхалъ съ такого рода коментаріями: «охъ, ужъ и не люблю я этихъ его обѣдовъ. Есть вѣдь редакціонные обѣды, такъ вотъ нѣтъ—еще у него обѣдайте; а тамъ чортъ знаетъ кого можно встрѣтить. Но надо ѣхать». Впослѣдствіи, когда мы ближе познакомились, онъ уже не стѣснялся, прямо бранилъ Некрасова и истолковывалъ нѣкоторыя его дѣйствія такъ, что мнѣ приходилось не разъ оспаривать его, выставляя совершенно другое объясненіе; но это не мѣшало ему, однако, очень цѣнить Некрасова, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ написанная имъ и оставшаяся въ его бумагахъ блестящая характеристика Некрасова. Но литературная среда, переполненная крайне болѣзненными самолюбіями и претензіями, и вообще очень трудна для правильныхъ отношеній, а положеніе въ ней редактора въ высшей степени щекотливо и отвѣтственно. Тутъ, кромѣ такта, нужны еще справедливость, безпристрастіе, большое терпѣніе, собственная безупречность, способность входить въ положеніе другого человѣка и умѣнье въ однихъ случаяхъ поддержать свой авторитетъ, а въ другихъ, напротивъ, поступиться не только имъ, но и другими собственными интересами. Чуждый мелочного самолюбія и зависти, Елисеевъ обыкновенно охотно уступалъ мѣсто въ журналѣ и самые вопросы, по какимъ надлежало высказаться, другимъ сотрудникамъ, откладывалъ печатаніемъ свои статьи, а статьи другихъ печаталъ. Помню, какъ однажды онъ сталъ разсказывать, что началъ писать статью о всесословной волости, а меня угораздило сказать, что я тоже думалъ писать на эту тему. «Въ такомъ случаѣ, вы и пишите»,—сказалъ онъ.—«Зачѣмъ же я буду писать, когда вы ужъ на-

чали? Вы ужъ приготовились, все обдумали, а мнѣ нужно еще читать, справки дѣлать и т. д.»,—говорилъ я.—«Нѣтъ, у меня совсѣмъ немного еще написано, только одна страничка, и я буду очень радъ, если вы напишете. Нечего тутъ толковать, ступайте домой и садитесь за работу. Вотъ вамъ девять дней сроку». Дальнѣйшіе разговоры и отнѣкиванья ни къ чему не повели, и я долженъ былъ написать статью, которою самъ остался недоволенъ, тогда какъ его статья, по всей вѣроятности, была бы лучше. Еще характернѣе примѣръ: когда появился Демертъ, то онъ отдалъ ему все свое внутреннее обозрѣніе, которое тотъ и велъ до самой своей смерти. Демертъ былъ несомнѣнно человѣкъ очень талантливый, но онъ былъ гораздо одностороннѣе Елисеева, и Елисеевъ это прекрасно понималъ. Когда разъ при мнѣ ему объ этомъ сказали, то онъ отвѣчалъ: «Неужели вы думаете, что я этого не знаю? Но вѣдь онъ отлично пишетъ и его читаютъ, слѣдовательно, пусть и пишетъ». Къ своимъ же собственнымъ статьямъ и обозрѣніямъ Елисеевъ, напротивъ, относился съ большою строгостью. Сколько разъ было, что онъ провѣрялъ сомнительныя мѣста, а затѣмъ я помню случай, когда онъ, вслѣдствіе редакціоннаго разногласія, отдалъ свое обозрѣніе на рѣшеніе сотрудниковъ и безпрекословно подчинился ихъ рѣшенію и уничтожилъ написанное. Скромность и безпристрастіе его относительно себя были настолько велики, что онъ никогда не рѣшался издать не только свои обозрѣнія, но и вообще что-нибудь изъ написаннаго отдѣльнымъ изданіемъ. Однажды его жена съ нѣсколькими хорошими знакомыми задумала было устроить ему сюрпризъ—издать безъ его вѣдома нѣсколько наиболѣе крупныхъ его статей. Тогда, по стоявшимъ на очереди вопросамъ, нѣкоторыя изъ этихъ статей были очень нужны. Посвященъ былъ въ этотъ заговоръ и я — на меня возложены были переговоры съ типографіей и корректура. Но Екатерина Павловна была плохая заговорщица, въ особенности противъ него. По конспиративному ея виду, по полусловамъ, взглядамъ и особенностямъ разговоровъ, когда онъ выходилъ изъ комнаты, и прекращенію ихъ съ его возвращеніемъ, онъ тотчасъ же догадался, что что-то затѣвается. «Охъ, что-то вы тутъ затѣваете?»—говорилъ онъ, смѣясь. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день секретъ былъ узнанъ, и онъ очень разсердился: «Вотъ хотѣли удружить! Вотъ разодолжили бы!—повторялъ онъ, ходя по комнатѣ.—Вамъ-то какъ не стыдно было съ ними связываться?»—обращался онъ ко мнѣ, указывая на жену и племянника, ближайшаго ея помощника (Н. П. Бѣлорусцева). То же самое было и съ вопросомъ о юбилеѣ въ 1878 году: ни за что, чтобы даже рѣчи о юбилеѣ не было.

Строгій къ себѣ, Елисеевъ былъ гораздо снисходительнѣе къ другимъ, а когда статьи сотрудниковъ были, дѣйствительно, удачны, то большаго удовольствія для него, кажется, не было. Какъ редакторъ, онъ былъ образцовый: такъ щадить, какъ щадилъ онъ не только авторскую мысль, но и самыя даже выраженія, можетъ только человѣкъ, глубоко понимающій душу сотрудниковъ и въ высшей степени бережно относящійся къ ихъ ра-

ботѣ. За все время своего сотрудничества въ *Отеч. Зап.* я не помню, чтобъ онъ хоть что-нибудь у меня вымаралъ. Разъ онъ говоритъ: «А вотъ какое неудачное выраженіе есть въ вашей статьѣ» (теперь ужъ не припомню какое). Что же, говорю, вы его не выбросили или не поправили? «Зачѣмъ же я буду это дѣлать,—отвѣчаетъ онъ,—когда, можетъ быть, вы именно то и хотѣли сказать и именно такъ хотѣли выразиться». Въ случаѣ несогласія съ чѣмъ-нибудь, онъ предпочиталъ дѣлать оговорки и примѣчанія отъ редакціи. Затѣмъ, люди, знакомые съ журнальнымъ дѣломъ, прекрасно знаютъ, конечно, что̀ значитъ сдать въ редакцію статью съ маленькой приписочкой въ концѣ—«продолженіе» или «окончаніе слѣдуетъ». Самое естественное, конечно, такую статью отложить до представленія обѣщаннаго окончанія, такъ какъ неизвѣстно, что будетъ съ сотрудникомъ. Точно также знаютъ журналисты и такіе пассажи: далъ сотрудникъ начало статьи, а потомъ она у него разрастается до невозможныхъ размѣровъ, обременительныхъ и для читателя, и для изданія. И съ этой стороны самое лучшее или, по крайней мѣрѣ, самое спокойное — подождать окончанія; но Елисеева подобныя обстоятельства никогда не смущали. Я помню, какъ мои статьи, вслѣдствіе моего же запаздыванія, приходилось заканчивать въ слѣдующемъ году; помню, какъ вмѣсто одной статьи у меня выходило двѣ, а вмѣсто двухъ—три, да такихъ большихъ, что съ нѣкоторымъ добавленіемъ изъ нихъ составлялась цѣлая книжка. Такимъ образомъ, наприм., составилась моя книжка о физическомъ трудѣ. Помню и другое приключеніе: сталъ я писать рецензію о книгѣ М. Вирта объ экономическихъ кризисахъ, смотрю—рецензія моя разрослась въ статью. Сказалъ объ этомъ Елисееву. «Если, — говоритъ, — пишется, такъ и пишите». Сталъ писать, увлекся, пришлось кое-что провѣрить, заглянулъ въ другія книги и т. д., и статья моя незамѣтно разрослась въ огромнѣйшую статьищу—въ 7 или 8 печ. листовъ. Иду опять къ Елисееву и говорю: вотъ что, къ огорченію моему, выходитъ. А онъ, по обыкновенію, смѣется и говоритъ: «Никакого огорченія тутъ нѣтъ, давайте все, что есть». Такъ статья цѣликомъ и была напечатана, да еще огромнѣйшими порціями,—кажется, въ двухъ только книжкахъ. Такое отношеніе къ сотрудникамъ, такое предоставленіе имъ простора и свободы, разумѣется, могло только располагать къ нему и привязывать къ журналу. Но въ то же время—и это еще бо̀льшее достоинство—никто такъ зорко не слѣдилъ за единствомъ направленія журнала и никто такъ строго не относился къ статьямъ и произведеніямъ авторовъ, смотрѣвшихъ куда-нибудь въ другую сторону, хотя бы это были знаменитости, вродѣ Достоевскаго или Тургенева. Ради одного имени онъ ни за что не напечаталъ бы ничего, даже самаго распрекраснаго въ художественномъ отношеніи произведенія, еслибъ основная его мысль противорѣчила тому направленію, какому онъ служитъ. Въ личныхъ отношеніяхъ Григорій Захаровичъ былъ также очень строгъ, но зато въ расположеніи и привязанностяхъ къ людямъ, къ которымъ расположился, необыкновенно постоянenъ, внимателенъ и до такой степени искренenъ и сердеченъ, что идти

къ нему съ личнымъ горемъ и затрудненіями было положительно какою-то душевною потребностью. Огорчить его чѣмъ-нибудь всегда было въ высшей степени непріятно, тѣмъ болѣе, что если онъ огорчался, то, навѣрное, не изъ-за пустяковъ и не по личнымъ только мотивамъ. Помню, какъ одинъ молодой присяжный повѣренный, котораго любилъ Елисеевъ, поспѣшилъ возвратить назадъ или пожертвовалъ куда-то крупный гонораръ, полученный за блестящую защиту одного богатаго, но несомнѣнно виновнаго человѣка, котораго онъ обѣлялъ; помню, какъ безпокоился разъ В. С. Курочкинъ — не сказалъ ли онъ чего-нибудь обиднаго Елисееву, будучи въ веселомъ настроеніи, и какъ успокоился, когда я его завѣрилъ, что ровно ничего обиднаго не было сказано и что Елисеевъ, напротивъ, до слезъ хохоталъ надъ его остротами; помню, какъ Некрасовъ дѣлалъ ему уступки по весьма существеннымъ редакціоннымъ вопросамъ, вродѣ приглашенія такихъ сотрудниковъ, которые, по мнѣнію Елисеева, не подходили къ журналу, и т. д. Зная, какъ самъ Елисеевъ былъ чуткъ и внимателенъ къ другимъ, будетъ понятно и такое отношеніе другихъ къ нему. Вѣрный и неразлучный спутникъ его жизни—Екатерина Павловна—не уступала ему во внимательности къ людямъ.

Если сегодня, когда всѣ собирались у Елисеевыхъ, васъ почему-нибудь не было, то на слѣдующій день вы непремѣнно получали отъ кого-нибудь изъ нихъ коротенькую записочку съ вопросомъ: «почему вы вчера не были и все ли у васъ благополучно»? Если сегодня они узнавали, что вы сами или кто-нибудь дома у васъ боленъ, то сегодня же или завтра утромъ у васъ уже былъ кто-нибудь изъ знакомыхъ докторовъ. Если болѣзнь оказывалась серьезной, то вы обязаны были о ходѣ ея каждый день извѣщать, а если не извѣщали, то къ вамъ приходилъ гонецъ или пріѣзжали они сами, причемъ никакихъ заразъ не боялись. Если узнавали или предполагали, что дѣла ваши плохи и что у васъ нѣтъ денегъ, то предлагали вамъ таковыя, и предлагали не какіе-нибудь пустяки, а сколько могли и сколько было нужно. Я помню, что разъ долженъ былъ Григорію Захаровичу около 900 руб. и когда возвратилъ этотъ долгъ, то получилъ отъ него нагоняй, зачѣмъ не взялъ больше, чтобы не продавать землю *). Земля эта была на Кавказѣ, на берегу Чернаго моря. Григорій Захаровичъ сперва иронизировалъ надъ моимъ увлеченіемъ этимъ краемъ и моими планами устроить тамъ хорошую жизнь, но потомъ въ серьезъ сталъ думать объ этомъ и даже писалъ мнѣ о своихъ мечтахъ построиться тамъ. «Мнѣ много земли не нужно,—говорилъ онъ,—но мужичій надѣлъ и мнѣ дайте, да не четвертной, а средній или хоть малый, чтобы было гдѣ походить и что-нибудь завести». Проблематическій надѣлъ свой онъ называлъ «XX секціей». Если у васъ было какое-нибудь горе или за-

*) Мнѣ нужно было для этого minimum 6 т. р., и деньги эти все равно земли бы не спасли. Хотя она потомъ и была продана въ третьи руки за 165 тыс. (а теперь еще дороже стоитъ), но произошло это лишь черезъ 15 лѣтъ, причемъ новый владѣлецъ затратилъ на нее не мало средствъ.

бота и Елисеевы узнавали о нихъ, то вы могли быть увѣрены, что есть двѣ души, которыя вмѣстѣ съ вами думаютъ о нихъ. Я не помню времени, когда бы у нихъ не было или чьей-нибудь печали, или заботы о комъ-нибудь. Нѣсколько выше я оговорился, что остатокъ этихъ воспоминаній будетъ носить личный характеръ и упомянулъ вскользь о стараніяхъ Елисеева сдѣлать изъ меня писателя. Припоминаю нѣкоторые моменты этихъ стараній.

Сперва онъ просто спрашивалъ, что я работаю и что думаю писать. Потомъ справлялся, какъ идетъ работа и скоро ли будетъ кончена. Затѣмъ назначался срокъ, сперва льготный, для какой-нибудь не ближайшей книжки, и при каждомъ свиданіи спрашивалось: «ну, а статью принесли»? Если статья не была готова, то начинались побужденія, въ видѣ записочекъ, присылки племянника, лѣсного студента, Н. П. Бѣлорусцева, посмотрѣть—пишу ли я и т. п., а затѣмъ приходилъ уже метранпажъ, Е. Я. Чижовъ, прямо «за статьею». Все это заставляло торопиться, спѣшить, было и стыдно, и досадно, а тревожное ожиданіе, что вотъ-вотъ послѣдуетъ новое побужденіе, приводило иногда въ такое состояніе, что работа совсѣмъ не клеилась—приходилось либо переписывать, либо рвать страницу за страницей. Если удавалось кончить статью, то съ души точно бремя сваливалось и тѣмъ все и кончалось, а если приходилось статью откладывать до слѣдующей книжки, то при свиданіи начинался другой способъ воздѣйствія: иронія надъ моимъ неумѣньемъ работать, надъ лѣнью, надъ тѣмъ, что я, вѣроятно, не всѣ еще справки навелъ, такъ какъ думаю, вѣроятно, что пишу не статью, а диссертацію, которыхъ и въ университетѣ много, или дѣлались предположенія, что, по всей вѣроятности, я все время провожу въ ухаживаньи за барышнями, которыя, какъ онъ будто бы слышалъ, стараются отвлечь меня въ другую сторону и т. д. Упоминаніе о фантастическихъ барышняхъ было всегда ехидствомъ со стороны Григорія Захаровича, такъ какъ этимъ онъ почти всегда привлекалъ въ союзники себѣ Екатерину Павловну: «ну-ка, молъ, почитай ему еще ты, а я послушаю». Она была большой моралисткой и не упускала случая высказаться. Думала же она объ этомъ предметѣ такъ: каждый сколько-нибудь порядочный человѣкъ непремѣнно долженъ получить сразу добродѣтельную жену, которой и долженъ быть вѣренъ до гроба; а всѣ эти барышни, хотя бы самыя нравственныя и прекрасныя, не иначе, какъ отъ лукаваго, и только смущаютъ слабыхъ мужей, мѣшаютъ имъ работать, быть хорошими семьянинами и т. д. Философія эта была очень обширная со множествомъ варіантовъ и практическихъ приложеній и примѣровъ изъ жизни. И все это нужно было выслушать, а онъ сидѣлъ въ это время и посмѣивался: «что, молъ, хорошо»? А разъ Елисеевъ совершенно серьезно говоритъ мнѣ о томъ, какъ нужно пріучать себя писать. «Вы, вѣроятно, какъ и большинство, пишете только тогда, когда хочется,—а когда не хочется или не ладится, то бросаете? Это совершенно неправильно. Надо пріучать себя къ писанію, потому что это такая же работа, какъ и вся-

кая другая; а для того, чтобы пріучить себя, нужно привыкнуть сидѣть ежедневно извѣстное число часовъ около письменнаго стола. Нѣтъ охоты, работа нейдетъ, а вы всетаки сидите. Сидите упорно и думайте о томъ, что хотите писать, и что сѣли вы къ столу за тѣмъ, чтобы работать. Не смущайтесь тѣмъ, что выраженія нейдутъ, что какъ будто даже и мысли куда-то исчезли и что время напрасно потрачено: долго такое состояніе не можетъ продолжаться, посидите такъ нѣкоторое время, а потомъ вдругъ мысль *чикнетъ* и сама пошла на бумагу»... Говорилъ это Елисеевъ, вѣроятно, по собственному опыту, такъ какъ самъ онъ аккуратнѣйшимъ образомъ проводилъ за работой извѣстное число часовъ. Правда, работа его состояла не столько въ писаніи, сколько въ чтеніи рукописей и приготовленіи ихъ къ печати, въ правкѣ корректуръ, въ просмотрѣ сверстанныхъ уже, «подписныхъ» листовъ и т. д., но и писалъ онъ такъ. Работалъ онъ обыкновенно на конторкѣ, и не сидя, а стоя, причемъ, по старой привычкѣ, которую онъ находилъ весьма полезной для глазъ, по вечерамъ у него горѣла не лампа, а одна стеариновая свѣча. Не знаю, какъ писалъ онъ раньше, но въ послѣдніе годы статьи и обозрѣнія его писались довольно медленно и всегда требовали большой правки. Нѣкоторыя фразы онъ не дописывалъ и дополнялъ ихъ уже потомъ въ корректурѣ. Иногда этихъ дополненій выходило больше, чѣмъ первоначальнаго набора въ рукописи, и всѣ гранки приходилось переверстывать. За свои корректуры онъ всегда платилъ особую дополнительную плату наборщикамъ. Разъ я, взглянувъ на такую корректуру, посмѣялся и сказалъ: вѣрно, вамъ очень не хотѣлось писать, а вы всетаки не хотѣли отказаться отъ своей теоріи и заставляли себя?... «Это не отъ теоріи,—отвѣчалъ онъ,—а должно быть, ужъ отъ возраста да отъ моей противной чернильницы. Прежде я лучше писалъ». Чернильница у него, дѣйствительно, была отвратительная: маленькая, узенькая, въ которой чернила постоянно сохли и превращались въ какую-то гущу, а перемѣнить онъ ее почему-то никакъ не могъ собраться или не хотѣлъ.

Припоминаю затѣмъ, какъ Елисеевъ давалъ мнѣ читать нѣкоторыя сомнительныя рукописи и велъ потомъ о нихъ длинные разговоры; какъ въ одинъ прекрасный день далъ исправить двѣ рукописи, требовавшихъ очень большой правки, и остался доволенъ работой. Затѣмъ, почему-то ему однажды показалось, что я могу писать фельетоны, въ которыхъ журналъ нуждался, и онъ заставилъ меня попробовать написать фельетонъ. Я написалъ, принесъ и прочиталъ ему. «Нѣтъ,—говоритъ,—это не фельетонъ, а статья; давайте ее, а сами еще пишите». Написалъ я еще и опять вышло то же самое. Тѣмъ опыты и кончились: «нѣтъ,—сказалъ онъ,—должно быть, не дано»... Вспоминаю еще одинъ эпизодъ изъ того же времени.

Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ я и кое-кто изъ молодежи встрѣчали Пасху и Новый годъ у Елисеевыхъ. Подъ Пасху мы съ Екатериной Павловной отправлялись по церквамъ до Исакіевскаго собора и обратно, а Григорій Захаровичъ оставался дома и ждалъ насъ разгавливаться. Въ

этотъ день онъ всегда бывалъ какъ-то особенно веселъ, а слѣдовательно, была весела и Екатерина Павловна, молодежь же и безъ того по большей части жизнерадостна. Подъ Новый годъ бывало какъ-то люднѣе, церемоннѣе и скучнѣе, но всетаки люди собирались. Въ этотъ же годъ, о которомъ я говорю, вышло такъ, что у меня была спѣшная работа, а Елисеевы совершенно неожиданно должны были встрѣчать Новый годъ не у себя, а у кого-то изъ знакомыхъ. Я обѣдалъ у нихъ какъ разъ въ сочельникъ и послѣ чая ушелъ домой. Вдругъ часовъ въ $11^1/_2$ является ко мнѣ упоминавшійся уже выше Н. П. Бѣлорусцевъ и говоритъ, что шелъ мимо и зашелъ на минутку отдохнуть. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ, потому что я только-что передъ этимъ видѣлся съ нимъ у Елисеевыхъ и онъ собирался идти въ Лѣсной, т.-е. совершенно въ другую сторону, чѣмъ Ямская улица, гдѣ я жилъ; но, думаю, всяко бываетъ. Сѣлъ онъ и говоритъ: «вы, пожалуйста, занимайтесь, я вамъ не буду мѣшать и только отдохну немного». Однако, досидѣлъ до 12 часовъ, а когда часы стали бить, то вдругъ досталъ откуда-то бутылку шампанскаго и сказалъ: «это вамъ дядя прислалъ; зайди, говоритъ, къ нему, ему, чай, скучно одному, и выпейте съ нимъ за его здоровье; а потомъ тотчасъ же уходи, чтобы не мѣшать заниматься». Этотъ маленькій фактъ очень характеренъ для Елисеева, такъ какъ указываетъ даже въ мелочахъ на его вниманіе къ сотруднику: сотрудникъ сидитъ и работаетъ, опъ его торопитъ, а самъ празднуетъ Новый годъ, такъ вотъ хоть чѣмъ-нибудь надо это выразить... Однако, шампанское нужно было пить, да и закусить при этомъ не мѣшало, а у меня, какъ на грѣхъ, ничего не было. Побѣжали мы купить что-нибудь, но все было уже заперто, такъ что еле удалось достать въ мелочной черствую ватрушку съ творогомъ. Шампанскаго съ ватрушкой, по всей вѣроятности, ни до этого, ни послѣ никто не пилъ. Перехожу теперь прямо къ грустнымъ воспоминаніямъ.

Въ 1881 году Елисеевъ вдругъ заболѣлъ: у него произошла закупорка какого-то мозгового сосуда и отсюда параличныя явленія. Врачи думали сперва, что онъ не выживетъ; но вскорѣ онъ настолько поправился, что могъ выѣхать за границу. Видѣть въ это время онъ никого не хотѣлъ. Я сперва не понималъ, что это значитъ, но вскорѣ это разъяснилось. Передъ самымъ отъѣздомъ за границу позвалъ онъ меня къ себѣ и, съ трудомъ выговаривая слова, сказалъ: «пишите за меня, пожалуйста, внутреннія обозрѣнія и помогайте Салтыкову. Обѣщаете»? Обѣщаю,—сказалъ я,—если смогу. Ну, спасибо, а теперь до свиданія, ступайте... Мнѣ больно, когда меня видятъ люди въ такомъ положеніи». Видъ у него, дѣйствительно, былъ жалкій: онъ сидѣлъ и не могъ, повидимому, вставать, а языкъ плохо слушался. Я простился и съ болью въ сердцѣ вышелъ, думая, что больше его не увижу. Однако, пробывъ нѣсколько лѣтъ за границей, онъ совершенно поправился и возвратился въ Петербургъ. Это было, если не ошибаюсь, въ 1885 г.; по увидѣть его мнѣ пришлось только въ 1888 г. Екатерина Павловна

въ 1884 г. на короткій срокъ пріѣзжала изъ-за границы, а онъ оставался тамъ. Знакомство наше и добрыя отношенія, конечно, возобновились, но общаго очага и дѣла съ закрытіемъ *От. Зап.* уже не было. Жилъ онъ приблизительно такъ же, какъ и прежде, хотя и приходилось разсчитывать каждую копейку. Засталъ я у него и тотъ же кружокъ старыхъ знакомыхъ, тотъ же любимый диванъ и ту же конторку, которая временно находилась у меня и около которой онъ попрежнему занимался; но жизнь безъ живого дѣла и безъ достаточнаго поприща всетаки была какой-то сиротливой. Не слышалось больше ни смѣха, ни споровъ молодежи, и онъ въ этой тишинѣ ходилъ не бодро попрежнему, а тоже какъ-то тихо, точно орелъ со сломаннымъ крыломъ. Жизнь моя съ 1888 до конца 1891 г., къ сожалѣнію, была очень неопредѣленной и больше бродячей, чѣмъ осѣдлой. Я жилъ въ разныхъ мѣстахъ—въ Новгородѣ и на Кавказѣ, и въ Тамбовской губ., и въ Любани и по временамъ въ Петербургѣ, а больше ѣздилъ. Само собою разумѣется, что во время пріѣздовъ въ Петербургъ я каждый разъ бывалъ у него, а когда оставался тамъ на нѣкоторое время, то бывалъ даже часто; но всетаки это были лишь пріѣзды. И когда только вы усядетесь и найдете себѣ мѣсто въ природѣ?!—говорилъ онъ почти каждый разъ при прощаньи,—а разъ добавилъ: такъ вѣдь, пожалуй, когда-нибудь скажешь *до свиданія,* да больше и не увидишься. Но усѣсться мнѣ, къ крайнему прискорбію, не было въ то время никакой возможности, и такъ, дѣйствительно, и вышло: безъ меня онъ заболѣлъ *), безъ меня и умеръ, такъ что засталъ я его уже на столѣ. Какъ жестоко не въ одномъ только данномъ случаѣ, а и вообще положеніе интеллигенціи, которую судьба или, вѣрнѣе, условія жизни разбрасываютъ въ разныя стороны и образуютъ у разныхъ поколѣній свои слишкомъ обособленные интересы. Очень можетъ быть, что я хоть чѣмъ-нибудь, хотя бы самымъ малымъ, могъ облегчить въ эти послѣдніе годы, если не положеніе, то хоть то мрачное настроеніе, въ какомъ часто бывалъ Елисеевъ, а обстоятельства бросали меня изъ стороны въ сторону. Пишетъ онъ мнѣ въ 1889 г. въ Новгородъ письмо, въ которомъ говоритъ, что нужно меня видѣть, а я въ это время ѣду куда-то и получаю это письмо лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ. Хочется ему узнать обо мнѣ и пишетъ онъ отъ 14 ноября 1890 года слѣдующіе строки: «что съ вами дѣлается, Г. Н., здоровы ли вы? Отчего васъ не видно и не слышно? Дайте вѣсточку» и благодаря лишь тому, что ошибается адресомъ—вмѣсто Пушкинской ул., пишетъ Николаевская, я не получаю этого письма вовремя и уѣзжаю изъ Петербурга. Мало этого, я причинилъ ему въ это время, опять-таки совершенно невольно, даже одно огорченіе, о которомъ мнѣ и до сихъ поръ непріятно вспомнить. Въ 1889 году онъ мечталъ все о теплomъ климатѣ и говорилъ со мною о Крымѣ и Кавказѣ и о разныхъ комбинаціяхъ устроиться тамъ, а съ другой стороны—кто-то предлагалъ ему

*) Крупознымъ воспаленіемъ легкихъ.

пріобрѣсти или поселиться въ какой-то усадьбѣ на сѣверѣ (въ какой губерніи ужъ теперь не помню), гдѣ былъ хорошій, теплый домъ; мнѣ же нужно было съѣздить въ то лѣто въ Тобольскую губернію. Поѣздки этой онъ не одобрялъ, совѣтуя отложить ее до будущаго года, теперь же употребить всѣ старанія, чтобы устроить лучше свои дѣла въ Петербургѣ. «Нѣтъ вамъ моего благословенія на эту поѣздку»,—говорилъ онъ;—а потомъ, для того ли, чтобы удержать меня отъ нея или потому, что самому ему, дѣйствительно, было нужно, сказалъ однажды: лучше вы меня, старика, устройте на дачу... Вотъ, напримѣръ, очень хвалятъ одну дачу около Клина... Съѣздили бы туда да посмотрѣли, а потомъ сами бы къ намъ туда пріѣхали и тамъ мы и рѣшили бы опредѣленно, какъ дальше быть. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, на Кавказѣ остановились бы... Какъ стояло дѣло, когда происходилъ этотъ разговоръ, въ поѣздкѣ моей, пожалуй, не было чего-либо неотложнаго, но потомъ положеніе измѣнилось и мнѣ крайне необходимо было поѣхать и изъ Тобольской губерніи проѣхать на Кавказъ, а оттуда осенью вернуться въ Петербургъ. И вотъ, я написалъ Григорію Захаровичу изъ Новгорода письмо, что съ удовольствіемъ по дорогѣ заѣду въ Клинъ, а также и еще могу съѣздить, куда онъ укажетъ, но отложить своей поѣздки не могу; для выбора же другихъ дачъ вложилъ въ письмо пачку вырѣзокъ изъ газетныхъ объявленій. Григорій Захаровичъ обидѣлся и написалъ мнѣ укоризненно-ругательное письмо. Вотъ это письмо:

„Большое спасибо вамъ за ваше письмо. Да не за письмо только,—что письмо?—а за ваше искреннее желаніе устроить насъ на лѣто, что я усматриваю изъ безчисленнаго множества объявленій изъ газетъ, вложенныхъ въ ваше письмо. Такъ ихъ много, что хоть сейчасъ садись и пиши внутреннее обозрѣніе о дачахъ. Всѣ, однако-жъ, эти объявленія мы уже читали, — для этого теперь каждый день..... Суворина покупаемъ. Но все это дачи намъ неподходящія,—и мы всетаки по сіе время остаемся только при желаніи. И куда поѣдемъ, не знаемъ. А на дворѣ другой день стоитъ такая жарынь, что хоть сейчасъ вонъ изъ Петербурга.

„О дачѣ при Клинѣ мы уже переписывались съ ея хозяйкой. Изъ отвѣта ея видно, что эта дача для насъ тоже не годится. Потому вамъ нѣтъ нужды и смотрѣть ее. Слѣдовательно, мнѣ остается дать вамъ полное благословеніе и разрѣшеніе ѣхать, куда вамъ путь предстоитъ. И какъ ни трогательно ваше самоотверженное заявленіе ѣхать ради меня, можетъ быть, въ противную сторону отъ того пути, который вамъ предстоитъ, но будь я такой же откровенный и экспансивный человѣкъ, какъ нашъ милый покойникъ Салтыковъ, я непремѣнно загнулъ бы вамъ за это самое крѣпкое русское слово. Но я не такой, къ тому же всякій авансъ ради меня немедленно уничтожаетъ первое непріятное впечатлѣніе и размягчаетъ меня до того, что я начинаю благодарить за то, за что слѣдовало выбранить. То же происходитъ со мной и теперь. Итакъ, снова повторяю мое благословеніе на предстоящій вамъ путь. Дай вамъ Богъ провести лѣто пріятно и весело и благополучно вернуться къ осени въ Петербургъ“.

Въ Клинъ я всетаки ѣздилъ и осмотрѣлъ какъ дачу, о которой шла рѣчь, такъ и нѣсколько другихъ. Думаю однако, что дѣло было совсѣмъ не въ дачѣ: дача несомнѣнно нужна была для его слабаго здоровья, но не оно тяготило его и гнало изъ Петербурга, а тяготило душевное на-

строеніе, какое онъ тогда переживалъ, смотря на то, что происходило и въ жизни, и въ литературѣ. Духу его, несомнѣно сохранившемуся и такому же живому и дѣятельному, какъ и прежде, тѣсно было въ той сферѣ, въ какой онъ очутился, и онъ рвался на просторъ или, по крайней мѣрѣ, хотя къ тому, чтобы перемѣнить положеніе и многаго не видѣть и не слышать. Очень горевалъ онъ о земствѣ, которое тогда все болѣе и болѣе сокращалось и урѣзывалось. Между прочимъ, вопросъ о земствѣ у него былъ связанъ съ сдѣланнымъ имъ раньше завѣщаніемъ тверскому губернскому земству 20 т. р. на нужды народнаго образованія. Когда стала заходить рѣчь о томъ, чтобы отобрать у земства школы, оставивъ однако въ прежнихъ размѣрахъ всѣ ихъ расходы и обративъ ихъ изъ необязательныхъ въ обязательные, причемъ особые капиталы также могли перейти въ распоряженіе другихъ учрежденій, то это очень его огорчало, и потому онъ въ 1889 году черезъ В. И. Покровскаго, котораго очень любилъ и уважалъ и при посредствѣ котораго сносился съ земствомъ, обратился къ послѣднему съ дополнительнымъ заявленіемъ, прося его о передачѣ капитала литературному фонду въ томъ случаѣ, если земскія учрежденія подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ. Тверское земство обѣщало, а затѣмъ такъ и поступило, признавъ, что съ введеніемъ новаго земскаго положенія такія измѣненія произошли *). Угнетало его также литературное одиночество: если не ошибаюсь, то за это время я у него встрѣчалъ только А. М. Скабичевскаго да В. И. Покровскаго. Онъ не роптaлъ и никогда не жаловался, подобно Салтыкову, на это одиночество, но разъ очень опредѣленно высказался: пришелъ я какъ-то къ нему прямо съ дороги и засталъ цѣлое общество и между прочимъ даму свѣтскаго круга и двухъ господъ, которыхъ видѣлъ впервые, а потому, посидѣвъ немного, взялся было за шапку. «Вы куда это?» спросилъ Елисеевъ, подходя ко мнѣ. Я сказалъ ему на ухо, что лучше послѣ зайду, такъ какъ неловко себя чувствую въ дорожномъ костюмѣ: «Чего добраго подумаютъ: вотъ такъ писатели! Боюсь стѣснить»... «Кого это стѣснить?—недовольно и весь вспыхнувъ спросилъ онъ.—Писатели—самые дорогіе мои гости, а теперь и рѣдкіе!» Знаю, что приходила ему мысль и о скоромъ концѣ, хотя онъ также никогда объ этомъ не говорилъ, а только проговаривался, причемъ тотчасъ же бралъ себя въ руки и перемѣнялъ разговоръ. Удручало его еще литературное безвременье и бездѣятельность: пробовалъ онъ писать, но писаніе «въ чужое мѣсто, гдѣ, можетъ быть, будутъ печатать только изъ вѣжливости или находить, что нужно одно выпустить, а другое измѣнить,

*) Постановленіе объ этомъ въ засѣданіи 10 декабря состоялось единогласно, причемъ указаны были и самыя измѣненія: 1) „новое земство построено на сословномъ началѣ; 2) свобода рѣшеній собраній значительно ограничена предоставленіемъ губернатору права опротестовывать ихъ постановленія по существу, и 2) выборные органы земства поставлены въ большую зависимость отъ администраціи". Поэтому „всѣ ораторы полагали, что собраніе, значительно измѣненное въ своемъ строеніи, но не измѣнившееся съ нравственной стороны, должно высказаться за немедленную передачу пожертвованныхъ Елисеевымъ денегъ литературному фонду".

какъ Гайдебуровъ находилъ у Салтыкова», не клеилось, а потому онъ ограничивался кое-какими воспоминаніями да чтеніемъ. Но больше всего, повторяю, угнетало его то, что онъ не видѣлъ просвѣта въ жизни и надежды на что-нибудь лучшее. Въ этомъ отношеніи очень характерно его послѣднее письмо ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я, поздравляя Екатерину Павловну по какому-то случаю, писалъ ему, что недоволенъ тѣми органами, гдѣ пытался работать, и вообще не хорошо себя чувствую отъ литературнаго разброда, который тогда какъ-то особенно бросался въ глаза и былъ тяжелъ. Сперва онъ взялся было утѣшать меня и написалъ нѣсколько бодрящихъ строкъ, а потомъ вдругъ самъ захандрилъ и совершенно измѣнилъ тонъ. Вотъ это письмо:

„Душевное спасибо вамъ за память и привѣтъ. Не скрою отъ васъ, что письмо ваше произвело на меня грустное впечатлѣніе. Мнѣ показалось прискорбно, что вы нигдѣ не можете до сихъ поръ прочно пристроиться, а еще прискорбнѣе показалось то, что, видя неурядицу и разсѣяніе въ современной литературѣ, вы смущены духомъ и теряете надежду на будущее. Въ утѣшеніе ваше я сталъ писать, что акціи и реакціи, выражаясь языкомъ Стронина, явленіе въ нашей литературѣ обыкновенное, что за бывшимъ плѣненіемъ Израиля необходимо должно было послѣдовать и его разсѣяніе, что это однако-жъ ничего, что онъ, какъ и бывало, снова соберется воедино и будетъ процвѣтать... Но меня позвали завтракать, а потомъ я оставилъ и бросилъ письмо.

Сегодня съ утра на меня напала хандра, и я въ утѣшители никакъ не гожусь, нуждаясь самъ въ утѣшеніи. Меня сосетъ тоска безпричинная, безпредметная, безпросвѣтная. Нигдѣ—ни въ нашемъ прошедшемъ, ни въ нашемъ настоящемъ, ни въ нашемъ будущемъ не вижу я ничего, кромѣ предательства, прохвостничества, распутства. И думается мнѣ: это ли тотъ міръ, о созданіи котораго такъ хлопоталъ, за процвѣтаніе котораго пожертвовалъ собою и тяжко страдаетъ до сихъ поръ одинъ изъ лучшихъ *) и чистѣйшихъ людей нашего времени? До свиданія. Заходите, когда будете въ Петербургѣ. Жена благодаритъ васъ за поздравленіе и кланяется.

Вашъ *Гр. Елисеевъ.*

Не могу въ заключеніе не сказать нѣсколькихъ словъ объ Екатеринѣ Павловнѣ **). Это была не только его жена, но и истинный другъ, не только другъ, но и нянька, сидѣлка и самая нѣжная сестра милосердія, не только все это, но и добрый геній, который неустанно охранялъ его и отъ непріятностей и чуть ли не отъ каждой пылинки, которая могла на него сѣсть. Я не видѣлъ другого человѣка, который такъ слился бы съ душою любимаго существа. Ей все въ немъ и все его было дорого: и его мысль, и настроеніе, и каждый даже старый его пиджакъ, который, собираясь въ дорогу, она укладывала точно какую-нибудь драгоцѣнность. Она совершенно спокойно говорила, что не переживетъ его, что не хочетъ жить безъ него, и, какъ извѣстно, не пережила его: ухаживая за нимъ, она сама заразилась крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и 25 января, въ день его рожденія, умерла.

С. Кривенко.

---

*) Думаю, что подразумѣвалъ онъ Чернышевскаго.

**) Урожденная Гофштеттеръ, а по первому мужу Корбецкая.

Нѣчто о „критеріи истины“ *).

(Письмо въ редакцію) **).

I.

Какъ извѣстно, за послѣдніе годы въ нашу литературу хлынулъ небывалый потокъ «критической философіи». Нѣтъ, кажется, того вопроса изъ числа волновавшихъ читающую публику за послѣднія десять лѣтъ, къ которому не пытались бы теперь подойти снова съ аршиномъ критической философіи въ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается удивительное явленіе: послѣ довольно-таки продолжительнаго періода, пріучившаго нашу научно-публицистическую литературу хотя и къ образному, но простому, такъ сказать, трезво-реалистическому языку, внезапно статьи въ журналахъ, разсчитанныхъ на самый широкій кругъ читателей, снова начали обставляться тяжеловѣснѣйшей словесной артиллеріей нѣмецкой философіи, внушающей лицамъ непосвященнымъ печальную мысль: да не вернулись ли ужъ блаженной памяти тридцатые годы, когда разговоръ съ бабой,—простой деревенской бабой—назывался «опредѣленіемъ народной субстанціи въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи», когда люди не гуляли, а «отдавались пантеистическому чувству сліянія съ космосомъ», когда пламенные друзья становились врагами изъ-за несогласій по вопросу о томъ, что такое «само по себѣ бытіе?»

Самыя обыкновенныя, иногда банальныя мысли стали высказываться

---

*) *Николай Бердяевъ:* „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. „Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ“. Съ предисловіемъ *Петра Струве*. Спб., 1901 г.

**) *Русская Мысль* сказала нѣсколько словъ о книгѣ г. Бердяева при ея появленіи. Мы ждали полемики, важной по существу. Таковой почти не оказалось. Съ удовольствіемъ печатаемъ *Письмо въ редакцію* г. Берсенева. Наше отношеніе къ *діалектическому матеріализму* и къ его разновидности — *экономическому матеріализму* читателямъ извѣстно. Отмѣчая односторонность послѣдняго, мы не отрицаемъ его серьезныхъ заслугъ и его законнаго нежеланія идти теперь съ гг. Струве, Бердяевымъ и ихъ единомышленниками въ подновленныя метафизическія дебри.

Ред.

въ такой неудобоваримой для мозговъ обыкновеннаго, рядового читателя (къ которому онѣ однако обращаются) формѣ, стали облекаться въ такую филистерско-гелертерскую мантію, что профанамъ остается только уподобиться той несчастной пташкѣ, которую очковая змѣя однимъ своимъ взглядомъ окончательно лишаетъ способности двигаться самостоятельно, чтобы затѣмъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ проглотить ее со всѣми потрохами. Образовалась особая спеціальность—писаніе предисловій, съ тѣмъ чтобы книги, писанныя болѣе или менѣе обыкновеннымъ языкомъ и потому понятныя читателямъ, сдѣлать по возможности непонятными. Какъ будто авторы этихъ предисловій задались цѣлью подтвердить истину стараго изреченія (кажется, Гумбольдта), что «философія есть искусство выражать простыя понятія тяжеловѣснымъ языкомъ». Напомнимъ еще разъ, что вся эта премудрость изливается не въ спеціальныхъ журналахъ или Handbuch'ахъ, а именно въ изданіяхъ, разсчитанныхъ на читателя массового.

Такимъ образомъ никогда еще положеніе читателя не было столь комически отчаяннымъ (потому что въ тридцатые годы страшныя словеса больше говорились, чѣмъ писались); если онъ не хочетъ документировать своего «невѣжества», ему приходится и вида не подавать, что сквозь туманную оболочку «философской» терминологіи онъ теряетъ всякую возможность разглядѣть содержаніе, заключающееся въ этомъ пышномъ одѣяніи. И ему остается только поддакивать, поддакивать на вѣру, ибо спорить онъ не въ силахъ—очковая змѣя «философской» терминологіи загипнотизировала его.

Но если бы дѣло шло только о кантовской терминологіи! Съ нею бы еще читатель кое-какъ примирился—мало ли чего онъ, многострадальный, не вытерпѣлъ! Но кто поручится, что дѣло Кантомъ и ограничится? Уже былъ вызванъ грозный призракъ Фихте, былъ потревоженъ прахъ Спинозы, и есть недвусмысленные намеки, что и старыя кости Платона не долго останутся въ покоѣ. И если въ слѣдующемъ же изъ своихъ «предисловій» г. Петръ Струве не заговоритъ по-санскритски или по крайней мѣрѣ по-гречески,—признаемся, мы сочтемъ это за особую милость судьбы. Словомъ, какъ читатель ни вертись, не избѣжать ему видно посвященія въ «философскіе монахи!»

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все дѣло сводилось къ одной тяжеловѣсной фразеологіи. О, далеко нѣтъ! Подъ флагомъ таинственныхъ, почти кабалистическихъ формулъ совершается весьма реальный поворотъ, весьма реальная перемѣна фронта, имѣющая отнюдь не философскій только, но и весьма существенный соціологическій смыслъ.

Девяностые годы, показавъ полнѣйшую несостоятельность традиціонной народнической идеологіи, вызвали къ жизни новое умственное теченіе, весьма естественно охватившее значительную часть.

Какъ и всякому новому умственному теченію, русскому марксизму пришлось съ бою завоевывать себѣ право на существованіе, пришлось прежде

всего выяснить свое отношеніе къ старымъ направленіямъ, начать съ полемики. Но извѣстно, что полемика, какъ и всякая острая борьба, имѣетъ свойство объединять людей, у которыхъ главное, что есть общаго, это общій противникъ. Когда этотъ первый полемическій періодъ новаго направленія закончился, начало постепенно выясняться, какая сравнительно пестрая компанія боролась подъ однимъ знаменемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и естественная потребность «размежеваться». Отсюда современный «кризисъ» русскаго марксизма, во многихъ отношеніяхъ весьма существенно отличающійся отъ «кризиса» западно-европейскаго.

Связывать въ данномъ случаѣ съ словомъ «кризисъ» какое бы то ни было представленіе о пораженіи русскаго марксизма нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Не только нѣтъ пораженія, но, наоборотъ, именно этотъ «кризисъ» служитъ любопытнымъ симптомомъ побѣды новаго ученія: онъ означаетъ не что иное, какъ совершающійся воочію процессъ окрашиванія міросозерцанія передовыхъ группъ въ цвѣтъ марксизма. И подобно тому, какъ въ недавнемъ еще прошломъ идеологія всѣхъ передовыхъ группъ была окрашена въ цвѣтъ народничества, что однако не дѣлало еще всѣхъ ихъ представительницами *послѣдовательнаго* народничества, такъ и теперь марксистская окраска міросозерцанія той или иной группы не даетъ ни малѣйшаго права считать ее представительницей послѣдовательнаго марксизма.

Курьезное впечатлѣніе производятъ поэтому, наприм., возгласы г. Подарскаго (*Русское Богатство*, декабрь, 1900 г. «Наша текущая жизнь»), иронизирующаго надъ обиліемъ марксистскихъ «толковъ» и совершенно не понимающаго, что именно это обиліе и служитъ знаменемъ побѣды ненавистнаго ему направленія, показывая, что всѣ тѣ группы, идеологія которыхъ по самому положенію ихъ непослѣдовательна, оказываются непослѣдовательными *марксистами;* между тѣмъ какъ давно ли онѣ были непослѣдовательными *народниками?* Исторія самого *Русскаго Богатства* за послѣдніе годы могла бы кое-что уяснить въ этомъ отношеніи г. Подарскому.

Нѣсколько затемняется истинный смыслъ происходящаго передъ нашими глазами процесса тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя лица, стоявшія «во главѣ» движенія въ полемическій періодъ его, оказались во главѣ и «критики».

Эта личная унія внесла и вноситъ много путаницы въ умы, неспособные быстро разобраться въ сложной сѣти общественныхъ направленій. Это, разумѣется, весьма естественно; было бы странно, если бы ученіе, нашедшее при самомъ возникновеніи своемъ столько страстныхъ адептовъ, не придавало извѣстнаго престижа главнымъ провозвѣстникамъ своимъ. Но, разумѣется, этотъ заимствованный свѣтъ будетъ тускнѣть по мѣрѣ отдаленія отъ свѣтоноснаго источника, и вѣра въ авторитетъ не надолго сможетъ задержать выясненіе истиннаго смысла новѣйшей путаницы направленій. Напомнимъ, впрочемъ, что и въ самый разгаръ полемическаго пе-

ріода были люди, и тогда уже отмѣтившіе нѣкоторыя, весьма характерныя особенности міросозерцанія новѣйшаго «неистоваго Виссаріона» (какъ величаетъ г. Струве г. Подарскій) *), служившія своего рода предзнаменованіемъ его послѣдующей эволюціи. Что касается второго «главы»—г. Тугана-Барановскаго, то будучи весьма почтеннымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ фактической стороны экономической исторіи, въ историко-философскомъ отношеніи и въ области теоретической мысли онъ и во времена «ортодоксальности», и въ новѣйшій періодъ «критицизма» одинаково отличался и отличается крайнею наивностью своихъ взглядовъ и, конечно, никогда и никѣмъ—кромѣ развѣ самой зеленой молодежи, да еще противниковъ—серьезно и не считался истолкователемъ основныхъ положеній марксизма. Достаточно вспомнить его пресловутую статью объ экономическомъ матеріализмѣ, помѣщенную нѣкогда въ *Мірѣ Божьемъ*. Впрочемъ, оставимъ теперь этотъ вопросъ о «главахъ». Всякіе бываютъ въ исторіи сюрпризы; и, быть можетъ, когда-нибудь на страницахъ *Русской Старины* вопросъ о духовномъ источникѣ русскаго марксизма, о томъ, кто hat geschoben и кто war geschoben, получитъ совершенно неожиданное освѣщеніе.

Итакъ, «кризисъ», съ нашей точки зрѣнія, не представляетъ собою ничего страшнаго. Но онъ существуетъ и вполнѣ опредѣленно выражается въ литературѣ и притомъ, по совершенно особымъ условіямъ, о которыхъ сейчасъ говорить не будемъ, выражается главнымъ образомъ въ области абстрактной мысли, преимущественно философской. Замѣтимъ только, что нѣтъ болѣе удобной области для тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ, сознательно или безсознательно не желаетъ дать ясно замѣтить свой поворотъ. Чѣмъ болѣе будемъ мы совлекать со всѣхъ явленій ихъ плоть и кровь, чѣмъ болѣе будемъ мы превращать ихъ въ безжизненныя абстракціи, тѣмъ неуловимѣе становятся реальныя разногласія, тѣмъ скорѣе удается установить яко бы общую почву, на которой всѣ оказываются единомышленниками. Въ схоластическихъ тонкостяхъ исчезаютъ различія живыхъ мнѣній. Достаточно, напримѣръ, свести споръ объ отношеніи къ любви на такую абстрактную, лишенную опредѣленнаго содержанія формулу, какъ «любовь свободна», чтобы могли внезапно оказаться «единомышленниками» старый развратникъ и идеалистически настроенный юноша, фактически не имѣющіе ни единой точки соприкосновенія въ своихъ взглядахъ на данный вопросъ. Это мы напоминаемъ тѣмъ, кто дорожитъ точнымъ разграниченіемъ общественныхъ направленій, счи-

*) Намъ кажется крайне безвкуснымъ это сопоставленіе мучительнаго исканія истины, сказывающагося въ каждой строкѣ твореній Бѣлинскаго, съ эпикурейскимъ порханіемъ въ области мысли г. Струве, для котораго „веселая свалка умовъ“ сама по себѣ составляетъ величайшее удовольствіе совершенно независимо отъ содержанія и смысла ея. Мы охотно воздаемъ должное обширности познанія г. Струве, но намъ не внушаетъ ни малѣйшей симпатіи свойственный ему специфически-гелертерскій духъ (весьма отличный отъ истинно-научнаго).

тая такое разграниченіе основнымъ условіемъ успѣшной практической дѣятельности. Чѣмъ скорѣе споръ будетъ перенесенъ изъ области философскихъ абстракцій въ область реальныхъ вопросовъ, тѣмъ лучше.

Къ сожалѣнію до сихъ поръ почва спора (въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, по особымъ условіямъ не столько спора, сколько вѣщанія) цѣликомъ опредѣлялась и опредѣляется новоявленными «критиками». Благодаря этому и ходъ мыслей людей, въ пониманіи соціологическихъ вопросовъ, совершенно чуждыхъ имъ, невольно подчиняется господствующему абстрактно-метафизическому направленію. Духъ «критической» философіи начинаетъ проникать и туда, гдѣ онъ является не своимъ, а только незваннымъ гостемъ. Метафизическія изреченія бѣлыми нитками пришиваются къ міросозерцанію, въ основѣ своей совершенно чуждому имъ. Если же присоединяется еще «предисловіе», гдѣ хозяйничаетъ истинный другъ метафизики, возводящій всякую абстракцію автора въ квадратъ и въ кубъ и всѣми силами старающійся окончательно обезкровить ее, окончательно лишить всякаго реальнаго смысла, «опираясь» на каждой страницѣ на другой «авторитетъ», то получаются такіе странные продукты, какъ лежащая передъ нами книга г. Бердяева, къ которой мы теперь и перейдемъ.

II.

Мы не ставимъ себѣ задачею подробный разборъ этой книги, и потому объ общемъ содержаніи ея намъ достаточно будетъ сказать всего нѣсколько словъ.

На первой же страницѣ своего предисловія авторъ заявляетъ, что «примыкаетъ къ совершенно опредѣленному направленію, но чуждъ ортодоксальности». Охотно вѣримъ ему, хотя, надо сознаться, въ душу нашу закрадывается предательская мысль: да, пожалуй, г. Бердяевъ, судя по его книгѣ, *сейчасъ* принадлежитъ къ «совершенно опредѣленному направленію», но долго ли будетъ онъ принадлежать къ нему? Увы, мы не можемъ въ этомъ вопросѣ отдѣлаться отъ сомнѣній! Слишкомъ ужъ напоминаетъ намъ въ этомъ случаѣ (и даже повторяетъ) г. Бердяевъ г. Струве, который тоже «примыкалъ (правда, лишь по «нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ») къ совершенно опредѣлившимся взглядамъ» и тоже не былъ «зараженъ ортодоксіей». И если г. Бердяевъ тутъ же предупредительно заявляетъ, что его свобода отъ ортодоксіи сводится къ отрицанію «довольно распространеннаго» мнѣнія, «будто бы существуетъ догма, застывшая система, въ которой уже дано рѣшеніе всѣхъ вопросовъ», то, во-первыхъ, и г. Струве пояснялъ, что «онъ нисколько не считаетъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины», а, во-вторыхъ, намъ было бы весьма желательно узнать отъ г. Бердяева, среди кого именно «довольно распространено пагубное мнѣніе о существованіи застывшей догмы?» Г. Бердяевъ относитъ это, повидимому, къ представителямъ «совершенно опредѣленнаго направленія».

Но пора бы, право, бросить эту нелѣпую сказку, къ тому же и не оригинальную, такъ какъ она заимствована у противниковъ новаго направленія, которые сами къ концу 80-хъ годовъ дѣйствительно настолько застыли въ догматизмѣ, что свели чуть не всю публицистику свою къ простой выдачѣ моральныхъ патентовъ *).

Пора наконецъ понять, что придерживаться опредѣленной системы взглядовъ, стоящей въ полной гармоніи съ данными науки, но дающей, какъ и наука вообще, самый широкій, можно сказать, безграничный просторъ личному творчеству и личной умственной работѣ каждаго,—совсѣмъ не то, что изготовить себѣ опредѣленные трафареты, дающіе дѣйствительно рѣшеніе всѣхъ вопросовъ», оставивъ только свободныя мѣста для вставки соотвѣтствующихъ случаю подлежащихъ, такъ какъ и сказуемыя, и опредѣленія уже давно извѣстны по традиціи. И почему это «соціологическіе взгляды Н. Бельтова» (стр. 16) г. Бердяевъ можетъ раздѣлять, не совершая грѣхопаденія ортодоксальности, а чтобы раздѣлять философскіе взгляды того же Н. Бельтова, необходима непремѣнно излишняя «преданность традиціямъ доктрины»?

Пора бы уже перестать обвинять всѣхъ несогласно-мыслящихъ *только потому*, что они мыслятъ иначе, въ догматизмѣ, и пора бы перестать думать, что «во всякомъ случаѣ (!) критическое направленіе въ марксизмѣ есть движеніе впередъ» (стр. 262). Именно такое преклоненіе передъ критикою quand même, какова бы она ни была, очень смахиваетъ на догматизмъ, и притомъ на догматизмъ самаго худшаго сорта, ибо тутъ принимается слѣпо на вѣру уже не содержаніе какого-либо ученія, которое можетъ подавить умъ своею глубиною или другими достоинствами, а голая форма. Только бы «критика», только бы несогласіе, хотя бы это была «философская» критика Бернштейна, котораго самъ г. Бердяевъ обвиняетъ въ «крупныхъ глупостяхъ»! Можетъ ли быть болѣе разительный примѣръ чисто-идолопоклонническаго отношенія къ «критикѣ», а слѣдовательно и самаго закоренѣлаго догматизма, хотя бы фетишемъ въ данномъ случаѣ и было громкое слово «критика»?

И эта слѣпая вѣра въ достоинство «критики» не осталась безъ вліянія и на соціологическіе взгляды г. Бердяева. Конечно, въ общемъ, поскольку эти взгляды высказаны г. Бердяевымъ, они до извѣстной степени совпадаютъ съ взглядами Н. Бельтова, но только до извѣстной степени; они являются передъ читателемъ въ какомъ-то апатичномъ, такъ сказать, разслабленномъ видѣ. Мы сказали бы, что г. Бердяевъ умомъ раздѣляетъ взгляды Н. Бельтова, но по настроенію чуждъ имъ; въ его пониманіи эти взгляды обезкровливаются, лишаются своего жизнерадостнаго, боевого характера, страдаютъ анеміей. Элементъ борьбы, весьма существенный для соціологическихъ взглядовъ Н. Бельтова, въ изложеніи г. Бердяева совершенно стушевывается, отступаетъ на задній планъ.

*) Г. Бердяевъ самъ отмѣчаетъ у г. Михайловскаго „пагубную тенденцію морализировать“, развившуюся за послѣдніе годы, стр. 265.

Въ психологическомъ отношеніи эта особенность г. Бердяева весьма любопытна. И самому г. Бердяеву совершенно неясно отличіе его «соціологическихъ взглядовъ» отъ взглядовъ Н. Бельтова, иначе онъ не могъ бы одновременно и признавать себя единомышленникомъ Н. Бельтова и привѣтствовать «плодотворный духъ философскаго критицизма», сказавшійся въ «новѣйшихъ статьяхъ П. Струве», совершенно не задаваясь вопросомъ о томъ, каковъ же «соціологическій» смыслъ этихъ «плодовъ». А между тѣмъ смыслъ этотъ вполнѣ опредѣленно сказался въ «новѣйшихъ статьяхъ» г. Струве, и пусть г. Бердяевъ спроситъ его, возможно ли одновременно восхищаться его «плодами» и раздѣлять «соціологическіе взгляды Н. Бельтова». Мы увѣрены, что по сущей совѣсти г. Струве не можетъ отвѣтить иначе, какъ отрицательно, или въ лучшемъ случаѣ обусловить свое «согласіе» внушительной батареей «но» *).

Тутъ именно мы подходимъ къ самой слабой сторонѣ книги г. Бердяева. Въ то время какъ у г. Струве философскіе и соціологическіе взгляды эволюціонируютъ вполнѣ параллельно, г. Бердяевъ искусственно разрываетъ ихъ и пытается на соціологическіе взгляды одного міросозерцанія нахлобучить философскую шапку совершенно неподходящаго покроя, и дѣлается это ad majorem gloriam «критики». Что побѣдитъ въ концѣ концовъ? Не знаемъ; но сомнѣнія наши мы уже высказали. Пока же это несоотвѣтствіе соціологическихъ и философскихъ взглядовъ настолько рѣзко бросается въ глаза, что не можетъ не остановить вниманія читателя. И г. Струве — эта «критическая» сирена — въ своемъ предисловіи любезно приглашаетъ г. Бердяева сдѣлать дальнѣйшій шагъ. Пусть попробуетъ г. Бердяевъ сдѣлать его и тогда онъ увидитъ, долго ли придется еще ему раздѣлять «соціологическіе взгляды Н. Бельтова».

Но, какъ уже сказано, вниманіе читателя невольно останавливается на этомъ противорѣчіи. Въ этомъ и въ довольно ясномъ, чуждомъ изысканно-гелертерскихъ выраженій изложеніи своихъ мыслей мы видимъ значеніе книги г. Бердяева. Она дастъ возможность разобраться въ кругѣ возбужденныхъ за послѣднее время вопросовъ той части читающей публики, для которой невозможная фразеологія нашихъ записныхъ «критицистовъ», щеголяющихъ своею «ученостью», дѣлаетъ въ значительной мѣрѣ недоступной попытку «свое сужденіе имѣть», а для всякаго ученія, разсчитаннаго на широкую массу сторонниковъ, это вопросъ первостепенной важности.

Г. Бердяевъ, можно сказать, выболталъ непосвященнымъ тайну «критической философіи», и въ этомъ его заслуга. Какія бы варіаціи г. Струве ни разыгрывалъ на основныхъ струнахъ критицизма, понять ихъ смыслъ будетъ уже не трудно тому, кто нащупалъ эти струны въ демонстраціи

*) Мы не говоримъ уже о г. Булгаковѣ и прочихъ dii minores. Между прочимъ: мы,—да, вѣроятно, и не мы одни,—очень желали бы знать, думаютъ ли гг. Струве и Туганъ-Барановскій и впредь обходить молчаніемъ статьи г. Карелина въ *Научномъ Обозрѣніи*, порядочно-таки потрепавшаго ихъ „плоды“?

г. Бердяева. По этой причинѣ мы и предпочитаемъ остановиться на самой книгѣ, минуя предисловіе г. Струве: мы увѣрены, что книга найдетъ больше читателей, чѣмъ предисловіе.

Что касается критики воззрѣній г. Михайловскаго, то г. Бердяевъ съ формальной стороны выполнилъ ее удачно въ томъ отношеніи, что показалъ, на какой невозможной путаницѣ понятій покоится пресловутый «субъективный методъ» и вообще соціологическое ученіе г. Михайловскаго. И все же читатель закрываетъ книгу съ чувствомъ нѣкотораго неудовлетворенія. Не такой критики идей г. Михайловскаго ждетъ онъ, потому что для него г. Михайловскій не философъ и даже не соціологъ, а прежде всего публицистъ. И самъ г. Михайловскій, повидимому, понимаетъ это; философъ не могъ бы въ отвѣтъ на указаніе противорѣчій въ основныхъ идеяхъ его отвѣтить такъ, какъ отвѣтилъ г. Михайловскій г. Яковенку, что это-де «противорѣчія самой жизни», почему они и «никому не кололи глаза лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ» *).

Конечно, мы не станемъ отрицать законности и формально-логической критики идей г. Михайловскаго, но думаемъ, что она представляетъ меньше всего интереса. Съ такимъ мѣриломъ подходятъ обыкновенно лишь къ дѣйствительнымъ, профессіональнымъ философамъ. Странно было бы, напримѣръ, встрѣтить формально-логическую критику произведеній какого-нибудь романиста; точно также не даетъ удовлетворенія такая критика и въ приложеніи къ писаніямъ публициста. Г. Бердяевъ чувствуетъ это и потому присоединяетъ къ своему труду, озаглавленному «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», 2 коротенькія главки: «Историческое введеніе» и «Михайловскій какъ публицистъ», занимающія вмѣстѣ 60 страничекъ, но главки эти стоятъ въ очень слабой связи съ существеннымъ содержаніемъ книги, да и сами по себѣ даютъ мало. На самые интересные вопросы, возникающіе у читателя, для котораго г. Михайловскій, несмотря на свою страсть рядиться въ мантію «соціолога», остается прежде всего публицистомъ, г. Бердяевъ не даетъ отвѣта. Г. Михайловскій очень удачно сравниваетъ свои мысли съ травою: «когда-то все это было живо, каждая травинка имѣла свои корни въ землѣ и добывала въ землѣ нужные ей соки и росла и цвѣла». И вотъ эти-то «корни», эта «земля», на которой возросли «титаническія метафизическія задачи» (выраженіе г. Струве), волнующія г. Михайловскаго, какъ проблема о «правдѣ—истинѣ и правдѣ—справедливости», о «чести и совѣсти» и т. д., и т. д., на которой выросъ, наконецъ, самый «субъективный методъ», остаются въ книгѣ г. Бердяева совершенно въ тѣни. А между тѣмъ такая критика идей г. Михайловскаго несомнѣнно представляла бы дѣйствительно выдающійся интересъ. Но, разумѣется, каждый воленъ предлагать читателямъ то, что считаетъ нужнымъ, и, повторяемъ, въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи г. Бердяевъ справился съ нею вполнѣ удовлетворительно и разоблачилъ пута-

*) Г. Бердяевъ цитируетъ эти слова на стр. 262.

ницу въ воззрѣніяхъ г. Михайловскаго. При этомъ однако онъ разоблачилъ величайшую путаницу и въ собственныхъ воззрѣніяхъ.

III.

Въ главѣ «Субъективизмъ и объективизмъ», занимающей почти половину книги и сейчасъ наиболѣе интересующей насъ, г. Бердяевъ, констатируя полное смѣшеніе этихъ двухъ понятій въ трудахъ г. Михайловскаго, выдвигаетъ съ своей стороны три критерія объективности: критерій объективной истины, критерій нравственности и критерій прогресса. Этимъ, впрочемъ, запасъ критеріевъ, имѣющихся въ распоряженіи г. Бердяева, далеко не исчерпывается, такъ какъ, напримѣръ, въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 83) читателю дается понять, что существуетъ еще и объективный критерій красоты, и надо думать, что это не послѣдній. Ссылка этого критерія въ подвальный этажъ примѣчанія наводитъ на мысль, что объективныхъ критеріевъ у г. Бердяева столько, что выложить всѣ онъ не имѣлъ возможности и ограничился только тремя главнѣйшими.

Мы будемъ еще скромнѣе и ограничимся на первый разъ разсмотрѣніемъ только «критерія истины». Думаемъ, что этого будетъ достаточно, такъ какъ всѣ свои критеріи г. Бердяевъ стряпаетъ совершенно по одному рецепту, такъ что, разобравшись въ одномъ, можно составить себѣ сужденіе и о всѣхъ прочихъ. Остается, разумѣется, различіе явленій, къ которымъ ищется критерій, и, надо сознаться, «критерій истины» въ этомъ отношеніи представляетъ еще позицію, наиболѣе благопріятную для г. Бердяева.

Итакъ, «что есть истина?» Уже сколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые прозвучалъ знаменитый вопросъ, а человѣчество и до сихъ поръ не перестаетъ ломать надъ нимъ голову. И вотъ г. Бердяевъ, громогласно заявляя о «слабости такихъ философскихъ опоръ, какъ позитивизмъ, съ одной стороны, и діалектическій матеріализмъ—съ другой», и выражая твердое намѣреніе «все время опираться на критическую философію», обѣщаетъ разъ навсегда дать изумленному читателю въ руки абсолютный критерій истины и сулитъ ему лестную возможность «гордиться» одновременно и *объективизмомъ*, *и субъективизмомъ* (стр. 15—16).

Въ чемъ же состоитъ «благая вѣсть» г. Бердяева? Надо сознаться, что онъ не долго томитъ читателей неизвѣстностью и въ самомъ началѣ своей работы (стр. 20—21) на 1—2 страничкахъ излагаетъ суть дѣла и сообщаетъ читателю знаменитый «критерій».

Начинаетъ г. Бердяевъ съ указанія на то, что «понятіе объективности впервые получаетъ глубокій смыслъ въ философіи Канта. Только трансцендентальная философія обосновываетъ познавательный объективизмъ. Объективное—для нея значитъ *общеобязательное*, имѣющее всеобщую примѣнимость (allgemeingültig). Это понятіе находится въ центрѣ кантіанской философіи и отвѣчаетъ на вопросъ о цѣнности, а не происхожденіи нашего познанія». Уже эти строки вызываютъ нѣкоторое чувство изумленія. «Объ-

ективное—значитъ общеобязательное», т.-е., другими словами, то, что должны признавать всѣ. Но вѣдь это не объясненіе, а вольный переводъ иностраннаго слова «объективный» на русскій (или нѣмецкій) языкъ. Но можетъ ли простая тавтологія стоять «въ центрѣ всей философіи?» Авторъ съ самаго начала такъ плохо зарекомендовываетъ излюбленный имъ «критицизмъ», что съ первыхъ же строкъ вселяетъ скептическое настроеніе въ читателя.

Но пойдемъ дальше. «Величайшая историческая заслуга Канта сводится къ тому, что онъ открылъ незыблемыя основы общеобязательнаго, т.-е. объективно-цѣннаго». Вотъ это, дѣйствительно, нѣчто; «незыблемыя основы общеобязательнаго», открытыя сравнительно такъ недавно и такъ основательно забытыя было, не могутъ не возбудить величайшаго интереса. Въ чемъ же состоятъ эти «незыблемыя основы?» Въ *трансцендентальной апперцепціи,* отвѣчаетъ г. Бердяевъ вслѣдъ за Кантомъ. Читатель «изъ простыхъ» начинаетъ испытывать нѣкоторое томленіе. «Слова-то того, больно мудреныя, попроще бы». Г. Бердяевъ (не въ примѣръ прочимъ своимъ соратникамъ) считается съ этою потребностью простецовъ, къ которымъ обращается, и на слѣдующей страницѣ разъясняетъ суть дѣла вполнѣ толково и популярно. Приведемъ это разъясненіе, извиняясь за длинную цитату; но это необходимо, тѣмъ болѣе, что въ этой страничкѣ исчерпано все существенное, что можетъ сказать отъ лица критической философіи г. Бердяевъ о критеріи истины. Остальное болѣе или менѣе сложныя варіаціи на ту же тему въ приложеніи къ критикѣ идей г. Михайловскаго. Итакъ, вотъ это разъясненіе:

«Что же такое это *трансцендентальное, общечеловѣческое* (NB. Ф. Б.) *сознаніе* и чѣмъ оно отличается отъ обыкновеннаго *психологическаго* сознанія? Всякій актъ познанія предполагаетъ познающаго субъекта; въ познающемъ субъектѣ мы открываемъ элементы, обязательные для всѣхъ познающихъ; они составляютъ *логическія* условія познанія, необходимыя его предпосылки. Все наше познаніе—опытное, но познавательный опытъ возможенъ только потому, что ему *логически* предшествуютъ такія необходимыя условія, какъ, наприм., законъ тожества, какъ формы пространства и времени, какъ категорія причинности и т. п. Мы не говоримъ, что а ргіогі *хронологически* предшествуетъ опыту; по времени до опыта въ познающемъ субъектѣ нѣтъ ничего; трансцендентальные познавательные элементы существуютъ только для опыта и безъ него лишены всякаго смысла, они не имѣютъ никакой другой примѣнимости, кромѣ міра, являющагося намъ въ опытѣ. Мы только открываемъ въ каждомъ актѣ познанія опредѣленную *логическую* послѣдовательность. Мы, напримѣръ, открываемъ, что категорія причинности носитъ общеобязательный характеръ, имѣетъ всеобщую примѣнимость въ познаніи; поэтому мы говоримъ, что она *логически* предшествуетъ опыту». Вотъ все, что имѣетъ сказать о «критеріи истины» г. Бердяевъ. Невольно въ умѣ читателя возникаетъ вопросъ: какъ, и только-то? Сказавъ, что мыслить правильно тотъ, кто мыслитъ логически,

г. Бердяевъ думаетъ, что онъ, дѣйствительно, даетъ какой-то «критерій истины?» Но вѣдь это опять объясненіе чисто словесное, опять простѣйшая тавтологія! И неужели кто-нибудь повѣритъ г. Бердяеву, что зловредный діалектическій матеріализмъ, какъ «философская система», не зналъ такой банальности?

Въ самомъ дѣлѣ, что иное, кромѣ этой простой тавтологіи даетъ г. Бердяевъ въ своемъ опредѣленіи? Всякое мышленіе предполагаетъ извѣстныя нормы, законы мышленія, какъ всякое пищевареніе предполагаетъ извѣстныя нормы пищеваренія, всякій случай паденія—извѣстные законы тяжести и т. д., и т. д. Вотъ суть того критерія, которымъ г. Бердяетъ думаетъ ниспровергнуть «догматизмъ» діалектическаго матеріализма. Но намъ могутъ сказать, что суть заключается не въ этомъ, а въ томъ, что нормы мышленія имѣютъ не опытное происхожденіе, а коренятся въ «трансцендентальномъ» сознаніи.

Но «что же такое это трансцендентальное сознаніе», спросимъ мы вслѣдъ за г. Бердяевымъ? Представимъ себѣ, что мы говоримъ не о сознаніи, а о пищевареніи. И въ этомъ случаѣ мы можемъ сказать, что всякій актъ пищеваренія предполагаетъ пищеварящаго субъекта; въ пищеварящемъ субъектѣ мы открываемъ элементы, обязательные для всѣхъ пищеварящихъ; они составляютъ *логическія* условія пищеваренія, необходимыя его предпосылки. Все наше пищевареніе—опытное, но пищеварительный опытъ возможенъ только потому, что ему *логически* предшествуютъ такія необходимыя условія, какъ, наприм., законъ уподобленія, какъ категорія усвояемости и т. п. Мы не говоримъ, что пищеварительное a priori *хронологически* предшествуетъ опыту и т. д., и т. д. Предоставляемъ читателю самому продолжить это разсужденіе, поставивъ всюду на мѣсто слова «познаніе», слово «пищевареніе».

Спрашивается теперь: что сказали бы мы, если бы кто-нибудь вздумалъ возвѣстить намъ, что критерій правильности пищеваренія дается «трансцендентальнымъ пищевареніемъ»? Не были ли бы мы въ правѣ отвѣтить, что это простая игра словами, схоластика самаго худшаго сорта, эскамотирующая вопросъ, а не разрѣшающая его? Что правильно варитъ тотъ желудокъ, который варитъ нормально, что правильно мыслитъ тотъ, кто мыслитъ нормально *), это всякій, разумѣется, знаетъ и безъ «трансцендентальной» философіи, и эту простѣйшую мысль нѣтъ ни малѣйшей надобности облекать въ «страшныя» словеса. Этотъ «критерій истины» извѣстенъ всѣмъ давнымъ-давно, и дѣйствительный вопросъ, подлежащій разрѣшенію,—это происхожденіе критерія. Это дѣйствительно проблема, которая можетъ занять умъ, не склонный предаваться чисто-схоластической игрѣ словами.

Но г. Бердяевъ можетъ сказать, что на этотъ именно вопросъ и даетъ

---

*) „Мы исходимъ изъ предположенія о существованіи *нормальнаго* сознанія Объективно истинное есть гносеологически-нормальное“, стр. 22.

отвѣтъ критическая философія, заявляющая, что «трансцендентальное сознаніе» не имѣетъ опытнаго происхожденія, дано внѣ опыта, предшествуетъ ему. На это мы замѣтимъ, что не самъ ли г. Бердяевъ въ своихъ цитированныхъ уже нами словахъ и въ примѣчаніи на стр. 21 говоритъ, что «Кантовскій вопросъ какъ въ теоріи познанія, такъ и въ этикѣ,— это вопросъ *не о генезисѣ* (курсивъ нашъ. Ф. Б.), познанія и нравственности, а объ ихъ объективной цѣнности»? Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, вопросъ сводится именно къ генезису, если не познанія, то нормъ познанія, т.-е. къ генезису тѣхъ разнообразныхъ «критеріевъ», которые предлагаетъ намъ г. Бердяевъ. И въ рѣшеніи этого вопроса онъ проявляетъ поистинѣ изумительную поверхностность.

Критерій истины коренится въ трансцендентальномъ сознаніи, имѣющемъ внѣ-опытное происхожденіе... Почему «внѣ-опытное»? Г. Бердяевъ даетъ отвѣтъ на примѣрѣ категоріи причинности. «Опытное происхожденіе этой познавательной категоріи не давало бы никакихъ гарантій для ея всеобщности, мы не имѣли бы никакихъ ручательствъ за то, что будущій опытъ не представитъ намъ безпричинныхъ явленій и вообще какихъ угодно сюрпризовъ» (стр. 22).

Признаемся, мы едва могли повѣрить, чтобы вполнѣ серьезно можно было высказать столько нелѣпостей въ нѣсколькихъ строкахъ.

Начать съ того, что самое понятіе «опытъ» рисуется, повидимому, г. Бердяеву въ самомъ младенчески-наивномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ: не утверждаютъ же «эмпирики»-діалектическіе матеріалисты, что происхожденіе «категоріи причинности» таково, что дѣдушка наблюдалъ, что всѣ явленія имѣютъ причину, сообщилъ объ этомъ бабушкѣ, та подѣлилась открытіемъ со своимъ сынкомъ, а этотъ уже передалъ новость намъ, дѣтямъ, съ обязательствомъ передавать ее по наслѣдству и будущимъ поколѣніямъ? Только при такомъ взглядѣ на дѣло и можно говорить объ «отсутствіи гарантіи», «неимѣніи ручательствъ», «сюрпризахъ» и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, что если дѣдушка ошибся? Г. Бердяевъ такъ-таки и опасается, какъ бы міръ не обратился при такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ въ «ужасный хаосъ»! Но успокойтесь, малодушные «критики»! Мы твердо увѣрены, что ничего ужаснаго не произойдетъ и впредь, и драгоцѣнная «категорія причинности» не подаритъ васъ никакими непріятными «сюпризами». Ибо нужно ли пояснять, что эти безсовѣстные «діалектическіе матеріалисты», не стѣсняющіеся ради «излишней преданности традиціямъ доктрины» подвергать опасности «ужаснаго хаоса» весь міръ, не отъ дѣдушки съ бабушкой ведутъ категорію причинности? Нужно ли пояснять, что для нихъ «категорія причинности», какъ и всѣ другія нормы мышленія вмѣстѣ съ содержаніемъ мышленія, есть необходимый продуктъ непрерывнаго развитія, начинающагося простѣйшимъ зачаткомъ органической жизни на землѣ и кончающагося человѣкомъ, и только въ этомъ смыслѣ имѣетъ «опытное» происхожденіе? И если мы взглянемъ на дѣло такимъ образомъ, если мы не будемъ отдѣлять развитія нормъ мышленія (какъ и развитія нормъ всѣхъ

другихъ функцій организма) отъ развитія самаго организма, если, иначе говоря, мы будемъ разсматривать вопросъ генетически и монистически (эти два понятія неразрывно связаны другъ съ другомъ), то для насъ опасеніе, что вдругъ человѣкъ будетъ лишенъ категоріи причинности, будетъ имѣть такой же смыслъ, какъ и опасеніе, что вдругъ человѣкъ будетъ лишенъ головы *). Мы не можемъ отдѣлять ни одного изъ проявленій человѣка отъ самого человѣка, потому что смотримъ на весь міръ монистически. И по той же причинѣ мы не можемъ отдѣлять развитія человѣка отъ развитія всего органическаго міра.

Но г. Бердяевъ говоритъ, что если провести такую точку зрѣнія послѣдовательно, то придемъ къ выводу «чудовищному по своей логической нелѣпости», именно, что «самый элементарный актъ познанія, первый въ исторіи міра... былъ результатомъ одного объекта безъ всякаго субъекта» (стр. 24). Поистинѣ страшный аргументъ! Но почему же г. Бердяевъ не вспоминаетъ здѣсь пресловутаго вопроса о томъ, что существовало раньше: курица или яйцо, вопроса однако не безызвѣстнаго ему, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 201, прим.) онъ довольно удачно пользуется имъ? И почему г. Бердяевъ не видитъ, что, принявъ «трансцендентальное» сознаніе, мы тоже должны придти къ выводу «чудовищному по своей логической нелѣпости», именно къ тому, что сознаніе (хотя бы и трансцендентальное) существовало безъ сознающаго субъекта?» **). И пусть г. Бердяевъ не отвѣчаетъ, что «трансцендентальное сознаніе» предшествуетъ опыту только *логически*, а не *хронологически*. Это не отвѣчаетъ на вопросъ, откуда же оно всетаки взялось; и если не довольствоваться чистословесными, схоластическими объясненіями, то реально невозможно представить себѣ ничего иного, какъ—то, что это сознаніе или гдѣ-то хранилось еще до появленія познающаго субъекта, или что оно явилось вдругъ какимъ-то чудомъ,—что̀ въ сущности одно и то же. Но въ такомъ случаѣ г. Бердяевъ напрасно пытается отмахиваться отъ «метафизики», и надо сознаться, что г. Струве, хотя и не вполнѣ послѣдователенъ въ этомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ куда послѣдовательнѣе г. Бердяева (стр. LIV, предисловія г. Струве).

---

*) Не говоримъ уже о томъ, что, если даже и принять нелѣпое предположеніе о возможности исчезновенія „категоріи причинности“, то и въ такомъ случаѣ „ужаснаго хаоса“ не будетъ. Хаосъ былъ бы лишь съ точки зрѣнія сознанія, которому присуща „категорія причинности“, а вѣдь предполагается, что такового именно и не будетъ.

**) Укажемъ еще на дѣйствительно „чудовищную“ нелѣпость предположенія „трансцендентальнаго“ сознанія, приравненнаго на стр. 21 къ „общечеловѣческому“ при „первомъ въ исторіи міра“ актѣ познанія, гдѣ, надо думать, познающимъ „субъектомъ“ былъ не человѣкъ же. Или для г. Бердяева „первый“ актъ познанія совпадаетъ съ появленіемъ „перваго“ человѣка? Въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе напрасно хвалится онъ отсутствіемъ „антропоцентризма“. Не говоримъ уже о нелѣпости предполагать существованіе *обще*-обязательнаго“, имѣющаго *„соціальный* характеръ“, возникающаго въ „духовномъ *общеніи*“ (стр. 23) при *первомъ* актѣ познанія.

Разумѣется, для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть на міръ генетически *) и монистически, не можетъ быть проблемы о курицѣ и яйцѣ, и мы охотно предоставляемъ ее тѣмъ, кто подобно г. Бердяеву, по крайней мѣрѣ въ основныхъ философскихъ воззрѣніяхъ его,—смотритъ на міръ метафизически, для котораго всѣ вещи и нормы даны, какъ разъ навсегда существующія, застывшія. Этотъ метафизическій характеръ глубоко проникаетъ всѣ взгляды г. Бердяева.

Такимъ образомъ, доказать невозможность «опытнаго» происхожденія нормъ мышленія г. Бердяеву совершенно не удалось. Не удалось ему также хоть сколько-нибудь убѣдительно показать, что выведенія нормъ мышленія изъ опыта приводитъ необходимо къ «гносеологическому скептицизму». Ничего кромѣ улыбки не могутъ вызвать дальнѣйшія разсужденія г. Бердяева, пророчащаго всѣмъ «эмпирикамъ» утрату «почвы подъ ногами» и «интеллектуальное самоубійство» и наивно заявляющаго: «Мы нуждаемся въ органически цѣльномъ, положительномъ міровоззрѣніи, и роль подобнаго скептицизма въ переживаемый нами историческій моментъ можетъ быть только реакціонна» (стр. 24). Къ такимъ пагубнымъ послѣдствіямъ приводитъ, изволите ли видѣть, выведеніе нормъ мышленія изъ «опыта»! Надо думать, что г. Бердяевъ самъ сознается, что хватилъ тутъ, какъ говорится, черезъ край.

Но, не опровергнувъ «опытнаго» происхожденія нормъ мышленія, г. Бердяевъ, быть можетъ, представилъ какіе-либо убѣдительные доводы въ пользу ихъ «трансцендентальности»? Напрасно читатель будетъ искать чего-либо подобнаго; г. Бердяевъ не можетъ сказать на этотъ счетъ ни единаго слова. Онъ *вѣритъ* въ «трансцендентальное» происхожденіе нормъ мышленія и предлагаетъ вѣрить другимъ; вотъ и все! Хороша же «критика», начинающая съ приглашенія вѣрить!

Но читатель, быть можетъ, усомнится, правильно ли мы понимаемъ автора въ данномъ случаѣ. Приведемъ же подлинныя слова г. Бердяева, сказанныя имъ по поводу критерія нравственности (стр. 81): «Истинность этой идеи («человѣкъ-самоцѣль») не можетъ быть доказана, какъ *не можетъ быть доказана всеобщая примѣнимость принципа причинности*» (курсивъ нашъ. *Ф. Б.*). Кажется, ясно!

Мы видѣли уже, какія ужасныя послѣдствія предвидитъ г. Бердяевъ отъ признанія «опытнаго» происхожденія категоріи причинности. Теперь спрашивается: если даже понимать «опытъ» въ самомъ грубомъ смыслѣ, то почему *вѣра* въ трансцендентальное происхожденіе категоріи причинности надѣляется такими преимуществами передъ *вѣрою* въ то, что прежній опытъ будетъ неизмѣнно повторяться и впредь? Почему первая вѣра

*) Это слово мы считаемъ равнозначущимъ съ словомъ „діалектически“, съ которымъ совершенно напрасно, вопреки неоднократнымъ разъясненіямъ, упорно продолжаютъ связывать представленіе о гегелевской „тріадѣ“. Для насъ смотрѣть на вещи діалектически значитъ просто разсматривать ихъ въ движеніи, въ процессѣ возникновенія и развитія.

даетъ больше «гарантій», больше предохраняетъ отъ «сюрпризовъ», чѣмъ вторая? Почему она не ведетъ къ «гносеологическому скептицизму?» И чѣмъ отличается она отъ вѣры въ неизмѣнность опыта? Пусть г. Бердяевъ попытается дать хоть сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы. Пока же мы видимъ одно: г. Бердяевъ, такъ не довѣряющій опыту, думаетъ, что достаточно *назвать* явленіе «трансцендентальнымъ», чтобы уже тѣмъ самымъ застраховать себя отъ всякихъ сомнѣній въ возможности «сюрпризовъ». Не мудреная же штука! Спрашиваемъ теперь читателя: можно ли представить себѣ болѣе схоластическое отношеніе къ вопросу, и можетъ ли быть болѣе яркій примѣръ довольства чисто-словесными рѣшеніями?

Доказать необходимость категоріи причинности критическая философія не можетъ, ну, а *указать* на нее—для этого не надо никакой философіи, и ужъ поистинѣ не нужно прибѣгать къ замысловатымъ названіямъ.

Но именно этотъ вопросъ весьма характеренъ для выясненія различія между «критическою» философіей и діалектическимъ матеріализмомъ, какъ «философскою системой». Для г. Бердяева «общеобязательныя нормы мышленія»—это нѣчто изъ рода въ родъ неизмѣнное, застывшее разъ навсегда, не знающее и не знавшее развитіе, явившееся по мановенію руки во всемъ совершенствѣ, какъ Венера изъ пѣны морской; вѣдь по его мнѣнію всѣ онѣ присутствовали уже при «первомъ въ исторіи міра» актѣ познанія. Для діалектическаго матеріализма, наоборотъ, эти нормы, какъ и нормы пищеваренія и т. д., есть нѣчто развивающееся, движущееся, и мѣра ихъ развитія является мѣрой, доступной познанію объективности, возможнаго для него приближенія къ истинѣ въ смыслѣ соотвѣтствія существующихъ въ сознаніи представленій о связи вещей и явленій дѣйствительной связи ихъ въ мірѣ реальномъ *). Слѣдуетъ ли отсюда, что «категорія причинности» можетъ исчезнуть? Скажемъ откровенно: въ литературѣ діалектическаго матеріализма, поскольку она намъ извѣстна, вопросы эти разработаны мало и думается намъ, главнымъ образомъ, потому, что точная наука, основанная на опытѣ и наблюденіи, не даетъ еще достаточно матеріала для безспорнаго рѣшенія; діалектическій же матеріализмъ, какъ философская система строго реалистическая, даетъ лишь методъ для научнаго объясненія фактическаго матеріала и никоимъ образомъ не можетъ замѣнить этотъ матеріалъ спекулятивными построеніями. Но чтобы не оставлять сомнѣній въ этомъ пунктѣ, мы выскажемъ свой личный взглядъ на вопросъ, взглядъ для насъ неизбѣжно вытекающій изъ генетическаго и монистическаго взгляда на міръ. Разумѣется, и отвѣтственность за этотъ взглядъ падаетъ на насъ лично.

Итакъ, мы думаемъ, что нормы мышленія непрерывно развивались и развиваются отъ зарожденія органической жизни на землѣ и донынѣ. Мы

---

*) Разумѣется, для фактическаго достиженія этой возможной „истины“ необходимы извѣстныя техническія и психологическія предпосылки.

думаемъ, что были (и есть) ступени органической жизни, гдѣ при актѣ познанія существуютъ не всѣ нормы мышленія, свойственныя человѣку, хотя сознаніе существуетъ; конечно, оно отличается отъ человѣческаго. Наконецъ, что касается будущаго развитія, то мы убѣждены, что, если органической жизни суждено развиваться и дальше, если современный человѣкъ не есть послѣднее слово мірозданія, то возникнутъ и новыя «нормы» мышленія, познаніе обогатится такими сторонами, что, быть можетъ, будетъ отличаться отъ нынѣшняго человѣческаго столько же, сколько оно въ свою очередь отличается отъ сознанія какого-нибудь низшаго представителя органической жизни. И «категорія причинности» и другія присущія человѣческому сознанію нормы мышленія не исчезнутъ, а обогатятся новыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ, разумѣется, расти «объективность» мышленія и возможность предвидѣнія—«научнаго прогноза будущаго».

Въ наше время двѣ группы явленій объединены наукой; съ одной стороны, естественныя науки вообще объединили весь неорганическій міръ, съ другой—дарвинизмъ, въ широкомъ смыслѣ этого понятія, въ связи съ діалектическимъ матеріализмомъ объединилъ весь міръ органическій. Такъ какъ о связи діалектическаго матеріализма съ дарвинизмомъ существуютъ довольно смутныя понятія, то мы считаемъ необходимымъ высказать здѣсь мимоходомъ свой взглядъ *).

Въ чемъ состоитъ заслуга Дарвина? Конечно, не въ томъ, что онъ открылъ существованіе эволюціи, потому что это было извѣстно до него, а въ томъ, что онъ открылъ движущую силу эволюціи, заключающуюся во взаимодѣйствіи между организмомъ и средою, въ *борьбѣ за существованіе, за сохраненіе жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.* Но для Дарвина это взаимодѣйствіе ограничивалось въ значительной мѣрѣ только физическою стороною организма, въ томъ числѣ и человѣческаго. Колоссальная заслуга марксовскаго діалектическаго матеріализма заключается въ томъ, что, открывъ происхожденіе формъ сознанія изъ формъ бытія, онъ открылъ тотъ же самый принципъ и въ эволюціи психической и соціальной жизни человѣка и тѣмъ впервые далъ дѣйствительно возможность монистическаго взгляда на *весь* органическій міръ. Марксъ открылъ тѣ формы «борьбы за существованіе» (производственныя отношенія), которыя оказываютъ рѣшающее вліяніе на соціальную исторію человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на каждаго индивидуума въ отдѣльности, такъ какъ человѣкъ есть существо по преимуществу соціальное. Ни одинъ изъ факторовъ эволюціи, указанныхъ Дарвиномъ, при этомъ не исчезаетъ, всѣ они дѣйствуютъ и въ своей, такъ сказать, первобытной формѣ, какъ дѣйствуютъ на весь органическій міръ: но кромѣ того они дѣйствуютъ еще и въ формѣ соціальной; соціальная форма—это лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ проявленія ихъ, но для человѣка безусловно важнѣйшій. Вотъ

*) Мы къ, сожалѣнію, незнакомы съ книгой Вольтмана о марксизмѣ и дарвинизмѣ.

почему Маркса и можно назвать истиннымъ дарвинистомъ въ соціологіи: онъ первый ввелъ исторію человѣческаго общества въ кругъ развитія всего органическаго міра, открывъ въ ней тѣ же самые движущіе элементы, хотя бы и въ иной, неизмѣримо болѣе сложной формѣ; онъ первый внесъ въ соціологію *методъ* Дарвина, а не *догму* его. И на спенсеровскую «формулу прогресса» діалектическій матеріализмъ можетъ смотрѣть «сверху внизъ» (стр. 121, прим.), потому что она, какъ и вообще все соціологическое ученіе Спенсера, предполагаетъ эволюцію, не какъ движеніе, обусловленное вполнѣ опредѣленными причинами, общими всему органическому міру, хотя и выступающими все въ болѣе усложняющейся формѣ, а какъ нѣчто, свойственное самому эволюціонирующему субъекту или понятію; для него эволюція есть не результатъ опредѣленныхъ причинъ, а свойство субъекта или понятія; эволюція не объясняется, а декретируется, происхожденіе ея оставляется въ сторонѣ. Потому-то Спенсеръ и можетъ придумывать всяческія «формулы», и потому-то его можно назвать эволюціонистомъ въ соціологіи, но отнюдь не дарвинистомъ. Вотъ почему діалектическій матеріализмъ можетъ смотрѣть на его формулу «сверху внизъ», какъ онъ можетъ смотрѣть и на всякія декретированныя формулы «критической» философіи. Діалектическій матеріализмъ, какъ истинный дарвинизмъ, разсматриваетъ всѣ явленія, какъ движущуюся цѣль причинъ и слѣдствій, отвергая какъ безплодную метафизику всякую «абсолютную» постановку вопросовъ, будетъ ли то спенсеровская эволюція или кантовское трансцендентальное сознаніе.

Итакъ, міръ неорганическій и міръ органическій—каждый изъ нихъ вѣковыми усиліями науки наконецъ объединенъ. И сама собою выступаетъ великая проблема, рѣшеніе которой безусловно необходимо, чтобы придать діалектическому матеріализму дѣйствительно монистическій характеръ. И пока эта проблема не рѣшена, до тѣхъ поръ остается одинъ слабый пунктъ въ философской системѣ діалектическаго матеріализма, и самый діалектическій матеріализмъ остается монистическимъ взглядомъ лишь на *органическій* міръ. Читателю ясно, о чемъ идетъ рѣчь: необходимо перекинуть мостъ между міромъ неорганическимъ и органическимъ. Перекинуть, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы дать человѣку возможность создавать живой организмъ, а чтобы открыть движущій элементъ перехода изъ неорганическаго въ органическое (вѣдь и дарвинизмъ не даетъ возможности превратить одинъ видъ въ другой по произволу). Пока же эта проблема остается открытою *), до тѣхъ поръ въ діалектическомъ матеріализмѣ остается одинъ пунктъ, гдѣ для *монистическаго* взгляда на весь міръ приходится принять нѣчто на вѣру—именно переходъ неорганическаго въ органическое силами, существующими уже въ неорганическомъ. Мы не считаемъ нужнымъ замалчивать этотъ, на нашъ взглядъ, слабый пунктъ

*) Мы, конечно, постоянно наблюдаемъ переходъ органическаго въ неорганическое (смерть), но обратный процессъ—пока тайна, не разоблаченная наукою.

раздѣляемаго нами міросозерцанія, но нужно ли говорить, что эта проблема не можетъ быть рѣшена спекулятивнымъ мышленіемъ, а лишь точною наукою, основанною на опытѣ и наблюденіи?

И опять-таки великая движущая сила діалектическаго матеріализма заключается въ томъ, что онъ никогда не позволитъ уму успокоиться на чисто словесныхъ объясненіяхъ. Вотъ г. Бердяевъ со своей «критической философіей» вполнѣ доволенъ, помѣстивъ «критерій истины» въ *Wolkenkukuksheim*'ѣ трансцендентальнаго сознанія, и думаетъ, что вопросъ уже рѣшенъ. Умъ же, воспитанный реализмомъ діалектическаго матеріализма, никогда не сможетъ успокоиться на такой схоластикѣ; его монистическій взглядъ будетъ непрерывно толкать его на исканіе *происхожденія* этого критерія и покажетъ ему, въ какомъ направленіи нужно искать.

Спрашивается теперь: на чьей же сторонѣ пресловутый «догматизмъ?» Развѣ «трансцендентальное сознаніе»—не догма, позволяющая уму успокоиться на простомъ словесномъ объясненіи и тѣмъ избавляющая его отъ дальнѣйшихъ поисковъ? Нѣтъ, мы тысячу разъ предпочитаемъ честное ignoramus (не ignorabimus), заключающее уже въ себѣ залогъ того, что мы будемъ стараться узнать и не дадимъ усыпить себя опіемъ схоластики. Не знаемъ, но будемъ искать и, быть можетъ, узнаемъ; если же есть проблемы, недоступныя человѣческому разуму, который не можетъ сбросить съ себя своей человѣческой природы, то и тутъ мы предпочитаемъ откровенное признаніе безсилія схоластическимъ ухищреніямъ и никогда не скажемъ:

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ".

Обманъ—вотъ, дѣйствительно, «интеллектуальное самоубійство»!

IV.

Мы не ставимъ себѣ задачею критику всей книги г. Бердяева и тѣмъ болѣе всей системы критической философіи, предоставляя это лицамъ, болѣе насъ компетентнымъ въ философскихъ вопросахъ. Точно также не задавались мы цѣлью представить читателю систематическое изложеніе собственныхъ взглядовъ и не брались заполнить тѣ пробѣлы, которые, съ нашей точки зрѣнія, еще существуютъ въ міросозерцаніи діалектическаго матеріализма, не брались рѣшать вопросы, имъ еще не рѣшенные. Мы просто хотѣли взглянуть на основы предлагаемой намъ за послѣдніе годы «критики» съ точки зрѣнія читателя, тоже придерживающагося «совершенно опредѣленнаго направленія», но «зараженнаго ортодоксіей», понимая подъ «ортодоксіей» послѣдовательное проведеніе исповѣдуемой точки зрѣнія и неспособность совмѣщать несовмѣстимое.

Отнюдь не претендуя на полноту критики, мы на примѣрѣ «критерія истины» пытались показать, насколько точка зрѣнія г. Бердяева противо-

положна нашей, и насколько шаткою представляется намъ его попытка внести «струю идеалистической философіи» въ міросозерцаніе діалектическаго матеріализма. Такимъ образомъ, задача наша исполнена и мы могли бы положить перо.

Но прежде чѣмъ поставить точку, мы хотимъ сказать еще нѣсколько словъ о «самокритикѣ» и дальнѣйшемъ развитіи философіи діалектическаго матеріализма. Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ противъ приписываемаго «ортодоксальнымъ» діалектическимъ матеріалистамъ «догматизма» и отвращенія ко всякому дальнѣйшему развитію исповѣдуемаго ими ученія, ко всякой дальнѣйшей работѣ мысли. И мы думаемъ, что діалектическій матеріализмъ еще далеко не сказалъ послѣдняго слова; ему предстоитъ расти, развиваться и углубляться. Развиваться, но не искажаться и уничтожаться!

Мы уже говорили о томъ, какой безграничный просторъ работѣ мысли даетъ міросозерцаніе діалектическаго матеріализма, для котораго все живетъ, все движется, все развивается, и для котораго поэтому не существуетъ никакихъ готовыхъ шаблоновъ, никакихъ трафаретовъ, никакихъ «абсолютовъ». Дайте какую угодно «абсолютную» формулу, и изъ нея уже легко чисто-спекулятивнымъ путемъ развить догматическія сужденія на всѣ возможные случаи. Но діалектическій матеріализмъ не даетъ такихъ формулъ; онъ даетъ своимъ послѣдователямъ только методъ и говоритъ имъ: наблюдайте, изучайте, ищите! Съ однимъ методомъ въ рукахъ нельзя составить себѣ готовыхъ сужденій о незнакомыхъ явленіяхъ. Каждый конкретный случай нужно изучать, нужно самостоятельно мыслить, чтобы понять его въ его конкретности. Вотъ почему такъ трудно объяснить какое-нибудь выхваченное на удачу, наприм., историческое явленіе (излюбленный пріемъ въ спорахъ!) съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма и такъ легко «объяснить» его съ точки зрѣнія обладателей всяческихъ «формулъ». Для послѣдователей діалектическаго матеріализма необходимы точныя наблюденія, изученіе фактовъ, пытливая работа ума,—необходимы, словомъ, спеціальныя знанія, которыхъ въ примѣненіи къ данному случаю у него можетъ и не быть; для обладателя «формулы» надобно только умѣнье строить силлогизмы. И вотъ эту-то систему, не знающую покоя, непрерывно толкающую своихъ послѣдователей при каждомъ возникающемъ вопросѣ къ изученію фактовъ, обвиняютъ въ «догматизмѣ!»

Конечно, бываютъ времена и положенія, когда человѣку не до того, чтобы ломать себѣ голову надъ «категоріей причинности» *). Но отсюда еще безконечно далеко до непризнанія самой законности всякихъ «вопросовъ». Благо тому, кто можетъ искать разрѣшенія всѣхъ сомнѣній вдали

---

*) Г. Струве приводитъ въ примѣръ и поученіе О. Бланки, „который напрягалъ свою мысль надъ рѣшеніемъ конечныхъ вопросовъ метафизической космогоніи, строя гипотезу вѣчнаго возвращенія всего сущаго (с. LVI). Напомнимъ г. Струве, что, по его собственнымъ словамъ, это происходило „въ могилѣ одиночнаго заключенія“.

отъ «базара житейской суеты» подъ покрытыми пылью архивными фоліантами! Мы не только по существу ничего не имѣемъ противъ этого, но жаждемъ выслушать результаты изысканій ученыхъ мужей. Но при этомъ мы, простые смертные, въ правѣ, кажется, требовать двухъ вещей:: изъ нихъ первая, чтобы возвѣщаемыя намъ новыя истины считались съ тѣмъ, что установлено уже наукою, и пока никѣмъ не опровергнуто. Если намъ преподносятъ теорію, основанную не на новыхъ фактахъ и не на новомъ, убѣдительномъ истолкованіи старыхъ, а просто возвѣщаемую отъ «чистаго разума» и совершенно не удостоивающую объяснить свое противорѣчіе, скажемъ хоть, съ установленнымъ наукою фактомъ вращенія земли вокругъ солнца, то мы не пріемлемъ ея. Точно также, если проповѣдуемое ученіе несовмѣстимо, наприм., съ дарвинизмомъ, то мы въ правѣ требовать, чтобы глашатай новой истины раньше доказалъ намъ отсутствіе единства органическаго міра, а потомъ уже выкладывалъ свои соображенія; безъ этого предварительнаго условія мы отказываемся пасть ницъ передъ новой теоріей.

Второе же законное требованіе наше состоитъ въ томъ, чтобы люди, зовущіе насъ къ «критикѣ», мечущіе громы и молніи противъ «догматизма», не подносили намъ подъ видомъ «критики» ученій, начинающихся пышными обѣщаніями, а кончающихся... credo. Мы требуемъ науки, а не схоластики.

И если взглянуть на тотъ безконечный потокъ «критики», который затопилъ за послѣдніе 2—3 года страницы журналовъ, то напрасно будемъ мы искать тамъ много дѣйствительно «плодотворной» работы мысли. Это какая-то лихорадочная погоня за «новыми словами», именно словами. Каждый торопится повѣдать міру первое пришедшее въ голову сомнѣніе, первую школьную мысль, совершенно не считая нужнымъ ни переварить ея, ни поставить хоть въ какую-нибудь связь со всѣми прочими высказываемыми «убѣжденіями». Каждый хочетъ, чтобы всѣ знали, что это именно онъ, Петръ Ивановичъ Бобчинскій, первый сказалъ «э», а вовсе не Петръ Ивановичъ Добчинскій, которому эта честь приписывается единственно по недоразумѣнію. Отсюда какъ изъ рога изобилія сыплются всякія «антиноміи», «основныя ошибки», «поправки», основанныя почти цѣликомъ на недоразумѣніяхъ, понятныхъ гимназисту четвертаго класса. Доходитъ до того, что г. Филипповъ тоже взбирается на «критическую» каѳедру и начинаетъ извергать на весь міръ невиданный доселѣ словесный потокъ. Онъ тоже «спеціалистъ» по части всяческой «критики», онъ разъясняетъ, дополняетъ, углубляетъ, онъ дѣлаетъ «поправки» къ Марксу. Нужды нѣтъ, что завтра же онъ возьметъ ихъ обратно, какъ будто журналъ—это ученическая тетрадь, гдѣ можно дѣлать всякія «пробы пера». Пока что онъ всетаки крикнулъ «э», и добрые люди начинаютъ съ азартомъ вопить: «г. Филипповъ говоритъ», «г. Филипповъ полагаетъ», «не говорили ли мы г. Филиппову», «что скажетъ г. Филипповъ»... а онъ ничего не скажетъ, онъ, изволите ли видѣть, уже «взялъ обратно!»

И вотъ, видя, что этотъ «критическій» шабашъ мало кого прельщаетъ, господа «критики» начинаютъ съ пѣною у рта кричать о косности, «догматизмѣ», «ортодоксальности» и прочихъ страшныхъ вещахъ, и не приходитъ имъ въ голову самая простая мысль: да не потому ли уже люди отмахиваются отъ «критики», что сама «критика-то» ужъ очень плоха? А не мѣшало бы объ этомъ подумать:

„Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?“

Ф. Берсеневъ.

Казенная винная монополія.

I.

За послѣднее время казенная винная монополія вмѣстѣ съ введеніемъ у насъ золотого обращенія несомнѣнно наиболѣе сосредоточиваетъ на себѣ общественное вниманіе. Мысль о введеніи казенной винной монополіи, сложилась на основаніи фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и казенная винная монополія здѣсь введена отчасти какъ средство борьбы со стачками виноторговцевъ.

Виноторговцы-складчики, пользуясь особымъ положеніемъ восточныхъ губерній и утилизируя въ свою пользу нѣкоторыя, выгодныя для нихъ, законодательныя положенія, организовали стачку и сильно подняли цѣны, а это повело къ уменьшенію потребленія, или по крайней мѣрѣ потребленіе не расширялось такъ, какъ слѣдовало бы ожидать, и послѣ нѣкорыхъ попытокъ борьбы съ этой стачкой, правительство вынуждено было прибѣгнуть къ казенной винной монополіи.

На почвѣ подобныхъ же фискальныхъ интересовъ въ Австріи года три тому назадъ проектировалось регулированіе синдикатовъ тѣхъ отраслей промышленности, продукты которыхъ облагаются акцизомъ, такъ какъ синдикаты, повышая цѣны, уменьшаютъ потребленіе продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ, а слѣдовательно, понижаютъ размѣръ поступленій въ пользу государства.

Реформа мотивировалась желаніемъ устранить лицъ, торгующихъ виномъ, заинтересованныхъ въ возможно большемъ сбытѣ и оказывающихъ или могущихъ оказывать по своему положенію вредное вліяніе на складъ деревенской жизни. За послѣднее время у насъ вообще замѣчается нѣкоторое стремленіе въ пользу расширенія государствомъ своихъ предпріятій. Конечно, это расширеніе государственныхъ предпріятій объясняется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ очень сложными интересами: такъ, въ выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, почты и телеграфа въ руки государства на первомъ планѣ стоитъ введеніе бо́льшаго однообразія въ желѣзно-дорожномъ тарифѣ, улучшенія почты, но вмѣстѣ съ тѣмъ относительно нѣ-

которыхъ предпріятій, несомнѣнно, можно усмотрѣть, что государство, переводя въ свою пользу то или другое изъ нихъ, стремится наложить свою руку на частную коммерческую прибыль, которая прежде шла въ руки отдѣльныхъ лицъ, что̀ чрезвычайно важно, такъ какъ это даетъ государству легко эксплоатируемый источникъ. При все болѣе и болѣе увеличивающихся расходахъ у государства и при увеличивающемся податномъ гнетѣ, государствамъ приходится серьезно подумать о созданіи себѣ такихъ источниковъ, эксплоатація которыхъ не отзывалась бы болѣзненно на населеніи, и исходомъ отсюда является въ сферѣ городского хозяйства такъ называемая муниципализація разнаго рода предпріятій, а въ сферѣ государственнаго—введеніе разнаго рода монополій.

Несомнѣнно, крупную роль, какъ это видно и изъ мотивовъ введенія винной монополіи, играло и желаніе урегулировать потребленіе спиртныхъ напитковъ въ населеніи, затѣмъ казенная винная монополія являлась и хорошимъ средствомъ борьбы съ корчемной продажей вина. Особое положеніе восточныхъ губерній само по себѣ уже представляло исключительно благопріятныя условія для созданія монополіи среди виноторговцевъ этихъ губерній: помимо того, виноторговцы эксплоатировали въ свою пользу нѣкоторыя законодательныя нормы, регламентировавшія открытіе питейныхъ заведеній. Такъ, напримѣръ, законъ 1876 г., давшій право городскимъ думамъ ограничивать число питейныхъ заведеній, много содѣйствовалъ созданію монополій. Лица, желавшія обезпечить себѣ монопольное положеніе въ какомъ-нибудь городѣ, обычно, чтобы оказать давленіе на городскія думы, вносили извѣстныя суммы на нужды города «на благотворительныя учрежденія», «на казармы»; въ Оханскѣ виноторговцы пожертвовали 10 тысячъ рублей на постройку общественнаго банка. Такіе обходы совершались здѣсь потому, что законъ запрещалъ городамъ взимать деньги за даваемое ими разрѣшеніе на торговлю спиртными напитками. Внесши такимъ образомъ извѣстную крупную сумму денегъ и сосредоточивъ торговлю спиртными напитками въ своихъ рукахъ, виноторговцы часто открывали питейныя заведенія даже въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на какое было дано разрѣшеніе городомъ. Такъ, въ Екатеринбургѣ (мы пользуемся при этомъ данными архива департамента неокладныхъ сборовъ) въ 1881 г. заводчики должны были платить съ каждаго заведенія по 300 рублей, и количество подобныхъ заведеній городомъ было опредѣлено въ размѣрѣ 25, но открыто всего было только 14, хотя заводчики и платили со всѣхъ 25 разрѣшенныхъ къ открытію заведеній.

Гораздо проще и легче было обезпечить себѣ монополію внѣ городскихъ поселеній. Какъ извѣстно, сельскія общества до закона 1885 года имѣли право за даваемыя ими разрѣшительныя свидѣтельства на право торговли спиртными напитками въ чертѣ ихъ осѣдлости, взимать деньги; вотъ этимъ-то закономъ и пользовались въ своихъ интересахъ виноторговцы: они просто скупали разрѣшительныя свидѣтельства въ цѣлой округѣ и такимъ образомъ создавали себѣ большіе районы, въ которыхъ

никто не имѣлъ права торговли спиртными напитками, кромѣ ихъ, монополистовъ. Нѣкоторыя сельскія общества получали такимъ путемъ очень крупныя суммы; такъ Нижній Тагиль—33 тыс., Невьянскъ—17 тыс. и т. д. Правда, въ 1885 г. это право сельскихъ обществъ взимать деньги за разрѣшительныя свидѣтельства было уничтожено, но разница между старымъ и новымъ положеніемъ нерѣдко сводилась къ тому, что то, что прежде дѣлалось явно, теперь стали дѣлать скрытно и тайно.

Нерѣдко эти разрѣшительныя свидѣтельства черезъ подставныхъ лицъ скупались на одно лицо, вслѣдствіе этого нѣкоторые отдѣльные виноторговцы сосредоточивали въ своихъ рукахъ огромное количество питейныхъ заведеній; такъ, одно время на имя Паклевскаго было открыто 351 питейное заведеніе, да 239 заведеній снабжались виномъ отъ него, и слѣдовательно общая сумма питейныхъ заведеній, принадлежавшихъ Паклевскому, и заведеній, которыя снабжались виномъ отъ него, составляла 590, т.-е. болѣе 31% общаго числа питейныхъ заведеній по Пермской губерніи, кромѣ того другой монополистъ—Дягилевы—имѣли 262 заведенія, 13,78%, и эти заведенія впослѣдствіи были переданы Паклевскому. Такимъ образомъ въ его рукахъ сосредоточилось 44,82% всѣхъ питейныхъ заведеній губерніи.

Иногда сельскія общества, пользуясь своимъ правомъ запрещать въ чертѣ своей осѣдлости постороннему лицу торговлю спиртными напитками, сами за свой счетъ открывали такъ называемые общественные кабаки, но вслѣдствіе стачки заводчиковъ и эти общественныя лавки нерѣдко попадали въ кабалу и вынуждались брать вино у извѣстныхъ оптовыхъ складчиковъ по извѣстной цѣнѣ.

Винокуры организовали здѣсь правильные съѣзды, гдѣ въ видахъ поднятія цѣнъ на выкуриваемый спиртъ, а также и продажныхъ цѣнъ на спиртные напитки регламентировали размѣръ выкурки спирта въ восточныхъ губерніяхъ. Нѣкоторымъ заводамъ они на этихъ съѣздахъ рѣшили выдавать опредѣленныя денежныя суммы въ годъ за то только, чтобы эти заводы прекращали выкурку спирта, чтобы такимъ образомъ удалить съ рынка излишки спирта, которые могли оказывать на рынокъ неблагопріятное вліяніе. Въ годъ иногда уплачивалось нѣкоторымъ заводамъ по 18 тыс., по 25. Эти съѣзды располагали очень подробными свѣдѣніями относительно условій производства каждаго отдѣльнаго завода, такъ какъ эти свѣдѣнія имъ были необходимы для того, чтобы опредѣлять точно вознагражденія завода, прекращающаго по желанію съѣзда свою выкурку. И эти свѣдѣнія были настолько подробны, что, напримѣръ, одинъ заводчикъ на съѣздѣ получилъ такія свѣдѣнія о своемъ дѣлѣ, какихъ онъ самъ ранѣе не имѣлъ.

Но это стремленіе заводчиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были виноторговцами, нормировать производство спирта повело къ тому, что нѣкоторыя лица стали строить заводы со спекулятивной цѣлью—исключительно съ цѣлью полученія отступного за прекращеніе винокуренія...

Иногда такія лица строили заводы, не обладая оборотными капиталами,

и вотъ во избѣжаніе этого впослѣдствіи при назначеніи такого отступного съѣзды стали требовать не только наличности завода, но и наличности хлѣба, дровъ, оборотнаго капитала въ извѣстномъ размѣрѣ, присутствія винокура и т. д., такъ, чтобы возможность производства спирта не была только одной голой угрозой, а легко осуществимымъ фактомъ...

Вслѣдствіе такой практики, напримѣръ, въ 1888 г. въ Пермской губ. изъ 26 заводовъ дѣйствовало только 15, въ Тобольской—5 изъ 10.

Такимъ образомъ, установивъ соглашеніе и организовавъ правильные съѣзды, заводчики и виноторговцы имѣли полную возможность по своему произволу повышать цѣны на продаваемое вино, а это, естественно, вело къ сокращенію потребленія и, напримѣръ, въ Пермской губерніи въ 1887 году было замѣчено сильное сокращеніе поступленія отъ акциза, что невыгодно отражалось, конечно, на казнѣ. На этихъ съѣздахъ устанавлялось и количество выкурки спирта и размѣръ оптовыхъ цѣнъ.

Принципъ конкуренціи, очевидно, уже умеръ, вслѣдствіе этого во избѣжаніе потерь казны было рѣшено устроить особый казенный складъ съ запасомъ въ 100 тыс. ведеръ съ цѣлью противодѣйствовать повышенію цѣнъ на спиртные напитки.

Когда уже было рѣшено открыть въ 1886 году казенный складъ, заводчики, напуганные этой перспективой, выразили полную готовность согласовать питейную торговлю съ видами правительства. Паклевскій, напримѣръ, тотчасъ же телеграфировалъ въ Кунгуръ, о пониженіи въ чарочной продажѣ до 7 рублей за ведро вмѣсто 8-ми, и нѣкоторыя другія фирмы послѣдовали этому примѣру изъ боязни предъ открытіемъ склада. Когда складъ былъ готовъ къ открытію, и на это была ассигнована извѣстная сумма, заводчики просили министерство финансовъ не открывать склада, такъ какъ они не могутъ конкурировать съ нимъ и не желаютъ... (телеграмма 16 октября 1886 года). Цѣны они понизили. Паклевскій далъ письменное завѣреніе, что соглашеніе между заводчиками разбилось, и министерствомъ финансовъ было рѣшено не открывать склада, но имѣть вино въ запасѣ на случай повышенія цѣнъ выше 5 р. и 5 р. 60 к. за ведро.

Но злоупотребленія продолжались; такъ, прежде всего, заводчики обязались торговать по опредѣленной цѣнѣ только изъ складовъ и ведерныхъ лавокъ, а, напримѣръ, въ Камышловѣ не было ни складовъ, ни ведерныхъ лавокъ, и приходилось покупать вино въ ренсковыхъ погребахъ, на которое это обязательство продажи вина по опредѣленной цѣнѣ, по словамъ продавцовъ, не распространялось и гдѣ брали за вино по 7 руб. за ведро. Иногда торговцы виномъ свѣдущему покупателю, указывающему на то, что вино ему должно быть отпущено по опредѣленной цѣнѣ, указывали на то, что они не принадлежатъ къ группѣ заводчиковъ, подписавшихъ телеграмму на имя министра финансовъ 16 октября 1897 года. Затѣмъ вскорѣ мы видимъ цѣлый рядъ слезныхъ моленій со стороны заводчиковъ о повышеніи цѣнъ свыше условленной нормы подъ разными

предлогами, то и дѣло идутъ телеграммы о повышеніи цѣнъ на гривенникъ съ ведра, т.-е. вмѣсто 5 р.—5 р. 10 к., затѣмъ еще на гривенникъ, т.-е. до 5 р. 20 к.

Нужно было положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, которыя, съ одной стороны, тяжело отражались и на населеніи, такъ какъ цѣны доходили иногда до 9 р., а уже 8 р. за ведро было весьма частымъ явленіемъ, вмѣсто 5 р., а съ другой—невыгодно отражалось и на казнѣ, поступленія въ которую, подъ вліяніемъ уменьшенія выкурки, сокращались. Заводчики, хотя и сокращали производство, но съ избыткомъ вознаграждали себя тѣмъ, что очень вздергивали цѣны на продаваемое вино, между тѣмъ казна ничѣмъ не вознаграждала себя за этотъ убытокъ. И радикальнымъ исходомъ изъ этой борьбы съ частной монополіей было введеніе казенной винной монополіи.

При казенной винной монополіи производство спирта оставлено въ рукахъ частныхъ заводчиковъ и правительство получаетъ вино отъ частныхъ лицъ такимъ образомъ, что двѣ трети спирта, нужнаго для даннаго района, поставляются заводчиками по цѣнѣ, опредѣляемой министерствомъ финансовъ по раскладкѣ между отдѣльными заводчиками по количеству наибольшей выкурки за три предшествующіе періода (это порядокъ первоначальный, установленный при самомъ введеніи винной монополіи, который затѣмъ нѣсколько былъ измѣненъ), остальное же количество спирта покупается по вольной цѣнѣ; мотивы установленія такого двоякаго способа заготовки спирта тѣ, что такимъ образомъ министерство финансовъ часть спирта закупаетъ по вольной цѣнѣ, получаетъ нѣкоторыя данныя для опредѣленія размѣра поставочныхъ цѣнъ для спирта, поставляемаго по разверсткѣ. Въ основу же этихъ послѣднихъ цѣнъ кладутся урожаи, цѣны на хлѣбъ, сроки поставки и т. д.; само же правительство, продавая спиртные напитки, по закону должно устанавливать цѣны въ зависимости отъ заготовочной цѣны на спиртъ, иначе, говорится въ мотивахъ, поднятіе цѣны выше заготовочной цѣны на спиртъ равносильно было бы поднятію акциза. Для продажи спиртныхъ напитковъ установлены особыя казенныя винныя лавки, но подробнѣе объ этомъ будемъ далѣе говорить. Въ виду того, что заводамъ гарантируется теперь сбытъ спирта въ извѣстномъ размѣрѣ и, при порайонномъ распространеніи казенной винной монополіи, заводы этого района становились бы въ привилегированное положеніе, такъ какъ сбытъ извѣстной части спирта для нихъ уже обезпеченъ самымъ закономъ о казенной винной монополіи, то открытіе новыхъ заводовъ въ районахъ казенной винной монополіи и увеличеніе винокуренія на уже дѣйствовавшихъ заводахъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія министра финансовъ по соглашенію съ министромъ земледѣлія. И, конечно, въ порядкѣ выдачи этихъ разрѣшеній возможно будетъ проводить покровительственную систему сельско-хозяйственному винокуренію, но здѣсь мы имѣемъ дѣло въ настоящее время не только съ голой возможностью, а съ фактомъ, который уже получаетъ реальныя формы. Мы и отмѣтимъ теперь, какія льготы про-

ведены въ пользу сельско-хозяйственнаго винокуренія въ послѣдующемъ развитіи законодательства о казенной винной монополіи. Первоначально, какъ мы видѣли, всѣмъ заводамъ одинаково обезпечивалось принятіе отъ нихъ по опредѣленной цѣнѣ извѣстнаго количества спирта, какое придется на ихъ долю по общей разверсткѣ, слѣдовательно, въ порядкѣ самой постановки не проводилось различія между промышленными и сельско-хозяйственными заводами, между тѣмъ землевладѣльцы и ранѣе еще введенія казенной винной монополіи ожидали нѣкоторыхъ благъ для себя отъ нея. Такъ, саратовское уѣздное земское собраніе ожидало вообще поднятія цѣнъ на хлѣбъ съ введеніемъ монополіи (расширеніе спроса на хлѣбъ, вслѣдствіе употребленія только доброкачественнаго спирта). Орловское губернское земское собраніе представило еще въ началѣ 80-хъ годовъ проектъ о введеніи винной монополіи, указывая на послѣднюю, какъ на мѣру для поднятія мелкаго сельско-хозяйственнаго винокуренія. Симбирское губернское земское собраніе видѣло во введеніи казенной винной монополіи условіе поднятія сельско-хозяйственнаго винокуренія, такъ какъ тогда каждый сельскій хозяинъ получитъ обезпеченный сбытъ. Смоленское губернское земское собраніе указывало на то, что сельско-хозяйственное винокуреніе мало развивается, несмотря на дарованныя ему льготы; причина этого лежитъ въ трудности сбыта вина и въ зависимости заводчиковъ отъ складчиковъ; приходится или закрывать заводъ, или открывать свои кабаки, на что не всякій рѣшится; съ открытіемъ же въ губерніи казенной продажи вина упрощается вопросъ о сбытѣ, а слѣдовательно, устраняется одно изъ важнѣйшихъ препятствій для развитія мелкаго винокуренія, создается средство для поднятія русскаго захудалаго сельскаго хозяйства, и нѣкоторые изъ авторовъ, защищавшіе интересы землевладѣльцевъ, указывая на винную казенную монополію, высказывали свои пожеланія относительно того, чтобы казна пріобрѣла все количество выкуриваемаго спирта съ сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Такъ, нѣкій г. Родіоновъ въ 1887 году говорилъ, что казна съ проведеніемъ винной монополіи могла бы оказать поддержку мелкому сельско-хозяйственному винокуренію и дать возможность всякому землевладѣльцу завести свой небольшой винокуренный заводъ съ исключительной цѣлью переработки продуктовъ собственнаго хозяйства. При обсужденіи въ юрьевскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи вопроса о желательности введенія казенной винной монополіи, гласный князь Голицынъ обращалъ вниманіе собранія на экономическое значеніе винокуренныхъ заводовъ, какъ потребителей мѣстныхъ продуктовъ крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства и указывалъ при этомъ на соотношеніе, которое возникаетъ при казенной монополіи на поименованные продукты съ одной стороны и цѣнами на спиртъ мѣстнаго производства, что, по словамъ князя, убѣждаетъ вполнѣ въ необходимости введенія казенной винной монополіи. Въ совѣщаніи по поводу закупки спирта министерствомъ финансовъ нѣкоторыми высказывалось желаніе, чтобы у мелкихъ винокуровъ закупался весь спиртъ. Министерство земледѣлія также настаивало на этомъ. Такимъ

образомъ интересы землевладѣльцевъ требовали такой организаціи поставки спирта, которая бы была выгодна для нихъ, и мы видимъ пожеланія, высказываемыя въ этомъ отношеніи со стороны нѣкоторыхъ земствъ, которыя по самому составу своего представительства являются у насъ по преимуществу защитниками интересовъ землевладѣльцевъ. Мы уже видѣли, что первоначально при введеніи казенной винной монополіи въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ въ способѣ заготовки спирта не было предоставлено никакихъ льготъ въ пользу сельско-хозяйственнаго винокуренія, но съ распространеніемъ монополіи на южныя и юго-западныя губерніи было проведено въ законѣ, что всѣ заводы внѣ разверстки поставляютъ въ казну по 5 тыс. ведеръ спирта, и только уже остальное количество подлежитъ разверсткѣ между всѣми заводами. Пояснимъ это примѣромъ: допустимъ, что поставка по 5 тыс. ведеръ съ каждаго завода дала въ извѣстномъ районѣ 200 тыс. ведеръ, между тѣмъ двѣ трети спирта, нужнаго въ данномъ районѣ, составляютъ одинъ милліонъ, слѣдовательно, тогда, за вычетомъ изъ одного милліона ведеръ 200 тыс., разверсткѣ подлежатъ 800 тыс. ведеръ. Министерство земледѣлія вовсе хотѣло устранить изъ разверстки заводы промышленнаго характера, поднявъ поставку до 12,5 тыс. ведеръ на заводъ, опять-таки и здѣсь ограничивъ это право поставки только заводами сельско-хозяйственнаго типа, устранивъ вовсе заводы промышленные. Это измѣненіе порядка поставки спирта первоначально было введено только для южныхъ и юго-западныхъ губерній, но закономъ 29 мая 1897 года оно было распространено на всю европейскую Россію, гдѣ введена казенная продажа питей. По этому закону заводамъ, годовая выкурка которыхъ въ періодъ 1892—3, 1893—4, 1894—5 не превышала 5 тыс. ведеръ, предоставляется поставить наибольшее количество, какое было выкурено ими за этотъ періодъ, а если превышало упомянутые 5 тыс. ведеръ, то предоставляется такимъ заводамъ поставить 5 тыс. ведеръ, а остальная же часть спирта, потребнаго для казны, разверстывается между заводами сообразно съ наибольшей выкуркой въ одинъ изъ указанныхъ періодовъ. Этимъ закономъ введено, помимо извѣстныхъ привилегій въ пользу сельскохозяйственнаго винокуренія, чрезвычайно важная мѣра, именно фиксація періодовъ для разверстки спирта, поставляемаго въ казну. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ интересы сельско-хозяйственнаго винокуренія наложили у насъ печать на казенную винную монополію, хотя не въ такой сильной степени, какъ это имѣло мѣсто въ Швейцаріи *). Министерство финансовъ до извѣстной степени сдѣлало уступки этимъ интересамъ, хотя еще въ 1895 году оно объявляло, что стремленіе открывать сельско-хозяйственные заводы не имѣетъ за собой основанія въ надеждѣ на облегченный сбытъ спирта при казенной винной монополіи, такъ какъ этотъ послѣдній законъ не идетъ далѣе удержанія винокуренія на той стадіи, на

*) См. *Русская Мысль*, 1898 г.: „Нѣсколько словъ о винной монополіи въ Швейцаріи“.

которой оно стояло до этого времени... что вовсе не имѣется въ виду вытѣснять крупныхъ.

За послѣднее время министерство финансовъ пошло еще далѣе въ этомъ направленіи.

Какъ извѣстно, до послѣдняго времени министерство финансовъ двѣ трети спирта, нужнаго ему для казенной продажи питей, брало отъ винокуренныхъ заводчиковъ по цѣнамъ, назначеннымъ самимъ министромъ финансовъ, а одну треть пріобрѣтало съ торговъ по вольной цѣнѣ, но на этихъ торгахъ запрашивались очень высокія цѣны *), а между тѣмъ первоначально предполагалось, что эти цѣны явятся регуляторомъ цѣнъ на спиртъ, принимаемый въ казну отъ винокуренныхъ заводчиковъ. Этотъ высокій уровень цѣнъ объясняется развитіемъ спекуляціи. Большинство винокуренныхъ заводчиковъ, не обладая наличными капиталами и нуждаясь въ оборотныхъ средствахъ, не могутъ выжидать запродажи своего спирта, а стремятся скорѣе продать весь остающійся у нихъ спиртъ на наличныя деньги, и они продаютъ его особымъ лицамъ, которыя, купивъ весь остатокъ спирта отъ разверстки или большую часть этого остатка, являются затѣмъ на торги, гдѣ заявляютъ цѣны, значительно превышавшія заплаченныя ими самими, прибѣгая при этомъ нерѣдко къ предварительному соглашенію относительно цѣнъ и распредѣленія между собою значительныхъ на торги партій. Поэтому министерство финансовъ рѣшило, что существующій способъ заготовки спирта въ казну, при которомъ значительное количество спирта пріобрѣталось съ торговъ, не отвѣчалъ ни интересамъ казны, ни интересамъ винокуренныхъ заводчиковъ, и пришло къ заключенію о необходимости пріобрѣтать бо́льшее количество спирта по разверсткѣ. По новому закону во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ введена казенная продажа питей, кромѣ Сибири, $^4/_5$ спирта, нужнаго для казенной продажи, будетъ пріобрѣтаться отъ винокуренныхъ заводовъ, расположенныхъ въ этихъ губерніяхъ и областяхъ по цѣнамъ, ежегодно опредѣляемымъ министромъ финансовъ въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями винокуреннаго производства. Такимъ образомъ процентъ годовой потребности повышенъ съ 66% до 80%, притомъ существовавшее до сихъ поръ распредѣленіе губерній въ отношеніи закупки спирта на районы уничтожается и вся Европейская Россія составляетъ въ отношеніи закупки спирта для надобностей казенной продажи питей одинъ общій районъ,—это и понятно, такъ какъ съ іюля 1901 г. питейная реформа должна получить свое осуществленіе на территоріи всей Европейской Россіи, и подраздѣленіе губерній на отдѣльные районы могло бы существенно нарушать интересы винокуренной промышленности. Что касается теперь разверстки спирта между отдѣльными заводами, то по закону 29 мая 1897 г. была установлена обязательная пріемка отъ каждаго заводчика безъ разверстки 5 тыс. ведеръ спирта. По новымъ правиламъ отъ винокуренныхъ заводчиковъ внѣ

*) См. далѣе факты противоположнаго характера.

разверстки будетъ приниматься 50—60% средней цифры нынѣшней производительности заводовъ сельско-хозяйственнаго типа того или другого района. Средній размѣръ выкурки заводовъ сельско-хозяйственнаго типа достигаетъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, средне-промышленныхъ, въ прибалтійскихъ и привислянскихъ 20 тыс. ведеръ спирта; въ губерніяхъ юго-западныхъ—22,500 ведеръ, въ губерніяхъ Малороссійскихъ, кромѣ Харьковской—26 тыс. ведеръ, въ южныхъ—39,500 ведеръ, въ Харьковской—50 тыс. ведеръ. Въ зависимости отъ района обязательный пріемъ спирта внѣ разверстки отъ разныхъ заводовъ того или другого района опредѣленъ въ количествѣ отъ 10—25 тыс. ведеръ въ 40°.

Такимъ образомъ размѣръ этого пріема внѣ разверстки теперь установленъ въ разныхъ величинахъ для разныхъ районовъ, и новый законъ существеннымъ образомъ имѣетъ въ виду ограждать мелкое и среднее винокуреніе, и до сихъ поръ еще у насъ громадное большинство винокуренныхъ заводовъ принадлежатъ къ категоріи мелкихъ и среднихъ: изъ общаго числа 1,912 винокуренныхъ заводовъ, производившихъ винокуреніе въ 1898—99 годахъ, крупныхъ заводовъ, выкуривающихъ свыше 100 тыс. ведеръ, было всего 81. (*Вѣстникъ Финансовъ*: «Порядокъ заготовки спирта для надобностей казенной винной операціи» 1900 г., № 28). Остальная же часть спирта, подлежащая пріобрѣтенію по назначаемой министромъ финансовъ цѣнѣ, въ предѣлахъ четырехъ пятыхъ годовой потребности въ спиртѣ, распредѣляется между заводами соразмѣрно съ годовой ихъ выкуркой. Недостающее количество спирта, не распредѣленное между винокуренными заводами, но необходимое для казенной продажи, а также то количество, отъ поставки котораго въ казну по назначеннымъ цѣнамъ тотъ или другой заводъ откажется, пріобрѣтается съ торговъ, и только когда торги не состоятся, или заявленныя на нихъ цѣны окажутся чрезмѣрно высокими, министръ финансовъ можетъ заготовить необходимое для продажи питей количество спирта хозяйственнымъ способомъ.

Этимъ закономъ казенная продажа питей старается придать винокуренію сельско-хозяйственный характеръ.

Введеніе казенной винной монополіи являлось въ глазахъ правительства и однимъ изъ средствъ борьбы съ корчемнымъ виномъ. Контрабандное водвореніе спирта въ Россію сильно поднималось съ повышеніемъ акциза. Такъ, когда акцизъ у насъ равнялся 8 коп., въ Пруссіи онъ составлялъ 1 или одну съ четвертью копейки, въ Австріи—полторы коп., такъ что ведро безводнаго спирта, стоившее въ Россіи не менѣе 9 съ половиной рублей съ акцизомъ, въ Пруссіи можно было пріобрѣсти за 3 р. 50 к., въ Австріи—за 4 р. Контрабандному водворенію спирта изъ Пруссіи способствовала и слабость таможеннаго надзора, и это водвореніе приняло характеръ промысла. Въ Пруссіи образовались даже особыя спеціальныя страховыя общества, которыя брали на себя весь рискъ по поимкѣ спирта, водворяемаго контрабандпымъ путемъ въ Россію. Изъ низ-

каго размѣра страховой преміи, которую взимали эти страховыя общества, видно, насколько былъ малъ рискъ поимки. Страховая премія не превышала 3—5 коп. съ ведра. Сбыту спирта, водворяемаго контрабаднымъ путемъ, содѣйствовало и широкое развитіе безпатентной торговли въ пограничныхъ мѣстностяхъ, одно время здѣсь вовсе не было заведеній, легально открытыхъ. По исчисленію коммиссіи, разсматривавшей вопросъ о мѣрахъ борьбы съ контрабаднымъ водвореніемъ спирта изъ Пруссіи и Австріи въ 1882 году, убытки казны отъ водворенія къ намъ корчемнаго вина исчислялись не менѣе 19 милл. рублей. Огромное количество вина, водворяемаго контрабаднымъ путемъ въ Россію, видно и изъ того, что среднее потребленіе вина за 1883 годъ въ Россіи равнялось 29%, а въ нѣкоторыхъ пограничныхъ уѣздахъ—только 7—10% на душу, между тѣмъ въ губерніяхъ, смежныхъ съ пограничными, потребленіе достигаетъ 40%. Въ упомянутой коммиссіи много говорилось по поводу мѣръ, которыя можно было бы принять для борьбы съ контрабандой и между прочимъ предполагалось даже раздѣленіе пограничной полосы на три части: первый районъ шириною въ 21 версту съ размѣромъ акциза въ 3 коп., второй—28 верстъ шириной и размѣръ акциза $4^1/_2$ коп. и третій районъ—21 верста съ размѣромъ акциза въ 6 коп. Такимъ путемъ предполагалось спиртъ значительно удешевить у границы, чтобы такимъ образомъ сдѣлать менѣе привлекательнымъ переносъ спирта изъ Пруссіи и Австріи къ намъ. Но тогда возможенъ былъ бы проносъ спирта изъ одной полосы въ другую. Теперь правительству приходится вести борьбу съ десятками тысячъ контрабандистовъ, а тогда—съ милліонами, переносящими спиртъ изъ одной полосы въ другую и этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Однимъ изъ средствъ борьбы съ водвореніемъ контрабаднаго спирта въ Россію было бы усиленіе таможенной стражи и также улучшеніе контроля надъ продажей спиртныхъ напитковъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ лучшимъ средствомъ и было введеніе казенной винной монополіи, такъ какъ установленіе исключительно только казенныхъ винныхъ лавокъ, естественно, должно будетъ затруднить сбытъ контрабаднаго вина, такъ какъ вино, водворенное контрабаднымъ путемъ, трудно будетъ сбыть въ питейныя заведенія. Такимъ образомъ казенная винная монополія преслѣдовала, повидимому и цѣли сокращенія контрабаднаго водворенія спирта въ Россію; кромѣ того эта система должна повліять значительнымъ образомъ и на сокращеніе тайной выкурки вина внутри самой Россіи, такъ такъ опять-таки при уничтоженіи частныхъ мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ сбытъ такого вина сдѣлался болѣе затрудненнымъ.

Кромѣ того и самый доходъ, извлекаемый казною отъ обложенія спирта путемъ акциза, далеко не соотвѣтствуетъ затратамъ населенія на вино. Такъ, государственный совѣтъ по поводу проекта введенія казенной винной монополіи, хотя и признавалъ, что акцизная система хорошо повліяла на технику производства, но въ то же время отмѣчалъ, что финансовое положеніе не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ. Такъ, въ

1863 году обложеніе спиртныхъ напитковъ въ размѣрѣ 4 коп. съ градуса дало 121 милл. рублей, а въ 1890 году при акцизѣ въ 9¼ коп. дало 239 милл. рублей, а должно бы дать, принимая во вниманіе возрастаніе населенія, 317 милл. рублей, между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительная доля затратъ населенія на вино идетъ въ пользу виноторговцевъ. И помимо стремленія изъять питейную торговлю изъ сферы вліянія частныхъ интересовъ, пріучить населеніе къ болѣе регулярному употребленію вина путемъ улучшенія его качества и привлеченія къ торговлѣ виномъ лицъ съ болѣе высокимъ нравственнымъ уровнемъ, несомнѣнно проглядываетъ и стремленіе эти переплаты населенія, идущія въ руки частнымъ виноторговцамъ, перевести въ руки государства. Кромѣ того введеніе казенной винной монополіи дѣлаетъ самый налогъ на крѣпкіе напитки болѣе подвижнымъ, болѣе эластичнымъ источникомъ дохода для государства, такъ какъ это даетъ возможность измѣнять его во всякое время, назначивъ лишь другую цѣну: сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю оптовую торговлю спиртомъ, правительство имѣетъ возможность сразу заработать весьма крупную сумму—стоитъ только повысить цѣну на спиртъ и вино. Теперь всякое повышеніе акциза даетъ въ руки спиртопромышленниковъ большіе барыши, такъ какъ разница въ цѣнѣ между виномъ, оплаченнымъ старымъ, пониженнымъ акцизомъ, и новымъ, повышеннымъ, идетъ въ руки спиртопромышленниковъ и это увеличеніе барышей послѣднихъ совершается на счетъ казны и потребителей.

Итакъ, казенная винная монополія имѣла своею цѣлью устранить и частный интересъ въ торговлѣ спиртными напитками, передавъ ее въ руки незаинтересованныхъ лицъ, и этимъ она имѣла въ виду уничтожить нѣкоторыя невыгодныя стороны частной питейной торговли; затѣмъ преслѣдовала борьбу съ контрабандымъ водвореніемъ спирта изъ-за границы и съ тайной выкуркой его внутри Россіи; затѣмъ казенная винная монополія являлась радикальнымъ средствомъ борьбы со стачками виноторговцевъ; затѣмъ въ казенной винной монополіи министерство финансовъ получало источникъ легко эксплоатируемый, при которомъ, путемъ повышенія цѣнъ на продаваемый спиртъ на нѣсколько копеекъ, можно будетъ получать довольно крупныя суммы; регулированіе же производства, переданное въ руки министра финансовъ и министра земледѣлія, должно было дать возможность оказывать вліяніе центральнымъ вѣдомствамъ въ желаемомъ направленіи на ходъ развитія винокуренной промышленности: стоитъ только для этого разрѣшать заводы одного типа и не разрѣшать другого, не позволять поднимать размѣра выкурки выше извѣстнаго предѣла и т. д. Казенная винная монополія, создавая обезпеченный сбытъ для винокурень сельско-хозяйственнаго типа, тѣмъ самымъ носила покровительственный характеръ, который, подъ вліяніемъ интересовъ землевладѣльцевъ, съ теченіемъ времени ей былъ приданъ еще въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто при первыхъ шагахъ проведенія этой реформы.

Но казенная винная монополія вызвала противъ себя ожесточенную

борьбу. Хотя широко задуманная реформа и проводилась съ извѣстной послѣдовательностью, всетаки не лишена была нѣкоторой спѣшности, а при этомъ, конечно, были тамъ и здѣсь нѣкоторые недочеты. Она затрогивала много интересовъ: такъ, владѣльцы пивоваренныхъ и винокуренныхъ ректификаціонныхъ заводовъ, содержатели трактировъ и ренсковыхъ погребовъ не могли быть довольны введеніемъ этой реформы,— владѣльцы пивоваренныхъ заводовъ уже потому, что казенная винная монополія сопровождалась уменьшеніемъ мѣста и количества продажи спирта и пива, а это должно было отразиться на сбытѣ самаго пива, и поэтому мы видимъ много жалобъ со стороны пивоваровъ на введеніе казенной винной монополіи. Содержатели трактирныхъ заведеній съ введеніемъ казенной винной монополіи могутъ торговать водочными издѣліями и водкой только въ запечатанной посудѣ и по казенной цѣнѣ, а это, конечно, въ сильной степени должно было сократить ихъ прибыли, отпускать же напитки произвольной мѣрой и по вольной цѣнѣ въ городахъ трактирнымъ заведеніямъ предоставляется только съ разрѣшенія управляющаго акцизными сборами по соглашенію съ губернаторомъ, но при этомъ трактирное заведеніе обязано всетаки отпускать водочныя издѣлія въ запечатанныхъ посудахъ по казенной цѣнѣ, а это, конечно, ведетъ къ тому, что многіе предпочитаютъ употреблять спиртные напитки въ трактирныхъ заведеніяхъ въ запечатанной посудѣ, отпускаемые по казенной цѣнѣ, что опять-таки не можетъ не отражаться на размѣрѣ прибылей, получаемыхъ трактирными заведеніямя. Торговля же въ трактирныхъ заведеніяхъ спиртными напитками, подлежащими монополіи, по вольной цѣнѣ и произвольною мѣрой допускается только съ разрѣшенія министра финансовъ. Отсюда понятно, почему трактирщики находятся въ оппозиціи къ казенной винной монополіи. Крупные винокуренные заводчики точно также не могутъ быть довольны введеніемъ казенной винной монополіи, такъ какъ она создаетъ обезпеченный сбытъ дли всѣхъ винокуренъ и даже отдаетъ предпочтеніе винокурнямъ сельско-хозяйственнаго типа. Сельскія общества и землевладѣльцы, получавшіе ранѣе доходы отъ выдачи разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, также проиграли отъ введенія казенной винной монополіи.

Мы увидимъ далѣе, какимъ образомъ разрѣшается теперь вопросъ относительно права сельскихъ обществъ составлять запретительные приговоры на торговлю спиртными напитками въ чертѣ ихъ осѣдлости, а пока замѣтимъ, что суммы, получавшіяся сельскими обществами отъ дачи разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, которыя по закону 5 мая 1892 г. должны были идти на уплату государственныхъ и земскихъ сборовъ, были довольно значительны. Кромѣ того, огромный классъ лицъ, находившій приложеніе для своего труда въ питейныхъ заведеніяхъ, съ введеніемъ казенной винной монополіи лишился этого заработка и долженъ былъ искать для себя новаго поприща. Если мы посчитаемъ всю ту огромную массу лицъ, интересы которой нарушались введеніемъ казенной винной монополіи, то мы

увидимъ, что это—армія чрезвычайно многочисленная и притомъ вліятельная по своему положенію; всѣмъ извѣстно вліяніе трактирщиковъ въ городскомъ хозяйствѣ, сидѣльцевъ въ кабакахъ — въ деревенской жизни и, конечно, пользуясь своимъ вліяніемъ, они не упускали случая окрашивать общественное мнѣніе своими интересами, отчасти поэтому мы и видимъ такую сильную оппозицію казенной винной монополіи.

Кромѣ того, эти оппозиціонные элементы нерѣдко прибѣгали къ разнаго рода мѣрамъ въ своихъ интересахъ, чтобы дискредитировать казенную винную монополію; такъ, напримѣръ, трактиры, которые имѣли право съ разрѣшенія управляющаго акцизными сборами торговать водочными издѣліями и по вольной цѣнѣ и произвольными мѣрами, иногда устанавливали особую таксу на подаваемыя ими закуски въ зависимости отъ требованія посѣтителей тѣхъ или другихъ напитковъ, т.-е. напитковъ, продаваемыхъ по вольной цѣнѣ или по казенной, иногда даже они вводили особую плату за раскупорку бутылки съ казеннымъ виномъ или за подачу рюмки къ вину, отпускаемому по казенной цѣнѣ, или же нарочно казенное вино въ запечатанной посудѣ они держали въ очень высокой температурѣ, такъ что на вопросъ посѣтителя, нѣтъ ли водки похолоднѣе, они отвѣчали утвердительно, но что это вино отпускается только по вольной цѣнѣ. За продажу напитковъ въ запечатанной посудѣ содержатели частныхъ питейныхъ заведеній получаютъ лишь особое и то небольшое коммиссіонное вознагражденіе; кромѣ того, при самомъ введеніи казенной винной монополіи, когда населеніе лишилось мѣста, гдѣ бы оно могло выпивать и вынуждено было, пріобрѣтя водку, идти къ себѣ, въ свой домъ, въ семью и здѣсь еще дѣлиться съ своими домашними купленной бутылкой, естественно, что это отразилось на развитіи, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ, уличнаго пьянства, т.-е. просто водка пріобрѣталась въ казенной лавкѣ и затѣмъ распивалась на улицѣ, для чего создалась даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особая профессія лицъ, предлагающихъ штопоръ для откупорки бутылки, хлѣбъ, огурцы; иногда почти рядомъ съ казенной лавкой открывались такъ наз. закусочныя, загопы, гдѣ это вино, пріобрѣтенное въ казенной винной лавкѣ, и распивалось («Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ», вып. 3, ст. г. Лозинскаго). Эти извѣстія о развитіи уличнаго пьянства часто попадали на столбцы газетъ и, конечно, уже по одному этому казенная продажа питей вызывала противъ себя нареканія; указывали на то, что если прежде пьянство совершалось въ закрытомъ помѣщеніи, то теперь стало, пожалуй, еще хуже — оно вышло на улицу, проникло въ семью и, слѣдовательно, члены семьи съ малолѣтства привыкаютъ видѣть сцены пьянства. Надо отдать справедливость энергіи министерства финансовъ, которое зорко слѣдило за проведеніемъ казенной винной монополіи, за всѣми ея дефектами на первыхъ порахъ. Съ этой цѣлью министерство финансовъ разослало циркуляры по всѣмъ управляющимъ акцизными сборами съ приказаніемъ прислать въ двухъ экземплярахъ номера всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ

пзданій періодической печати, гдѣ говорилось о казенной винной монополіи, и въ министерствѣ финансовъ въ особомъ отдѣлѣ этотъ матеріалъ тщательно разсматривается и о вопросахъ или фактахъ болѣе важныхъ доводится до свѣдѣнія товарища министра В. Н. Коковцева или самого министра финансовъ, и затѣмъ, если сообщенія о какомъ-нибудь злоупотребленіи носитъ серьезный характеръ, то тотчасъ же запрашивается соотвѣтствующій управляющій акцизными сборами, и въ результатѣ иногда на основаніи этихъ газетныхъ сообщеній возникаютъ цѣлыя разслѣдованія. Всѣ эти матеріалы затѣмъ сброшюровываются въ особыя папки, и такимъ образомъ министерство финансовъ располагаетъ чрезвычайно цѣннымъ и обширнымъ матеріаломъ по введенію и дальнѣйшему функціонированію казенной винной монополіи въ Россіи. Въ данномъ случаѣ министерство финансовъ поступаетъ съ рѣдкой заботливостью: относясь съ такимъ вниманіемъ къ періодической прессѣ, оно пріобрѣтаетъ себѣ огромный персоналъ лицъ, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи тысячами глазъ смотрятъ за функціонированіемъ казенной винной монополіи. Этотъ огромный скопленный матеріалъ, который мы почти весь пересмотрѣли, включительно до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1899 года, вызвалъ въ нашей памяти такую же практику, имѣющую мѣсто въ статистическомъ бюро въ Бернѣ, гдѣ точно также съ величайшей внимательностью слѣдятъ за голосомъ прессы по многимъ вопросамъ, касающимся швейцарской жизни, напримѣръ, за рабочимъ вопросомъ, казенной винной монополіей, рабочимъ законодательствомъ и т. д., и весь этотъ матеріалъ здѣсь также заносится въ отдѣльныя папки, благодаря чему здѣсь чрезвычайно легко ознакомиться съ послѣдними событіями изъ экономической и соціальной жизни Швейцаріи. Министерство финансовъ, зорко всматриваясь въ казенную винную монополію черезъ эти тысячи глазъ, собирая свѣдѣнія, которыя доставляла періодическая печать разныхъ уголковъ Россіи, принимало мѣры къ искорененію замѣченныхъ дефектовъ, предписывая болѣе строгій надзоръ за казенной винной монополіей. Такъ, напримѣръ, по поводу отмѣченныхъ нами злоупотребленій по отпуску посѣтителямъ вина въ запечатанной посудѣ нагрѣтымъ, министерство финансовъ издало циркуляръ, предписывая строго слѣдить и въ случаѣ продолженія этой практики лишать такихъ лицъ права продажи спиртныхъ напитковъ по вольной цѣнѣ. Точно также и относительно распитія спиртныхъ напитковъ на улицѣ опять-таки было предписано усилить надзоръ. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя явленія, которыя періодическая пресса также уже указывала: какъ извѣстно, въ казенныхъ винныхъ лавкахъ вино отпускается только на наличныя деньги, оно не отпускается въ кредитъ или подъ залогъ, и вотъ иногда можно наблюдать такія сцены: лицо, тщетно обращавшееся къ сидѣльцу въ казенной лавкѣ съ просьбой отпустить ему вино подъ залогъ, выходитъ изъ лавки и тутъ, около послѣдней, совершаетъ сдѣлку съ кѣмъ-нибудь изъ публики и, обмѣнявъ свою шубу на деньги, затѣмъ уже покупаетъ вино.

Если есть обширная группа лицъ, интересы которыхъ нарушены введеніемъ казенной винной монополіи, и слѣдовательно при анализѣ нападковъ на казенную винную монополію нужно учитывать этотъ нарушенный интересъ, то, съ другой стороны, иногда и самыя ходатайства о скорѣйшемъ введеніи въ той или другой мѣстности казенной винной монополіи ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о наличности извѣстнаго узкаго интереса какой-нибудь группы лицъ въ проведеніи реформы. Такъ, любопытно, какими мотивами иногда диктовались петиціи о скорѣйшемъ введеніи винной монополіи въ той или другой губерніи; такъ, въ Харьковской губерніи населеніе потребляетъ 40% мѣстнаго производства спирта, а 50 милл. градусовъ идетъ въ Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую. Съ введеніемъ винной монополіи въ упомянутыхъ послѣднихъ четырехъ губерніяхъ, Харьковская губернія лишилась своего рынка, такъ какъ правительство должно было бы закупать двѣ трети спирта, потребляемаго въ этомъ районѣ, отъ мѣстныхъ заводчиковъ, и слѣдовательно послѣднимъ выгоднѣе, пріобрѣтя обезпеченный сбытъ, понизить цѣны на остальной спиртъ, и харьковскіе винокуры ходатайствовали или одновременно ввести винную монополію въ ихъ губерніи, включивъ послѣднюю въ районъ упомянутыхъ четырехъ губерній, или же, при разверсткѣ правительствомъ спирта, покупаемаго у заводовъ, включить въ число послѣднихъ и Харьковскую губернію, какъ уже издавна завладѣвшую спиртовымъ рынкомъ этихъ губерній. Вслѣдствіе того, что министерство финансовъ распространяло монополію постепенно, создавая въ разныхъ мѣстахъ отдѣльные районы, этимъ создавались среди мѣстныхъ винокуровъ очень интересныя коллизіи,—то искусственно отрѣзывался отъ ряда губерній такой районъ, который до того времени снабжалъ эти губерніи спиртомъ, то, наоборотъ, прирѣзывался новый районъ, и это создавало агитацію, стимулы къ скорѣйшему распространенію по Россіи казенной винной монополіи, разъ ужъ она была введена въ нѣкоторыхъ пунктахъ Россіи. Такъ, при распространеніи винной монополіи минист. финансовъ предполагалъ включить Смоленскую губернію въ одинъ районъ съ Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской. Послѣднія губерніи производятъ спирта въ 2—3 раза болѣе, чѣмъ потребляютъ; при разверсткѣ спирта тогда на Смоленскую губернію должно упасть очень незначительное количество, и губернское земское собраніе ходатайствовало, чтобы въ Смоленской губерніи для надобностей казны пріобрѣталось двѣ трети необходимаго для мѣстнаго потребленія спирта, съ тѣмъ, что если это ходатайство будетъ отклонено, чтобы самое введеніе винной монополіи было отложено на одинъ годъ до распространенія монополіи на сосѣднія съ Смоленской губерніей мѣстности, въ районъ коихъ она и должна быть включена. Смоленская губернія, указывало земство, не можетъ конкурировать на рынкѣ со своимъ спиртомъ, такъ какъ самое производство спирта обходится въ ней дороже, и потому пришлось бы здѣсь сократить производство до 38% теперешней выкурки.

Раньше поступившее ходатайство смоленскаго земства имѣло де въ виду лишь нравственныя цѣли, и вовсе не касалось вопроса о сокращеніи производства, что будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ присоединеніе этой губерніи къ указанному району. Было признано необходимымъ поскорѣе расширить казенную винную монополію, такъ какъ при разномъ, такъ сказать, распространеніи винной монополіи получалось много аномалій, именно до послѣдняго времени по закону въ каждомъ районѣ министер. финанс. закупало спиртъ въ размѣрѣ $^2/_3$ годового потребленія по опредѣленной цѣнѣ, и тогда въ Смоленской и сѣверо-западныхъ губерн., гдѣ потребленіе составляетъ 60% мѣстной выкурки спирта, каждый заводъ получалъ право поставить въ казну 25% своей выкурки, напротивъ въ 4 сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ выкурка спирта очень мала сравнительно съ размѣрами потребленія при развертскѣ между мѣстными винокуренными заводами—лишь 14% годового потребленія—приходилось взять въ казну уже всю выкурку. Такимъ образомъ при существовавшемъ до послѣдняго времени географическомъ распредѣленіи районовъ, одни заводы находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другіе, что можно было измѣнить лишь путемъ дальнѣйшаго распространенія винной монополіи и новаго перераспредѣленія районовъ.

Съ введеніемъ казенной винной монополіи тотчасъ же сказалась потребность нормировки винокуренія. Уже до перваго опыта введенія этой монополіи, т.-е. до 1894 года, замѣчалось сильное перепроизводство спирта, а потому можно было ожидать, что съ установленіемъ казенной продажи питей, когда винокуренію былъ обезпеченъ сбытъ, производство спирта еще болѣе поднимется. По закону 6 іюня 1894 г. двѣ трети нужнаго спирта для извѣстнаго района непремѣнно должны были пріобрѣтаться по установленной цѣнѣ въ томъ же самомъ районѣ, и слѣдовательно винокуреніе районовъ казенной продажи питей этимъ самымъ было поставлено въ болѣе благопріятныя условія сравнительно съ винокуреніемъ другихъ районовъ, поэтому для каждаго завода, производящаго винокуреніе изъ хлѣбныхъ припасовъ и картофеля, была установлена норма выкурки, размѣръ которой опредѣлялся наибольшей выкуркой за одинъ изъ трехъ періодовъ винокуренія, предшествовавшихъ введенію казенной продажи того района, гдѣ данный заводъ находится. Увеличеніе выкурки сверхъ этой нормы допускалось только съ разрѣшенія министра финансовъ по соглашенію съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. На возобновленіе винокуренія на заводахъ, не дѣйствовавшихъ до того времени, и для открытія новыхъ также требовалось разрѣшеніе. Желая придать винокуренной промышленности сельско-хозяйственное значеніе, министръ финансовъ съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ согласились въ 1897 году разрѣшать устройство новыхъ заводовъ безпрепятственно или возобновлять винокуреніе на недѣйствовавшихъ заводахъ съ выкуркой въ 5 тыс. ведеръ въ 40 градусовъ въ періодъ, а также этимъ соглашеніемъ было постановлено разрѣшать увеличеніе выкурки до этой

нормы тѣмъ заводамъ, у которыхъ выкурка была менѣе 5 тыс. ведеръ. Увеличеніе же выкурки выше этой нормы допускалось лишь въ видѣ исключенія, а именно, напримѣръ, когда уже были произведены затраты для устройства завода или когда обильный урожай припасовъ для винокуренія побуждалъ заводчика къ выкуркѣ сверхъ нормы, но, чтобы сдерживать это чрезмѣрное расширеніе винокуренія, эта увеличенная выкурка не принималась въ разсчетъ при развертке спирта для поставки въ казну по назначенной министромъ финансовъ цѣнѣ («Казенная продажа питей», 77). Такимъ образомъ первоначальное разрѣшеніе на открытіе новыхъ заводовъ было постановлено въ исключительное вѣдѣніе двухъ министровъ, а затѣмъ ихъ взаимнымъ соглашеніемъ было рѣшено по возможности придать сельско-хозяйственный характеръ вновь открываемымъ заводамъ, притомъ мелкаго типа. Дальнѣйшимъ соглашеніемъ въ 1899 году между тѣми же министрами было признано возможнымъ идти далѣе въ томъ же направленіи; было вычислено, что размѣръ выкурки заводовъ сельско-хозяйственнаго типа различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи: такъ, онъ достигаетъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, средне-промышленныхъ, прибалтійскихъ и привислянскихъ — 20 тыс. ведеръ въ 40 гр., въ губерніяхъ юго-западныхъ—22,500 ведеръ, въ губерніяхъ малороссійскихъ (кромѣ Харьковской) — 26,900 ведеръ, въ губерніяхъ южныхъ—39,500 вед., восточныхъ — 41,500 вед., въ губерніяхъ средне-черноземныхъ и Харьковской—50 тыс. вед. Упомянутымъ соглашеніемъ было постановлено въ періодъ 1899—1901 гг. допускать безпрепятственное устройство новыхъ винокуренныхъ заводовъ съ предѣломъ наибольшей выкурки отъ 50 до 60% нынѣшней производительности винокуренныхъ заводовъ сельско-хозяйственнаго типа, т.-е. для губерній среднихъ и черноземныхъ—25 тыс. вед., южныхъ—20 тыс. вед., малороссійскихъ и юго-западныхъ—15 тыс. вед. и сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, привислянскихъ и средне-промышленныхъ—10 тыс. вед. въ 40 гр., при этомъ непремѣнно долженъ соблюдаться законъ 4 іюня 1890 г. о соотношеніи размѣра выкурки спирта къ размѣру пахотной земли имѣнія, т.-е. производство не должно превышать 75 ведеръ на каждую десятину (77). Въ предѣлахъ одного и того же имѣнія, въ которомъ уже есть винокуренный заводъ, устройство новыхъ заводовъ не разрѣшается; тѣмъ же самымъ соглашеніемъ установлено, что въ теченіе этого же періода времени, т.-е. въ 1899—1901 гг. увеличеніе выкурки спирта на существующихъ заводахъ можетъ быть допускаемо въ губерніяхъ среднихъ, черноземныхъ и восточныхъ до 200 тыс. вед. на заводъ, въ южныхъ и малороссійскихъ до 125 тыс. вед., въ средне-промышленныхъ и юго-западныхъ до 100 тыс. вед. и въ прочихъ до 50 тыс. ведеръ, но эта выкурка спирта сверхъ нормы не принимается въ развертку въ счетъ того количества, которое пріобрѣтается казной по назначенной министромъ финансовъ цѣнѣ. Такимъ образомъ, это болѣе благопріятное положеніе, какъ уже раньше было изложено, относительно обезпеченности сбыта съ вве-

деніемъ казенной продажи питей для мелкихъ заводовъ, а затѣмъ прямое запрещеніе открывать заводы съ нормой производства свыше извѣстныхъ размѣровъ и, наоборотъ, безпрепятственное разрѣшеніе заводовъ сельскохозяйственнаго типа—все это придало сельско-хозяйственный характеръ винокуренію съ введеніемъ казенной продажи питей. Безакцизное отчисленіе, установленное закономъ 4 іюня 1890 года для поощренія мелкаго сельско-хозяйственнаго винокуренія, съ момента введенія казенной продажи питей, стало выдаваться деньгами, а это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для винокуренныхъ заводчиковъ, такъ какъ избавляетъ ихъ отъ необходимости выручать деньги за безакцизный спиртъ путемъ отчужденія (28). Закономъ 19 февраля 1896 г. было отмѣнено требованіе съ заводчиковъ, взявшихъ поставку спирта въ казну, представленія залоговъ въ обезпеченіе поставки, что также является значительнымъ облегченіемъ для мелкихъ заводчиковъ (57), между тѣмъ, какъ по положенію 1894 г. требовалось непремѣнно обезпеченіе залогомъ обязательствъ, принятыхъ на себя заводчикомъ по поставкѣ спирта по цѣнамъ, назначеннымъ министромъ финансовъ. Далѣе, были проведены еще нѣкоторыя мелкія мѣры ради поддержанія тѣхъ же сельско-хозяйственныхъ заводовъ; положеніе 1894 года не дѣлало различія въ матеріалахъ, изъ которыхъ получался спиртъ при поставкахъ его въ казну, но закономъ 19 февраля 1896 года—въ виду того, что въ южныхъ и юго-западныхъ районахъ для выкурки спирта употреблялась еще свекло-сахарная патока и включеніе такого спирта могло вредно отразиться на сельско-хозяйственныхъ заводахъ, выкуривающихъ хлѣбный или картофельный спиртъ—было постановлено исключить паточный спиртъ изъ разверстки и принимать его въ казну только съ торговъ; точно также ради поддержанія сельско-хозяйственныхъ заводовъ были исключены изъ разверстки дрожжево-винокуренные заводы, которые имѣли характеръ крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Итакъ, хотя первоначально казенная продажа питей по положенію 1894 года и не носила никакихъ тенденцій сельско-хозяйственнаго покровительства, но затѣмъ постепенно очень энергично она отразила въ своемъ построеніи тенденціи сельско-хозяйственнаго покровительства. Казенная продажа питей, сдѣлавъ изъ государства главнаго покупщика спирта, дала казнѣ чрезвычайно могучее средство для воздѣйствія на характеръ винокуренной промышленности: съ этого момента казна, направляя свой спросъ на спиртъ къ тѣмъ или другимъ заводамъ, можетъ поставить одни изъ нихъ въ привилегированное положеніе и можетъ вынудить другіе къ полному прекращенію винокуренія. Попытка 1890 г. относительно воздѣйствія на характеръ винокуренія сельско-хозяйственнаго направленія совершенно ничтожна по своему воздѣйствію сравнительно съ тѣми средствами, которыми казна располагаетъ въ данное время и, несомнѣнно, если только государство твердо будетъ держаться разъ намѣченнаго плана, то оно въ состояніи будетъ придать совершенно другой характеръ нашей винокуренной промышленности.

Вотъ что мы читаемъ въ одной корреспонденціи, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Фин.:*

(Немировъ, Подольской губ., іюнь 1900 г.). «Пятилѣтнее существованіе у насъ продажи казеннаго вина произвело у насъ весьма полезное вліяніе на поднятіе сельско-хозяйственнаго винокуренія, а съ нимъ и сельскаго хозяйства. До введенія реформы, винокуреніе было въ хозяйствѣ, можно сказать, дѣломъ послѣднимъ, и хозяева считали заводъ въ своемъ имѣніи лишнимъ бременемъ, которое, какъ говорится, и нести было тяжело и покидать жалко. Поэтому одни изъ нихъ сдавали свои заводы въ аренду, считая винокуреніе дѣломъ еврейскимъ, а другіе, изъ опасенія злоупотребленій, оставляли заводы недѣйствующими, обращая ихъ въ гнѣздилище птицъ и мышей. Сами же лично производили винокуреніе очень немногіе. Трудность винокуренія въ дореформенное время для хозяина заводчика состояла въ томъ, что система продажи вина построена была такъ, что для дѣла этого нужны были люди торговые, отдавшіеся дѣлу душой и тѣломъ, а не хозяева, которые знали только пахать и сѣять. Заняться же хозяину заводомъ,—значило забыть хозяйство. Для веденія винокуренія прежде всего нужны были свободныя деньги, такъ какъ продажа вина основана была на кредитѣ, но у хозяина не всегда были онѣ свободны, такъ какъ нужны были ему и для хозяйства. Затѣмъ нужно было искать на вино покупателей, конкурировать съ другими заводами, продавая вино дешевле и въ кредитъ на продолжительные сроки, дѣлать разсрочки платежей, доводя ихъ до минимальныхъ суммъ и идти на сдѣлки съ шинкарями и коммерсантами, часто въ ущербъ себѣ, чтобы только сбыть вино скорѣе, избѣгая тратъ его въ подвалѣ отъ усышки и утечки. Естественно, что при такихъ условіяхъ хозяинъ, непосвященный въ коммерческіе разсчеты, долженъ былъ сдавать въ аренду свои заводы или же оставлять ихъ недѣйствующими. Съ введеніемъ же казенной винной монополіи условія сельско-хозяйственнаго винокуренія сразу упростились: всѣ глубокомысленныя соображенія о томъ, какъ и куда сбывать вино, потеряли свою силу, винный кредитъ палъ, конкуренція прекратилась и винокуреніе сдѣлалось простымъ чисто сельско-хозяйственнымъ дѣломъ. Хозяева-заводчики взвѣсили всѣ его выгоды и сами взялись за дѣло. Реформа произвела коренное измѣненіе въ существѣ этой промышленности, она дала ей новыя начала, при которыхъ каждый хозяинъ заводчикъ можетъ теперь заниматься винокуреніемъ, не затрачивая при томъ большого капитала и не рискуя потерять его. Все у него теперь обезпечено и обусловлено, онъ можетъ напередъ подсчитать свои выгоды. По опредѣленной цѣнѣ казна даетъ ему заказъ на поставку спирта. Зная стоимость продуктовъ и производства, хозяинъ принимаетъ заказъ и исполняетъ его съ вѣрнымъ разсчетомъ на прибыль. Заводчикъ также можетъ теперь однимъ и тѣмъ же капиталомъ производить винокуреніе и вести хозяйство. Спиртъ въ подвалахъ не залеживается теперь, какъ было это раньше, и нѣтъ надобности искать на него покупателя. Покупатель спирта—казна, которая заби-

раетъ его въ сроки большими партіями, платя за него деньги по сдачѣ спирта казенному управленію. Послѣ зимняго винокуренія и сдачи спирта въ казну, къ веснѣ вырученный съ прибылью капиталъ хозяинъ свободно можетъ употреблять для разныхъ надобностей своего хозяйства. Въ прошлое время картофельный спиртъ считался ниже хлѣбнаго и у насъ почти не выкуривался. Въ настоящее же время картофельный спиртъ казна принимаетъ, какъ хлѣбный. Это вызвало въ хозяйствѣ нѣкоторое оживленіе, стали сѣять картофель на большихъ площадяхъ земли, получая отъ этого большіе заработки. Цѣны на спиртъ казна назначаетъ весьма выгодныя, чѣмъ поддерживаетъ интересы винокуренныхъ заводовъ и вмѣстѣ сельскаго хозяйства». (См. *Вѣстн. Фин.*, 1901 г., № 3. Изъ района винной монополіи).

Итакъ, казенная винная монополія за послѣднее время ясно пріобрѣтаетъ покровительственный характеръ для сельско-хозяйственнаго винокуренія. Послѣдній законъ объ увеличеніи размѣра спирта, который казна будетъ брать у сельско-хозяйственныхъ заводовъ, имѣетъ еще большее значеніе потому, что есть указанія на то, что цѣна на разверсточный спиртъ въ общемъ выше цѣны спирта, заготовляемаго съ торговъ («Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1899 г., стр. 221»). Въ этомъ же изданіи мы находимъ свидѣтельство, что цѣны на спиртъ, пріобрѣтаемый съ торговъ, ниже цѣнъ на спиртъ, пріобрѣтаемый по разверсткѣ. Такъ, въ то время какъ цѣны на спиртъ, пріобрѣтаемый съ торговъ, опускались до 40 к. за ведро съ доставкой, цѣны на спиртъ, пріобрѣтаемый по разверсткѣ, достигали 57 коп. безъ доставки (224). При желаніи, министерство финансовъ, установляя тотъ или другой размѣръ цѣнъ, можетъ въ скрытой формѣ оказывать субсидіи сельско-хозяйственному винокуренію.

Въ томъ же отчетѣ мы находимъ мнѣніе одного управляющаго объ установленіи цѣнъ казной въ разномъ размѣрѣ для разныхъ заводовъ въ зависимости отъ размѣровъ выкурки того или другого завода. Того же мнѣнія держится одна изъ контрольныхъ палатъ, по мнѣнію которой слѣдовало бы увеличивать плату за спиртъ по сравненію съ нормальной для малыхъ заводовъ и, наоборотъ, уменьшать ее для болѣе крупныхъ, чѣмъ устранялось бы нежелательное угнетеніе заводовъ съ мелкой продукціей заводами полукоммерческаго типа (231). Пока, конечно, это только мнѣніе, но уже отсюда видно, что казна, установивъ винную монополію, тѣмъ самымъ пріобрѣла очень сильное средство воздѣйствія на винокуреніе: опредѣляя уровень цѣнъ въ томъ или иномъ размѣрѣ, или варьируя цѣны въ зависимости отъ размѣровъ выкурки, казна можетъ оказывать серьезную поддержку однимъ предпріятіямъ и, наоборотъ, можетъ ставить другія предпріятія въ невыгодныя условія. Какъ бы то ни было, но большая группа винокурщиковъ ставится этимъ самымъ въ сильную зависимость отъ министерства финансовъ. Это—фактъ, могущій имѣть крупное общественное значеніе...

И. Озеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ реформѣ средней школы.

(Изъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“).

I.

Въ волнахъ безграмотности *)...

Русскій языкъ всегда былъ святыней для нашихъ писателей, великихъ и малыхъ.

«Первый русскій университетъ», по характерному выраженію Пушкина, Ломоносовъ, когда-то восклицалъ съ немного приподнятымъ паѳосомъ въ предисловіи къ своей знаменитой «Грамматикѣ»: «Карлъ Пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятельми, италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично: но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно, ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность италіянскаго,— сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

Почти то же, со своимъ обычнымъ лаконизмомъ, говорилъ Погодинъ: «взгляните на русскій языкъ—греческая гармонія, латинская округленность, французская ясность, итальянская сладость, нѣмецкая гибкость, англійская крѣпость, и ни одинъ народъ не можетъ учиться съ такимъ успѣхомъ, какъ русскій, который говоритъ на всѣхъ, какъ на отечественномъ».

Русскому слову посвящено и одно изъ проникнутыхъ повышеннымъ чувствомъ «лирическихъ мѣстъ» «Мертвыхъ Душъ»: «сердцевѣдѣньемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но пѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы

---

*) Эта замѣтка была написана до циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ средней школѣ.

изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово».

Всѣмъ памятенъ, конечно, чудный гимнъ Тургенева въ честь русскаго языка.

«Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаянье при видѣ всего, что совершается дома?

— Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!»

«Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ онъ въ состояніи совершать чудеса!»

Сбылись ли эти завѣты? Сберегли ли мы лучшее свое достояніе, которымъ только и можемъ гордиться?

Съ грустью нужно признаться, что мы не сумѣли уберечь этого клада, и онъ все болѣе исчезаетъ отъ насъ—въ волнахъ общей, повальной безграмотности...

Ни для кого теперь не тайна, насколько, за послѣднее время, въ обществѣ, литературѣ и школѣ пало даже элементарное чутье языка, какъ огрубѣла, опошлилась и исказилась наша книжная рѣчь: объ этомъ слишкомъ много говорятъ и пишутъ—по большей части очень вяло и нескладно...

Когда вдругъ, неожиданно, открывается общая вина, ошибка или недоразумѣніе, по человѣческой слабости, сейчасъ же начинаютъ искать «козла отпущенія»—для очистки совѣсти и собственнаго успокоенія. Такъ было и въ данномъ случаѣ: валили всю вину на школу, періодическую печать и въ особенности газеты, не замѣчая, насколько глубоки корни этого прискорбнаго явленія, насколько разнообразны и многознаменательны его причины. Въ подобныхъ утвержденіяхъ есть доля истины—но только доля.

Наша средняя школа, въ особенности классическая, дѣйствительно плохо знакомитъ съ роднымъ языкомъ, часто даже разрушаетъ его чутье.

На русскій языкъ отведено слишкомъ мало часовъ; новѣйшая литература не проходится совсѣмъ, и на нее вообще смотрятъ очень косо; офиціальныя программы выдвинули на первый планъ чисто грамматическое и стилистическое изученіе литературныхъ памятниковъ, которое омертвило преподаваніе и оттолкнуло подрастающія поколѣнія отъ корифеевъ нашей поэзіи. Кто хоть немного знаетъ нашу среднюю школу, тотъ долженъ съ грустью признаться, что ея питомцы почти совсѣмъ не знаютъ величайшихъ писателей своей страны и очень мало ими интересуются... На Пушкина, Гоголя и Лермонтова были перенесены ненавистные для нашего школьника пріемы классической педагогіи (кстати, французскій литературный классицизмъ не особенно остроумно называютъ у насъ псевдоклассицизмомъ,

хотя этотъ терминъ скорѣе всего приложимъ къ нашему классицизму—школьному), и къ нимъ начали относиться такъ же, какъ къ Гомерамъ и Вергиліямъ...

Много помогли въ этомъ отношеніи вѣрные проводники идеи дисциплинарнаго значенія преподаванія классическихъ языковъ—наводнившіе нашу среднюю школу «братушки», «кровавые русскіе», безбожно коверкавшіе нашу рѣчь. Да и большинство преподавателей русскаго происхожденія, пройдя въ свою очередь сквозь дебри и болота классической школы, говорило не лучше «братушекъ». Учащимся приходилось почти все время вращаться въ кругу стилистическихъ «монстровъ и раритетовъ»—брались ли они за учебникъ, учебное пособіе, подстрочникъ или прислушивались въ классѣ къ словамъ преподавателя *).

Дальнѣйшія цитаты взяты нами изъ книгъ или записаны для насъ учащимися и провѣрены вполнѣ надежными свидѣтельствами. Спеціальнымъ подборомъ курьезовъ мы не занимались—брали только характерное, «ма хровое» изъ первыхъ попадавшихся подъ руку источниковъ.

Какъ вамъ нравятся такіе, напр., перлы?

«Кому что воздающее и слѣдуемое искусство называешь ты врачебнымъ?» «Если хочешь спрашивать, спрашивай, а я уже достаточно поспросилъ». «Христосъ родился въ царствованіе Августа — какъ будетъ въ будущемъ времени?» «Молодой левъ улыбается, а старая собака смѣется» и пр.

Протестующій въ одной изъ столичныхъ газетъ противъ общей безграмотности преподаватель («старый словесникъ») самъ пишетъ: «разбивались какія-то сковывавшія оковы»; «если бы въ душѣ моей не было все такъ назрѣвши»; «разъ что она полюбила меня»; «каждый изъ насъ думалъ предъ собой» и пр.

Юный классикъ, наслушавшись на урокахъ подобныхъ рѣчей, разворачиваетъ дома, положимъ, подстрочникъ (а кто изъ юныхъ классиковъ не разворачиваетъ его дома или въ классѣ подъ партой?). «Тутъ найдешь то, чего нехитрому уму не выдумать и въ-вѣкъ»!

Вотъ не самая безграмотная фраза изъ наиболѣе популярнаго подстрочника: «и ту науку права, которую ты, какъ маленькую дочку, цѣловалъ, не допущу тебя въ столь великомъ заблужденіи оставаться, и какъ то, не знаю—что, что» и пр.

Или еще—на этотъ разъ изъ учебниковъ и учебныхъ пособій: «начало бѣгства сдѣлала конница Цезаря, опасаясь за свое отступленіе»...

«Извѣстно, что боязнь и не вѣрная, и не продолжительная наставница обязанности».

«Я пишу къ вамъ письма менѣе часто, чѣмъ могу, потому что, когда я пишу къ вамъ или читаю ваши письма, я такъ истощаюсь отъ слезъ, что не въ состояніи переносить этого».

---

*) Вспомнимъ, что въ разгаръ псевдо-классической оргіи старались объединить въ однѣхъ рукахъ преподаваніе русскаго и древнихъ языковъ...

«Когда сынъ и иные знатные спросили, не лучше ли избрать средину, такъ, чтобы, съ одной стороны, ихъ отпустить невредимыми, съ другой же на нихъ, какъ побѣжденныхъ, по военному обычаю наложить законы, Геренній сказалъ»...

«Что многіе хотѣли, а немногіе были въ состояніи сдѣлать—отъ одного тиранна освободить отечество, ему удалось его, угнетенное 30 тираннами, возвратить изъ рабства въ свободу».

«Услыхавъ, что отечество, при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ находится въ осадѣ, онъ не искалъ, гдѣ самому безопасно жить, но чѣмъ онъ могъ снискать защиту своимъ согражданамъ».

«Такъ какъ этотъ подарокъ внушенъ любовью гражданъ, а не выжатъ отъ нихъ силою, то и не возбудилъ ничьей зависти и былъ для него очень славенъ».

«Но Евменъ, раскрывъ письмо, не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ того, что относилось къ насмѣшкѣ надъ нимъ».

«Сказавъ эту рѣчь съ такою твердостью голоса и съ выраженіемъ лица, какъ будто бы онъ не жизнь оставлялъ, а переселялся изъ дому въ домъ, между тѣмъ какъ Агриппа, цѣлуя его и проливая слезы, умолялъ и заклиналъ не ускорять того, къ чему клонится самая природа, потому что, можетъ быть, онъ и теперь переживетъ это время и сохранитъ себя себѣ и своимъ—мольбамъ его онъ положилъ конецъ молчаливымъ упорствомъ».

«Однакоже обычай народныхъ партій и приверженцевъ сената, а потомъ и всѣхъ дурныхъ привычекъ, появился въ Римѣ за нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе спокойствія и изобилія тѣхъ вещей, которыя смертные считаютъ высшимъ благомъ».

«Такимъ образомъ Югурта, вопреки царскому величію, прибылъ съ Кассіемъ въ Римъ въ самомъ жалкомъ видѣ, и хотя въ немъ самомъ сила духа была велика, ободренный всѣмъ, могуществомъ или преступленіемъ которыхъ совершилось все то, о чемъ мы выше сказали, однако онъ подкупаетъ большою наградою К. Бебія, народнаго трибуна, наглостью котораго онъ былъ бы огражденъ отъ правосудія и всякихъ обидъ. Но К. Меммій, созвавъ собраніе, хотя народъ былъ враждебенъ царю, и часть приказывала заключить его въ оковы, часть, чтобы, если бы онъ не открылъ сообщниковъ своего преступленія, по обычаю предковъ, предать его казни, какъ врага, соображаясь болѣе съ достоинствомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ, успокоилъ волненіе и смягчилъ духъ ихъ; наконецъ, онъ подтвердилъ, что имъ не будетъ нарушено общественное слово».

Понятно, какъ примѣръ учителя и учебной книжки долженъ вліять на слагающагося ученика...

Мужскую классическую школу мы беремъ только какъ наиболѣе яркій и характерный примѣръ. Въ постановкѣ русскаго языка школа женская и реальная мужская ушли отъ нея недалеко, такъ какъ преподаваніе новыхъ языковъ въ нихъ, за рѣдкими исключеніями, ничѣмъ не лучше обычнаго преподаванія классическихъ; программы, методическіе пріемы и преподава-

тели по большей части (въ особенности въ провинціи) одни и тѣ же; приблизительно одинаковъ и общій школьный режимъ, бюрократическій и мертвенный.

Университетъ если и вноситъ перемѣны, то обыкновенно не къ лучшему. Профессора сами прошли среднюю школу съ ея общею безграмотностью и, за рѣдкими исключеніями, плохо владѣютъ рѣчью.

Наши отцы смѣялись когда-то надъ профессоромъ философіи, который такъ опредѣлилъ время: «время есть то, которое, всякое сосуществованіе и всякое одного послѣ другого слѣдованіе, кратко сказать, все то, что мы называемъ измѣненіемъ и требованіемъ о себѣ и нѣтъ, и почему сіе наипаче возможно».

«Молва» 1832 года для смѣху приводила такую цитату изъ лекціи какого-то профессора: «такъ какъ поелику ибо уже я равномѣрно столбъ Вавилонскій, государи мои! Какъ бы хотѣлъ вамъ объяснить, но думаю, что вы уже и сами и прочее. И ассирійская литература въ сіе время также уже хуже стала становиться»...

Но чѣмъ лучше этого большинство фразъ, которыя слышатся теперь съ университетскихъ каѳедръ или мирно покоятся на страницахъ ученѣйшихъ диссертацій?

До сихъ поръ еще тяжелая и нескладная рѣчь—первый признакъ учености, а вниманіе къ внѣшней сторонѣ научнаго сочиненія—несомнѣнный для ученыхъ круговъ признакъ ненаучности и даже легкомыслія.

Сколько учености въ такихъ, напр., фразахъ, живьемъ выхваченныхъ изъ профессорскихъ лекцій и профессорскихъ книжекъ!

«Хорошо ты сказалъ, Сократъ! Когда это достигнуто, и мнѣ слѣдуетъ быть освобождену отъ отвѣтовъ тебѣ, согласно уговору, когда окончится изслѣдованіе объ ученіи Протагора. Есть нѣкоторые, которые смѣются надъ подобными вещами, и когда кто-нибудь посовѣтуется съ ними, они не скажутъ, о чемъ совѣтуются съ ними, говорятъ другое противъ собственнаго мнѣнія».

«Невозможно, о Ѳедоръ, не то, чтобы зло погибло, ибо необходимо, чтобы всегда было что-либо противное добру, не то, чтобы оно имѣло мѣсто среди боговъ: оно по необходимости сопровождаетъ смертное естество и здѣшнія мѣста, потому и надо бѣжать отсюда туда какъ можно скорѣе. Бѣгство же это есть уподобленіе Богу по возможности. Уподобленіе же значитъ дѣлаться разумно справедливымъ и богобоязненнымъ».

«Но тѣмъ не менѣе всетаки однако»...

«Какъ извѣстно, корова—четвероногое животное, такъ какъ она имѣетъ четыре ноги».

«Можно *предполагать*, что въ этомъ заключается *дѣйствительная* и *несомнѣнная* причина этого».

Вотъ какія фразы еще недавно произносились и, вѣроятно, произносятся въ аудиторіяхъ старѣйшаго и знаменитѣйшаго изъ русскихъ университетовъ!

При желаніи, можно было бы набрать тысячи подобныхъ фразъ изъ профессорскихъ лекцій и диссертацій.

Возьмемся за газету, журналъ, вновь вышедшую ученую или популярную (въ особенности переводную) книгу почти съ каждой страницы такъ и просятся перлы—для копилки стилистическихъ и логическихъ курьезовъ.

Покойный Горбуновъ когда-то разсказывалъ намъ, что онъ собралъ богатые матеріалы для «сборника примѣровъ, извлеченныхъ изъ произведеній извѣстныхъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ—какъ не слѣдуетъ писать по русски».

Жаль, если эти матеріалы послѣ его смерти не будутъ разысканы: опубликованіе ихъ было бы интереснымъ и поучительнымъ.

Изъ собранныхъ нами примѣровъ, довольно многочисленныхъ, возьмемъ немногіе, наудачу. Почти всѣ они принадлежатъ извѣстнымъ литераторамъ и списаны нами дословно со страницъ распространенныхъ газетъ и журналовъ.

«Такъ какъ англо-саксонцы, какъ высоко цивилизованный народъ, сознаютъ святость порока, то не видно, что безнравственность невозможна».

«Русскія изданія Пушкина совершенствуются, хотя все-таки далеки отъ недостатковъ».

«Такъ, хотя, въ виду всего вышесказаннаго, и трудно, повидимому, сомнѣваться въ томъ, что названнымъ ученымъ дѣйствительно открыта какая то чрезвычайно тонкая, газообразная матерія (на существованіе ея указываетъ точно констатированный фактъ огромной теплопроводимости содержимаго «пустыхъ сосудовъ»), но тѣмъ не менѣе можно задать вопросъ, таково ли дѣйствительно происхожденіе этой матеріи (въ условіяхъ опыта), какъ то утверждаетъ Брешъ».

«Онъ былъ одѣтъ въ бархатный вестонъ, въ бѣлыя панталоны и въ довольно короткій жилетъ. Все въ немъ обличало человѣка сильнаго характера».

«Теперь ни у одной кокотки нѣтъ такой репутаціи, какъ десять лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женатъ, его не тянуло въ такія мѣста, хоть бы для того только, чтобы немного развлечься, стряхнуть съ себя ежедневное напряженіе человѣка, дѣлающаго карьеру, принужденнаго во многомъ жаться, безъ большихъ средствъ, правда, безъ долговъ».

«Наши сосѣди по имѣнію позвали меня на облаву на зайцевъ, гдѣ должна была участвовать и Лили, къ слову сказать, стрѣлявшая изъ крошечной двустволки не хуже, чѣмъ глазами, къ великой гордости своего отца, записного охотника».

«Печальный финалъ, конечно, потому что на алтарь моей любви мнѣ пришлось такимъ образомъ сложить цѣлый годъ жизни».

«Я разумѣется, не стану отрицать относительную полезность всѣхъ этихъ маленькихъ дѣлъ, на которыя набросилась съ такимъ рвеніемъ извѣстная часть, конечно, лучшаго общества; но когда меня станутъ увѣрять, да еще съ самодовольнымъ апломбомъ, что нѣсколько заведенныхъ

школъ или пріютъ на семь малютокъ, или домъ призрѣнія двадцати нищихъ есть тотъ идеалъ полезной дѣятельности, благодаря которой все исправится, то я сочту такихъ самодовольныхъ филантроповъ, готовыхъ выѣденное яйцо возвести въ перлъ созданія, за большихъ, хотя и добродѣтельныхъ болвановъ, забывающихъ, что нѣсколько школъ тамъ, гдѣ требуются ихъ многія тысячи, забота о нѣсколькихъ малюткахъ, когда сотни тысячъ ихъ гибнутъ въ курныхъ избахъ, и въ подвигахъ призрѣнія двадцати нищихъ, когда тысячи ихъ погибаютъ въ пьянствѣ и развратѣ,— что все это такъ же мало можетъ измѣнить условія жизни, какъ мало вычерпнетъ ковшикъ воды изъ океана, и что не маленькими, хотя и полезными дѣлами дѣлается исторія, а тѣми широкими идеями и тѣми носителями ихъ, которые считаются нерѣдко современниками безумцами».

Но довольно: каждый новый номеръ періодическаго изданія, любая страница ученаго труда, за очень рѣдкими исключеніями, дадутъ и болѣе «махровые» цвѣточки такого косноязычнаго «краснорѣчія»...

Объ руку съ безграмотностью стиля идетъ обыкновенно очень слабое знаніе литературныхъ произведеній.

Кто изъ нашихъ газетчиковъ и журналистовъ не усомнится назвать любого *сознательнаго* самозванца Хлестаковымъ? Даже одинъ изъ спеціалистовъ по исторіи русской литературы, въ общемъ человѣкъ знающій и способный, умудрился открыть у почтеннаго Ивана Александровича и умъ, и ловкость... Недавно на страницахъ одной московской газеты писатель не изъ молодыхъ и даже много - писатель напечаталъ рядъ шуточныхъ интервью по вопросу о реформѣ средней школы. Репетилова онъ заставляетъ упоминать о своемъ тестѣ фонъ-Фокѣ (вмѣсто Грибоѣдовскаго «баронъ фонъ-Клокъ»), пускается затѣмъ въ очень длинныя разсужденія по поводу отсутствія отчества у Митрофанушки (между тѣмъ Еремѣевна называетъ его Терентьичемъ), предлагаетъ называть его Ивановичемъ и пр. А приводимыя въ печати цитаты изъ классическихъ произведеній! Сколько грубыхъ ошибокъ и искаженій обыкновенно въ подобныхъ щеголяніяхъ своимъ литературныхъ образованіемъ! *)

Естественно, что подрастающія поколѣнія, воспитывающіяся внѣ вліянія величайшихъ художниковъ русскаго слова, со всѣхъ сторонъ охваченныя волнами повальной общей безграмотности,—очень слабо владѣютъ родною рѣчью.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ опять-таки наудачу изъ бывшихъ у насъ подъ руками ученическихъ работъ, причемъ мы соблюдали слѣдующія условія: 1) примѣры выбирались изъ письменныхъ работъ разныхъ учебныхъ заведеній—*мужскихъ и женскихъ, классическихъ и реальныхъ;* 2) изъ

*) Упомянутый выше „много-писатель“ извѣстныя слова Скалозуба цитируетъ такъ: „я вамъ фельдфебеля въ Вольтеры дамъ“; г. В. Острогорскій приводитъ такое выраженіе Некрасова о Бѣлинскомъ: „волнуясь, кипя и спѣша“; г. М. Ивановъ (*Новое Время*, № 9054) упоминаетъ о „лбѣ Тараса Скотинина, вышибающаго при случаѣ ворота“ и пр.

сочиненій учащихся *только русскаго происхожденія, среднихъ и хорошихъ способностей, старшаго возраста*..

«Гоголь въ комедіи «Ревизоръ» задался цѣлью познакомить читателя съ жизнью маленькихъ уѣздныхъ городковъ въ средніе вѣка».

«На образованіе Чацкаго имѣло громадное вліяніе воспитаніе, которое Фамусовъ давалъ своимъ дочерямъ».

«Ломоносовъ родился и жилъ въ XVШ столѣтіи. Это былъ вѣкъ, когда царствовала Анна Іоанновна и когда вся Россія находилась подъ нѣмецкимъ владычествомъ».

«*Вліяніе природы на духовную сторону человѣка*... Природа особенно сильно вліяетъ на духовенство».

«Карлъ, скрипя сердцемъ (*скрѣпя* сердце)»...

«Ганелонъ оканчиваетъ жизнь очень пріятно: онъ казненъ».

«Прошлый вѣкъ относится къ 1725 году и начинается реформами Петра I... Петръ I... устраивалъ всевозможныя училища... спустя нѣкоторое время открылъ въ Петербургѣ академію наукъ въ 1726 году при Екатеринѣ I... Въ царствованіе Екатерины I особенно замѣчательно просвѣтительное движеніе; въ естественныхъ наукахъ, въ исторіи и въ борьбѣ съ суевѣріями; кромѣ того, она для этого устраивала разныя учрежденія».

«*Слово о полку Игоревѣ* сходно съ поэзіей народной потому, что въ народной поэзіи всѣ женщины называются кукушками».

«Жуковскій вѣритъ, что поэзія есть откровеніе и даръ Всевышняго, и когда творимъ, то соединяемся съ небомъ, отъ этого зажигается звѣзда».

«*Слово* было найдено графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и было сдѣлано для Екатерины II, но когда на Руси были пожары, то рукописи сгорѣли, и только осталось *Слово о полку Игоревѣ*, хотя встрѣчаются темныя стороны... Они (русскіе) побѣждаютъ половцевъ на рѣкѣ Каялѣ, но сами были побѣждены».

«Для прикрасы рѣчи авторъ употребляетъ также миѳическія существа».

«Большую пользу принесли бы древне-русскимъ женщинамъ книги, но онѣ не любили ихъ, потому что не умѣли читать».

«Гоголь, на мой взглядъ, былъ злой насмѣшникъ и критикъ, и, осмѣивая и критикуя все и вся, онъ, конечно, не сдѣлалъ уступки женскимъ типамъ».

«Всѣ взятки, которыя бралъ городничій, шли въ его пользу, а не въ пользу города».

«Въ концѣ комедіи Чацкій выходитъ изъ себя и уѣзжаетъ изъ Москвы».

«*Д* передъ *т* выпускается въ *с*: ведти—вести».

«Чувства, производимыя при входѣ въ церковь и во время службъ»...

«Молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и добрыми порывами».

«Пріятное чувство навѣваетъ зыбь и заставляетъ отнестись въ другой міръ—забыть все институтское».

«Обломовъ былъ сильно огорченъ, когда увидѣлъ необходимость ежедневнаго посѣщенія своихъ обязанностей».

«Чацкій оставилъ Софью, когда сердце ея требовало пищи. Софья требовала пищи и нашла Молчалина».

«Характеръ у церкви веселый, но вмѣстѣ съ тѣмъ располагающій къ молитвѣ».

«Дорожка налѣво, ведущая къ площадкѣ около большого развѣсистаго дуба, гдѣ обыкновенно рѣзвятся маленькіе классы и деревья съ изломаннымъ стволомъ».

«Ломоносовъ часто ссорился со своими начальниками и профессорами, которые были иностранцы и плохо относились къ распространенію наукъ не только между народомъ, но даже между академиками».

«Я объясню дѣтямъ все наводящими вопросами. *Что такое волы?* Коровы, на которыхъ работаютъ. *Все ли стадо и коровы, и лошади называются волами?* Нѣтъ, волами называются только тѣ коровы, на которыхъ работаютъ; около Москвы ихъ нѣтъ, онѣ водятся только на югѣ».

«Болѣе развитымъ мальчикамъ надоѣдало подобное заучиваніе, они бросали ученье и находили другого рода развлеченія, именно: воровство, битье другъ друга и т. д. Учителя были люди мало свѣдущіе въ дѣлѣ обученія, старавшіеся воздѣйствовать на своихъ воспитанниковъ палкой» и пр. и пр.

Какое убожество литературнаго вкуса и чутья языка, какая стилистическая и логическая безпомощность! И это, къ сожалѣнію, не исключеніе, а общее правило!

Любопытно, что на это прискорбное явленіе нѣсколько разъ указывали помѣщенные въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* офиціальные отчеты профессоровъ, которымъ были поручены разборъ и общая характеристика ученическихъ работъ средне-учебныхъ заведеній,—и указывали обыкновенно стилемъ болѣе чѣмъ нескладнымъ...

Такъ замыкается желѣзный кругъ: средняя и высшая школа поставляютъ наукѣ, литературѣ и обществу безграмотныхъ людей, которые и въ новыхъ жизненныхъ условіяхъ ничему не научаются, въ большинствѣ же случаевъ окончательно теряютъ чутье языка, если природа не надѣлила ихъ этимъ чутьемъ настолько щедро, что съ нимъ не могли справиться ни школа, ни литература, ни наука.

Какъ разомкнуть, разорвать этотъ ужасный кругъ?

По нашему глубокому убѣжденію, начинать нужно съ низшей и средней школы, съ полной перестройки всего преподаванія русскаго языка и словесности. Вернуть притупленное или совсѣмъ исчезнувшее чутье родного языка можно только при внимательномъ, вдумчивомъ, глубокомъ и любовномъ изученіи произведеній Пушкина, Бѣлинскаго, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островскаго...

Вл. Каллашъ.

Земледѣліе и земледѣлецъ центральной, промышленной губерніи.

Земско-статистическія изслѣдованія Владимірской губерніи, одной изъ центральныхъ, бойкихъ, промышленныхъ губерній, вносятъ совершенно новый матеріалъ въ литературу нашего отечествознанія. Въ настоящее время статистическія изслѣдованія организованы во всей промышленной полосѣ Россіи, но вездѣ они только начаты, во Владимірской же губерніи мы имѣемъ вполнѣ обработанныя данныя о цѣлыхъ 5 уѣздахъ. Это единственныя пока еще свѣдѣнія о нашей центральной деревнѣ, могущія пролить свѣтъ на положеніе крестьянства и крестьянскаго хозяйства во всей промышленной полосѣ Россіи.

Наши свѣдѣнія касаются наиболѣе земледѣльческой части Владимірской губ., уѣздовъ Муромскаго, Меленковскаго, Владимірскаго, Суздальскаго и Вязниковскаго, Иваново-Вознесенскій и Орѣхово-Зуевскій фабричные районы не входятъ въ наше изслѣдованіе. Такъ что тѣ факты и тенденціи, которые намъ удалось обнаружить въ жизни современной центральной промышленной деревни, не могутъ быть названы крайними, исключительными для сужденія о всемъ промышленномъ районѣ.

Только то дѣлаетъ знаніе цѣннымъ, что покоится на несомнѣнныхъ, объективныхъ данныхъ, охватывающихъ всю область разсматриваемаго явленія, а не на поверхностныхъ осколкахъ частнаго наблюденія, отражающихся въ субъективномъ представленіи какого-нибудь отдѣльнаго изслѣдователя. Въ этомъ отношеніи сплошное, подворное изслѣдованіе почти 100 тысячъ крестьянскихъ дворовъ съ нѣсколько болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ упомянутыхъ 5-ти уѣздовъ даетъ достаточно гарантій точности и безпристрастности предлагаемыхъ ниже выводовъ. Кромѣ этой подворной переписи въ нашемъ распоряженіи имѣются еще сообщенія за рядъ лѣтъ, такъ называемыхъ, добровольныхъ корреспондентовъ губернской земской управы, мѣстныхъ жителей изо всѣхъ уголковъ губерніи, сообщающихъ 2 раза въ годъ разнообразныя свѣдѣнія о деревенской жизни. Ихъ живое, выразительное изображеніе различныхъ сторонъ статики и главное динамики крестьянскаго хозяйства въ значительной сте-

пени иллюстрируетъ сухой, краткій языкъ цифръ переписи. Личное участіе въ работахъ Владимірскаго статистическаго бюро, непосредственное двухлѣтнее наблюденіе деревни этого края даетъ возможность пишущему эти строки глубже проникнуть въ сухой матеріалъ голыхъ цифръ, переработать ихъ въ своихъ наблюденіяхъ, оживить въ своихъ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя такъ сильно завладѣваютъ вниманіемъ всякаго, кому представится случай такъ близко столкнуться лицомъ къ лицу съ деревенской жизнью, какъ земскому статистику, по долгу дѣла входящему во всѣ подробности нуждъ и невзгодъ крестьянской жизни.

I.

Со словомъ крестьянинъ у насъ связано представленіе о земледѣльцѣ, въ потѣ лица добывающемъ хлѣбъ свой. Каково же удивленіе наблюдателя, когда онъ въ цѣлыхъ округахъ не увидитъ ни одного лица мужского пола, умѣющаго взяться за соху, даже просто запрячь въ телѣгу лошадь. Что ни мужикъ, то или плотникъ, или каменщикъ, или фабричный, приходящій домой только отдохнуть и имѣющій самое смутное понятіе о своей землѣ, которую обрабатываютъ женщины, къ которымъ и отсылаютъ статистика со всѣми вопросами о крестьянскомъ хозяйствѣ. Только $16{,}_2\%$ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ занимаются однимъ земледѣліемъ и болѣе половины всѣхъ работниковъ отрываются отъ земли. Да и изъ этихъ 16% занимающихся только земледѣліемъ цѣлая половина въ возрастѣ отъ 51—60 лѣтъ, т.-е. лица, уже выброшенныя за бортъ промысловой дѣятельности (Сузд. у.). Лучшія же соки деревни отвлекаются въ городъ и на фабрику. Цѣлыхъ $^3/_4$ отхожихъ промышленниковъ находятся въ цвѣтѣ силъ и здоровья, въ возрастѣ до 40 лѣтъ. Съ 41 года начинается быстрый упадокъ процента отхода и старше 56 лѣтъ мы встрѣчаемъ среди работающихъ на сторонѣ только одного изъ 100 человѣкъ. Въ 40—45 лѣтъ промышленникъ уже изнашивается и возвращается въ деревню, чтобы ковырять ослабѣвшими руками истощенную, суглинистую почву.

«Вслѣдствіе малоземелья, ухудшенія почвы,—пишутъ изъ Меленковскаго у.,—за невозможностью расширить землевладѣніе покупкой и подъ давленіемъ фабрики окрестныя деревни разрушаются; молодежь, въ количествѣ отъ $^2/_3$ до $^3/_4$, уходитъ на фабрики, гдѣ живется сноснѣе, и въ деревняхъ въ большинствѣ случаевъ остаются старики, выросшіе во времена крѣпостного права. Въ д. Петровкахъ, исключая одного 70-лѣтняго старика, всѣ живутъ на фабрикѣ». «У насъ,—слышится голосъ изъ другого уѣзда, Ковровскаго,— до 30% сгорѣвшихъ дворовъ вновь не выстраиваются. Послѣ семейнаго раздѣла отдѣлившіеся также всѣ безъ исключенія уходятъ на фабрики». «Всѣ жители мужского пола отъ 14—60-лѣтняго возраста живутъ въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ по плотницкой и столярной части, для каковыхъ людей дѣловъ всегда достаточно».

Изъ наиболѣе захваченнаго фабричною жизнью уѣзда—Шуйскаго, жалуются: «населеніе со временемъ, а именно со смертью стариковъ, которые еще по привычкѣ не бросаютъ землю, видно, совсѣмъ прекратитъ земледѣліе. И это будетъ у насъ въ недалекомъ будущемъ, если не приняты будутъ какія-нибудь мѣры къ поднятію земледѣлія въ нашей мѣстности и если не сократятъ права крестьянъ на выселенія въ города и фабричные центры. Фабрика заставитъ крестьянъ совсѣмъ позабыть о пашнѣ». Изъ другого уѣзда съ сильно развитымъ отходомъ въ каменщики—Владимірскаго, вторятъ: «дома остались только старые да малые. Дѣло дойдетъ до того, что всѣ бросятъ пахать. Кричатъ на сходѣ и вездѣ, что обрабатывать землю не выгодно, даже пословицу сложили, что работа любитъ дураковъ. Годъ отъ года люди стали разживаться, а земля стала безъ сѣмянъ оставаться. Пустошамъ (т.-е. заброшенной пашнѣ) радуются, что привольно гулять ихъ скотинѣ, а о томъ никто не думаетъ, что земля яловитъ безъ пользы».

«Увеличивается уходъ на фабрику не по днямъ, а какъ говорится, по часамъ. Всѣ бросаютъ землю, а молодежь вся на фабрикѣ. Уменьшеніе рабочихъ часовъ на фабрикѣ особенно многимъ по вкусу. Легкая и прибыльная работа кому не понравится. Мѣсяцъ прожилъ на фабрикѣ, хвать 20—25 руб. заработалъ, и даже женщины 15 руб. легко зарабатываютъ въ мѣсяцъ. А выручитъ ли такую сумму крестьянинъ дома за сохою?—Никогда!».

Конечно, не вездѣ земледѣліе въ такомъ пренебреженіи; землей вездѣ дорожатъ, какъ средствомъ занятія остающихся дома свободныхъ рукъ, но и эти отзывы характерны въ высшей степени для многихъ и очень многихъ уголковъ Владимірской губерніи. Огромный, достигающій чуть не до половины (46) процентъ безлошадныхъ дворовъ, обработка земли наемнымъ трудомъ, изъ года въ годъ увеличивающееся количество забрасываемой, остающейся безъ обработки пашни—все это грозные симптомы разрушенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, а съ нимъ и старыхъ деревенскихъ «устоевъ» подъ напоромъ бурныхъ волнъ развивающейся промышленной жизни, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже врѣзывающихся во Владимірскую деревню, захватывающихъ концентрическими кругами все большую и большую площадь крестьянскаго населенія края.

Запущеніе пашни съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры, все чаще пестрятъ крестьянскія поля незасѣянными полосами. По даннымъ центральнаго статистическаго комитета площадь посѣва въ центральныхъ губерніяхъ сократилась еще лѣтъ 10 тому назадъ; теперь же это явленіе обнаружилось еще рѣзче. Даже въ земледѣльческихъ уѣздахъ ея, напр., Меленковскомъ, % запущенной пашни равняется 8, въ Вязниковскомъ же 11-ти. Подъѣзжая къ Шуѣ, Иваново-Вознесенску, Тейкову, наблюдатель прямо поражается печальнымъ видомъ полей, перерѣзанныхъ, какъ старый, вытертый, никуда негодный коверъ, сѣрыми

полосами пустырей, заросшихъ былинникомъ, полыньею, покрытыхъ камнемъ. «Третья часть полей засѣяна,—пишутъ изъ одного мѣстечка Шуйскаго уѣзда,—а все остальное валяется». «Здѣсь (подъ Тейковымъ) близъ фабрикъ давно многія поля запущены, они заросли не только травою, но даже лѣсомъ и кустарникомъ. Народъ увлеченъ фабричнымъ дѣломъ. Пахать некому. А нанять—что годъ, то все рабочіе дорожаютъ». И это не только, какъ мы указали, въ фабричныхъ уѣздахъ. Изъ Судогодскаго уѣзда, гдѣ нѣтъ ни одной крупной фабрики, пишутъ тоже: «число пустырей все увеличивается, поля запускаются подъ покосъ. Причина—въ невыгодности хозяйства и въ увеличеніи отхода населенія на заработки. 50 лѣтъ тому назадъ были раздѣлы пустошей, а теперь — кому раздѣлывать? Старику въ 60 лѣтъ? Нѣтъ, ужъ не то время!» «Крестьянскіе яровые посѣвы сокращаются,—сообщаютъ изъ Ковровскаго уѣзда,—ближе къ дому пашутъ все, а вдали за нѣсколько верстъ ужъ пахать оставляютъ». Итакъ, отсутствіе рукъ, отвлеченныхъ изъ деревни на сторонніе заработки, сокращеніе числа лошадей, недостатокъ навоза и потому постепенное истощеніе почвы—вотъ главныя причины запусканія пашни подъ ничего не приносящіе пустыри или мало пригодные покосы. Кстати надо замѣтить, что всѣ эти причины оказываютъ вліяніе на сокращеніе запашки лишь въ томъ случаѣ, если вліяніе ихъ на крестьянскія хозяйства получаютъ широкій, массовый характеръ. Въ противномъ случаѣ, земля, освободившаяся изъ рукъ обѣднѣвшихъ или ушедшихъ на заработки крестьянъ, переходитъ въ руки наиболѣе состоятельной и хозяйственной группы крестьянства въ формѣ аренды. Тамъ же, гдѣ уходъ на сторону принимаетъ массовый характеръ, тамъ «охотниковъ на землю стало мало». «Въ аренду земли не берутъ,—говорятъ изъ Покровскаго уѣзда,—и своей земли валяется подъ залогами почти $^1/_3$». Или изъ Шуйскаго уѣзда: «отдаютъ земли много, но брать некому; у насъ въ деревняхъ старый да малый, остальные всѣ на фабрикахъ» и т. д. Въ иныхъ уѣздахъ, какъ, напр., Суздальскомъ, даже помѣщичьи земли валяются безъ всякой пользы. Можно видѣть цѣлыя сотни десятинъ, поросшихъ былинникомъ и бурьяномъ, съ выступившими на поверхность осѣвшейся почвы камнями. Уже лѣтъ 10 какъ лежатъ эти земли; крестьяне не берутъ ихъ обрабатывать даже даромъ, а лѣсъ не растетъ. Вообще помѣщики и богатые крестьяне теперь переходятъ къ лѣсному хозяйству, какъ самому выгодному. Арендныя цѣны на пашню падаютъ годъ отъ году.

Мы уже указывали, что % безлошадныхъ дворовъ по 5 уѣздамъ равняется 46. Хозяйствъ же безъ коровы приходится на 100 почти 20, и безъ всякаго скота—16. Это «существованіе безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ—своего рода вещественное доказательство невещественныхъ отношеній въ обществѣ, основанномъ на земледѣліи»,—какъ выражается проф. Скворцовъ.

Чтобъ представить себѣ, какъ недостаточно скота у владимірскаго крестьянина, приведемъ сравнительныя данныя о количествѣ лошадей и рога-

таго скота на 100 жителей въ иностранныхъ государствахъ и вообще въ Россіи и во владимірской деревнѣ:

	Лошадей.	Рогатаго скота.
Въ Германіи	8,1	38,5
Во Франціи	7,5	30,8
» всей Россіи	22,2	33,6
Въ деревняхъ 5 уѣздовъ Владим. губ. .	11,5	19,8

Изъ года въ годъ общее количество лошадей по всей Владимірской губерніи падаетъ, и возвышается съ другой стороны % безлошадныхъ, какъ то можно видѣть по конскимъ переписямъ. Отъ времени послѣдней конской переписи и до 1899 г., приблизительно за 15 лѣтъ, на каждыя 100 лошадей у крестьянъ осталось теперь только 88,3. Неудивительно, что 4% надѣльныхъ, живущихъ въ своихъ деревняхъ, дворовъ сдаютъ въ аренду сосѣдямъ всю свою пашню, и 12% часть пашни. Кромѣ того, 6% дворовъ совсѣмъ не сѣютъ хлѣба. Слѣдовательно, $^1/_{10}$ часть крестьянъ совсѣмъ не ведутъ хозяйства, да и изъ остальныхъ-то $^9/_{10}$ цѣлая $^1/_4$ обрабатываютъ землю наймомъ чужой лошади и пахаря, и только меньшая половина управляютъ всѣ полевыя работы одной своей семьей. Рядомъ съ крестьянами, имѣющими надѣлъ, стоятъ почти 10% безнадѣльныхъ и около 6% совсѣмъ покинувшихъ деревню болѣе 2-хъ лѣтъ. Изъ живущихъ въ деревнѣ 3% не имѣютъ своего дома—это кандидаты на городской пролетаріатъ, такъ какъ бо́льшая часть ихъ принадлежитъ къ фабричныхъ семьямъ, которыя черезъ годъ-два попадутъ въ рубрику дворовъ выселившихся. Значительный % безнадѣльныхъ дворовъ объясняется тѣмъ, что въ мѣстахъ, гдѣ земля окупаетъ тяжесть лежащихъ на ней платежей, сельскія общества позволяютъ лицамъ, живущимъ на фабрикахъ, въ городахъ, отказываться отъ причитающейся на ихъ долю части общественной земли, такъ называемой «души», которая переходитъ тогда въ общую раскладку. Въ противномъ случаѣ, крестьянинъ долженъ нести всю тяжесть, связанную съ принадлежащей ему по принудительной раскладкѣ земли. Часто промышленники совсѣмъ не обрабатываютъ свой надѣлъ, часто сдаютъ за $^1/_2$, $^1/_4$ лежащаго на ихъ надѣлѣ оброка, часто отдаютъ даромъ всякому желающему, лишь бы земля совсѣмъ не истощилась безъ обработки. Въ Покровскомъ уѣздѣ въ одной волости существуетъ обычай сдавать свой надѣдъ за крынку молока, когда самъ сдающій долженъ ежегодно платить за свое право обладанія землей 8—16 рублей, не считая разнообразныхъ натуральныхъ повинностей, тяжелымъ бременемъ вообще ложащихся на крестьянскую землю. Вотъ эти-то 6% безпосѣвныхъ и 16% сдающихъ часть или всю свою пашню въ аренду и принадлежатъ къ такого рода счастливымъ обладателямъ собственности. Идеалъ почти всякаго фабричнаго и другого промышленника, живущаго по городамъ — это попасть въ число 10% безнадѣльныхъ, т.-е развязаться съ землей и сопряженными съ пей расходами на подати, натуральныя повинности. Но вездѣ, даже тамъ, гдѣ земля окупаетъ платежи, гдѣ, слѣдовательно, можно сдать ее безъ

убытка въ аренду и даже получить за это извѣстную приплату, можно избавиться отъ расходовъ за землю. Въ уголкахъ, прилегающихъ къ промышленнымъ районамъ, гдѣ «тяга» на фабрику вызвала массовое желаніе раздѣлаться и развязаться съ землей, сельскія общества, точнѣе лица, остающіяся въ деревнѣ, придумали способы обложенія уходящихъ на фабрику семей. Противъ выкупа надѣла существуетъ спеціальная статья, дозволяющая его только съ согласія общества, земля же, находящаяся въ общемъ владѣніи, подлежитъ въ правѣ свободнаго распоряженія ею большимъ ограниченіямъ. Ничего бы не было, казалось, проще, какъ, наприм., въ части Суздальскаго уѣзда, прилегающей къ Тейкову, сдать уходящему на фабрику лицу свою землю въ аренду сосѣду, когда можно вернуть за это не только всѣ платежи, но даже получить небольшую придачу. Но остающіеся дома крестьяне отыскали въ законахъ статью, при извѣстномъ толкованіи воспрещающую сдачу надѣльной земли въ аренду даже своему однообщественнику на томъ основаніи, что снимающій не будетъ какъ слѣдуетъ унаваживать снятыя полосы и потому будетъ истощать ихъ, т.-е. часть общественной земли. На томъ же основаніи никто не можетъ и запускать свою пашню, а долженъ обрабатывать ее самъ, въ противномъ случаѣ сельское общество беретъ этотъ надѣлъ себѣ и дѣлитъ его, оставляя платить всѣ повинности тому, кому принадлежитъ этотъ надѣлъ. Такъ что фабричный никакъ на можетъ увернуться отъ расходовъ на землю. Онъ долженъ или платить всѣ платежи, что составитъ рублей 8—16 въ годъ, или откупаться отъ общества 7—10 рублями ежегодно за то, чтобъ оно сняло съ него землю. Это открытіе въ законахъ очень понравилось кореннымъ крестьянамъ и оно изъ Шуйскаго уѣзда стало быстро распространяться и по прилегающему Суздальскому уѣзду, тѣмъ болѣе, что земскіе начальники, мѣстные землевладѣльцы сочувствуютъ этому, такъ какъ питаютъ достойную ненависть къ «ненасытнымъ утробамъ» фабрикъ, отнимающихъ отъ деревни рабочія руки, и поднявшихъ цѣны на нихъ въ деревнѣ такъ высоко, что помѣщичье земельное хозяйство вести стало прямо невозможно. «Тяга» рабочаго крестьянскаго населенія направляется исключительно въ крупные фабричные и городскіе центры и притомъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Такъ, въ Суздальскомъ уѣздѣ изъ всѣхъ выселившихся дворовъ половина ушла на фабрики, 23,4% въ близъ лежащіе города и лишь 6,8% разошлось по уѣздамъ сосѣднимъ и дальнимъ. Изъ всѣхъ выселившихся лишь $1^1/_2$% занимаются земледѣліемъ, остальные—фабричные, каменщики, плотники и другія профессіи. Если посмотрѣть на размѣръ выселенія за послѣдніе годы, то увидимъ такую картину:

6—7	лѣтъ	тому	назадъ	выселилось	6,5%	дворовъ
4—5	»	»	»	»	13,5%	»
2—3	»	»	»	»	19 %	»

Т.-е прежде выселеніе шло гораздо слабѣе, чѣмъ за послѣднее время. Теперь на 100 тысячъ дворовъ изслѣдованныхъ уѣздовъ уходитъ изъ де-

ревни ежегодно до 800 семей. Вообще же выселилось 8,1% дворовъ, т.-е. распростилось съ деревней почти $^1/_{12}$ ея обитателей. Большая часть этихъ переселенцевъ (60%) безнадѣльные дворы, т.-е. сумѣвшіе развязаться съ землей. Но всетаки 40% и до сихъ поръ принуждены считаться съ деревней, платить оброкъ, нанимать за себя отбывальщиковъ натуральныхъ повинностей и прочія хлопоты, связывающія значительно руки тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ уйти отъ власти земли, жить «на вольномъ воздухѣ, на дешевыхъ хлѣбахъ». Это одна изъ тѣхъ узъ, которыя люди придумали «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ».

Вотъ общая, рисующаяся при бѣгломъ взглядѣ картина крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства во Владимірской губерніи. Во многихъ уголкахъ въ деревнѣ остается лишь старый да малый, исключительно земледѣліемъ занято лишь 16,2% работниковъ мужского пола; пашни пустуютъ отъ 8—10%, 6,3% дворовъ совсѣмъ ничего не сѣютъ, 16% сдаютъ свой надѣлъ весь или частью въ аренду, 46% безлошадныхъ дворовъ, изъ семей, ведущихъ хозяйство, цѣлая $^1/_4$ нанимаетъ и лошадь и пахаря, такъ называемаго «управщика»; въ концѣ-концовъ 8,1% дворовъ, ушедшихъ изъ своихъ деревень въ полномъ составѣ уже болѣе 2-хъ лѣтъ. «Земля истощилась, хлѣбъ не родится, нѣтъ разсчетовъ пахать землю, когда хлѣбъ можно купить на заработанныя деньги легче и спокойнѣе». «Тяжелый и неблагодарный трудъ земледѣльца,—по выраженію самихъ мѣстныхъ обывателей,—смѣняется промысловымъ трудомъ все больше и шире». «Время измѣнилось совершенно, — говоритъ одинъ корреспондентъ, — кто прежде много пахалъ земли, тотъ и жилъ богато, и все у него было, а кто мало пахалъ и уходилъ на сторону, у того ничего не было; нынче наоборотъ, кто ходитъ на посторонніе заработки, тотъ живетъ хорошо, а кто пашетъ много земли, тотъ проживается». Текущая земская статистика за 4 года регистрируетъ постоянное увеличеніе отхожихъ промысловъ и паденіе мѣстныхъ. «Время нынѣшняго вѣка,—патетически восклицаетъ одинъ корреспондентъ губернскаго земства,—можно назвать серебряно-золотымъ вѣкомъ... Крестьянамъ нашей деревни живется какъ нельзя лучше: требуютъ ихъ на работу повсюду, какъ на отхожіе промыслы въ каменщики, такъ и на мѣстные заводы». Отовсюду мы слышимъ отъ крестьянъ радостныя привѣтствія по адресу фабрикъ и горькія жалобы на ихъ отсутствіе въ глухихъ, непромышленныхъ уголкахъ губерніи. «Такъ бы я и каждый крестьянинъ,—пишетъ одинъ изъ обитателей такихъ уголковъ,—посовѣтовалъ бы *владимірскому правительству* дозволить строить фабрики и заводы и разные промыслы, и было бы легче жителямъ губерніи и городу... всякъ могъ бы скорѣе кусокъ заработать тогда, да и городу лучше бы было и онъ бы могъ лучше торговать, и построекъ производить бы стали больше, и каменщикъ былъ бы дороже, и фабричный, однимъ словомъ, — все было бы лучше», заключаетъ доморощенный политико-экономъ, на своихъ плечахъ выносящій всю тяжесть кормилицы-земли.

II.

Развитіе отхожихъ промысловъ проводитъ рѣзкую черту среди крестьянскихъ хозяйствъ во владимірской деревнѣ: одни всецѣло заняты промыслами, другіе дорожатъ земледѣліемъ; одни стараются совсѣмъ отдѣлаться отъ обладанія землей, другіе округляютъ свои надѣлы арендой и прикупкой земельныхъ участковъ; у половины есть лошади, у другой — нѣтъ, и эти или совсѣмъ не ведутъ хозяйства или нанимаютъ и лошадь, и рабочія руки, у половины нехватаетъ хлѣба даже на собственное прокормленіе, у другой получается еще остатокъ для продажи. Среди разнообразнѣйшихъ причинъ, ставящихъ крестьянскія домохозяйства въ разрядъ промысловыхъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ размѣръ землевладѣнія. Недостатокъ земли скорѣе всего заставляетъ крестьянина идти на заработки, знакомиться съ городской и фабричной жизнью, а потомъ и совсѣмъ забрасывать земледѣліе, какъ невыгодное, тяжелое, неблагодарное занятіе. Если мы возьмемъ общины 2-хъ уѣздовъ Муромскаго и Вязниковскаго и разобьемъ по размѣру надѣла на 3 группы: общины съ низшимъ, среднимъ и высшимъ надѣлами, то увидимъ, что чѣмъ больше надѣловъ, тѣмъ меньше въ этихъ общинахъ промышленниковъ, тѣмъ меньше сдаютъ крестьяне свои земли въ аренду, и больше арендуютъ сами, тѣмъ меньше уходятъ навсегда изъ деревни. Вотъ данныя о $33^1/_2$ тыс. дворовъ упомянутыхъ двухъ уѣздовъ.

Общины съ надѣломъ.	% дворовъ въ группѣ.	% дворовъ съ промысломъ.	% работниковъ м. п. съ промысломъ.	% домохозяевъ, сдающихъ свой надѣлъ въ аренду.		% дворовъ арендующ. землю.	% надѣльн. дворовъ безъ посѣва.
				Цѣлик.	Частью.		
Низшимъ . .	39,6	88,0	87	7	8,6	44	12,2
Среднимъ . .	46,3	85,6	84	6,7	7,4	38,4	9,3
Высшимъ . .	14,1	81,7	79,2	6,3	7,0	89,6	9,7

Надо замѣтить, что въ этой группировкѣ мы беремъ по извѣстному признаку цѣлыя общины, и всетаки размѣръ землевладѣнія оказываетъ рѣшающее значеніе на развитіе промысловъ и въ связи съ этимъ на положеніе земельнаго хозяйства. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ группировокъ по размѣрамъ землевладѣнія у каждаго отдѣльнаго двора, исключая одного уѣзда—Юрьевскаго, гдѣ даны комбинаціонныя таблицы по посѣвной площади каждаго хозяйства. Если мы всѣ дворы этого уѣзда соединимъ по величинѣ ихъ запашки въ 4 почти равныя группы, то получимъ слѣдующую краткую, но выразительную табличку:

Группы дворовъ по посѣвной площади.	% дворовъ въ группѣ.	% наличнаго населенія въ группѣ.	% мужчинъ съ промыслами.	% женщинъ съ промыслами.	Изъ 100 работн. муж. п. занимаются только землед.	На 100 дворовъ безлошадныхъ.	На 100 дворовъ не имѣютъ никакого скота.	Коровъ на 100 душъ обоего пола.	Изъ 100 над. дворовъ сдаютъ свой надѣлъ.	Изъ 100 дворовъ арендуютъ землю.	Изъ 100 дворовъ имѣютъ купчія земли.	На 100 д. над. пашни приходится.		% дес. посѣвной площади въ каждой группѣ.	% дворовъ съ промышленными заведеніями.
												Пашни кучей.	Пашни сданной въ аренду.		
Безпосѣвные и съ пос. до 3 дес. . .	29,2	18,1	58	23	6,0	86	54,0	11,6	25,0	22,3	8,3	4,0	42,5	6,4	1,7
3,1—6 дес.	34,7	32,2	45,3	11,5	21,5	12,9	1,1	19,2	8,9	63,3	15,9	3,0	1,9	29,7	4,6
6,1—9 „	21,6	26,3	40,0	10,3	28,6	1,1	0,4	18,7	5,3	72,5	14,5	4,1	0,8	29,5	11,3
9 и бол. д.	14,5	23,1	38,2	7,6	31,8	0,4	0,3	20,5	4,5	83,7	23,0	10,7	0,8	34,4	33,3

Человѣку, привыкшему читать по цифрамъ, тотчасъ нарисуется такая картина существующей дифференціаціи въ деревнѣ одного изъ наиболѣе земледѣльческихъ уѣздовъ Владимірской губерніи. Высшая по размѣру посѣвной площади группа дворовъ, заключающая нѣсколько менѣе $^1/_4$ всего крестьянскаго населенія, владѣетъ болѣе $^1/_3$ всей посѣвной площади въ уѣздѣ, вчетверо больше первой, низшей группы; почти ничего не сдаетъ изъ своей земли въ аренду и, напротивъ, арендуетъ чужую землю, конечно, изъ первой, малосостоятельной по землѣ группы, болѣе чѣмъ $^1/_5$-ми своихъ дворовъ; имѣетъ въ 6—7 разъ больше купчей земли, почти не имѣетъ безлошадныхъ дворовъ, и на одинъ изъ трехъ дворовъ владѣетъ промышленнымъ заведеніемъ. Это — крестьянская буржуазія, отвоевавшая себѣ на счетъ первыхъ группъ наиболѣе прочное положеніе въ деревнѣ, тогда какъ первая группа, у которой посѣвной площади относительно населенія вчетверо меньше, чуть не половину своей земли (42,5%) сдаетъ въ аренду, имѣетъ лошадь только черезъ 7 дворовъ на восьмой и бо́льшей своей половиной не имѣетъ никакого скота. Понятно, что почти всѣ крестьяне въ этой группѣ занимаются сторонними промыслами, а на земледѣліе оставляютъ только 6% своихъ работниковъ, тогда какъ въ послѣдней группѣ этотъ % поднимается до 31,8. Въ этой группѣ дворовъ съ промышленными заведеніями только 1,7%. Въ промежуткѣ между этими крайними группами расположена остальная часть (почти $^1/_2$) крестьянскихъ дворовъ, дающихъ правильную лѣстницу процентныхъ отношеній по всѣмъ рубрикамъ въ зависимости отъ того, сколь велика посѣвная площадь въ ихъ обладаніи. Если пахотной земли во дворѣ достаточно, то онъ меньше обращается къ промысламъ, больше имѣетъ скота, не сдаетъ землю, а, на-

противъ, самъ нанимаетъ и покупаетъ, обзаводится какимъ-нибудь промышленнымъ заведеніемъ, однимъ словомъ, прочно обосновывается на землѣ и въ своей деревнѣ.

Этотъ расколъ, такъ ярко подчеркнутый приведенной группировкой, относится, конечно, только къ сельско-хозяйственной сторонѣ крестьянскихъ дворовъ, и ничего не говоритъ объ ихъ благосостояніи, такъ какъ послѣднее опредѣляется главнымъ образомъ внѣземледѣльческими заработками. Мы хотимъ всѣмъ этимъ показать только, изъ какихъ рядовъ крестьянскаго населенія набираются чисто-промышленные дворы, совсѣмъ забрасывающіе земледѣліе, хотя и живущіе въ деревнѣ, и еще тѣ факторы, которые вліяютъ на развитіе промысловой дѣятельности крестьянскаго населенія.

Картина положенія крестьянскаго хозяйства во владимірской деревнѣ, нарисованная нами въ 1-й главѣ, — картина могучаго зданія, растреснувшагося по всѣмъ швамъ, принимаетъ теперь нѣсколько иной видъ, получаетъ болѣе опредѣленное освѣщеніе. Деревня раскалывается на части: одна часть уходитъ на сторону, забрасываетъ свою землю и дорожитъ ею лишь постольку, поскольку она нужна, чтобы занять свободныя отъ промысла руки женщинъ и стариковъ (обработка чужой лошадью, наймомъ рукъ), другая же часть прочно держится земли, почти не имѣетъ безлошадныхъ, округляетъ свои владѣнія наймомъ и покупкою земли на счетъ первой части. Въ какомъ направленіи дальше идетъ этотъ расколъ, какъ онъ отражается на благосостояніи деревни, этого мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать за отсутствіемъ матеріала, въ общемъ небогатаго деталь ностью разработки и удачнымъ выборомъ признаковъ для группировокъ.

Этотъ расколъ, который внесла въ деревню волна промышленной жизни, мы можемъ обрисовать еще нѣсколькими чертами тѣхъ измѣненій въ нравственной и бытовой сторонѣ деревни, какія внесла въ старые «устои» новая, скорымъ темпомъ несущаяся впередъ жизнь. Мы нарисуемъ словами самихъ мѣстныхъ жителей-корреспондентовъ нравственную физіономію отхожаго промышленника, довольно рѣзко въ общемъ отличающуюся отъ крестьянина-земледѣльца, не видавшаго ничего дальше своей деревни.

III.

За послѣдніе годы, какъ мы уже упоминали, отхожіе промыслы по Владимірской губерніи сильно развиваются, на что указываютъ четырехлѣтнія данныя текущей статистики. Это развитіе идетъ на счетъ сокращенія мѣстныхъ промысловъ за полною ихъ бездоходностью и на счетъ занятія земледѣліемъ. Благодаря все усиливающемуся отходу крестьянскаго населенія на сторону, арендныя цѣны на землю падаютъ съ каждымъ годомъ. Измѣняется теперь и самый характеръ промысловъ. Если раньше они носили временный, сезонный характеръ, отнимая крестьянина изъ деревни

лишь на нѣсколько времени, часто даже отпуская его среди лѣта на полевыя работы, то теперь не только фабрика, но и остальныя занятія берутъ у крестьянина все время, не отпуская его въ деревню ни на минуту до тѣхъ поръ, пока нельзя уже силою вещей продолжать работы. Такъ, фабричные теперь работаютъ круглый годъ, не уходя домой ни на одинъ день, каменщики 6—7 мѣсяцевъ въ году подъ рядъ, плотники еще дольше, часто круглый годъ, котельщики не возвращаются домой по 3—5 лѣтъ и т. д. Даже такія работы, какъ плотницкая, имѣютъ теперь тенденцію къ занятію рабочаго круглый годъ, такъ что въ Покровскомъ уѣздѣ,—уѣздѣ плотниковъ, масса семействъ переселяются на сторону, въ южные города только потому, что главы семейства прочно устраиваются тамъ на неопредѣленно долгое время.

Благодаря всему этому, среди промышленниковъ въ послѣднее время особенно ярко сталъ вырисовываться особый типъ, рѣзко выдѣляющійся на общемъ сѣромъ фонѣ деревни. Это человѣкъ, познакомившійся съ лучшей жизнью, свободнѣе и смѣлѣе глядящій вокругъ себя, котораго уже мало касаются предразсудки деревни. Послушаемъ самихъ корреспондентовъ владимірскаго губернскаго земства, мѣстныхъ старожилъ, на глазахъ которыхъ происходитъ указанное явленіе.

«Въ послѣднее время въ бытѣ крестьянъ,—говоритъ одинъ корреспондентъ,— замѣчаются улучшенія, доказательствомъ этого служитъ то, что до возникновенія фабрикъ всѣ вдовы, сироты, семейства съ большимъ числомъ дѣтей кормились подаяніемъ, а теперь всѣ говорятъ: «куда дѣлись нищіе, ни одного не видно», а нищіе эти дѣлись на тѣ же фабрики, тамъ кормятся и кормятъ свои семейства». Но, съ другой стороны «отхожіе промыслы,—жалуются изъ Покровскаго уѣзда,—отучаютъ населеніе отъ земледѣлія; въ настоящее время замѣчается, что молодые люди, работая на фабрикахъ, отстали совсѣмъ отъ земледѣлія и не знаютъ, какъ взяться за соху и косу». «Да разъ бросилъ человѣкъ крестьянство,—замѣчаетъ другой корреспондентъ,—и ушелъ, то къ чему онъ вернется? Завести хозяйство не на что; и приходится работать, покуда сила есть, на людей, а старость пришла — на родину идти, собирать даровые куски». Вотъ почва, на которой создается новый типъ промышленника-крестьянина.

Съ измѣненіемъ формъ добыванія средствъ къ жизни, всегда измѣняются и семейныя отношенія членовъ семьи. Когда вся семья работаетъ вмѣстѣ за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, то вмѣстѣ дѣлятъ и заработокъ. Это имѣетъ мѣсто въ патріархальной, чисто земледѣльческой семьѣ. Но какъ только отдѣльные члены домохозяйства начинаютъ пріобрѣтать средства каждый по одиночкѣ, самостоятельно, то, естественно, является желаніе у каждаго члена семьи удержать заработанное для себя лично и въ тѣсномъ кругу своей личной семьи. Это соотвѣтствуетъ промыслово-ремесленной семьѣ, когда старая, большая патріархальная семья начинаетъ

разлагаться, когда каждый ушедшій на заработки членъ семьи, старается обособиться, чтобы не дѣлиться своимъ личнымъ заработкомъ съ своими семейными. Во Владимірской деревнѣ мы отовсюду слышимъ жалобы со стороны стариковъ на раздѣлы, на то, что молодежь забываетъ домъ, что старики перестаютъ уже пользоваться безусловнымъ авторитетомъ, какъ въ старину. Теперь главными добытчиками въ хозяйствѣ являются младшіе члены семьи, которые и начинаютъ задавать тонъ всему. «А молодежь стала нынче большая,—сѣтуетъ одинъ старожилъ,—стариковъ не слушается, только смѣется». Какъ женился сынъ, такъ сейчасъ же норовитъ отдѣлиться, а ушедшіе на фабрику и носа не кажутъ домой. Такъ мѣняются времена, мѣняемся и мы съ ними.

Вся жизненная обстановка отхожаго промышленника, «привыкшаго къ легкой, разгулистой жизни», совсѣмъ иная, чѣмъ обычная деревенская. Онъ «много тратитъ на одежду и вообще проживаетъ не производительно». «Отхожіе заработки,— жалуются корреспонденты,— могли бы доставлять каждому крестьянину богатство, если бы расходы были крестьянскіе... Каждый тратитъ на харчи 6 руб. въ мѣс.,—дома на эти деньги будетъ сыто цѣлое семейство». «Пьютъ чай,— замѣчаетъ другой,—два раза съ пшеничнымъ хлѣбомъ, а мужику и лепешка чечевичная лучше пшеничнаго»; «тратятъ много на одежду, часы, гармоники и прочія принадлежности туалета,—добавляютъ третій; «роскошничаютъ... каждый день два раза чай, а иногда съ кренделями, а частенько передъ чаемъ-то и водочка...» и т. д. Однимъ словомъ, весь складъ жизни промышленника радикально измѣнился.

Измѣнился подъ вліяніемъ фабрики и нравственный обликъ прежняго крестьянина. Вотъ какъ рисуетъ нравственную физіономію крестьянина-фабричнаго одинъ священникъ изъ Юрьевскаго уѣзда: «отходъ на фабричныя заведенія оказываетъ растлевающее вліяніе какъ на самихъ рабочихъ, такъ и на семью. Ушедшая молодежь, не имѣя надзора отъ старшихъ семейныхъ и имѣя при себѣ постоянно деньги и свободное время, а также ни о чемъ по хозяйству не заботясь, привыкаетъ къ нежелательнымъ порокамъ, разгулу, потери нравственности, равнодушію къ религіи и обрядамъ церкви. Рабочій не задумывается въ страстную пятницу напиться до безобразія вина, наѣсться колбасы, играть на гармоніи, плясать и пѣть разныя пѣсни — это фактъ! Конечно, это бываетъ въ меньшинствѣ, но бываетъ... По нѣскольку лѣтъ не исповѣдуются и не принимаютъ святыхъ Таинъ; вступать въ бракъ 19, 20 и 22 годовъ отказываются, а брачные живутъ внѣ законнаго сожительства». Вообще рабочій-мастеровой очень сталъ вольнодуменъ»,—замѣчаетъ другой корреспондентъ. Къ сожалѣнію на пьянство и разгулъ отхожихъ промышленниковъ приходится слышать жалобы очень частыя и отовсюду. По точнымъ бюджетнымъ даннымъ владимірскихъ статистиковъ, на одного взрослаго фабричнаго приходится потребленіе вина въ годъ $5^1/_2$—6 четвертей,

тогда какъ взрослый крестьянинъ фабричнаго уѣзда—Шуйскаго—потребляетъ только $3_{,3}$ четвертей, крестьянинъ же нефабричныхъ уѣздовъ—Суздальскаго и Ковровскаго — 2 четверти. По даннымъ Щербины, крестьянинъ Воронежской губ. (18—60 лѣтъ) за годъ потребляетъ вина—$1_{,6}$ четвертей. Чѣмъ болѣе зажиточно населеніе, тѣмъ больше оно потребляетъ и вина, на ряду съ увеличивающимся потребленіемъ другихъ продуктовъ. За границей вина выпивается на жителя гораздо больше, чѣмъ въ Россіи, и всетаки Россія считается классической страной пьянства. Все зависитъ отъ того, какъ пить. У насъ въ деревняхъ пьется вино крайне неумѣренно, всего лишь нѣсколько разъ въ году, въ 3—4 такъ называемыхъ праздника, когда все деревенское мужское населеніе почти сплошь бываетъ пьяно по 3—4 дня сряду. Фабричные же пьютъ чаще, хотя въ общей сложности и больше. И всетаки они «пьяницами» могутъ быть названы меньше, чѣмъ коренные крестьяне. Кромѣ того, около $^1/_4$ всѣхъ фабричныхъ семей не пьютъ вина. Съ увеличеніемъ потребленія вина, у фабричнаго увеличивается, напр. и потребленіе мяса. Вмѣсто 25 фунтовъ мяса въ годъ на 1 человѣка у крестьянъ 3-хъ упомянутыхъ уѣздовъ, фабричный съѣдаетъ 46 фунтовъ. Да наконецъ, если фабричный и больше пьетъ вина, то *развѣ* можно обвинять нашего темнаго простолюдина, вдругъ ставшаго зарабатывать непривычно большія деньги, за то, что онъ спѣшитъ отвести душу въ кабакѣ, не находитъ лучшаго употребленія деньгамъ, чѣмъ на вино? Сами мѣстные жители прекрасно указываютъ на причину пьянства—на невѣжество и темноту. «А главное—пьянство,—пишетъ крестьянинъ Шуйскаго уѣзда;—да есть отчасти и картежная игра; у самого-то чернаго люда нѣтъ другихъ развлеченій, кромѣ пьянства, да этотъ людъ очень еще глупъ, неотесанъ, а проще—малограмотенъ. Училища наши выучиваютъ читать и писать, а послѣ сразу все бросается, то наконецъ, все пропадаетъ; нужны по деревнямъ библіотеки, иначе мысль засыпаетъ и не пробуждается. Но самый чернорабочій совсѣмъ еще не ученый вовсе; у меня изъ 300 человѣкъ плотниковъ за 2 года оказалось умѣющихъ подписать руку только 20 человѣкъ, да и то самоучки. Проще, народъ слѣпъ, они нуждается въ просвѣщеніи». Другой корреспондентъ изъ Юрьевскаго уѣзда выражается еще опредѣленнѣе о причинахъ пьянства и мотовства среди промышленниковъ: «а все зависитъ отъ неразвитости грамотности въ нашей мѣстности, по случаю, что негдѣ получить хорошихъ книгъ; какъ только кончитъ мальчикъ школу, такъ и забудетъ что̀ ему преподавали; то и понятно, онъ въ свободное время идетъ глазѣть въ кабакъ»... «Отъ души сожалѣю,—пишутъ изъ третьяго уѣзда,—что въ нашей мѣстности для будущаго поколѣнія людей мало заботится и само населеніе и начальство... даже сельскихъ школъ грамотности очень, очень недостаточно». «А всѣ заботятся лично о себѣ, а крестьянинъ еще настолько слѣпъ, что о себѣ заботиться не можетъ. Напр., въ здѣшней губерніи одно лишь по сельскому хозяйству училище». Эти разсужденія

краснорѣчивѣе многихъ цифръ рисуютъ намъ нарождающійся во владимірской деревнѣ новый типъ крестьянина, обладающаго не только наблюдательностью, но и проблесками развивающагося самосознанія. Онъ стоитъ цѣлою головою выше сѣрой массы крестьянства, надъ которой онъ такъ между прочимъ иронизируетъ: «а то и выходитъ, уродилось—Богъ далъ, а не уродилось—тоже Богу нужно. Знаемъ, что весной будетъ засуха, а спозаранку взорать (т.-е. вспахать) никто и не думалъ».

Волна промышленной жизни высоко поднялась надъ деревней, приподняла ея уровень, и готова рухнуть на нее, разсыпаться въ тысячахъ брызгъ...

Алексѣй Смирновъ.

Норвегія *).

Въ 1899 г. 6 февраля на рѣшеніе стортинга поступило королевское предложеніе объ изданіи сочиненія о Норвегіи по случаю выставки 1900 г.

Стортингъ ассигновалъ 6 марта испрашиваемую сумму на это изданіе, а редакція работы была довѣрена министромъ народнаго просвѣщенія двумъ лицамъ: Стену Коновъ (доктору словесности) и Карлу Фишеру (помощнику завѣдующаго университетской библіотекой).

Мы заимствуемъ изъ этого труда свѣдѣнія относительно современной Норвегіи.

Король и правительство.

Во главѣ администраціи норвежскаго государства стоитъ неприкосновенная личность короля. Во время отсутствія короля мѣсто его занимается наслѣднымъ принцемъ, если ему минуло уже 18 лѣтъ (годъ, требующійся и для короля), въ противномъ случаѣ полномочіе переходитъ къ временному правленію, которое состоитъ изъ министровъ двухъ соединенныхъ государствъ, по десяти отъ каждаго, при этомъ черезъ каждые 8 дней выбирается новый предсѣдатель. Члены этого правленія или совѣта носятъ названіе «государственныхъ совѣтниковъ» предсѣдатель же совѣта и предсѣдатель министерскихъ секцій въ Стокгольмѣ называются «государственными министрами». Члены государственнаго совѣта должны быть норвежскими гражданами и имѣть 30 лѣтъ.

Два изъ государственныхъ совѣтниковъ, безъ портфеля, живутъ въ Стокгольмѣ, остальные въ Христіаніи.

Государственный министръ и шесть государственныхъ совѣтниковъ составляютъ въ Христіаніи «норвежское правительство». Оно рѣшаетъ дѣла во время отсутствія короля изъ Норвегіи его именемъ.

Государственный министръ въ Стокгольмѣ и два государственныхъ совѣтника, живущіе тамъ же и не имѣющіе портфеля, составляютъ самосто-

*) Ouvrage officiel publié à l'occasion de l'exposition universelle de Paris 1900. Kristiania, 1900.

ятельную часть норвежскаго государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ которыми король рѣшаетъ дѣла, не разрѣшенныя его именемъ норвежскимъ правительствомъ.

Дипломатическія дѣла, касающіяся Норвегіи или двухъ государствъ сразу, послѣ указа 13 апрѣля 1835 г. стали рѣшаться въ присутствіи норвежскаго государственнаго министра или замѣщающаго его государственнаго совѣтника. Сумма на содержаніе короля и принцевъ королевскаго дома опредѣляется стортингомъ, открытіе и закрытіе котораго зависитъ отъ короля.

Всѣ постановленія стортинга должны быть утверждены королемъ, послѣ чего уже входятъ въ законную силу, или же необходимо, чтобы три послѣдовательныхъ сессіи стортинга высказали соотвѣтственное рѣшеніе.

Кромѣ права veto королю принадлежитъ только извѣстная доля участія въ законодательствѣ,—такъ всѣ его распоряженія имѣютъ законное дѣйствіе лишь до слѣдующей сессіи стортинга.

Функціи короля касаются судебныхъ дѣлъ, такъ, напримѣръ, право миловать осужденныхъ.

Большинство назначаемыхъ королемъ государственныхъ чиновниковъ несмѣняемы; они могутъ лишиться мѣста только по судебному приговору, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ король можетъ по согласію государственнаго совѣта уволить со службы. До окончательнаго же рѣшенія этого вопроса стортингомъ уволенные чиновники получаютъ двѣ трети своего жалованья.

Королю принадлежитъ право объявлять войну и заключать миръ.

Законодательный корпусъ.

Норвежскій парламентъ, называющійся Stoorthing, состоитъ изъ 114 представителей, изъ которыхъ 38 отъ городовъ и 76 областныхъ.

Stoorthing составляетъ одну палату, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлится на двѣ части. Съ 1898 г. въ Норвегіи была введена всеобщая подача голосовъ. Право голоса принадлежитъ каждому норвежскому гражданину, которому исполнилось 25 лѣтъ и который прожилъ въ Норвегіи 5 лѣтъ.

Обычныя ежегодныя засѣданія Stoorthing'а открываются тронной рѣчью короля, причемъ, если сессія затянулась болѣе двухъ мѣсяцевъ, Stoorthing обязанъ обращаться за разрѣшеніемъ короля. Продолжительность засѣданій Stoorthing'а въ послѣдніе годы простиралась на шесть—семь мѣсяцевъ.

Во время выборовъ Stoorthing дѣлится на двѣ палаты: Lagthing, которая состоитъ изъ одной четверти всѣхъ членовъ, и Odelsthing, заключающей въ себѣ остальныя три четверти представителей.

На этихъ собраніяхъ выбираются каждыя четыре недѣли новые предсѣдатели и секретари.

Заявленія и петиціи частныхъ лицъ вносятся въ засѣданіе Stoorthing'а чрезъ посредство членовъ одельстинга, который имѣетъ право или вернуть обращенныя къ нему петиціи безъ представленія въ Lagthing, или

же подвергнуть ихъ измѣненію. Прошеніе, принятое безъ измѣненій или съ нѣкоторой поправкой Odelsthing'омъ, переходитъ затѣмъ для окончательнаго рѣшенія въ Lagthing.

Въ случаѣ несогласія двухъ палатъ, соединенное засѣданіе Stoorthing рѣшаетъ дѣло двумя третями голосовъ.

Административная организація.

Вся администрація Норвегіи заключается въ вѣдомствѣ слѣдующихъ 8 министерствъ: министерство культовъ и народнаго образованія; министерство юстиціи и полиціи, министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство земледѣлія, министерство общественныхъ работъ; къ этому министерству относится также администрація почтъ, телеграфовъ и др.; министерство финансовъ; министерство государственной обороны и министерство контроля.

Съ точки зрѣнія административной вся Норвегія раздѣлена на 18 префектуръ и 56 округовъ, исключая территорій Христіаніи и Бергена, которыя образуютъ отдѣльныя префектуры. Во главѣ каждой префектуры и округа стоитъ назначенное королемъ лицо.

Общинная организація.

Вся территорія Норвегіи подраздѣлена на извѣстное число городскихъ (39 и 20 пригородныхъ мѣстечекъ) и сельскихъ общинъ или кантоновъ, число которыхъ въ настоящее время около 525 и соотвѣтствуетъ въ общемъ числу приходовъ.

Часто кантоны состоятъ изъ нѣсколькихъ подраздѣленій (sogn), каждое изъ которыхъ представляетъ отдѣльную самостоятельную общину для дѣлъ спеціально мѣстнаго характера. Соединенные кантоны образуютъ общину—префекторскую.

Такихъ префекторскихъ общинъ существуетъ 18.

До 1837 г. дѣла общинъ находились въ рукахъ королевскихъ чиновниковъ, сами же жители общинъ не имѣли никакого вліянія на управленіе дѣлъ.

Этому положенію вещей былъ положенъ конецъ двумя законами, изданными въ 1837 г. Эти законы даютъ общинамъ полную независимость въ дѣлахъ ихъ внутренняго управленія: такъ, администрація, право налагать налоги и установлять бюджетъ переходитъ исключительно въ вѣдѣніе самой общины. Власть находится въ рукахъ выбранныхъ общиной лицъ, образующихъ муниципальный совѣтъ (bystyre, herredstyre).

Число членовъ совѣта въ сельскихъ общинахъ должно быть не меньше 12 и не больше 48, пропорціонально величинѣ кантона и числу населенія; въ городахъ количество членовъ отъ 20 до 84. Члены выбираются на три года.

Собраніе представителей выбираетъ изъ себя исполнительную коммиссію, которая состоитъ изъ одной четверти числа всѣхъ членовъ, причемъ къ нимъ присоединяютъ еще одинаковое число помощниковъ. Предсѣдателемъ выбирается одинъ изъ членовъ совѣта.

Главнымъ условіемъ для полученія избирательнаго права и права выбора является, во-первыхъ, необходимость быть норвежскимъ гражданиномъ, и имѣть не менѣе 25 лѣтъ; во-вторыхъ, платить налогъ за годъ до выборовъ; въ-третьихъ, прожить въ извѣстной общинѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ до выборовъ.

За нѣкоторое время до выборовъ избиратели представляютъ въ муниципальный совѣтъ списки кандидатовъ.

Избирательное бюро, разсмотрѣвъ списки, публикуетъ ихъ.

Всѣ дѣла общины, а также приготовленіе различныхъ вопросовъ къ обсужденію на собраніяхъ, ведется делегаціей. Въ городахъ кромѣ того она является посредницей между общиной и центральной администраціей.

Однако, несмотря на такое видное положеніе въ общинной организаціи этой исполнительной коммиссіи, можно сказать тѣмъ не менѣе, что центръ тяжести общиннаго управленія лежитъ въ совѣтѣ, къ сотрудничеству котораго прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются экономическіе интересы общины.

Однако, совѣтъ не былъ удовлетворенъ своей ролью и вскорѣ его требованія власти въ дѣлахъ администраціи были уважены двумя спеціальными законоположеніями, отдавшими на рѣшеніе совѣта общинныя дѣла наибольшей важности.

Въ городахъ находится еще третій членъ общинной организаціи, магистратъ, обязанности котораго въ маленькихъ городахъ соединяются съ извѣстными офиціальными должностями, наприм., съ обязанностью городского судьи или начальника полиціи.

Судебная организація.

Всѣ гражданскія дѣла какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ рѣшаются въ примирительной коммиссіи, которая состоитъ изъ двухъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ трехъ членовъ, выбранныхъ изъ мѣстныхъ жителей, имѣющихъ право голоса въ общинѣ. На обязанности коммиссіи—примирить враждующія стороны, въ противномъ случаѣ дѣло переносится въ судъ.

Разрѣшеніе долговыхъ обязательствъ, не превышающихъ 500 кронъ, и дѣла о недвижимыхъ имуществахъ стоимостью въ 1,000 кронъ рѣшаются въ коммиссіи (forligelseskommission).

Судъ составляютъ: одинъ судья, byfoged въ городахъ, sorenskriver въ деревняхъ, и два выборные ассессора (lagrettesmoend).

Каждая община, въ судебномъ отношеніи, находится въ вѣдѣніи одного судьи.

Обычное присутствіе въ деревняхъ бываетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ городахъ одинъ или два раза, въ крайнихъ же случаяхъ созываются экстренныя собранія.

Въ Христіаніи и Бергенѣ существуетъ еще спеціальный судъ для нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ (byretten), о банкротствѣ, и проч.

Высшую судебную инстанцію по гражданскимъ дѣламъ представляетъ верховный судъ (hoeiesteret).

Рабочее законодательство.

Въ 1892 году положено начало соціально-политическому законодательству. Законъ этотъ обнимаетъ всѣ отрасли промышленнаго производства, включая сюда и рудниковыя работы, и имѣетъ цѣлью предохраненіе рабочихъ отъ опасностей и сохраненіе ихъ здоровья.

Законодательнымъ постановленіемъ воспрещается дѣтямъ, имѣющимъ менѣе 14 лѣтъ, поступать на какія бы то ни было фабричныя работы. Для юношей и дѣвушекъ отъ 14 до 18 лѣтъ установлена продолжительность работы въ день не больше 10 часовъ.

Подземныя работы совершенно запрещены женщинамъ, также какъ и управленіе машинами.

Слѣдить за исполненіемъ этого закона лежитъ на обязанности выбраннаго правительствомъ инспектора. Кромѣ того каждая община имѣетъ еще и свой мѣстный контроль, который состоитъ изъ предсѣдателя гигіенической коммиссіи или другого врача, назначеннаго коммунальной администраціей, и двухъ другихъ членовъ.

Въ 1894 года появился законъ о страхованіи рабочихъ на случай несчастій.

Въ Норвегіи существуетъ извѣстное число частныхъ кассъ для больныхъ, для похоронныхъ процессій и пенсій рабочимъ. Кромѣ того и государство имѣетъ достаточное число пенсіонныхъ кассъ для своихъ служащихъ.

Во многихъ городахъ и общинахъ существуютъ бюро труда, гдѣ рабочіе могутъ получать справки о занятіи. Въ настоящее время правительство занято выработкой законоположенія для этихъ бюро.

Слѣдуетъ отмѣтить дома для рабочихъ. Правда, жилища рабочихъ находятся не въ блистательномъ положеніи въ большихъ городахъ, такъ что частнымъ обществамъ и общинной администраціи приходится брать на себя заботу объ улучшеніи квартиръ для трудящагося люда, но въ настоящее время вопросъ этотъ поставленъ нѣсколько лучше. Нѣсколько лѣтъ уже дѣйствуетъ инспекція, которая подвергаетъ санитарному осмотру жилища рабочихъ, а также закрываетъ подземныя помѣщенія.

Стортингъ назначаетъ въ распоряженіе общинъ $2^1/_2$ милліона кронъ, чтобы облегчить покупку и постройку домовъ для рабочихъ. Въ 1894 и 95 гг. Stoorthing назначаетъ въ распоряженіе общинъ до $^1/_2$ милл. кронъ для пріобрѣтенія земли для бѣдныхъ крестьянъ.

Рабочіе большихъ городовъ и фабричныхъ областей соединяются въ профессіональныя ассоціаціи, каждая изъ которой имѣетъ свою кассу взаимопомощи на случай прикрытія фабрики и забастовки рабочихъ.

Соціальные вопросы вызвали организацію національной ассоціаціи. Эта національная лига рабочихъ ассоціацій состоитъ изъ 125 рабочихъ союзовъ.

Что касается женскаго вопроса въ Норвегіи, то можно сказать, что норвежская женщина XIX вѣка занимаетъ видное положеніе въ жизни соціальной, умственной и экономической. Развитіе ихъ правъ и привилегій началось съ 1884 г., когда норвежскія женщины образовали союзъ для защиты ихъ интересовъ въ областяхъ соціальной, экономической и юридической.

Ей дано право голоса въ общинныхъ собраніяхъ, теперь же дѣло клонится къ тому, чтобы предоставить женщинѣ право голоса на выборѣ въ стортингъ.

Народное образованіе.

Въ продолженіе цѣлаго вѣка усилія и старанія норвежскаго народа были направлены на преобразованіе и улучшеніе первоначальной школы.

Уже распоряженіе 1739 г. старалось ввести въ странѣ обязательность всеобщаго обученія и постоянную для каждаго прихода школу. Но къ сожалѣнію это распоряженіе не было приведено въ исполненіе.

Новымъ распоряженіемъ 1741 г. приходамъ было разрѣшено преобразовать школы по ихъ «усмотрѣнію, принимая во вниманіе положеніе страны».

Въ началѣ прошлаго вѣка городскія первопачальныя школы носили названіе «школы бѣдныхъ» и имѣли соотвѣтственную организацію, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ школьная организація имѣла нѣсколько иной характеръ.

Въ областяхъ до 1827 г. только при каждой главной деревенской церкви была постоянная школа, тогда какъ повсюду въ другихъ мѣстахъ существовали подвижныя школы.

До закона 1827 г. и долгое время спустя во главѣ школьной администраціи стоялъ пасторъ, и школа, несмотря на многія препятствія, которыя ей приходилось преодолѣвать, развивалась успѣшно.

Новымъ закономъ 1860 г., уничтожившимъ законъ 1827 г., была установлена, во-первыхъ, въ каждомъ школьномъ округѣ постоянная школа; во-вторыхъ, введена обязательность обученія, и въ-третьихъ, улучшено матеріальное положеніе и профессіональное образованіе учителей и пр.

Дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія первоначальная школа достигаетъ закономъ 1889 г., дѣйствующимъ и въ настоящее время въ Норвегіи.

Норвежская первоначальная школа превращается постепенно изъ школы бѣдныхъ и низшихъ классовъ въ національную школу, для всѣхъ дѣтей.

Школа каждой отдѣльной общины подчинена школьной дирекціи, состоящей изъ пастора, предсѣдателя муниципальнаго совѣта, учителя или учительницы, выбраннаго другими учителями, и изъ нѣсколькихъ членовъ (мужчинъ или женщинъ), выбранныхъ муниципальнымъ совѣтомъ. Въ городахъ по меньшей мѣрѣ четверть членовъ, выбранныхъ совѣтомъ, состоитъ изъ родителей, дѣти которыхъ посѣщаютъ школу.

Школьная дирекція назначаетъ учителей на вакантныя мѣста, устанавливаетъ планъ преподаванія, распредѣляетъ время и пр.

Кромѣ дирекціи школа подчинена еще комитету инспекціи, въ составъ котораго входятъ одинъ членъ дирекціи и два члена, выбранные родителями учениковъ.

Далѣе всѣ школы префектуры подчинены префекторской школьной дирекціи.

Каждая сельская первоначальная школа состоитъ изъ двухъ классовъ, первый для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ, второй отъ 10 до 14 лѣтъ.

Въ городахъ школа раздѣлена на 3 отдѣленія, которыя въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько классовъ, обыкновенно на 7, причемъ для каждаго класса могутъ быть параллельныя отдѣленія.

Число учениковъ и классовъ первоначальныхъ школъ можетъ быть представлено слѣдующей таблицей:

	Сельскія.			Городскія.		
Годы.	Школьныхъ округ.	Подраздѣленія или отдѣльн. классы.	Ученики.	Классы.	Ученики.	Всего учениковъ.
1840	7,133	—	168,813	—	12,130	180,943
1870	6,338	—	203,800	839	32,959	236,259
1880	6,350	9,670	204,926	1,198	42,377	247,303
1890	6,198	11.018	230,628	1,160	56,772	287,400
1895	5,923	12,701	253,916	2,095	77,217	331,133

Сумма на школьные расходы выплачивается общинами и государствомъ, которое даетъ сумму, равняющуюся трети всѣхъ школьныхъ тратъ.

Общій расходъ деревенскихъ и городскихъ школъ равнялся въ 1895 г. 8.105,959 кронъ. Государствомъ была ассигнована въ этомъ же году сумма въ 2.124,260 кронъ (26,21%); сельскими общинами—3.410,462 кроны (42,8%); городскими общинами—25.705,374 кр. (31,71%).

Закономъ о первоначальныхъ школахъ было дано сельскимъ общинамъ право открывать въ деревняхъ, съ денежной помощью государства, школы дополнительнаго обученія для дѣтей, окончившихъ первоначальную школу. Такихъ школъ въ 1896—97 гг. было 172, число учениковъ въ которыхъ доходило въ эти годы до 2,868.

Для полученія дополнительнаго образованія норвежское правительство открыло еще вечернія школы, которыя посѣщаются добровольно юношами, желающими пополнить свои знанія, полученныя въ первоначальной школѣ.

Затѣмъ во многихъ префектурахъ находится по одной или по нѣсколько такъ называемыхъ префекторскихъ школъ, въ которыя поступаютъ лица, окончившія какъ первоначальную школу, такъ и дополнительный курсъ. Здѣсь уже примѣняется новая программа, выработанная главнымъ префекторскимъ совѣтомъ и одобренная королемъ.

Изъ учрежденій по народному образованію надо еще отмѣтить folkehøiskoler, высшія народныя школы, число которыхъ вмѣстѣ съ префекторскими было въ 1898—99 гг.—45, и рабочую академію, открытую въ 1885

году въ Христіаніи. Примѣру столицы послѣдовали многіе города и области, и въ 1893 г. всѣхъ рабочихъ академій было 35.

Второстепенныхъ школъ, носившихъ названіе латинскихъ, было въ Норвегіи въ началѣ прошлаго столѣтія, очень незначительное количество. Въ 1869 году школы эти были реорганизованы и получили названіе среднихъ школъ.

Приготовленіе молодыхъ людей къ университету было поручено гимназіямъ, которыя раздѣлили на латинскія и реальныя; главными предметами въ послѣднихъ была математика, англійскій языкъ и естественныя науки.

Въ 1896 г. изъ среднихъ школъ и изъ гимназій были исключены греческій и латинскій языки.

Окончившіе среднюю школу или гимназію должны выдержать экзаменъ, послѣ чего могутъ записаться студентомъ университета.

Народныя высшія школы принадлежатъ частью государству, частью общинамъ. Но высшая администрація какъ надъ тѣми, такъ и надъ другими принадлежитъ министру народнаго просвѣщенія и особому совѣту. Послѣдній состоитъ изъ 7 лицъ, практически знакомыхъ съ среднимъ образованіемъ.

Въ 1813 г. въ Христіаніи былъ открытъ университетъ, состоящій изъ 5 факультетовъ: богословскій, юридическій, медицинскій, историко-филологическій и научный (математическихъ и естественныхъ наукъ). Каждый факультетъ имѣетъ право выбрать своего старшину на два года, которые образуютъ всѣ вмѣстѣ коллегію, въ которую поступаютъ всѣ университетскія дѣла. Профессора назначаются королемъ.

Изъ научныхъ норвежскихъ обществъ можно назвать—норвежское королевское научное общество въ Тронтгеймѣ, основанное въ 1760 г., которое располагаетъ библіотекой въ 70,000 томовъ, и научное общество въ Христіаніи, основанное въ 1859 г.

Успѣшнаго развитія достигла въ Норвегіи въ концѣ XIX столѣтія также школа для физически-больныхъ дѣтей и профессіональныя школы.

Литература.

Начало XIX в. застаетъ норвежскую литературу если не независимой, то во всякомъ случаѣ начинающей понемногу освобождаться отъ чужеземнаго вліянія. Замѣтное зарожденіе національной норвежской литературы начинается послѣ 1814 г., послѣ появленія демократической конституціи.

Во главѣ литературнаго движенія стоитъ Henrik Wergeland, его сестра Camilla и современный имъ поэтъ Bergenois Johan Sebastian Welhaven. Въ 1829 г. появляется произведеніе Wergeland подъ заглавіемъ «Созданіе, человѣкъ и Мессія», аллегорія, которая казалась его современникамъ какимъ-то чудовищнымъ твореніемъ. Поэтъ Welhaven выступилъ противъ него, онъ назначаетъ мѣсто подобнымъ смѣльчакамъ «Среди сумасшедшихъ Парнаса».

Борьба двухъ направленій разгорается въ генеральное сраженіе двухъ партій, съ молодыми поэтами во главѣ.

Wergeland, демократъ всей душой, сторонникъ революціи, нападаетъ ѣдкими шутками на современниковъ, осуждая ихъ за отсутствіе патріотизма, которое мѣшаетъ имъ отстаивать свои политическія права. Горячимъ краснорѣчіемъ убѣждаетъ онъ современниковъ освободиться отъ традицій, которыя держатъ страну въ зависимости отъ датской цивилизаціи.

Welhaven, приверженецъ другой партіи, партіи бюрократіи, единственной аристократіи Норвегіи, слѣдуетъ теоріи правильной и постепенной эволюціи. Онъ выступаетъ противъ націоналистовъ, возбуждая ихъ гнѣвъ поэтическими сонетами вродѣ «Заря Норвегіи». Эта борьба двухъ направленій достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта послѣ перваго представленія драмы Wergeland'а (1838 г.) въ ново-открытомъ народномъ театрѣ.

Wergeland, несмотря на то, что былъ ярымъ революціонеромъ, что лишило его священническаго сана, любилъ своего короля Карла Іоанна, отъ котораго получалъ въ признательность маленькую субсидію. Позднѣе онъ занимаетъ мѣсто директора національнаго архива, такъ какъ помимо своихъ литературныхъ и политическихъ занятій производитъ еще и историческія изслѣдованія. Передъ смертью Wergeland собираетъ свои воспоминанія въ маленькомъ томикѣ подъ названіемъ «Незабудки» и создаетъ свое послѣднее произведеніе «Человѣкъ», гдѣ ярко высказывается «profession de foi» всей его жизни.

Къ этому же времени относится зарожденіе и народной поэзіи, начало которой положено теологомъ Joergen Moe и его другомъ P. Chr. Asbjoernsen. Изданіе маленькаго томика народныхъ пѣсенъ Moe и изданіе народныхъ сказокъ обоими поэтами оживили національный романтизмъ.

Къ этимъ именамъ можно прибавить и выдающееся имя писательницы этой же эпохи, сестры Wergeland'а Camil'ы Collett, положившей начало женской эмансипаціи въ Норвегіи.

Дальнѣйшій литературный расцвѣтъ начинается съ 1850 г., когда по настоянію Ole Bull, жители его родного города, Бергена, создаютъ національную сцену съ норвежскими артистами. Въ пользу національнаго языка высказывались также поэты—Генрихъ Ибсенъ и Бьернстьернъ-Бьернсонъ.

Управленіе національной сценой города Бергена находилось первоначально въ рукахъ Ибсена, Бьернсонъ же, позднѣе послѣдовавшій ему, стремился создать норвежскій театръ и въ Христіаніи. Ибсенъ и Бьернсонъ обогащаютъ молодую норвежскую сцену оригинальными литературными произведеніями, тогда какъ до этого времени богатая датская литература царила въ Норвегіи, а норвежскія драматическія произведенія отличались подражательнымъ характеромъ. Осенью 1857 г. и весною 1858 г. появились трагедія Ибсена и двѣ драмы Бьернсона.

Въ 1864 г. передъ своимъ отъѣздомъ за границу Ибсенъ выпускаетъ свою остроумную и язвительную «Комедію любви».

Послѣ представленія первой драмы Бьернсона въ 1857 г. появилась его сельская повѣсть «Synnoeve Solbakken», а затѣмъ изрѣдка появлялись между драмами и другіе разсказы, такъ «Arne», «Дочь рыбачки» и проч. Эти восхитительныя маленькія сцепки и изящныя пѣсни сдѣлали его имя самымъ дорогимъ среди юныхъ читателей страны.

Бьернсонъ былъ гораздо моложе Ибсена, когда поѣхалъ за границу, гдѣ онъ заимствовалъ сюжетъ для своей трагедіи «Марія Стюартъ». Но національные сюжеты привлекали его больше всего, такъ что подъ конецъ онъ кончаетъ тѣмъ, что бросаетъ своихъ историческихъ героевъ, отдавшись всецѣло изображенію семейной жизни («Молодые»). Драма «Банкротство» создала ему громадный успѣхъ не только на національной сценѣ, но и на нѣмецкой, гдѣ онъ прославленъ именемъ «великаго драматурга».

Между тенденціозными драмами двухъ великихъ поэтовъ, которыя появились въ 1875 г., есть рѣзкая разница по характеру и цѣли авторовъ. Ибсенъ—пессимистъ и сатирикъ; Бьернсонъ—оптимистъ и реформаторъ. Ибсенъ судитъ выставляемое въ его драмахъ общество, Бьернсонъ—стремится пересоздать его.

Пьесы Ибсена подняли горячій споръ среди его соотечественниковъ. Нора, героиня «Кукольнаго дома», вызывала оживленныя пренія по всей Скандинавіи.

Раздраженный отношеніемъ къ себѣ и незаслуженнымъ порицаніемъ его драмъ, Ибсенъ создаетъ одно изъ сильнѣйшихъ своихъ произведеній «Врагъ народа» (Докторъ Штокманъ), гдѣ выставляетъ самого себя и порицаетъ общество.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ творчество Ибсена достигло совершенства въ области оригинальной техники; но наибольшее его достоинство составляютъ жизненныя идеи, проводимыя Ибсеномъ въ своихъ произведеніяхъ. Театръ Ибсена всегда сцена идей.

Обновленіе норвежской литературы, начатое Ибсеномъ и Бьернсономъ, поддерживается и другими знаменитыми писателями. Таковъ товарищъ двухъ поэтовъ Іонасъ Ли и др., создавшій себѣ имя повѣстью «Ясновидящій» Александръ Киландъ, произведенія котораго рисуютъ скромныя картины обычной повседневной жизни.

Рѣзкой представительницей натурализма, лишеннаго всякой сантиментальности и безъ примирительнаго юмора, является Амалія Скрамъ. Крайнимъ представителемъ натурализма въ Норвегіи является тоже Іегеръ, пьеса котораго «Жизнь Богемы» надѣлала много шуму своей проповѣдью свободной любви. Къ писателямъ этого же направленія принадлежитъ и Arne Garborg.

Истинный сценическій тріумфъ выпалъ на долю талантливаго драматурга Gunnar Heiberg, украсившаго норвежскую сцену многими пьесами: «Король Мидасъ», «Артистъ» и пр. Норвежская литература не лишена и нѣкотораго мистицизма, который проявляется въ психологическихъ романахъ декадента Arne Dybfest († 1892 г.) и у Thomas Krag. Оба создали свой

оригинальный поэтическій стиль. Среди многочисленныхъ авторовъ Норвегіи отдѣльное мѣсто занимаютъ Tryggve Andersen, эпическій повѣствователь, и Фритіофъ Нансенъ, разсказы о двухъ знаменитыхъ путешествіяхъ котораго составляютъ любимое чтеніе норвежскаго народа.

Печать.

Только послѣ 1814 г. норвежская пресса начинаетъ понемногу развиваться. Однимъ изъ видныхъ органовъ начала этой эпохи является офиціальная газета *Den norske Rigstidende*, потерявшая мало-по-малу всякое политическое значеніе.

Въ 1819 г. возникаетъ первый ежедневный органъ, преимущественно литературнаго содержанія, который продолжаетъ существовать еще и теперь. Органъ этотъ—*Morgenbladet*—начинаетъ съ 1831 г. редактироваться Адольфомъ Стабелломъ, превращаясь постепенно въ полудемократическую газету.

Одной изъ извѣстныхъ газетъ этого же періода является *Statsborgeren*, которая заслуживаетъ быть названной, несмотря на отсутствіе всякихъ убѣжденій, такъ какъ редакторомъ ея былъ нѣкоторое время поэтъ Henrik Wergeland, который помѣстилъ въ ней много статей.

Съ 1836 до 1897 г. партіей, называющейся «интеллигентной» издавалась консервативная газета *Den Constitutionelle*, настаивающая на необходимости свободнаго умственнаго общенія съ Даніей. Газета эта редактировалась въ началѣ своего возникновенія нѣсколько лѣтъ знаменитымъ юрисконсультомъ и политикомъ A. M. Schweigaard, котораго смѣнилъ затѣмъ поэтъ A. Munch. Здѣсь сосредоточивались лучшія силы бюрократической интеллигентной партіи. Въ 1847 году *Den Constitutionelle* соединяется съ *Den norske Rigstidende*.

Но не долго консервативная партія остается безъ своего собственнаго органа, уже въ 1848 г. она начинаетъ выпускать газету *Christiania-Posten*, съ той же программой, что и предыдущій органъ, но съ сильнымъ академическимъ оттѣнкомъ, что объясняется отсутствіемъ всякихъ политическихъ интересовъ у редакторовъ. *Christiania-Posten* не оказала почти никакого вліянія на своихъ читателей, несмотря на то, что число подписчиковъ и было значительно. Однимъ изъ видныхъ редакторовъ ея былъ L. K. Daa, редактировавшій раньше *Granskeren*, гдѣ онъ помѣщалъ статьи о необходимости либеральныхъ реформъ въ духѣ англійскихъ. Но какъ редакторъ *Christiania-Posten* онъ становится ревностнымъ сторонникомъ «скандинавизма», т.-е. партіи, стоящей за соединеніе скандинавскихъ народовъ противъ общихъ враговъ.

Въ 1855 г. возникаетъ въ Христіаніи еще новая газета *Aftenbladet*, которая является продолженіемъ юмористической и сатирической газеты *Krydseren* (*Корсаръ*); она редактируется сначала O. Richter'омъ и D. Meidell'емъ, позднѣе однимъ послѣднимъ. Среди сотрудниковъ выдѣляются два имени—Бьернсонъ и Г. Бэтцманнъ (Baetzmann).

Газета, несмотря на отсутствіе всякой опредѣленной политической программы, пользуется однако достаточной извѣстностью, что объясняется той талантливостью, съ которой она касается вопросовъ искусства и науки, а также живостью сообщеній текущихъ новостей, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Между 1850 и 1860 годами газета *Morgenbladet,* несмотря на двухъ своихъ консервативныхъ соперниковъ—*Den Constitutionelle* и *Christiania-Posten,* достигаетъ наибольшаго распространенія; въ особенности усиливается вліяніе газеты при редакторѣ Стабеллѣ. Но уже къ 80 годами *Morgenbladet* начинаетъ склоняться къ консервативной программѣ. Въ 1893 г. редакторомъ ея состоялъ Nils Vogt. Въ 60-хъ гг. открываются двѣ газеты для менѣе достаточной публики, такъ какъ вышеназванныя были относительно дороги. Это *Aftenposten* и *Christiana Nyheds og Avertissementsblad,* газеты безъ всякаго политическаго направленія, и только къ 70-мъ годамъ *Aftenposten* занимаетъ видное мѣсто среди органовъ консервативной политики.

Въ теченіе этого же періода возникаютъ еще два оппозиціонныхъ органа—*Verdens Gang* и *Dagbladet.* Первый, редактировавшійся сперва Johan Sverdrup, а затѣмъ съ 1878 г. Thommessen, выступая на защиту интересовъ либеральной партіи, выдержалъ сильное гоненіе около 1880 г. Несмотря на все газета *Verdens Gang* сохраняетъ и въ настоящее время независимое положеніе. Другой органъ *Dagbladet,* служилъ наиболѣе яркимъ выразителемъ правительственныхъ идей. Съ 1883 по 1898 г. редакторомъ ея былъ Holst и A. Z. Omholt.

Съ 1890 г. Христіанія была наполнена многочисленными изданіями дешевыхъ газетъ; въ числѣ ихъ находится консервативный органъ *Orebladet* и *Landsbladet;* либеральная газета *Eidsvold* и *Cristiania Dagsavis,* безъ опредѣленной политической программы. Какъ органы, преслѣдующіе спеціально рабочіе интересы, можно назвать *Social-Demokraten* и *Arbeideren.* Защитницей національнаго языка (*Maalmaendene*) является газета *Den 17 de Mai.* Къ этой же эпохѣ надо отнести *Norske Intelligenssedler,* защищающую политическія и соціальныя реформы.

Изъ провинціальныхъ газетъ наибольшимъ успѣхомъ пользуются слѣдующіе органы. Въ Бергенѣ—*Bergens Aftenblad og Bergens Adressecontoirs Efterretninger* (1880 г. консер.), *Bergens Tidende* (1868 г. либер.). Въ Тронтгеймѣ—*Dagsposten* (1877 г. либер.), *Trondhjems Adresseavis* (1867 г. консер.). Въ Христіаніи—*Crhistiansands Tidende* (1883 г. консер.), *Faedrelandsvennen* (1875 г. либер.). Въ Гамарѣ—*Hamar Stiftstidende* (1847 г. консерв.) и *Oplandenes Avis* (1872 г. либер.).

Обозрѣнія и журналы не пользуются въ Норвегіи большой популярностью, такъ что часто существованіе журнала прекращается черезъ какіенибудь 5—10 лѣтъ. Главными журналами, изъ которыхъ нѣкоторые иллюстрированы, считаются: *Folkebladet, Folkevennen, For Kirke og Kultur, Kringsjaa, Samtiden.*

Всѣ норвежскіе журналисты соединяются въ одно общество взаимопомощи, основанное въ 1897 г. Общество располагаетъ капиталомъ почти въ 115,000 кронъ. Изъ другихъ болѣе спеціальныхъ обществъ наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующія ассоціаціи. Ассоціація консервативной прессы (*Den konservative Presseforening*), ассоціація либеральной прессы (*Venstres Presseforening*) и христіанскій журнальный клубъ столичныхъ журналистовъ, за исключеніемъ главныхъ редакторовъ.

Съ 1896 г. стортингомъ ассигнуется сумма въ 2,000 кронъ (двѣ стипендіи), чтобы дать возможность норвежскимъ журналистамъ бывать за границей. Число періодическихъ изданій поднялось съ восьми (1814 г.) до 429 (1900 г.). Число разосланныхъ экземпляровъ въ 1876 году было 8,005,212, въ 1898 г.—45,647,300.

Въ заключеніе приведемъ любопытную табличку о родѣ занятій норвежскаго народа:

	1876 г.	1891 г.
Земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство .	1.052,738	975,047
Рыболовство	102,685	171,888
Промышленность, рудники	352,716	461,756
Торговля: 1) сухимъ путемъ	129,279	189,392
2) моремъ	118,679	118,729
Не матеріальный трудъ	62,956	87,293
Всего . .	1.818,753	2.004,102

Т.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый заемъ.—Пора градобитій.—Здравый голосъ золотопромышленника. — Наши курорты.—Бердянскій союзъ ссудосберегательныхъ товариществъ.—Къ вопросу о реформѣ средней школы.—Къ университетскому вопросу.—Виды на урожай.—О мѣрахъ къ обезпеченію въ продовольственномъ отношеніи горнозаводскаго населенія Пермской губерніи.—Изъ жизни провинціи.—Конкурсъ на составленіе проекта памятника Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.

Недавно у насъ заключенъ заемъ въ 158 милліоновъ. Цѣль этого займа—выдача ссудъ желѣзнымъ дорогамъ, чтобы дать работу металлургическимъ заводамъ и тѣмъ ослабить кризисъ. Но эта мѣра чисто-палліативнаго характера: наша болѣзнь, какъ мы уже не разъ говорили, малая емкость внутренняго рынка. Наша промышленность нѣсколько усилила свое производство за послѣднее время, усилила сравнительно немного, и внутренній рынокъ уже не можетъ вмѣстить этого количества. Приходится создавать рынокъ искусственно—путемъ усиленія казенныхъ заказовъ, на время, конечно, кризисъ можетъ быть смягченъ. Но завтра опять не будетъ рынка, опять придется дѣлать казенные заказы и снова занимать. Нѣкоторые органы печати привѣтствуютъ этотъ заемъ, какъ могущій ослабить кризисъ, переживаемый металлургической промышленностью, но едва ли можно съ этимъ согласиться, такъ какъ такія палліативныя мѣры только отдаляютъ коренную реформу, необходимую для дальнѣйшаго развитія нашей промышленности, реформу, направленную на созданіе внутренняго рынка путемъ увеличенія его емкости. Не будь этихъ палліативныхъ мѣръ, знай эти группы промышленниковъ, что ихъ благосостояніе исключительно зависитъ отъ емкости естественнаго, а не искусственнаго рынка, создаваемаго въ минуту нужды правительствомъ, они бы, вѣроятно, сами явились бы силой, побуждающей на коренную реформу. Кто знаетъ, какимъ вліяніемъ пользуются у насъ промышленныя группы, кто кинетъ взоръ на всѣ тѣ мѣры, которыя правительство предпринимало по ходатайству промышленниковъ и съ какими тяжелыми жертвами соединялись эти мѣры для населенія, тотъ едва ли будетъ сомнѣваться, что единодушныя и энергичныя ходатайства промышленниковъ о реформѣ, направленной на улуч-

шеніе экономическаго положенія огромной массы сельскохозяйственнаго населенія, найдутъ сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ, а что энергично и единодушно промышленники стали бы добиваться этого, это также не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ при отсутствіи системы подачекъ осуществленіе такой коренной реформы было бы вопросомъ жизни и смерти для промышленнаго класса. Другая вѣроятная причина этого займа,—это привлеченіе золота въ Россію. За послѣднее время замѣчается нѣкоторый отливъ золота за границу и хотя этотъ отливъ не носитъ угрожающаго характера, тѣмъ не менѣе золотая течь вмѣстѣ съ общимъ, далеко неприглядным экономическимъ положеніемъ массы населенія, можетъ внушать серьезныя опасенія.

Петербургскія Вѣдомости (6 іюня) выдвигаютъ на первый планъ въ дѣлѣ помощи нашему желѣзному дѣлу,—всестороннее изученіе послѣдняго. «Изученіе дѣла,—пишутъ *Петербургскія Вѣдомости*,—должно показать, какихъ путей слѣдуетъ держаться въ дальнѣйшемъ развитіи, что поддерживать и развивать, и чего не касаться, *и какія средства пустить въ ходъ, чтобы вызвать у насъ такой спросъ на желѣзо*, который дѣйствительно отвѣчаетъ насущной потребности нашего отечества и который несомнѣнно много превышаетъ то количество, которое не въ состояніи дать наши теперешніе заводы при ихъ полной работѣ» (курсивъ нашъ). Искусственное же вспрыскиваніе въ металлургическое дѣло казенныхъ субсидій только отодвигаетъ моментъ такого всесторонняго изслѣдованія.

Наступаетъ время, когда наше сельское хозяйство, помимо многихъ своихъ другихъ враговъ, будетъ страдать еще и отъ градобитія. Въ Западной Европѣ крупныя и мелкія сельскія хозяйства борются съ этимъ непріятелемъ путемъ страхованія себя. Наиболѣе въ этомъ отношеніи интереса представляетъ Баварія. До 1884 года было застраховано отъ града всего 12,600 сельскихъ хозяевъ, что составляло 2,5% общаго числа баварскихъ сельскихъ хозяевъ. Отсюда видно, что въ страхованіи принимала участіе сравнительно небольшая группа. Многіе округа, особенно гдѣ часто имѣли мѣсто случаи градобитія, почти были лишены страхованія, такъ какъ частныя общества старались избѣгать дѣятельности въ такихъ районахъ, отъ операцій въ предѣлахъ которыхъ они не могли ждать себѣ крупныхъ выгодъ. Кромѣ того страховая премія была высока, оцѣнки производились не всегда добросовѣстно и иногда пристрастно въ пользу общества, вознагражденіе за убытки производилось неаккуратно, выплата иногда надолго затягивалась *) и т. д. Такъ какъ Баварія—страна мелкаго землевладѣнія, то въ интересахъ этого послѣдняго и было рѣшено создать правительственное страхованіе отъ градобитія, при этомъ учрежденію по стра-

---

*) См. интересный отчетъ В. А. Таргонскаго: „О постановкѣ государственнаго страхованія посѣвовъ отъ градобитія въ Баваріи“. Москва, 1901 г. Фактическія данныя мы почерпаемъ изъ него.

хованію отъ градобитія было дано пособіе отъ государства по 40 тыс. марокъ ежегодно, а съ 1898 года—по 200 тыс.; данъ былъ основной капиталъ въ 1 милл. марокъ, проценты съ котораго идутъ въ резервный фондъ; вознагражденіе за убытки отъ градобитія по закону 1884 г. можно понижать до 80% оцѣнки, если преміи и правительственныя субсидіи окажутся недостаточными для полной уплаты убытковъ. Оцѣнка убытковъ производится практиками-сельскими хозяевами, принявшими присягу. Въ это новое общество желающіе застраховать себя вступаютъ свободно, при этомъ конкуренція частныхъ обществъ не уничтожается, премія назначена въ опредѣленномъ размѣрѣ, безъ обязательства дѣлать дополнительные взносы. Для выработки размѣра страховыхъ премій вся Баварія была подраздѣлена на классы; точно также и посѣвы раздѣлены по ихъ чувствительности къ градобитію. Результатъ этого закона былъ тотъ, что въ 1900 г. число страхователей равнялось 125,702, а страховая сумма—194.503,130 марокъ. Въ 1900 году страховое учрежденіе не могло выплатить вознагражденіе въ полномъ размѣрѣ и оно должно быть произведено въ размѣрѣ 67% оцѣненнаго убытка, такъ какъ убытки за 1900 годъ составляютъ сумму въ 5.197,426 марокъ, а премій было собрано за тотъ же годъ 2.475,431 мар.

Государственная субсидія—200,000 марокъ; по присоединеніи сюда извѣстнаго процента изъ запаснаго капитала общая сумма для покрытія убытковъ составляетъ 3.483,000 мар., слѣдовательно, убытки можно покрыть въ размѣрѣ 67%. Въ 1884 году запасный капиталъ въ круглыхъ цифрахъ составлялъ 165,000 мар., въ 1890 г.—1.256,000 марокъ, въ 1900 г.—2.667,000 марокъ. Такимъ образомъ, въ финансовомъ отношеніи общество идетъ удовлетворительно; это въ значительной степени объясняется тѣмъ правомъ, въ силу котораго общество при недостаточности средствъ можетъ понижать размѣръ вознагражденія за убытки по градобитію. По закону прямо говорится, что если суммы, предназначенныя на покрытіе убытковъ, окажутся недостаточны, то вознагражденіе понижается на столько процентовъ, сколько нехватаетъ на покрытіе убытковъ (§ 13). Если въ 1883 году только 2,5% общаго числа баварскихъ сельскихъ хозяевъ страховали себя отъ градобитія, то въ 1900 году было застраховано отъ града 35% всѣхъ сельскихъ хозяйствъ (включая здѣсь и страхованіе въ частныхъ обществахъ). Сильное участіе въ страхованіи принимаютъ и мелкія хозяйства. У насъ страхованіе отъ градобитія чрезвычайно мало развито, а между тѣмъ это ставитъ иногда на карту экономическое благосостояніе цѣлыхъ округовъ. Страхованію у насъ доступны только крупныя хозяйства. Такъ, средняя страховая сумма въ Баваріи составляла въ государственномъ учрежденіи 1,547 марокъ,—а въ частныхъ обществахъ—2,000 марокъ, московское же общество страхованія посѣвовъ отъ градобитія имѣло въ періодъ 1887—1899 гг. среднюю страховую сумму въ 7.236,9 руб., что составляетъ 15,600 марокъ, т.-е. у насъ средняя страховая сумма въ 10 разъ выше, чѣмъ въ Баваріи; но причина этого, конечно, лежитъ въ томъ, что

крестьяне по бѣдности своей не могутъ участвовать въ страхованіи, а затѣмъ, по нашему мнѣнію, стремленіе къ обезпеченности существованія—это продуктъ и признакъ высшей культуры: только при извѣстномъ развитіи человѣкъ не хочетъ быть и фактически перестаетъ быть игрушкой судьбы, онъ считаетъ это позоромъ для себя. У насъ исторія не воспитывала этого чувства,—наоборотъ, она дѣлала все, чтобы создать изъ человѣка пассивное существо. Стремленіе страховать себя отъ неблагопріятныхъ силъ природы предполагаетъ въ человѣкѣ извѣстные навыки къ обезпеченному существованію; тамъ же, гдѣ этого стремленія нѣтъ, гдѣ самыя условія жизни противодѣйствуютъ развитію такихъ навыковъ, тамъ трудно привить населенію страхованіе отъ неблагопріятныхъ силъ природы. Возьмемъ хотя бы тотъ хаосъ, который существуетъ у насъ относительно отбыванія натуральныхъ повинностей; бывали случаи, что въ Сибири для отбыванія дорожной повинности вызывали населеніе за 500—600 верстъ отъ своего мѣстожительства, и вызванное лицо должно было идти, хотя отъ этой отлучки могло погибнуть его собственное хозяйство. Если уже самая общественность вноситъ въ экономическую жизнь крестьянскаго населенія такія случайности, отъ которыхъ нельзя себя предохранить, то, конечно, это все болѣе и болѣе пріучаетъ населеніе жить изо дня въ день, на авось, и потому, думается намъ, первое условіе для развитія страхованія у насъ, помимо поднятія общаго экономическаго положенія сельскаго населенія, это—созданіе болѣе твердаго правопорядка, болѣе прочной гарантіи имущественныхъ и личныхъ правъ. Многое хорошее не прививается къ намъ именно въ силу общихъ условій нашей жизни. Конечно, пропаганда страхованія имѣетъ крупное значеніе, но чтобы участвовать въ страхованіи, нужны прежде всего средства и извѣстное стремленіе къ обезпеченности существованія. Если же крестьянское населеніе по особымъ условіямъ своей жизни вынуждено сживаться съ этой необезпеченностью въ области общественныхъ отношеній, то оно также махнетъ рукой и на этотъ рискъ, который связанъ съ градобитіемъ, засухой и т. д.

Рѣдко приходится слышать здравый голосъ, раздающійся въ рядахъ промышленниковъ. Въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе представляетъ книга Я. Фризера «Золотопромышленность въ Баргузинскомъ округѣ и ея нужды». Авторъ посвятилъ свою жизнь золотопромышленности и въ своей книгѣ даетъ какъ бы итоги своего продолжительнаго опыта. Отмѣчая необходимость кредита для снабженія золотого промысла оборотными средствами, авторъ особенно подчеркиваетъ необходимость обладанія хорошими добросовѣстными рабочими. Для достиженія этого послѣдняго условія,—пишетъ авторъ,—одинъ путь: такая постановка службы и работы на пріискахъ, которая привлекла бы къ пріисковому дѣлу не одни только отбросы всякихъ другихъ профессій, не однихъ только неудачниковъ на другихъ поприщахъ, не одну только грубую рабочую силу, но и людей, которые всегда и вездѣ могутъ найти примѣненіе своихъ труда

и знаній. Для привлеченія такихъ работниковъ въ глубь отдаленной тайги недостаточно одной только сравнительно повышенной платы: требуется многое другое и среди этого многаго первое, конечно, мѣсто занимаетъ обезпеченіе на случай неспособности къ труду или смерти (124—125). «И чѣмъ скорѣе будетъ введено обязательное страхованіе горныхъ рабочихъ въ томъ или другомъ видѣ,—продолжаетъ авторъ,—тѣмъ лучше. Если для осуществленія этого необходимѣйшаго дѣла золотопромышленнику придется принести даже очень крупныя жертвы, то и тогда они отъ этого въ убыткѣ не будутъ». Авторъ очень настаиваетъ на устройствѣ школъ на пріискахъ—школъ особаго типа, программы которыхъ будутъ приноровлены къ жизни и потребностямъ данной мѣстности; но на-ряду съ устройствомъ школъ для дѣтей не слѣдуетъ забывать, по мнѣнію автора, умственныхъ интересовъ и запросовъ взрослыхъ тружениковъ тайги; «пора освоиться съ мыслью, что хорошо поставленная, достаточно полная библіотека и удовлетворительно устроенное помѣщеніе въ данной пріисковой мѣстности, гдѣ рабочіе и служащіе могли бы собираться или устраивать любительскіе спектакли, чтенія, концерты и т. п.—одно изъ лучшихъ средствъ борьбы противъ пьянства, картъ, грубости, опошлѣнія и прочихъ язвъ таежной среды; пора хозяевамъ-золотопромышленникамъ понять, что цѣлесообразно направленная борьба съ этими язвами не только ихъ нравственный долгъ, но и вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ интересамъ. Оторванность отъ болѣе полной, разносторонней жизни—вотъ что губитъ человѣка, живущаго работой и работающаго въ тайгѣ. Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣетъ соединеніе тайги съ остальнымъ культурнымъ міромъ правильно организованной почтой и телеграфомъ, что̀, конечно, равно необходимо и въ хозяйственныхъ цѣляхъ. До сихъ поръ вся Баргузинская тайга не имѣетъ ни казенной почты, ни телеграфа, а между тѣмъ въ эту тайгу идутъ крупныя суммы денегъ, изъ нея ежегодно вывозятся десятки пудовъ золота». Итакъ, лицо, посвятившее, можно сказать, свою жизнь золотопромышленности, въ качествѣ заключительнаго опыта горячо настаиваетъ на необходимости для промышленности хорошаго интеллигентнаго рабочаго съ развитыми духовными интересами, обезпеченнаго въ своемъ существованіи, для чего имъ и рекомендуется организація страхованія, устройство школъ, клуба. Это—характерный признакъ времени, это показываетъ, что наша промышленность вступаетъ въ другую стадію развитія.

Это «новое» отношеніе давно уже не ново въ промышленности, вскормленной иностранными капиталами въ Польшѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Бѣловъ (цитируемъ по Б. Ф. Брандту «Иностранные капиталы» ч. III, Петербургъ, 1901 года): «Нѣмцы вырабатываютъ своихъ служащихъ, затѣмъ ихъ цѣнятъ; у насъ ихъ не вырабатываютъ и не цѣнятъ. У нѣмцевъ юбилей служащихъ—праздникъ всей фабрики; у насъ заслуженный служащій нерѣдко выбрасывается по капризу... Нѣмцы очень щедры въ прямыхъ фабричныхъ расходахъ и очень

скупы въ расходахъ накладныхъ; мы, наоборотъ, не жалѣемъ денегъ на обстановку нашихъ правленій и директорскихъ квартиръ, а паровые котлы въ заплатахъ и парятъ по всѣмъ швамъ. Нѣмцы каждый годъ ѣздятъ за границу собственно для того, чтобы заимствовать все новое. Мы подчасъ не умѣемъ пользоваться даже тѣмъ, что намъ принесутъ на фабрику» (109)... Другая отличительная черта нѣмецкихъ фабрикантовъ въ Польшѣ—это «разумное обращеніе съ служащими и рабочими... установившіяся дружелюбныя отношенія между рабочими и фабрикантами также выгодно вліяютъ на лодзинскую производительность. Замѣченное нами отсутствіе на лодзинскихъ фабрикахъ персонала разныхъ смотрителей, приставовъ, подмастерьевъ и т. под., служащихъ для надзора за рабочими на нашихъ фабрикахъ, указываетъ на то довѣріе, которое существуетъ у фабрикантовъ къ рабочимъ и которое, конечно, основано на твердомъ убѣжденіи въ хорошихъ нравственныхъ качествахъ рабочаго элемента (110)... Полезный служащій можетъ быть увѣренъ, что онъ не будетъ оставленъ патрономъ»...

Эта бо́льшая заботливость о служащихъ и рабочихъ, болѣе гуманное отношеніе къ послѣднимъ со стороны фабрикантовъ являются важнымъ факторомъ промышленнаго развитія Польши.

«Вліяніе иностранныхъ предпріятій въ Польшѣ, по словамъ г. Брандта, отражается на самомъ характерѣ рабочихъ, на развитіи въ нихъ самодѣятельности. Въ большинствѣ фабрикъ Царства Польскаго рабочіе имѣютъ свои больничныя кассы, на многихъ фабрикахъ они образуютъ вольныя пожарныя команды» (204). Объ этой чертѣ Царства Польскаго намъ уже приходилось говорить («Кассы взаимопомощи», іюнь). Здѣсь глубоко пустила корни идея, что энергичный, дѣятельный рабочій, хорошо поставленный, съ развитой личностью—необходимое условіе развитія промышленности. Здѣсь дорожатъ личностью рабочихъ: каждый мастеръ, каждый служащій, оставаясь подъ зоркимъ наблюденіемъ своего главнаго начальника, въ то же время полный хозяинъ въ своемъ дѣлѣ; нѣтъ постоянныхъ вопросовъ—«какъ прикажете?» нѣтъ никакого вмѣшательства въ его дѣло; отправляемый съ порученіемъ агентъ не нагружается инструкціями, въ которыхъ обыкновенно предусматривается все то, что не случится, и не предусматривается то, что какъ разъ должно случиться. Поэтому служебный персоналъ чувствуетъ себя при исполненіи своихъ обязанностей бодрымъ; дѣло для него всегда ясно. Отсюда и характеръ личныхъ отношеній фабриканта къ служащимъ. Они вознаграждаются, только кромѣ директоровъ, не Богъ знаетъ какими широкими окладами, но тѣмъ не менѣе служащіе довольны своими патронами, не только потому, что ясное, опредѣленное дѣло, притомъ въ надлежащихъ предѣлахъ самостоятельности, весело дѣлать, но и потому, что ихъ службой дорожатъ» *).

Интересно отношеніе лодзинскихъ фабрикантовъ къ сбыту: «Если не

*) *Бѣловъ:* „Лодзь и Сосновицы“ (цитир. по Брандту, стр. 111).

больше, то ужъ никакъ не меньше техники,—говоритъ г. Бѣловъ,—лодзинскій фабрикантъ цѣнитъ эту сторону своего дѣла. Его основной принципъ тотъ, что рынокъ—его господинъ; посмотрите, какъ онъ послушенъ этому господину, какъ старается предугадать всѣ его желанія, даже прихоти. Самъ онъ своей душой всегда на рынкѣ; всѣ обстоятельства, могущія повліять на рынокъ въ ту или иную сторону, ему тотчасъ извѣстны; его агенты, какъ телеграфныя нити, ежедневно приносятъ ему вѣсти; сравнивая, сопоставляя эти вѣсти, онъ задолго чувствуетъ перемѣну погоды на рынкѣ и, смотря по погодѣ, заблаговременно начинаетъ отпускать, или поддерживать товаръ, повышать или понижать его цѣну... 15 числа іюля 1891 г., когда у насъ и не думали о голодовкѣ, лодзинскіе агенты сновали во всѣ стороны по Волгѣ съ цѣлью выяснить степень неурожаевъ. По ихъ донесеніямъ оказалось, что слѣдуетъ ждать большихъ неурожаевъ; покупка будетъ плоха; Лодзь заблаговременно пошла на сокращеніе производства и на выдѣлку болѣе дешеваго товара» (114).

Польскіе агенты и коммивояжеры проникаютъ въ самые отдаленные уголки нашего отечества, въ глубь Азіи, Турціи и балканскихъ государствъ, даже въ Испанію и Африку, завоевывая новые рынки для сбыта, прислушиваясь къ мѣстнымъ вкусамъ и требованіямъ, продавая товаръ по дешевой цѣнѣ, не гоняясь за высокой прибылью (231).

«Лодзь до сихъ поръ,—пишетъ г. Брандтъ,—является единственнымъ промышленнымъ райономъ Имперіи, продукты текстильной промышленности котораго проникли въ Константинополь и балканскія страны. Недавно Лодзь начала посылать свои хлопчатобумажныя издѣлія прямо въ Софію. «Британскіе фабриканты,—пишетъ англійскій консулъ въ Варшавѣ,—должны быть готовы встрѣтить въ польскихъ предпринимателяхъ грозныхъ соперниковъ на рынкахъ Востока» (232).

Лѣтомъ масса лицъ уѣзжаетъ изъ Россіи за границу полѣчиться, отдохнуть... уѣзжаетъ и увозитъ съ собой много золота за границу. Это—каналъ, по которому весной и лѣтомъ много золота переливается изъ Россіи на западъ. И вотъ этотъ-то отливъ золота и представляетъ интересъ для экономиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе послѣдняго неминуемо направляется и на факты, сопровождающіе это массовое выселеніе на лѣто за границу и этотъ золотой отливъ. Дѣло въ томъ, что Россія обширна и разнообразна: въ ней есть много мѣстностей, могущихъ соперничать по красотѣ природы и климату съ Западомъ,—укажемъ хотя бы на Кавказъ, особенно на его побережье Чернаго моря. Есть мѣстности со средней лѣтней температурой въ 15—16° (Кисловодскъ), слѣдовательно, есть куда укрыться отъ жары и, казалось бы, незачѣмъ для этого ѣхать далеко въ Швейцарію, въ Энгадинъ. Есть гдѣ отдохнуть на лонѣ природы, созерцая чудныя ея красоты, есть гдѣ купаться въ морѣ,—однимъ словомъ, Россія по своей обширности, по разнообразію климата въ разныхъ ея частяхъ, казалось, должна была бы удовлетворять всѣмъ вкусамъ.

Мало того, въ ней столько цѣлебныхъ источниковъ и иногда послѣдніе сгруппированы на одномъ мѣстѣ и такъ удобно для публики (кавказскія минеральныя воды), что и въ этомъ отношеніи не остается желать ничего лучшаго. Притомъ воды нерѣдко прямо превосходнаго качества, по отзыву спеціалистовъ, а между тѣмъ масса лицъ къ лѣту, къ вящему горю патріотовъ, покидаетъ Россію... Въ прессѣ нерѣдко мы читаемъ жалобы по этому поводу. Такъ, недавно въ *Вѣстникѣ Финансовъ* это предпочтеніе иностранныхъ курортовъ русскимъ приписывалось чуть ли не исключительно модѣ. Изданіе управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ «Кавказскіе курорты на 1901 годъ» также наполнено жалобами по поводу этого бѣгства изъ Россіи за границу. Это изданіе цитируетъ слова извѣстнаго французскаго инженера и гидротехника Ж. Франсуа, изучившаго большинство курортовъ въ Европѣ и работавшаго въ 1874 году на нашихъ кавказскихъ курортахъ. Г. Франсуа писалъ тогда: «Нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ такого счастливаго сочетанія на относительно маломъ пространствѣ, столь разнообразныхъ прекрасныхъ источниковъ». «Безъ преувеличенія можно сказать,—говорится далѣе въ этомъ изданіи управленія водами,—что нѣтъ почти болѣзни, требующей минеральнаго лѣченія, которыя не могли бы быть лѣчимы здѣсь». И, несмотря на это, со всей Россіи въ 1900 г. пріѣхало на кавказскія минеральныя воды немного болѣе 10,000 человѣкъ... Это со всей Россіи... между тѣмъ кавказскіе курорты, при современномъ ихъ устройствѣ, могутъ дать средства излѣченія болѣе чѣмъ для 100,000 человѣкъ».

Гдѣ же лежатъ причины этого массового бѣгства русскихъ изъ Россіи за границу лѣтомъ, весной—при первой возможности?

Во-первыхъ, какъ ни богаты наши источники, похвастаться порядками наши курорты не могутъ. Не говоря уже про страшную пыль, въ Ессентукахъ, Пятигорскѣ, даже въ Кисловодскѣ тополевая аллея болѣе орошается естественнымъ путемъ—дождемъ, и нерѣдко приходится послѣ ванны въ Нарзанѣ брать въ паркѣ или въ аллеѣ песочную ванну. Сезонъ открывается въ Кисловодскѣ съ 1 іюня, къ этому времени начинаетъ съѣзжаться публика, справедливо предполагая, что разъ сезонъ открывается къ этому времени, то все должно быть готово къ принятію больныхъ. Конечно, за границей публика не ошиблась бы въ своемъ разсчетѣ, но у насъ другое дѣло. Я пріѣхалъ въ началѣ іюня, но курзалъ былъ не только не открытъ, а, что хуже того, производилась постройка около него каменной ограды, почему курзалъ находился въ облакахъ асфальтоваго дыма, невыносимо отравляющаго воздухъ. При администраціи водъ въ Пятигорскѣ учреждена консультація изъ врачей-спеціалистовъ. Но словно въ насмѣшку надъ больными администрація водъ, публикуя дни пріема консультаціи, вовсе не указываетъ часовъ, когда принимаютъ больныхъ (см. *Сезонный Листокъ*, 5—6 іюня), и больные, наприм., изъ Кисловодска должны наугадъ ѣхать, имѣя предъ собой перспективу просидѣть, быть можетъ, цѣлый день въ Пятигорскѣ. Вы скажете, объ этомъ легко справиться въ конторѣ группы,—

но чиновники послѣдней только показываютъ публикацію и на всѣ ваши дальнѣйшіе вопросы пожимаютъ плечами: «мы не знаемъ, вотъ публикація». Хороша, слѣдовательно, заботливость объ интересахъ пріѣзжающихъ больныхъ па наши воды.

А уличная пыль въ Пятигорскѣ! Да это ужасъ, что такое! А непролазная грязь изъ чернозема послѣ дождя вокругъ Кисловодска: приходится больнымъ совершать экскурсію, переѣзжая вплавь разнаго рода быстрины, отчего съ первыми людьми можетъ дурно сдѣлаться. Въ Пятигорскѣ недавно хотѣли замостить главныя улицы, но у города нѣтъ денегъ, и городъ обязалъ подпиской домовладѣльцевъ принять па свой счетъ часть расходовъ по замощенію улицъ, но когда дѣло дошло до самого замощенія, то нѣкоторыя лица стали отказываться отъ принятаго на себя обязательства. Будь у насъ болѣе урегулировано законодательство на этотъ счетъ, будь у насъ законодательнымъ порядкомъ проведено такъ называемое спеціальное обложеніе, т.-е. право города при всякихъ производимыхъ имъ улучшеніяхъ, отъ которыхъ является приращеніе имущественной цѣнности для домовладѣльцевъ, взимать съ этихъ послѣднихъ часть средствъ для покрытія этихъ расходовъ, то, конечно, Пятигорскъ давно былъ бы замощенъ, и нашъ курортъ былъ бы благоустроеннѣе. Затѣмъ въ этомъ протестѣ противъ замощенія сказывается и неразвитость нашего населенія, не понимающаго своихъ интересовъ. Вѣдь вся эта мѣстность живетъ на счетъ публики, пріѣзжающей лѣчиться, и потому всякія улучшенія курортной жизни могутъ быть только выгодны для мѣстныхъ жителей, между тѣмъ мѣстное населеніе этого не понимаетъ.

«Чѣмъ объяснить такую близорукость?—восклицаетъ *Сезонный Листокъ* (27 мая).—Не тѣмъ ли, что наши обыватели находятся еще на такой степени развитія, когда человѣкъ не сознаетъ своей общности съ окружающимъ, не чувствуетъ себя составнымъ элементомъ цѣлаго?» Намъ думается, что это объясненіе совершенно правильно: населеніе малокультурно, близоруко, ему чуждо широкое пониманіе даже своихъ собственныхъ интересовъ, и пока въ этомъ отношеніи не будетъ у насъ другого положенія вещей, до тѣхъ поръ наши курорты будутъ отличаться своей неустроенностью. Это не такое легкое дѣло—устроить курортъ. «Fremdenindustrie» такъ же, какъ и всякая другая отрасль промышленности, нуждается въ хорошихъ умныхъ, интеллигентныхъ работникахъ; иначе эти дорогіе курзалы-палаццо будутъ стоять пустыми, никого не привлекая, все равно какъ и фабрика, построенная по послѣднимъ даннымъ европейской техники, но не располагающая хорошимъ рабочимъ, будетъ дурно работать, и населеніе будетъ вынуждено выписывать нужные ему продукты изъ-за границы. «Fremdenindustrie»—очень капризная и очень требовательная отрасль промышленности. Больной или отдыхающій человѣкъ—очень требователенъ. Они требуютъ для себя полнаго покоя, предупредительности и вѣжливости со стороны мѣстнаго населенія, что опять-таки тѣсно связано съ культурнымъ развитіемъ послѣдняго. И для насажденія «Fremdenindustrie»

въ данной мѣстности прежде всего нужно озаботиться поднятіемъ культурнаго уровня мѣстнаго населенія, а дѣлается ли это у насъ на нашихъ курортахъ? У насъ хотятъ развить курортную жизнь исключительно механическими средствами, патріотическими зазываніями и т. д.

Затѣмъ на заграничныхъ курортахъ важна нравственная атмосфера. Тамъ соприкосновеніе съ болѣе культурнымъ населеніемъ, съ населеніемъ, въ которомъ свѣтъ знанія пустилъ уже глубокіе корни и гдѣ поднимается заря новаго лучшаго будущаго для широкихъ массъ населенія, дѣйствуетъ ободряющимъ и освѣжающимъ образомъ на измученный организмъ. Мы инстинктивно тянемся къ свѣту, и пока онъ въ полномъ своемъ блескѣ будетъ сіять только въ Европѣ, будемъ ѣздить въ Европу отдыхать, лѣчиться, учиться, и будемъ увозить съ собой туда русское золото.

«За границей ничего не дается даромъ, на все имѣется особый тарифъ и особая такса. Въ Aix-les-Bains абонементъ у бювета оплачивается 3-мя франками, у насъ—даромъ. Посѣщеніе провала и штольни въ Эксѣ обложено франкомъ, у насъ всѣ штольни и эффектный большой провалъ близъ Пятигорска открыты для публики безплатно». Будемъ за границей платить и по 3 фр. за бюветъ и по франку за осмотръ штольни и провала, но зато не будемъ купаться въ пыли, не будутъ по ночамъ подъ нашими окнами выть собаки (какъ въ Кисловодскѣ),—во время сезона запахъ варимаго асфальта не будетъ отравлять воздуха,—однимъ словомъ, будемъ дышать свободной грудью, чистымъ воздухомъ во всѣхъ смыслахъ этого послѣдняго слова.

Во внутреннемъ обозрѣніи за май мѣсяцъ этого года мы обращали вниманіе на организацію союза ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Пермской губ. Недавно утвержденъ союзъ бердянскихъ ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, и въ то же время комитетъ министровъ предоставилъ право на будущее время утверждать своею властью уставы союзовъ учрежденій мелкаго кредита, аналогичные только что утвержденному уставу бердянскихъ товариществъ. Это придаетъ особое значеніе новому союзу, такъ какъ онъ, очевидно, будетъ образцомъ, по которому будутъ создаваться другіе союзы. Въ Таврической губ. всего 48 товариществъ, и изъ нихъ на Бердянскій уѣздъ приходится 22 (см. *Торгово-Промышл. Газета* 24 мая 1901 г.), и уже такое развитіе кооперативной формы мелкаго кредита въ одномъ уѣздѣ создавало здѣсь благопріятную почву для организаціи союза. Въ самомъ дѣлѣ назрѣвала масса вопросовъ, въ однообразномъ разрѣшеніи которыхъ были заинтересованы всѣ товарищества, напрм., установленіе % по вкладамъ и ссудамъ. Нѣкоторыя стороны своей дѣятельности товарищества могли успѣшно развивать только при своей организаціи въ союзы, наприм., обезпеченіе отдѣльныхъ товариществъ можетъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ и скорѣе найти средства, чѣмъ отдѣльныя товарищества. То же самое, чтобы успѣшно организовать совмѣстныя закупки и продажи необходимыхъ для членовъ отдѣльныхъ то-

вариществъ сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и другихъ предметовъ, опять-таки товарищества должны быть организованы въ союзы и т. д. Мы уже въ прошлый разъ говорили, что наши кооперативныя учрежденія нуждаются въ руководствѣ, совѣтахъ, указаніи, ревизіяхъ и т. д. И вотъ новый уставъ союза бердянскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и заключаетъ всѣ эти функціи.

Средства союза слагаются изъ единовременныхъ 100-рублевыхъ взносовъ товариществъ, вступающихъ въ союзъ, изъ отчисленій изъ чистой прибыли союзныхъ товариществъ и т. д. Отвѣтственность по обязательствамъ и убыткамъ союза возлагается на всѣ товарищества, примкнувшія къ союзу, по круговой порукѣ, но съ ограниченіемъ не болѣе 5 руб. на каждаго члена товарищества, входящаго въ союзъ. Во главѣ союза стоитъ собраніе уполномоченныхъ и совѣтъ.

Торгово-Промышл. Газета пишетъ по поводу новаго союза:

«Народившись въ Россіи въ 1865 г., наши товарищества до самаго послѣдняго времени дѣйствовали изолированно. Между ними не существовало никакой постоянной связи, несмотря на единство общихъ интересовъ. Лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія товариществъ, негдѣ было поучиться лучшимъ способамъ веденія дѣлъ товарищества, не съ кѣмъ было посовѣтоваться относительно возникающихъ на практикѣ недоразумѣній; товарищества были лишены органа, который стоялъ бы на стражѣ ихъ интересовъ; регулярныхъ ревизій товариществъ не производилось, и тѣ ошибки, тѣ недостатки въ ихъ дѣятельности, которые вначалѣ являлись результатомъ новизны дѣла, благодаря отсутствію такихъ ревизій, утвердились во многихъ товариществахъ, подготовивъ для однихъ изъ нихъ преждевременный конецъ, для другихъ—жалкое, почти номинальное, прозябаніе. Этимъ въ значительной степени объясняется, что изъ 1,700 ссудо-сберегательныхъ товариществъ, уставы которыхъ были утверждены за послѣднія 35 лѣтъ, въ настоящее время дѣйствуетъ всего нѣсколько болѣе 600 товариществъ», и газета привѣтствуетъ новый союзъ. Мы присоединяемся къ этому привѣтствію: это открываетъ болѣе широкую дорогу для развитія нашихъ учрежденій мелкаго кредита.

И. О.

Вопросъ о реформѣ средней школы вступилъ въ рѣшительную фазу своего развитія. Въ концѣ іюня въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось сообщеніе объ окончаніи работъ особой коммиссіи по преобразованію средней школы и о введеніи съ нынѣшняго же учебнаго года нѣкоторыхъ изъ проектированныхъ ею измѣненій. Какъ видно изъ сообщенія, коммиссія выработала основныя положенія для новой общеобразовательной средней школы, составила уже таблицы уроковъ и конспекты учебнаго плана и разсмотрѣла вопросъ о порядкѣ введенія новыхъ плановъ преподаванія. Планъ реформы выработанъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы закончить полное преобразованіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній

въ 1905 году. По предположенію коммиссіи, правительственная средняя школа должна быть единой, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній этого рода, съ семилѣтнимъ курсомъ, съ совершеннымъ исключеніемъ изъ программы греческаго языка, съ сохраненіемъ латинскаго лишь въ высшихъ четырехъ классахъ и съ замѣной этого языка для нежелающихъ изучать его дополнительнымъ курсомъ естествовѣдѣнія и графическими искусствами. Взамѣнъ упраздняемаго греческаго языка и сокращенія преподаванія латинскаго вводится преподаваніе естественныхъ наукъ, законовѣдѣнія, обоихъ новыхъ языковъ, естествовѣдѣнія и усиливается преподаваніе русской и всеобщей литературы, исторіи и математики.

Въ тѣхъ же положеніяхъ указанъ порядокъ отступленій отъ этого общаго типа, допускаемыхъ для школъ, содержимыхъ на средства городовъ, земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, и выработанъ планъ средней классической школы съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ. Такія гимназіи предположено сохранить лишь въ пяти городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ. Коммиссія считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на воспитаніе учащейся молодежи и пріученіе ея къ школьной дисциплинѣ, на усиленіе преподаванія гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, на введеніе подвижныхъ игръ, школьныхъ экскурсій и прогулокъ, а также, гдѣ будетъ возможно, и ручного труда.

Всѣ эти предположенія коммиссіи будутъ переданы чрезъ попечителей учебныхъ округовъ на обсужденіе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и на заключеніе оберъ-прокурора св. синода, митрополита петербургскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ коихъ имѣются учебныя заведенія. Заключенія всѣхъ этихъ лицъ и учрежденій будутъ этой же зимою обсуждены министерствомъ народнаго просвѣщенія, а потомъ дѣлу данъ будетъ ходъ въ установленномъ порядкѣ.

Затѣмъ, принимая во вниманіе интересы учащихся и вновь поступающихъ въ нынѣшнее переходное для школы время, а также, чтобъ избѣжать сразу значительной ломки учебнаго строя, коммиссія признала желательнымъ уже съ будущаго 1901—1902 учебнаго года прекратить въ гимназіяхъ въ первыхъ двухъ классахъ преподаваніе латинскаго и въ 3 и 4— преподаваніе греческаго языка; взамѣнъ этихъ языковъ усилить преподаваніе русскаго языка и географіи и ввести съ перваго класса преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ окажется возможнымъ и естествовѣдѣніе.

Предложенія эти удостоились высочайшаго одобренія.

По сообщеніямъ газетъ, коммиссія приняла также рѣшеніе сравнить программы первыхъ трехъ классовъ промышленныхъ и техническихъ школъ съ программами первыхъ трехъ классовъ общеобразовательной школы.

Такимъ образомъ, осуществится идея низшаго концентра, который, съ одной стороны, будетъ давать окончательное низшее образованіе, а съ

другой стороны, будетъ предоставлять право поступленія какъ въ общеобразовательную школу, такъ и въ спеціальныя среднія учебныя заведенія.

Это дастъ родителямъ возможность не спѣшить съ выборомъ того или иного спеціальнаго заведенія для дѣтей, съ самаго ранняго возраста, какъ это волей-неволей дѣлалось до сихъ поръ, а уже познакомившись съ ихъ склонностями и способностями выбирать для нихъ послѣ трехъ лѣтъ ученія дальнѣйшее образованіе въ общеобразовательной или спеціальной школѣ. Возможность эта облегчится и тѣмъ, что и общеобразовательная школа, съ четвертаго класса, будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій—реальнаго и классическаго: на одномъ будутъ изучать латинскій языкъ, на другомъ взамѣнъ его усиленный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства. Изучавшіе оба классическихъ языка будутъ имѣть право поступленія на всѣ факультеты университета; изучавшіе одинъ латинскій смогутъ поступать, безъ провѣрочныхъ экзаменовъ, на всѣ факультеты, кромѣ филологическаго, а на послѣдній съ провѣрочнымъ экзаменомъ по греческому; не изучавшіе вовсе древнихъ языковъ будутъ имѣть право поступать на физико-математическій факультетъ безъ экзаменовъ, а на юридическій съ экзаменомъ по латинскому языку.

Таковъ въ краткихъ чертахъ планъ реформы. Надо надѣяться, что проектъ коммиссіи во всей полнотѣ будетъ напечатанъ въ органѣ министерства народнаго просвѣщенія и что печати будетъ дана возможность всесторонняго обсужденія его. Реформа затрогиваетъ предметы такой огромной важности, что каждая мелочь, каждая деталь ея требуетъ внимательнаго и вдумчиваго отношенія къ себѣ. Желательно было бы, чтобы ко всестороннему обозрѣнію проекта были привлечены дворянскія собранія, учрежденія городского и земскаго самоуправленія и различнаго рода просвѣтительныя общества. Такое широкое обсужденіе вопроса вполнѣ соотвѣтствовало бы и важности предмета и тому призыву къ помощи родителей и семей, который былъ сдѣланъ въ памятномъ высочайшемъ рескриптѣ на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго.

Какъ живо заинтересовано общество въ проектируемой реформѣ, видно изъ того, что различныя общественныя группы, по собственной иниціативѣ, дѣлаютъ ее предметомъ публичнаго обсужденія и возбуждаютъ предъ правительствомъ ходатайства о желательныхъ измѣненіяхъ въ постановкѣ школы. Мы привели въ майскомъ «обозрѣніи» цѣлый рядъ извѣстій о подобныхъ ходатайствахъ. Въ настоящее время отмѣтимъ аналогичное ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія. Въ собраніи этомъ, происходившемъ 29 и 30 мая, заслушанъ былъ подробный докладъ о школьной реформѣ. Докладъ этотъ касается не только средняго образованія, но и низшаго и высшаго. Съ одной стороны, пересмотръ положенія о начальномъ образованіи подъ видомъ изданія наказа училищнымъ совѣтамъ существенно касается той роли, которую дворянство имѣло въ лицѣ своихъ представителей въ этомъ важномъ дѣлѣ со времени манифеста Александра II, съ другой стороны, и университетскія волненія указываютъ на ненормальное

положеніе вещей въ университетахъ, гдѣ учится большинство дѣтей дворянъ. Вотъ почему нижегородское дворянство считаетъ долгомъ «по чистой совѣсти» высказаться какъ о недостаткахъ существующаго строя, такъ и о необходимости его улучшенія.

Мы не станемъ подробно передавать содержаніе доклада и приведемъ только тѣ заключенія, къ которымъ онъ приходитъ. Относительно начальнаго образованія нижегородское дворянство выражаетъ пожеланіе, чтобы завѣдываніе низшими школами было сосредочено исключительно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, высказывается противъ проекта наказа училищнымъ совѣтамъ и присоединяется ко всѣмъ пожеланіямъ недавно происходившаго въ Москвѣ съѣзда по начальному образованію.

Среднее образованіе воочію убѣждаетъ дворянъ на ихъ «искалѣченныхъ дѣтяхъ» въ пагубномъ вліяніи существующей системы. Докладъ намѣчаетъ уничтоженіе преподаванія греческаго языка, сокращеніе латинскаго, введеніе преподаванія естественныхъ наукъ и законовѣдѣнія, общеніе между школой и семьей, уничтоженіе экзаменовъ.

По вопросу о высшемъ образованіи дворянство высказывается за коренное преобразованіе университетскаго строя и приданія университетамъ корпоративнаго характера самоуправляющейся единицы, которая обнимала бы не только учащихъ, но и учащихся.

Записка нижегородскаго дворянства представлена будетъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Подробный докладъ о реформѣ средней школы читался недавно и въ Ялтѣ, въ засѣданіи мѣстной секціи гигіены, воспитанія и образованія. Основная мысль доклада состояла въ томъ, что повая школа должна подлежать самому серьезному общественному контролю и быть свободною отъ всякихъ національныхъ или сословныхъ тенденцій. Докладъ признаетъ также желательнымъ объединеніе и концентрацію школъ низшей, средней и высшей и высказывается за совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ цѣляхъ воспитанія въ нихъ нормальныхъ товарищескихъ отношеній другъ къ другу. Затѣмъ докладъ высказывается за исключеніе древнихъ языковъ, введеніе естественныхъ наукъ и законовѣдѣнія и т. д.

Всѣ эти доклады и ходатайства вполнѣ подтверждаютъ мысль о необходимости привлеченія различныхъ общественныхъ группъ къ обсужденію проекта реформы. Министерство, идущее въ своемъ проектѣ навстрѣчу пожеланіямъ лучшей части общества, надо надѣяться, съ довѣріемъ отнесется и къ участію общества въ подробномъ обсужденіи проекта.

---

5 іюня состоялось Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи студентовъ, отбывающихъ воинскую повинность въ видѣ наказанія на основаніи «Временныхъ правилъ» 2 іюня 1899 г. отъ всѣхъ послѣдствій этого наказанія.

Согласно первой статьѣ Высочайшаго повелѣнія, тотчасъ же увольняются съ военной службы студенты, пользующіеся по семейному положенію льготой перваго разряда или неспособные къ службѣ по физическимъ

недостаткамъ. На основаніи «Временныхъ правилъ», какъ извѣстно, неспособные къ строевой службѣ зачислялись въ нестроевыя должности.

По второй статьѣ всѣ остальные студенты возстановляются въ правахъ по отбыванію воинской повинности безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ. Слѣдовательно, зачисленные, на основаніи «Временныхъ правилъ», на три года службы и отслужившіе два, освобождаются; записанные въ вольноопредѣляющіеся освобождаются по истеченіи года службы. Лица, подлежащія призыву и уже отслужившія часть назначеннаго имъ въ видѣ наказанія срока, могутъ дослужить до остающагося имъ по обыкновеннымъ порядкамъ срока, послѣ чего считаются уже свободными отъ отбыванія воинской повинности.

Наконецъ, по третьей статьѣ Высочайшаго повелѣнія студентамъ, отбывающимъ воинскую повинность въ видѣ наказанія и желающимъ нынѣ оканчивать срокъ службы на общемъ основаніи, срокъ службы считается съ 1 числа слѣдующаго за отдачей въ солдаты мѣсяца, а не съ 1 сентября, какъ полагается по уставу объ отбываніи воинской повинности. Статья эта имѣетъ значеніе въ виду того, что большинство студентовъ отдавалось въ солдаты въ зимніе или весенніе мѣсяцы и время до 1 сентября имъ не зачитывалось.

Намъ уже случалось выразить пожеланіе, чтобы уволенные за безпорядки студенты получили возможность продолжать свое образованіе. Отмѣна «Временныхъ правилъ» со всѣми ихъ послѣдствіями даетъ основаніе надѣяться, что пожеланіе это будетъ осуществлено. Разъ недостатки университетскаго строя признаны официально, разъ признано, что безпорядки являлись слѣдствіемъ этихъ недостатковъ, было бы актомъ разумной гуманности возстановить всѣхъ увлекавшихся молодыхъ людей не только въ правахъ по отбыванію воинской повинности, но и въ правахъ на полученіе дальнѣйшаго образованія.

Печать попрежнему дѣятельно обсуждаетъ подробности университетской реформы. С. М. Васильевъ выступилъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* противъ порядка избранія ректора и деканов. Г. Васильевъ находитъ существующій порядокъ назначенія ректора отъ правительства въ высшей степени вреднымъ. Въ числѣ неудобствъ такого порядка онъ указываетъ на то, что ректоръ по назначенію, въ силу своего ненормальнаго положенія среди товарищей, долженъ былъ искать опоры въ отдѣльныхъ членахъ совѣта, благодаря чему создавалась ректорская партія, дѣйствовавшая большей частью вразрѣзъ съ большинствомъ совѣта. Антагонизмъ между ректорской и неректорской партіей вызывалъ самыя печальныя послѣдствія.

«Встрѣчаются,—говоритъ г. Васильевъ,—даже факты гнусныхъ доносовъ со стороны ректора на профессоровъ, любимыхъ студентами, деканов, инспекторовъ и т. п.—въ силу продоставленнаго ему права непосредственно сноситься съ высшимъ начальствомъ. Понятно, что при существованіи подобнаго рода секретныхъ сношеній ректора съ высшей ад-

министраціей исключается всякая возможность контроля со стороны совѣта и защиты со стороны заинтересованныхъ членовъ отъ ректорскихъ доносовъ и ложныхъ навѣтовъ. Нечего и говорить, какъ часты случаи игнорированія, замалчиванія и выставленія въ ложномъ свѣтѣ передъ начальствомъ даже такихъ профессоровъ, которые высоко поставили себя своими научными трудами и лекторскими способностями, но не принадлежали къ ректорской партіи».

Злоупотребленія ректорской властью отражаются даже на постановкѣ преподаванія. Такъ какъ распредѣленіемъ средствъ, назначаемыхъ на учебно-вспомогательныя пособія (лабораторіи, клиники и т. д.), завѣдуетъ правленіе, то получается такое явленіе, что лица ректорской партіи всегда имѣютъ полную возможность получить пособіе на находящіяся подъ ихъ руководствомъ учрежденія, а профессора, не принадлежащіе къ этой партіи, «въ буквальномъ смыслѣ слова нищенствуютъ», хотя ихъ аудиторіи и клиники всегда переполнены студентами.

Точно также давленіе ректора проявляется при выборѣ приватъ-доцентовъ: его кандидаты проходятъ, хотя бы они не зарекомендовали себя научными трудами; выборъ же лицъ, весьма способныхъ, но почему-либо непріятныхъ ректору, затягивается годами подъ самыми курьезными предлогами.

Но, высказываясь противъ порядка назначенія ректора, г. Васильевъ не можетъ согласиться и съ порядкомъ избранія его профессорской коллегіей. Дѣло въ томъ, что такой порядокъ не исключаетъ борьбы партій, и можетъ случиться, что въ ректоры попадетъ лицо, котораго не желаетъ ни та, ни другая партія. Въ лучшемъ же случаѣ, при избраніи кандидата большинства, остается неудовлетвореннымъ меньшинство, что врядъ ли желательно для пользы дѣла.

Въ виду этого проф. Васильевъ рекомендуетъ замѣщать должность ректора и деканов всѣми членами совѣта, по очереди, по старшинству пребыванія въ университетѣ и притомъ только въ теченіе одного года. Какъ ректору, такъ и деканамъ должна принадлежать исключительно исполнительная власть, въ главѣ же управленія университетомъ всецѣло долженъ стоять совѣтъ. При такихъ условіяхъ ректоры и деканы не смогутъ властвовать надъ товарищами, а созиданіе партій станетъ безцѣльнымъ.

Г. Васильевъ, конечно, правъ, утверждая, что при системѣ избранія ректора и деканов надо будетъ считаться съ борьбой партій; все же система избранія представляется намъ единственно раціональной въ данномъ случаѣ. Порядокъ замѣщенія должностей ректора и деканов по очереди неудобенъ уже потому, что старшинство пребыванія въ университетѣ нисколько не гарантируетъ наличности качествъ, необходимыхъ для отправленія этихъ должностей. При такой системѣ назначеніе ректора сплошь и рядомъ будетъ случайнымъ и во главѣ университета будетъ стоять человѣкъ, не обладающій для этого ни должнымъ авторитетомъ, ни соотвѣтствующими качествами. Наоборотъ, при системѣ избранія въ ректоры всег-

да будетъ выбираться человѣкъ, который, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію большинства своихъ товарищей, обладаетъ для этого необходимыми качествами. Правда, возможенъ и такой случай, когда борьба партій приведетъ къ избранію человѣка, котораго не желаетъ ни одна партія, но это будетъ случай исключительный. Что же касается того, что при избраніи кандидата большинства останется неудовлетвореннымъ меньшинство, то ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь. Каждое человѣческое единеніе основано на томъ, что интересы и симпатіи меньшинства уступаютъ интересамъ и симпатіямъ большинства. Разумѣется, было бы лучше, если бы избраніе ректора происходило единогласно и не было бы при этомъ ни большинства, ни меньшинства; но разъ это невозможно, то лучше имѣть ректоромъ кандидата большинства, чѣмъ министерскаго чиновника, котораго не желаетъ ни большинство, ни меньшинство, или случайнаго, совершенно не подходящаго для этой роли человѣка, какъ это приходилось бы при осуществленіи проекта проф. Васильева.

Съ интереснымъ проектомъ по вопросу о постановкѣ преподаванія въ университетахъ выступилъ на столбцахъ *Курьера* В. А. Гольцевъ. Современная постановка преподаванія въ университетахъ, какъ извѣстно, очень мало соотвѣтствуетъ идеѣ *университетскаго* образованія. Нынѣшній университетъ, за исключеніемъ развѣ *отчасти* юридическаго и историко-филологическаго факультета, не даетъ своимъ слушателямъ общаго образованія, а выпускаетъ спеціалистовъ въ той или другой отрасли науки, но, разумѣется, спеціалистовъ съ весьма неглубокимъ спеціальнымъ образованіемъ. Въ сущности говоря, у насъ нѣтъ университетскаго образованія, а есть образованіе факультетское, и въ этомъ смыслѣ мы недалеко ушли отъ Франціи, гдѣ большинство высшихъ школъ составляютъ не университеты, а факультеты. И если наши университеты не имѣютъ почти никакихъ преимуществъ предъ французскими факультетами, то зато мы уступаемъ Франціи въ томъ отношеніи, что тамъ, по крайней мѣрѣ, есть высшія школы, спеціально посвященныя общему образованію, которыхъ у насъ нѣтъ.

Но этого мало. Постановка нашего высшаго образованія не только не соотвѣтствуетъ идеѣ университета, но и вообще носитъ черезчуръ узкій, ремесленный характеръ. На юридическомъ факультетѣ, который по свойству входящихъ въ его составъ наукъ, сравнительно болѣе другихъ удовлетворяетъ запросамъ общаго образованія, стараются образовать изъ слушателей будущихъ адвокатовъ или судебныхъ дѣятелей. Всѣ эти семинаріи, пробные судебные процессы и разборъ разныхъ казусовъ имѣютъ въ виду исключительно узко-практическія потребности. Историко-филологическій факультетъ образуетъ изъ своихъ слушателей будущихъ учителей гимназій, медицинскій—лѣкарей и т. д.

По мысли г. Гольцева этой спеціализаціи университетскаго образованія слѣдуетъ противопоставить общій университетскій курсъ, который обязательно должны пройти *всѣ* студенты до поступленія на тотъ или дру-

гой факультетъ. Въ виду предполагаемаго сокращенія гимназическаго курса на одинъ годъ, такое удлиненіе университетскаго курса неудобствъ не представитъ. На этомъ общемъ курсѣ должны читаться: всеобщая и русская исторія, исторія литературы, философія, энциклопедія права и основы естествознанія.

Такое нововведеніе, говоритъ авторъ, не только оживило бы университетскую жизнь и подняло бы значеніе университета, но и помогло бы окончившимъ гимназическій курсъ ориентироваться въ предметахъ университетскаго образованія и сознательно избирать себѣ факультетъ, наиболѣе соотвѣтствующій ихъ склонностямъ и способностямъ. Тогда, вѣроятно, прекратятся и нерѣдкіе теперь случаи перехода съ факультета на факультетъ въ поискахъ подходящей науки.

Въ виду невозможности собрать всѣхъ студентовъ перваго курса въ одну аудиторію, г. Гольцевъ рекомендуетъ устройство параллельныхъ курсовъ нѣсколькихъ профессоровъ по одному и тому же предмету. Разумѣется, преподаваніе *основъ* разныхъ наукъ начинающимъ студентамъ, представляетъ дѣло трудное вообще, а у насъ, при отсутствіи достаточныхъ научныхъ силъ, въ особенности; но интересы высшаго образованія настоятельно требуютъ такой организаціи.

Кромѣ устройства общаго элементарнаго курса для начинающихъ студентовъ мы рекомендовали бы чтеніе общихъ курсовъ болѣе широкаго содержанія и для желающихъ студентовъ высшихъ курсовъ. Такія лекціи не должны быть пріурочены ни къ одному факультету и должны быть организованы съ такимъ разсчетомъ, чтобъ студенты разныхъ факультетовъ могли находить въ нихъ то, чего имъ недостаетъ для полноты образованія. Такъ, юристы должны имѣть возможность слушать общій курсъ естественныхъ наукъ, естественники, медики, математики и филологи должны имѣть возможность познакомиться съ философіею права, государственнымъ правомъ или съ краткимъ курсомъ гражданскаго и уголовнаго права и т. д.

Только при такой организаціи преподаванія университеты, дѣйствительно, выпускали бы людей съ высшимъ образованіемъ, а не только лицъ, болѣе или менѣе (*скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе*) подготовленныхъ къ отправленію тѣхъ или иныхъ профессіональныхъ обязанностей.

Не успѣли еще мы покончить съ продовольственной кампаніей въ пострадавшихъ отъ недорода мѣстностяхъ, какъ въ газетахъ уже стали появляться изъ разныхъ мѣстъ извѣстія о грозящемъ неурожаѣ. Первыя извѣстія этого рода сообщали о плохихъ видахъ на урожай въ Привислянскомъ краѣ, кромѣ Сувалкской губерніи, а также въ Вятской и отчасти Пермской губерніи. Затѣмъ южныя газеты стали жаловаться на засуху въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Екатеринославскій губернаторъ, открывая экстренное губернское земское собраніе, сообщилъ, что получаемыя изъ разныхъ концовъ губерній свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ не-

утѣшительны и выразилъ опасеніе, что нынѣшній годъ можетъ оказаться не улучшеніемъ, а даже ухудшеніемъ народнаго благосостоянія. Въ іюнѣ же сообщали изъ Саратовской и Самарской губерній, что если засуха продолжится еще съ недѣлю, то Поволжье останется безъ хлѣба. Неутѣшительныя вѣсти сообщаютъ и изъ Донской области, которой, повидимому, грозитъ крупный недородъ.

Всѣ эти извѣстія говорятъ о новомъ бѣдствіи, надвигающемся на населеніе разныхъ мѣстностей нашего отечества. Особенно печальны тѣ изъ нихъ, которыя сообщаютъ о недородѣ, грозящемъ мѣстностямъ, постигнутымъ неурожаемъ въ прошломъ году.

Если бѣдствіе тяжело отражается на населеніи, подвергающемся ему впервые, то легко себѣ представить, какъ отразится оно на измученномъ и обезсиленномъ отъ прошлогодняго неурожая населеніи.

Желательно поэтому было бы, чтобы на положеніе мѣстностей, которымъ грозитъ недородъ, теперь же было обращено серьезное вниманіе, и чтобы были приняты своевременно всѣ мѣры къ возможному смягченію бѣдствія.

Намъ доставлена *Записка пермской губернской земской управы о мѣрахъ къ обезпеченію горнозаводскаго населенія въ продовольственномъ отношеніи*. Записка эта содержитъ интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи горнозаводскаго населенія.

Въ основу поземельнаго устройства горнозаводскихъ мастеровыхъ была положена мысль, что существованіе ихъ обезпечивается горнозаводскими работами, которыя исключаютъ возможность заниматься хлѣбопашествомъ, и что поэтому мастеровые должны быть надѣлены только покосами, выгонами и усадьбами. По положенію 1861 г. пахотная земля осталась въ пользованіи лишь тѣхъ мастеровыхъ, которые до 1861 г. занимались хлѣбопашествомъ. Позднѣйшими узаконеніями 1862 и 1868 г. было установлено, что если заводское дѣйствіе прекращается или уменьшается, то оставшіеся безъ работъ мастеровые получаютъ право на земельный надѣлъ; при отсутствіи заводскихъ земель мастеровые получаютъ право селиться на казенныя земли съ тѣми же льготами, какія установлены для государственныхъ крестьянъ. Однако, несмотря на то, что послѣ изданія этихъ законовъ многіе заводы совсѣмъ закрылись, а на другихъ количество безработныхъ мастеровыхъ сильно увеличилось, надѣленіе безработныхъ землею нигдѣ не имѣло мѣста въ Пермской губерніи. Такимъ образомъ образовался огромный классъ людей, приписанныхъ къ мастеровымъ, но на самомъ дѣлѣ не обращавшихся на заводахъ и въ то же время лишенныхъ земельнаго надѣла. Такъ, по свѣдѣніямъ управы 64,2% мастеровыхъ совсѣмъ не имѣетъ пашни, а большинство сельскихъ работниковъ, преимущественно, жители закрытыхъ заводовъ, имѣетъ менѣе десятины на душу. Положеніе всего этого населенія представляется совершенно необезпеченнымъ.

Не въ лучшемъ положеніи находятся и мастеровые, занятые на заво-

дахъ. Всего на заводахъ Пермской губерніи было занято въ 1897 году 137,311 человѣкъ, но среди нихъ много пришлыхъ рабочихъ, горнозаводскихъ же мастеровыхъ занято на заводахъ лишь 72,327 человѣкъ.

Плата горнорабочимъ разныхъ категорій крайне различна, но въ общемъ уровень ихъ невысокъ. Изъ сравненія цѣнъ, стоявшихъ въ 1891—2 году, съ цѣнами на хлѣбъ получается тотъ выводъ, что значительное число горнозаводскихъ семействъ едва зарабатывали то, что имъ нужно было на покупку хлѣба или немногимъ больше. Какъ мало заработная плата обезпечиваетъ горнозаводское населеніе отъ нужды, видно изъ того, что на нѣкоторыхъ заводахъ количество семействъ, утратившихъ всякую хозяйственную самостоятельность и живущихъ нищенствомъ, доходитъ до 7 и даже 10%. Количество же разстроенныхъ и нуждающихся хозяйствъ, само собою разумѣется, въ нѣсколько разъ больше.

Пенсіи, выдаваемыя заводами въ случаѣ инвалидности или увѣчья, крайне незначительны. Изъ 62 заводовъ, изъ которыхъ доставлены свѣдѣнія пенсіи выдаются лишь въ 56. Средній размѣръ ихъ отъ 1 р. 86 к. до 122 р. 56 к. въ годъ, но размѣръ этотъ сильно понижается для рабочихъ, такъ какъ въ разсчетъ вошли и пенсіи, выдаваемыя чинамъ высшей заводской администраціи. Размѣръ же единовременныхъ пособій, которыя выдаются на нѣкоторыхъ заводахъ, колеблется между 1 р. 34 к. и 147 р. 73 к. На золотыхъ и платиновыхъ пріискахъ пенсіи рабочимъ представляютъ крайне рѣдкое явленіе.

Что касается самыхъ условій работы въ пріискахъ, то по отзыву г. Бертенсона, чиновника министерства земледѣлія, командированнаго для изученія горныхъ работъ на Уралѣ, они настолько ужасны, что не поддаются описанію. Золотопромышленники не только не заботятся о санитарныхъ нуждахъ рабочихъ, но даже заболѣвающихъ бросаютъ на произволъ судьбы. На самыхъ богатыхъ пріискахъ нѣтъ не только больницъ, но даже фельдшеровъ.

Кромѣ вредныхъ вліяній, постоянно дѣйствующихъ и постоянно разрушающихъ здоровье рабочихъ, слѣдуетъ отмѣтить еще высокій процентъ несчастныхъ случаевъ на заводахъ. Объясняется это отсутствіемъ надлежащаго надзора за горнозаводскими и пріисковыми рабочими и недостаточностью мѣръ, принимаемыхъ для огражденія здоровья и жизни рабочихъ.

Единственнымъ выходомъ для безработныхъ мастеровыхъ, которыхъ насчитывается здѣсь отъ 300 до 400 тыс. человѣкъ, являются отхожіе заработки и кустарные промыслы. Но отхожіе заработки въ Пермской губерніи въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ только подсобныхъ. Что-жъ касается кустарныхъ промысловъ, то ими занято едва около 24 тысячъ человѣкъ. Тормозомъ къ развитію кустарныхъ промысловъ, главнымъ образомъ, служитъ воспрещеніе устраивать въ заводскихъ селеніяхъ такія промышленныя заведенія, въ которыхъ производство основывается на огнедѣйствіи, требующемъ дровъ или угля. И хотя запре-

щеніе это относится лишь къ казеннымъ заводамъ, но на практикѣ оно распространяется на всѣ горнозаводскія селенія, гдѣ такимъ образомъ фактически не могутъ быть возведены такія промышленныя заведенія, какъ кузнечныя, гвоздарныя, слесарныя, гончарныя, смолокуренныя, мыловаренныя, маслобойныя, спичечныя, мѣдноотдѣльныя и многія другія.

Въ 1888 г. XVI чрезвычайное губернское земское собраніе ходатайствовало предъ правительствомъ о разрѣшеніи горнозаводскому населенію устраивать огнедѣйствующія промышленныя заведенія на общемъ основаніи, но ходатайство это было оставлено безъ удовлетворенія.

Кромѣ запрещенія устраивать огнедѣйствующія промышленныя заведенія, многія крестьянскія общества, по настоянію бывшихъ владѣльцевъ, обязались не заводить никакихъ промышленныхъ заведеній безъ согласія заводовладѣльцевъ.

Наконецъ, и поиски, и добычу ископаемыхъ мастеровые какъ частныхъ, такъ и казенныхъ заводовъ не могутъ производить на своихъ надѣлахъ впредь до выдачи имъ владѣльныхъ записей.

Такимъ образомъ, безземельные и малоземельные мастеровые, для которыхъ кустарные промыслы являются единственнымъ выходомъ изъ ихъ тяжелаго экономическаго положенія, лишены возможности заняться производствомъ металлическихъ издѣлій, и уральскіе металлы увозятся за тысячи верстъ, откуда возвращаются переработанные сюда же или идутъ далѣе въ Сибирь.

Въ виду изложеннаго губернская управа предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) ходатайствовать о томъ, чтобы временныя продовольственныя правила, какъ несоотвѣтствующія условіямъ жизни горнорабочаго населенія, были распространены лишь на тѣ мѣстности Пермской губерніи, гдѣ хлѣбопашество составляетъ главное занятіе жителей, а на всѣ остальныя мѣстности только по мѣрѣ развитія въ нихъ земледѣлія, по особымъ ходатайствамъ земствъ, крестьянскихъ учрежденій или самихъ мастеровыхъ; 2) просить правительство о надѣленіи землей бывшихъ мастеровыхъ частно-владѣльческихъ заводовъ дополнительныхъ надѣловъ по законамъ 1862 и 68 г., по мѣрѣ возрастанія рабочихъ рукъ, незанятыхъ горными работами; 3) такъ какъ вслѣдствіе громаднаго избытка рабочихъ рукъ заработная плата часто спускается ниже минимума, необходимаго на удовлетворенія первыхъ потребностей, то возложить на мѣстныя правительственныя и общественныя учрежденія обязанность ежегодно устанавливать минимальныя рабочія цѣны; 4) для обезпеченія инвалидныхъ и увѣчныхъ, а также вдовъ и сиротъ горнорабочихъ установить законодательнымъ порядкомъ обязательную выдачу пенсій и пособій, а также распространить на частные и поссессіонные заводы законъ объ учрежденіи горнозаводскихъ товариществъ; 5) для улучшенія санитарнаго состоянія горнозаводскихъ работъ издать обязательное земское постановленіе съ распространеніемъ дѣйствія его на фабричныя, заводскія и другія промышленныя заведенія; до сихъ поръ санитарныя постановленія земства не касались горнозаводскаго про-

изводства; 6) съ этой же цѣлью подчинить заводы въ санитарномъ отношеніи надзору фабричной инспекціи, такъ какъ существующій надзоръ чрезъ окружныхъ инспекторовъ недостаточенъ и, наконецъ, 7) ходатайствовать о разрѣшеніи горнозаводскому населенію устраивать огнедѣйствующія промышленныя заведенія и о предоставленіи имъ права на нѣдра ихъ земли, не ожидая выдачи владѣльныхъ записей.

Надо надѣяться, что ходатайства пермскаго земства, удачно намѣчающія путь къ поднятію благосостоянія огромнаго горнозаводскаго населенія, будутъ внимательно выслушаны и удовлетворены.

Вятскій корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ результаты произведенной мѣстнымъ губернаторомъ ревизіи дѣятельности земскихъ начальниковъ въ Вятской губерніи. Обревизовано было 28 земскихъ начальниковъ изъ 93, числящихся въ губерніи, причемъ у 12 земскихъ начальниковъ (что составитъ около 43 проц. обревиз. нач.) обнаружены такіе безпорядки и упущенія, что дѣятельность ихъ будетъ подлежать особому обсужденію губернскаго присутствія. Трудно сказать, какіе собственно найдены у нихъ безпорядки, такъ какъ объ этомъ въ изданномъ «отчетѣ по ревизіи» подробно не говорится, но достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что большинство этихъ земскихъ начальниковъ принадлежитъ къ числу старыхъ служащихъ, бывшихъ ранѣе членами крестьянскихъ присутствій, исправниками и т. д. Видимо, прежняя служба по крестьянскимъ учрежденіямъ не прошла безслѣдно для нихъ...

Само собою понятно, что въ высшей степени интересно прослѣдить, какіе же вообще недостатки отмѣчены ревизіей. Такъ, по словамъ «отчета», надзоръ за дѣятельностью волостныхъ правленій со стороны земскихъ начальниковъ слабъ и формалепъ. Нѣкоторые земскіе начальники не усвоили себѣ понятій о выборной службѣ и законномъ порядкѣ отбыванія натуральныхъ повинностей, а своими разъясненіями, даваемыми волостнымъ правленіямъ, только усложняютъ подобныя дѣла. Приговоры о семейныхъ раздѣлахъ многими земскими начальниками отмѣняются, помимо жалобъ, собственной властью, — тогда какъ подобныя дѣла они должны представлять для отмѣны въ уѣздный съѣздъ.

Многіе изъ нихъ собственною властью разрѣшаютъ волостнымъ начальникамъ дѣлать заимствованія изъ мірскихъ капиталовъ на уплату недоборовъ по частнымъ податнымъ срокамъ, что, конечно, незаконно.

Что же касается отношенія населенія къ институту земскихъ начальниковъ, то этотъ вопросъ почти совсѣмъ не затрогивается въ отчетѣ. Только въ одномъ мѣстѣ губернаторъ констатируетъ фактъ недовѣрія населенія къ своему земскому начальнику.

Говоря о дѣятельности земскаго начальника г. Глазырина, губернаторъ замѣчаетъ: «При прекрасномъ знаніи дѣла, большой служебной опытности земскаго начальника, между нимъ и населеніемъ не установилось (замѣтьте, черезъ 10 лѣтъ) близкихъ отношеній, основанныхъ на попечительномъ

отношеніи—съ одной стороны и довѣрія—съ другой. Мнѣ кажется, эти отношенія страдаютъ излишнею формальностью, доходящею до того, что земскій начальникъ со всѣми крестьянами, независимо возраста и положенія, обращается на «вы». Быть можетъ, этимъ и объясняется, что законныя требованія земскаго начальника исполняются только подъ угрозою или послѣ уже наложенія взысканія. Такъ, наприм., крестьяне 12 селеній отказались отъ составленія приговоровъ о существующемъ пользованіи землею, требуемыхъ закономъ 23 іюня 1896 г., и только послѣ того, какъ земскій начальникъ по ст. 61 подвергнулъ 307 домохозяевъ штрафу, по 5 руб. каждаго, приговоры въ 10 селеніяхъ были составлены».

Трудно, конечно, согласиться, чтобъ обращеніе на «ты» вызывало болѣе довѣрія крестьянъ къ земскому начальнику, чѣмъ обращеніе на «вы». Думается намъ, что недовѣріе въ данномъ случаѣ объясняется болѣе серьезными причинами, чѣмъ употребленіе невиннаго мѣстоименія «вы».

Весьма усердно укрѣпляетъ авторитетъ власти земскій начальникъ елисаветградскаго уѣзда г. Рустановичъ. Объ этомъ можно судить по сообщенію одесскихъ газетъ о дѣлѣ, разбиравшемся на-дняхъ въ одесскомъ окружномъ судѣ. Обвинялся корреспондентъ Винницкій, живущій въ посадѣ Новоукраинкѣ, въ оклеветаніи въ печати земскаго начальника. Вина корреспондента состояла въ томъ, что онъ помѣстилъ въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* статью, въ которой разсказывалъ о незаконномъ заключеніи его подъ стражу земскимъ начальникомъ.

По разсказу г. Винницкаго онъ былъ какъ-то вызванъ въ мѣстное волостное управленіе, гдѣ г. Рустановичъ прочиталъ ему строгую нотацію за его корреспонденціи, въ которыхъ не совсѣмъ лестно изображалась дѣятельность вдохновителей новоукраинскаго крестьянскаго управленія.

Послѣ обѣщанія засадить въ тюрьму корреспондента и редактора, г. Рустановичъ, вспомнивъ вдругъ исторію объ участкѣ общественной усадебной земли, пріобрѣтенной съ торговъ корреспондентомъ, грозно спросилъ, исполнилъ ли корреспондентъ какія-то требованія объ освобожденіи полуторасаженной земли, захваченной будто бы послѣднимъ. Когда корреспондентъ отвѣтилъ, что вопросъ объ этомъ клочкѣ земли остается открытымъ до разрѣшенія его херсонскимъ губернаторомъ, г. Рустановичъ, несмотря на то, что дѣло это носитъ характеръ чисто гражданскаго спора, приказалъ волостному старшинѣ позвать 2-хъ этапныхъ, которымъ и велѣлъ арестовать и выдержать корреспондента при волостной кордегардіи въ теченіе трехъ сутокъ, за неисполненіе яко бы своихъ «законныхъ требованій». Несмотря на протесты корреспондента, г. Рустановичъ крикнулъ этапнымъ: «Взять его», и этапные безцеремонно исполнили это распоряженіе, посадивъ ни въ чемъ неповиннаго корреспондента подъ арестъ, и заперли его подъ замокъ. Во время трехсуточнаго ареста, по строгому приказанію г. Рустановича, къ арестованному не допускали рѣшительно никого, даже врача, постоянно лѣчившаго арестованнаго корреспондента, пришедшаго навѣстить своего паціента, о нездоровьи котораго было имъ лично

заявлено г. Рустановичу; врачъ былъ при этомъ 2 раза грубо вытолкнутъ этапными. По ночамъ г. Рустановичъ лично являлся для провѣрки, находится ли арестованный корреспондентъ на мѣстѣ, и каждый разъ приказывалъ этапнымъ не дѣлать ему никакихъ облегченій и снисхожденій. По окончаніи трехсуточнаго ареста г. Рустановичъ позвалъ корреспондента въ волостное правленіе и, стуча кулакомъ о столъ и ногами о полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ сажать подъ арестъ за всякую малѣйшую его попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ.

За это-то сообщеніе г. Рустановичъ и привлекъ г. Винницкаго къ суду. Судебное слѣдствіе однако вполнѣ подтвердило правдивость разсказа, и г. Винницкій былъ оправданъ.

Утѣшительнаго въ этомъ оправданіи, конечно, мало. Оно не удовлетворитъ ни г. Винницкаго, невинно просидѣвшаго подъ арестомъ трое сутокъ и вынужденнаго терпѣть надругательство надъ своею личностью, ни общественнаго мнѣнія, которое, вѣроятно, съ изумленіемъ узнало о возможности такого рода фактовъ. Надо надѣяться, что на дѣйствіе г. Рустановича будетъ обращено самое серьезное вниманіе.

Впрочемъ, не одинъ г. Рустановичъ не любитъ корреспондентовъ и газетчиковъ. Вражда къ печатному слову всегда составляла одно изъ насущныхъ золъ провинціальной жизни. Если г. Рустановичъ чѣмъ замѣчателенъ, такъ это первобытностью средствъ, которыхъ онъ не усомнился пустить въ ходъ противъ «корреспондента» и совершеннымъ отождествленіемъ своихъ личныхъ желаній съ «законными требованіями». Не всѣ, однако, имѣютъ возможность предъявлять «законныя требованія» къ злополучному корреспонденту или газетѣ. Въ этомъ случаѣ приходится довольствоваться болѣе скромными средствами, которыя, впрочемъ, на дѣлѣ оказываются не менѣе дѣйствительными.

Въ *Одесскомъ Листкѣ* находимъ поучительную исторію недавно народившейся провинціальной газеты *Южнаго Курьера*, выпустившей съ 21 марта только около 30 №№ и неожиданно пріостановившейся.

Мѣстное интеллигентное общество, равно какъ и средній классъ, отнеслись къ молодому органу съ большимъ сочувствіемъ, ожидая, что онъ, дѣйствительно, явится выразителемъ общественнаго мнѣнія и будетъ откликаться на живые вопросы повседневной жизни. Послѣ первыхъ двухъ недѣль существованія, газета вынуждена была увеличить вдвое число ежедневныхъ экземпляровъ. Газета съ матеріальной стороны была вполнѣ обезпечена. Она не находила нужнымъ считаться съ мѣстными столпами общества и подвергала нелицепріятной оцѣнкѣ дѣятельность общественныхъ заправилъ, привыкшихъ обрабатывать общественныя дѣлишки подъ покровомъ тайны. Особенно не понравилась газета мѣстнымъ «отцамъ» города, успѣвшимъ стать, благодаря газетѣ, притчей во языцѣхъ. Провинціальное болото взбаламутилось. «Столпы» зашевелились, и началась правильная война. Въ знаменитомъ англійскомъ клубѣ за зеленымъ сто-

ломъ, а чаще всего за буфетной стойкой, стали раздаваться грозныя филиппики противъ газетчиковъ, дерзнувшихъ критиковать «отцовъ».

Короче, мѣстные китъ-китычи повели рѣшительную атаку противъ газеты. Повредить газетѣ имъ было тѣмъ легче, что во главѣ изданія, по роковому недоразумѣнію, былъ поставленъ ихъ человѣкъ, плоть отъ плоти ихъ... Отвѣтственнымъ редакторомъ и соиздателемъ газеты являлся городской секретарь, нѣкто Овсѣенко, находившійся во все время изданія газеты въ отпуску, въ Москвѣ. Г. Овсѣенко въ изданіе газеты не вложилъ ни гроша, не написалъ ни одной строчки и не прочиталъ ни одного корректурнаго листа. И тѣмъ не менѣе онъ являлся хозяиномъ газеты, ему не принадлежащей. Когда стали появляться статьи о выборахъ съ характеристикой «отцовъ», въ городѣ началась буря. Городскому секретарю, попавшему по волѣ злодѣйки-судьбы въ редакторы-издатели, стали угрожать, что его «прокатятъ». Испугавшись лишенія теплаго мѣстечка, г. Овсѣенко поспѣшилъ сообщить цензору и главному управленію по дѣламъ печати, что пріостанавливаетъ изданіе впредь до своего пріѣзда въ Керчь. Только послѣ долгихъ телеграфныхъ переговоровъ г. Овсѣенко рѣшилъ, наконецъ, отказаться отъ правъ на принадлежащее ему изданіе, а газета тѣмъ временемъ пріостановилась.

Давно уже жизнь настойчиво выдвигаетъ требованіе о необходимости объединенія земской дѣятельности путемъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей или, по крайней мѣрѣ, изданія общеземскаго органа. Исторія земства доказываетъ, что нерѣдко отдѣльнымъ земствамъ приходится переживать тѣ же ошибки, чрезъ какія уже прошли другія и ощупью искать тѣхъ путей, по которымъ уже давно съ успѣхомъ идутъ ихъ сосѣди. Своевременное знакомство съ дѣятельностью другихъ земствъ могло бы предостеречь отъ этихъ ошибокъ и дать много полезныхъ указаній. Въ виду этого на земскихъ собраніяхъ неоднократно возбуждался вопросъ объ объединеніи тѣмъ или инымъ путемъ земской дѣятельности. Въ настоящее время этотъ вопросъ снова возбуждается по иниціативѣ предсѣдателя устюжской (Новгородской губ.) земской управы г. Колюбакина.

По сообщенію *Петербургскихъ Вѣдомостей* г. Колюбакинъ обратился къ земскимъ управамъ съ циркулярнымъ отношеніемъ, въ которомъ предлагаетъ высказаться по вопросу о томъ, какимъ образомъ установить объединеніе земской дѣятельности. По мнѣнію г. Колюбакина лучше всего было бы установить письменныя сношенія между земствами, съ одной стороны, путемъ непосредственной переписки, съ другой стороны—путемъ обмѣна мнѣніями и свѣдѣніями чрезъ посредство печатнаго органа. Непосредственная переписка необходима для предварительнаго возбужденія и обсужденія разныхъ вопросовъ, а для обмѣна положительными данными опыта земской дѣятельности слѣдовало бы остановиться на печати. Въ ней должны обсуждаться такіе вопросы, какъ о желательныхъ улучшеніяхъ въ земской организаціи, о постановкѣ дѣла народнаго образованія, земской

медицины, организаціи обмѣна мѣстными произведеніями и совмѣстнаго пріобрѣтенія разныхъ предметовъ, улучшеніе экономическаго положенія населенія и т. д.

Въ виду отсутствія общеземскаго органа, г. Колюбакинъ рекомендуетъ избрать для этой цѣли какой-нибудь изъ существующихъ органовъ печати.

Что же касается съѣздовъ и собраній представителей земскихъ учрежденій, то г. Колюбакинъ находитъ возможность ихъ при настоящихъ условіяхъ проблематичной.

Несомнѣнно, однако, что именно съѣзды и собранія представляютъ лучшій способъ объединенія земской дѣятельности, такъ какъ ни переписка, ни печатный органъ не могутъ замѣнить непосредственнаго живого общенія.

Мысль объ объединеніи возникла и среди дѣятелей городского самоуправленія. По словамъ газетъ уфимскій городской голова обратился къ другимъ городскимъ головамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Практикой давно дознано, какъ много пользы приносятъ періодическіе съѣзды дѣятелей по различнымъ отраслямъ науки и промышленности. Полезность ихъ сознаетъ и правительство, запрашивая отзывы лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, прежде чѣмъ поставить то или другое рѣшеніе. Иногда вопросы получаютъ, однако, не то рѣшеніе, которое было бы желательно въ интересахъ дѣла. Возбужденіе какихъ бы то ни было вопросовъ чрезъ посредство мѣстной администраціи, а затѣмъ въ подлежащемъ министерствѣ, очень часто является физически невозможнымъ въ силу множества различныхъ причинъ, и какъ бы важенъ вопросъ ни былъ, онъ обыкновенно рѣшается спѣшно, лишь бы какъ-нибудь миновать его. Такимъ образомъ, многія недоразумѣнія въ примѣненіи и толкованіи законовъ вызываютъ цѣлый рядъ разногласій, вредно отзывающихся на ходѣ общественныхъ дѣлъ. Изложенное приводитъ къ убѣжденію, что періодическіе съѣзды представителей общественныхъ учрежденій могли бы благодѣтельно повліять на развитіе этихъ важныхъ органовъ государства. Вопросы, которые ставитъ жизненная практика, будучи обработаны этими съѣздами, представлялись бы высшему правительству въ такомъ видѣ, что не было бы нужды въ разъясненіи ихъ путемъ длинной переписки. Обмѣнъ мыслей между представителями общественныхъ учрежденій давалъ бы возможность быстро и единогласно разрѣшать возникшія на мѣстахъ недоразумѣнія. Только такимъ путемъ и возможно болѣе близкое общеніе правительственныхъ сферъ съ органами общественныхъ управленій».

Въ виду этого уфимскій голова предлагаетъ поставить на обсужденіе думы вопросъ о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ головъ или представителей городскихъ общественныхъ управленій въ одной изъ столицъ.

Мысль эта, какъ передаютъ газеты, уже встрѣчена сочувственно многими городскими управленіями.

Желательно было бы, чтобъ она встрѣтила такое же сочувствіе и въ

правительственныхъ сферахъ. Происходя официально, подъ контролемъ правительства, съѣзды дѣятелей земскаго и городского самоуправленія никакимъ «основамъ», конечно, угрожать не будутъ, а между тѣмъ польза, которую они могутъ принести для развитія городского и земскаго хозяйства, не подлежитъ сомнѣнію.

Хотинскій (Бессарабской губ.) исправникъ весьма озабоченъ распространеніемъ благонравія среди мѣстнаго населенія. Недавно онъ расклеилъ по городу слѣдующее печатное объявленіе.

«Мною замѣчено, что во время богослуженія въ хотинскомъ соборѣ молящіеся, въ особенности мѣщане, не становятся въ указываемыхъ имъ находящимися въ нарядѣ городовыми мѣстахъ и тѣмъ нарушаютъ порядокъ въ соборѣ, оказывая непослушаніе городовымъ, и за симъ по выходѣ изъ церкви и на послѣобѣденныхъ гуляньяхъ простонародье гуляетъ по главнымъ аллеямъ сплошными группами, занимая всѣ безъ исключенія скамьи на главныхъ аллеяхъ, и не допускаетъ такимъ образомъ интеллигенцію ни пройти, ни гулять, ни присѣсть на скамьяхъ, и кромѣ того паробки и дѣвки, какъ гуляющіе, такъ и сидящіе, тутъ же на скамьяхъ позволяютъ себѣ обниматься и вообще непристойно ведутъ себя. Приглашаю мѣщанъ, посѣщающихъ богослуженіе, становиться въ порядкѣ въ указываемыхъ имъ полицейскими городовыми мѣстахъ и за симъ по выходѣ изъ церкви и на послѣобѣденныхъ гуляньяхъ гулять не на главныхъ, а на другихъ аллеяхъ и вообще вести себя благопристойно, такъ какъ въ противномъ случаѣ виновные въ неисполненіи сего будутъ привлекаемы къ отвѣтственности».

Сомнѣваемся, однако, чтобъ это объявленіе привело къ желательнымъ результатамъ: ни печатными наставленіями, ни даже привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности нельзя обучать хорошему тону. Гораздо практичнѣе, по нашему мнѣнію, поступилъ павловскій (Нижегородской губ.) исправникъ, также озабоченный насажденіемъ «хорошаго тона». Онъ прибѣгнулъ для этого обученію ввѣреннаго населенія... танцамъ. Объ этомъ мы узнали изъ *Волгаря*, въ которомъ было напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

«Въ вашей уважаемой газетѣ, отъ 9 мая с. г., за № 124, была помѣщена замѣтка въ отдѣлѣ «Хроника» изъ с. Павлова, Ниж. губ., что будто бы я, называя себя учителемъ танцевъ Баласановымъ, преподавалъ уроки танцевъ въ павловскомъ клубѣ и, ничему не выучивши своихъ учениковъ и забравъ собранныя за уроки деньги, уѣхалъ изъ с. Павлова. Пишу вамъ разъясненіе по этому поводу. Я, Баласановъ, *былъ приглашенъ исправникомъ Горбатовскаго уѣзда, Мих. Мих. Ржевскимъ, давать уроки танцевъ* въ теченіе одного мѣсяца, дѣлая 12 уроковъ въ мѣсяцъ. Количество собранныхъ учениковъ было заявлено мнѣ 10 человѣкъ, съ платою по 10 руб. съ каждаго. Прибывъ въ с. Павлово, я узналъ, что число желающихъ учиться танцамъ—только шесть человѣкъ. Въ виду этого я назначилъ уроки каждый день, и давши, вмѣсто 12, 14 уроковъ, просилъ

г. Ржевскаго объявить ученикамъ, что мое преподаваніе окончено, въ виду хорошихъ успѣховъ, самъ же я никакихъ личныхъ счетовъ не имѣлъ съ учениками, такъ какъ все было раньше условлено съ г. Ржевскимъ.

«Въ доказательство достигнутыхъ мною результатовъ по обученію танцамъ въ с. Павловѣ, я прилагаю при семъ письмо г. Ржевскаго. Учитель танцевъ М. Н. Баласановъ».

Письмо исправника Ржевскаго гласитъ:

«Милостивый государь, Михаилъ Никитовичъ! Вслѣдствіе письма вашего и въ опроверженіе замѣтки, помѣщенной въ № 124 *Волгаря*, съ особымъ удовольствіемъ свидѣтельствую, что вы всегда съ усердіемъ и терпѣніемъ занимались съ лицами, выразившими желаніе учиться танцамъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ настолько скоро и хорошо изучили нѣсколько танцевъ, что *удивили все общество* (!). Съ той же готовностью удостовѣряю, что о вашемъ отъѣздѣ за пять дней до мѣсячнаго срока, вы обращались ко мнѣ съ просьбой передать вашимъ ученикамъ ваше извиненіе: за вашъ преждевременный отъѣздъ изъ с. Павлова, вызванный разными обстоятельствами. Остаюсь всегда къ вашимъ услугамъ М. Ржевскій».

Въ старину исправникъ, если онъ былъ «душою общества» и устраивалъ танцовальные вечера, приглашалъ, за отсутствіемъ кавалеровъ, червонныхъ валетовъ изъ мѣстной кутузки. Современный исправникъ предпочитаетъ обучать самихъ обывателей танцамъ. Что значитъ прогрессъ!...

А. С.

Конкурсъ на составленіе проекта памятника Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.

Комитетъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Памятникъ долженъ представлять бронзовое изваяніе Николая Васильевича Гоголя въ сидячемъ положеніи, въ костюмѣ времени жизни писателя, помѣщенное на пьедесталѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной обстановкѣ того мѣста, которое предназначено для постановки памятника.

2. Памятникъ, обращенный лицевой стороной на Знаменку, предполагается поставить на Арбатской площади, въ той ея части, которая примыкаетъ къ оконечности Пречистенскаго бульвара въ небольшомъ скверѣ, представляющемъ прямое продолженіе бульвара, отъ котораго скверъ будетъ отдѣляться продолженіемъ малаго Аѳанасьевскаго переулка.

3. Мѣсто это обозначено буквою А на планѣ Арбатской площади. Какъ этотъ планъ, такъ и восемь фототипій, представляющихъ панораму площади, лица, желающія участвовать въ конкурсѣ, могутъ получать у члена комитета А. Е. Носа (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2).

4. Форма и размѣры памятника предоставляются усмотрѣнію составителя проекта, но проектъ долженъ быть оригинальнымъ, а не подража-

піемъ существующимъ памятникамъ. Никакихъ аллегорическихъ фигуръ въ проектѣ памятника не допускается; равнымъ образомъ не допускаются и барельефныя, и горельефныя изображенія по сторонамъ памятника. Простота и естественность замысла, ясность выраженія мысли, изящество и художественность очертаній признаются главнымъ условіемъ задачи.

5. Матеріалы, предназначаемые для памятника и окружающей площадку сквера рѣшетки съ мачтами для фонарей электрическаго освѣщенія, суть граниты, порфиръ и бронза.

6. Проекты должны быть представлены въ моделяхъ изъ гипса или воска въ размѣрѣ $^1/_8$ натуральной величины, съ объяснительною запискою и подробною смѣтою полной стоимости всѣхъ работъ, необходимыхъ для сооруженія всего памятника съ соотвѣтствующимъ оборудованіемъ сквера.

7. Стоимость памятника опредѣляется въ девяносто тысячъ рублей (90,000 руб.).

8. Къ участію въ конкурсѣ допускаются всѣ желающіе русскіе подданные.

9. За проекты памятника, которые будутъ признаны комитетомъ наиболѣе удовлетворительно разрѣшившими задачу настоящаго конкурса, составители получаютъ преміи: за проектъ, признанный первымъ—1,500 р., признанный вторымъ—1,000 руб. и признанный третьимъ—500 руб. Всѣ три премированные проекта поступаютъ въ собственность комитета; не удостоенные же преміи возвращаются представившимъ ихъ по предъявленіи расписки въ принятіи проекта на конкурсъ.

10. Если комитетъ признаетъ нужнымъ пріобрѣсти въ собственность не удостоенные преміи проекты, то онъ пріобрѣтаетъ таковые за цѣну по соглашенію съ авторомъ проекта.

11. Если комитетъ признаетъ возможнымъ произвести сооруженіе памятника по одному изъ представленныхъ проектовъ съ измѣненіемъ проекта по указанію комитета или же безъ всякаго измѣненія, то онъ поручаетъ автору проекта сооруженіе памятника вполнѣ за девяносто тысячъ рублей.

12. Срокъ представленія проектовъ въ зданіе Московской городской думы (Воскресенская площадь) истекаетъ 30 декабря 1901 г. въ 12 ч. дня.

13. На каждой модели, пояснительной запискѣ и смѣтѣ долженъ быть выставленъ девизъ или знакъ и подъ таковымъ же девизомъ или знакомъ должны быть представлены въ наглухо заклеенныхъ или запечатанныхъ пакетахъ званіе, имя, фамилія и адресъ составителя.

14. Обсужденіе представленныхъ проектовъ производится комитетомъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю не позже 15 февраля 1902 года.

15. Всѣ представленные проекты съ обозначеніемъ присужденныхъ премій и авторовъ ихъ выставляются для публичнаго обозрѣнія, начиная съ 21 февраля по 21 апрѣля 1902 года. По закрытіи выставки проекты, не удостоенные преміи, возвращаются ихъ авторамъ, какъ сказано выше въ статьѣ 9 этихъ правилъ.

Объявляя настоящій конкурсъ, комитетъ считаетъ долгомъ присовокупить, что въ настоящее время сумма поступившихъ пожертвованій составляетъ по нарицательной цѣнѣ процентныхъ бумагъ 90,500 руб., что по курсу дня составляетъ около 87 тысячъ рублей, что эта сумма недостаточна на покрытіе расходовъ по стоимости сооруженія, опредѣленной въ 90 тысячъ рублей, и расходовъ на преміи (3,000 руб.) и прочіе, сопряженные съ окончаніемъ всего дѣла. Поэтому пожертвованія принимаются и въ настоящее время и будутъ приниматься впредь до открытія памятника въ Московской городской управѣ и у казначея Андрея Евдокимовича Носа (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2, квартира № 15), которому комитетъ проситъ также возвратить разосланные имъ и еще невозвращенные подписные листы вмѣстѣ съ пожертвованіями, если таковыя поступили по подписнымъ листамъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Госпожа Гобгузъ (miss Hobhouse) разсказала въ Лондонѣ объ ужасномъ положеніи буровъ, по большей части женщинъ и дѣтей, которыя водворены въ англійскихъ военныхъ лагеряхъ въ Трансваальской и Оранжевой республикахъ. Она подтверждаетъ то, что говорилъ объ этомъ въ парламентѣ Морлей: смертность плѣненныхъ буровъ доходитъ до 50%. Госпожа Гобгузъ сама посѣщала лагери, сама видѣла, какъ много терпятъ буры отъ недостатка пищи и одежды, отъ крайнихъ неудобствъ помѣщенія.

Общественное мнѣніе Англіи начинаетъ, повидимому, освобождаться отъ гипноза Чемберлена, Сесиля Родса и ихъ единомышленниковъ. Происходятъ митинги, на которыхъ Лабушеръ и другіе вожди либераловъ высказываются въ пользу заключенія почетнаго для буровъ мира и горячо порицаютъ жестокости, совершаемыя въ южной Африкѣ англійскими властями и войсками.

Фредерикъ Гаррисонъ, президентъ лондонскаго комитета позитивистовъ, печатаетъ въ *Daily News* письма къ рабочимъ, клеймитъ позорный образъ дѣйствій англійскаго правительства. 63,000 плѣнныхъ буровъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—подвергаются поистинѣ пыткамъ. Война,—говоритъ Гаррисонъ,—превратилась въ безконечную месть, въ истребительную борьбу расы съ расой, и развѣ въ сто лѣтъ отмоется пятно, наложенное на честь Великобританіи.

Но такіе голоса все еще рѣдки въ Англіи. Значительная часть либеральной партіи склоняется къ имперіализму и признаетъ невозможнымъ сохранить независимость южно-африканскихъ республикъ. Европейскія правительства не вмѣшаются въ пользу буровъ, и благодѣтельныя послѣдствія гаагской мирной конференціи не коснутся этого геройскаго и несчастливаго народа, виновнаго лишь въ томъ, что онъ малочисленъ.

Горькою ироніею звучитъ при такихъ условіяхъ статья нашего соотечественника, г. Новикова, о будущемъ мирной пропаганды *). А между тѣмъ пропаганда эта дѣйствительно растетъ. Международный конгрессъ мира,

*) *L'Avenir de la propagande pacifique (La Revue, Juillet).*

засѣдавшій въ Парижѣ во время прошлогодней выставки, былъ впервые открытъ находящимся въ должности министромъ; онъ былъ созванъ французскимъ правительствомъ и на немъ офиціально дѣйствовали делегаты нѣкоторыхъ государствъ. Мѣсто прежняго пренебреженія къ апостоламъ мира заняло скептическое, но не враждебное къ нимъ отношеніе.

Г. Новиковъ находитъ, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ дѣло сильно двинулось впередъ. Учрежденіе постояннаго международнаго суда въ Гаагѣ является въ высшей степени отраднымъ фактомъ. Но отъ этого необязательнаго суда до установленія мира—длинная дорога.

Авторъ упомянутой статьи пишетъ, что сторонники мира, противники войны, стремятся измѣнить не человѣческую природу, а человѣческія учрежденія. Склонность къ борьбѣ можетъ остаться у людей, но можетъ не быть войнъ между народами, интересы которыхъ сблизятся, федерализируются. Европейское законодательство сдѣлало уже большіе шаги въ этомъ направленіи (почта, телеграфъ и т. д.).

Новиковъ указываетъ на одну причину, которая очень задерживаетъ побѣду защитниковъ международнаго третейскаго суда: они не фанатизируютъ толпу, не увлекаютъ ее за собою, какъ увлекаетъ религіозная проповѣдь или соціалистическая агитація. И однако, уничтоженіе организованной вражды, прекращеніе тягостнаго вооруженнаго мира и опустошительныхъ и кровопролитныхъ войнъ подняло бы благосостояніе народовъ на неслыханную высоту. Сколько средствъ, сколько труда, ума и даже генія расточается теперь на приготовленіе къ массовому истребленію людей и на процессъ этого истребленія.

Русская Мысль многократно говорила на эту тему, и недавно еще у насъ была напечатана статья о стоимости вооруженнаго мира. Г. Новиковъ говоритъ, что замѣна для Европы пяти милліоновъ солдатъ, которые теперь подъ знаменами, полумилліономъ полицейскихъ для огражденія безопасности, дала бы десять милліардовъ франковъ ежегоднаго сбереженія. Война въ южной Африкѣ стоила одной Англіи два съ половиною милліарда франковъ. На эти средства,—указываетъ г. Новиковъ,—можно было бы построить желѣзную дорогу отъ Будапешта по южной Россіи (туннель въ Керченскомъ проливѣ), берегомъ Кавказа черезъ Тифлисъ въ Тегеранъ и оттуда въ Кветту,—конечный пунктъ англо-индійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Отъ Калькутты до Лондона было бы тогда только шесть дней пути. Благодѣтельныя послѣдствія такой дороги были бы неисчислимы.

---

28 мая нынѣшняго года въ Гаагѣ происходила сессія международнаго колоніальнаго института. Основатель этого института, Шаллей-Беръ (Chailley-Bert) воротился нарочно для участія въ сессіи изъ Индіи. Присутствовали князь Аренбергъ, бывшій губернаторъ Бомбея лордъ Ри, губернаторъ Тринидата, бывшій губернаторъ голландскихъ колоній и друг. Секретаріатъ института имѣетъ постоянное помѣщеніе въ Брюсселѣ. Институтъ обладаетъ драгоцѣнною библіотекою и различными пособіями для

изученія колоніальныхъ вопросовъ и самъ издаетъ многочисленныя работы по этимъ вопросамъ и отчеты о своихъ засѣданіяхъ.

Въ іюльской книжкѣ журнала *Questions Diplomatiques et Coloniales* Шарль Нуффляръ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о гаагской сессіи института.

Профессоромъ Антономъ (Іенскій университетъ) былъ представленъ докладъ о земельномъ устройствѣ колоній. Авторъ выставилъ такія положенія: колонизирующее государство должно сохранить за туземцами занимаемыя ими земли, принимая во вниманіе ихъ экономическія потребности и будущій приростъ населенія. Ни продажа, ни закладъ принадлежащей туземцамъ земли не дозволяются безъ разрѣшенія колоніальнаго управленія. Свободныя земли должны составлять собственность государства и общинъ и могутъ отдаваться лишь въ аренду. Какъ выяснилось при обсужденіи доклада профессора Антона, къ такимъ мѣрамъ побуждаютъ прибѣгать не только соображенія справедливости и гуманности, но и простой экономическій разсчетъ: колонисты, какъ рабочая сила, никогда, по климатическимъ условіямъ, не сравняются съ туземцами. Отсюда вытекаетъ и необходимость покровительствовать общинной земельной собственности, обычной у туземцевъ колоній. При этомъ, конечно, слѣдуетъ принимать во вниманіе особенности колоній: въ Австраліи, напримѣръ, переселенцы изъ Европы являются главнымъ элементомъ, въ густо населенной Явѣ (на ней уже болѣе 30.000,000 жителей) такая иммиграція европейцевъ невозможна.

Другой докладчикъ, Морисъ Шотаръ, сообщалъ о финансовыхъ отношеніяхъ между метрополіями и колоніями. Онъ настаивалъ на возможно скоромъ предоставленіи колоніямъ самостоятельнаго бюджета. Установленіе налоговъ и способовъ ихъ взиманія должно находиться въ рукахъ колоніальнаго самоуправленія. Доходы колоніи должны цѣликомъ идти на ея нужды.

На засѣданіяхъ международнаго колоніальнаго института англичане, французы, нѣмцы приходятъ къ общимъ заключеніямъ, указываютъ единообразныя цѣли и мѣры колоніальной политики европейскихъ державъ. Но соперничество этихъ державъ до сихъ поръ держится крѣпко, если только не усиливается. Англія особенно зорко слѣдитъ за успѣхами Франціи и Германіи. Марокканскій вопросъ подалъ въ послѣднее время поводъ къ безпокойству англичанъ. Они готовы предоставить французамъ владычество надъ землями султановъ Феца и Маккареха, но рѣшительно не допускаютъ мысли, чтобы въ ихъ руки попалъ Танжеръ, т.-е. африканскій берегъ Гибралтарскаго пролива. Испанія и Марокко въ этомъ отношеніи совсѣмъ не страшны Великобританіи. Иное дѣло могущественная Франція, если она утвердится противъ Гибралтара.

Съ другой стороны, Германія становится все болѣе и болѣе торговою страною и уже вытѣсняетъ англичанъ съ нѣкоторыхъ рынковъ. Ея будущее, по извѣстному выраженію императора Вильгельма,—на водѣ. Нѣмецкіе успѣхи тревожатъ, впрочемъ, не одну Англію; обезпокоена и союзница

Германіи—Италія. Недавно римская *Tribuna* (22 іюля) упоминала о рѣчи Вильгельма II при спускѣ новаго судна *Принцесса Викторія Луиза*. Газета даетъ свѣдѣнія о развитіи германскаго флота. Къ первому января 1899 года въ немъ было 3,541 судно, съ вмѣстимостью въ 1,640,000 тоннъ (въ томъ числѣ 1,223 парохода, въ 1,040,000 тоннъ). Доля Германіи въ міровой торговлѣ равняется 11,7%,—болѣе долей Соединенныхъ Штатовъ и Франціи.

Угрожаетъ Италіи и усиленіе австрійскаго флота. Интересныя данныя находятся по этому вопросу въ недавно появившейся книгѣ Шарля Луазо о равновѣсіи на Адріатическомъ морѣ *). Австрійскій *Ллойдъ*, венгерская *Адрія* все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки торговлю. Австрійскія желѣзныя дороги стремятся къ Дураццо и Валлонѣ (въ Албаніи), къ Салоникамъ. За Австріей стоитъ, конечно, Германія. Авторъ книги, о которой я говорю, предлагаетъ новый тройственный союзъ—Франціи, Италіи и Россіи. Онъ указываетъ на общность итальянскихъ и славянскихъ интересовъ въ борьбѣ съ пангерманизмомъ.

Большія выгоды предвидятся въ Италіи отъ прорытія туннеля подъ Симплономъ: транзитъ направится тогда по итальянскихъ желѣзнымъ дорогамъ до Бриндизи, откуда дальше на Востокъ онъ можетъ слѣдовать на итальянскихъ судахъ. Но и Австрія, внутренняя жизнь которой была почти парализована борьбою нѣмцевъ съ чехами, пробуждается въ экономическомъ отношеніи. Парламентъ принялъ правительственные законопроекты о каналахъ, которые должны сильно оживить торговое движеніе. Одинъ изъ нихъ долженъ соединить Эльбу съ Дунаемъ (Мельникъ—Прерау—Вѣна) и съ Одеромъ (Прерау—Одербергъ), другой—Прагу съ Будвейсомъ. Два большихъ канала будутъ проводиться въ Галиціи и кромѣ того намѣчены отъ Будвейса къ Вѣнѣ или къ Линцу (есть проектъ на Мюль) и для соединенія Вислы съ Днѣстромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектированъ и рядъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ **).

Эти законопроекты, для которыхъ и нѣмцы, и чехи прекратили парламентскую обструкцію, внесли нѣкоторое успокоеніе во внутреннюю жизнь Австро-Венгріи. Такое же значеніе имѣло посѣщеніе императоромъ Францемъ-Іосифомъ Праги, гдѣ онъ былъ восторженно встрѣченъ населеніемъ.

Иное впечатлѣніе произвели праздники *Соколовъ* (гимнастическихъ обществъ), происходившіе потомъ въ столицѣ Богеміи. Нѣмцы остались ими весьма недовольны. Въ особенности раздражило ихъ письмо проѣздомъ попавшаго въ Соколы русскаго генерала Риттиха, оказавшагося, несмотря на нѣмецкую фамилію, ярымъ патріотомъ. Передъ отъѣздомъ изъ Праги генералъ Риттихъ напечаталъ въ газетахъ такое письмо: «Привѣтъ чехамъ!

*) *Charles Loiseau:* „L'Équilibre adriatique". (*L'Italie et la question d'Orient*).

**) Желающимъ познакомиться съ подробностями проектовъ рекомендую статью *Henri Daurys*: „La question des canaux en Autriche". (*Questions Dipl. et Colon.*, 1 Juillet).

Я прибылъ къ вамъ съ дальняго славянскаго востока, изъ дремучихъ лѣсовъ холоднаго сѣвера, изъ необъятныхъ степей Чернаго моря. Я прибылъ для того, чтобы засвидѣтельствовать вамъ нашу русскую любовь и сказать вамъ, что вы можете вполнѣ довѣрять силѣ Россіи. Я прибылъ для того, чтобы обратить, главнымъ образомъ, ваше вниманіе на то, что вамъ слѣдуетъ изучить эту необъятную славянскую Русь. Тамъ вы, чехи, найдете все, чего вы ищете, на что надѣетесь и даже больше. Тамъ вы найдете неиспользованное природное богатство, умственный и физическій трудъ, народно-хозяйственный и промышленный прогрессъ; но вы тамъ найдете и силу, и національное самосознаніе, которое все болѣе возрастаетъ и проникнуто убѣжденіемъ, что всѣ члены народа должны служить народу. У насъ все совершается за народъ, а въ общей и единой любви къ народу заключается наша внутренняя мощь, проявленіе которой нуждается въ одномъ только поводѣ. Каждой изъ нашихъ цѣлей способствуютъ не только исполинскія и непреодолимыя матеріальныя, но также нравственныя силы. Источникъ славянской мощи вы узнаете лишь тогда, когда изучите Россію. Отъ души желаю, чтобы Провидѣніе завершило возрожденіе чешскаго народа. Да пожалуетъ Богъ чехамъ сознаніе истинной національной свободы! Да поощритъ Богъ ваше національное сознаніе, вашу культуру, вашъ языкъ и ниспошлетъ вамъ земныя блага и расширеніе вашихъ торговыхъ сношеній отъ Адріатическаго моря до Тихаго океана! Вѣруйте въ Бога и уповайте на Него! Великъ Богъ, создавшій нашу славянскую Русь!» *).

Новости замѣчаютъ, что напрасно *Neue Freie Presse* и другія газеты придали большое значеніе письму генерала Риттиха. «Россія,—говорятъ *Новости*,—всегда принимала и будетъ принимать горячее участіе въ судьбѣ родственнаго и высокоразвитого въ культурномъ отношеніи чешскаго народа; но она далека отъ мысли вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи. Чехи въ качествѣ австрійцевъ достигли своего высокаго культурнаго развитія; они и впредь въ состояніи будутъ сами и безъ всякой посторонней помощи отстаивать свои права и свои требованія».

«Австро-нѣмецкимъ же газетамъ уже навѣрное не приличествуетъ говорить о вмѣшательствѣ иностранныхъ народовъ во внутреннія дѣла Австріи, когда всѣ нѣмцы, имѣющіе въ настоящее время безспорно сильное вліяніе на австрійскихъ нѣмцевъ, открыто тяготѣютъ къ германскому фатерланду».

Еще опредѣленнѣе высказываются *Петербургскія Вѣдомости*. По ихъ мнѣнію, генералъ Риттихъ «позволилъ себѣ, какъ видно, настолько странную рѣзкость политическаго свойства, что даже славянскій органъ въ Вѣнѣ (*Information*) и тотъ счелъ необходимымъ оговорить этотъ спичъ слѣдующими замѣчаніями: «Грубая безтактность, которую позволилъ себѣ русскій генералъ Р. въ Прагѣ, будетъ имѣть, пожалуй, еще и политическое послѣдствіе: генералъ Риттихъ состоитъ на службѣ и потому *не*

*) Привожу по переводу *Новостей* (27 іюня).

имѣетъ, повидимому, *права* (конечно!) произносить за границей *политическихъ* рѣчей». Но тотъ же чешскій органъ въ заключеніе поясняетъ иронически, что по поводу этого случая въ Австріи «наиболѣе *патріотично* (?) ведутъ себя, разумѣется, тѣ люди и органы, которые, при всякомъ случаѣ, взываютъ и стараются создавать *вмѣшательство* Германской имперіи *въ наши внутреннія* австрійскія дѣла». Этимъ подтверждается вполнѣ вышесказанное и то, что въ данной своей выходкѣ неумѣлый русскій славянофилъ, какъ всегда, оказалъ чехамъ и славянамъ услугу медвѣжью, а нѣмцамъ далъ новый отличный поводъ подогрѣть свой антиславянскій шовинизмъ».

Надѣемся вмѣстѣ съ *Петербургскими Вѣдомостями*, что эта прискорбная случайность не будетъ имѣть для чеховъ никакихъ вредныхъ послѣдствій и не испортитъ нашихъ съ ними отношеній.

Законопроектъ объ ассоціаціяхъ, который съ такою энергіей защищалъ передъ парламентомъ Вальдекъ-Руссо, сталъ закономъ, къ яростному негодованію клерикаловъ. Палаты распущены, и когда онѣ вновь будутъ созваны, министерство Вальдека-Руссо окажется самымъ долговѣчнымъ изъ кабинетовъ республики. Осенью его ожидаютъ новыя и серьезныя опасности. Крупныя улучшенія въ податной системѣ и въ фабричномъ законодательствѣ встрѣчаются съ упорнымъ эгоизмомъ представителей буржуазіи, а бездѣйствіе въ этомъ отношеніи лишитъ Вальдека-Руссо поддержки не только соціалистовъ—большинство ихъ и теперь выступаетъ противъ него,—но и значительной части радикаловъ.

Французскія финансы находятся, сравнительно говоря, въ хорошемъ состояніи. При Рувье и при нынѣшнемъ министрѣ финансовъ правительство избѣгаетъ экстраординарныхъ ассигнованій, которыя скрываютъ отъ плательщиковъ истинную тяжесть налоговъ. Бюджеты заканчиваются безъ всякаго дефицита. Мало того, въ послѣдніе годы по нѣсколько десятковъ милліоновъ (до ста) франковъ уходитъ на погашеніе долговъ. Такихъ долговъ не мало: отвержденныхъ займовъ (безсрочная рента) до 22 милліардовъ, срочныхъ до 7 милліардовъ и текущихъ долговъ до милліарда. При нынѣшнемъ министрѣ финансовъ, Кальо, впервые ассигновано 37 милл. франк., которые назначены въ погашеніе безсрочныхъ рентъ, для чего принимаются и другія мѣры. Семь милліардовъ кромѣ того будутъ погашены, если не произойдетъ военно-политическихъ осложненій, въ теченіе пятидесяти лѣтъ.

Ежегодный бюджетъ возрастаетъ и теперь поднялся (на 1902 годъ) до 3.600,000 франк. Нужно замѣтить, что подымается онъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ великихъ государствахъ Европы, но слѣдуетъ прибавить, что и населеніе Франціи почти не возрастаетъ.

Кабинету Вальдека-Руссо ставятъ въ вину желаніе ввести подоходный налогъ, усилить налоги съ наслѣдства, урегулировать и предотвратить бѣдственныя послѣдствія стачекъ. По поводу послѣдняго законопроекта, выработ-

таннаго министромъ торговли Мильераномъ (соціалистомъ), весьма умѣренный авторъ статьи о финансовомъ положеніи Франціи (въ *Revue Politique et Parlementaire*) говоритъ, что это вполнѣ консервативный актъ, имѣющій въ виду ограничить стачки и организовать то, что теперь не организовано. Авторъ статьи не скрываетъ, однако, что богатые капиталистическіе классы встревожены проектами Вальдека-Руссо.

О послѣднихъ большихъ стачкахъ во Франціи интересныя свѣдѣнія находятся въ томъ же *Политическомъ и Парламентскомъ Обозрѣніи* *). Стачки происходили въ Кале, въ Монсо, въ Марселѣ. Авторъ находитъ, что онѣ не были вызваны серьезными мотивами и не сопровождались благопріятными результатами. Въ дѣло вмѣшивались и анархисты, съ Себастіаномъ Форомъ во главѣ.

Редакція журнала *La Revue* (бывшее *Обозрѣніе обозрѣній*) задумала опросить представителей учащейся молодежи и узнать ихъ взгляды и симпатіи въ общественно-политическомъ отношеніи. Во второй іюньской книжкѣ журнала появились отвѣты. Опросъ былъ произведенъ Е. Монфоромъ.

Жанъ Ревельо, предсѣдатель парижской ассоціаціи студентовъ, отмѣчаетъ въ современной молодежи широкую терпимость, которая совершенно отсутствуетъ во французскихъ политическихъ газетахъ. Въ самомъ дѣлѣ, противно читать тѣ ругательства и издѣвательства, которыми обмѣниваются французскіе публицисты даже въ хорошихъ, идейныхъ газетахъ. Исключенія, какъ *Temps*, рѣдки.

Очень радикальные взгляды въ религіозномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи высказываетъ, по постановленію демократической школьной лиги (*La Ligue Démocratique des Ecoles*), ея секретарь Поль Дюссулье. Анри Пломме, членъ комитета кружка католическихъ студентовъ, выражаетъ ненависть республикѣ. Онъ горько оплакиваетъ участь религіозныхъ конгрегацій и предвидитъ смертельную борьбу между атеистическимъ государствомъ и церковью, которая кончится пораженіемъ церкви и диктатурою. Диктатора Пломме ждетъ съ нетерпѣніемъ. Едва ли однако онъ его дождется. Онъ желалъ бы для Франціи другой судьбы, торжества идей свободы, терпимости, справедливости и милосердія, мирной эволюціи, путемъ всеобщей подачи голосовъ, конституціонной монархіи, безъ всякаго клерикализма. Жанъ Ришу, президентъ общества *Университетская солидарность*, говоритъ, что его идеалъ такое общество, гдѣ, по выраженію Бенуа Малона, управлять будутъ не людьми, а вещами.

Въ противоположность Пломме, другой представитель католической учащейся молодежи, Базиръ, предсѣдатель *Католической ассоціаціи французской молодежи*, полонъ вѣры въ близкое торжество католицизма, на

---

*) *Leon de Seilhac: Revue des questions ouvrières et de prévoyance* (*Revue Polit. et Parlam.*, № 8384).

возвратъ къ которому въ послѣдніе годы онъ указываетъ. Базиръ считаетъ основаніемъ для побѣды, кромѣ побѣды преданія надъ критическою мыслью, и то, что вожди католиковъ (архіепископы Кеттлеръ, Маннингъ и др., графъ де Мёнъ, самъ папа Левъ XIII) включили въ свою программу соціальныя реформы, христіанскій соціализмъ.

Вице-президентъ *Либеральной уніи молодыхъ людей*, Жюль Бонгранъ (я привожу имена этихъ молодыхъ людей, которые могутъ играть въ ближайшемъ будущемъ выдающуюся политическую роль), указываетъ на терпимость, положенную въ основу уніи: президентъ ея—протестантскій пасторъ, членами совѣта состоятъ два католика и одинъ еврей. Да, это далеко отъ дѣла Дрейфуса. Золя и его единомышленники могутъ быть довольны.

Интересно письмо Поля Бонкура, президента *Республиканской демократической уніи* (онъ въ то же время состоитъ частнымъ секретаремъ Вальдека-Руссо). Бонкуръ видитъ огромное препятствіе для правильнаго развитія страны въ централизаціи и высказывается за широкое развитіе самоуправленія, за федерацію. Жоржъ Дегермъ, основатель перваго народнаго университета, отрицательно относится къ политическимъ партіямъ и на первый планъ выдвигаетъ организацію ассоціацій.

Есть среди ассоціацій французской молодежи и антисемитская и націоналистическая лига. Ея президентъ (членъ парижской думы), Дюбюкъ, заявляетъ о необходимости удалить евреевъ съ французской территоріи. Онъ высказывается въ то же время за республиканскую форму правленія и за широкій строй мѣстнаго самоуправленія и разнообразныхъ союзовъ. Въ пользу христіанскаго соціализма высказывается Маркъ Санье, президентъ католическаго общества народнаго образованія *Sillon* (*Борозда*). Онъ говоритъ, что католицизмъ—религія, а не партія; кто этого не признаетъ, тотъ становится клерикаломъ.

Не буду останавливаться на другихъ отвѣтахъ, въ которыхъ высказываются приблизительно такіе же взгляды. Резюмируя разслѣдованіе, Монфоръ приходитъ къ утѣшительнымъ результатамъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ молодежь горячо вѣруетъ въ счастливое будущее французскаго народа. Преобладаетъ сознаніе необходимости для Франціи республиканской формы правленія и сильны, хотя и не вполнѣ опредѣленны, соціалистическія симпатіи. Сказывается также стремленіе къ новой вѣрѣ *).

В. Г.

---

*) Отвѣтовъ много. Ср.: *Les Tendances sociales politiques et réligieuses de la jeunesse française au XX siècle* (*La Revue*, 15 Juin).

Изъ провинціальной лѣтописи.

Курскіе соловьи и тульскіе помѣщики.—Тульскій „баринъ“.—„Кому живется весело, вольготно“.—Непомѣрная радость родительская, вызванная надеждой на „надлежащее теченіе жизни“.—Вопли и стоны съ разныхъ концовъ.—Гдѣ взять сердце, когда его нѣтъ?—Разностороннія способности.

Хорошо поютъ курскіе соловьи, но еще лучше пишутъ тульскіе помѣщики. Всякій разъ, когда князю Мещерскому или г. Грингмуту бываютъ нужны «соловьи»,—они ѣдутъ въ Тулу... Тамъ, подъ привѣтливой сѣнью неофиціальной части *Губернскихъ Вѣдомостей*, сидятъ эти самые соловьи, и трели ихъ, съ патріотической меланхоліей, разносятся по губерніи, привлекая слухъ и вниманіе «любителей...» Ахъ, какъ они поютъ!... Всѣ непѣвчіе помѣщики съ заложенными и перезаложенными имѣніями, опершись головою на руки и прикрывъ слегка вѣжды, слушаютъ эти пѣсни и впадаютъ въ сладкое томленіе грусти, уходятъ въ далекія смутныя воспоминанія о своихъ счастливыхъ дѣдахъ и отцахъ, проникаются жаждою вернуть невозвратное прошлое... А далеко-далеко, за предѣлами тульскаго края, куда доносятся отзвуки этихъ пѣсенъ, обѣднѣвшіе помѣщики начинаютъ тоже вслушиваться и меланхолично напѣвать другъ другу:

„Слышишь: въ Тулѣ зазвучали
Трели соловья?...
Звуки ихъ полны печали,
Плачутъ за меня“...

А эхо дальнихъ горъ отвѣчаетъ имъ:

„Но никто, о другъ мой нѣжный,
Не услышитъ васъ!“...

Тульскіе пѣвчіе-помѣщики не безызвѣстны и въ столицахъ: г. Сухотинъ и Бодиско—изъ Тулы, оба они поютъ на безплодныхъ смоковницахъ: одинъ—*Гражданина*, другой—*Московскихъ Вѣдомостей*. Полковникъ Закржевскій, сочинившій свою «Дворянскую правду»,—тоже изъ Тулы. Чтобы читатель еще болѣе ознакомился съ этими соловьями, я по-

веду его въ самую Тулу и поставлю подъ сѣнь *Губернскихъ Вѣдомостей*... Тамъ этихъ самыхъ соловьевъ—сколько угодно и поютъ они очень ясно и отчетливо, ибо пѣсни ихъ сохранили всю свою чистоту, всю непосредственность, и никакія другія птицы имъ тамъ не мѣшаютъ: ни орлы, ни вороны.

Кому живется весело, вольготно на Руси?—этимъ вопросомъ занимались нѣкогда некрасовскіе мужики. Теперь же имъ занялись тульскіе помѣщики. Мужики не нашли, а тульскіе помѣщики разыскали: оказывается, что вольготнѣе всего теперь живется мужику, а хуже всего—барину. Полковникъ въ своей «Правдѣ» говорилъ, что «мы не бываемъ сыты, когда голодаетъ народъ, и гордимся этимъ», а теперь другой тульскій соловей поетъ еще гуще. Онъ прямо беретъ быка за рога.

«Неофиціальная часть» офиціальныхъ *Тульскихъ Вѣдомостей* не преминула выпустить соловья по поводу 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Помѣщикъ подъ псевдонимомъ «Мірянинъ» написалъ статью «Юбилей свободы». Эпиграфомъ онъ взялъ некрасовское «Порвалась цѣпь великая, порвалась,—раскачалася: однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику». Вообще тульскіе помѣщики любятъ подкрѣплять себя Пушкинымъ, Некрасовымъ и даже Марксомъ, не опасаясь никакихъ послѣдствій отъ столь «предосудительнаго» для нихъ общенія. Этотъ «мірянинъ», просматривая газетныя статьи по поводу 19 февраля, былъ несказанно пораженъ и возмущенъ до глубины души.

«Грустная нотка звучала въ нихъ по отношенію къ тому же самому мужичку, котораго сорокъ лѣтъ назадъ облагодѣтельствовали и о которомъ въ теченіе всѣхъ этихъ сорока лѣтъ неустанно заботились»,—замѣтилъ «Мірянинъ,—и ему стало обидно, почему не звучитъ грустная нотка о баринѣ. «Мірянинъ» ясно чувствовалъ въ душѣ своей эту самую нотку, онъ отлично зналъ, что и у всѣхъ его сосѣдей по имѣнію тоже звучатъ эти нотки, а между тѣмъ хоть одинъ бы публицистъ догадался вспомнить... Кромѣ двухъ неизмѣнныхъ коллегъ—гг. Мещерскаго и Грингмута—никто!

«Однако, позвольте же, господа, вѣдь если государство есть семья, то и всѣ другіе члены этой семьи имѣютъ право хотя бы на одинаковое вниманіе и къ ихъ интересамъ. Подумали ли вы за все это время и о томъ концѣ великой цѣпи, который ударилъ по барину?»—негодующе спрашиваетъ «Мірянинъ».

Барину-мірянину захотѣлось вдругъ, чтобы государство было такой теплой, переполненной любовью и справедливостью «семьей», гдѣ бы всѣ члены пользовались *одинаковымъ* вниманіемъ. Очевидно, этотъ баринъ, сорокъ лѣтъ стоявшій за семью патріархальную, сдѣлалъ небольшую уступочку: онъ согласенъ на семью, гдѣ бы всѣ члены пользовались «хотя бы одинаковымъ вниманіемъ»: и мужикъ, и баринъ, и купецъ... Всѣ—братья, однимъ словомъ... А теперь есть любимцы и его пасынки. Любимецъ—мужичокъ.

«Крестьянину при освобожденіи дана земля и все необходимое для веденія хозяйства. Хотя за землю онъ и долженъ былъ уплачивать извѣстную сумму, но она была разсрочена ему на 40 лѣтъ, которыя впослѣдствіи растянулись и до 60-ти. Хотя за невзносъ срочныхъ платежей ему и угрожали чѣмъ-то, но этихъ угрозъ въ исполненіе никогда не приводили. При такихъ условіяхъ кредита, понятно, мужичку захотѣлось еще пріобрѣсти земельки, потому надѣлы «малые,—курицы выпустить некуда». Сейчасъ же на помощь имъ явился особый банкъ, при просвѣщенномъ содѣйствіи коего крестьяне стали пріобрѣтать даже господскія усадьбы съ барскими хоромами. *Житье пошло вольное,* потому что сроки платежей—длинные, да еще къ нимъ каждый разъ прибавляются льготные мѣсяцы. *Живи не тужи!...*»

Вотъ какъ представляетъ себѣ тульскій баринъ мужицкое положеніе. Хорошо! Завидно! Но гдѣ же, однако, тульскій баринъ нашелъ это мужицкое приволье? Почему десятки тысячъ мужиковъ, бросая это приволье, тянутся въ далекій Сибирскій край? Почему тысячи ихъ бродятъ въ качествѣ «рабочихъ рукъ?» Почему при столь сытомъ привольѣ приходится чуть не ежегодно «подкармливать» мужичка въ цѣлыхъ районахъ? Почему непреложныя цифры безстрастной науки—статистики—свидѣтельствуютъ о страшномъ ростѣ безземельныхъ, безлошадныхъ, безкоровныхъ и т. д.? Хоть бы вокругъ да около посмотрѣлъ «Мірянинъ?» Въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской г. приходится земли у крестьянъ 1,7 дес. на душу, въ Бѣлевскомъ и Епифанскомъ—и того меньше, около $^1/_4$ части населенія занимается сторонними заработками.

Г. «Мірянинъ» рисуетъ картину своего судьбища съ мужикомъ. Забывая о томъ, что онъ прекрасный «семьянинъ», баринъ воображаетъ себя выигравшимъ судебное дѣло, получившимъ исполнительный листъ и отправляющимся съ судебнымъ приставомъ для описи крестьянскаго имущества.

— Находите и коровку, и лошадку, и хлѣбушко въ зернѣ. Все это вы требуете описать и назначить въ продажу. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ судебный приставъ объявляетъ вамъ, что описанное имущество продано быть не можетъ, ибо оно признано подлежащею властью для обихода мужичка «необходимымъ»: лошадка нужна ему лично, а коровка для дѣтокъ, хлѣбушко же необходимъ, чтобы на вырученныя отъ продажи его деньги справить храмовой праздничекъ. Напрасно *вы будете возмущаться и кричать...*

Тульскій помѣщикъ, мечтающій объ идиллической семьѣ, и... вдругъ кричитъ и возмущается, что у равнаго ему члена «семьи» нельзя отнять единственную лошадь, на которой онъ пашетъ, единственную корову, которая кормитъ его дѣтей, и хлѣбъ, который ему необходимъ для поддержанія жизни семьи!... Это весьма откровенная «трель»!...

Сдѣлаемъ къ ней небольшую поправочку.

Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, отчеты податныхъ инспекторовъ, изслѣдованія частныхъ лицъ свидѣтельствуютъ, по словамъ г. Семевскаго, о широкой популярности взысканія недоимокъ съ крестьянъ съ помощью сѣченія розгами. Очевидно, при взысканіи долговъ съ мужика не особенно церемонятся даже съ нимъ самимъ, а не только съ его коровкой и лошадкой, и если законъ запрещаетъ отнимать кое-какой инвентарь, такъ ужъ, очевидно, безъ этого инвентаря надо ложиться да умирать...

Полковникъ Закржевскій въ своей «Правдѣ» указываетъ на необходимость сдѣлать дворянскія имѣнія неотчуждаемыми, съ чѣмъ гг. тульскіе помѣщики вполнѣ согласились... А тутъ не хотятъ простить неотчуждаемости какой-то дохлой коровенки, это равному-то члену «семьи»!...

Такова ужъ логика сытой добродѣтели!

Далѣе баринъ ставитъ себя въ положеніе должника и проливаетъ горькія жалобы.

— Для васъ и для вашего семейства такихъ льготъ не полагается: дѣтки ваши могутъ и безъ молочка обойтись, и даже вашу шубу лѣтомъ опишутъ и продадутъ, такъ какъ лѣтомъ она не нужна, а до зимы, Богъ вѣсть, доживете ли вы при существованіи такихъ драконовскихъ законовъ!.. Результаты, какъ видите, плачевные, главное—обидные тѣмъ, что о нихъ никто и нигдѣ не заикнулся. А почему? Потому, что у бѣднаго мужичка масса опекуновъ, и всякій радѣтель о немъ прославляется, какъ передовой дѣятель. Вотъ почему мужичокъ учится даромъ и лѣчится даромъ, а въ послѣдніе годы и кормится даромъ «царскимъ пайкомъ»...

Однимъ словомъ, «баринъ» представляетъ себѣ мужицкую жизнь верхомъ блаженства, а свою, барскую, рядомъ лишеній и мукъ.

Такова ужъ логика сытой справедливости!...

«Мы увѣрены,—заканчиваетъ одинъ изъ тульскихъ «соловьевъ»,—что голосъ нашъ будетъ встрѣченъ бурею негодованій. Но мы желаемъ только одного, чтобы защитники меньшей братіи, вмѣсто всякихъ напыщенныхъ фразъ, опровергли бы приведенные нами факты... А для этого мы посовѣтовали бы господамъ печальникамъ пріобрѣсти хотя бы небольшое имѣньице и похозяйничать въ немъ годикъ—другой»...

— Ахъ, соблазнитель!... Но стоитъ ли, дѣйствительно, такъ мучиться съ этими имѣніями, когда они, кромѣ горя и страданій, ничего не даютъ?... Не лучше ли приписаться къ крестьянскому обществу?

«Мы утверждаемъ,—восклицаетъ баринъ,—что ко дню сорокалѣтняго юбилея *свобода крестьянская преобразилась въ рабство барина*. Настанетъ ли когда конецъ этому рабству?...

— Продайте, баринъ, свое ненавистное имѣніе,—и тогда вы будете свободнымъ. А то вы только закладываете его, да перезакладываете, надѣясь, вѣроятно, на тѣ дни, когда васъ, какъ и описываемаго вами му-

жика, будутъ и учить, и лѣчить, и кормить даромъ, а за то, что вы—дворянинъ, платить еще вамъ и пенсію!...

„Но никто, о другъ мой нѣжный,
Не услышитъ васъ!“...

— Не течетъ рѣка обратно, милый баринъ, изъ Тулы, и потому пора поставить крестъ надъ безпочвенными мечтами о возрожденіи крѣпостного права. Тутъ ни Некрасовъ, ни Пушкинъ, ни тѣмъ болѣе К. Марксъ не помогутъ.

Переживаемые провинціей дни могутъ быть названы «родительскими». Преждевременное появленіе учащихся, послѣдовавшее въ началѣ марта, всполошило родителя и наполнило родительскія сердца великимъ смущеніемъ.

— Папа! студенты похожи на птицъ...

— Это почему?

— Осенью улетаютъ, а весной прилетаютъ...

— Нынче они очень рано прилетѣли... Да еще надо сказать, что птицы только прилетаютъ, а они—вылетаютъ!...

Это—сценка съ натуры.

Высочайшій рескриптъ на имя нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія съ указаніемъ на необходимость сердечнаго отношенія къ учащимся былъ бальзамомъ для пораненныхъ родительскихъ сердецъ.

— Именно! Именно! Сердце прежде всего!

— Помилуйте, какъ же это можно относиться такъ формально, холодно, какъ это практиковалось до сихъ поръ!

— Коренная реформа! Слава Богу!

Одинъ родитель, подписавшійся «благодарный отецъ», прислалъ мнѣ большое письмо.

«Мы, —ане, переживаемъ удивительные дни. Недавно вышелъ у насъ такой случай. Получаю я вдругъ предписаніе явиться къ нашему губернатору. Что за исторія? Признаться, струхнулъ немного. Никогда ничего подобнаго не было. За что?—думаю и перебираю въ умѣ, не сдѣлалъ ли я чего-нибудь этакаго беззаконнаго или предосудительнаго. Пошелъ къ пріятелю и успокоился: и его тоже пригласили. Пошли.

«Хоть намъ и нечего было бояться, а всетаки — къ губернатору, по неизвѣстнымъ причинамъ... Какъ хотите, а мы не привыкли имѣть столь близкое соприкосновеніе съ столь высокопоставленными лицами. Приходимъ, съ сердечнымъ замираніемъ входимъ въ залъ, масса публики!... Есть знакомые. Вижу: учителя гимназіи и реальнаго сидятъ на кончикахъ стульевъ и прочіе жители... Всѣ молчатъ, переглядываются и застегиваютъ пуговицы, покашливаютъ въ руку...

«— Не знаете, что это за исторія? — шепотомъ спрашивали у Ивана Ивановича.

«— Родители и учители призваны... Относительно примиренія...—шепчетъ Иванъ Ивановичъ мнѣ на ухо.

«Вдругъ вышло его превосходительство. Мы всѣ повскакали съ мѣстъ.

«— Здравствуйте, господа!—сказало его превосходительство.

«Мы поклонились, пріободрились.

«— Какъ это ни странно,—сказалъ губернаторъ,—однако это общепризнанный фактъ, что въ послѣднее время семья и школа составляютъ два враждебныхъ лагеря...

«Я хотѣлъ сказать: «Совершенно правильно, ваше превосходительство», но не сказалъ ничего. Лучше помолчать: тутъ былъ и учитель латинскаго, и учитель греческаго, а мой Петька слабоватъ по этимъ предметамъ... Скажешь—обидятся, а потомъ и не радъ будешь, что сказалъ. И другіе промолчали. Посмотрѣли родители на учителей, а учители на родителей, но ни слова не сказали другъ другу.

«— Родители жалуются на учителей, учителя жалуются на родителей, утверждая, что семья мѣшаетъ ихъ воспитательной дѣятельности. На чьей сторонѣ правда? Кто долженъ примирить враждующихъ? — спросило его превосходительство.

«Со мной рядомъ стоялъ Иннокентій Ивановичъ; недавно я ходилъ къ нему объясняться изъ-за единицы. Онъ посмотрѣлъ на меня такъ подозрительно, а между тѣмъ я рѣшительно никогда ни на кого не жаловался. Это не въ моихъ правилахъ.

«— Я никогда этимъ не занимался,—прошепталъ я на всякій случай. Иннокентій Ивановичъ опять посмотрѣлъ въ мою сторону. А губернаторъ опять спросилъ:

«— Кто долженъ примирить враждующихъ?

«Всѣ опустили глаза. Понятно, никому не хотѣлось попасть въ мировые, потому что это дѣло—тяжелое, и что-то еще изъ него выйдетъ. Оказалось, мы напрасно боялись.

«— Имѣя постоянное и тщательное попеченіе о благѣ жителей всѣхъ сословій губерніи, я озабоченъ, чтобы общегражданская и семейная жизнь всѣхъ текла по своему законному руслу, а потому, если я замѣчаю гдѣ-либо и въ чемъ-либо уклоненіе отъ сего направленія, то стараюсь поправить ненормальность и дать жизни надлежащее теченіе,—сказало его превосходительство.

«У меня отлегло отъ сердца. Самъ, значитъ, за это дѣло взялся. Именно уклоненіе отъ законнаго русла! Вотъ, думаю, слава Богу, теперь будетъ надлежащее теченіе. И дѣйствительно, его превосходительство изволило сказать правильно:

«— Я желалъ бы, чтобы здѣсь, въ моемъ присутствіи, обѣ стороны безъ всякаго стѣсненія, но и безъ озлобленія, совершенно спокойно высказали извѣстныя имъ претензіи, указали бы тѣ поводы, которые часто служатъ основаніемъ взаимныхъ неудовольствій.

«Мы молчали. Учителя тоже. Признаться, кто ихъ знаетъ?... Не вышло бы потомъ какихъ непріятностей. Нынче на отца родного трудно положиться. Не пріучены мы къ откровенности-то... Гдѣ же взять ее?...

«— Пусть родители скажутъ, какіе недостатки тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеній, *не называя, какихъ именно*, возбуждаютъ въ нихъ неудовольствіе и мѣшаютъ дѣтямъ заниматься своимъ дѣломъ... Пусть, съ другой стороны, и воспитатели безъ опасенія выскажутся о тѣхъ дефектахъ въ семьяхъ, которые тормозятъ дѣло воспитанія. Выслушавъ взаимныя претензіи, мы обсудимъ ихъ и, можетъ быть, найдемъ какой-нибудь способъ примиренія...

«— А вотъ, ваше превосходительство, про Якова-то Ивановича писали...—робко произнесъ кто-то изъ толпы.

«— Какой Яковъ Ивановичъ? Что за Яковъ Ивановичъ? Кто это сказалъ?

«— Про Юліана-мучителя тоже.

«Начали издали, именно не *касаясь нашихъ заведеній*... По правдѣ сказать, слѣдовало бы начать прямо съ нашихъ, со своихъ, да какъ-то языкъ не поднимался. Будто у насъ все благополучно и нечего обсуждать.

«Помаленьку разговорились. Много всякихъ случаевъ разсказывали. Родители—свои случаи, воспитатели — свои; мы имъ — одинъ, они — два, мы — два, они — три... Съ 8 ч. до 12 ч. ночи разговаривали. Конечно, покуда особенныхъ результатовъ нѣтъ, да и требовать невозможно, потому что мы шли на это собесѣдованіе неподготовленными, не зная причины и цѣли нашей явки, но все же радостно-восторженное чувство охватило всѣхъ насъ, родителей... Никому не вѣрилось, что все видѣнное и слышанное въ этотъ вечеръ было не сонъ и не мечта! Такъ у всѣхъ наболѣло на душѣ и такъ часто были безплодны всѣ попытки сдѣлать что-нибудь этакое душевное, сердечное... Мы опять соберемся».

Меня поразило въ этомъ письмѣ полное отсутствіе тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты въ этомъ собесѣдованіи, а также та пугливость, съ которой родитель отнесся къ откровенности. Я приписываю это всецѣло формѣ, къ которой его превосходительство прибѣгнулъ для выясненія враждебныхъ отношеній между семьей и школой. Съ одной стороны, обыватель боится всегда безпокоить начальство, а съ другой—онъ не обладаетъ достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ для разговоровъ въ присутствіи противниковъ. Ужъ лучше бы отдѣльно побесѣдовать съ родителями и отдѣльно съ учителями. А еще лучше было бы обсудить этотъ вопросъ путемъ разсмотрѣнія въ публичныхъ засѣданіяхъ различныхъ общественныхъ учрежденій. Тамъ обыватель чувствовалъ бы себя лучше и велъ бы себя откровеннѣе.

Я, читатель, теперь тоже веду усиленную бесѣду съ родителями; каждая почта приноситъ мнѣ нѣсколько писемъ родительскихъ и писемъ учащихся

и все больше относительно безсердечія и формализма, царящихъ въ современной средней школѣ. Быть можетъ, не все въ нихъ правда, но несомнѣнно, что ея, этой правды, много, очень много... Полагаю, что теперь будетъ очень своевременно опубликовать нѣкоторыя изъ этихъ писемъ.

Письмо изъ У—ска. «Позвольте сообщить вамъ кое-что изъ отношенія къ учащимся тѣхъ лицъ, кому мы ввѣряемъ своихъ дѣтей. У насъ умерла воспитанница III кл. женской гимназіи Татьяна Свѣшникова, которая жила въ пансіонѣ при гимназіи. Почувствовавъ себя скверно, Свѣшникова стала проситься въ ученическій лазаретъ, на что начальница отвѣтила, что она (Свѣшникова), *представляется,* и на нее не было обращено должнаго вниманія. Наконецъ она была положена въ лазаретъ, гдѣ и умерла на 24 февраля. О ея смерти *первымъ* узналъ врачъ, который пришелъ къ больной утромъ: онъ нашелъ уже холодный трупъ. Повидимому, больная умерла въ страшныхъ мукахъ, такъ какъ трупъ ея найденъ скорченнымъ, губа прикушена, волосы раскиданы. Передъ смертью больная просила чистое бѣлье, икону, сильно тосковала (какъ это слышала другая дѣвочка, лежавшая также въ больницѣ въ сосѣдней комнатѣ), но ей было въ этомъ отказано, и она была оставлена одна. Зато послѣ смерти ей было оказано особое вниманіе... Матери, прибывшей къ больной, было сказано, что опасности никакой нѣтъ, и она оставила свою дочь до весны».

Письмо изъ Н—яго, коллективнаго характера. «Просимъ васъ отъ лица всѣхъ учащихся въ реальномъ училищѣ написать о Петрѣ Васильевичѣ В—вѣ, о которомъ было помѣщено въ 124 № *Сѣвернаго Курьера* сообщеніе о томъ, что онъ велитъ помѣщать Англію на Сѣверномъ полюсѣ и замазывать ее красною краской. 24 марта этотъ педагогъ говорилъ въ классѣ о прогрессѣ:

«— Къ чему прогрессъ? Что изъ себя представляютъ прогрессисты? Это—люди, стремящіеся только развратить народъ, привить къ нему всѣ пороки. Кругомъ говорятъ, что нужно двигать впередъ цивилизацію. А зачѣмъ? Право, египтяне жили гораздо лучше насъ, хотя носили, вмѣсто сорочекъ, туники. Нѣтъ, господа, нужно не прогрессировать, а, наоборотъ, задерживать этотъ прогрессъ.

«Студенческія волненія онъ объяснялъ реалистамъ такъ:

«— Видите ли, господа, — англичане, нѣмцы и пархатые жиды (въ классѣ у насъ нѣсколько евреевъ) имѣютъ комитетъ, цѣль котораго распространять между русской молодежью различнаго рода нелѣпости. Эта молодежь, конечно, бунтуетъ, а англичане пользуются этимъ и подъ шумокъ что-нибудь да и утянутъ у русскихъ-то! Англичане цѣлятся на нашу Манчжурію.

«Этотъ Петръ Васильевичъ рекомендуетъ учащимся читать «забористые» романы, но избѣгать журналовъ.

«Есть еще у насъ математикъ Ѳ. Е. Н—скій. Ученики VII класса жаловались на него директору за корыстное пристрастіе, причемъ указали

даже цифры взятокъ. Все это факты, но остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Жалоба была повторена инспектору, но толку тоже не вышло. Этотъ педагогъ держитъ свое учебное заведеніе и беретъ кліентовъ для *обязательной* подготовки».

Письмо изъ К—ва. «М. г.! Пишущій эти строки—отецъ, потерявшій единственнаго сына вслѣдствіе тѣхъ пріемовъ наказанія, которые употребляютъ наши педагоги для усмиренія провинившихся дѣтей, не предупреждая родителей. Утромъ 19 марта с. г. сынъ мой Александръ, 14 лѣтъ, ученикъ III класса К—ого реальнаго училища св. Екатерины, прежде чѣмъ отправиться въ училище, пользуясь отсутствіемъ отца и матери, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ смертельную рану, отъ которой и скончался въ ночь на 20 марта въ Александровской больницѣ. Въ запискѣ, оставленной покойнымъ моимъ сыномъ, виновниками, вынудившими его произнести столь страшный приговоръ надъ собою, названы инспекторъ училища г. Р—тъ и законоучитель О. І. М—скій, причемъ эти имена въ запискѣ обведены траурной каймой. Сказанная записка взята полиціей и пріобщена къ протоколу, составленному по поводу этого происшествія. Разразившаяся катастрофа была настолько для меня неожиданна, что причина, побудившая моего сына къ самоубійству, стала выясняться только послѣ совершившагося уже несчастія. Прежде всего я получилъ отъ инспектора письмо, въ которомъ онъ приглашалъ меня явиться для объясненія по поводу поступка моего сына: письмо помѣчено 17, а получено мною въ дѣйствительности только 19 марта, когда уже несчастіе совершилось и сдѣлалось извѣстнымъ въ училищѣ. Изъ многочисленныхъ посѣщеній покойнаго моего сына учениками названнаго училища стали выясняться и тѣ обстоятельства, при которыхъ покойный мой сынъ рѣшился на поступокъ, который избавилъ его отъ непріятностей. Изъ разсказовъ учениковъ поступокъ сына заключался въ томъ, что онъ ударилъ одного ученика. Г. инспекторъ, не довольствуясь тѣмъ, что прежде объясненія съ родителями посадилъ его въ карцеръ 17 марта, въ субботу, назначилъ его еще въ карцеръ и на воскресенье на 6 часовъ, и, кромѣ того, самое главное, инспекторъ *настращалъ* покойнаго сына *исключеніемъ изъ училища;* когда тотъ возразилъ, что отецъ имѣетъ уже въ виду перевести его въ другое училище, то инспекторъ и тутъ показалъ свою жестокость, сказавъ, что онъ съ своей стороны *напишетъ такую аттестацію, что ни въ одно училище его не примутъ.* И это говоритъ лицо, которому ввѣрены сотни малолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ обращается не съ отеческимъ внушеніемъ, а съ какою-то ненавистью и жестокостью, желая этимъ убить всякую живую мысль въ молодыхъ силахъ, можетъ быть, имѣя еще въ виду и то обстоятельство, что съ малыми дѣтьми бѣдныхъ родителей нечего церемониться. Если принять во вниманіе, что сынъ мой былъ отъ природы скромный и тихій мальчикъ, то ненависть и жестокость г. инспектора еще болѣе необъяснимы. Послѣ погребенія сына, на которое, по сло-

вамъ учениковъ, г. инспекторъ запретилъ имъ идти (хотя нѣсколько человѣкъ всетаки пришли), я имѣлъ объясненіе съ г. инспекторомъ. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, категорически отказался, что назначилъ покойнаго сына въ карцеръ и на воскресенье и что грозилъ ему исключеніемъ. Да и гдѣ теперь доказательства? Все это говорили ученики, а они могли слышать это отъ покойнаго сына, но при слѣдствіи могутъ, изъ боязни излишнихъ строгостей своего грознаго воспитателя, отказаться отъ своихъ словъ. Въ виду изложеннаго, я, пользуясь послѣднимъ циркуляромъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ выражено желаніе, чтобы родители пришли на помощь въ дѣлѣ воспитанія, вошелъ съ представленіемъ къ его высокопревосходительству единственно съ тою цѣлью, чтобы освѣтить эту темную сторону дѣйствій лицъ, коимъ ввѣряется воспитаніе молодого поколѣнія, и, быть можетъ, предупредить на будущее время еще не одну такую жертву и не одно горе родителей. Это—не единичный случай: въ училищѣ св. Екатерины дѣти подвергаются частому исключенію, а были еще случаи посягательства на свою жизнь. Митрофанъ Лупешко».

Письмо изъ О—сы. «Существуетъ у насъ частная гимназія м. н. пр. Анны Ивановны Бракенгеймеръ. Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ ея педагогической дѣятельности. За то, что нѣкоторыя ученицы позволяютъ себѣ оборачиваться во время урока, она оставляетъ весь классъ безъ обѣда до 8 час. вечера. Въ мартѣ лучшая ученица VI кл. не пришла какъ-то на уроки вслѣдствіе головной боли. Часовъ въ 12 дня она вышла пройтись, надѣясь этимъ унять головную боль, и, какъ на грѣхъ, попалась на глаза директору. Послѣдній донесъ объ этомъ начальницѣ, и та лишила ее присужденной уже за истекшій годъ первой награды. Я отправляюсь объясняться:

«— Когда я дѣлаю ей замѣчаніе,—жалуется начальница, — она молчитъ съ гордымъ видомъ. Вообще она выказываетъ во всемъ какую-то независимость. Отсюда только шагъ до явнаго протеста!

«Съ этихъ поръ ученица начинаетъ подвергаться систематической травлѣ. Несмотря на прекрасныя отмѣтки, ея не освобождаютъ отъ экзаменовъ, въ то время, какъ другія, съ худшими отмѣтками, освобождаются. Ее лишаютъ, несмотря на отличныя отмѣтки на экзаменѣ, награды. Когда она въ виду болѣзни и смерти своей сестры пропустила недѣлю, начальница объявила ей, что она уволена, ибо *по закону* можно пропустить, не заявляя о причинахъ неявки, *только три дня*. Снова я отправляюсь къ начальницѣ, указываю на причину неявки, говорю, что въ такую минуту горя и отчаянія можно позабыть о всякихъ запискахъ. Ничего не помогаетъ.

«— Если не могли дать знать родные, то могли сдѣлать это родственники!

«Пришлось взять дѣвочку!...

«Какъ вамъ нравится подобное «материнское» отношеніе?»

Письмо изъ С—локъ. «Директоръ гимназіи всѣмъ ученикамъ говоритъ «ты», не исключая старшихъ, причемъ въ «ты» не усматривается ничего отеческаго, ибо къ нему часто добавляется «болванъ», «дубина» и т. п. ласкательные эпитеты. Гулять не приказываютъ позднѣе 5 час. вечера, причемъ гимназисты обязуются гулять по одной сторонѣ, а гимназистки по другой».

Много, читатель, у меня подобныхъ писемъ, но я боюсь тебѣ наскучить и ограничусь приведенными. Грубость, несправедливость, нежеланіе считаться съ душой ребенка, жестокость, лицепріятіе, даже взяточничество,—вотъ главныя темы этихъ писемъ. И я съ горечью думаю о томъ, откуда у всѣхъ этихъ педагоговъ возьмется сердечность, которая нынѣ ставится краеугольнымъ камнемъ воспитанія?... Положеніе ихъ поистинѣ—трагикомическое. У всѣхъ этихъ безчисленныхъ Якововъ Иванычей—мужчинъ и женщинъ—давно уже остался отъ сердца одинъ сухой препаратъ, и ничѣмъ его не размочишь. Что они станутъ дѣлать въ столь безвыходномъ положеніи?

Прочитаетъ такой Яковъ Иванычъ приказъ по министерству, и, кромѣ страха и трепета, ничего не пробудится въ душѣ его.

— Яковъ Иванычъ! Гдѣ у васъ сердце-то?

— А вотъ тутъ, подъ вицмундиромъ-съ... Гдѣ ему быть полагается...

— Какъ вы теперь?

— Что же, можно и такъ, и этакъ; какъ прикажутъ...

И вмѣсто сердечности появится у такихъ воспитателей фальсификація, лицемѣріе... На лживыхъ устахъ будетъ медъ, а въ сердцѣ—все тотъ же ледъ...

Параллельно съ реформой средней школы необходимо провѣтрить и самый персоналъ гг. воспитателей. Вотъ гдѣ должны помочь родители, прибѣгая къ суду гласности. Понятно, что и мѣстная пресса должна получить право писать о всѣхъ этихъ господахъ не эзоповскимъ языкомъ, украдкой, уловками, а прямо называя вещи ихъ именами и указывая мѣсто дѣйствія и самихъ дѣйствующихъ лицъ. Если это и не размочитъ сухихъ препаратовъ Якововъ Иванычей, то хоть поставитъ границу ихъ безсердечію, жестокости, несправедливости,—однимъ словомъ, заставить «подтянуться». А то нынче провинціальная пресса совершенно лишена возможности касаться педагогическаго мірка, этой замкнутой касты, творящей свой судъ и расправу при закрытыхъ дверяхъ.

«Помощницѣ учительницы Старо-Шаткинской школы Евѳиміи Ивановой Воскресенской. Отъ 30 ноября 1900 г., № 1589. Вслѣдствіе убѣжденій вашихъ противъ Государя Императора, предлагаю вамъ немедленно оставить свои школьныя занятія и не бывать въ школѣ, а имѣющіеся у васъ школьные предметы немедленно же передать учительницѣ. О замѣщеніи васъ другимъ лицомъ я сообщилъ въ к—цкій уѣздный училищный совѣтъ. Земскій начальникъ 3 участка Куз—каго уѣзда До—бровъ».

Такую бумажку получила бывшая воспитанница С—аго епархіальнаго училища, поступившая помощницей учительницы, отъ г. земскаго начальника.

— Боже мой! Что это значитъ!—дѣвушка схватилась обѣими руками за голову и разрыдалась.

Это была самая безобиднѣйшая дѣвушка изъ духовнаго званія, самое что ни на есть благонамѣреннѣйшее существо, далекое отъ всякой политики—внѣшней и внутренней. Она служила помощницей, а учительницей была родственница земскаго начальника.

— Что же дѣлать? Что дѣлать?... Я противъ... государя?! Да за что же это?...

Но заступиться некому. Дѣвушка собрала свои пожитки и послушно отправилась домой, къ отцу-священнику въ село Аплу. Старикъ-отецъ не могъ снести оскорбленія. Онъ направилъ дочь въ городишко искать защиты.

Пріѣхала она въ уѣздный городокъ и пошла искать. Сперва обратилась въ училищный совѣтъ, какъ учрежденіе, распоряжающееся назначеніемъ и увольненіемъ учительскаго персонала, затѣмъ къ предводителю дворянства, къ уѣздному исправнику, вездѣ плакала, разсказывала о происшествіи и трагически просила:

— Помогите! Научите, что дѣлать?

Тѣ пожимали плечами, всплескивали руками и говорили:

— Да не можетъ быть?!

Она показывала имъ бумагу; они читали и ахали. Особенно былъ обезкураженъ исправникъ: онъ хозяинъ уѣзда и совершенно не знаетъ, что у него есть такіе элементы!

— Вы скажите откровенно... Можетъ быть, вы...—тихо спрашивалъ исправникъ.

Дѣвушка клялась, что она любитъ Государя Императора.

Изъ уѣзднаго городка она перебралась въ губернскій, пошла къ губернатору и къ жандарскому полковнику, и у нихъ плакала и просила защиты противъ земскаго начальника г. Д—рова. Ей пообѣщали произвести слѣдствіе. Вскорѣ, по произведенному властью разслѣдованію, оказалось, что дѣвица Воскресенская стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній, и губернаторъ своимъ распоряженіемъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года предоставилъ ей право занять снова должность учительницы или помощницы учительницы, а отъ г. Д—рова потребовалъ объясненій.

Земскій начальникъ г. До—ровъ постарался оправдаться документально: онъ представилъ въ училищный совѣтъ письменное удостовѣреніе учительницы (своей родственницы) Евдокимовой. Эта госпожа до сихъ поръ никому ничего не говорила объ убѣжденіяхъ своей помощницы, а тутъ вдругъ заговорила... Училищный совѣтъ препроводилъ эти «документики» губернатору. Губернаторъ назначилъ вторичное разслѣдованіе, которое вторично подтвердило полнѣйшую благонадежность дѣвушки.

20 марта дѣвушка получила, наконецъ, назначеніе въ другую, конечно, школу.

А что же земскій начальникъ съ столь разносторонними способностями? Да ничего себѣ, слава Богу, живетъ-поживаетъ, добра наживаетъ...

А слѣдовало бы этому земскому начальнику ознакомиться съ результатами ложнаго доноса... Хорошо, что дѣвушка обладала нѣкоторой энергіей, имѣла отца и вообще начала дѣло круто и смѣло... А случись это съ другой, менѣе энергичной, одинокой, беззащитной,—вѣдь вышло бы политическое преступленіе!...

Евгеній Чириковъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль 1901 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Философія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, біографіи.—Археологія, этнографія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина.—Книги для дѣтей, учебники. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *май.*—«Міръ Божій», *іюнь.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюня по 1-е іюля 1901 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Черный воронъ“. *А. А. Измайлова.*—„Сны“. *С. С. Антонова.*—„У моря“. *Николая Юровскаго.*—„Около жизни“. Разсказы, очерки и наброски. *Кн. Б. А. Щетинина.*

Черный воронъ. А. А. Измайлова. Первая книжка разсказовъ. 1901 г. Ц. 1 р. Положительно съ удовольствіемъ прочитали мы книжку г. Измайлова. А книжку, содержащую 17 разсказовъ, прочесть съ удовольствіемъ въ послѣднее время удается далеко не часто.

У г. Измайлова есть несомнѣнный и не маленькій талантъ. Темы его занимаютъ не широкія, ничѣмъ не поражающія; но въ нихъ всегда найдутся мотивы тонкіе и интересные, въ которыхъ видна и свѣжесть, и изящество таланта, и глубокое чувство, и настоящій искрящійся юморъ.

Передадимъ кратко содержаніе нѣсколькихъ разсказовъ, особенно удавшихся г. Измайлову. Запасъ наблюденій у него великъ, и поэтому рядомъ съ темами изъ духовнаго быта мы встрѣчаемъ картинки сельской жизни, городской, провинціальной и т. д. Однако г. Измайловъ, повидимому, особенно интересовался жизнью мелкаго духовенства, монастырей и т. д.

„Геніальная идея“ (второй разсказъ) пришла въ голову дьячку Ѳедоту, отличавшемуся пьянствомъ и продерзостью. Кроткій отецъ Стахій послѣ многихъ отеческихъ убѣжденій рѣшилъ удалить безполезнаго и надоѣвшаго до смерти дьячка. Однако Ѳедотъ не унываетъ и весьма остроумно препирательствуетъ съ настоятелемъ, хотя надѣяться ему рѣшительно не на что: узнаётъ благочинный и кончена Ѳедотова карьера. Выручаетъ „идея“. Дьячокъ, вооружившись смиреніемъ и елейной рѣчью, является къ о. Стахію съ убѣдительнѣйшей просьбой выдать ему хорошій аттестатъ въ виду того, что въ недалекомъ приходѣ открывается вакансія на дьячковское мѣсто, куда продерзостный Ѳедотъ будто бы задумалъ перейти. Несмотря на то, что о. Стахій уже сообщилъ благочинному всѣ Ѳедотовы непотребства, онъ очень радъ внезапной возможности безъ хлопотъ отдѣлаться отъ „мучителя“. „Коли ты отъ меня уйдешь,—говоритъ онъ,—будетъ у меня въ приходѣ радость велія, какой не было отъ сотворенія міра доселѣ. Горы воспляшутъ,—дьячокъ Ѳедотъ ушелъ!“ Рекомендація выдана Ѳедоту въ самомъ благожелатель-

номъ тонѣ: „Семилѣтнее служеніе его почитаю одобрительнымъ“ и т. д. Этимъ документомъ Ѳедотъ въ совершенствѣ отражаетъ строгую кару благочиннаго и повергаетъ начальство въ „не очень умное положеніе“. Многія страницы этой непретенціозной и совершенно простой исторіи заставляютъ читателя смѣяться самымъ искреннимъ и веселымъ смѣхомъ.

Иное дѣло „Ночь“. У бѣднаго деревенскаго іерея умираетъ молодая жена, а съ нею умираютъ всѣ радости, всѣ блѣдные проблески счастія въ горькой поповской жизни гдѣ-то въ непроглядномъ захолустьи. Единственная надежда на пріѣздъ знаменитаго доктора, бывшаго товарища бѣднаго о. Власія по семинаріи. Пріѣзда ждутъ съ минуты на минуту, но вмѣсто доктора является мужичокъ „съ требой“. И у него горе. У него „семой день отецъ при смерти мается“, на колѣняхъ проситъ священника. Ѣхать за много верстъ, въ суровую стужу отъ умирающей жены... А мужиченко плачетъ и не отстаетъ. И ѣдетъ о. Власій. Когда черезъ нѣсколько мучительныхъ часовъ онъ возвращается домой, у него уже нѣтъ ничего... Все умерло вмѣстѣ съ бѣдной женой.

Это превосходно разсказано. Видно, что г. Измайловъ понимаетъ то, о чемъ говоритъ, понимаетъ тѣмъ особымъ, глубокимъ и тонкимъ проникновеніемъ, какое дается только таланту.

Жизнью духовенства занята лишь половина книги. Не менѣе понравились намъ разсказы другого рода. Грустнымъ юморомъ проникнутъ „Самородокъ“. Погибающій отъ скуки „цвѣтъ умственной жизни“ города Загорска, находящагося въ благословенныхъ предѣлахъ, „куда Макаръ“ и т. д., рѣшается устроить пикникъ. Героями событія являются „21-й томъ Смирнова“, заѣзжій столичный фельетонистъ и праздный парень Игнатъ. На пикникѣ, куда Игнатъ увязался, онъ проявляетъ разнообразные таланты: кричитъ селезнемъ, изображаетъ діалогъ мужика съ земскимъ, имитируетъ купающихся бабъ и т. д. Все это онъ продѣлываетъ съ такимъ совершенствомъ, что выпившій „цвѣтъ умственной жизни“ приходитъ въ восторгъ, а фельетонистъ, къ несчастію, совершенно серьезно увлекается „самородкомъ“ и читаетъ ему Некрасовскіе стихи. На другой день Игнатъ передаетъ въ задушевной бесѣдѣ съ дворникомъ свои впечатлѣнія... Получается нѣчто грустное, тяжелое, нелѣпое—и правдивое. Невольно вспомнишь горькія исторіи „Хорошаго барина“ Успенскаго.

Чрезвычайно хорошъ послѣдній разсказъ. Такъ просто, свѣтло и изящно удалось автору разсказать первую маленькую драму совсѣмъ молоденькой дѣвочки, смутный и чистый порывъ юной любви; такой хорошей, свѣжей прелестью вѣетъ отъ этой знакомой и вѣчно милой поэмы...

Мы отмѣтили главныя достоинства таланта г. Измайлова. Среди другихъ упомянемъ еще одно, очень значительное: вѣрный, характерный и красивый языкъ, умѣнье хорошо управлять словомъ.

Сны. С. С. Антонова. 1900 г. Ц. 1 р. Маленькая книжка стиховъ, красиво изданная. Въ ней всего 35 стихотвореній и отрывки изъ драматическаго этюда „Заря обновленія“.

Скажемъ нѣсколько словъ о „Снахъ“. Эта книга интересна не сама по себѣ, а лишь какъ типъ, какъ характерное явленіе въ рядѣ многихъ, носящихъ общее грустное заглавіе: „Ежечасное появленіе множества маленькихъ и плохихъ кандидатовъ въ поэты“. Откуда, наконецъ, такое множество? Въ настоящее время у насъ нѣтъ геніальнаго поэта съ гигантской славой, чьимъ примѣромъ, въ надеждѣ лавровъ, могли бы увлекаться болѣе или менѣе юные храбрецы; не замѣчаемъ мы и особеннаго интереса къ поэзіи: это видно изъ того, что творенія многихъ лучшихъ

нашихъ поэтовъ расходятся медленно, не десятымъ и не двадцатымъ изданіемъ, а лишь скромнымъ вторымъ да третьимъ. Чѣмъ же объяснить непомѣрное количество парнасскихъ кандидатуръ? Одно изъ объясненій, какъ намъ кажется, кроется *именно въ слабости интереса къ поэзіи*, въ недостаткѣ истинной любви къ ней.

Человѣкъ, любящій поэзію воистину, прежде всего умѣетъ понимать ее: онъ знаетъ, что прекрасно и что некрасиво, знаетъ, какіе стихи имѣютъ право называться стихотвореніями и какіе этого права не имѣютъ; онъ *чувствуетъ* настоящій образъ, настоящую риему, стихъ, мѣру. Если такой человѣкъ соберется самъ писать стихи, онъ и себѣ предъявитъ глубокія и строгія требованія, и собственные стихи будетъ разсматривать тщательно.

Если же такой любви къ поэзіи, о которой мы говоримъ, у человѣка нѣтъ, то онъ будетъ писать сколько угодно, что угодно и какъ угодно. При достаточной смѣлости великій завѣтъ „Ты самъ свой высшій судъ“ онъ прочтетъ такъ: „Ты самъ себя объяви геніемъ“—и, благополучно оное совершивъ, выпуститъ книжку негодныхъ и ненужныхъ стиховъ. Такъ поступали и поступаютъ многіе. Увы, г. Антоновъ почти всецѣло принадлежитъ къ этимъ многимъ. Невѣжливое обращеніе съ русскимъ языкомъ ради самыхъ дешевыхъ риемъ и банальныхъ размѣровъ; внушающая искреннее состраданіе бѣдность красокъ; надоѣдливо знакомые образы, пустота мысли—всѣ эти достоинства игриво сочетаются въ его творчествѣ съ безжалостной претенціозностью. Извольте посмотрѣть заглавія: „Тайна“, „Изъ пѣсенъ души“, „Ноктюрны“, „Акварели“, „Лирическая картина“, „Весенней ночью“, „На грани жизни“... Вы думаете, что „На грани жизни“ — стихотвореніе безпримѣрной глубины и силы? Это просто двѣ маленькія прозаическія страницы, трактующія о скудныхъ грезахъ не-поэта. Также обманетесь и въ прочихъ ожиданіяхъ.

Но особенно тяжко читать отрывки изъ „Зари обновленія“. Аглая, ея отецъ, какой-то Глорій, Аглаинъ женихъ, „Огневыя слезы любви“ (это тоже „дѣйствующія лица“), ангелы, духи, химеры, душа, эльфы всякихъ родовъ, феи всевозможныхъ спеціальностей — вся эта недисциплинированная авторомъ толпа нелѣпостей говоритъ горшія нелѣпости отмѣнно плохими стихами, да еще фигурируетъ въ „отрывкахъ“. Остается лишь просить г. Антонова хоть немного поснисходительнѣе относиться къ поэзіи и не заставлять насъ читать то, что ни ему, ни кому другому не слѣдовало бы писать.

У моря. Николая Юровскаго. 1900 г. Цѣна 1 руб. Благородный римлянинъ Маркъ, которому тяжело было жить въ Римѣ временъ Валентиніана и Ѳеодосія, переселился на собственную виллу, въ виду Неаполя и Бай, — разсказываетъ авторъ. И твердо рѣшился подражать Петронію,—добавимъ мы, прочитавъ книгу.—Несмотря на видимое стараніе и даже на пріѣздъ съ востока молодого проконсула Туллія (читай Виниція), каковымъ событіемъ начинается разсказъ, подражаніе плохо удается. Дочитавъ до перваго разговора римлянъ г. Юровскаго, мы убѣдились, что ко времени Ѳеодосія благородные патриціи значительно утратили изящество и, такъ сказать, умѣніе быть римлянами. Вотъ что говоритъ Туллій Марку, здороваясь съ нимъ въ библіотекѣ:

— Я радъ,—воскликнулъ гость,—что *сдѣлалъ тебѣ сюрпризъ*. Однако, *покажись-ка хорошенько? Да ты совсѣмъ молодцомъ!*... и т. д.

„Сюрпризъ“ въ рѣчахъ проконсула великолѣпенъ, но боимся, что подражатель—Туллій не выигрываетъ отъ свободнаго обращенія съ галлицизмами.

Обратимся къ картинѣ подлиннаго римскаго завтрака, на которомъ, кромѣ Марка и Туллія, присутствуютъ сестра Марка, Фаннія, ея подруга Валерія и таинственная подруга Туллія—голубоокая Хриза, у которой „узкіе глаза слегка загибались къ вискамъ“, а „голубые зрачки были лишь видны на половину изъ-за упрямыхъ, тяжелыхъ вѣкъ“. За завтракомъ Туллій „философствуетъ“. „Я люблю“,—говоритъ онъ,—трапезничать въ небольшомъ обществѣ. Варронъ былъ правъ, говоря, что число обѣдающихъ не должно быть менѣе числа Музъ и болѣе числа Грацій“. Очень хорошая, но нѣсколько темная философія. Музъ, какъ извѣстно всѣмъ, кромѣ Варрона (или г. Юровскаго?) было девять, а грацій—три. Какое же число обѣдающихъ не должно быть меньше девяти и больше трехъ? Можно подумать, что авторы древнихъ повѣстей положительно не знаютъ миѳологіи.

Дальше, какъ водится, начался романъ. Маркъ прельстилъ голубоокую Хризу „элегантными намеками“ и вскорѣ вмѣстѣ съ ней сталъ кататься на лодкѣ по заливу, повторяя „adoremus“. Туллій „увѣрилъ себя, что хорошо бы завладѣть Валеріей“, но былъ отвергнутъ. Затѣмъ, какимъ-то необыкновеннымъ образомъ Хриза стала христіанкой и Маркъ умеръ отъ огорченія.

Очень возможно, что тема, взятая г. Юровскимъ, могла бы при хорошей обработкѣ дать интересную и красивую вещь. Но то, что мы прочли, отнюдь не производитъ хорошаго впечатлѣнія: фигуры блѣдны, „couleur locale“, котораго видимо добивался авторъ, либо отсутствуетъ, либо является въ искаженныхъ формахъ; неожиданные скачки и общая порывистость разсказа безплодно утомляютъ вниманіе.

Вторая повѣсть—„У озера“ по тону претендуетъ на оригинальность, а по манерѣ—на глубокую психологію. Изъ простой исторіи о томъ, какъ одинъ мужъ измѣнилъ своей женѣ съ ея сестрой, г. Юровскій видимо хотѣлъ создать смѣло написанную картину души современнаго человѣка. Но чужая душа осталась потемками, а вся исторія даже довольно противна. Въ третьимъ произведеніи скучно разсказана пустѣйшая біографія какой-то содержанки. Для того, чтобы хорошо писать такія вещи, надо обладать спеціальнымъ талантомъ, а у г. Юровскаго его нѣтъ.

Около жизни. Разсказы, очерки и наброски. Кн. Б. А. Щетинина. М., 1900 г. Ц. 1 руб. Странное впечатлѣніе производитъ книжка кн. Щетинина. Она представляетъ собою довольно объемистый томикъ, въ которомъ помѣщено цѣлыхъ 20 разсказовъ; но, прочитавъ всѣ эти 20 разсказовъ, самый внимательный и добросовѣстный читатель сію же минуту всѣ ихъ забудетъ. Причины этого, однако, не слѣдуетъ искать въ полной безталанности автора. Разумѣется, кн. Щетининъ не блещетъ дарованіемъ; но нѣкоторая наблюдательность у него есть, какъ и весьма легкій и недурной слогъ. Качествъ этихъ у него хватило бы на то, чтобы сдѣлать свои разсказы если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже многихъ разсказовъ, которые печатаются ежемѣсячно на страницахъ нашихъ журналовъ; однако, произведенія кн. Щетинина гораздо хуже произведеній такого рода, и причину этого слѣдуетъ видѣть въ его чрезвычайно легкомысленномъ отношеніи къ сюжетамъ своихъ писаній. За что только не берется онъ и чего не описываетъ въ 20 своихъ „разсказахъ и наброскахъ!“ Его герои—люди разнообразнѣйшихъ классовъ и положеній. И ни одного-то изъ этихъ героевъ кн. Щетининъ самъ не знаетъ и не понимаетъ хорошенько; поэтому каждый разсказъ его представляетъ лишь анекдотъ или случай изъ газетной хроники и происшествій. Сюда же присоединяется и полное безразличіе

автора къ нравственнымъ качествамъ его героевъ. Симпатіи его къ несчастному благородному „аблакату“ Черемухину, попавшему лишь благодаря самопожертвованію въ подонки человѣчества, повидимому, совершенно равносильны симпатіямъ къ нѣкоему графу Свирскому, промотавшемуся и неудачному искателю богатыхъ невѣстъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи и комитета по постройкѣ народнаго театра“.—„Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ“. Отчетъ 1899 г.—„Не по торному пути“.
А. А. Мертваго.

Отчетъ Совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи и комитета по постройкѣ народнаго театра. Нижній-Новгородъ, 1900 г. Въ 1899 г. отъ нижегородскаго Общества распространенія начальнаго образованія функціонировали двѣнадцать безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, изъ которыхъ двѣ находятся въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, а 10 распредѣлены по уѣздамъ. Въ началѣ отчетнаго года почаинская библіотека, существовавшая въ Нижнемъ, была закрыта за недостаткомъ средствъ; но въ томъ же году была открыта канавинская, и такимъ образомъ цифровыя данныя не измѣнились въ этомъ отношеніи. Первая изъ двухъ существующихъ библіотекъ-читаленъ—печерская—имѣла 942 подписчика, причемъ въ читальнѣ зарегистрировано 8,401 посѣщеніе, а въ библіотекѣ 25,424; вторая—канавинская—имѣетъ 781 подписчика, въ читальнѣ было 4,447 посѣщеній и выдано книгъ 16,491. По сословіямъ контингентъ читателей въ обѣихъ библіотекахъ, главнымъ образомъ, состоялъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, численность которыхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ численность подписчиковъ остальныхъ сословій.

Число библіотекъ-читаленъ по уѣздамъ сравнительно съ предшествующимъ 1898 г. увеличилось на 3 и такимъ образомъ достигло 10, причемъ неравномѣрность ихъ распредѣленія станетъ очевидна, если принять во вниманіе, что на одинъ Васильскій уѣздъ изъ общей цифры приходится 5. Дѣятельность этихъ библіотекъ, какъ и можно было предполагать, ýже дѣятельности двухъ нижегородскихъ. Только въ 3—4 изъ нихъ функціонируютъ читальни, остальныя же ограничиваются выдачей книгъ на домъ. Количество книгъ или томовъ въ библіотекахъ колеблется отъ 256 до 1,356, причемъ въ среднемъ приходится нѣсколько болѣе 700 на одну библіотеку; число подписчиковъ также разнообразно, колеблясь между 132 и 750 человѣкъ.

Что касается до школьныхъ и учительскихъ библіотекъ, то сравнительно съ предшествующимъ годомъ дѣло не подвинулось впередъ, и въ 1899 г. существовало 54 школьныхъ библіотеки, 2 школьно-учительскихъ и 4 учительскихъ, т.-е. количество, по справедливому замѣчанію совѣта Общества, недостаточное.

Для улучшенія постановки дѣла народныхъ развлеченій въ Канавинѣ при Обществѣ была въ отчетномъ году организована отдѣльная коммиссія, имѣвшая 9 засѣданій и устроившая въ теченіе года въ Канавинѣ, 11 чтеній, три спектакля и одинъ литературный вечеръ. Во то же время въ Нижнемъ-Новгородѣ продолжались возобновившіяся въ 1898 г. народныя чтенія во всесословномъ клубѣ, и число ихъ достигло 14. Чтенія эти посѣщались публикой чрезвычайно охотно, посѣтителями были рабочіе

съ фабрикъ, заводовъ и разныхъ мастерскихъ, а также обитатели ночлежныхъ пріютовъ. Въ отчетномъ году перебывало 14,578 посѣтителей, что составило на каждое чтеніе 1,041—цифру, говорящую за себя. Устроены были также чтенія въ тюрьмахъ числомъ 32, причемъ каждое состояло изъ двухъ или трехъ отдѣленій: въ первомъ читались статьи религіозно-нравственнаго характера, въ двухъ остальныхъ—историческаго, географическаго и бытового. Столѣтнюю годовщину со дня рожденія Пушкина общество отмѣтило устройствомъ народнаго праздника, литературно-музыкальнымъ вечеромъ, а также чтеніями по уѣздамъ, съ туманными картинами. Общія чтенія по уѣздамъ, благодаря поддержкѣ со стороны земства, взявшаго на себя въ послѣдніе два года ихъ организацію, приняли въ Нижегородской губерніи болѣе широкіе размѣры. То, что не можетъ быть удовлетворено Обществомъ, отчасти восполняется управой, и наоборотъ. Тѣмъ не менѣе общество все еще сильно нуждается въ картинахъ, и бываютъ времена, когда оно въ состояніи удовлетворить не болѣе одной десятой требованій.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нижегородскаго Общества распространенія начальнаго образованія въ отчетному году. Если прибавить, что въ томъ же году Общество было уже весьма близко къ осуществленію завѣтной цѣли всѣхъ подобныхъ обществъ, а именно къ постройкѣ зданія народнаго театра съ аудиторіей и чайной, и располагало капиталомъ около 20,000 р., собраннымъ для этой цѣли, то можно только пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Лѣтнія колоніи Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1899 года, съ приложеніями. М., 1900 г. Полезное дѣло устройства лѣтнихъ колоній для слабыхъ дѣтей, учащихся въ городскихъ школахъ, идетъ впередъ, хотя и далеко не быстрыми шагами. Въ отчетномъ 1899 году прибавилось еще три новыхъ пункта сравнительно съ предыдущимъ. Такимъ образомъ, въ отчетномъ году всѣхъ колоній было 28, причемъ въ нихъ провели лѣто 471 дѣтей,—316 дѣвочекъ и 155 мальчиковъ; 219 человѣкъ изъ всего числа дѣтей, т.-е. 47%, *никогда не видали деревни*, что можетъ служить лучшей иллюстраціей той громадной пользы, которую должна была имъ дать колонія. И дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что у 94% всѣхъ дѣтей, подлежавшихъ наблюденію врачей, „оказалось улучшеніе или совершенное прохожденіе болѣзненнаго состоянія“ (стр. 24), пребываніе многихъ дѣтей-колонистовъ въ колоніяхъ, быть можетъ, навсегда останется свѣтлымъ лучомъ въ ихъ жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только почитать дневники дѣтей, которые велись ими собственноручно и выдержки изъ которыхъ помѣщены въ приложеніяхъ къ отчету. Изъ этихъ дневниковъ видно, какъ много радостныхъ минутъ дала имъ колонія и какимъ живымъ интересомъ были наполнены для нихъ самыя обычныя, ежедневныя событія въ ихъ жизни въ колоніи. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ одна дѣвочка всеобщее настроеніе по поводу представившейся возможности покататься на лодкѣ. „Напившись чаю, мы пошли въ березки, тутъ намъ сказала Анна Ильинична (учительница), что Вѣра Львовна велѣла взять двухъ дѣвочекъ, какихъ побольше, и съ ними покататься въ лодкѣ; тутъ всѣ дѣвочки чуть не бросились на шею Аннѣ Ильиничнѣ, просили потомъ, чтобы она взяла ихъ. И всѣ говорили: Анна Ильинична, возьмите насъ, вотъ напримѣръ съ тѣмъ. Анна Ильинична думала, думала какъ бы сдѣлать, чтобы не было намъ обидно, но все-таки предумала (орѳографія подлинника) и сказала: „чтобы вамъ не было обидно, давайте кинемъ жре-

бій", такъ всѣ дѣвочки согласились, и когда стали вынимать, то всѣ дѣвочки стали прыгать и говорили, что я не счастливая, я непочемъ не выну, и такъ говорили. Когда вынули жребій, то оказались всѣхъ счастливѣе Маногина и Петрова" (стр. 36). Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ приводить выдержки изъ другихъ дневниковъ, хотя онѣ не менѣе выразительны; но и приведенной выдержки довольно, чтобы понять настроеніе дѣтей. Остается только пожелать полезному и въ высшей степени гуманному дѣлу устройства лѣтнихъ колоній для учащихся дѣтей самаго широкаго развитія.

Не по торному пути. А. П. Мертваго. Изданіе третье товарищества „Знаніе". № 16. Спб., 1900 года. Цѣна 1 руб. 50 коп. Книга г. Мертваго выходитъ уже третьимъ изданіемъ, и дальнѣйшій успѣхъ ея, конечно, обезпеченъ. Она въ яркихъ краскахъ рисуетъ такія больныя стороны нашего деревенскаго хозяйства, что ее прочтетъ съ глубокимъ интересомъ не только спеціалистъ, имѣющій право и возможность соглашаться или не соглашаться съ ея конечными выводами, но и всякій профанъ, не утратившій еще живого отношенія къ тому, что дѣлается на свѣтѣ. Грустны и безотрадны выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ концѣ своей книгѣ; но тѣмъ сильнѣе ихъ впечатлѣніе на читателя, что пришелъ онъ къ нимъ „не по торному пути", обычному для зауряднаго сельскаго хозяина, а многотрудной дорогой человѣка, рѣшившаго употребить всѣ свои силы и энергію для того, чтобы добиться истины и побѣдить тотъ самый „рожонъ", противъ котораго давно и безуспѣшно борются сельскіе хозяева какъ стараго, такъ и самаго новаго закала. Въ нашемъ журналѣ своевременно данъ уже былъ отзывъ о первомъ изданіи книги г. Мертваго, гдѣ были указаны ея наиболѣе характерныя черты (1895 г., кн. VII).

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Исторія новой философіи". *Куно Фишера.* Т. IV.—„Человѣческое, слишкомъ человѣческое". *Ф. Ницше.*—„Черезъ нѣсколько вѣковъ". *О. Обломіевской.*—„Сезамъ и Лиліи". *Джона Рёскина.*—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи". Проф. д-ра *А. Шилтова.* — „Опытъ упрощенія жизни". *Г. Д. Торо.*—„Новое воспитаніе". *Эдмонда Демолена.*

Исторія новой философіи. Куно Фишера. Т. IV. Иммануилъ Кантъ и его ученіе. Часть первая. Возникновеніе и основаніе критической философіи. Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія Н. Н. Полилова, Н. О. Лосскаго и Д. Е. Жуковскаго. Съ портретомъ И. Канта. Изд. товарищества „Знаніе". Спб., 1901 г. Ц. 4 руб. Эта знаменитая книга гейдельбергскаго профессора въ 60-хъ годахъ была уже переведена Н. Н. Страховымъ, но съ тѣхъ поръ сдѣлалась библіографической рѣдкостью, и дальнѣйшія изданія подлинника, значительно переработанныя, уже давно ждали новаго русскаго перевода. Теперь послѣдній осуществляется (начиная съ IV тома *Исторіи*; VIII томъ, посвященный Шопенгауэру, изданъ Психологическимъ Обществомъ); и это надо привѣтствовать, въ виду тѣхъ общепризнанныхъ достоинствъ мысли и изложенія, которыми издавна отличается маститый авторъ. Ученое паломничество къ нему, въ мирный нѣмецкій городъ, совершали многія поколѣнія, и передъ каѳедрой этого учителя философіи прошли едва ли не всѣ работающіе въ университетахъ на поприщѣ отвлеченной мысли. Замѣчательный лекторъ, К. Фишеръ въ то же время

и несравненный писатель. Отъ его многотомной „Исторіи новой философіи“ вѣетъ литературной красотой и мощью; она изобилуетъ отчеканенными фразами, которыя навсегда врѣзываются въ память. И эта внѣшняя форма облекаетъ собою глубокое содержаніе—прозрачно-ясный разборъ философскихъ системъ и всегда блестящую характеристику ихъ творцовъ. Передано ли это изящество стиля въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ тремя лицами и не объединенномъ редакторской рукою? Надо сказать, что, судя по вышедшему тому, мы на русскомъ языкѣ не будемъ имѣть изложенія, соотвѣтствующаго художественному оригиналу. Переводъ исполненъ очень тщательно, въ научномъ отношеніи онъ вполнѣ удовлетворителенъ; но благодаря излишней близости къ подлиннику, мы часто встрѣчаемъ въ работѣ гг. Полилова, Лосскаго и Жуковскаго тяжеловѣсные фразы и обороты, такія выраженія (избранныя переводчиками принципіально), какъ *интеллигибельный, аппрехензія, предусловіе* и т. п. Быть можетъ, въ дальнѣйшихъ выпускахъ *Исторіи* эти недочеты будутъ сглажены; во всякомъ случаѣ, трудъ переводчиковъ сослужитъ русскимъ читателямъ хорошую службу. Жаль только, что цѣна книги очень высока и для многихъ непосильна,—въ этомъ отношеніи она вполнѣ отвѣчаетъ подлиннику, но именно въ этомъ отношеніи ей слѣдовало бы какъ можно больше отлониться отъ него для блага серьезно читающей публики.

Человѣческое, слишкомъ человѣческое. Книга для свободныхъ духовъ. Ф. Ницше. Собраніе сочиненій. Т. VI. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. М., 1901 г. Бо́льшая часть книгъ, на которыхъ значится издательское имя г. Клюкина, не обѣщаютъ читателю ничего хорошаго, въ особенности, если онѣ—произведенія не оригинальныя, а переводныя. Это зловѣщее предсказаніе всецѣло оправдываетъ, напримѣръ, „Утренняя заря“ Ницше; но къ счастію, лежащее теперь передъ нами, другое сочиненіе нѣмецкаго мыслителя не вполнѣ отвѣчаетъ репутаціи г. Клюкина. Переводъ „Человѣческаго, слишкомъ человѣческаго“ (I-го тома) сдѣланъ старательно, недурнымъ языкомъ; но это не значитъ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ ошибокъ и недосмотровъ. Въ 115 афоризмѣ слово *Saum* (рубецъ, обшивка) передано *узда* (очевидное смѣшеніе со словомъ *Zaum*),—и мысль Ницше обратилась въ безсмыслицу. 184 афоризмъ у переводчика гласитъ такъ: „не поддается переводу какъ все лучшее, такъ и все худшее въ книгѣ“; на самомъ дѣлѣ Ницше говоритъ: „то, что въ книгѣ не поддается переводу, это—ни самое лучшее, ни самое худшее въ ней“ (es ist weder das Beste, noch das Schlechteste an einem Buche, was an ihm unübersetzbar ist). 382 афоризмъ у Ницше гласитъ: „много усилій надо прилагать отцамъ для того, чтобы исправить то зло, что у нихъ есть сыновья“ (Väter haben viel zu thun, um es wieder gut zu machen, dass sie Söhne haben); въ переводѣ мы читаемъ такія странныя слова: „отцамъ очень трудно снова достигать сыновняго расположенія“. Въ 201 афоризмѣ переводчикъ вводитъ читателей въ заблужденіе тѣмъ, что совершенно не понялъ фразы, начинающейся словами *so aber sterben bei Weitem die meisten zu jung*, и передаетъ ее слѣдующимъ образомъ: „но такъ какъ большинство людей умираетъ въ слишкомъ молодомъ возрастѣ“; между тѣмъ Ницше говоритъ не о реальныхъ случаяхъ преждевременной смерти, а о томъ, что большинство людей до конца жизни остаются умственно и эстетически неразвитыми и *въ этомъ смыслѣ* умираютъ слишкомъ рано. Заглавіе 199 афоризма: „незаконченность, какъ художественный пріемъ“ (Das Unvollständige als künstlerisches Reizmittel) передано: „о значеніи неполнаго признанія достоинствъ“;

смыслъ потерянъ, какъ потеряна и связь этого афоризма съ 178-мъ, гдѣ *Unvollständiges* переведено правильнѣе *(несовершенное),* но зато все дѣло испорчено тѣмъ, что выраженіе *die reliefartig unvollständige Darstellung* переводчикъ понимаетъ какъ *„недостаточно рельефное* изложеніе", вмѣсто: *незаконченое какъ рельефъ.* 135 афоризмъ, сокращенный переводчикомъ въ силу необходимости, не только не намекаетъ на свой истинный смыслъ, но и звучитъ прямой нелѣпостью. Въ 189 афоризмѣ *Rhythmus* переведено *ритма,* вмѣсто *ритмъ.* Въ 486 афоризмѣ „Das Eine, was Noth thut" неуклюже переведено *Единственное, что надо имѣть* вмѣсто знаменитаго *Единое на потребу;* тамъ же *leichter Sinn* переведено невѣрно и курьезно: *легкій умъ,* вмѣсто *ясность духа.* Мы не говоримъ уже о томъ, что многіе афоризмы не переведены совсѣмъ; что, въ силу тѣхъ же причинъ, выраженія *католичество, мистика, языческій* не соотвѣтствуютъ подлиннику, гдѣ говорится о христіанствѣ и религіи вообще. Зачѣмъ, при такихъ условіяхъ, вообще издавать искалѣченные переводы Ницше? Цѣликомъ онъ все равно на русскомъ языкѣ появиться не можетъ; литературной красоты его никто еще изъ русскихъ переводчиковъ не въ силахъ былъ передать,—а на тѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія, гдѣ мысли Ницше могутъ быть понятны и желанны, на этихъ высотахъ люди владѣютъ обыкновенно чужими языками, и для нихъ открытъ подлинный Ницше въ неискаженной оригинальности своихъ идей, настроеній и словъ.

Черезъ нѣсколько вѣковъ. Замѣтки въ защиту индивидуума. О. Обломіевской. Спб., 1901 г. Ц. 30 к. Эти отрывочныя замѣтки рисуютъ идеалъ грядущаго общества, гдѣ индивидуумъ найдетъ обширное поле для развитія своихъ способностей и даровъ. Картина, которую эскизно набрасываетъ г-жа Обломіевская, очень привлекательна, и хорошо бы устами автора шить этотъ соціальный медъ. Но у читателя возникаетъ недоумѣніе,—кто же собственно нападаетъ на индивидуума и противъ кого нуждается онъ въ защитѣ? То ученіе, которому не то возражаетъ, которое не то принимаетъ г-жа Обломіевская, въ своихъ коллективистическихъ построеніяхъ вовсе не принижаетъ свободной личности, и его представители охотно подпишутся подъ словами автора: „ни индивидуумъ не поглощается обществомъ, ни общество не игнорируется индивидуумомъ, оба они должны быть во взаимной связи и равновѣсіи, такъ какъ только солидарность даетъ наибольшій успѣхъ труду и возможность благоденствія общаго и частнаго" (стр. 11). Самъ авторъ, изображая перспективы индивидуальной свободы, въ то же время указываетъ и на *союзы* индивидуумовъ, въ то же время характеризуетъ и новое *общество.* Въ чемъ же дѣло, къ чему сводится вопросъ? Г-жу Обломіевскую интересуетъ проблема, такъ сказать, старшинства, мѣстничества: что чему предшествуетъ — эволюція индивидуальная эволюціи общественной, или наоборотъ? Она склоняется къ первой сторонѣ этой альтернативы, она стоитъ за „гармонію въ многообразіи, разнообразіи и различіи" (стр. 21). Но едва ли такая постановка задачи правильна: развитіе личности и развитіе общества органически и внутренне связаны между собою,—въ томъ и проявляется развитая личность, что она, не оторванная отъ своей сферы, воздѣйствуетъ на общество, вліяетъ на окружающую среду. Опредѣлить же удѣльный вѣсъ каждаго изъ этихъ неразлучныхъ факторовъ общаго движенія, иными словами, выяснить роль личности въ исторіи,—это очень серьезная проблема, и для ея рѣшенія требуются болѣе существенныя соображенія, чѣмъ тѣ, какія приведены въ замѣткахъ г-жи Обломіевской,—замѣткахъ, безспорно, симпатичныхъ по своему духу.

Сезамъ и Лиліи. Три лекціи Джона Рескина. I. О сокровищницахъ королей. II. О садахъ королевъ. III. О тайнѣ жизни. Переводъ О. М. Соловьевой. М., 1901 г. Ц. 60 к. На русскомъ языкѣ уже вышелъ переводъ этого замѣчательнаго произведенія, но переводъ не полный. Г-жа Соловьева въ изящной книжкѣ предлагаетъ теперь лекціи Рескина цѣликомъ, безъ выпусковъ и въ очень литературномъ и красивомъ переводѣ. Главное содержаніе лекцій—это призывъ къ чтенію великихъ книгъ, къ общенію съ царями человѣческой мысли и аристократами духа, живущими въ „Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи“ библіотекъ и не знающими суетности земныхъ властелиновъ; это—воззваніе къ женщинамъ, къ ихъ красотѣ и любви, которыя должны вдохновлять плодотворную работу мужчинъ и поощрять ихъ въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ; это — призывъ къ природѣ, которая теперь оставляется нами въ пренебреженіи и съ которой мы обязаны дружить своихъ дѣтей. Обращаясь къ женщинамъ Англіи, Рескинъ восклицаетъ: „вы не можете крестить ихъ (дѣтей), какъ должно, въ своихъ купеляхъ въ вершокъ глубиною, если не окрестите также въ тѣхъ свѣтлыхъ источникахъ, которые великій Законодатель высѣкаетъ непрестанно изъ скалъ вашей родины,—въ свѣтлыхъ водахъ, которымъ язычникъ поклонялся бы во всей ихъ чистотѣ, а вы чтите однимъ лишь осквернеміемъ“ (стр. 137). Но самое привлекательное въ лекціяхъ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ Рескина, это не содержаніе, а форма. Его мысли не новы по существу; онѣ только идутъ вразрѣзъ съ современными взглядами, но исторія человѣческаго слова давно уже записала ихъ на свои страницы, слышала ихъ еще отъ библейскихъ пророковъ; у Рескина замѣчательна внѣшняя оболочка идей,—яркая, огненная, патетическая. Его книги—это стихотворенія въ прозѣ, исполненная лиризма проповѣдь, богатая неожиданными антитезами и сравненіями, взволнованная и волнующая. Въ этомъ отношеніи „Сезамъ и Лиліи“ представляютъ собою одинъ изъ лучшихъ образчиковъ его литературной мощи и силы его чувства, которое влагаетъ въ его краснорѣчивыя уста гимны природѣ и горячій протестъ противъ общественной неправды.

Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи. Проф. д-ра А. Шилтова. М., 1901 г. Ц. 20 к. Эта характерная статья была напечатана на страницахъ *Вѣры и Разума*, но такъ какъ, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, „послѣдній журналъ мало распространенъ“, то проф. Шилтовъ и рѣшился издать ее отдѣльной брошюрой, цѣль которой,—„возможно большее распространеніе ея въ средѣ интеллигентнаго общества“. Распространеніе же ея необходимо потому, что „наша молодежь въ дѣлѣ этики и религіи по наклонной плоскости стремится внизъ“ (стр. 22); и вотъ для того, чтобы спасти эту стремящуюся молодежь, авторъ совѣтуетъ, во-первыхъ, „изъять изъ обращенія въ нашихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ всѣ сочиненія матеріалистическаго и пессимистическаго содержанія“, а во-вторыхъ, „разсылать безплатно во всѣ мужскія и женскія гимназіи“ заказанныя „компетентнымъ лицамъ изъ ученаго сословія“ брошюры нравственнаго и религіознаго содержанія и „вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнять въ обязанность преподавателямъ этихъ заведеній требовать отъ учащихся внимательнаго чтенія этихъ брошюръ и изложенія содержанія ихъ во время классныхъ уроковъ“ (стр. 26). Хорошо бы также организовать „христіанскія общества молодыхъ людей въ большихъ центрахъ по примѣру С. Америки“; хорошо бы также, если бы „правительство наше приглашало редакторовъ распространенныхъ газетъ и журналовъ озабо-

титься о помѣщеніи въ своихъ изданіяхъ возможно чаще статей религіозно-нравственнаго содержанія по назидательному примѣру Сѣв. Америки" (стр. 28). Такія мѣры необходимы тѣмъ болѣе, что чтеніе матеріалистическихъ и пессимистическихъ книгъ, или (что, по автору, то же самое) „эротическихъ разсказовъ" наноситъ вредъ юному организму „непосильнымъ возбужденіемъ чувственности" (стр. 28). Впрочемъ, не всѣ дѣти поддаются тлетворному вліянію пессимизма, матеріализма и эротизма: такъ, напримѣръ, самъ г. Шилтовъ, когда онъ былъ маленькій, воспринялъ добрыя сѣмена, которыя сѣялъ въ него отецъ; и поэтому, когда онъ сталъ большой и ему попалось сочиненіе Бюхнера „Сила и Матерія", то онъ „категорически отрицалъ" его идеи (стр. 20).

Въ заключеніе скажемъ, что брошюра проф. Шилтова очень любопытна; быть можетъ, она не произведетъ именно того впечатлѣнія, какое хочется автору; быть можетъ, иные подумаютъ, что если бы даже этика и нуждалась въ защитѣ, то она не прибѣгла бы къ услугамъ г. Шилтова, — но во всякомъ случаѣ, его брошюра доставитъ читателямъ несомнѣнное удовольствіе.

Опытъ упрощенія жизни (у Вальденскаго озера, въ Америкѣ). Г. Д. Торо. Переводъ съ англійскаго. Изданіе М. Конусова. М., 1900 г. Ц. 60 коп. Эта книжка представляетъ собою нѣсколько главъ изъ книги Генри Торо, этого оригинальнаго философа самородка, одного изъ борцовъ за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. Несмотря на то, что со смерти Торо минула уже почти сорокалѣтняя давность, личность его настолько незаурядна и ярка, что знакомство съ его книгой, содержащей въ себѣ его опредѣленно выраженное міросозерцаніе, несомнѣнно имѣетъ интересъ и въ настоящее время. Торо, прежде всего,—мечтатель, пламенный и страстный мечтатель. Однако мечтанія его, несмотря на всю свою неосуществимость, почти всегда имѣютъ подъ собой твердую почву. Онъ старается въ своей личной практикѣ осуществить свои мечты и, отличаясь практичностью и большимъ запасомъ здраваго смысла, достигаетъ цѣли. Это—натура самобытная, одаренная и не подходящая ни подъ какія рамки. Больше всего Торо дорожитъ простотою жизни и независимостью. Жить такъ, какъ хочется — было стимуломъ его собственной жизни; то же самое проповѣдовалъ онъ и другимъ, считая это вполнѣ осуществимымъ при минимальномъ ограниченіи потребностей. А въ какой степени онъ считалъ возможнымъ и желательнымъ ограничивать человѣческія потребности,—это видно на его собственномъ примѣрѣ: поселившись на долгое время въ маленькомъ домикѣ, собственноручно выстроенномъ на берегу Вальденскаго озера, онъ жилъ въ полномъ уединеніи и въ лучшія времена питался грубымъ хлѣбомъ, собственноручно же выпеченнымъ, а въ худшее обходился и безъ этого послѣдняго. Разумѣется, въ настоящее время книга Торо утратила свое публицистическое значеніе, хотя идеальная сторона его проповѣди остается незыблемой; и, кромѣ того, повторяемъ, личность его настолько интересна, что съ нею стоитъ познакомиться.

Новое воспитаніе. Школа де-Рошъ. Эдмонда Демолэна. Изданіе „Народной библіотеки" В. Н. Маракуева. М., 1900 г. Ц. 65 коп. Книгѣ Эдмонда Демолэна очень посчастливилось у насъ. О ней говорилось и писалось задолго еще до ея появленія въ русскомъ переводѣ. Такой успѣхъ ея объясняется лишь тѣмъ, что, во-1-хъ, она написана какъ разъ во время всеобщаго оживленія педагогическихъ интересовъ, а во-2-хъ, потому, что въ ней, помимо критики существующаго строя, даны готовые идеалы, каковы бы они ни были сами по себѣ. Не

могли также не произвести впечатлѣнія и личныя свойства Демолэна, какъ публициста-педагога. Это—французъ съ головы до ногъ, сангвиникъ съ большимъ воображеніемъ, способный увлекаться до крайнихъ предѣловъ, а слѣдовательно и увлекать другихъ; но въ то же время о самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ вещахъ онъ говоритъ съ жаромъ и апломбомъ человѣка, открывающаго Америку. Для русскаго педагога книга его не даетъ почти ничего новаго. Не говоря уже о тѣхъ напрасныхъ громахъ и молніяхъ, какіе онъ мечетъ на современную постановку школьнаго дѣла, отрицательныя стороны которой ни для кого въ настоящее время не составляютъ тайны, самые идеалы его оставляютъ еще желать многаго. Увлекшись превосходствомъ англо-саксонской расы надъ французской и рѣшивъ, что причины этого превосходства кроются исключительно въ особенностяхъ англійскаго воспитанія, Демолэнъ въ теченіе четырехъ лѣтъ занимается изученіемъ школьнаго дѣла въ Англіи, преимущественно въ образцовыхъ школахъ Абботсгольмской и Бедальской, затѣмъ рѣшается примѣнить во Франціи систему „новаго воспитанія“ и съ этою цѣлью устраиваетъ школу де-Рошъ. Демолэнъ въ увлеченіи своей идеей, даже упускаетъ изъ виду, что вся англійская раса, превосходство которой не даетъ ему спать, не могла получить воспитанія въ двухъ-трехъ образцовыхъ школахъ, да еще имѣющихъ весьма ограниченный комплектъ воспитанниковъ. Во всякомъ случаѣ, что же особенно плѣнило Демолэна въ англійскихъ школахъ? Что смремится онъ съ такимъ энтузіазмомъ насаждать и пропагандировать на родинѣ? Тутъ-то и обнаруживаются всѣ свойства автора, о которыхъ мы говорили. На ряду съ серьезными и важными сторонами дѣла, онъ увлекается такими пустяками, о которыхъ нельзя читать безъ улыбки, и эти пустяки готовъ возвести въ догматъ. Онъ внѣ себя отъ восторга, когда въ первый вечеръ его пребыванія въ Бедалѣ ученики, отправляясь спать, прощались съ директоромъ, причемъ „каждый изъ нихъ гордо останавливался передъ нимъ, крѣпко пожималъ ему руку, прямо смотря ему въ глаза, точно готовый боксировать“; онъ, какъ дитя, радуется тому, что, по одному изъ требованій одной изъ англійскихъ школъ, учитель „долженъ быть хорошо сложенъ“ и „умѣть хорошо играть въ крикетъ“; онъ съ наивною довѣрчивостью восхищается выдержками изъ ученическаго журнала Бедальской школы, гдѣ ученики во всеуслышанье восторгаются всѣми порядками, — какъ будто забывая, что журналъ ихъ читается начальствомъ.

Мы ничуть не отрицаемъ тѣхъ преимуществъ, какія несомнѣнно имѣетъ англійское воспитаніе: мы только удивляемся наивному апломбу Демолэна, увѣренному и желающему другихъ увѣрить въ своемъ призваніи разрубить гордіевъ узелъ и создать „новую систему воспитанія“ во Франціи. Но гордіевъ узелъ не разрубленъ, хотя Демолэномъ и основана школа де-Рошъ. Какое же тутъ можетъ быть рѣшеніе вопроса, когда за обученіе и содержаніе *одного ученика* Демолэнъ назначаетъ плату ни болѣе ни менѣе, какъ 2,250 франковъ! И не скоро улучшится французская раса, если въ образцовыхъ школахъ будутъ учиться только дѣти, которыя могутъ много платить.

—

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БІОГРАФІИ.

„Исторія культуры“. *Р. Гюнтера.* Перев. съ нѣм.—„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“. *В. А. Жуковскаго.*—„Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго“.—„Древняя русская литература кіевскаго періода XI—XIII вв.“ Проф. *Владимірова.*—„Труды Я. К. Грота“. Т. III.—„Шекспиръ, его жизнь и произведенія“. Георга Брандеса.—Перев. *В. М. Спасской и В. М. Фриче.*—„Новый интерлюдій XVIII в.“. *В. Миллера.*—„Исторія и поэзія“. Историко-литературные этюды. *Мизинова.*—„А. Н. Островскій и его дореформенные типы“. *Ѳ. Нелидова.*—„Русская поэзія“. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Вып. VII.—„Сочиненія“. *А. С. Хомякова.* I—VI, VIII.—„Сочиненія“. *Ю. Ѳ. Самарина.* I. 2-е изд.—„Очерки по исторіи грузинской словесности“. *А. С. Хаханова.*

Исторія культуры. Р. Гюнтера. Пер. съ нѣм. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1901 г. Ц. 1 руб. Культура, по мнѣнію автора, „обнимаетъ всякую дѣятельность человѣка, поскольку она отличается отъ дѣятельности животныхъ. Она началась съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ человѣкомъ“ (стр. 1). Исторія культуры должна поэтому „изобразить прогрессивный ходъ всего человѣчества во всѣхъ сферахъ и отрасляхъ“ (стр. 2). Величію такой задачи вполнѣ отвѣчаетъ высокая оригинальность взглядовъ, положенныхъ въ основу ея рѣшенія. „Человѣческій разумъ немыслимъ безъ рѣчи“, утверждаетъ авторъ (стр. 8), но „созданію языка предшествовало размышленіе“ (ib.). „Главнѣйшая разница между жилищемъ человѣка и животнаго есть крыша“ (стр. 16); „архитектура является древнѣйшимъ видомъ искусства“ (стр. 21), хотя люди пещернаго періода уже рисуютъ и имѣютъ музыкальные инструменты (стр. 37). Правда, они нерѣдко живутъ людоѣдствомъ; но это не болѣе, какъ „извращеніе вкуса“ (стр. 48). Вообще, замѣчаетъ авторъ, „первобытные обычаи и нравы — скорѣе курьезы или подобіе нравовъ“ (стр. 24). Историческія сужденія г. Гюнтера не менѣе самостоятельны. Конфуцій для него „гуманистъ“ (стр. 88), Омайяды же—„кутилы и совершенно неинтеллигентные люди“ (стр. 145). Въ греческихъ государствахъ господствовали патриціи (стр. 174), хотя „преимуществомъ греческой общественности было отсутствіе сословныхъ различій“ (стр. 177). Отношеніе автора къ христіанству проникнуто независимостью. Вліяніе христіанской церкви на римское общество онъ называетъ „ужасающимъ“ (стр. 218). Религія, вообще, враждебна культурѣ (стр. 219)—и до сихъ поръ еще „черные бонзы протестантизма и красные ламы католичества“ мѣшаютъ развитію цивилизаціи (стр. 246). Въ область современности авторъ особенно охотно дѣлаетъ отступленія. „Мы слишкомъ восторгаемся учениками нашими—японцами“ замѣчаетъ онъ: у нихъ, между прочимъ „кропаютъ романы за еще болѣе скудный гонораръ, чѣмъ въ Германіи“ (стр. 94)—зато въ Германіи же, въ деревнѣ, гдѣ живетъ г. Гюнтеръ, на кладбищѣ большой безпорядокъ (стр. 62). Личныхъ склонностей своихъ авторъ отнюдь не скрываетъ. Въ отдѣлахъ „общественная жизнь“ на первомъ мѣстѣ ставитъ онъ „веселые пиры“. Греческую художественную форму онъ сравниваетъ... съ „мокрой простыней, плотно облегающей тѣло купающейся дѣвушки“ (стр. 179), и весьма охотно вспоминаетъ объ „очаровательныхъ гетерахъ—Лаисѣ и Фринѣ“, которымъ столь много обязано греческое искусство“ (стр. 186). Достоинства этой „Исторіи культуры“ отнюдь не поблѣднѣли въ русскомъ изданіи. Переводчикомъ ея оказалось лицо, очевидно родственное автору по духу,—и если увлеченіе модою онъ называетъ „модобѣсіемъ“ (стр. 293), а медвѣдя—„Мишкой и Михаиломъ Ивановичемъ“ (стр. 44), то это лишь вноситъ въ его изложеніе пріятную непринужденность.

Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. В. А. Жуковскаго. Подъ ред. П. А. Ефремова. Спб., 1901 г. Въ 1902 году прекращается право собственности на сочиненія Жуковскаго. Книгопродавецъ Глазуновъ, которому онъ такъ долго принадлежалъ, рѣшилъ, до истеченія срока собственности, выпустить дешевое изданіе и въ послѣдній разъ собрать для себя „мзду". Поручивъ редакцію изданія почтенному библіографу П. А. Ефремову, онъ могъ дать изданіе и полнѣе, и лучше всѣхъ предыдущихъ. Въ него вошли всѣ стихотворенія и прозаическія сочиненія Жуковскаго, провѣренныя по рукописямъ и первымъ изданіямъ. Оно расположено въ хронологическомъ порядкѣ, кромѣ особенно крупныхъ произведеній, которыя отнесены въ особый отдѣлъ. Занятія въ Публичной библіотекѣ, гдѣ хранятся рукописи Жуковскаго, позволили редактору обогатить новое, *десятое* изданіе нѣсколькими новыми произведеніями, впервые напечатанными. Къ изданію приложены 4 фототипическихъ снимка съ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ портретовъ Жуковскаго.

Г. Ефремовъ редактировалъ многія изданія фирмы Глазунова и оказалъ ей вообще существенныя услуги. Въ знакъ благодарности Глазуновъ приложилъ къ настоящему изданію удачный портретъ редактора, его біографію и перечень трудовъ.

Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго. Изд. Н. Зинченка. Спб., 1901 г. Это—чисто-спекулятивное изданіе, сдѣланное очень неряшливо и невѣжественно. Г. Зинченко объявилъ въ газетахъ, что даетъ *всего* Бѣлинскаго за рубль; теперь же за скверно напечатанный томикъ переписки беретъ тоже рубль. Не оговариваясь ни словомъ, онъ печатаетъ небольшую часть переписки великаго критика, причемъ пропущены, наприм., письма къ Бакунинымъ и знаменитое „письмо къ Гоголю", хотя оно почти цѣликомъ было напечатано въ *Мірѣ Божіемъ*. Примѣчанія редактора по большей части курьезны: Надеждину, наприм., онъ придаетъ псевдонимъ „Недоумка" (стр. 18), „А. П. Ефремовъ (котораго постоянно лѣчилъ отъ лимфы и впослѣдствіи чуть не залѣчилъ до конца изъ *своихъ же*, т.-е. принадлежавшій къ кружку и считавшійся чуть не геніемъ, кажется, П. П. Ключниковъ, братъ поэта) въ тотъ же конвертъ вложилъ и свое письмо къ С. С—чу, гдѣ съ своей стороны такъ шутитъ о Бѣлинскомъ"... ib., „Н. Ф. Павловъ, авторъ „Трехъ повѣстей" въ двухъ серіяхъ и пр." (стр. 23, на самомъ дѣлѣ „Три повѣсти"—первый сборникъ, за которымъ послѣдовалъ второй—„вторая серія") и т. д. Тѣмъ, кто интересуется перепиской Бѣлинскаго, придется подождать соотвѣтствующаго тома изданія г. Венгерова.

Древняя русская литература кіевскаго періода XI—XIII вв. Проф. Владимірова. Кіевъ, 1901 г. Проф. Владиміровъ взялся за очень широкую и отвѣтственную задачу—дать научную исторію древне-русской литературы на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и вновь открытыхъ фактовъ—въ сопоставленіи со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано до сихъ поръ по этому вопросу. Въ результатѣ получилась книга очень большая, но нескладная, безсвязная и совсѣмъ не научная. У автора мало исторической перспективы и пониманія связи историко-литературныхъ явленій; ему совершенно чужда идея литературной эволюціи. Онъ располагаетъ произведенія *по родамъ и видамъ*, перебивая хронологическую послѣдовательность, не указывая ни причинъ, ни слѣдствій отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ. Какое *научное* значеніе могутъ имѣть такія суммарныя характеристики, соединяющія (искусственно) разновременное и разрушающія естественную связь явленій? Авторъ излагаетъ содержаніе памятниковъ, по большей части, тускло и вяло, приводитъ безсвяз-

ный библіографическія и историческія подробности, располагая ихъ по чисто внѣшнимъ рубрикамъ. Хотя онъ и поставилъ себѣ между прочимъ „скромную роль“ — „собрать факты древне-русской литературы XI—XIII вв.“, но и этой задачи не выполнилъ: ему осталась совершенно неизвѣстной новѣйшая литература по поводу „Слова о полку Игоревѣ“, „Поученія Мономаха“, „Моленія Даніила Заточника“,—литература, которая, освѣщая отдѣльные факты, затронула и общіе вопросы древне-русскаго литературнаго развитія. Въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Владимірова почему-то перепечатано не разъ перепечатывавшееся первое изданіе „Слова о полку Игоревѣ“. Цѣна книги чрезмѣрно высока (3 руб.).

Труды Я. К. Грота. Т. III. Спб., 1901 г. Въ третій томъ трудовъ Я. К. Грота вошли его очерки изъ исторіи русской литературы, біографіи, характеристики и критико-біографическія замѣтки, кромѣ его капитальныхъ работъ по Державину. Всѣ они были уже напечатаны и теперь, безъ перемѣнъ, собраны въ одномъ очень внушительномъ томѣ. Болѣе значительныя изслѣдованія посвящены Ломоносову, Хемницеру, Карамзину, Жуковскому, Крылову, Плетневу и Пушкину. Въ настоящее изданіе вошли (съ отдѣльной нумераціей) извѣстная книга Я. К.: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. Нѣсколько замѣтокъ посвящено академіи наукъ и ея 2-му отдѣленію.

Съ изданіемъ III-го тома „Трудовъ Я. К. Грота“ (первый—его изслѣдованія по скандинавской литературѣ, второй—филологическія разысканія) задуманное его семьей предпріятіе почти завершено. Это—лучшій памятникъ, который она могла ему создать.

Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Георга Брандеса. Пер. В. М. Спасской и В. М. Фриче, подъ редакціей Н. И. Стороженка, съ пред. и примѣч. редактора. Т. I. М., 1899 г., т. II. М., 1901 г. Цѣна за каждый томъ 1 р. 50 к. Книга Брандеса, первый томъ которой появился еще въ запрошломъ году, только недавно вышла вся въ русскомъ переводѣ. Этотъ трудъ представляетъ собою своеобразное явленіе не только въ шекспировской литературѣ, но и вообще среди историко-литературныхъ изслѣдованій. Авторъ книги не принадлежитъ къ числу тѣхъ осторожныхъ и строгихъ ученыхъ, которые скромно заявляютъ „не знаю“ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наука не даетъ еще достаточныхъ фактовъ для рѣшительнаго отвѣта. Поэтъ, оставившій 40 произведеній, оставилъ достаточно для того, чтобы могли вполнѣ понять его личность. Съ такимъ убѣжденіемъ приступилъ авторъ книги къ изученію великаго англійскаго поэта, и ни отсутствіе біографическихъ данныхъ, ни отсутствіе точно установленной хронологіи пьесъ не могло остановить его при исполненіи этой трудной работы; тамъ, гдѣ нехватало фактовъ, Брандесъ прибѣгаетъ къ догадкамъ, иногда нѣсколько фантастическимъ и смѣлымъ, но всегда остроумнымъ, свидѣтельствующимъ объ огромномъ психологическомъ и художественномъ чутьѣ изслѣдователя. Нечего доказывать, напр., произвольный характеръ догадокъ вродѣ той, которую дѣлаетъ Брандесъ, приступая къ характеристикѣ „Короля Лира“. „Кто можетъ сомнѣваться, говоритъ Брандесъ,—что Шекспиръ съ своей безпредѣльно богатою натурой, сущность которой заключалась въ томъ, чтобы, подобно облаку у Шелли, постоянно давать, вѣчно благодѣтельствовать, безъ конца изливать свѣжіе потоки на жаждущія растенія,—кто можетъ сомнѣваться, что такой благодѣтель въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова постоянно получалъ въ награду самую черную неблагодарность?“ Біографія Шекспира представляетъ мало данныхъ для такихъ смѣлыхъ заключеній;

но несомнѣнно, яркость, съ которой обрисованъ порокъ неблагодарности и муки Лира, даетъ основаніе предполагать, что Шекспиру приходилось испытывать послѣдствія этого порока. Мы не будемъ останавливаться на ошибкахъ и промахахъ, основанныхъ частью на недостаточно тщательномъ знакомствѣ съ огромной шекспировской литературой. Главнѣйшія изъ этихъ неточностей исправлены профессоромъ Стороженкомъ въ приложенныхъ въ концѣ книги примѣчаніяхъ. Замѣтимъ, что, несмотря на эти промахи, послѣ прочтенія книги Брандеса, предъ нами вырастаетъ цѣльный, законченный образъ великаго мыслителя и художника, вѣрный себѣ во всѣхъ деталяхъ, и если нѣкоторыя догадки не поддаются провѣркѣ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ книги правильно постигъ главнѣйшіе моменты въ исторіи духовнаго развитія Шекспира. Но если личность Шекспира, изображенная Брандесомъ, представляетъ собою художественный образъ, возпроизведенный скорѣе поэтомъ, чѣмъ ученымъ, то анализъ шекспировскихъ драмъ и героевъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ лучшимъ мѣстамъ книги Брандеса. Трудно сдѣлать выборъ между этими тонкими, глубокими и оригинальными характеристиками,—до такой степени большинство ихъ воплотили въ себѣ всѣ особенности таланта датскаго критика; но нельзя не остановить вниманіе читателя на двухъ-трехъ изъ нихъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить блестящій разборъ Гамлета. Яркими штрихами нарисована историческая обстановка, въ которой возникло это великое твореніе; авторъ привлекъ сюда все: и трагическія происшествія въ англійской придворной жизни, и философскія идеи того времени; Гамлетъ въ толкованіи Брандеса является воплощеніемъ сомнѣній и думъ той смутной переходной эпохи. Но авторъ не довольствуется этимъ, онъ характеризуетъ знаменитаго героя какъ человѣка новаго времени вообще, объясняетъ, чѣмъ дорогъ былъ этотъ герой послѣдующимъ вѣкамъ, чѣмъ дорогъ онъ нашему времени. Такими же блестящими штрихами обрисована свѣтлая, жизнерадостная обстановка, въ которой возникли комедіи Шекспира. Нельзя не отмѣтить блестящій анализъ Шейлока и проч.

Къ книгѣ приложенъ указатель, составленный тщательно и съ пониманіемъ дѣла. Составитель не ограничился простымъ перечисленіемъ собственныхъ именъ; онъ отмѣчаетъ всѣ главные моменты жизни и творчества Шекспира, такъ что указатель является какъ бы сокращеннымъ конспектомъ книги Брандеса и позволяетъ легко отыскать отвѣты на вопросы, касающіеся Шекспира.

Новый интерлюдій XVIII-го вѣка. В. Миллера. Спб., 1900 г. Интерлюдіями въ старину называли комическія вставочныя сценки между отдѣльными дѣйствіями серьезной школьной драмы. Это—любопытнѣйшіе эмбріоны нашей позднѣйшей бытовой комедіи, до сихъ поръ еще почти не приведенные въ извѣстность и очень мало извѣстные. Въ нихъ часто мелькаютъ черты свѣжаго народнаго юмора, слышится бойкая разговорная рѣчь, ярко вырисовываются устойчивые типы народной жизни. Въ настоящей брошюрѣ, собственно, проф. Миллеръ приводитъ не одинъ, а два интерлюдія. Одинъ изъ нихъ („Могильникъ и Кобылякъ“) является варіаціей уже изданнаго раньше текста, другой („Шапошникъ и мужикъ“) до сихъ поръ не былъ извѣстенъ. Въ немъ разработаны довольно обычная для интерлюдіевъ тема—противоположеніе хитраго, продувного горожанина сельскому простофилѣ, „заозерскому пестерю“. Оба типа прекрасно выдержаны, съ довольно послѣдовательнымъ развитіемъ оттѣнковъ говора. Для XVIII в. подобныя черты народности очень цѣнны.

Исторія и поэзія. Историко-литературные этюды Мизинова. М., 1900 г. Эта книга составилась изъ публичныхъ чтеній въ Ярославлѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, и теперь, вмѣстѣ съ оставившимися въ рукописи, собраны въ одинъ довольно объемистый томъ очень пестраго содержанія: тутъ и Дантъ, и Кавелинъ, Пушкинъ, „какъ историческій беллетристъ"—и „сынъ вѣка",—„Русскіе за границей въ XVII в.", „Какъ жили и умирали лучшіе люди древней Руси", „Двѣ женскія доли" и пр. Не всѣ очерки одинаковой цѣнности: на ряду съ поверхностнымъ, извращающимъ исторію внутренняго развитія великаго поэта очеркомъ: „Пушкинъ—сынъ вѣка" и очень неглубокимъ выясненіемъ „общаго колорита поэзіи Достоевскаго" встрѣчаются дѣльныя работы: „Гончаровъ въ его главныхъ произведеніяхъ", „Кн. В. Ѳ. Одоевскій и его литературная дѣятельность", „Григоровичъ наканунѣ 60-хъ годовъ". Рѣчь г. Мизинова отличается нѣкоторою претенціозностью и аффектированностью; но этотъ недостатокъ нѣсколько искупается содержательностью большинства очерковъ. Читатель не найдетъ въ нихъ ни особенно новыхъ мыслей, ни широкихъ обобщеній, а толковый и продуманный пересказъ уже сдѣланнаго въ литературѣ по даннымъ вопросамъ.

А. Н. Островскій и его дореформенные типы. Ѳ. Нелидова. М., 1901 г. Наша литература объ Островскомъ до сихъ поръ еще чрезвычайно бѣдна. Вся она сводится къ извѣстнымъ статьямъ Добролюбова, до сихъ поръ сохранившимъ всю свою свѣжесть и силу, довольно полной біографіи при собраніи сочиненій и въ „Біографической библіотекѣ" Павленкова, нѣсколькимъ поверхностнымъ очеркамъ (Незеленова, Бураковскаго и др.) и весьма немногочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, чаще всего безцвѣтнымъ и безсодержательнымъ. Для историко-литературной разработки сочиненій Островскаго почти ничего не сдѣлано, еще меньше—для популяризаціи свѣдѣній о немъ въ большой публикѣ. Это заставляетъ отнестись съ тѣмъ большимъ вниманіемъ къ брошюрѣ г. Нелидова *)—попыткѣ новой и очень удачной.

Прекрасно обрисованы условія, въ которыхъ развивался Островскій, своеобразный складъ его характера и міровоззрѣнія, типы его раннихъ пьесъ; кратко, но живо и ярко намѣчено значеніе его литературной дѣятельности вообще и ея перваго періода въ частности. Желательно, чтобы авторъ не остановился на этомъ очеркѣ и статьѣ, помѣщенной въ III кн. *Русской Мысли* за текущій годъ, а продолжалъ дальше свои изученія избраннаго имъ писателя. Ими можетъ воспользоваться и средняя школа, которая, смѣемъ надѣяться, хоть при новомъ режимѣ не будетъ бояться новой литературы и допустить въ свои программы и Островскаго.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Подъ ред. С. А. Венгерова. Вып. VII. Спб., 1901 г. О прежнихъ выпускахъ этого цѣннаго изданія были уже даны своевременно отчеты на страницахъ *Русской Мысли*. VII-й выпускъ посвященъ стихотвореніямъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина. Г. Венгеровъ перепечаталъ всѣ стихотворенія Нелединскаго, изъ изданія его сочиненій (послѣдняго по времени) 1876 г. и прибавилъ 4 стихотворенія, напечатанныхъ позднѣе или вновь разысканныхъ въ старыхъ журналахъ. Кромѣ подробныхъ и обстоятельныхъ библіографическихъ примѣчаній, даны отзывы о Нелединскомъ критиковъ и біографическія свѣдѣнія о немъ. Такимъ образомъ,

*) Одно изъ чтеній для учащихся въ историческомъ музеѣ отъ Педагогическаго Общества.

перечислена или перепечатана вся литература объ этомъ раннемъ представителѣ русской полународной пѣсни. Для изданія стихотвореній Карамзина произведены были новыя библіографическія разысканія, которыя вмѣсто 109 стихотвореній послѣдняго Смирдинскаго изданія дали возможность ввести въ новое 150. Изъ *Энциклопедическаго Словаря* Брокгауза и Ефрона перепечатана краткая біографія Карамзина, написанная П. Н. Милюковымъ, и общая характеристика его литературной дѣятельности, составленная проф. Кирпичниковымъ. Спеціально для изданія г. Венгерова А. І. Лященко составилъ сводъ немногочисленныхъ вообще отзывовъ о Карамзинѣ, какъ о поэтѣ, причемъ отзывы кн. П. А. Вяземскаго, Порфирьева и акад. Жданова выдѣлены въ особыя рубрики. Очень любопытна довольно значительная выдержка изъ литографированнаго курса акад. Жданова, детально выясняется общій духъ поэзіи Карамзина и ея вліяніе на Жуковскаго.

Сочиненія А. С. Хомякова. I—VI, VIII. М., 1900—1901 гг. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. I. 2-е изд. М., 1900 г. Потомки знаменитыхъ славянофиловъ, повидимому, рѣшили напомнить русскому обществу о литературномъ наслѣдіи, основанномъ „словѣнскими первоучителями“. Почти закончено уже полное собраніе сочиненій Хомякова, изящно, даже богато изданное и баснословно дешевое; прекрасно и тоже очень дешево переизданъ первый томъ сочиненій Самарина, давно уже сдѣлавшійся библіографической рѣдкостью. Мы не думаемъ, чтобы этими изданіями могла заинтересоваться большая публика: „славянофильство умерло и не воскреснетъ“; это—давно пережитый моментъ нашей общественной мысли, который можетъ имѣть только историческое значеніе. „Послѣдніе могикане“ славянофильства, конечно, съ этимъ не согласны и глубоко вѣрятъ въ его реальное, жизненное значеніе теперь—или въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ и объясняется оживленіе ихъ издательской дѣятельности, за которую ихъ поблагодарятъ только изслѣдователи-историки русской литературы и культуры.

Въ первый томъ сочиненій Самарина вошли его статьи о польскомъ вопросѣ, полемическія замѣтки противъ *Современника* и *Русскаго Вѣстника*, нѣсколько публицистическихъ статей и историко-литературныхъ очерковъ (о народномъ образованіи, народности въ наукѣ, С. Т. Аксаковѣ, гр. Соллогубѣ и пр.).

Новое изданіе сочиненій Хомякова значительно увеличено сравнительно съ изданіями 1861 и 1882 гг. Въ первый томъ вошли его статьи о Кирѣевскомъ (собственно, Киреевскомъ), философскіе и публицистическіе этюды; во второй — богословскія статьи, въ третій — историческія, историко-литературныя и публицистическія, въ четвертый — трагедіи и стихи, въ пятый и шестой—„Всемірная исторія“, въ восьмой — письма. 7-й пока томъ не изданъ. Особенный интересъ представляютъ 4 и 8 томы: литературныя сочиненія и переписка Хомякова не входили въ прежнія изданія.

Переписка напечатана довольно безпорядочно: нѣкоторыя письма были разысканы во время печатанія и попали не на свое мѣсто; понадобились разныя „приложенія“ и „дополненія“, въ которыхъ тѣмъ труднѣе разобраться, что издатель не счелъ нужнымъ приложить никакого указателя—ни именного, ни хронологическаго.

Очерки по исторіи грузинской словесности. Александра С. Хаханова. Вып. III. М., 1901 г. Ц. 3 р. Настоящій третій томъ обширнаго изслѣдованія г. Хаханова обнимаетъ самый печальный періодъ грузинской литературы, смѣнившій ея золотой вѣкъ. Этотъ періодъ

XIII—XVIII вѣка открывается вторженіемъ въ Грузію Чингизъ-хановыхъ полчищъ. Съ тѣхъ поръ, на протяженіи почти пяти вѣковъ, Грузія не могла избавиться отъ полнаго господства или, по крайней мѣрѣ, сильнаго давленія со стороны иноземцевъ. Нечего и говорить, что въ этотъ періодъ полнаго экономическаго и нравственнаго истощенія страны не могли явиться не только геніальные таланты вродѣ Руставелли, но даже просто сильные, оригинальные писатели, которые въ состояніи были бы воплотить въ своихъ твореніяхъ національныя стремленія и воззрѣнія грузинскаго народа. Грузинская литература наполняется, съ одной стороны, жалкими подражаніями знаменитой „Барсовой кожѣ“, вродѣ, напримѣръ, поэмы „Алгузіани“, написанной неуклюжими стихами и тяжелымъ языкомъ; съ другой—переводами съ персидскаго языка. Только съ XVII в. появляются первые робкіе признаки возрожденія грузинской литературы. „Писатели не ограничиваются переводами изъ сказочныхъ повѣстей персидскаго характера и религіозно-нравственныхъ сочиненій съ греческаго. Произведенія этого вѣка уже отражаютъ даже въ заимствованныхъ сюжетахъ отголоски современности и національной тенденціи“. Къ XVII же вѣку относятся первые слѣды воздѣйствія русской литературы на грузинскую. XVIII вѣкъ, хотя и не возродилъ золотого періода грузинской литературы, тѣмъ не менѣе внесъ много оживленія въ нее и носитъ названіе „серебряной эпохи“. Этотъ періодъ ознаменованъ, съ одной стороны, культурнымъ подъемомъ Грузіи, и съ другой стороны, временнымъ возрожденіемъ политической мощи при царѣ Ираклiи II. Эти два фактора способствовали развитію новой грузинской литературы. Вмѣсто сухихъ, искусственно-дидактическихъ произведеній появляются творенія, въ которыхъ живымъ ключомъ бьютъ горе и радости современности. Въ этомъ вѣкѣ выступаютъ на сцену талантливые писатели вродѣ царя Вахтанга, царевичей Бокара и Вахушти, католикоса Антонія I, С. С. Орбеліани и т. д. Въ грузинской литературѣ замѣчается стремленіе войти въ кругъ общечеловѣческой духовной работы. Зарождается новая школа подъ вліяніемъ русской схоластической образованности, переводятся сочиненія европейскихъ писателей (Вольтера, Монтескье, Вольфа, Расина и друг.). „Грузія,—замѣчаетъ авторъ,—переживаетъ одинъ изъ сильныхъ подъемовъ въ своей жизни, точно это былъ послѣдній симптомъ обреченнаго на гибель организма“.

Кромѣ общаго интереса книги, рисующей ходъ умственнаго развитія одного изъ культурнѣйшихъ народовъ Кавказа, нельзя не отмѣтить, что трудъ г. Хаханова имѣетъ и спеціально-научное значеніе, особенно для сравнительно-историческаго изученія литературы. Въ этомъ отношеніи особенно интересна грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, которая до сихъ поръ не была введена въ кругъ изученія исторіи переводовъ и передѣлокъ Александріи у западныхъ и восточныхъ народовъ. Даже такіе изслѣдователи, какъ Пыпинъ и Александръ Веселовскій не подозрѣвали о существованіи грузинской обработки повѣсти. Г. Хаханову, книга котораго представляетъ интересъ не только для спеціалистовъ, но и вообще для образованныхъ людей, стремящихся не къ дилетантскому, а къ основательному знакомству съ явленіями міровой литературы, можно сдѣлать одинъ упрекъ: у него недостаточно полно и ярко освѣщена историческая обстановка, въ которой возникали тѣ или другія произведенія. Небольшой вступительный очеркъ въ началѣ книги нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ въ этомъ отношеніи,—особенно съ точки зрѣнія русской публики, мало знакомой съ Грузіей и ея исторіей.

АРХЕОЛОГІЯ, ЭТНОГРАФІЯ.

„Матеріалы по археологіи Кавказа“. *Гр. Уваровой.* Вып. VIII.—„Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь“. Этнографическій очеркъ. Состав. *Ѳ. А. Михайловъ.*—„Ингуши“. Антропологическій очеркъ. Д-ра *И. И. Пантюхова.*

Матеріалы по археологіи Кавказа. Могильники Сѣвернаго Кавказа. Графини Уваровой. Вып. VIII. М., 1900 г. Графиня Уварова, предсѣдатель московскаго археологическаго общества, съ честью продолжаетъ изысканіе древностей Кавказа, систематическое изученіе котораго ведетъ свое начало отъ покойнаго графа А. С. Уварова. Не говоря уже о двухъ книгахъ графини Уваровой, посвященныхъ Кавказу подъ заглавіемъ „Путевыя замѣтки“ (М., 1887 и 1891 г.), и нѣсколькихъ ея статьяхъ, касающихся этого края, графиня напечатала два огромныхъ тома Матеріаловъ по археологіи Кавказа, свидѣтельствующихъ какъ о цѣнности собранныхъ данныхъ, такъ и о всестороннемъ ихъ изученіи авторомъ. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду остановиться на недавно выпущенномъ графиней томѣ, обозрѣвающемъ „Могильники Сѣвернаго Кавказа“. Эта почтенная работа, заключающая въ себѣ 381 стр. in folio, съ приложеніемъ карты Сѣвернаго Кавказа, 136 таблицъ и 316 цинкографій, представляетъ собою систематизированный результатъ личныхъ изысканій автора на Кавказѣ, знакомство съ которымъ у графини началось съ 1879 г., и свода всѣхъ свѣдѣній и матеріаловъ по изучаемому вопросу, существующихъ въ научной литературѣ. Графиня для полноты своего труда посѣтила и изучала иностранные музеи и воспользовалась собраніемъ матеріаловъ не только графа А. С. Уварова, но также всѣми данными Эрмитажа въ Петербургѣ, историческихъ музеевъ въ Москвѣ и Тифлисѣ.

Настоящій томъ есть часть задуманной работы. За нимъ послѣдуетъ обозрѣніе: 1) Черноморскаго округа, 2) Дагестана, 3) Закавказья и, наконецъ, 4) Кавказскаго предгорья. Въ отпечатанномъ выпускѣ этой серіи археологическихъ изысканій, почти исчерпывающихъ по данному вопросу матеріалы всего Кавказскаго края, графиня ведетъ свое изложеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Осетія (Тагаурія, Куртагія, Дигорія, Нардское ущелье), Чечня и горскія общества Кабарды. Въ заключеніе приводится особая глава—„Случайныя находки“. Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ значительная часть его отведена осетинскимъ могильникамъ. Такое вниманіе къ нимъ объясняется богатствомъ могильниковъ въ предѣлахъ Осетіи. Въ высшей степени интересная и цѣнная работа графини Уваровой является значительнымъ пріобрѣтеніемъ не только кавказовѣдѣнія, но и вообще археологической науки.

Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. Состав. капит. Ѳ. А. Михайловъ. Подъ редакціей начальника Закаспійской области ген.-лейт. А. А. Боголюбова. Асхабадъ, 1900 г. Маленькая книжка г. Михайлова на 80 страничкахъ небольшого формата захватываетъ слишкомъ много вопросовъ и потому каждаго изъ нихъ касается только вскользь, не давая ни одному надлежащаго освѣщенія. Подобное отношеніе къ дѣлу было бы простительно, если бы книжка была разсчитана для народнаго чтенія или имѣла въ виду просто хотя бы поверхностное ознакомленіе широкихъ круговъ читающей публики съ жизнью далекой окраины; но, повидимому, при составленіи ея имѣлись въ виду болѣе серьезныя цѣли. Въ предисловіи редакторъ книги, ген.-лейт. Боголюбовъ, сообщаетъ, что „настоящій очеркъ вызванъ составленіемъ этнографической карты Закаспійской

области для Парижской выставки 1900 г. Это—первая попытка систематическаго и графическаго изображенія разрозненныхъ и неполныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ составѣ населенія области" (стр. I). Далѣе, по словамъ редактора, составитель книги „выработалъ классификацію, въ которую вошли всѣ народности, обитающія въ настоящее время въ Закаспійской области" (стр. III); правда, этой классификаціи мы, несмотря на всѣ поиски, такъ и не нашли въ книжкѣ, но уже упоминаніе о ней показываетъ, что работѣ желали придать научный характеръ. Какъ выполнена эта задача, можно судить по тому, что киргизамъ отведено всего-на-всего 8 страничекъ и на нихъ говорится и о происхожденіи киргизъ, и объ ихъ антропологическомъ типѣ, и о характерѣ, и о матеріальной культурѣ, и о семейномъ устройствѣ, и о религіи, и т. д., и т. д., при этомъ авторъ настолько обстоятеленъ, что заимствуетъ у А. Н. Харузина перечень 4 хорошихъ качествъ киргизовъ, 13 дурныхъ и 3 безразличныхъ: въ результатѣ, конечно, получается простое пустословіе. Туркмены описаны гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ киргизы, и соотвѣтственныя страницы не лишены нѣкотораго интереса, такъ какъ туркмены до сихъ поръ очень мало привлекали къ себѣ вниманія какъ спеціальной, такъ и популярной этнографической литературы. Однако и очеркъ туркменовъ составленъ весьма поверхностно, и на немъ не мало отразилось офиціальное происхожденіе книги. Въ ней говорится довольно подробно о технической сторонѣ туркменскаго земледѣлія, скотоводства и промышленности; но зато экономическая сторона вопроса оставлена совсѣмъ въ тѣни, если не считать кое-какихъ огульныхъ цифръ, приведенныхъ мимоходомъ и ничего не говорящихъ о благосостояніи и о степени обезпеченности населенія въ хозяйственномъ отношеніи.

Ингуши. Антропологическій очеркъ. Д-ра И. И. Пантюхова. Тифлисъ, 1901 г. Маленькая брошюра д-ра Пантюхова, представляющая отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Кавказскаго отдѣл. географич. общ.", не лишена нѣкотораго интереса. Антропологія различныхъ племенъ Кавказа и въ частности ингушей разработана еще слишкомъ мало, а потому всякіе новые матеріалы въ этой области имѣютъ значеніе. Всего авторомъ измѣрено и обслѣдовано 80 субъектовъ, изъ нихъ 24 дѣтей и 56 взрослыхъ, и какъ ни скромны могутъ показаться эти цифры съ перваго взгляда, при современномъ состояніи антропологіи онѣ вовсе не ничтожны, а собраніе соотвѣтственнаго матеріала стоило не малаго труда. Ингуши характеризуются высокимъ ростомъ (17,13 м.), умѣренной брахицефаліей (головной указатель 82,26), длиннымъ лицомъ, прямымъ носомъ, темными глазами, большой волосатостью всего тѣла и т. д. Послѣднему признаку авторъ придаетъ особенно важное значеніе и, основываясь на немъ, строитъ предположеніе о происхожденіи ингушей отъ татовъ и халдеевъ (айсоровъ); но врядъ ли подобное основаніе можно признать сколько-нибудь достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что такой признакъ, какъ большее или меньшее распространеніе волосъ по тѣлу, сравнительно мало привлекалъ къ себѣ вниманіе антропологовъ и въ очень многихъ случаяхъ совсѣмъ не регистрировался.

Чисто-антропологическому матеріалу г. Пантюховъ предпослалъ кое-какія свѣдѣнія о характерѣ обитаемой ингушами мѣстности и общихъ условіяхъ ихъ быта, но эти замѣчанія слишкомъ кратки и отрывочны и потому не представляютъ серьезнаго интереса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Соціальныя проблемы". *Эд. Бернштейна.* — „Организація труда и трудящихся". *Вернера Зомбарта.*

Соціальныя проблемы. Эд. Бернштейна. Пер. П. С. Когана. М., 1901 г. Ц. 80 к. Не въ первый разъ уже является въ русскомъ переводѣ эта столь нашумѣвшая книга Эд. Бернштейна. Авторъ разбираетъ въ ней матеріалистическое міровоззрѣніе, исторію дохода и т. д. Матеріалистическое пониманіе исторіи и указаніе на роль борьбы классовъ въ ходѣ историческихъ событій—крупное пріобрѣтеніе, сдѣланное Марксомъ; но накопившіеся новые факты и здѣсь требуютъ дальнѣйшаго анализа, дальнѣйшей работы. Необходимо проанализировать, почему классы-побѣдители нерѣдко не пользуются результатомъ своей побѣды въ той мѣрѣ, какъ это они могли бы сдѣлать; есть нѣчто, умѣряющее эту эксплуатацію: это—такъ называемыя нейтральныя группы, и дальнѣйшая эволюція, все болѣе и болѣе дифференцируя населеніе, обезпечиваетъ существованіе по каждому конфликту между нѣсколькими заинтересованными группами нейтральнымъ группамъ, которыя своимъ вліяніемъ могутъ умѣрить степень использованія побѣдителемъ результатовъ его побѣды. Теперь накопился уже обширный матеріалъ для такой работы,—мы имѣемъ въ виду парламентскіе отчеты, въ которыхъ какъ въ зеркалѣ отражается борьба партій. Разработка этихъ данныхъ дала бы богатый матеріалъ для углубленія ученія о классовой борьбѣ и о роли ея въ настоящее время. Такого богатаго матеріала, какимъ мы располагаемъ теперь по разнымъ странамъ, въ рукахъ Маркса не было. Къ сожалѣнію, этого вопроса не касается и Бернштейнъ. Послѣдній совершенно правильно критикуетъ марксистское представленіе объ эволюціи дохода, освѣщаетъ несостоятельность воззрѣнія о скоромъ Zusammenbruch'ѣ, показываетъ бо̀льшую степень приспособляемости современнаго экономическаго строя, чѣмъ предполагали марксисты-ортодоксы,—такъ что всеобщее улучшеніе современнаго хозяйственнаго строя отодвигается въ даль временъ. Затѣмъ Бернштейнъ удѣляетъ много вниманія вопросамъ практической политики. Опять у Маркса нѣкоторые вопросы освѣщены или невѣрно, или односторонне,—напр., хотя бы его воззрѣнія на производительныя и потребительныя товарищества. Въ то время какъ онъ приписывалъ первымъ вліяніе на самыя основы капиталистическаго строя, о вторыхъ онъ говоритъ, что они скользятъ только по поверхности его (стр. 165). Между тѣмъ послѣдующая жизнь показала, какую крупную роль могутъ играть именно потребительныя общества. Но все это говоритъ лишь за то, что человѣческій умъ въ состояніи дѣлать правильные выводы, лишь находясь въ сферѣ дѣйствительныхъ фактовъ, границы же предвидѣнія при современномъ уровнѣ нашихъ экономическихъ познаній даже для такихъ геніальныхъ умовъ, какъ Марксъ, очерчиваются очень узко. И быть можетъ, этотъ слишкомъ смѣлый полетъ за дозволенныя границы предвидѣнія и повредили Марксу. „Выражаясь образнымъ языкомъ,—говоритъ Эд. Бернштейнъ,—Марксъ воздвигъ внутри уже раньше построенныхъ лѣсовъ величественное зданіе; но при этомъ онъ слѣдовалъ научнымъ законамъ строительнаго искусства лишь постольку, поскольку имъ не мѣшало устройство лѣсовъ; но онъ обходилъ или совершенно отвергалъ эти законы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя было соблюдать ихъ, благодаря узкому пространству лѣсовъ. Вмѣсто того, чтобы разрушить лѣса тамъ, гдѣ они являлись преградой для свободнаго возве-

денія зданія, онъ измѣнялъ самое зданіе въ ущербъ его пропорціональности и ставилъ его въ полную зависимость отъ лѣсовъ“ (стр. 294). Вѣрно говоритъ Бернштейнъ, что въ случаяхъ, когда обнаруживается подобный дуализмъ, послѣдователямъ Маркса слѣдуетъ не уничтожать лѣса, но правильно достроить зданіе (стр. 294). Въ настоящее время и нужны обобщающіе умы, чтобы отличать мякину отъ пшеницы и признавать растенія, выросшія не на ихъ, а на чужой почвѣ (стр. 309).

Книга Эд. Бернштейна вполнѣ заслуженно обратила на себя широкое вниманіе, но не столько своей оригинальностью (эти мысли высказывались въ томъ или иномъ видѣ и до него), сколько откровенностью, смѣлостью. Авторъ отважно и открыто бросилъ въ лицо марксизму свои сомнѣнія, несмотря на то, что это вызвало противъ него цѣлую борьбу въ томъ лагерѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Книга *заставляетъ думать,*—а въ этомъ главное значеніе всякой книги. Переводъ сдѣланъ легкимъ и хорошимъ русскимъ языкомъ, такъ что читатель можетъ забыть, что онъ имѣетъ дѣло съ переводомъ.

Организація труда и трудящихся. Вернера Зомбарта. Изд. Б. Звонарева. Спб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ этой книгѣ мы находимъ, кромѣ работы Вернера Зомбарта о промышленномъ трудѣ и его организаціи, еще и брошюру, появившуюся въ прошломъ году подъ названіемъ „Dennoch“. Послѣдняя надѣлала большого шума и представляетъ крупный интересъ; появленія ея въ русскомъ переводѣ нельзя не привѣтствовать.

Та стадія промышленной жизни, которую мы переживаемъ теперь, характеризуется конфликтами между трудомъ и капиталомъ. Много затрачивается мысли на мирное разрѣшеніе этихъ столкновеній, невыгодно отзывающихся какъ на предпринимателяхъ, такъ и на рабочихъ. Въ ряду этихъ средствъ мы находимъ и примирительныя камеры, рабочіе союзы, организаціи особыхъ совѣтовъ изъ представителей отъ предпринимателя и рабочихъ (система Фреезе) и т. д. Книга Зомбарта посвящена одному вопросу, именно: рабочимъ союзамъ, выясненію ихъ роли въ разрѣшеніи этихъ конфликтовъ и вообще къ уясненію значенія рабочихъ союзовъ въ настоящемъ экономическомъ строѣ и возможномъ будущемъ. Несомнѣнно, что рабочіе союзы въ значительной степени вносятъ миръ въ промышленную жизнь: множество мелкихъ недоразумѣній, которыя возникаютъ на почвѣ толкованія договора между рабочими и фабрикантами, разрѣшаются простыми объясненіями секретарей отъ представителей капитала и представителей труда. Мало того, разъ условіе труда санкціонировано рабочимъ союзомъ, то нерѣдко рабочіе черезъ посредство своего союза защищаютъ это условіе даже въ ущербъ своимъ интересамъ; они предупреждаютъ такимъ образомъ столкновенія, которыя при иныхъ обстоятельствахъ, т.-е. если бы рабочіе выступали неорганизованной массой, имѣли бы мѣсто. Такъ—сообщаютъ Веббы и перепечатываетъ Зомбартъ—когда въ Гартельпурѣ чинился пароходъ и рабочіе, занятые непосредственно его починкой, знали, что починка совершается спѣшно, то они, считая этотъ моментъ благопріятнымъ для себя, потребовали повышенія заработной платы. Однако, между союзомъ предпринимателей и союзомъ рабочихъ заранѣе состоялось соглашеніе о размѣрѣ заработной платы. Было телеграфировано со стороны союза предпринимателей въ центральное бюро рабочаго союза, и секретарь его посовѣтовалъ предпринимателямъ повысить заработную плату до требуемаго размѣра. Предприниматель заплатилъ, какъ того требовали рабочіе; но потомъ центральный союзъ рабочихъ потребовалъ отъ фир-

мы счетъ этихъ переплатъ и по окончаніи работы онѣ были потребованы рабочимъ союзомъ отъ тѣхъ рабочихъ, которые ихъ получили, и затѣмъ возвращены предпринимателю, такъ какъ союзъ не считалъ возможнымъ нарушать тѣ условія, какія имъ были ранѣе заключены съ предпринимателемъ. Прибѣгъ же онъ къ такому способу, чтобы предотвратить стачку рабочихъ, а вмѣстѣ съ ней и замедленіе по поправкѣ парохода... Вотъ почему предприниматели иногда настолько цѣнятъ—по крайней мѣрѣ, благоразумная часть ихъ—существованіе рабочихъ союзовъ, что нѣкоторые изъ нихъ, по просьбѣ кассъ рабочихъ союзовъ, сами предварительно удерживаютъ изъ заработной платы тѣ взносы, которые причитаются съ рабочихъ въ пользу ихъ союза. Рабочіе союзы даютъ возможность предпринимателямъ дѣлать въ пользу рабочихъ извѣстныя уступки, такъ какъ самый фактъ существованія подобныхъ союзовъ гарантируетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и другіе предприниматели будутъ вынуждены рабочими союзами предоставить въ пользу рабочихъ тѣ же самыя уступки (стр. 81). Затѣмъ, капиталистическій строй ставитъ все большее и большее количество людей въ зависимость отъ предпринимателя, который становится распорядителемъ или владыкой условій существованія рабочаго; между тѣмъ въ рабочихъ союзахъ рабочіе получаютъ противовѣсъ ихъ власти предпринимателя, и такимъ путемъ они въ состояніи вынудить предпринимателя выслушать ихъ голосъ, они могутъ оказать сильное давленіе на самыя условія работы. Такимъ образомъ, какъ совершенно справедливо говоритъ Зомбартъ, самое ядро проблемы рабочихъ союзовъ состоитъ въ борьбѣ за индустріальный конституціонализмъ противъ индустріальнаго абсолютизма; предприниматель, подъ вліяніемъ рабочихъ союзовъ, превращается изъ автократа въ распорядителя, ограниченнаго рабочими союзами. Развитіе самосознанія въ рабочихъ и идущая параллельно съ этимъ все бо̀льшая и бо̀льшая зависимость ихъ хозяйственнаго существованія отъ предпринимателя составляютъ противорѣчіе, чреватое послѣдствіями для всего общественнаго организма—и рабочіе союзы примиряютъ до извѣстной степени это противорѣчіе. Въ этомъ можно видѣть ихъ консервирующую функцію по отношенію къ современному строю. Рабочіе союзы, такимъ образомъ, имѣютъ своею задачей сгладить тѣ шероховатости, которыми характеризуется современный экономическій строй; но для того, чтобы выполнить эту функцію, они должны являться серьезною силой. Сама промышленная жизнь съ необходимостью вызываетъ рабочіе союзы; распространеніе ихъ отличается характеромъ универсальности, какъ показываютъ самыя цифры организованныхъ рабочихъ: въ Англіи—1 милл. 644 т., въ Германіи—700 т., во Франціи—419 т. и т. д. Авторъ не отвергаетъ политической дѣятельности рабочихъ, но параллельно съ ней подчеркиваетъ важное значеніе рабочихъ союзовъ въ существующихъ рамкахъ экономическаго строя. Если парламентская дѣятельность рабочихъ направляется на измѣненіе самыхъ условій, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ рабочіе, то дѣятельность рабочихъ союзовъ направляется на улучшеніе жизни при существующихъ отношеніяхъ; а такъ какъ капиталистическій строй продлится еще долгое время, то естественно, что эта послѣдняя роль пріобрѣтаетъ особо важное значеніе. „Кто изъ васъ твердо и непоколебимо,—говоритъ Зомбартъ,—вѣрилъ, какъ недавно говорили, что міръ погибнетъ 13 ноября, тотъ, конечно, былъ бы дуракомъ, если бы онъ 12 пошелъ въ сберегательную кассу дѣлать вкладъ, или отдалъ свое бѣлье въ починку, или пригласилъ свою тещу къ себѣ въ гости; кто же, напротивъ, убѣжденъ, что еще много времени пройдетъ, пока капиталистическій строй сойдетъ со

сцены, тотъ будетъ считать необходимымъ приноровиться до извѣстной степени къ существующимъ отношеніямъ". Вотъ съ этой точки зрѣнія Зомбартъ и подвергаетъ своему разсмотрѣнію рабочіе союзы.

Отмѣчая возможность существованія нынѣшнихъ условій въ теченіе неопредѣленно-долгаго времени, Зомбартъ указываетъ, однако, и ростки новой жизни—сильное развитіе кооперацiи, муниципальной дѣятельности, фабричнаго законодательства, попытки регулированія производства. Бодрой надеждой вѣетъ отъ книги Зомбарта.

Капитализмъ и идеалы будущаго вовсе не являются противоположностями, исключающими другъ друга, они скорѣе, до извѣстной степени,—говоритъ Зомбартъ,—могутъ быть осуществлены въ одномъ и томъ же обществѣ.

Изъ того, что будущій строй отодвигается на неопредѣленно долгое время, вовсе не слѣдуетъ, что и самые идеалы будущаго должны капитулировать: они могутъ осуществляться все болѣе и болѣе именно въ рамкахъ капиталистическаго строя. Сущность соціальной эволюціи въ томъ-то и состоитъ, что новый строй медленно развивается въ нѣдрахъ стараго, который еще надолго будетъ накладывать свою печать на всю общественную жизнь... И наши задачи сводятся къ умѣнью подмѣтить зародыши новой жизни въ старой, къ умѣнію поддержать и развить ихъ; но пройдутъ, быть можетъ, еще вѣка, пока изъ этихъ зародышей вырастетъ древо новой жизни.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Ойкологическая географія растеній". Проф. *Е. Варминга.*—„Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій". *А. Щетинскаго.*—„Rapports présentés au Congrès international de Physique reuni à Paris en 1900 sous les auspices de la société française de Physique, rassemblés et publiés par Ch. Ed. Guillaume et Z. Poincaré".

Ойкологическая географія растеній. Проф. Е. Варминга. Введеніе въ изученіе растительныхъ сообществъ. Переводъ съ нѣмецкаго изданія, измѣненнаго и дополненнаго авторомъ, подъ редакціей М. Голенкина и В. Арнольди, прив.-доц. Московскаго университета. Цѣна 3 руб. 50 коп. Капитальное произведеніе проф. Е. Варминга, наконецъ, нашло переводчиковъ и издателей на русскомъ языкѣ. Цѣль книги—изученіе состава и жизни естественныхъ группъ растеній, напримѣръ, лѣсовъ, луговъ и проч. и ихъ распредѣленія по земному шару, а также тѣхъ факторовъ, которые такъ или иначе отражаются на жизни и группировкѣ этихъ растительныхъ сообществъ. Послѣ общаго введенія слѣдуетъ разсмотрѣніе ойкологическихъ дѣятелей и ихъ значенія (составъ воздуха, свѣтъ, тепло, влажность, вліяніе почвы и пр.). Второй отдѣлъ посвященъ вообще сожительствамъ и растительнымъ сообществамъ и содержитъ главы о вліяніи вмѣшательства человѣка на растительныя группы и ихъ распредѣленіе, о сожительствѣ растеній съ животными, растеній съ растеніями, классификацію растительныхъ сообществъ и пр. Остальные отдѣлы посвящены изученію отдѣльныхъ сообществъ растеній (водяныя растенія, сообщества ксерофитовъ, сообщества галофитовъ, мезофитныя сообщества). Въ послѣднемъ седьмомъ отдѣлѣ разсмотрѣно вліяніе борьбы между растительными сообществами. Въ приложеніи къ русскому изданію помѣщены статьи „О почвахъ" и „О русскихъ степяхъ" съ краткими указателями соотвѣтственной литературы. Книга написана для студентовъ-естествоиспытателей и

географовъ и составилась изъ лекцій, читанныхъ Вармингомъ въ Копенгагенскомъ университетѣ, и, конечно, больше всего для этой цѣли и подходитъ. На русскомъ языкѣ книга издана извѣстной уже своей дѣятельностью „Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія". Однако, книгу отнюдь нельзя назвать вполнѣ популярной,—читатель долженъ быть подготовленъ къ чтенію ея предварительно и по систематикѣ (особенно), и по другимъ отдѣламъ ботаники. Переводъ сдѣланъ тщательно и литературно; только кое-гдѣ нѣтъ однообразія въ передачѣ нѣкоторыхъ терминовъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что книгу переводили нѣсколько лицъ.

Въ нѣмецкомъ изданіи нѣтъ рисунковъ; 100 недурныхъ рисунковъ (заимствованныхъ изъ другихъ сочиненій) помогаютъ уясненію текста русскаго языка.

Изданіе этой книги принадлежитъ фирмѣ И. А. Баландина (другія книги коммиссіи издавались т-вомъ И. Д. Сытина) и нельзя сказать, чтобы перемѣна издателя выгодно отразилась на внѣшности изданія: замѣчается нѣкоторое неряшество въ наборѣ, переплетѣ и пр.

Практическое руководство къ собиранію и составленію естественноисторическихъ коллекцій. А. Щетинскаго. Псковъ. Цѣна 1 р. 50 к. Несмотря на малый объемъ (125 стр.), книжка очень содержательна и заключаетъ въ себѣ много полезныхъ совѣтовъ. Цѣнно, конечно, также и то, что авторъ дѣлаетъ указанія на основаніи личнаго опыта; встрѣчаются дѣльныя практическія замѣчанія, которыхъ нѣтъ въ другихъ подобныхъ руководствахъ. Въ книгѣ излагаются способы приготовленія и храненія всевозможныхъ зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ коллекцій и приложенъ очень коротенькій списокъ соотвѣтственной литературы (опредѣлители и пр.) на русскомъ языкѣ. 76 оригинальныхъ рисунковъ очень полно иллюстрируютъ изложеніе.

Rapports présentés au Congrès international de Physique reuni à Paris en 1900 sous les auspices de la société française de Physique, rassemblés et publiés par Ch. Ed. Guillaume et L. Poincaré, secrétaires généraux du Congrès. 3 тома. Во время всемірной выставки въ Парижѣ въ 1900 году собиралось множество конгрессовъ, обсуждавшихъ самые различные вопросы. Одни изъ конгрессовъ прошли почти безслѣдно для науки, оставивъ въ участникахъ воспоминаніе, главнымъ образомъ, о праздникахъ и экскурсіяхъ; другіе же, благодаря трудамъ организаціоннаго комитета, имѣли болѣе важное значеніе. Къ такимъ безспорно принадлежитъ международный конгрессъ физиковъ, трудами котораго могутъ пользоваться не только ученые, принявшіе непосредственное участіе въ этомъ конгрессѣ, но и всѣ физики міра: французское физическое общество, организовавшее этотъ конгрессъ, задалось цѣлью подвести какъ бы итоги того, что пріобрѣтено въ различныхъ отрасляхъ физики; оно обратилось къ извѣстнымъ ученымъ съ просьбой написать обзоръ успѣховъ знанія по своей спеціальности и затѣмъ, по окончаніи занятій конгресса, издало три тома трудовъ конгресса, который представляетъ много интереснаго для всякаго, кто болѣе или менѣе серьезно занимается физикой.

МЕДИЦИНА.

„Основы электродіагностики и электротерапіи. Краткое руководство для врачей и студентовъ“. *Коротнева.* — „Франценсбадъ и его лѣчебныя средства“. *Леопольда Фелльнера.*

Основы электродіагностики и электротерапіи. Краткое руководство для врачей и студентовъ. Коротнева. Москва, 1901 года. Ц. 1 р. 50 к. Руководство раздѣлено на пять частей: въ первой излагаются хотя и кратко, но обстоятельно всѣ необходимыя физическія свѣдѣнія объ электричествѣ; во второй дано описаніе различныхъ инструментовъ, нужныхъ для электротерапевта. Изложеніе этой части рѣзко отличаетъ названное руководство отъ другихъ, сходныхъ; авторъ внесъ сюда личный опытъ; практическіе совѣты, предлагаемые имъ, отличаются своей простотой и исполнимостью и дѣйствительно могутъ научить и помочь разобраться въ различныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ началѣ особенно часто. Надо рекомендовать каждому желающему пріобрѣсти аппаратъ для электротерапіи—внимательно перечитать и усвоить эту часть руководства, что̀ избавитъ отъ излишнихъ тратъ на покупку или негодныхъ, или ненужныхъ инструментовъ. Третья часть содержитъ изложеніе физіологической стороны дѣла; четвертая—электропатологію и электродіагностику; здѣсь особенной обстоятельностью и толковостью отличается изложеніе понятія о реакціи перерожденія. Послѣдняя пятая часть посвящена электротерапіи; здѣсь также видна самобытность автора, личный его опытъ.

Вообще, руководство можетъ быть горячо рекомендовано не только начинающимъ, но и опытнымъ уже электротерапевтамъ.

Франценсбадъ и его лѣчебныя средства. Леопольда Фелльнера. М., 1901 г. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что русскій переводъ его книги дѣлается съ цѣлью „пойти навстрѣчу желаніямъ русскихъ пацієнтовъ“ имѣть его монографію, изданную на русскомъ языкѣ. Первыя главы посвящены описанію географическаго положенія, топографіи, климата и исторіи Франценсбада. Здѣсь весьма обстоятельно излагаются всѣ необходимыя данныя. Въ третьей главѣ передаются свѣдѣнія о лѣчебныхъ средствахъ Франценсбада,—о минеральныхъ источникахъ, грязевыхъ ваннахъ, которыми въ особенности славится Франценсбадъ; при этомъ авторъ излагаетъ не только показанія къ употребленію различныхъ средствъ, но и методы практическаго примѣненія ихъ. Особенной цѣнностью и достоинствомъ отличается четвертая глава: „Рядъ совѣтовъ, касающихся лѣченія въ курортѣ“; здѣсь видны и практическая опытность автора, и здравый смыслъ, а также и то, что „рядъ совѣтовъ“ созданъ не за письменнымъ столомъ кабинета, а выработанъ жизнью и наблюденіемъ. Такими же достоинствами обладаетъ и слѣдующая за тѣмъ глава—курсовая діэта. Далеко не лишнимъ можно считать послѣднюю главу — „Времяпрепровожденія, развлеченія, поѣздки“ и различнаго рода практическія свѣдѣнія относительно условій жизни.

Книга читается весьма легко и можетъ служить лучшимъ руководителемъ для лѣчащихся; желательно было бы, чтобы и наши отечественные курортные врачи позаботились объ изданіяхъ такого рода.

———

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

1) „Утро“. Букварь. 2) „Утро“. Первая книга для чтенія послѣ букваря. 3) „Методика звукосліянія“. Руководство къ букварю и первой книгѣ для чтенія „Утро“. Составл. кружкомъ народныхъ учителей.—„Русская азбука съ приложеніемъ письменныхъ упражненій и церковно-славянскаго букваря“. *В. М. Нохратскаго.*—„Первая книжка сказокъ для дѣтей младшаго возраста“. Изд. *М. Ѳ. Тихомирова.*—„Доступная библіотека“. Пѣсни родины. Сборникъ стихотвореніи. Вып. I, II, III. Изд. *М. Ѳ. Тихомирова.*—„Городокъ“. Сказка. *Н. Юрьина.*—„Хижина дяди Тома“. Бичеръ-Стоу. Перев. *О. Н. Поповой.*—„Роза и Віолетта“. Пер. съ франц. *Н. Дьякова.*—„Въ Центральной Азіи“. Путешествіе Свена Гедина, излож. *А. Анненской.*—„Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ“. Сост. *Д. Котляръ.*

1) Утро. Букварь. 2) Утро. Первая книга для чтенія послѣ букваря. 3) Методика звукосліянія. Руководство къ букварю и первой книгѣ для чтенія „Утро“. Составлены кружкомъ народныхъ учителей. Изданіе А. А. Лапина въ Смоленскѣ. М., 1900 г. Ц. 10 к.+25 к.+20 к., въ папкѣ 15 к.+30 к.+25 к. Какъ *Букварь*, такъ и *Первая книга для чтенія „Утро“* вполнѣ пригодятся для нашей начальной школы. Въ *Букварѣ* сдѣланы нѣкоторыя нововведенія сравнительно съ обычными пріемами начальнаго обученія. Изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразнымъ кажется намъ перемѣщеніе знаковъ ъ и ь съ ихъ обычнаго мѣста прохожденія въ предшественники ознакомленія съ мягкими гласными, что должно облегчить учащимся трудность сліянія согласныхъ съ этими послѣдними. Что же касается до *Первой книги для чтенія*, то въ ней помѣщено много хорошо расположеннаго матеріала, выбраннаго изъ Ушинскаго, Толстого и нѣкоторыхъ другихъ изданій, а также изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Послѣднихъ въ книгѣ много; этого нельзя не признать удачнымъ, такъ какъ ихъ больше всего любятъ дѣти и, кромѣ того, въ нихъ часто повторяются одни и тѣ же слова, что полезно для выработки механизма чтенія. Всегда ясная и почти всегда поучительная тенденція народныхъ сказокъ дѣлаетъ присутствіе ихъ еще болѣе желательнымъ въ подобной книгѣ. Какъ *Букварь*, такъ и *Первая книга* изобилуютъ недурными рисунками, и цѣна ихъ очень не дорога.

Русская азбука съ приложеніемъ письменныхъ упражненій и церковно-славянскаго букваря. В. М. Нохратскаго. Казань, 1900 г. Цѣна 20 коп. Азбука г. Нохратскаго прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіемъ рисунковъ и прописей. Составитель объясняетъ это обстоятельство экономическими соображеніями, такъ какъ, по его мнѣнію, рисунки „составляютъ роскошь, безъ которой легко обойтись“, но подобное объясненіе звучитъ особенно странно въ настоящее время, когда наглядность обученія повсюду выдвигается на первый планъ. Въ остальномъ „Азбука“ г. Нохратскаго не представляетъ ничего оригинальнаго. Къ положительнымъ ея сторонамъ слѣдуетъ, однако, отнести обиліе матеріала для чтенія, который притомъ расположенъ удачно.

Первая книжка сказокъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ на Клязьмѣ, 1900 г. Ц. 15 к., въ перепл. 30 коп. Книжка составлена довольно удачно. Она содержитъ 25 сказокъ, заимствованныхъ изъ сборниковъ Авенаріуса и Аѳанасьева, изъ „Родного Слова“ и книжекъ Толстого. Большинство изъ этихъ сказокъ принадлежитъ къ числу любимыхъ дѣтьми. Печать хороша и книжка недорога. Къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ, лежащій передъ нами экземпляръ сброшюрованъ крайне неряшливо.

„Доступная библіотека“. Пѣсни родины. Сборникъ стихотвореній. Изд. М. Ѳ. Тихомирова. Выпуски: 1-й съ портр. Пушкина и Лермонтова. Ц. 7 к. 2-й съ портрет. Некрасова и Никитина. Ц. 8 к. и 3-й съ портр. Надсона и Плещеева. Ц. 5 к. Владиміръ на Клязьмѣ. 1900 г. Для кого предназначается это изданіе? Повидимому, для народа; объ этомъ свидѣтельствуетъ и самая форма его, въ видѣ маленькихъ книжекъ, и цѣна. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ въ него вошли такія стихотворенія, какъ „Вакхическая пѣснь“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ и „Предчувствіе“ Пушкина, совершенно недоступныя пониманію малоразвитого человѣка или такое, напримѣръ, эротическое, по меньшей мѣрѣ, стихотвореніе, какъ „Ожиданіе“ Будищева? Если же мы ошибаемся и изданіе предназначается не для народа, то для кого? Кто же станетъ покупать и читать эти книжки, содержащія въ себѣ нѣсколько десятковъ стихотвореній или общеизвѣстныхъ, т.-е. принадлежащихъ перу нашихъ большихъ поэтовъ, или же совсѣмъ неизвѣстныхъ, но плохихъ?

Городокъ. Сказка. Н. Юрьина. Рисунки С. Малютина. 1900 г. Сказка г. Юрьина представляетъ собою неудачную поддѣлку и подъ сказку и подъ дѣтскій языкъ. Сказочнаго въ ней нѣтъ ровно ничего, потому что нельзя назвать сказкой самый случайный и неожиданный наборъ разныхъ несообразностей, не освѣщенныхъ притомъ ни искрой фантазіи. Что же касается до формы и до языка, то въ этомъ отношеніи авторъ обнаруживаетъ необыкновенную любовь къ уменьшительнымъ именамъ, чѣмъ, повидимому, надѣется попасть въ тонъ дѣтскаго разсказа. „Окошечко“, „булочки“, „ветчинка“, „щечки“, „губки“ встрѣчаются въ его сказкѣ на каждомъ шагу; это, конечно, не подкупитъ маленькаго читателя, который не проститъ автору нелѣпаго разсказа. Впрочемъ, стихъ сказки (она написана стихами) довольно легокъ, и издана она хорошо, хотя рисунки г. Малютина и отличаются модными „декадентскимъ“ характеромъ.

Хижина дяди Тома. Бичеръ Стоу. Сокращенный переводъ О. Н. Поповой съ 18 рисунк. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 25 коп. Знаменитый англійскій романъ изложенъ г-жей Поповой весьма удачно и живо, — насколько это возможно въ сильно сокращенной передѣлкѣ. Тутъ можно найти всѣ наиболѣе яркіе и выразительные моменты изъ жизни героевъ *Хижины дяди Тома*, причемъ общая нить событій сохранена по возможности цѣльно. Разсказу предшествуетъ небольшое предисловіе, въ которомъ дается понятіе объ авторѣ романа и о причинахъ, побудившихъ Бичеръ Стоу взяться за перо; а въ концѣ книжки переводчица указываетъ на ту роль, какую сыгралъ этотъ романъ въ дѣлѣ освобожденія негровъ. Книжку можно порекомендовать для начальныхъ школъ.

Роза и Віолетта. Разсказъ для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Переводъ съ французскаго. Н. Дьякова. М., 1899 г. Неизвѣстный французскій авторъ (имя его не названо переводчикомъ) надѣется, что, прочтя его разсказъ, посвященный его дочерямъ, эти послѣднія сдѣлаются „благоразумными и послушными“; переводчикъ же г. Дьяковъ также въ свою очередь посвящаетъ его „милымъ своимъ дочерямъ, съ увѣренностью, что онѣ вынесутъ изъ этого разсказа то удовольствіе, которое получается отъ сознанія пріобрѣтенной для себя пользы и подмѣченной морали“. Не знаемъ, насколько оправдались надежды автора и переводчика; но во всякомъ случаѣ можемъ констатировать тотъ фактъ, что разсказъ дѣйствительно переполненъ самой нравоучительной моралью, и если бы онъ

былъ написанъ 50 лѣтъ назадъ, то, вѣроятно, имѣлъ бы успѣхъ. Въ настоящее же время, именно благодаря этой самой морали, онъ скученъ, хотя написанъ не безъ живости. Изданъ онъ хорошо; цѣна не обозначена.

Въ Центральной Азіи. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 гг. въ Памиръ, Тибетъ и Восточный Туркестанъ. Излож. А. Анненской. Со многими рисун. и картой. Библіотека „Всходовъ". Ц. 1 р. 50 к. Спб., 1900 г. Г-жа Анненская въ своей книжкѣ даетъ подробное изложеніе путешествія норвежскаго ученаго Свена Гедина, предпринятаго съ цѣлью изслѣдованія внутреннихъ областей Азіи. Такія области, какъ громадная пустыня Гоби, Памиръ, Тибетъ, и по сіе время представляютъ для изслѣдователей обильный матеріалъ, такъ какъ многія мѣста ихъ въ силу своей недоступности такъ же мало извѣстны, какъ и крайнія полярныя страны. Свенъ Гединъ отправился въ свое далекое и исполненное трудностей путешествіе послѣ самой тщательной подготовки. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимался всестороннимъ изученіемъ географіи Центральной Азіи въ Берлинскомъ университетѣ, знакомился со всѣмъ, что написано объ этой странѣ прежними путешественниками и даже предпринялъ двѣ подготовительныхъ поѣздки въ Персію и русскій Туркестанъ съ цѣлью изученія мѣстныхъ нарѣчій и ознакомленія со способами передвиженія. Такимъ образомъ, онъ выступилъ во всеоружіи на многотрудное поприще изслѣдователя дикихъ азіатскихъ скалъ, что̀, на ряду съ большимъ запасомъ энергіи и выносливости, дало ему возможность успѣшно довести до конца экспедицію и сдѣлать рядъ цѣнныхъ открытій. Въ описаніи своего путешествія онъ весьма живо рисуетъ природу средне-азіатскихъ странъ, нравы жителей, насколько ему позволяло знакомство съ этими послѣдними, а также различныя перипетіи опаснаго путешествія. Г-жа Анненская удачно воспользовалась матеріаломъ, причемъ часто и весьма кстати цитируетъ автора, обладающаго образнымъ языкомъ и описательнымъ талантомъ. Книгу ея можно порекомендовать для чтенія какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Крыша міра. Описаніе центральной Азіи. По Пржевальскому, Гедину и Саваджу. Состав. Д. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. 1900 г. Ц. 80 коп. Составительница умѣло воспользовалась матеріаломъ, и книжка ея съ интересомъ прочтется, особенно дѣтьми старшаго возраста. Центральная Азія съ ея грозными пустынями и недоступными горами много говоритъ воображенію, а тѣ опасности, которыя выпадаютъ здѣсь на долю смѣлаго путешественника и которыми такъ изобиловали экскурсіи всѣхъ трехъ авторовъ, дали г-жѣ Котляръ достаточное количество интересныхъ подробностей. Въ результатѣ получилась довольно обстоятельная и живая картина природы и быта Средней Азіи, насколько это возможно въ небольшой книжкѣ. Разсказы могутъ быть хорошимъ пособіемъ въ гимназіяхъ при прохожденіи географіи Центральной Азіи.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство", *май.*—„Міръ Божій", *іюнь.*

Въ разсказѣ г-жи Дмитріевой „Мечта", помѣщенномъ въ апрѣльской и майской книгахъ *Русскаго Богатства*, передъ читателемъ—два крымскихъ грека: Ламбро Стафилати и Христо Карапузи. Въ городѣ, гдѣ жилъ

Ламбро, не было человѣка, который могъ бы считаться бѣднѣе его; Кристо же умѣлъ извлекать пользу рѣшительно изъ всего окружавшаго, почему и богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Когда-то Кристо и Ламбро учились въ одной школѣ, но это не помѣшало, разумѣется, товарищамъ совершенно отличаться другъ отъ друга и характерами, и всѣми вообще душевными качествами. Ламбро былъ женатъ на красавицѣ Графѣ и имѣлъ двухъ дѣтей; Кристо пользовался расположеніемъ дамъ, благодаря своей „вертлявости“ и недурной наружности. Ламбро работалъ, не жалѣя своихъ могучихъ рукъ и широкой спины; Кристо предпочиталъ поменьше работать и копить, не всегда честнымъ образомъ, деньги, Ламбро, наконецъ, былъ совѣстливымъ, деликатнымъ и благороднымъ человѣкомъ; Кристо же могъ назваться грубымъ эгоистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Семья не позволила Ламбро добиться чего - нибудь получше поденной работы, и онъ таскалъ кули, какъ турецкій хамалъ, т.-е. носильщикъ, причемъ заработокъ исчезалъ, далеко не удовлетворяя ни его потребностей, ни потребностей семьи. Жена его стала все больше и больше приходить въ уныніе отъ всякихъ лишеній, а иногда и плохой ѣды. Тогда-то у Ламбро, который былъ потомкомъ цѣлаго поколѣнія рыбаковъ, возникъ планъ пріобрѣсти лодку и съ помощью ея доставать деньги въ избыткѣ. Его жена сочувственно отозвалась на такой планъ, и оба рѣшились откладывать всѣ лишніе гроши, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, на покупку лодки, которая должна была назваться „Мечтой“. Накапливаніе грошей шло однако туго, а потому Ламбро охотно согласился на предложеніе Кристо ѣхать съ нимъ на рыбную ловлю въ Туакъ, за Алушту. Поѣздка эта сулила обогащеніе Кристо, который, видя въ Ламбро опытнаго рыбака и хорошаго работника, взялъ его въ компаньоны на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ. Въ февралѣ Кристо съ Ламбро отправились на ловлю, и она пошла было довольно удачно; но однажды Ламбро съ рыбакомъ-товарищемъ былъ настигнутъ снѣжнымъ штормомъ, и въ то время какъ Кристо отдыхалъ на берегу въ лачугѣ, Ламбро спасся отъ неминуемой смерти, только благодаря случайности; товарищъ же его погибъ. Но Ламбро всетаки пришлось вернуться домой калѣкой. Во время снѣжнаго шторма онъ побывалъ подъ лодкой, вслѣдствіе чего вынесъ тяжелую болѣзнь, и когда появился дома, то, при взглядѣ на мужа, Графа ахнула и залилась слезами: „передъ ней стоялъ не Ламбро, а какой-то совсѣмъ другой человѣкъ, худой, какъ мертвецъ, съ землистымъ лицомъ и глубоко запавшими глазами“. Работать онъ нѣкоторое время не былъ въ состояніи, и мысль о пріобрѣтеніи „Мечты“ надо было отложить, такъ какъ часть денегъ, привезенная имъ съ рыбной ловли, прожита была очень скоро. Что касается до другой части, то Кристо не отдалъ ея Ламбро, потому будто бы, что истратилъ ее на его же лѣченіе. Не отдалъ онъ и заработка другого рыбака, погибшаго во время снѣжнаго шторма, увѣряя, что отослалъ деньги дочери этого рыбака. На самомъ дѣлѣ и деньги Ламбро, и деньги другого рыбака Кристо прикарманилъ себѣ, и онѣ, конечно, пригодились ему не только для пріобрѣтенія новой лодки, которую, въ насмѣшку надъ Ламбро, онъ назвалъ „Мечтой“, но и для постройки цѣлаго дома. Ламбро пробовалъ требовать деньги отъ Кристо, но ничего не добился, потому что на сторонѣ Кристо ,какъ богача, оказались рѣшительно всѣ въ городѣ. Объясняясь съ Кристо наединѣ, Ламбро въ сердцахъ плюнулъ ему въ лицо за мошенничество, и Кристо затаилъ про себя злобу на Ламбро, такъ что радость его не имѣла границъ, когда Ламбро пришелъ работать, за неимѣніемъ другого заработка, на по-

стройкѣ дома Кристо. Этотъ послѣдній торжествовалъ все больше и больше и заранѣе лелѣялъ мысль, какъ униженъ будетъ Ламбро, когда домъ будетъ готовъ. Но судьба рѣшила другое. Встрѣтившись съ Кристо въ кофейной, Ламбро, въ припадкѣ ненависти къ своему бывшему школьному товарищу, сначала поговорилъ съ нимъ крупно, а потомъ хотѣлъ было и подраться, но былъ вытолкнутъ изъ кофейной. Этотъ моментъ оказался для него роковымъ. Его надорванное здоровье не вынесло, онъ упалъ на порогѣ своего дома, обливаясь струей крови, хлынувшей изъ его рта, и умеръ. Въ довершеніе всего Кристо, который укралъ у него деньги, здоровье, завѣтное названіе лодки, укралъ и жену: Графа не устояла противъ Кристо и измѣнила ради него своему мужу, еще при жизни этого послѣдняго. Надо однако прибавить, что Кристо не до конца остается негодяемъ: послѣ смерти Ламбро онъ испытываетъ сильнѣйшія муки и упреки совѣсти.

Горькія исторіи, подобныя исторіи Ламбро, случаются часто, и г-жа Дмитріева прекрасно изобразила одну изъ нихъ. Она очень ясно показала различіе характеровъ Ламбро и Кристо. Читатель живо видитъ отсутствіе какого бы то ни было разсчета со стороны Ламбро, почему этотъ послѣдній и отдается увлеченіямъ, характеризующимъ всякую благородную натуру. Интересъ разсказа г-жи Дмитріевой заключается столько же въ иллюстраціи власти достатка на землѣ, сколько въ обрисовкѣ двухъ типичныхъ представителей человѣческаго рода, изъ которыхъ одинъ всегда проигрываетъ, тогда какъ другой постоянно выигрываетъ. Здѣсь слѣдуетъ еще прибавить, что если особенно рельефно выступаютъ въ разсказѣ Ламбро и Кристо, то не остаются въ тѣни и Графа съ рыбакомъ Ефимомъ, погибшимъ во время снѣжнаго шторма. Первая представляетъ собой еще совсѣмъ молодую женщину, которая не можетъ оставаться равнодушной ко всему, что манитъ и привлекаетъ молодость; второй являетъ собой злосчастнаго человѣка, который неудачно женился, неудачно жилъ у себя на родинѣ, неудачно же искалъ себѣ счастія на чужбинѣ. Съ трогательной теплотой описана любовь Ефима къ его дочери Стешѣ, этой единственной его привязанности на землѣ; впрочемъ, отъ разсказа вообще вѣетъ теплотой, сердечностью и задушевностью.

До нѣкоторой степени на тему о значеніи въ жизни человѣческой заработка и денегъ написаны и воспоминанія г. Карабчевскаго, подъ заглавіемъ: „Первая защита“, помѣщенныя въ майской книгѣ *Русскаго Богатства*. Сознаніе,—разсказываетъ авторъ,—что „жизнь для жизни намъ дана“, и что не надо спѣшить запрягаться за какое-нибудъ обязательное дѣло, могло продолжаться очень не долго: понадобился заработокъ, а слѣдовательно, приходилось взяться за умъ, и „по зрѣломъ размышленіи“ г. Карабчевскій рѣшилъ, что ему „не остается иного выбора, какъ адвокатура“. И вотъ по необходимости авторъ долженъ былъ пройти рядъ шаговъ, чтобъ поступить въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Благодаря знакомству, онъ получилъ очень скоро и кліента. Первая защита даже настолько удалась автору, что доставила ему новаго кліента; но любопытно другое: передавая свое душевное состояніе до и послѣ своей первой защиты, авторъ коснулся вереницы ненормальностей и чисто чиновничьяго отношенія, которыя существуютъ въ судебномъ мірѣ. Деньги и заработокъ—это главное; все же остальное пусть идетъ и совершается какъ-нибудь, лишь бы было по формѣ. Эта сторона дѣла тѣмъ опредѣленнѣе выступаетъ въ воспоминаніяхъ г. Карабчевскаго, что самъ онъ, давая отчетъ о своихъ первыхъ опытахъ на поприщѣ адвокатуры, рисуется слишкомъ мало искушеннымъ и преисполненнымъ первобытной

чистоты и невинности. Получается такимъ образомъ контрастъ, и читатель не можетъ не сдѣлать грустнаго вывода, что и въ судебныя учрежденія проникла эта всеразъѣдающая ржавчина—формализмъ.

Что касается очерка г. Айзмана, помѣщеннаго въ той же книгѣ *Русскаго Богатства* и озаглавленнаго „Немножечко въ сторону“, то онъ интересенъ главнымъ образомъ, благодаря центральной фигурѣ героя Саула Ароновича. Мѣсто дѣйствія — городокъ Вознесенскъ, гдѣ Саулъ Ароновичъ открылъ школу для еврейскихъ мальчиковъ. Было бы ошибкой предположить, что этотъ Саулъ Ароновичъ—какой-нибудь гешефтмахеръ, который думаетъ о корыстныхъ интересахъ и хочетъ обогатиться. Родители дѣтей, учащихся въ школѣ Ароновича, воздерживались отъ платы за ученіе съ чрезвычайною стойкостью: „бѣдняки не платили по бѣдности, богачи—по соображеніямъ высшаго порядка“. Обогатиться при такихъ условіяхъ было рѣшительно невозможно, и Ароновичемъ руководило только желаніе принести „ощутительную пользу“. Когда послѣ погрома въ сосѣдней губерніи, оттуда явился меламедъ, чтобы конкуррировать съ Ароновичемъ, этотъ послѣдній огорчился, конечно, потому что его дѣла приняли очень дурной оборотъ, но огорчился главнымъ образомъ за судьбу предпринятаго имъ въ это время труда. Дѣло въ томъ, что онъ рѣшилъ составить ключъ къ учебнику французскаго языка Марго, и этому труду мудрено было прійти къ благополучному концу, такъ какъ его авторъ сидѣлъ безъ копейки и во всемъ нуждался. Вообще Саулъ Ароновичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ незаурядныхъ людей, которые вѣчно въ глубинѣ души стремятся къ чему-то „необыкновенному, выходящему изъ рамокъ будничной, прозаической обыденности“. Такимъ образомъ, когда школа его была закрыта, а ключъ къ Марго оказался давно уже составленнымъ, и самъ онъ принужденъ былъ переѣхать въ Одессу, гдѣ для него наступило матеріальное благополучіе, такъ такъ онъ сталъ преподавать древнееврейскій языкъ, то онъ вовсе не счелъ себя удовлетвореннымъ. Матеріальное благополучіе было для него только прозябаньемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придумалъ себѣ новаго занятія. Онъ принялся за составленіе книги, подъ названіемъ: „Мораль въ пословицахъ іудеевъ и христіанъ, или параллельный сборникъ поученій, прибаутокъ и поговорокъ съ точки зрѣнія сравнительной нравственности“. Книга съ такимъ длиннымъ заглавіемъ должна была, по глубокому убѣжденію автора, разсѣять прискорбное недоразумѣніе въ общераспространенномъ взглядѣ русскихъ на евреевъ, такъ какъ въ ней Ароновичъ хотѣлъ доказать, что мораль русскихъ и евреевъ одна и та же. Много хлопотъ пришлось употребить Саулу Ароновичу при изданіи „Сборника“, и въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, отказывая себѣ во всемъ, издать его на собственныя средства. Но „Сборникомъ“ не кончилось стремленіе Ароновича принести „ощутительную пользу“ ближнимъ. Одно за другимъ задумываются имъ новыя сочиненія—и „Назидательные и правдивые разсказы изъ старины“, и „Толковый указатель“ по еврейской библіографіи. Однимъ словомъ, что бы ни окружало Саула Ароновича и какъ бы ни текла повседневная жизнь его со всѣми мелочами, докучными и назойливыми, онъ твердо шелъ противъ теченія съ однимъ желаніемъ—сдѣлать что-либо нужное и полезное, или, какъ онъ выражался, „отклонить себя немножечко въ сторону“. Временами онъ готовъ былъ проявить почти геройское самопожертвованіе, и особенно это обнаружилось передъ самой его смертью: голоданіе, недоѣданіе и тяжелая умственная работа дали, конечно, себя знать и настолько разрушили его здоровье, что онъ долженъ былъ лечь въ больницу; но онъ и тутъ не унываетъ.

и наканунѣ смерти распространяется все на ту же тему, что „нечего себя выдвигать впередъ“ и необходимо „отклонить себя немножечко въ сторону“.

Въ лицѣ своего „золотого человѣка“, г. Айзманъ даетъ любопытный типъ изъ еврейскихъ нравовъ. Въ положеніи евреевъ такъ мало условій, благопріятныхъ для существованія среди нихъ идеалистовъ, что, казалось бы, только недюжинный по своимъ дарованіямъ еврей можетъ представлять собою исключеніе, и, будучи такимъ исключеніемъ, онъ добивается осуществленія своей идеи съ фанатическимъ упорствомъ и настойчивостью. Однако, герой очерка „Немножечко въ сторону“ доказываетъ другое: онъ—вполнѣ средній и скромный человѣкъ, онъ не болѣе, какъ школьный учитель, а между тѣмъ въ теченіе всей своей жизни обнаруживаетъ удивительный идеализмъ. До конца дней своихъ онъ считаетъ благословеніемъ Божьимъ дѣлать кому-нибудь добро, до конца дней своихъ онъ возстаетъ противъ „шкурнаго эгоизма“, противъ „угожденія утробѣ“ и противъ „потемокъ“. Надо замѣтить здѣсь, что авторъ очерка не допускаетъ въ своемъ произведеніи никакой фальши и никакихъ преувеличеній,—напротивъ, онъ относится къ своему герою съ такимъ оттѣнкомъ юмора, онъ показываетъ его мило-смѣшныя черты, и жизненность типа Саула Ароновича является вполнѣ правдоподобной. Если къ сказанному прибавить, что г. Айзманъ довольно обстоятельно описываетъ черты жизни въ городѣ съ еврейскимъ населеніемъ, которую онъ знаетъ, повидимому, прекрасно, то достоинства его очерка будутъ исчерпаны.

Нельзя обойти молчаніемъ повѣсти г. Бориса Гегидзе, законченной въ майской книжкѣ *Русскаго Богатства* и носящей названіе *Софья Пушкарева*. Авторъ, повидимому, писатель начинающій. Къ сожалѣнію, особенныхъ надеждъ онъ рѣшительно не подаетъ. Его повѣсть затрогиваетъ небезынтересную тему, но авторъ обработалъ ее блѣдно, въ духѣ рабской подражательности Л. Н. Толстому. Передъ читателемъ проходитъ на длинной вереницѣ страницъ исторія женщины, пустоцвѣта въ полномъ смыслѣ этого слова. Красота, любовь мужчинъ, такъ называемые успѣхи и флиртъ, обезпеченность, благодаря мужу, занимающему высокую судейскую должность, ничегонедѣланье,—вотъ что наполняло до поры до времени жизнь Софьи Пушкаревой; но настала пора, Софья Пушкарева постарѣла, мужъ ея умеръ, единственная дочь вышла замужъ, и потянулись дни безконечной пустоты, тоски и скуки. Когда вышла замужъ Лиля, дочь Софьи Николаевны, у нея не осталось никого и ничего, кѣмъ или чѣмъ она могла бы жить. „И вотъ, находясь среди большого города и имѣя массу знакомыхъ, Софья Николаевна стала жить одна безо всякихъ интересовъ, потому что личная ея жизнь была кончена, а жизнь другихъ, кромѣ Лили, совсѣмъ не интересовала ея“. Главное, что губительнымъ образомъ отразилось на всемъ существованіи Софьи Николаевны,—это отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ, и потому остатокъ ея жизни былъ сплошной мукой, а когда она умерла, разговоровъ о ней хватило всего на нѣсколько минутъ, и закончились они стереотипной фразой одного изъ разговаривающихъ: „Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а живымъ надо жить“. Что такихъ жизней, какова жизнь Софьи Николаевны, достаточно, этого не приходится доказывать; изображались онѣ неоднократно въ литературѣ, и гораздо талантливѣе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Борисъ Гегидзе.

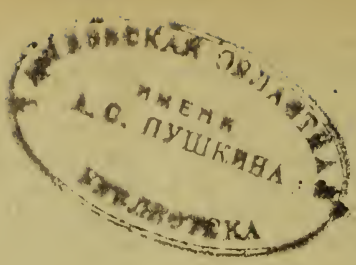
Нѣсколько растянута оконченная въ іюньской книгѣ *Міра Божьяго* повѣсть г. Альбова *Сирота*. Впрочемъ, многія главы ея читаются легко и производятъ впечатлѣніе. Достойна вниманія и самая мысль, положен-

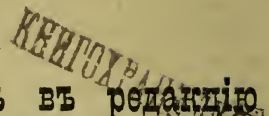
ная въ основаніе повѣсти. Сиротливость и одиночество всегда ужасны, такъ какъ всегда противорѣчатъ естественной потребности человѣка имѣть общеніе и находиться въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ; когда же сиротой оказывается такой неповинный въ своемъ поведеніи и неотвѣтственный за свои поступки человѣкъ, какъ Павелъ Ивановичъ Елкинъ, герой повѣсти г. Альбова, онъ не можетъ вызвать къ себѣ рѣшительно ничего, кромѣ состраданія, и за него становится положительно жутко. И по своему воспитанію, и по всѣмъ особенностямъ своей чиновничьей жизни онъ ни въ чемъ не можетъ проявить своей самостоятельности; онъ представляетъ собой олицетвореніе беззащитности, и поэтому его жизнь является для него какимъ-то бременемъ, тяжесть котораго увеличивается до крайнихъ размѣровъ вслѣдствіе того, что ему не отъ кого позаимствоваться увѣренностью и рѣшимостью.

Въ іюньской же книгѣ *Міра Божьяго* стоитъ отмѣтить очерки недавняго прошлаго, г. Яблонскаго, подъ названіемъ *Изъ гимназической жизни*. И сцены, и люди въ этихъ очеркахъ весьма живы. Сцена, напримѣръ, появленія класснаго наставника въ квартирѣ ученика Мельникова, сына прачки, очень ярка. Тонкая характеристика и Мельникова во все время пребыванія у него класснаго наставника, и самого класснаго наставника, который пришелъ произвести наблюденіе за образомъ жизни ученика, а уходитъ въ страхѣ, что принесетъ домой заразу отъ прачки, занятой мытьемъ бѣлья,—эта характеристика показываетъ, что авторъ прекрасно знаетъ и понимаетъ предметъ своего изображенія. Чрезвычайно хороши также и директоръ Чеботаевъ, и смѣлый, остроумный ученикъ Трубчевскій, и заика-ученикъ Харламовъ. Вообще, очерки обѣщаютъ быть весьма интересными: гимназическая жизнь недавняго прошлаго очень богата всякими „любопытными“ и „сверхъестественными“ данными.

Московская областная библиотека имени А. С. Пушкина

Книгохранилище





Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1901 г.

Адамовичъ, С. Разложеніе алгебраическихъ выраженій на множители. Теорія и задачи. Спб., 1901 г. Ц. 40 к.

Арепьевъ, Н. Организація общеобразовательныхъ экскурсій въ средней школѣ. М., 1901 г.

Березинъ, Н. 1) Въ когтяхъ халифа. Ц. 50 к. 2) Приключеніе въ пустынѣ. Ц. 40 к. Спб., 1901 г.

Бломейеръ, Адольфъ. Культура хлѣбовъ. Перев. съ нѣм. М. А. Энгельгардта, съ предислов. И. А. Стебута. Вып. I и II. Спб. Изд. журн. „Хозяинъ“.

Богдановъ, А. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Спб., 1901 года. Ц. 1 р.

Бородинъ, Н. А. Предварительный отчетъ объ изученіи рыбныхъ промысловъ на Азовскомъ морѣ. Спб., 1901 г.

Брандтъ, Б. Ф. Иностранные капиталы. Ч. III и IV. Спб., 1901 г. Ц. 3 р.

Волкова, Е. Аравія и Магометъ. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. Ц. 40 коп. М., 1901 г.

Волынскій, М. Н. Всесословная волость, какъ судебно-административная и земская единица. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.

Вольфъ, Эмиль. Раціональное кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ на основаніи новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій. Изд. журнала „Хозяинъ“. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Воротынскій, Б. И. Исторія въ наукѣ и въ жизни. Казань, 1901 г. Ц. 35 к.

Вѣтринскій, Ч. „Божьи дѣти“. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1901 г. Ц. 7 к.

Гельмольшъ, Г. Ф. Всемірная исторія. Вып. III, IV, V и VI. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. М., 1900 г.

Граціановъ, П. А. Очеркъ врачебно-санитарной организаціи русскихъ городовъ. Минскъ, 1899 г. Ц. 50 к.

Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи лѣтомъ 1900 г. Изд. воронежск. губерн. земства. Воронежъ, 1901 г.

Дживелеговъ, А. К. Городская община въ средніе вѣка. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. М., 1901 г. Ц. 50 к.

Зубрилинъ, А. А. Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ. Изд. И. И. Горбунова-Посадова. М., 1901 г. Ц. 1 р. 10 к.

Корелинъ, М. С. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Издан. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.

Карменъ. Дикари (изъ жизни обитателей Одесскаго порта). Изд. Свистунова. Одесса, 1900 г. Ц. 35 к.

Кривенко, С. На распутьи. Изд. 2-е. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1901 г. Ц. 80 к.

Кулябка, С. Н. Общественно-этическія замѣтки. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова М., 1901 г. Ц. 30 к.

Ларошфуко. Мысли, изреченія и поученія. Издан. А. С. Суворина. Спб., 1901 г. Ц. 15 к.

Левитовъ, И. Желтая Россія.

La Bruêyere. Les caractères ou les moeurs de ce siècle. Изд. книжн. маг. В. Думнова. М., 1901 г. Ц. 55 к.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. Вып. VIII и IX. Изд. книж. маг. „Книжное дѣло“. М., 1901 г.

Нусбаумъ, I, проф. Основы біологіи или науки о живыхъ существахъ. Перев. съ польск. В. И. М. Изд. Маноцковой. М., 1901 г. Ц. 80 к.

Павловъ, Ѳ. За десять лѣтъ практики. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1901 г. Ц. 50 к.

По, Эдгаръ. Поэмы, сказки. Т. I. Переводъ съ англійск. К. Д. Бальмонта.

Издан. книгоиздательства „Скорпіонъ“ М., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рёскинъ, Джонъ. 1) Оливковый вѣнокъ. 2) Лекціи объ искусствѣ. М., 1900 г.

Рыболовство въ Россіи въ 1900 году. Изд. М. З. и Г. И. Департаментъ земледѣлія. Спб. Ц. 40 к.

Семеновъ, Вл. На дальнемъ востокѣ. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, Ал. Склирена. Ист. повѣсть. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1901 г.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1899 годъ. Херсонъ, 1901 г.

Стенографическій отчетъ XXXVI очередного Новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Съ 30 ноября по 14 декабря 1900 года. Новгородъ, 1901 г.

Томсонъ, Дж. А. Жизнь животныхъ. Часть III и IV. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. М., 1901 г. Ц. 35 к.

Тридцатилѣтіе дѣятельности Черниговскаго городского общественнаго управленія 1870—1901 гг. съ очеркомъ исторіи города Чернигова. Черниговъ, 1901 г.

Уордъ, Л. Очерки соціологіи. Перев. съ англ. Е. И. Бошнякъ. Изд. книжн. магаз. „Книжное дѣло“. М., 1901 г. Ц. 1 р.

Шараповъ, Сергѣй. Посѣвы. Вып. VIII. Т. III. М., 1901 г. Ц. 30 к.

Шверинъ, Т. Роль голоданія при развитіи эпидемій. Воронежъ, 1901 г.

Шопенгауэръ, Артуръ. Полное собраніе сочиненій въ перев. и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. II, III, IV и V. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. М., 1901 г.

Щегловъ, Ив. Добродушные разсказы. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

1900 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб., 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Черный воронъ". *А. А. Измайлова.*—„Сны". *С, С. Антонова.*—„У моря". *Николая Юровскаго.*—„Около жизни". Разсказы, очерки и наброски. *Кн. Б. А. Щетинина* 202

Публицистика: „Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи и комитета по постройкѣ народнаго театра".—„Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ". Отчетъ 1899 г.—„Не по торному пути". *А. А. Мертваго* 205

Философія, педагогика: „Исторія новой философіи". *Куно Фишера.* Т. IV.—„Человѣческое, слишкомъ человѣческое". *Ф. Ницше.*—„Черезъ нѣсколько вѣковъ". *О. Обломіевской.*—„Сезамъ и Лилія". *Джона Рёскина.*—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи". Проф. д-ра *А. Шилтова.*—„Опытъ упрощенія жизни". *Г. Д. Торо.* — „Новое воспитаніе". *Эдмонда Демолена* 207

Исторія, исторія литературы, біографіи: „Исторія культуры". *Р. Гюнтера.* Перев. съ нѣм.—„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ". *В. А. Жуковскаго.*—„Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго".—„Древняя русская литература кіевскаго періода XI—XIII вв.". Проф. *Владимірова.*—„Труды Я. К. Грота". Т. III. — „Шекспиръ, его жизнь и произведенія". Георга Брандеса. Перев. *В. М. Спасской и В. М. Фриче.* — „Новый интерлюдій XVIII в.". *В. Миллера.*—„Исторія и поэзія". Историко-литературные этюды. *Мизинова.*—„А. Н. Островскій и его дореформенные типы". *Ѳ. Нелидова.* — „Русская поэзія". Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Вып. VII. — „Сочиненія". *А. С. Хомякова.* I—VI. VIII. — „Сочиненія". *Ю. Ѳ. Самарина.* I. 2-е изд.—„Очерки и оисторіи грузинской словесности". *А. С. Хаханова* 213

Археологія, этнографія: „Матеріалы по археологіи Кавказа". *Гр. Уваровой.* Вып. VIII.—„Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь". Этнографическій очеркъ. Сост. *Ѳ. А. Михайловъ.* — „Ингуши". Антропологическій очеркъ. Д-ра *И. И. Пантюхова* 220

Политическая экономія: „Соціальныя проблемы". *Эд. Бернштейна.*—„Организація труда и трудящихся". *Вернера Зомбарта* 222

Естествознаніе: „Ойкологическая географія растеній". Проф. *Е. Варминга.*—„Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій". *А. Щетинскаго.* — „Papports présentés au Congrès international de Physique reuni à Paris en 1900 sous les auspices de la société française de Physique, rassemblés et publiés par Ch. Ed. Guillaume et U. Poincaré". 225

Медицина: „Основы электродіагностики и электротерапіи. Краткое руководство для врачей и студентовъ". *Коротнева.*—„Франценсбадъ и его лѣчебныя средства". *Леопольда Фелльнера* 227

Учебники, книги для дѣтей: 1) „Утро". Букварь. 2) „Утро". Первая книга для чтенія послѣ букваря. 3) Методика звукосліянія". Руководство къ букварю и первой книгѣ для чтенія „Утро". Составл. кружкомъ народныхъ учителей.—„Русская азбука съ приложеніемъ письменныхъ упражненій и церковно-славянскаго букваря". *В. М. Нохратскаго.*—„Первая книжка сказокъ для дѣтей младшаго возраста". Изд. *М. Ѳ. Тихомирова.*—„Доступная библіотека". Пѣсни родины. Сборникъ стихотвореній. Вып. I, II, III. Изд. *М. Ѳ. Тихомирова.*—„Городокъ". Сказка. *Н. Юрьина.*—„Хижина дяди Тома". Бичеръ-Стоу. Перев. *О. Н. Поповой.*—„Роза и Віолетта". Перев. съ франц. *Н. Дьякова.*—„Въ Центральной Азіи". Путешествіе Свена Гедина. Излож. *А. Анненской.*—„Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ". Сост. *Д. Котляръ* 228

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *май.*—„Міръ Божій", *іюнь* 230

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1901 г.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

находящіяся въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли»:

Москва, Больш. Никитская, Леонтьевскій пер., домъ № 2.

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.
II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.
III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 р.
IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета Министерств. Народн. Просв. допущена въ народныя библіотеки и читальни.
VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.
VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. Ив.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.
IX. **Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.
XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.
XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.
XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.
XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп.
II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.
III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.
V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.
VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.
VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.
VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к.
IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.
X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.
XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.
XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.
Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 руб.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Его же. Маленькій приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Кармень Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е. удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юно́ша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 к.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьной гигіенѣ.

Д-ра Ф. Л. Кастерскаго. Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*) 92 стр. Ц. 20 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розегеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Въ книжномъ магазинѣ „Русской Мысли“ (Москва, Леонтьевскій пер., д. Халатова) продаются съ уступкой 20% съ означенной ниже номинальной цѣны слѣдующія книги:

Абрамовъ. Духовное завѣщаніе. Ц. 25 коп.
— Наслѣдство. Ц. 25 к.
— Пріобрѣтеніе и отчужденіе. Ц. 25 к.
— Аренда и наемъ. Ц. 25 к.
— Что сдѣлало земство. Ц. 2 р.

Абозинъ. Птицеводство. Ц. 5 р. 50 к.

Авенаріусъ. Образцовыя сказки. Ц. 1 р. 50 к.
— Сказка о муравьѣ. Ц. 40 к.
— Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Ц. 2 р. 25 к.

Аверкіевъ. Вѣчу не быть. Ц. 2 р.
— Повѣсти изъ современ. быта. Т. I. Ц. 2 р.; т. II—1 р. 50 к.; т. III—2 р.
— Повѣсти изъ старин. быта. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., т. II—2 р.
— Бесѣды объ огородѣ. Ц. 25 к.

Агафоновъ. Настоящее и прошлое земли. Ц. 2 р.

Айволи. Гигіена возмужалости. Ц. 40 к.

Аксаковъ. Семейная хроника. Ц. 1 р. 75 к.
— Дѣтскіе годы Багрова-внука. Цѣна 1 р. 25 к.

Акты, относящ. къ исторіи. Южн. и Зап. Россіи. Т. I. Ц. 2 р. 85 к., т. II—2 р., т. III—4 р., т. IV—2 р., т. V—2 р. 85 к., т. VI—2 р. 85 к., т. VII—2 р. 85 к., т. X., дополненіе къ т. III—2 р., т. XV, дополненіе къ т. IV—2 р.

Александровъ. Русско-англійскій словарь. Ц. 5 р.
— Англо-русскій словарь. Ц. 5 р.

Алексѣевъ. Древне-греческ. поэты. Ц. 3 р.
— Римскіе поэты. Т. I. Ц. 2 р.
— Руссо. Ц. 2 р. 50 к.
— Русское государств. право. Ц. 2 р. 50 к.

Аллендорфъ. Переводы съ русскаго на нѣмецк. Ц. 80 к.

Алленъ. Жизнь растеній. Ц. 60 к.

Альбовъ. На точкѣ. Ц. 75 к.

Альбомъ выставки въ память Бѣлинскаго. Ц. 1. 75 к.

Album illustré. La Russie et les russes. Ц. 30 к.

Album des shefs d'oeuvre de l'art. Ц. 6 р.

Album. Le panorama Salon. 1896 г. Ц. 9 р. 50 к.

Album. Le panorama Salon. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Album des enfants sages. Ц. 1 р. 75 к.

Album Universel. Ц. 30 к.

Album. La France, aquarelles. Ц. 30 к.

Album. Autour du monde. Ц. 30 к.

Альгренъ. Деньги. Ц. 60 к.

Альдисъ. Смотри на небо. Ц. 50 к.

Анне. Практ. руковод. къ устр. электр. освѣщ. Ц. 1 р. 50 к.

Анненковъ. Система русск. гражд. права. Т. I. Ц. 4 р., т. II—4 руб. т. III—3 р.

Антоній, архіеп. Изъ ист. христ. проповѣди. Ц. 3 р.

Аристовъ. Смуты въ правл. царевны Софіи. Ц. 1 р. 25 к.
— Христоматія по русской истор. Цѣна 3 руб.
— Промышленность древней Руси. Ц. 1 р. 50 коп.

Аристотель. Истор. афинск. госуд. устройства. Ц. 2 р.

Аріостъ. Роландъ. Ц. 4 р.

Архангельская. Давидъ Копперфильдъ. Ц. 65 к.

Ауэрбахъ. Деревенскіе разсказы. Ц. 40 коп.
— Три единственныя дочери. Ц. 1 р.
— Вальдфридъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ауэревальдъ. Ботаническія бесѣды. Ц. 3 руб.

Афанасовичъ. Плодовый садъ. 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ. Собраніе сочиненій. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.
Балобанова. Рейнскія легенды. Ц. 1 р. 40 к.
Бальзакъ. Сочиненія. 14 т. Ц. 7 р.
— Сочиненія. Тома I, IV, XIV—по 50 к. за томъ.
— Женщина. Ц. 50 к.
Бальфуртъ - Стьюртъ. Краткій учебникъ физики. Ц. 2 р.
Бантышъ-Каменскій. Источникъ малорос. исторіи. Ц. 3.
Барацъ. Задачи вексельной реформы. Ц. 1 р. 50 к.
— Курсъ коммерческ. корреспонденцій Ц. 2 р. 50 к.
Барановъ. Географія. Ц. 1 р.
— Наше родное. Ч. I. Ц. 30 к., ч. II и III—45 к., ч. II—40 к., ч. III—60 к.
Барсовъ. Исторія изслѣдованія. Ц. 2 руб.
— Очерки русской историч. географіи. Ц. 3 р. 50 к.
Бахъ. Упругость и крѣпость матеріала. Ц. 5 руб.
Бахметьевъ. Разсказы изъ исторіи христ. церкви. 2 ч. 1 р. 75 к.
Бахтіаровъ. Брюхо Петербурга. Ц. 1 р. 50 к.
— Пролетаріатъ. Ц. 1 р.
— Историч. книги на Руси. Ц. 1 р. 50 к.
Блиновъ. Толковая книга о сельскомъ управленіи. Ц. 8 к.
Бокль. Истор. цивилиз. въ Англіи, изл. Нотовичемъ. Ц. 50 к.
Бородинъ. Процессъ оплодотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
Брандесъ. Литературные портреты. Ц 1 р. 25.
Брентано. Причины эконом. разстройства. Ц. 15 к.
Брэмъ. Охранители и истребители лѣса. Ц. 40 к.
— Жизнь животныхъ. Тома: I, II, III, IV, VI, VII, VIII, IX, X. Цѣна каждому тому по 6 руб.
Бретъ-Гартъ. Сочиненія. Т. I—VIII. Ц. 4 р.
Брыкаловъ. Географія. Кн. I. Ц. 50 коп.
Булгаковъ. О рынкахъ. Ц. 1 р. 25 к.
Бунаковъ. Хрестоматія. Ц. 60 к.
Бутлеровъ. Пчеловодство. Ц. 5 к.
— Какъ водить пчелъ. Ц. 10 к.
Бухъ. Политическая экономія. Ч. I. Ц. 2 руб.
Буссенаръ. 10,000 лѣтъ въ ледяной глыбѣ. Ц. 60 к.
Бьернстьернъ-Бьернсонъ. Сочиненія. Т. VI. Ц. 35 к.
Бѣлоголовый. Воспоминанія. Ц. 1 р. 50 коп.
Бѣлоусовъ. Переселеніе крестьянъ. Ц. 10 коп.
Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Ц. 2 р.
Вэрдъ. Реформація XVI в. Ц. 1 р. 25 к.
Вальтеръ - Скоттъ. Сочиненія. Т. I—XIII. Ц. 7 р.
Варбъ. Одно изъ нашихъ просвѣтит. учрежд. Ц. 40 к.
Веббъ, С. и Б. Трэдъ - юніонизмъ. Ц. 2 р. 50 к.
Веберъ. Всеобщая исторія. Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, XI, XV—ч. 1-я, XV—ч. 2-я. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.
— Двигатели и приводы. Съ атласомъ. Ц. 5 р.
— Плуги, бороны. Съ атласомъ. Ц. 3 р.
— Канатное и веревочное производства. Ц. 75 к.
— Нужды народнаго хозяйства. Ц. 50 к.
— Корзиночное производство. Ц. 75 к.
— Руководство къ маслобойному производству. Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы о фабрикахъ и заводахъ. Ц. 60 к.
— Понемногу обо всемъ. Ц. 60 к.
Вегетерьянецъ. Вторая недѣля обѣдовъ. Ц. 10 к.
Вейсъ. Внѣшній бытъ народовъ. Т. I, ч. 2-я. Ц. 4 р.
Величкина. Швейцарія. Ц. 50 к.
Венгеровъ. Критико-біографич. словарь. Ч. I. Ц. 5 р. 25 к.
— Литературныя характеристики. Цѣна 1 р. 50 к.
— Русскія книги. Ц. 5 р. 25 к.
Вергилій. Энеида. Пѣснь 1-я, кн. III. Ц. 35 к.
Вересаевъ. Конецъ Андрея Ивановича. Ц. 50 к.
Вертоградскій. Сборникъ статей. Ц. 45 к.
Винбергъ. Виноградарство. Ц. 2 р. 50 к.
Висковатовъ. Какъ люди научились писать. Ц. 8 к.
Вормсъ. Общественныя организаціи. Ц. 75 к.
Вотье. Мѣсное управленіе Англіи. Ц. 2 р.
Гааке. Происхожденіе животн. міра. Вып. I—ц. 50 к., в. II—ц. 50 к., в. III—IV—ц. 1 р., в. V—VI—ц. 1 р., в. VII—IX—ц. 1 р. 50 к., в. X—XII—ц. 1 р. 50 к., в. XIII—XV—ц. 1 р. 50 к.
Гамсунъ. Голодъ. Ц. 60 к.
Гардинеръ. Пуритане. Ц. 1 р. 75 к.
Гаршинъ, Вс. Первая книга разсказовъ. Ц. 1 р.
Гейне. Собраніе сочиненій. Ц. 1 р. 75 к.
Гербель. Русскіе поэты. Ц. 3 р.
Гервинусъ. Автобіографія. Ц. 1 р. 50 к.
Герцъ. Аграрный вопросъ. Ц. 80 к.
Гернесъ. Исторія первобыт. человѣчества. Ц. 50 к.
Герасимовъ. Первое знакомство съ физикой. Ц. 50 к.
Гёте. Собраніе сочиненій. Ц. 15 р.
— Фаустъ. Перев. Маклецовой. Цѣна 1 руб.

Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
— Исторія всеобщей литературы. Изд. 1872 г. Т. III, кн. I. Ц. 2 р.
Гиггсъ. Физіократы. Ц. 50 к.
Гиддингсъ. Основ. соціологіи. Ц. 1 р.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III—IV. Ц. 4 р.
Гофманъ. Сочиненія. Т. I—VI. Ц. 3 р.
— Ботаническій атласъ. Разные выпуски. Ц. 1 р.
Гоголь. Собраніе сочиненій. Въ 5-ти т. Ц. 6 р.
— Шинель. Ц. 25 к.
Градовскій. Государственное право. Изд. 1895 г. Ц. 3 р.
Грей Грехэмъ. Ж. Ж. Руссо. Ц. 1 р.
Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Ц. 1 р. 50 к.
Григоровичъ. Прохожій. Ц. 40 к.
— Пахарь. Ц. 30 к.
— Четыре времени года. Ц. 50 к.
— Сочиненія. 12 т. Изданіе Мартынова. Ц. 6 р.
— Сочиненія разныхъ томовъ. Ц. 50 к.
Григорій митрополитъ. День св. жизни. Ц. 30 к.
Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Т. II. Ц. 70 к.
Гроссъ. Экономическ. систем. Карла Маркса. Ц. 20 к.
Грушевскій. Первая учебная книга церков.-слов. языка. Ц. 35 к.
Гусевъ. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Ц. 1 р.
Гюббенетъ. Дѣло патріарха Никона. 2 т. Ц. 5 р.
Гюйо. Собраніе сочиненій. Т. I. Ц. 2 р.
Дарвинъ. Сочиненія. Т. I, ч. 1 и 2; т. II. Ц. 4 р. 50 к.
Делоръ. Регрессивная эволюція. Цѣна 1 р. 25 к.
Диккенсъ. Сочиненія. Изд. Пантелѣева. Т. I—XXVI. Ц. 10 р.
— Сочиненія разныхъ томовъ. Ц. 50 к. за томъ.
Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.
Егоровъ. Русская грамматика. Ц. 10 к.
Елагинъ. Куры. Ц. 25 к.
Ермиловъ. Царь-Освободитель. Ц. 5 к.
— Поэзія Некрасова. Ц. 15 к.
Ершовъ. Конекъ-Горбунокъ. Ц. 20 к.
Жираръ. Улучшеніе культур. картоф. Ц. 20 к.
Житковъ. Методика ариемет. Ц. 75 к.
Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. 15 т. Ц. 7 р.
Жуковскій. Одиссея. Ц. 1 р.
Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа. Ц. 1 р. 25 к.
Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Ч. 1-я—ц. 4 р., ч. 2-я—ц. 3 р. 25 к.
Зейфертъ. Латинская грамматика. Ц. 1 р. 25 к.
Зерновъ. Описательн. анатомія. Ч. I—ц. 4 р., ч. II—ц. 2 р., ч. II, изд. 4-е—ц. 2 р. 50 к., ч. III, изд. 4-е—ц. 2 р. 75 к., ч. III, изд. 5-е—ц. 2 р. 75 к.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Ц. 1 р. 50 к.
Зобовъ. Бесѣды о природѣ. Ц. 50 к.
Золотаревъ. Гигіена брака. Ц. 30 к.
— Борьба съ развратомъ. Ц. 30 к.
— Супружескія измѣны. Ц. 30 к.
— Родительскія заботы. Вып. I—ц. 30 к., вып. II—ц. 30 к., вып. III—ц. 25 к.
— Половая мнительность. Ц. 25 к.
— Мимолетныя связи. Ц. 30 к.
Золя. Сочиненія. Т. I—XXIII. Ц. 10 р.
Зубковъ. Упражненія въ перев. съ русск. на латинск. Ц. 1 р.
Игнатовичъ. Учебникъ французскаго языка. Ч. I. Ц. 30 к., ч. II—60 к., ч. III—1 р. 25 к.
— Ключъ къ учебн. франц. языка. Ч. I. Ц. 30 к., ч. II—35 к., ч. III—60 к.
Иловайскій. Древняя исторія. Ц. 75 к.
— Всеобщая исторія. Ц. 1 р.
— Сокращ. руковод. по всеобщ. и русск. исторіи. Ц. 75 к.
— Средніе вѣка. Ц. 60 к.
Ильинъ. Географическій атласъ. Ц. 60 к.
— Атласъ Россіи. Ц. 2 р.
Ингремъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к.
Иностранцевъ. Геологія. Ц. 4 р. 50 к.
Исторія труда. Ц. 1 р. 50 к.
Іегеръ. Всеобщая исторія въ 12 т. Ц. 16 р., въ 4 т.—20 р.
Іерингъ. Гражданскіе и правов. казусы. Ц. 1 р. 50 к.
— Духъ римскаго права. Ц. 2 р. 25 к.
Іолли. Народное образов. въ разныхъ стран. Европы. Ц. 1 р.
Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Ц. 4 р.
— Очеркъ юрид. отношеній. Ц. 2 р.
— Сочиненія. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., т. II—4 р., т. IV—4 р.
Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ. Ц. 50 к.
Каллашъ. Изъ исторіи русск. школы. Ц. 50 к.
Карпентеръ. Основанія физіолог. ума. Ц. 4 р.
— Современная наука. Ц. 15 к.
Карѣевъ. Роль идей. Ц. 20 к.
— Исторія Запад. Европы. Т. II, в. III. Ц. 2 р., т. II, в. IV—1 р. 50 к., т. II—3 р. 50 к., т. III, I—VI вып.—9 р., т. III, в. V—1 р. 50 к., т. IV—4 р., т. V—5 р.
— Введеніе въ соціологію. Ц. 2 р. 40 к.
— Выборъ факультета. Ц. 50 к.
— Мысли о сущн. обществен. дѣятельности. Ц. 50 к.
— Введеніе въ курс. истор. древн. міра. Ц. 80 к.
— Старые и новые этюды. Ц. 1 р.

— Мысли объ основ. нравственности. Ц. 50 к.

Кейзеръ. Краткая нѣмецкая грамматика. Ч. II. Ц. 1 р., ч. III, отд. I—75 к., ч. III, отд. II—Ц. 50 к.

— Сборникъ статей. Ц. 1 р.

Кейнсъ. Предметъ и методъ политич. экономіи. Ц. 50 к.

Кейръ. Воображеніе и память. Ц. 40 к.

Келлеръ. Жизнь моря по X-й вып. Ц. 6 р.

Кернеръ. Жизнь растеній. В. I. Ц. 50 к., в. II и III—1 р., в. IV—V—1 р., в. VI и VII—1 р., в. VIII—X—1 р. 50 к., в. XI—XIII—1 р. 50 к., в. XIV—XV—1 р., в. XVI—XVII—1 р., в. XVIII—XX—1 р. 50 к., в. XXI—XXIII—1 р. 50 к., в. XXIV—XXVI—1 р. 50 к., в. XXVII—XXVIII—1 р., в. XXIX—XXX—1 р.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Ц. 1 р. 50 к.

— Астрономическ. вечера. Ц. 2 р.

Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ. Ц. 2 р.

— Пособіе по русской исторіи. Ц. 50 к.

Козловъ. Проекты, планы и фасады школъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кольцовъ. Стихотворенія. Ц. 20 к.

Комаровъ. Ариѳметич. задачникъ. В. I. Ц. 15 к., в. II—20 к.

— Методическое рѣшеніе ариѳмет. задачъ. Ц. 40 к.

Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1879 гг. Ц. 3 р.

— Пропорціональн. выборы. Ц. 60 к.

— Лекціи по общей теоріи права. Ц. 2 р.

— Русское государственное право. Т. 1. Ц. 3 р.

— Исторія философіи права. Ц. 2 р. 50 к.

Корнель. Географія. Ц. 1 р. 25 к.

Костомаровъ. Русская исторія. Т. 1. Ц. 3 р. 50 к., т. II—2 р., продолженіе—1 р. 60 к.

— Холуй. Ц. 1.

— Сѣверо-русское народоправство. Ц. 4 р.

— Лекціи по русской исторіи. Ц. 50 к.

— Историч. монографіи. Т. III. Ц. 2 р. 50 к., т. XII. Ц. 2 р. 50 к., т. XIV—2 р. 50 к.

Крафтъ-Эбингъ. Нашъ нервный вѣкъ. Ц. 1 р.

Крживицкая. Антропологія. Ц. 1 р. 50 к.

Кроль. Философская основа эволюціи. Ц. 75 к.

Кругловъ. На чужомъ полѣ. Ц. 1 р.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Отъ V—VII кн. Ц. 1 р., кн. II—IV—60 к., кн. I—II—40 к.

— Анабазисъ. Ц. 1 р. 80 к.

Лаврентьевъ. Новый сборникъ пьесъ. Ц. 2 р.

Лакомбъ. Соціальн. основы исторіи. Ц. 1 р. 50 к.

Лассаръ-Кона. Химія обыденной жизни. Ц. 1 р.

Лермонтовская библіотека.

Липпертъ. Исторія культуры. Ц. 1 р. 60 к.

— Исторія семьи. Ц. 60 к.

Локіоръ. Уроки астрономіи. Ц. 1 р. 75 к.

Лоскутовъ. Духовный процессъ. Ц. 1 р.

Лубенецъ. Зернышко. Ч. I. Ц. 30 к., ч. II—40 к.

— Руководство къ зернышку. Ц. 50 к.

— Руководство къ церк.-славянскому букварю. Ц. 15 к.

— Церковно-славянскій букварь. Ц. 5 к.

— Письмен. самостоят. работы. Ц. 15 к.

— Методика ариѳметики. Ц. 30 к.

Лякаде. Въ добрый часъ. Ц. 75 к.

Марксъ. Капиталъ. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.

Массонъ. Сборникъ статей. Ц. 75 к.

Мей. Систематъ. упражнен. въ переводѣ. Ц. 60 к.

Мейеръ. Рабство въ древности. Ц. 40 к.

— Экономическое развитіе древ. міра. Ц. 60 к.

— Міроздаиіе. № 1—ц. 60 к., № 2—ц. 60 к., № 3—4—ц. 1 р. 20 к., № 5—7—ц. 1 р. 80 к., № 8—10—ц. 1 р. 80 к., № 11—13—ц. 1 р. 80 к., № 14—15—ц. 1 р. 80 к.

Милль. Система логики. 7 вып. Ц. 5 р.

— Представительн. правленіе. Ц. 60 к.

Милюковъ. Очерки русской культуры. Ч. I—ц. 1 р., ч. II—1 р. 50 к.

Мининъ. Сборникъ тригонометрич. задачъ. Ц. 85 к.

— Сборникъ ариѳметич. задачъ. Ц. 90 к.

Мительштейнеръ. Учебникъ нѣмец. языка. Ч. I—ц. 35 к., ч. II—ц. 1 р.

Михайловъ. За предѣлами исторіи. Ц. 30 к.

Михайловскій. Литературныя воспоминанія. Ц. 2 р.

— Литература и жизнь. Ц. 1 р.

Міасковскій. Проблема распредѣленія земельной собственности. Ц. 30 к.

Народонаселеніе. Изданіе Водовозовой. Ц. 1 р. 50 к.

Неймайръ. Исторія земли. Т. I, вып. 2—ц. 50 к., вып. 3—4—ц. 1 р., вып. 5—6—ц. 1 р., вып. 7—8—ц. 1 р., вып. 9—10—ц. 1 р., вып. 11—12—ц. 1 р вып. 13—15—ц. 1 р., вып. 16—18—ц. 1 р. 50 к., вып. 19—21—ц. 1 р. 50 к., вып. 22—24—ц. 1 р. 50 к., вып. 25—27—ц. 1 р. 50 к., вып. 28—30—ц. 1 р. 50 к.

Ниддъ. Соціальное развитіе. Ц. 75 к.

— Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинъ. Сочиненія. Школьное изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

— Кулакъ. Ц. 80 к.

Нитти. Народонаселеніе. Ц. 1 р. 25 к.

Ніоде. Электрическіе элементы. Ц. 2 р.

Объясненія символа вѣры. Ц. 20 к.

Овидій. Избран. басни, шутки и метаморфозы. Ц. 60 к.
— Избран. басни, шутки и метаморф. Ц. 40 к.
Овсяниковъ. Уралъ. Ц. 8 к.
Овчинниковъ. Первые христіане на Руси. Ц. 10 к.
Острогорскій. Изъ міра великихъ преданій. Ц. 75 к.
— Илья муромецъ. Ц. 8 к.
— Первобыт. лѣса. Ц. 10 к.
Очерки изъ эконом. и соціальн. исторіи. Ц. 1 р. 75 к.
Павловъ. Руководство къ русскому слову. Ц. 60 к.
Павловскій. Нѣмецко-русскій словарь. Ц. 8 р.
— Русско-нѣмецкій словарь. Ц. 8 р.
Павоне. Гигіена нервныхъ страданій. Ц. 50 к.
Петрушевскій. Разсказы про Петра Великаго. Ц. 50 к.
— Разсказы про старое время на Руси. Ц. 75 к.
Погожевъ. Фабричный бытъ. Ц. 1 р.
Погосскій. Дѣдушка Назарычъ. Ц. 20 коп.
— Сибаритка. Ц. 80 к.
— Неспособный человѣкъ. Ц. 80 к.
— Неспособный человѣкъ. Ц. 25 к.
— Старики. Ц. 20 к.
Покровскій. Воспитаніе дѣтей. Цѣна 6 руб.
— Дѣтскія игры. Ц. 2 р.
Politikos. Европейскіе монархи. Ц. 1 руб.
Полланъ. Психологія характера. Ц. 75 коп.
Полевой. Художественная Россія. Ц. 5 руб.

Вышла іюльская книжка 1901 года (№ 7) ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Тридцать третій годъ изданія.

Содержаніе іюльской книжки (№ 7) „Дѣтскаго Чтенія“ 1901 года:

I. Николай Михайловичъ Карамзинъ—исторіографъ государства Россійскаго,—портретъ на отдѣльной страницѣ.—II. Самъ себѣ помогай!... Повѣсть. (Посвящается Еленѣ Николаевнѣ Тихомировой). 17. Надо привыкать. 18. „Куцый“-побѣдитель. *Вас. Ив. Немировича-Данченко.* Съ рисункомъ *В. В. Спасскаго.*—III. На югѣ. 1. Утро. 2. У залива. 3. Вечеръ. Стих. *Ив. А. Бунина.*—IV. Сильверскаркій школьникъ. Разсказъ. *Джемса Пайна.* 1. Путешествіе. 2. Прибытіе. Съ англійскаго. *А. Брадке.*—V. Три березы. Стих. *Л. М. Медвѣдева.* Съ рисункомъ *А. А. Кучеренко.*—VI. Дѣтскіе годы паныча Ивасика Крачeнко. Отрывокъ изъ малороссійской повѣсти „Наша доля—Божа воля“. Гл. V и VI. *Д. И. Еварницкаго.* Съ рисункомъ *Вл. Ив. Андреева.*—VII. Приключенія маленькой лэди. Разсказъ *м-съ Джемисонъ.* XVI. Пепси ревнуетъ. XVII. Танцовальный учитель лэди Джэнъ. Съ англійскаго *А. Н. Рождественской.*—VIII. Докторъ Штокманъ. Разсказъ по *Ибсену.* IV. Открытая война. V. Стадо. *А. А. Смѣпцова.*—IX. О добываніи хлѣба насущнаго. Историческій очеркъ. Гл. I. Хлѣбныя растенія жаркаго пояса и ихъ значеніе въ исторіи человѣчества. *Е. П. А.* Съ четырьмя рисунками.—X. Исторіографъ государства Россійскаго. Къ семидесятипятилѣтію со дня кончины Н. М. Карамзина. *Н. А. Зимченко.*—XI. Народолюбецъ—душа-человѣкъ. Памяти С. В. Максимова. *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.* Съ портретомъ С. В. Максимова.—XII. Изъ современной русской жизни. Въ деревнѣ. *А. Энгельмейера.*—XIII. Изъ литературы и жизни. Отчего лотосъ сталъ голубымъ. Индійская сказка. *Е. Т.*—XIV. Странички изъ жизни людей труда и добраго дѣла. 1. Подвигъ генерала Буллера. 2. Любовь къ матери. 3. Другъ несчастныхъ. 4. Роза Гавана, основательница женскихъ общинъ. *Е. Т.*—XV. Смѣхъ, не грѣхъ,—веселыя странички.—Географическія шарады.—Шуточные вопросы.—Энигма.—Омонимы.—Задача буквъ.—Бѣшеный бумажный змѣй, въ пяти рисункахъ.—XVI. Отдѣльные рисунки: На жнивѣ (стр. 120), Палатка бедуиновъ (стр. 130).

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересылкой 5 р., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкой 2 руб. Плата за объявленія: за страницу 20 р., $^1/_2$ стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ — 30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Дм. Ив. Тихомировъ.*

1901 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XII.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общ., на 1901 г.

Вышла III-я книга (май—іюнь) 1901 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: „Ученіе Канта о правѣ и государствѣ". — П. И. Новгородцева. „Опытъ научно-философской религіозной и соціальной доктрины". — Ив. Иванова. „Гносеологія Риля".—П. В. Тихомирова. „А. А. Козловъ и его панпсихизмъ".—Н. Лосскаго. „Протагоръ Платона въ связи съ развитіемъ его нравственной мысли". — Кн. С. Н. Трубецкого. „Схоластика какъ культурно-психологическое явленіе".—Н. В. Теплова. „Марксизмъ и критическая философія".—А. Живелегова. „Критика и библіографія". „Извѣстія и замѣтки". Объявленія.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города — 7 р., за границу — 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер. д. Соловьевой, и книжныхъ магазинахъ „Русской Мысли", „Новаго Времени", Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторы: Кн. С. Н. Трубецкой и Л. М. Лопатинъ.

Флаконъ 75 коп.

Зубной

Эликсиръ

САЛОЛЪ

Товарищество

БРОКАРЪ и К°.

НОВѢЙШЕЕ

Антисептическое

СРЕДСТВО.

Разрѣшено Московскимъ Врачебнымъ Управленіемъ какъ несодержащій въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

№ 8124.

Правительств. Вѣстникъ № 281—1899

Н. С. НИКОЛЬСКІЙ, МОСКВА.

Флаконъ 75 коп.

Вышли НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
редакціи журнала „Русская Мысль“:

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историч. ром. **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова.**
Цѣна 1 р. 50 к.

И. А. Данилинъ.
ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Шутка.—Въ мастерской.—Передъ праздникомъ.—Зуда.—Мечтатели.—Выборы.—Искра любви.—Изъ записокъ чернорабочаго. **Ц. 1 р.**

Н. Анненкова-Бернардъ (Н. П. Дружинина).
РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ.

Петля.—Юбилей актрисы.—Кàра.—Незабвенная.—Она.—Сны.—Горемычная.—Крестныя.—Не хотѣлъ. **Ц. 1 р. 50 к.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1901 ГОДУ

на ежедневную общественно-литературную и политическую газету

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Нижегородскій Листокъ“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время широкое мѣсто интересамъ государственной и общественной жизни всей Россіи.

Въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, А. Е. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), Н. А. Граціановъ, С. И. Гриневицкій, С. А. Духовской, Е. М. Ещинъ, А. И. Звѣздинъ, Ивановичъ, П. П. Кащенко, Г. Р. Килевейнъ, Вл. Г. Короленко, П. И. Кошевичъ, А. А. Мосолова, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій). А. А. Савельевъ, Н. А. Скворцовъ, К. М. Станюковичъ, Ф. П. Хитровскій, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ и А. Н. Шмидтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1901-й ГОДЪ.

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
Для городск. подписчиковъ.	р. к. 1 —	р. к. 1 25	р. к. 1 50	р. к. 2 —	р. к. 2 50	р. к. 3 —	р. к. 3 50	р. к. 4 —	р. к. 4 50	р. к. 5 —	р. к. 5 50	р. к. 6 —
Для иногородн. подписчиковъ.	1 25	1 50	2 —	2 75	3 50	4 —	4 50	5 —	5 50	6 —	6 50	7 —

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ: Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: городскіе подписчики при подпискѣ уплачиваютъ 1 р., иногородніе—при подпискѣ 1 р. 50 к.; затѣмъ тѣ и другіе вносятъ не менѣе 50 к. ежемѣсячно, начиная съ января 1901 года до уплаты всей подписной суммы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ **Нижнемъ-Новгородѣ**, въ главной конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Большая Покровка, д. Приспѣшникова. 2) Въ **Москвѣ**. въ отдѣленіи конторы „Нижегородскаго Листка“ при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ **Москвѣ** и **Петербургѣ**, въ конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

17135/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045775936